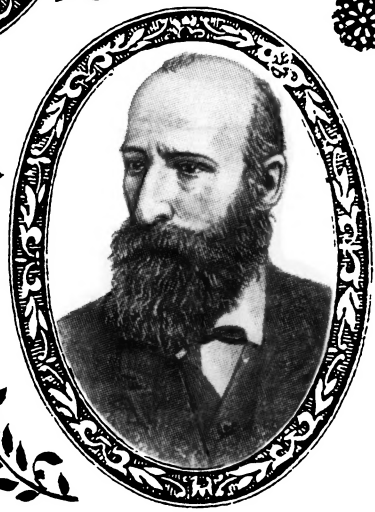
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

А.Н. АФАНАСЬЕВ

*

В.И.ДАЛЬ



А.Н.АФАНАСЬЕВ

Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки,

СОБРАННЫЕ И ОБРАБОТАННЫЕ А.Н.АФАНАСЬЕВЫМ 1857—1862

•

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
О.Б.АЛЕКСЕЕВА, В.И.ЕРЕМИНА,
Е.А.КОСТЮХИН, Л.В.БЕССМЕРТНЫХ

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО К 850-ЛЕТИЮ МОСКВЫ
И ЯВЛЯЕТСЯ
ПЕРВОЙ ПОЛНОЙ ПУБЛИКАЦИЕЙ РУКОПИСИ
А. Н. АФАНАСЬЕВА ЗА 135 ЛЕТ

Художник
Д. ШИМИЛИС

© Институт русской литературы Российской академии наук. Составление, подготовка текстов, предисловие, текстологическая заметка, примечания, словарь диалектных и устаревших слов, 1997.
© Бессмертных Л. В. Статья, 1997.
© Шимилис Д. Б. Художественное оформление, 1997.
© Научно-издательский центр «Ладомир», 1997.

BN 5-86218-239-X

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

ЯДРЕНЫЙ РУССКИЙ ЮМОР

О жизни и деятельности Александра Николаевича Афанасьева (1826 — 1871), о его знаменитом собрании «Народных русских сказок» написано много. Кабинетный ученый, склонный к кропотливым разысканиям, углубленный в мифологию и историю, Афанасьев не был в стороне от общественной жизни своего времени, встречался с А. И. Герценом и готовил для него материалы, за что в конце концов и пострадал. В историю русской культуры Афанасьев вошел как составитель «Народных русских сказок» и «Народных русских легенд», как автор капитального трехтомного исследования «Поэтические воззрения славян на природу». Идеи «Поэтических воззрений» довольно скоро устарели для тогдашней науки, распрощавшейся с романтическими представлениями о народе. Лишь через сто лет они вновь стали актуальными для ученых, погруженных в исследование мифа и ритуала. «Поэтические воззрения славян на природу» были переизданы (в Гааге и в Москве), а специалисты в области славянских древностей заговорили о «научном ясновидении» Афанасьева. Но для большинства русских людей имя Афанасьева связано прежде всего с «Народными русскими сказками».

Собрание это по справедливости признано классическим и заняло в мировой фольклористике должное место наравне с «Детскими и семейными сказками» братьев Гримм, сербскими сказками В. Караджича, норвежскими сказками П. Асбьёрнсона и Й. Му. Огромное по размерам, оно составлено в основном из материалов, полученных Русским географическим обществом из разных уголков России, из присланных отдельными собирателями сказок. Лишь десять сказок записано самим Афанасьевым, собиравшим фольклор в родной Воронежской губернии.

Вышедшее в 1853 — 1863 годах в восьми выпусках, собрание Афанасьева встретило сопротивление цензуры. В письме П. П. Пекарскому (октябрь 1861 г.) Афанасьев сообщает: «Пятый и шестой

выпуски должны были появиться вместе на Божий свет, но мерзопакостная цензура задержала одну книжку; только на днях получил половину рукописи, израненную и обагренную кровавыми чернилами. Все, что искалечено, я вынужден был выбросить вовсе, а затем приступил к печатанью уцелевшего»[1].

Таким образом, за бортом собрания оставались сказки, которые Афанасьев рассчитывал увидеть напечатанными. Но в распоряжении его было много и таких сказок, которые ни при каких обстоятельствах напечатаны быть не могли. Как свидетельствовал сам Афанасьев, получены они были от В. И. Даля. Помимо Даля были у Афанасьева и другие корреспонденты, доставившие сказки такого рода. Так возникла рукопись, озаглавленная Афанасьевым «Народные русские сказки не для печати».

Тем не менее сборник Афанасьева увидел свет, но в усеченном виде: в 1872 году (или чуть раньше) в Женеве была напечатана первая часть рукописи. Издатель объявил: «Мы намерены также издать „Русские заветные пословицы“ и продолжение „Русских заветных сказок“. Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок». Намерение это не осуществилось. Названием своим женевский сборник обязан, по-видимому, Далю: так он озаглавил собрание непристойных пословиц — «Русские заветные пословицы». Оригинал, с которого делалась копия, в печати так и не появился. Читатель имеет возможность познакомиться с ним впервые только в настоящем издании[2].

Итак, о русском «непечатном» фольклоре просвещенный мир мог судить по «Русским заветным сказкам». Рукопись была доставлена за границу сподвижником Афанасьева В. И. Касаткиным. Факт этот твердо установлен Э. В. Померанцевой, опубликовавшей в середине 1960-х годов неизвестные прежде страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева. Здесь находим описание студенческого бунта в 1861 году, одним из руководителей которого был Касаткин. Буслаев вспоминает о его «скандальных подвигах» и, в частности, пишет: «Надобно упомянуть его издание непристойных сказок, доставленных ему Афанасьевым, получившим их вместе с множеством других разнообразных материалов по русской народности из Русского географического общества. Вот заглавный лист касаткинского издания: „Русские заветные сказки. Молим с умилением аще кая неблагоискусна словеса и неблагопристойна или поползновенна некая погрешения в книге сей обрящутся, ни посуждати, ни поносити люботруждающихся. Анфологион, 1643. Валаам. Типографским художеством

[1] Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 75.

[2] Подробно история изданий «Русских заветных сказок» прослежена в статье Л. В. Бессмертных.

монашествующей братии. Год мракобесия"»[1]. Смерть Касаткина в 1867 году объясняет, почему 2-я часть афанасьевской рукописи так и не вышла в свет.

Женевскому изданию предпослана небольшая вступительная заметка, подписанная «Филобибл». Авторство ее не установлено, но можно считать, что это был либо Афанасьев (судя по эрудиции), либо Касаткин (судя по пафосу). Возможен и «компромиссный» вариант: вступительная статья написана Афанасьевым, а отредактирована Касаткиным. Серьезная постановка исследовательских задач на материале, представляющем «обширное поле для сравнения», выдает профессионала, тогда как суждения по поводу сказок о «жеребячьей породе», ярко освещающих «отношения нашего мужичка к своим духовным пастырям», явно принадлежат публицисту.

«Заветные» сказки не были напечатаны на родине в XIX веке по этическим соображениям: подобные непристойности тогда не позволялись. Впоследствии положение несколько изменилось: непристойные сказки и пословицы стали появляться в научных изданиях, не предназначенных для широкого читателя. Таковы, к примеру, «Северные сказки» Н. Е. Ончукова — единственное, по сути дела, в России издание, широко представляющее эротическую тему.

Ситуация вновь изменилась после 1917 года, когда текстам подобного рода путь в печать был наглухо закрыт. Это объясняется не столько, как нам кажется, этическими соображениями, помноженными на преувеличенные представления о воспитательной роли печатного слова, сколько политическими: скабрезные сказки и пословицы резко противоречили внедрявшемуся средствами агитации и пропаганды образу советского народа — строителя коммунизма с его моральным кодексом. Но одна из сторон этого образа — священная ненависть трудового народа к классовому врагу-эксплуататору — как раз способствовала тому, что часть «заветных» сказок, из которых были вымараны «неудобные для печати» слова и фрагменты, увидела свет. Кровными врагами трудового человека были объявлены барин и поп, и некоторые сказки о барах и попах появились в приложении к академическим изданиям «Народных русских сказок» в 1940 и 1985 годах, а наиболее «пристойные» — и в более популярных изданиях: «Поп и мужик», «Барин и мужик» (сборники Ю. Соколова), «Народные сказки о боге, святых и попах» (сборник М. Азадовского). И лишь эпоха перестройки и гласности вызвала к жизни поток переизданий «Русских заветных сказок». Пришло время для публикации рукописи Афанасьева в полном объеме.

---

[1] Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. III. М.: Наука, 1965. С. 159. Титульный лист описан Буслаевым с незначительными погрешностями.

Помимо культурного значения этой публикации (обнародуется то, о чем многие слышали, но никогда не видели), отметим ее несомненную научную ценность. Появление более полутора сотен прежде не публиковавшихся широко (или не публиковавшихся вовсе) русских народных сказок, во-первых, заметно расширяет наше представление о национальном сказочном фонде. Многие сюжеты (и не только «непристойные») становятся известными впервые. Во-вторых, устраняются цензурные искажения, которым подвергались еще в XIX веке напечатанные Афанасьевым «Народные русские сказки». В-третьих, публикация эта не только заполняет белые пятна в истории нашего фольклора, но может существенно изменить представление о русской сказке. Без малого 70 лет назад известный русский фольклорист А. И. Никифоров справедливо говорил о значении «эротических» сказок: «Издания сказок, иногда даже научные, в которые не попадают явления указанного порядка, несомненно грешат тем, что вводят и читателей и исследователей в прямое заблуждение насчет частных особенностей изучаемого материала. Между тем элементы эротики в сказке, будучи учтены и правильно поняты, по-видимому, иногда представляют очень крупную цену для понимания жизни самой сказки...»[1] Действительно, нельзя судить о сказке, не зная ее в полном объеме. И хотя «эротические» сказки занимают скромное место в сказочном фонде, без них этот фонд заведомо не полон.

«Заветные» сказки органично входят в собрание «Народных русских сказок»: многие из них относятся к известным интернациональным сюжетам, записаны в тех же местах, что и «печатные» сказки, изданы так же, как и прочие сказки, — с вариантами и примечаниями, с легкой литературной правкой, которую сохранила рукопись. Единственная их специфическая черта в том, что они оказались неудобными для печати. Неудобными по двум причинам, точно названным Ю. Соколовым: «Резкая социальная сатира, с одной стороны, а с другой — крестьянская прямота и откровенность, не стеснявшаяся самых натуралистических картин и грубых выражений, делали невозможным появление книги в русской печати»[2]. Некоторые сказки «двусторонни»: социальная сатира соединяется с непристойностью.

Оценка «заветных» сказок русской общественностью неоднозначна. Положительная прозвучала еще во вступительной статье к женевскому изданию: сказки эти представлены как единственное в

---

[1] *Никифоров А. И.* Эротика в великорусской народной сказке // Художественный фольклор. IV — V. М., 1929. С. 120 — 121.

[2] *Соколов Ю. М.* Жизнь и научная деятельность Александра Николаевича Афанасьева // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Т. I. М.: Academia, 1936. С. LIV.

своем роде явление, где «в сказочной форме била таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина». Автор предисловия был, однако, готов «ко всякого рода нареканиям и возгласам» по поводу своего издания. Он дождался их через сто лет — от проф. А. И. Гуковского, усомнившегося в народном характере сборника «заветных» сказок и предположившего, что «немалая их часть родилась в лакейской, а не в крестьянской избе»[1].

Не испытывая непреодолимого отвращения к лакеям, происходившим из крестьянской среды и зачастую в нее же возвращавшимся, заметим, что многие эти сказки были знакомы не только российским лакеям, но и далеко за пределами России. Да и в России они обращались, вне сомнения, во всех социальных слоях русского народа: об этом говорит множество их вариантов, записанных не только во времена Афанасьева, но и много позднее, причем прежде всего именно у крестьян. С таким же успехом можно объявить «заветные» сказки солдатскими: еще большая часть их, нежели «лакейская», сложилась не в крестьянской избе, а в казарме. Основательность афанасьевского собрания в том, что оно во всех отношениях универсально, представляя разные социальные группы и разные регионы Российского государства.

Автор предисловия предполагал, что нарекания будут обращены не только к издателю, «но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нимало не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора». В русской культурной традиции народ критиковать не принято, и народные «заветные» сказки нередко берутся под защиту. Между тем они нуждаются не в защите, а в трезвой оценке. Согласимся с В. И. Далем: «Изучение Руси со всех сторон, во всех отношениях, по мнению моему, не должно быть чуждо и постыдно русскому»[2].

Всякому непредубежденному читателю «заветных» сказок ясно: собрание их очень пестро. Здесь есть действительно блестящие образцы народного юмора и сатиры, остроумные пародии, полные пылкой фантазии и игры ума. Но читатель найдет здесь и тексты бездарные, обнаруживающие скудость ума, просто грязные — то, что современный русский человек называет словом «похабель». Что же, народ составляют люди разные — и сказки у них разные. К счастью, таких бездарных сказок в собрании Афанасьева немного, и не они определяют лицо этого в целом замечательного сборника.

---

[1] Вопросы истории. 1967. № 1. С. 186.

[2] *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. Сборник статей и материалов. № 4 — 5. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 368.

Идеологические штампы, в которые отливалось понятие «советский народ», препятствовали не только изданию «соромных» (точное народное определение!) сказок, но и их изучению. Сама тема была лишь однажды поставлена в советской фольклористике — в цитировавшейся уже статье А. И. Никифорова «Эротика в великорусской народной сказке»[1]. Эта тема ждет специальных исследований, которых пока нет.

Как объяснить сам феномен «соромных» сказок — откуда они взялись и каково их место в русской культуре? Можно взглянуть на них с точки зрения социально-исторической, учитывая общее значение эротической темы в народной культуре. Исследователи в таких случаях «смотрят в корень», то есть ищут причины, обращаясь к истокам явления. В нашем случае указывают обычно на календарные обряды. Плодородие земли ставилось в прямую зависимость от плодородия человеческого. Поэтому в земледельческих обрядах проходит сквозная эротическая тема, будь то святочные игры с их имитацией свадьбы, непристойными играми и такими же текстами или летние купальские игры, когда происходило «мужем и отроком великое падение... и женам мужатым осквернение, и девам растление». Эротическая тема была естественным образом вписана в календарный цикл, а ритуал санкционировал социальные установления и поддерживал миропорядок.

Все это так, но какое, спрашивается, отношение имеют к этим ритуалам сказки о том, как муж учит жену мыть чашки или как вошь и блоха делятся страхами, которых они натерпелись, переночевав в теле женщины? Обряд обрядом (кстати, обрядовый разгул сменялся жизнью очень суровой и сдержанной), а сказка сказкой — у нее своя социальная роль и своя эстетика. Уж не свидетельствуют ли похабные сказки, где вещи называются своими именами — и не только называются, но и живописуются (именно что живописуются, и не в «натурализме» тут дело, а в своего рода «украшательстве»), — о простоте народных нравов, доходящей до невоздержанности и распутства?

Иностранцы, особо внимательные к чужому быту и чужим нравам, невысоко ставили нравственность московитян. Адам Олеарий, видный немецкий ученый XVII века, замечает, что у московитян «употребительны многие постыдные, гнусные слова и насмешки... У них нет ничего более обычного на языке, как „бл...н сын, с...н сын, собака, .б т... мать, .б..а м..ть“... и еще иные тому подобные гнусные речи. Говорят их не только взрослые и старые, но и малые дети, еще не умеющие назвать ни Бога, ни отца, ни мать, уже имеют на устах это: „.б т... мать“ — и говорят это родители детям, а дети родителям»[2].

---

[1] См. сноску 1 на с. 8 наст. изд.

[2] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 187.

Нет, конечно, нужды в том, чтобы идеализировать наших предков, но ведь те же иностранцы говорят о суровости древнерусских нравов, о затворнической жизни русских женщин, на которых посторонним даже и взглянуть-то не разрешалось, не то что с ними общаться. Так что ни о какой распущенности и сексуальной несдержанности русских людей сказки конечно же не свидетельствуют. Правда, тот же Олеарий сетует: русские часто «говорят о сладострастии, постыдных пороках, разврате и любодеянии их самих или других лиц, рассказывают всякого рода срамные сказки, и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе». Этому можно верить с большой осторожностью (отметим, однако, что это первое свидетельство о бытовании «соромных» сказок). Не в том дело, что у русских не было неприличных шуток — их, по-видимому, хватало. Дело в том, когда, в каких ситуациях и какие шутки были допустимы. Снова вспомним обряды: существовало ведь и ритуальное сквернословие. Исследования показали, что ругательства покоятся на мощных мифологических пластах[1]. Общим местом в современных суждениях о сквернословии стали ссылки на «карнавальное мироощущение», «открытое» Михаилом Бахтиным.

Ритуально-мифологический аспект, конечно, не безразличен для понимания «соромных» сказок, но сами по себе сказки отнюдь не сводимы к сквернословию, и объяснение сквернословия — это еще не объяснение сказок. Еще ошибочнее было бы судить по этим сказкам о нравственности русских в недавнем и отдаленном прошлом. А. И. Никифоров, записавший десятки непристойных сказок в северной русской деревне и наблюдавший живую жизнь сказки, отмечал, что эта «сексуальность» представляет собой «грубоватый фон жизни, по существу чрезвычайно целомудренной и строгой»[2]. Да и вообще сказки в этом отношении не показательны. Словесность никогда не была зеркальным отражением жизни народа, а сказки с их тягой к выдуманному и невозможному — тем более.

Так вот, прямой взгляд на сказку из жизни ровным счетом ничего не объясняет. Это, разумеется, вовсе не значит, что сказка толь-

---

[1] См. работу Б. А. Успенского «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» в сб.: Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература: [Сб. ст.] / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 9—107 (Русская потаенная литература). Там же — специальная работа о «Русских заветных сказках» А. Н. Афанасьева. Б. А. Успенский связывает эти сказки с «антиповедением», представляющим сознательное нарушение общепринятых социальных норм (указ. соч., с. 143 — 164).

[2] См. сноску 1 на с. 8 наст. изд.

ко забава, и ничего более, что никакой социальной роли она не играла. Роль эта определяется смехом. Громадное большинство «соромных» сказок относится к области народного юмора: это сказки комические. Много говорилось о их социальной направленности, о том, что сказки эти «антипоповские» и «антибарские». Действительно, среди «заветных» сказок немало таких, где поп и барин осмеяны, остаются в дураках. Но фольклористы обычно преувеличивают силу социального протеста, заложенного в этих сюжетах. Их назначение было не в том, чтобы раздувать ненависть к классовым врагам. Комическое было средством смягчения социального гнета, а сказка — своего рода социальным реваншем: в жизни мужик всегда был под барином, в сказке же он — над барином и над попом (иногда эта метафора реализовывалась в самой простой, грубой форме). И все же комические сказки не сводятся к социальной сатире, и не стоит преувеличивать остроту сатирических стрел, пускаемых в барина и попа. Сказка не щадит и своего брата мужика. В одних и тех же сказках персонажи варьируются: поп, барин, мужик — каждый может стать предметом осмеяния. Это значит, что социальный реванш — вещь очень важная, но в сказках не единственная. Главнее оказывается смех, направленный на несовершенство человеческой природы (в том числе и несовершенство социальное).

О смехе и так называемой «смеховой культуре» написаны горы книг. Смех выжигал и уничтожал, смех открывал относительность всякого рода социальных законов и моральных установлений (а сознание их абсолютной модальности гнетет). Но смех и примирял с действительностью. Не так уж она ужасна и не столь уж невыносимо бремя человеческого существования, если в действительности обнаруживаются изъяны, над которыми можно весело посмеяться. Смех, стало быть, смягчал давление «репрессивной цивилизации», давал некоторое ощущение свободы в несвободном мире.

Итак, смех облегчал тяготы социальных требований, предъявляемых к человеку, смех освобождал. Не менее важна его роль в развитии словесного искусства. «Заветные» сказки не только смешны, но и забавны. В русской культуре сложилась традиция высоких требований к словесному искусству. «Поэт в России — больше чем поэт», он должен быть непременно пророком, «спасать Россию». Это явление чуждо Западной Европе, и никто из писателей, кажется, не спасал в Новое время Англию или Францию. Всемерно уважая пророческое призвание отечественных писателей, видящих в слове оружие страшной силы, заметим все же, что литература создается и для удовольствия человека, для игры его ума и воображения, просто для забавы. Игра и забава, как известно, — вещи не пустые, и литература, ими обделенная, человечески неполноценна. Такой игрой ума и вооб-

ражения в фольклоре была прежде всего сказка. Рассказывалась она на досуге, для отдыха. Сказки создавали «иную действительность», отвлекали от будней, давали пищу фантазии и праздному воображению. В то время как литература стремилась к безусловной серьезности, сказки отвлекались от односторонней дидактики, и в целом наша словесность благодаря сказкам обретала жизненную полноту.

Именно сказке довелось сыграть у нас роль очень важную в создании собственно художественной литературы, которой в Древней Руси не было: литература удовлетворяла интересы религиозные, политические, исторические. Никто не читал «Повесть временных лет» или «Слово о полку Игореве» для удовольствия — только для пользы. Так называемое «неполезное чтение» оформляется у нас в XVII — XVIII веках. Его материал — прежде всего бытовые новеллистические сказки, «повести», «гистории», густо насыщенные фольклорными темами и мотивами. Среди них мы находим немало таких, которые составляют содержание «сказок не для печати». Они сделали доброе дело в развитии русской литературы.

Какое место занимают «заветные» сказки в сказочном фонде, можно ли считать их более или менее автономным художественным явлением? Нет, никакой особой группы они не составляют. Специалисты выделяют три основные группы: сказки о животных, волшебные и бытовые (новеллистические), причем в последнюю нередко включаются и народные анекдоты. Что же касается сказок «эротических», то здесь в массе своей те же самые сюжеты, и художественная специфика «соромных» сказок та же в принципе, что и у «сказок для печати».

Собрание «Народных русских сказок» Афанасьев открыл сказками о животных. Они же предваряют и собрание сказок «заветных». Их здесь немного — меньше десятка. Являя собой «остраненную» картину человеческого существования и не будучи при этом аллегорией, сказки о животных в комическом свете представляют людское общежитие. Входит сюда и сексуальная тематика. В фольклорном животном эпосе есть несколько таких сюжетов. Это сказка о том, как заяц надсмеялся над лисой (она прозвучала в фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», так что, согласно кино, сказку эту у нас знали уже в XIII в.). Есть несколько сюжетов о том, как человек запугивает диких животных — то показывая им вставшую на карачки жену, то забавляясь с ней. Звери этих игр не понимают и в ужасе бегут. В сказках звери иногда женятся, и уж совсем редко сказка обыгрывает их интимную близость. Но в общем сказки о животных такими интимностями не интересуются, и среди сотен вариантов сказки о коте, ставшем мужем лисы, редко-редко попадаются такие, где по-своему обыгрывается кошачье «мяу-мяу» — «мало-мало».

Итак, животный эпос открывает для эротической тематики небольшие возможности: два-три сюжета да две-три ситуации. Чуть больше их в сказках волшебных. Некоторые их сюжеты включают мотивы эротического содержания: часты они в сказке о царевне Несмеяне, в «Диве дивном», в «Заячьем пастухе», в сказке о приметах царевны. Все это сказки о чудесных предметах, которые привлекают царевну и которыми она не прочь завладеть, но получает их, лишь выполнив несколько щекотливых условий, поставленных героем. Такие сказки рассказываются и без эротических подробностей, но чаще сказочники пользуются открывающимися перед ними возможностями словесной живописи. Вот герой проникает к спящей царевне. Как он себя поведет? В рукописи «сказок не для печати» есть эпизод из сказки «Елена Премудрая», где герой как бы в некоторой растерянности. Но в печатных текстах он поступает более решительно — делая с ней то, о чем она говорит впоследствии формулой «воду пил, а колодец не закрыл», а затем отправляется вместе с сыном на поиски неведомого мужа (сказка о молодильных яблоках). Бывает и так, что непристойные мотивы появляются в привычном и вполне пристойном сюжете — например сказке о мальчике с пальчик. Во всех вариантах он проказничает, но его проделки с поповскими дочерями из афанасьевской «соромной» сказки выходят за рамки приличий.

Но и волшебных сказок в афанасьевской рукописи мало. Подавляющее большинство принадлежит здесь сказкам бытовым. Как уже говорилось, некоторые не были напечатаны по социальным, а не по моральным соображениям. Но и таких, в конце концов, немного, главное же место принадлежит сказкам либо «соромным», либо пристойным, но с эпизодами эротического содержания. В международном указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона рядом с их изложением обычно стоит помета: «обсценная», то есть непристойная. Барыня или попадья по-своему истолковала разрешение мужа дать работнику (или подобное) — он и берет «обеих». Парень притворяется, будто не знает женщин — поит коня из колодца, загоняет дьявола в ад и т. п. Попадья или барыня отдается за башмачки (тетерева и т. п.), но чаще всего остается ни с чем и осмеяна. Это, так сказать, классика эротического сказочного фольклора, и сюжеты эти повторяются в афанасьевском собрании по нескольку раз. Есть «соромные» сказки и в группе анекдотов о состязании человека с чертом: зализать «рану» женщины, привести невиданное животное и т. п.

Как показывает афанасьевская рукопись, у известных новеллистических сюжетов имеются «эротические двойники». Так, хорошо известна в европейском фольклоре сказка о трех искусных братьях: каждый овладевает либо своим ремеслом, либо ловко пускает в ход полученное наследство. Но в русском фольклоре рядом с этим сюже-

том есть еще и сказка о «соромском ремесле», достающемся, по сказочной традиции, младшему брату-дурню. Как раз это «соромское ремесло» позволяет ему не только с легкостью выйти из затруднений, но и выручить своих незадачливых братьев.

В русской сказочной новеллистике, щедро представленной в рукописи Афанасьева, легко угадываются всемирно известные сюжеты, вошедшие в итальянские новеллы и французские фабльо, немецкие шванки и польские фацеции. Мы уже отмечали точность исследовательской задачи, поставленной во вступительной статье Филобибла: «Каким путем проникли в русские захолустья рассказы Боккаччо, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, какого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества и т. д., и т. д.». Мы знаем сегодня, что путей было много, и для определения их требуются специальные исследования. Но и без таких исследований ясно, что русские «заветные» сказки принадлежат большой индоевропейской семье: здесь те же сюжеты, являющиеся общим достоянием десятков народов от Индии до Ирландии. Любовные проделки, супружеская верность и неверность — вот содержание многих русских сказок, вызывающих ассоциации то с «Кентерберийскими рассказами» Джеффри Чосера, то с «Декамероном» Джованни Боккаччо, то со шванками Ганса Сакса. Порой это не просто ассоциации, а детальные совпадения. Сопоставляя сказку «Жена слепого» с рассказом купца из чосеровских «Кентерберийских рассказов», легко заметить такие совпадения. Это не значит, конечно, что чосеровский сюжет сквозь кордоны и непроходимые леса добирался до России. Это значит, что Чосер воспользовался международным сказочным сюжетом, пустившим ростки и в России, что для определения источников «Кентерберийских рассказов» без русской сказки не обойтись: мы у одного пирога, все мы участвовали в создании и разработке того, что называют европейской сказкой.

Чосеровский сюжет известен в русском фольклоре в единственном, афанасьевском, варианте, то есть на нашей почве он так и не укоренился. Зато другие знаменитые сказки вполне прижились — это и сказка о потопе, тоже знакомая по «Кентерберийским рассказам», и сказка об одураченном муже, подобная 7-й новелле 7-го дня из «Декамерона», и сказка о любовниках в сундуке, популярная всюду в средние века — и в Индии, и в Европе, попавшая в «Тысячу и одну ночь».

Но немало среди «заветных» сказок и редких, а то и вовсе уникальных: никогда прежде они не печатались и ни в одном из сказочных указателей не встречаются. Публикация их меняет представления

о русском сказочном фонде: несомненно, фонд этот много богаче, чем нам думалось. Некоторые из этих сюжетов отмечены у Аарне-Томпсона, но отсутствуют в указателе сюжетов восточнославянских сказок: считалось, что мы таких сказок не знаем. Так, сказка «Сапожник и купчиха», известная в Европе в считанных вариантах и никогда не фиксировавшаяся у русских, появляется в рукописи Афанасьева в хорошем, оригинальном варианте. Заметим, однако, что судить о степени популярности «соромных» сказок очень трудно: кто знает, сколько их и с какими сюжетами лежат в архивах фольклорных экспедиций.

Последнюю группу текстов составляют не сказки собственно, а рассказы. Значительная часть их записана от бывалых людей, не лезущих в карман за словом. Тут и анекдот, способный превратиться в бытовую историю (так и называемую.— «Солдатский рассказ»), и рассказ, как ловко избежал солдат генеральского гнева («Солдат на часах»). Анекдоты вообще плохо улавливаются указателями и редко попадают в печать, и многие из них безвозвратно пропали. Афанасьевская рукопись дает представление о русских солдатских анекдотах XIX века.

При всех жанровых различиях между сказками о животных, волшебными и бытовыми можно говорить о единстве художественных принципов воплощения в них «заветной» темы. Лишь очень немногие сказочники идут по пути смакования похабных подробностей. (Кстати, и много записавший таких сказок — до сих пор не изданных — А. И. Никифоров замечал: «Только раз мне пришлось столкнуться с манерой стилистически-детализованной и пышной разрисовки деталей и картин в эротической сказке. Это был файногубский портной Силкин, служивший долго в солдатах и чрезвычайно развитой мужик»[1].) Большинство же сказок, как уже говорилось, забавны и просто смешны.

Приемы создания комического эффекта давно известны. Исправно «работают» они и в «заветных» сказках. Прежде всего это пародия. «Заветные» сказки очень щедры на пародии и нередко на них строятся. Немало случаев, когда сам сюжет возникал в результате пародийного переосмысления сказочной классики. Таково происхождение известной сказки «Петух и жорновки». За чудесной мельницей отправляются чудесные помощники, наделенные необыкновенными свойствами, — знакомый сюжет. Но когда в путь отправляется петух, заглатывающий медведя, волка и лису, проглатывающий целое озеро, да и соперник у него отнюдь не чудище, а вор-барин, — это уже комическое снижение волшебно-сказочной темы. Чудесный

[1] См. сноску 1 на с. 8 наст. изд.

странник наказывает мужика за непочтительный ответ — это серьезная тема. Но когда этот непочтительный ответ реализуется буквально и мужик ошарашен необычным урожаем, из которого он все-таки извлекает для себя выгоду, — это уже пародия на легендарный сюжет. Да и недавно упомянутый «эротический двойник» — сказка о «соромском ремесле» — тоже не что иное, как пародийное переосмысление давно известной новеллистической сказки.

Пародируются не только сюжеты, но еще более — знаменитые сказочные мотивы. Многие трудные задачи успешно решаются героем с помощью волшебного кольца. Но когда волшебное кольцо помогает ему стать сексуальным чемпионом, это неизбежно вызывает смех, тем более что чудесный дар, обретенный героем, делается источником комических ситуаций, в которые попадают женщины, пожелавшие этим даром воспользоваться.

Комически обыгрывается так называемая «сказочная обрядность» — традиционные стилистические формулы. Раз сказка негрилична, то еще более неприлична и открывающая ее присказка. Формула невозможного, указывающая на нереальность сказочного времени («это было, когда...»), комически передергивается за счет введения непристойных и откровенно нелепых действий. Появляются и непристойные концовки.

Непристойные сказки полны словесной игры. Комическое обыгрывание двусмысленностей, эвфемизмов «половой темы», реализация метафор — известные, классические «приемы» эротического фольклора[1]. Здесь рождаются собственные формулы. Многие сказочники, от которых записаны «соромные» сказки, отлично владеют словом: как скоморохи давних времен, они так и сыплют прибаутками. Собственно небылиц в афанасьевском материале мало, но скоморошья традиция живет в самой манере рассказывания, призванной повеселить слушателя затейливой словесной игрой.

В тени афанасьевского собрания «сказок не для печати» оказалось в рукописи другое, не менее замечательное собрание — «заветных» пословиц В. И. Даля. Подобно тому, как вне основного собрания сказок Афанасьева осталось около полутора сотен текстов, так и Даль не смог включить в свой огромный свод «Пословиц русского народа» несколько сот пословиц. Была составлена рукопись под названием «Русские заветные пословицы», ей было предпослано небольшое вступление, подписанное «Русопят». С этого непечатного собрания снимались копии, в разных списках делались добавления

[1] См. известную работу В. Б. Шкловского «Искусство как прием» в кн.: *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1983. С. 20 — 23. О роли загадки в сюжетостроении «заветных» сказок писал Б. А. Успенский (см. сноску 1 на с. 11 наст. изд.).

(например, известным библиографом П. А. Ефремовым). Афанасьев располагал и собственным собранием пословиц (часть его была напечатана в «Архиве» Н. Калачева в 1850 г.). К копии полученных от Даля пословиц он тоже добавил свои. У себя на родине рукопись ни разу не издавалась. Была опубликована лишь вступительная заметка «Русопята». Сборник увидел свет лишь за границей[1].

Непредубежденный читатель легко заметит, что в «заветных» пословицах, как и в сказках, перлы остроумия соседствуют с откровенным похабством. Что же, пословицы записывались от людей разных. Справедливо судил о пословицах более ста лет назад прекрасный знаток русского быта Михаил Семевский: «Они бывают произведениями здравого смысла, теплой веры, неиспорченной души — или, наоборот, плодами бурных страстей, безнравственного ума, ввергнутого в пропасть разврата»[2].

Сложился устойчивый взгляд на пословицы как на кладезь народной мудрости. Едва ли «заветные» пословицы, как, впрочем, и незаветные, демонстрируют какие-то особенно мудрые откровения. Цель пословиц — мгновенная оценка житейских ситуаций, оценка яркая и зачастую иносказательная. Оценка эта может допускать сквернословие или не допускать его. Но собственно эротических пословиц мало — оцениваются ситуации отнюдь не эротического свойства. О пустом, бездарном времяпровождении можно сказать: бить баклуши — или <...> околачивать груши. Введение нецензурного слова вносит яркий эмоциональный акцент. Кроме того, появление непристойной лексики в оценках вполне пристойных ситуаций, как обычно бывает при столкновении «высокого» с «низким», придает этим оценкам комический оттенок. Он тем более заметен, когда рядом с пристойными вариантами появляются их непристойные двойники. «Дом вести — не усами трясти». Но можно трясти и не усами. О пустых щах говорили: «Щи — хоть рубаху полощи». Но можно полоскать и не рубаху. На «мирном», нейтральном фоне такие замены всегда остроумны — по крайней мере с точки зрения народной эстетики. Нередко «заветные» пословицы ставят запятую там, где стояла точка в пословице общепринятой, — и опять-таки это звучит забавно («Кашу маслом не испортишь»). И если «заветные» сказки зачастую уводили в сферу «соромного», то с пословицами это случалось реже:

---

[1] Вступительная заметка В. И. Даля опубликована в 1936 году М. Шахновичем (см. сноску 2 на с. 9 наст. изд.). Зарубежное издание сборника: *Carey C.* Les Proverbes Erotiques Russes //Slavistic Printings and Reprintings. № 88. Indiana University. Hague; Paris, 1972.

[2] *Семевский М.* Великие Луки и Великолукский уезд. Историко-этнографические заметки. СПб., 1857. С. 190.

даже самые неприличные из них могли оценивать вполне обыкновенные, совсем не сокровенные ситуации — пословицы многозначны.

Что касается научной ценности «заветных» пословиц, то она очевидна. Дело не только в том, что, как и сказки, не видевшие печати, такие пословицы заметно расширяют известный нам пословичный фонд. Сказок в записях XVII века мы почти не знаем, тогда как рукописные сборники пословиц XVII — XVIII веков до нас дошли. Сравнивая их с собранием Даля, мы имеем возможность судить о том, как пословицы жили, как менялся их состав и как менялись они сами. Для читателя же, которого не волнуют такие проблемы, «заветные» пословицы представят интерес и сами по себе — как плоды народного остроумия.

В рукопись Афанасьева попали и отдельные образцы песен, заговоров, детского фольклора, есть в ней и загадки. Эротическая тема проникала во все жанры русского фольклора. Везде ее звучание определялось эстетической природой фольклорного жанра. Оставим этот материал без комментариев: он слишком разнообразен и в то же время отрывочен, чтобы судить о нем на основе афанасьевской рукописи. Одно несомненно: и здесь непристойные темы, ситуации, выражения попадают в орбиту смешного и забавного. Допускаем, что не всякому эти фольклорные тексты, записанные в середине XIX столетия, покажутся смешными. Во многом они принадлежат истории, но во многом и живы: традиция не прерывается, и старые тексты остаются достоянием русского народного юмора.

Е. А. КОСТЮХИН

Народные русские сказки не для печати

1857—1862

Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым

Народные русские сказки не для печати

1
ЛИСА И ЗАЯЦ

Пришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая. Пошел он по лесу и вздумал зайтить к лисе. Подходит к лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печке, а детки ее под окошком. Увидала она зайца и приказывает лисинятам:

— Ну, детки! Коли подойдет косой да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита; авось теперь как-нибудь его поймаю.

А сама притаилась. Заяц подошел и постучался.

— Кто там? — спрашивают лисинятки.

— Я, — говорит заяц. — Здраствуйте, милыя лисинятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жалко! Было еть — да дома нет! — сказал косой и побежал в рощу.

Лиса услыхала и говорит:

— Ах он сукин сын, косой черт! Охáверник едакой! Погоди же, я ему задам зорю!

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь — а заяц опять пришел по старому следу и спрашивает лисинят:

— Здраствуйте, лисинятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жаль, — сказал заяц, — я бы ей напырял по-своему!

Вдруг лиса как выскочит:

— Здраствуй, голубчик!

Зайцу уж не до ебли, со всех ног пустился бежать, ажно дух (в ноздрях) захватывает, а из жопы орехи сыплются. А лиса за ним.

— Нет, косой черт, не уйдешь!

Вот-вот нагонет! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берез*[1], которыя плотно срослись вместе. И лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла** : ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезть не сможет. Косой оглянулся, видит — дело хорошее, забежал с заду и ну лису еть, а сам приговаривает:

— Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!

Отработал ее и побежал на дорогу; а тут недалечко была у́гольная яма — мужик уголья жег. Заяц поскорей к яме, вывалялся весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец.

Вышел на дорогу, повесил уши и сидит.

Тем временем лиса кое-как выбралась[2] на волю и побежала искать зайца; увидала его и приняла за монаха.

— Здраствуй, — говорит, — святый отче![3] Не видал ли ты[4] где косаго зайца?

— Котораго? Что́ тебя давече еб?

Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой:

— Ах он подлец! Уж успел по всем монастырям расславить!

Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробывал!

---

* *Здесь и далее примечания подготовителей издания помечены цифрами, а примечания А. Н. Афанасьева — *.*

Вар<иант>: Меж развилинами березы.

[1] *Было*: б[у]з

** *Вар<иант>*: Пошел заяц в лес, увидал лису и[1*] стал <с> нею разговаривать: говорит-то говорит, а сам норовит, у него хуй как рог стоит. На такое дело он ловок, да попроситъ-то робок[2*]. Дождался заяц удобного времени, когда лиса завязла как-то между березами...

[1*] *Далее*: стал не[е]

[2*] *Далее*: [(Лиса рассердилась на зайца и хочет его<?>]

[2] *Было*: ко[й] как выбрала[ся]

[3] *Было*: от[ц]е

[4] *Далее*: [здесь]

2

ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА

У мужика на дворе сидела куча воробьев; один воробей и начал пред своими товарищами похваляться.

— Полюбила, — говорит, — меня сивая кобыла, часто на меня посматривает; хотите ли, отделаю ее при всем нашем честном собрании?

— Посмотрим! — говорят товарищи.

Вот воробей подлетел к кобыле и говорит:

— Здравствуй, милая кобылушка!

— Здравствуй, певец! Какую ну́жду имеешь?

— А такую ну́жду — хочу попросить у тебя...

Кобыла говорит:

— Это дело хорошее; по нашему деревенскому обычаю, когда парень начинает любить девушку, он в ту пору покупает ей гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем дарить будешь?

— Скажи только, чего хочешь.

— А вот: натаскай-ка мне по одному зерну четверик овса; тогда и любовь у нас начнется.

Воробей изо[1] всех сил стал хлопотать, долго трудился и натаскал-таки наконец целый четверик овса. Прилетел и говорит:

— Ну, милая кобылушка! Овес готов!

А у самого сердце не терпит — и рад, и до смерти боится.

— Хорошо, — отвечает кобыла, — откладывать дела нечего; вить истома пуще смерти, да и мне век честною не проходить, по крайней мере от молодца потерпеть не стыдно! Приноси овес да созывай своих товарищей — быль молодцу не укора! А сам садися на мой хвост, подле самой жопы, да дожидайся, пока я хвост подыму.

Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте; товарищи его смотрят, что такое будет. Кобыла ела, ела

[1] *Было*: из

да и забздела, подняла хвост, а воробей вдруг и[1] впорхнул в зад. Кобыла прижала его хвостом; тут ему плохо пришлось, хоть помирай!

Вот она ела, ела да как запердела;[2] воробей оттуда и выскочил, и стал он похваляться пред товарищами:

— Вот как! Небось от нашего брата и кобыла не стерпела, ажно запердела!

3

МЕДВЕДЬ И БАБА

Пахала баба в поле; увидал ее медведь и думает себе: «Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки я поломал, а с бабами не доводилось повозиться».

Вот подошел он к бабе и говорит:

— Давай-ка поборемся!

— А если ты, Михайла Иванович, разорвешь у меня что?

— Ну, если разорву, так улей меду принесу.

— Давай бороться!

Медведь ухватил бабу в лапы, да как ударит ее об земь — она и ноги кверху задрала, да схватилась за пизду и говорит ему:

— Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться, что я мужу-то скажу![3]

Медведь смотрит — дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда не взялся — бежит мимо заяц.

— Постой, косой! — закричал на него медведь. — Поди сюда!

Заяц подбежал. Медведь схватил бабу[4] за края пизды, натянул их[5] и приказал косому[6] придерживать своими

---

[1] *Далее*: порхнул кобыл[е]...
[2] *Было*: перд[нет]
[3] *Был знак*: [?]
[4] *Далее*: [обеими лап[ищ]ами]
[5] *Далее*: [к верху, потом]
[6] *Далее*: держать [в своих лапках,]

лапками; а сам побежал в лес, надрал лык целый пук — едва тащит! Хочет зашивать бабе дыру. Принес лыки[1] и бросил оземь, баба испугалась да как перднет, так заяц[2] аршина на два подскочил вверх.

— Ну, Михайло Иваныч! По целому лопнуло!

— Пожалуй, она вся теперь излопается! — сказал медведь и[3] бросился что есть духу бежать; так и ушел!

4
ВОЛК

Был мужик, у него была свинья, и привела она двенадцать поросят; запер он ее хлев, а хлев-то был сплетен из хворосту. Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят, сосчитал — одного нету. На третий день опять одного нету.

Кто ворует поросят?!

Вот и пошел старик ночевать в хлев[4], сел и дожидается, что будет. Прибежал из лесу волк да прямо к хлеву, повернулся к двери жопою, натиснул[5] и просунул в дыру свой хвост и ну хвостом-то шаркать по хлеву. Почуяли поросята шорох и пошли от свиньи к дверям нюхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост, поворотился передом, просунул[6] свою морду, схватил поросенка и дра́ла в лес. Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей. Стало темно, прибежал волк и только засунул свой хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватит обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал:

— Тю-тю-тю.

Волк рвался, рвался и зачал срать, и потуда жилился, пока хвост оторвал. Бежит, а сам кровью дрищет; шагов

---

[1] *Далее*: [да как] броси[т]
[2] *Далее*: [с испугу]
[3] *Далее*: [с испугу]
[4] *Было*: в хлев[у]
[5] *Было*: на[дави]л
[6] *Было*: [вс]унул

двадцать отбежал[1], упал и издох. Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

5
МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА И СЛЕПЕНЬ

...и не знает, что ему делать.

Да потом надумался (мужик), схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу; она кричит, а мужик говорит:

— Молчи!

Да все свое: задрал[2] ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху как можно выше. Медведь увидал, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит:

— Нет, лиса! Вы с слепнем как хотите, а я ни за́ что не пойду к мужику!

— Отчего?

— Да оттого — посмотри-тко, вишь он опять кого-то пежит!

Вот лиса смотрела-смотрела и говорит:

— И точно, твоя правда, в самом деле он кому-то ноги ломает!

А слепень глядел-глядел и себе тож говорит:

— Совсем не то — он кому-то соломину в жопу пихает!

Всякой, знать, свою беду поминает; ну, адначе, слепень лучше всех отгадал... Медведь с лисой ударились в лес, а мужик остался цел и невредим.

6
КОТ И ЛИСА

(Мужик прогнал из дому блудливого кота в лес.) А в этом лесу жила-была лиса, да такая блядь! Все валялась с волками да медведями. Повстречала она кота, разговорились о том о сем. Лиса и говорит:

---

[1] *Далее*: [и упал]
[2] *Было*: [под<нял>]

— Ты, Котофей Иванович, холост, а я незамужняя жена! Возьми меня за себя.

Кот согласился. Пошел у них пир и веселье; после пира надо коту по обряду иметь с лисицею грех. Кот взлез на лису, не столько ебет, сколько кохтями дерет, а сам еще кричит:

— Мало, мало, мало!

— Вот еще какой! — сказала лисица, — ему все мало!..

7
ВОШЬ И БЛОХА

Повстречала вошь блоху:

— Ты куда?

— Иду ночевать в бабью пизду.

— Ну, а я залезу к бабе в жопу.

И разошлись. На другой день встретились опять.

— Ну, что, каково спалось? — спрашивает вошь.

— Уж не говори! Такого страху набралась: пришел ко мне какой-то лысой и стал за мной гоняться, уж я прыгала-прыгала, и туда-то, и сюда-то, а он все за мной, да потом как плюнет[1] на меня и ушел!

— Что ж, кумушка! И ко мне двое стучались; да я притаилась; они постучали себе-постучали, да[2] с тем и прочь пошли.

8
СОБАКА И ДЯТЕЛ

...Стала баба ловить дятла и поймала-таки, и посадила под решето. Приехал домой мужик; хозяйка его встречает.

— Ну, жена, — говорит он, — со мной[3] на дороге несчастье случилось.

— Ну, муж, — говорит она, — и со мною несчастье!

Рассказали друг дружке все как было.

---

[1] *Далее*: [, так и окатил всю!]

[2] *Далее*: [и]

[3] *Было*: со мно[ю]

— Где же теперича дятел? Улетел? — спросил мужик.

— Я его поймала и под решето посадила.

— Хорошо же, я с ним разделаюсь![1] Съем его живого!

Открыл решето и только хотел взять дятла в зубы[2] — он порхнул ему прямо в рот живой и проскочил головою в жопу; высунит из мужиковой жопы голову, закричит:

— Жив, жив! — и спрячется, потом опять высунит голову и опять закричит; не дает мужику спокою.

Видит мужик, что беда, и говорит хозяйке:

— Возьми-ка полено, а я стану раком; как только дятел высунит голову, ты его хорошенько и огрей поленом-та!

Стал раком; жена взяла полено, и только дятел высунул голову — махнула поленом, в дятла-то не попала, а мужику жопу отшибла. Что делать мужику, никак не выживить из себя дятла, все просунит голову из жопы да и кричит:

— Жив, жив!

— Возьми-ка, — говорит он жене, — острую косу, а я опять стану раком, и, как только высунит дятел голову — ты и отмахни ее косою.

Взяла жена острую косу, а мужик стал раком; только высунула птица голову, хозяйка ударила[3] косою, головы дятлу не отрезала, а жопу мужику[4] отхватила. Дятел улетел; а мужик весь кровью изошел и помер.

9

ПИЗДА И ЖОПА

В одно время поспорили меж собой пизда и жопа и такой подняли шум, что святых выноси! Пизда говорит жопе:

— Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хорошой гость, а в ту пору ты только бздишь да коптишь!

---

[1] *Далее*: [Прямо]

[2] *Было*: [рот]

[3] *Было*: [хват]ила

[4] *Далее*: [отхвати]

— Ах ты, подлая пиздюга! — говорит ей жопа. — Когда тебя ебут, по мне слюни текут — а я ведь молчу!

Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, хуем говядину рубили*.

10
МОЙ ЖОПУ

Жили муж да жена. Вот, бывало, как подаст жена мужу обедать, он и начнет ее колотить, а сам еще и приговаривает:

— Мой жопу, мой жопу!

Вот она и начнет мыть жопу, трет ее и песком, и рогожею, так что кровь пойдет, — а только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает:

— Мой жопу, мой жопу!

Вот она и говорит своей тетке:

— Что это, тетушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня бьет и приговаривает: «Мой жопу, мой жопу!» Кажись, я и так мою, даже до крови растираю!

— Эх ты, дура, дура! Ты мой-та жопу, да не свою, а у чашки.

Как стала мыть жопу у чашки, так и перестал ее бить муж.

11
ХУДО — НЕ ХУДО

...*жернова по воде плавают, на них собака сидит*, голову согнувши, хвост в жопу воткнувши, *повизгивает, муку полизывает.*

---

* *Вар<иант>*: Пошла пизда в суд на жопу просить:

— Добрые судьи! Когда меня ебут, жопа пердит, меня, бедную, коптит.

Судьи совсем было обвинили жопу; тут жопа[1*] сказала:

— Добрые судьи! Меня не вините: когда пизду ебут, на меня потоки текут, и не велика ж она барыня, коли я попержу и ее закопчу.

[1*] *Далее*: [им]

— А ехал мимо архиерейского дома?

— Ехал; там кони поседланы, седоки посожены, в трубы грают, черт знает — кого, ебена мать, величают! Говорят: архирея на соловой кобыле венчают...

— *А ростовского медведя видел?*

— *Видел.*

— *Каков?*

— *Серый!*

— Какой, ебена мать, медведь? Пошел к хую; не бредь! Это волк.

— Хуй те в лоб! *У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает.*

— *Это заяц.*

— Кляп ты знаешь! Это трус.

— Говна тебе кус!..*

12
ДУРЕНЬ

Жил мужик да баба, у них был сын-дурак. Задумал он, как бы жениться да поспать с женою, и то и дело пристает к отцу:

— Жени меня, батюшка!

Отец и говорит ему:

— Погоди, сынок! Еще рано тебя женить: хуй твой не достает еще до жопы; когда достанет до жопы — в ту пору тебя и женю.

Вот сын схватился руками за хуй, натянул его как можно крепче, посмотрел[1] — и точно правда, не достает немного до жопы.

---

* *Вариант*:

— Видел архирея?

— Видел.

— Какой же он?

— На четырех ногах ходит, на цепи его водят, золотое кольцо через нос продето, а собаки на него так и лают.

— Дурак же ты. Это медведь.

— Поди к хую, не бредь!

[1] *Начато*: [пост...]

— Да, — говорит, — и то рано мне жениться, хуй еще маленькой, до жопы не хватает! Надо повременить годик-другой.

Время идет себе да идет, а дураку только и работы, что вытягивает[1] хуй. И вот-таки добился он толку, стал хуй его доставать не только до жопы — и через хватает, и говорит отцу:

— Ну, батюшка! Теперича пора меня женить: хуй мой через жопу хватает! Не стыдно будет и с женою спать; сам ее удовольствую, не пущу в чужие люди!

Отец подумал себе: «Какого ожидать от дурака толку!» И сказал ему:

— Ну, сынок! Когда хуй у тебя такой большой вырос, что через жопу хватает, то и женить тебя не для чего; живи холостой, сидя[2] дома, да своим хуем еби себя в жопу!

Тем дело и кончилось.

13
ЩУЧЬЯ ГОЛОВА

Жили-были мужик да баба, у них была дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь совсем с бороною оставила в огороде:

— Пущай постоит, пока ворочусь.

Только у ихнего соседа был сын — парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как — не придумает. Увидел он лошадь с бороною, перелез через изгороду, выпряг коня и завел его в свой огород;[3] борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то просунул сквозь изгородь[4] к себе и запряг опять лошадь-то. Девка пришла[5] и далась диву:

— Что бы это такое — борона на одной стороне забора, а лошадь на другой?

[1] *Было*: [на]тягивает
[2] *Было*: сид[и]
[3] *Далее*: [а]
[4] *Далее*: [на свой же]
[5] *Было*: при[ходит]

И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать:

— Кой черт тебя занес![1] Умела втесаться, умей и вылезть; ну, ну, выноси!

А парень стоит, смотрит да посмеивается.

— Хошь, — говорит, — я выведу тебе лошадь; только согласись со мною...

Девка-то была воровата:

— Пожалуй! — говорит, а у ней[2] на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит: — Я к тебе не полезу, да и ты сюда-то не лазь, чтоб не увидал кто; а давай-ка лучше скрозь этот тын;[3] скорей просовывай кляп-ат! Я[4] уж тебе наставлю.

Парень вздрачил кляп и просунул его скрозь тын, а девка взяла щучью голову, раззявила ее и насадила на плешь. Он как дернет — и ссадил хуй до крови; ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалчивает.

«Ах, мать ее так, — думает про себя, — да как больно пизда-то у нее кусается! Только бы хуй зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!»

Вот пришла пора; вздумали женить этого парня, сосватали его на соседской[5] девке и женили. Живут они день, и другой, и третий[6], живут и неделю, другую и третью; парень боится и дотронуться до жены. Вот надо ехать к теще; поехали. Дорогой молодая-то и говорит мужу:

— Послушай-ка, милый Данилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой век заедать даром?

А Данила ей:

— Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пизда-то кусается. Мой кляп с тех пор[7] долго болел, насилу зажил.

---

[1] *Далее*: [выноси]
[2] *Было*: [самой]
[3] *Далее*: [ну]
[4] *Далее*:[тебе]
[5] *Далее*: [же]
[6] *Было*: [и неде]
[7] *Было*: [то с той поры]

— Врешь, — говорит она, — это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся! На-ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится.

Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал:

— Постой, Варюха, дай-кася я тебе ноги привяжу; коли станет кусаться — так я смогу выскочить да уйти.

Отвязал он вожжи и скрутил[1] ей голыя ляжки. Струмент у него был порядочной, как надавил он Варюху-та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать (сани то туда, то сюда!), вывалила парня, а[2] Варюху так с голыми ляжками и примчала на[3] тещин двор. Теща смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и подумала: верно, это он говядины к празднику привез; пошла встречать, а то ее дочка.

— Ах, матушка, — кричит, — развяжи-ка поскорее, покедова никто не видал.

Старуха развязала ее, расспросила, что и как.

— А муж-то где?

— Да его лошадь вывалила!

Вот вошли в избу, смотрят в окно — идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся. Теща послала за ним старшую дочь. Та приходит:

— Здраствуй, Данила Иваныч!

— Здорово!

— Иди в избу! Только тебя и недостает!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

Та плюнула и ушла от него. Теща послала за ним сноху; эта ему угодила:

— Пойдем, пойдем, Данилушка! Уж кровь давно унялась.

Привела его в избу, а теща встречает и говорит:

— Добро пожаловать, любезный зятюшка!

— А Варвара у вас?

---

[1] *Было*: и [стал] скру[чивать]

[2] *Далее*: [с Ва] Варюх[а-то]

[3] *Было*: [к]

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

— Давно унялась.

Вот он вытащил свой кляп, показывает теще и говорит:

— Вот, матушка! Это мыло все в ней было!

— Ну, ну, садись, пора обедать.

Сели и стали пить и есть. Как подали яичницу, дураку и захотелось всю ее одному съесть; вот он и придумал, да и ловко же: вытащил кляп; ударил по плеши ложкою и сказал:

— Вот это мыло все в Варюхе было! — да и начал мешать[1] своею ложкою яичницу.

Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел яичницу один и стал благодарствовать теще за хлеб-за соль.

14

ЖЕНИТЬБА ДУРНЯ

Жив був собі козак, у нього була жінка и ще був син Грицько. Грицько ходив у степу́ за вівцями. От дід з бабою змовляються:

— Стара́! Треба нам Грицька оженити.

— Як женить, так женить! — послали вони за Грицьком.

Приходить <до нього> наймит та й каже:

— Здоров був, паноче! Батько звелів тобі йти до господи.

Прийшов <Грицько> додому, зустрічають його батько й мати:

— Здоров був, синку! Як себе маєшь?

— Слава Богу, тату й мамо! Помаленьку. А чого це ви мене додому звали?

А батько каже:

— Да вже ж я старий, й мати твоя — стара, так треба тебе оженити.

— Не хо́чу! Піду собі у степ.

---

[1] *Далее*: [да]

тупить думать нечего, повторили всю пр-да изъ начала конца, а онъ тутъ и лишенцу сдѣлать, и самъ командировокъ дѣлать за пивка-за соль.

14.

Женитьба дурня.

Жилъ былъ собѣ козакъ, у ёго була жинка, и вынесъ былъ сынъ Грицько. Грицько ходивъ въ ёрсту за вивцями. Отъ дидъ до бабою зговорилися: „Старій! треба намъ Грицька оженить." — Якъ женить, такъ женить! Послали вони за Грицькомъ. Приходе найшовъ дай каже: „Здоровъ будь, батько! ~~отецъ~~ батько звиливъ тобѣ йти до господы. Пришовъ до дому; утрьо-галомъ 10го батько и матиръ: „здоровъ будь, сынку! якъ собѣ маешъ?" — Слава богу, тату и маме! по маленьку. А того-съ вы мене до дому звали?" А батько каже: „да вже-тъ я-старій и матиръ твоя-старая, такъ треба тобѣ оженитъ." — Не хочу! пиду собѣ у ерсть. „Почекай (подожди) мисяць трохи, мы подѣлаемось (раз-сомъ) за добрыми людьми, якъ вони скажутъ." —

Факсимиле листа рукописи со сказкой «Женитьба дурня»

Ну, добре! Отъ добрые люди при-
савѣтовавъ, щобъ дати ёму
борошна (~~пшеныци~~) мишокъ въ шкоу и
послати на базаръ, да й звелѣвъ
ёму, щобъ вынъ не продававъ
ни єврею, ни купцямъ, ни старымъ
бабамъ, а продававъ дивчатамъ и
молодыцямъ, и просивъ бы за
мѣхъ за борошна сѣмъ копѣекъ. Прійшовъ
дурень до дому, да й каже: „Сынку!
бери пару волывъ, запрягай у возъ
и йды на базаръ да вазьмы шкоу
мишокъ борошна; тилько не
продавай єврею, купцямъ и старымъ
бабамъ, а продавай дивчатамъ да
молодыцямъ. Отъ вынъ взявъ
пару волывъ, запрѣгъ, накладавъ
возъ борошна и ѣдавъ ~~у~~ мисто.
подыхавъ къ базару, ~~побачивъ~~ побачивъ ёго
єврей. „Здорово будь, панэче!.
що таке у васъ е продажне?“
— нычого нима, бисовъ єврей! под-
їзджаѣ купець: „що таке, панэче,
продаете?“ — нычого нима! Ось
пидходыть къ ёму молодыця
и пытаѣ: „що таке продажне?“
Вынъ каже: „борошенко“ — А скилько
е? „Шисть мишокъ.“ — А що

Продолжение сказки
«Женитьба дурня»

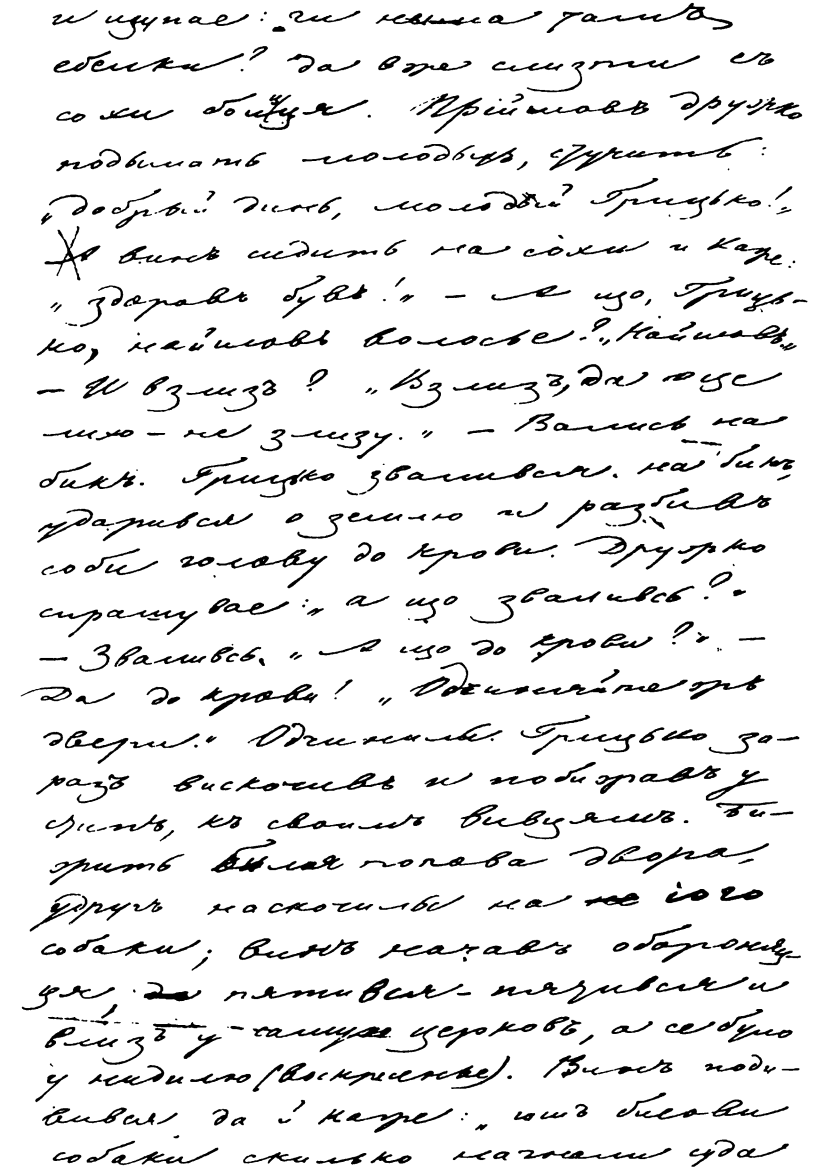
просите за його? „Да дай
сбєлки!„ Вона подивилась на
парубка, и каже: „Чи нельзя
менш узять?„ — Ні, не возьму,
як дасьш сбєлку, так одам. „Ко-
зак ут за мною„ Вийшла зараз:
„ні, ні!„ и прійшлась
со ній на двор, и пйдае: куда
мини зволить? Вона показала
комору, а сама пишла, приготовила
меду и полягла, да и
говорить: „лізь сюда, пане!„ Ви
прійшлась у хату. „Здоров будь,
пане! сідай да кушай сбєлку.„
Вийшла и зачала опиздюнивать,
пайвся и каже: „спасьби за сбєлку!„
Вона отвічае: „Богу свойму дякуй!„

Прійихавь вийшь до дому,
батько и мати спрашивають: „а
що, сьнику! продавь борошна?„ — Про-
давь. „А за що продавь?„ — За
сбєлку. „А що, сьнику, гарна сбєлка!„
— Да така солодка, що, и сказать
не можно. „Ну, сьнику, женись, и
у нвой хижци буде!„ — Коли
так, то й женитьь мене!„ „Ну
дура, каже батько, сьива бочу! чаить

Продолжение сказки
«Женитьба дурня»

Грицько женитьба за ходив. "Коли-
ни вони свою на богдому шурину
прийшла сваха: "Чи чули ви, ви
— здорова була, бабусю! а що ви
нам скажете хорошее?" — Да
у вас є товар, а у нас
є купець. Они и сговорили за Грицька
дівчину Галку. Тут они вибрали
дружку и бояр, созвали гостей, пое-
хали до церкви и повінчали да
и фа начали гулять, веселиться.
Они вже-ж треба любили
весили стали до комори. Дружко
каже: "ну, ходи-ж, Грицько! чи
знаешь до собака?" а онъ:
"ек не знаю!" — А де? "Да
на дворі." — Да ни, ты шукай-
до волосся, там и собака.
"Добре!" Полягали уже спать
и гости пішли гулять.
Довго шукав Грицько до бан-
ка, и заходився коло собаки.
Начав вінъ шукать по кошельку
и толкать — нігде нема, а въ
той же комори стояла сода, а
вверху на соді було подотикано кучком волосся.
Винъ побачивъ тое волосся,
полізъ на соду, простувъ руку

Продолжение сказки
«Женитьба дурня»



Продолжение сказки
«Женитьба дурня»

людей!». И дивно йому, що люди
богато, а усе йовтать, лишько
по-маленьку шепчуть да клаптю-
ють, забудь коли кого просять,
щоб уже до дому довіяв. А дальше
набачив вин гопа в золо-
тій свитці, що ходить между
людьми да усе клаптяється,
от він йде вин и до Грицька,
а Грицько думає: що се
така? несе вин якусь торбинку
и на людей очи бросає, ноги здри
о камінь. Тоді вин ще, а Грицько
йому каже: «помашу, горбко, очи
не вибиваю». А гопа усе ма-
хає, да маїє. Як Грицько
свисне його по голові, аж вин
упав; тут люди, набудь
головиком повздесять будуть, у-
ступились за дурня, вин уже
усіх лиш обдарував, коли
в церкві и сам упав. Ну,
бисови люди карбуб
лишні спасибі, а тобі вам
дуточки й закалачвайки!»

А Гапка скурає собі без
головика и плаче. От й кау-
гиль їй, щоб вона пішла
до Грицька у день и как

Продолжение сказки
«Женитьба дурня»

буде вміє грати за барана не
бити води, аби щоб вона
спросила у його. а що, головне,
чи можно Дуні скупатись! а
він сказав: чому ж не можно?
- можно. - Да може, Дуні чи-
бо! пошли перши у воду; отак
дило и здилаюсь! По-
шла Галка у день, приходить
а він уже коло сава
(труда). „Здорова будь, паноче!"
- Здорова була! „А що, головне,
чи можно Дуні скупатись?" -
„чому ж не можно?" - „Да може
чи бо, покажи мені.
Він зараз скинув сорочку и
штани, вліз у воду и каже:
„бачиш, по колєна. Вона аби
вліза у воду, побачила у його
хуй и пита: „що се таке?
А він каже: „се тварка." -
„Чи можно вона? що ти робиш в
сю?" „Сру." - „А чи ти їй
годиш (кормиш)?" „Да нічого."
- Ото-то вона и худа! А
прийшов побачив Галки
жопу, та й страшне: „а у тебе

Продолжение сказки
«Женитьба дурня»

що се таке?„ – поцка. „Ана
що вона тобі?" – табаку
годувать. Хай твоє табака
поїсть поцки. „І щоб вона
мене укусила! хай їй биса!"
– ни, не укусить! Грицько узяв
свою гирьку-товстолапку палку і
зачав пробувать – чи не укусить?
А таки сопаснувся погодувать
свою табаку; надрапала вона
їсу и направила куй у низду
да и придержувае. Тобі фало
Грицьку, бросивь вин хрест
и пришов до дому, пришедши
и кричить: „Тату, мамо! Да
моя дружка?" – на що вона
тобі? „Єбать хочу!" – Зарахував
прийде. А дружка тому рада,
а сама каже: „підожди до обіда,
мамы не дома." А вин:
„нічого не хочу, хоблик годувать
табаку." И зачав єй єбать, а вона
зачала кердать; дуже єй сало,
скочила и охала. Вона и гово-
рить: „е, голубчику, вже не
здурію." – Що ти робиш? Тобі
люди добрые люди казали, щоб
[illegible]
[illegible] и кілько єсь-
да вони показать мами сраку,

Продолжение сказки
«Женитьба дурня»

то може я и поправлюся. Піди, попроси вола.» Пішов він до сосіда: «нехай ваш вил моєї жінки сраку почеше.» — «Нехай!» Ворухнувся до сраки да й каже: «Ди!» Вже [illegible] причепив вола. Отак Галька задрала хвіст, уставила сраку у вікно, Грицьо придерживає; а сосідів Іванко (бо вона й ім'я напередзгворювалась) як почав Галькину сраку чесать, а тут їй лихоманка забирає. «Ну що?» каже Грицько. — Да нам полегчило. А після і сам Грицько заботливо й каже: «Галя, піди, попроси сосідова вола, щоб мені жопу полизав.» Вона пішла і випросила вола: «Ну, лягай, щоб до окошка!» Він спутав ноги і став у вікно сраку, а вил як вдарить його по тій сраці, аж тут голову йому перевернуло!

5.

Болезненная невеста.

Разговорились промежду себя —

Окончание сказки
«Женитьба дурня»

— Почекай (подожди) лишень трохи: ми пора́димось (рада — совет) з добрими людьми, як вони скажуть.

— Ну, добре.

От добрі люди присовітували, щоб дати йому борошна (зерно, хлеб)[1] мішків шість и послати на базар, та й звеліти йому, щоб він не продавав ні євреям, ні купцям, ні старим бабам, а продавав дівчатам и молодицям и просив би з них за борошно їбалки[2]. Прийшов старий додому та й каже:

— Синку! Бери пару волів, запрягай <до воза> й їдь на базар та вези шість мішків борошна; тільки не продавай євреям, купцям и старим бабам, а продавай дівчатам та молодицям. <И проси в них їбалки.>

От він узяв пару волів, запряг, наклав на віз борошна й повіз у місто. Під'їхав до базару, зустрічає його еврей.

— Здорово був, паноче! Що таке у вас є продажне?

— Нічо́го нема, бісів еврей!

Підходить купець:

— Що таке, паноче, продаєте?

— Нічо́го нема.

Оце підходить до нього молодиця й питає:

— Що таке продаєш?[3]

Він каже:

— Борошно.

— А скільки є?

— Шість мішків.

— А що просите за нього?

— Та дай їбалки!

Вона подивилась на[4] парубка й каже:

— Чи нельзя меньш узяти?

— Ні, не візьму; як даси їбалку, так віддам.

— Вези ж за мною.

Він зараз:[5]

— Гей, гей!

---

[1] *Было*: [пшеницы]

[2] *В рукописи*: ебелки

[3] *В рукописи*: продажне

[4] *Далее*: [нього]

[5] *Далее*: [сив на]

І приїхав до неї на двір й питає:

— Куди ж мені зносить?

Вона показала комору, а сама пішла, приготувала[1] меду й паляниць, та й говорить:

— Иди сюди, паноче!

Він зайшов до хати.

— Здоров був, паноче! Сідай та кушай їбалку.

Він сів і зачав опіздячивать, наївся й каже:

— Спасибі за їбалку!

Вона отвічає:

— Богу святому дякуй!

Приїхав він додому, батько й мати спрашивають:

— А що, синку? Продав борошно?

— Продав.

— А за що продав?

— За їбалку.

— А що, синку, гарна їбалка?

— Та така солодка, що й сказати не можна!

— Ну, синку, женись, і в твоєї жінки буде!

— Коли так, то й женить мене!

— Ну, стара, — каже батько, — слава Богу! Наш Грицько женитися захотів.

Послали вони сваху к богатому мужику.

Прийшла сваха:

— Помагай Бог!

— Здорова була, бабусю! А що ти нам скажеш хорошего?

— Та у вас є товар, а в мене є купець.

От і зісватала за Грицька дівчину Гапку. Тутечки вибрали дружку й бояр, созвали поїзд, поїхали до церкви й[2] повінчали, та й почали гуляти, веселитися. От вже ж треба молодих вести спати до коморы. Дружко каже:

— Ну, дивися ж, Грицько! Чи знаєш, де їбалка?

А він:

— Як не знати!

— А де?

— Та на столі.

---

[1] *Далее*: [самого]

[2] *Было*: [ста<ли>]

— Та ні, ти шукай, де волосся, там і їбалка.

— Добре.

Поклали їх спати, а самі пішли гуляти. Довго лежав Грицько з Гапкою, і схотілося йому їбалкы. Почав він шукати по кошелям і полкам — ніде нема. А в тій же коморі стояла соха, зверху на сохе[1] — жмут волосся[2]. Він побачив теє волосся, поліз на соху, просунув руку й щупає: чи нема там їбалки? Та вже злізти з сохи боіться. Прийшов дружко піднімати молодих, стукає:

— Добридень, молодий Грицько!

А він сидить на сохе й каже:

— Здоров був!

— А що, Грицько, знайшов волосся?

— Знайшов.

— І взліз?

— Взліз та оце лихо — не злізу.

— Валися набік.

Грицько звалився набік, ударився об землю й розбив собі голову до крові.

Дружко питає:

— Ну що, звалився?

— Звалився.

— А що, до крові?

— <Та вже ж,> до крові!

— Відчиняйте ж двері!

Відчинили. Грицько зараз вискочив й побіг у степ, до своїх вівець. Біжить біля попова двора, удруг наскочили на нього собаки; він почав оборонятися, пятився, пятився та й вліз у самую церков, а се було у неділю (воскресенье). Він подивився та й каже:

— Іш, бісові собаки, скільки нагнали сюди людей!

І дивно йому, що людей багато, а всі мовчать, тільки помаленьку шепочуть та вклоняються, мабуть, вони кого просять, щоб їх додому довів. А далі[3] побачив він попа в золотій свиті, що ходить між людей та все вкланяється; от

---

[1] *Далее*: [було под то був]

[2] *В рукописи:* було подоткнуто пучком волосьев. *Это выражение исправлено по смыслу на* «— жмут волосся».

[3] *Было*: [як]

іде він і до Грицька[1], а Грицько думає: «Що се таке? Несе він якусь торбинку й на людей огонь кидає (речь идет о кадиле)».

Піп блище, а Грицько йому каже:

— Помалу, батьку! Очі не випечі!

А піп усе махає та махає. Як Грицько сви<с>не його по голові, аж він упав; тут люди, мабуть чоловіків п'ятдесят буде, учепилися за дурня; він усіх їх витяг вон з церкви, і сам пішов у степ.

— Ну[2], бісови люди, кажіть мені спасибі, а то б ви тутечки й заночували!

А Гапка скучає собі без чоловіка й плаче. От і навчили її, щоб вона пішла до Грицька у степ, і як буде він стояти з ватагою біля води, то щоб вона спросила у нього:

— А що, чоловіче, чи не можно отут скупатися?

А він скаже:

— Чому ж не можна? Можна.

— Та, може, тут глибоко? Полізай[3] сам перший у воду.

От так діло и зділається! Пішла Гапка в степ, приходить, а він стоїть коло става (пруда).

— Здоров був, паноче!

— Здорова була!

— А що, чоловіче, чи можна тут скупатися?

— Чому ж не можна?

— Та, може, глибоко, покажи[4] мені.

Він зараз скинув сорочку й штани, вліз у воду й каже:

— Бачишь, по колені.

Вона й собі влізла у воду, побачила в нього хуй і питає:

— Що се таке?

А він каже:

— Се табака.

---

[1] *Далее*: [несе]
[2] *Далее*: [кажить]
[3] *Далее*: [и ты]
[4] *Далее*: [пожалуй]

— Нащо ж вона? Що ти робишь нею?
— Ссу.
— А чим ти її годуєш (кормишь)?
— Та ничим.
— Ото вона й худа!
А Грицько, побачив у Гапки пізду, та й питає:
— А у тебе що се таке?
— Поцька.
— А нащо вона тобі?
— Табаку годувати. Хай твоя табака поїсть поцьки.
— Э-э, щоб вона мене вкусила! Хай їй біс!
— Ні, не вкусить!
Грицько узяв свою гирлигу (овчарская палка) й зачав пробувать: чи не вкусить? А там согласився погодувати свою табаку. Надрочила вона йому й направила хуй у пізду, та й придерживає. Любо стало Грицьку, бросив він степ и прибіжав додому, прибіжав и кричить:
— Тату, мамо! Де моя жінка?
— Нащо вона тобі?
— Їбати хóчу.
— Зараз прийде.
А жінка тому й рада, а сама каже:
— Підожди до обіду, мати галушки варила.
А він:
— Нічого не хóчу, ходім годувати табáку.
Й зачав її єть, а вона зачала пердіти; трудно їй стало, скочила й охота. Вона й говóрить:
— Я, чоловіче, вже не здужаю.
— Що ж робити?
— Та мені добрі люди казали, щоб[1] нашого сусіда вол полизав мені сраку, то, може, я й поправлюся. Піди попроси вола!
Пішов він до сусіда:
— Нехай ваш віл моїй жінці сраку полиже!
— Нехай!
Воротився до жінки, та й каже:

---

[1] *Было*: шоб [я пойила перепелятины, то може [и поправлюсь]. А де ж я возьму?]

— Іди! Вже[1] пригнав вола.

От Гапка задрала хвіст, уставила сраку у вікно. Грицько її придержіває; а сусідський Івашка (бо вона з ним наперед зговорилась) як почав Гапку через сраку чесати, аж її лихорадка забирає.

— Ну, що? — каже Грицько[2].

— Та мало полегчило.

А посля й сам Грицько заболів и каже:

— Жінко, піди, попроси в сусіда вола, щоб мені жопу полизав.

Вона пішла й випросила вола:

— Ну, уставай, підь до окошка!

От він, спустив штани й виставив у вікно сраку, а віл як вдарить його по тій сраці, аж через голову він перевернувся!

15

БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА

Разговорились промеж себя две девки.

— Как ты — а я, девушка, замуж не пойду!

— А что за неволя идти-то! Ведь мы не господския.

— А видала ль ты, девушка, тот струмент, каким нас пробают?

— Видала.

— Ну, что же — толст?

— Ах, девушка, право, у другого толщиною будет с руку.

— Да это и жива-то не будешь!

— Пойдем-ка, я потычу тебя соломинкою — и то больно!

Поглупей-то легла, а поумней-то стала ее тыкать соломинкою.

— Ох, больно!

Вот одну девку отец приневолил и отдал замуж. Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге:

---

[1] *Далее*: [прив<ел>]

[2] *Далее*: [— Пол<егчило>]

— Здраствуй, девушка!

Та сейчас ее расспрашивать, что и как.

— Ну, — говорит молодая, — если б да я знала-ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!

Так девку напугала, что и не поминай ей про женихов.

— Не пойду, — говорит, — ни́ за кого, разве отец силою заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безмудаго.

Только был в этой деревне молодой парень, круглой бедняк; хорошую девку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и послушал ихний разговор.

«Погоди ж, — думает, — мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет!»

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет, идет да и спотыкнется, а девка так смехом и заливается. А тут пришлась еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатилась назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить немилостиво да приговаривать:

— Вставай, чтоб тебя ободрало!

— За что ты ее, разбойник, бьешь? — говорит девка.

Он[1] поднял хвост[2], смотрит и говорит:

— А что с ней делать-то? Теперь бы её еть да еть, да хуя-то нет!

Как услыхала она эти речи, так тут же[3] и усцалась от радости и говорит себе: «Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!»

Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут[4] её, а она сердито отвечает:

— Не хочу!

---

[1] *Начато*: [А]
[2] *Далее*: [да]
[3] *Было*: [ажно]
[4] *Далее*: [и]

— Поди, Дунюшка! — говорит мать, — или о чем раздумалась? Скажи-ка мне.

И[1] отец говорит:

— Ну, что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?

А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безмудова Ивана.

— Не хочу, — говорит, — ни за кого; хочете — отдайте, хочете — нет за Ивана.

— Что ты, дурища, сбесилась али с ума спятила? Ты с ним по миру находишься!

— Знать, моя судьба такая! Не отдадите — пойду утоплюсь не то удавлюся...

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не при(ни)мал энтого бедняка Ивана, а тут сам пошел набиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старой лапоть.

— Здорово, Иванушка!

— Здорово, старик!

— Что поделываешь?

— Хочу лапти заковыривать.

— Лапти! Ходил бы в новых сапогах.

— Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги!

— А что ж ты, Ваня, не женишься?

— Да кто за меня отдаст девку-то?

— Хочешь, я отдам! Целуй меня в самой рот!

Ну и сладили. У богатаго не пиво варить, не вино курить; в ту ж пору обвенчали; отпировали, и повел дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знамое: пронял Ванька молодую до руды (крови), ну да и дорога-то была туды!

«Эх, я дура глупая! — подумала Дунька. — Что я наделала? Уж ровно бы принять страху, выйтить бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него».

И спросила-таки:

— Послушай, Иванушка! Где ты хуй-то взял?

— У дяди на одну ночь занял.

---

[1] *Было*: [А]

— Ах, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку.

Прошла и другая ночь; она опять говорит:

— Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе хуя совсем? Да торгуй хорошенько.

— Пожалуй, поторговаться можно.

Пошел к дяде, сговорился с ним заодно[1] и приходит домой.

— Ну что?

— Да что говорить! С ним не столкуешься; триста рублев заломил, эдак не укупишь; где я денег-то возьму?

— Ну, сходи, попроси взаймы еще на одну ночку; а завтра я у батюшки выпрошу денег — и совсем купим.

— Нет уж, иди сама проси, а мне, право, совестно!

Пошла она[2] к дяде, входит в избу, помолилась Богу и поклонилась:

— Здраствуй, дядюшка!

— Добро пожаловать! Что хорошаго скажешь?

— Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить: одолжите Ивану на одну ночку хуйка вашего.

Дядя[3] задумался, повесил голову и сказал:

— Дать можно, да чужой хуй беречь надыть!

— Будем беречь, дядюшка, вот те хрест! А завтра беспременно совсем[4] у тебя его купим.

— Ну, присылай Ивана!

Тут она кланялась ему до земли и уходила домой. А на другой день пошла к отцу, выпросила мужу 300 рублев, и купили они себе важной кляп!

16
ГОРЯЧИЙ КЛЯП

Был-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу:

— Батюшка, Ванька просил у меня поеть.

— Э, дурная! Зачем давать чужому; мы и сами поебем!

---

[1] *Было*: по[таскался кое-где]

[2] *Далее было*: к дяде [в избу; взошла,] помолилась

[3] *Начато*: [Зад]

[4] *Далее*: [его]

Взял гвоздь, разжег[1] в печи и прямо ей в пизду[2] и вляпал, так что она три месяца сцать не могла![3] А Ванька повстречал эту девку да опять начал просить:

— Дай-де мне поеть.

Она и говорит:

— Брешишь, черт Ванька! Меня батюшка поеб, так пизду обжег, что я три месяца не сцала!

— Не бось, дура! У меня холодной кляп.

— Врешь, черт Ванька! Дай-ка я пощупаю.

— На, пощупай!

Она взяла его за хуй рукою и закричала:

— Ах ты, черт эдакой! Вишь теплой; макай в воду.

Ванька стал макать в воду, да с натуги и забздел.

А она:

— Ишь зашипел! Ведь сказывала, что горяч, дак[4] еще обмануть, вор, хочет.

Так и не дала Ваньке.

17
СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Был-жил[5] мужик, у него была жена, дочь да два сына[6] — еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посбирала черное белье и начала стирать его, стоя над корытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят да смеются:

— Эх, Андрюшка! Посмотри-ка, ведь у матушки две пизды.

— Что ты врешь! Это — одна, да только[7] раздвоилась.

---

[1] *Далее*: [его]
[2] *Далее*: [его]
[3] *Далее начато*: [Как] [Повстречала девка. Девка по]
[4] *Было*: [К]ак
[5] *Было*: Был[и]-жил[и]
[6] *Далее*: [мальчики]
[7] *Далее*: [на двое]

— Ах вы, сопливые черти! — закричала на них мать. — Вишь что выдумали.

Пришла баба в избу, легла с дочкою на печь, и стали меж собой разговаривать.

— Ну, дочка, — сказывает мать, — скоро тебя замуж пора отдавать; будешь тогда[1] с мужем жить[2], а не с нами...

— Коли так, я и замуж не хочу!

— Что ты, что ты, глупая! Да чего тебе бояться? Добрыя девки еще тому радуются...

— Да[3] чего радоваться-та?

— Как чего? Переспишь с мужем первую ночь, променяешь тады и отца с матерью на него, понравится тебе слаще меду и сахару.

— Отчего же, матушка, так сладко, и где у них эта сладость?

— Ах ты какая глупая! Вить ты ходила маненькою с отцем в баню-та?

— Ходила, — говорит дочь.

— Ну, видела ты у отца на конце[4] зарубку?

— Видела, матушка!

— Вот это и есть самая сласть!

А дочь говорит:

— Коли бы эдак[5] зарубить зарубок пять, тады б еще слаще было!

Отец лежал, лежал на полатях, слушал, слушал, не утерпел и закричал:

— Ах вы, разбойницы! Хуй вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не разрубить сваво хуя на мелкия части.

Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то хуя мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить!

---

[1] *Было*: [тоды]

[2] *Далее было*: [— Нет, [да я], матушка, не хочу замуж итить]

[3] *Далее*: [чему радоваться-то?]

[4] *Далее*: [-та]

[5] *Далее*: [бы еще]

18

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

У одного старика был сын, парень взрослой, у другого дочь — девка на поре́. И задумали они оженить их.

— Ну, Иванушка! — говорит отец. — Я хочу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!

— Ну, Машутка! — говорит другой старик. — Я хочу отдать тебя за соседского сына, сойдись-ка с ним да ладнее познакомься!

Вот они сошлися на улице, поздоровались.

— Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладней познакомиться, — говорит девка.

— И мне то ж наказывал мой батька, — говорит парень.

— Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спишь?

— В сенцах.

— А я в амбарушке; приходь ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее...

— Ну что ж!

Вот пришел Иванушка ночью и лег[1] с Машуткою. Она и спрашивает:

— Шел ты мимо гумна?

— Шел.

— А что, видел кучу говна?

— Видел.

— Это я насрала.

— Нечего[2] — велика!

— Как же нам с тобою поладить? Надо посмотреть: хорош ли у тебя струмент?

— На, посмотри, — сказал он и развязал гашник, — я этим богат!

— Да эдакой-то[3] мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!

---

[1] *Далее*: [спать]
[2] *Было*: [Ну что ж]
[3] *Было*: [т]акой

— Дай-ка я попробую: придется ли?

И стал пробывать; хуй у него колом стоит;[1] как махнет ее — ажно изо всех сил она закричала:

— Ох[2], как больно кусается!

— Не бось! Ему места мало, так он и сердится.

— Ну вот, я ведь сказывала, что[3] место-то для него мало́!

— Погоди, будет и просторно.

Как пробрал ее всласть, она и говорит:

— Ах, душечка! Да твоим богачеством можно денежки доставать!

Покончили и заснули;[4] проснулась она ночью и ну целовать его в жопу — думает в лицо, а он как подпустил сытности — девка и говорит:

— Ишь, Ваня, от тебя цингой пахнет!..

19
МУЖИКИ И БАРИН

Пришел барин в праздник к обедне, стоит и молится Богу; вдруг откудова ни возьмись — стал впереди его мужик, и этот сукин сын согрешил, так набздел, что[5] продохнуть не можно.

«Эка подлец! Как навонял», — думает барин. Подошел к мужику, вынул целковой денег, держит в руке и спрашует:

— Послушай, мужичок! Это ты так хорошо насрал?

Мужик увидал деньги и говорит:

— Я, барин!

— Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег.

Мужик взял и думает: «Верно, барин уж очень любит

---

[1] *Далее было*: а) как мах[нет—так она] изо всех сил [и] закричала; б) как мах[нул]; [тут]...

[2] *Было*: [У]х

[3] *Далее*: [мало] место [мест]

[4] *Далее был преждевременно записан номер следующей сказки*: [21]

[5] *Далее*: [едва стоишь на]

благодарить людей за всякую доброту!, Покончили с ужином, простились с ним все ласково и ну уговаривать его не трогать дурака, а он [illegible] подпустил здоровенную бомбу и говорит: „Вот, Ваня, от тебя убытку!“.

21.

Мужики и барин.

Пришел барин на праздник на обедню, сошел с телеги, вдруг откуда ни возьмись — целый передний мужик и этот сукин сын сделал [illegible] на будущее, что [illegible] народ-ишко все норовит. „Ах подлец!“ Как накинется дубасить барина, подошел к мужику, выдрал у него целый клок волос, ударил в руку и спрашивает: „Понятно?, мужичок!“ „Это ты так хорошо насрал?“ Мужик увидал деньги и говорит: „Ну, барин!“ — „Ну вот, братец! на — тебе за это рубль денег.“ Мужик взял и думает: вот барин-то очень любит будет надо каждый праздник ходить в церковь где около него [illegible] ся; и [illegible] всегда по целковому давать. Отошел обедню, [illegible] всех по домам. Мужик

Факсимиле листа рукописи с началом сказки «Мужики и барин»

бздёх, надо кажной праздник ходить в церковь да около него становиться; он и всегда по целковому будет давать».

Отошла обедня, разошлись все по домам. Мужик — прямо к соседу своему и рассказал, как и что с ним было.

— Ну, брат, — говорит сосед, — теперича, как дождем праздника — пойдем оба в церковь; вдвоем мы еще больше набздим: он[1] обем (обоим) нам даст денег!

Вот дождались они праздника, пошли в церковь[2], стали впереди барина и напустили вони на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашует:

— Послушайте, ребята, это вы так хорошо насрали?

— Мы, сударь!

— Ну, спасибо вам; да жалко, со мной теперича денег не случилось. А вы, ребята, как отойдет обедня, пообедайте поплотней да приходите ко мне на дом набздеть хорошенько; я вам тогда заодно заплачу.

— Слушаем, барин! Нынча же к вашей милости оба прийдем.

Как[3] покончилась обедня, мужики пошли домой обедать, нажра́лись[4] — и к барину. А барин приготовил им доброй подарок — розок(г) да палок; встречает их и говорит:

— Что, ребята, побздеть пришли?

— Точно так, сударь!

— Спасибо, спасибо вам! Да как же, молодцы, вить надо раздеться, а то на вас одежи много — не скоро дух прошибет.

Мужики поскидали армяки и поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим; как они схватили мужиков, растянули их да начали парить: палок пятьсот задали в спину! Насилу выбрались[5] да бежать домой без оглядки и одёжу-то свою побросали.

---

[1] *Далее*: [а) обоим нам...; б) обоих нас...; в) [и тебя и меня] подарит деньгами!]

[2] *Далее*: [за]

[3] *Было*: [Вот]

[4] *Было*: [нае]лись

[5] *Было*: вы[рв]ались

20
ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая неряха, за что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж, пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости; эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да сказывает:

— Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скусной, настояще ситной, а у меня такой, что и проглотить не хочется — настояще кирпич.

— Послушай, дочка! — говорит старуха. — Ты, верно, не хорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен; а ты попробуй квашню вымесить так, чтоб у тебя жопа была мокра! Так и дело будет ладно.

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить; помесит-помесит да подымет подол и пощупает: мокра ли жопа? И опять начнет месить. Часа два так месила, всю жопу выпачкала, а узнать не может: мокра ли у ней жопа или нет? Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке:

— Подь сюды, посмотри, не видать ли: мокра моя жопа али нет?

Мальчик посмотрел[1] и говорит:

— Эге, матушка! У тебя две дырки вместе, да обе в тесте!

Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлебы такие скусные, что если б знали, как она месила — никто б и в рот не взял!

21
НЕТ

Жил-был старой барин, у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко; он[2] боится, как бы жена его не стала с кем блядовать, и говорит:

---

[1] *Далее*: [да]
[2] *Далее*: [и]

— Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не примай к себе[1], чтоб они тебя не смутили; а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал — отвечай все: *нет* да *нет*!

Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит себе по саду; а мимо на ту пору проезжал офицер. Увидал барыню такую славную и стал ее спрашивать:

— Скажите, пожалуста, какая это деревня?

Она ему отвечает:

— Нет!

«Что бы это значило?» — думает офицер; о чем ее ни спросит — она все: нет да нет! Только офицер не будь промах:

— Ежели, — говорит, — я слезу с лошади да привяжу ее к забору — ничего за это не будет?

А барыня:

— Нет!

— А если взойду к вам в сад — вы не рассердитесь?

— Нет!

Он вошел в сад.

— А если я с вами стану гулять — вы не прогневаетесь?

— Нет!

Он пошел рядом с нею.

— А если возьму вас за ручку — не будет вам досадно?

— Нет!

Он взял ее за руку.

— А если поведу вас в беседку — и это ничего?

— Нет!

Он привел ее в беседку.

— А если я вас положу и сам с вами лягу — вы не станете противиться?

— Нет!

Офицер положил ее и говорит:

— А если я вам да заворочу подол — вы, конечно, не будете сердиться?

— Нет!

---

[1] *Далее*: [никаких]

Он заворотил ей подол, поднял ноги покруче и спрашивает:

— А если я вас да стану еть — вам не будет неприятно?

— Нет!

Тут он отработал ее порядком, слез с нея, полежал, полежал да опять спрашивает:

— Вы теперича довольны?

— Нет!

— Ну, когда нет, надо еще еть! — Отзудил еще раз и спрашивает: — А теперь довольны?

— Нет!

Он опять ее пробрал хорошенько и спрашивает:

— А теперь довольны?

— Нет.

Он плюнул и уехал, а барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит[1] жене:

— Ну что, все ли у тебя благополучно?

— Нет!

— Да что же? Не поёб ли тебя кто?

— Нет!

Что ни спросит, она все: нет да нет; барин и сам не рад, что научил ее.

22
МУЖ НА ЯЙЦАХ

Жил мужик с бабою, мужик был ленивой, а баба работящая. Вот жена землю пашет, а муж на печи лежит! Раз как-то и поехала она орать землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: завалился[2] спать и проспал цыплят: всех их ворона перетаскала, бегает по двору одна квочка да кричит себе; а ему хоть трава не расти. Вот приехала хозяйка и спрашивает:

— А где у тебя цыплята?

[1] *Было*: [спрашивает жен...]

[2] *Было*: за[лег сп...]

— Ах, женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят и перетаскала.

— Ах ты, пес едакой! На-жа, курвин сын, садись на яйцы да высиживай сам цыплят.

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатях, скинул с себя портки и сел на яйцах. Вот баба, не будь дурна, взяла у отставного солдатика шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло:

— Ей, хозяин! Да где ты?

Мужик полез с полатей и упал вместе с яйцами наземь.

— Это что делаешь?

— Батюшка служивой! Домовничаю.

— Да разве у тебя жены нету?

— Есть, да в поле работает.

— А ты что ж сидишь дома?

— Я цыплят высиживаю.

— Ах ты, сукин сын! — И давай его плетью дуть изо всех сил да приговаривать: — Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю паши.

— Буду, батюшка, и работать, и пахать, Ей-богу, буду!

— Врешь, подлец!

Била его баба, била, потом подняла ногу:

— Посмотри, сукин сын! Был я на стражении, так[1] меня ранили — что, подживает моя рана? Али нет?

Смотрит мужик жене в пизду и говорит:

— Заволакивает, батюшка!

Баба ушла, переоделась в свою бабью одежу и назад домой; а муж сидит да охает.

— Что ты охаешь?

— Да приходил солдат, всего меня плетью избил.

— За что?

— Велит работать.

— Давно бы тебя надо! Жалко, что меня дома не было, я б попросила еще прибавить.

— Ну да ладно же, и он издохнет!

---

[1] *Было*: [да]

— Это отчего?

— Да был он на стражении, там его ранили промеж ног; он мне показывал свою рану да спрашивал: «Подживает ли?» Я сказал: заволакивает; а чего[1] заволакивает — только больше рдится, а кругом мохом обросло!

С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

23
ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

Ходил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не убил, нарвал орехов и грызет себе. Попадается ему навстречу дедушка леший:

— Дай, — говорит, — орешков.

Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее-грыз, никак не сладит и говорит:

— Я не разгрызу!

Охотник ему:

— Да ты выхолощен или нет?

— Нет!

— То-то и есть! Давай я тебя охолощу, так и станешь грызть орехи.

Леший согласился. Охотник взял, защемил ему хуй и муде между осинами.

— Пусти, — кричит леший, — пусти! Не хочу твоих орехов!

— Врешь, будешь грызть!

Вырезал ему яйца, выпустил и дал взаправской орех. Леший разгрыз.

— Ну, вот ведь я сказывал, что будешь грызть!

И пошел охотник в одну сторону, а леший пошел в другую сторону и грозит ему:

— Ну, ладно! Придешь овин сушить, я сыграю с тобою штуку!

Пришел охотник домой, сел на лавку и говорит:

— Ох, жена! Я устал, поди-ка ты овин сушить.

---

[1] *Далее*: [там]

Баба пошла в овин, развела огонь и легла у стенки. Вот приходят два лесовика и говорят промеж себя:

— Давай-ка зажжем овин!

— Нет, давай наперво посмотрим: такова ли у него рана, какую он у тебя[1] сделал?

Посмотрели.

— Ну, брат! У него еще больше твоей; видишь, как рассажена — больше шапки, да какая красная!

И пошли они прочь — в свой лес.

24
МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик. Посеял он репу. Приходит время репу рыть, а она не поспела; тут он с досады и сказал:

— Чтобы черт тебя побрал! — А сам ушел с поля.

Проходит месяц, жена и говорит:

— Ступай на полосу, может статься, наберешь репы.

Отправился мужик, пришел на полосу, видит — репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Вдруг бежит старичок и кричит на мужика:

— Зачем воруешь мою репу?

— Какая твоя?

— А как же, разве ты мне ее не отдал, как она еще не поспела? Я[2] старался, поливал ее!

— А я садил[3].

— Не буду спорить, — сказал черт, — ты точно ее садил, да я-то поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду. Если ты узнаешь, на чем я приеду[4], — то твоя репа; если я узнаю, на чем ты приедешь, — то моя репа.

Мужик согласился. На другой день он взял с собою жену и, подойдя к полосе, поставил ее раком, заворотил[5] подол, воткнул ей в пизду морковь, а волоса на голове

---

[1] *Далее*: [он]
[2] *Далее*: [сам]
[3] *Далее*: [ее]
[4] *Было*: прие[хал]
[5] *Далее*: [ей]

растрепал[1]. А черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивает мужика:

— На чем я приехал?

— А что ест? — спросил мужик.

— Осину гложет.

— Так это заяц!

Стал черт узнавать: ходил-ходил кругом и говорит:

— Волоса — это хвост, а это голова[2], а ест морковь!

Тут черт совсем спутался.

— Владей, — говорит, — мужик, репою!

Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

25
МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

Жил-был мужик с женою, дождались лета, пришло жнитво, стали они ходить в поле да жать. Вот кажное утро разбудит баба мужика пораньше; он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, сварит обед, нальет кушинчики и понесет мужу обедать, да до вечера и жнет с ним на поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же. Надоела мужику работа; стала баба его будить и посылать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку:

— Нет, блядь! Ступай-ка ты наперед, я дома останусь; а то я все хожу на поле рано, а ты спишь только да прийдешь ко мне уж тады, када я досыта наработаюсь!

Сколько жена ни посылала его, мужик уперся на одном слове:

— Не пойду!

— Нынче суббота, — говорит жена, — надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшена на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтрему сколотить...

---

[1] *Далее было*: [и сел [на нее] верхом, к жопе передом, к голове задом]

[2] *Далее было*: [а это], а [что] ест [?]

— Я и сам это обделаю! — говорит мужик.

— Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю.

И принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами; а сама взяла серп и пошла в поле.

— Ну, еще маленько посплю! — сказал мужик и завалился спать да и проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит — работы куча, не знает, за что прежде браться. Взял он рубахи, связал и понес на реку, намочил[1] да так в воде и оставил:

— Пущай повымокнет! Потом развешу, просохнет[2] и будет готово.

А река-то была быстротекучая, рубахи все за водою ушли. Приходит мужик домой, насыпал в квашню муки, налил водою:

— Пущай киснет!

Потом насыпал в ступу проса и начал толочь и видит: наседка[3] по сеням бродит, а цыплята все в разны стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочком за ножки и прицепил к курице и опять начал толочь просо; да вздумал, что еще кринка сметаны стоит, надо сколотить ее на масло. Взял эту кринку, привязал к своей жопе: я, дескать, буду просо толочь, а сметана тем временем станет на жопе болтаться: разом и пшено будет готово, и масло спахтано! Вот и толчет просо, а сметана на жопе болтается. Тут курица побрела на двор и цыплят за собой потащила. Как вдруг налетел ястреб, ухватил курицу и потащил со всем — с цыплятами. Курица заквохтала, цыпляты запищали; мужик услыхал, бросился на двор, да на бегу ударился кринкою об дверь[4], кринку расшиб и сметану всю пролил. Побежал отнимать у ястреба курицу; а дверей и не запер; пришли в избу свиньи, квашню опрокинули, тесто все поели[5] и до проса добрались: всё пожрали. А мужик курицы

---

[1] *Далее*: [в воде]

[2] *Было*: [высо<хнет>]

[3] *Далее*: [с цыплятами]

[4] *Далее*: [расшиб]

[5] *Далее было*: и прос[о из ступы] всё

с цыплятами не отнял, воротился назад — полна изба свиней, хуже хлева сделали! Насилу вон выгнал.

«Что теперича делать? — думает мужик. — Придет хозяйка — беда будет!»

Всё дело[1] чисто убрал — нет ничего!

«Да-ка поеду[2] рубахи из воды вытащу»[3].

Запряг кобылу и поехал на реку; уж он искал-искал белья; нету!

«Да-ка в воде поищу!»

Разделся, скинул с себя рубашку и штаны и полез в воду и пошел бродить, а толку все не добился:[4] так и бросил! Вышел на берег, глядь — ни рубахи, ни штанов нету, кто-то унес.

Что делать-то? Не во что и одеться, надо в деревню голому ехать.

— Нарву-ка я себе, — говорит, — длинной травы да обвяжу кляп, сяду в телегу и поеду домой: все не так стыдно будет!

Нарвал зеленой травы, обвертел свой хуй и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала совсем с хуем. Заголосил мужик о кляпе, кое-как добрался в избу, залез в угол и сидит голой и без хуя. Пришла с поля хозяйка; смотрит: в сенях квашня валяется, в избе все раскидано, а муж голой сидит в углу.

— Ну что, все приготовил?

— Все, любезная жена!

— Где же рубашки?

— За водой уплыли.

— А курица с цыплятами?

— Ястреб утащил.

— А тесто? А просо?

— Свиньи съели[5].

---

[1] *Было*: [убрал]

[2] *Было*: по[й]ду

[3] *Далее*: По[ше]л на реку.

[4] *Было*: доб[ьет]ся

[5] *Далее было*: [«А просо-то?» — Свиньи пожрали.]

— А сметана?
— Всю ро́злил.
— А хуй-та где?
— Кобыла съела.
— Экой ты, сукин сын, наделал добра!

26
ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был[1] барин с барыней. Вот барин-то ослеп, а барыня и загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать: не блядует ли с кем жена, и шагу не дает ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда ж пришел. Захотелось ей дать подьячему. Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена свое дело справляет, подьячему поддает. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится: подьячий на барыне сидит, и сказывает своей жене:

— Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну, что как теперя откроет Бог слепому глаза, да увидит он — что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет.

— И, душенька! Вить и нашей сестре Бог увертку даст!

— А какая тут увертка?

— Тогда узнаешь.

На тот грех и открыл[2] Господь слепому барину глаза;[3] увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал:

— Ах ты, курва! Что ты делаешь, проклятая блядь!

А барыня:

— Ах, как я рада, милой мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай-де грех с таким-то подьячим, и Господь за то откроет[4] твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды Бог дал тебе очи!

---

[1] *Далее*: [один]
[2] *Далее*: [Бог]
[3] *Далее*: [так и]
[4] *Далее*: [за то]

27
ТЕТЕРЕВ

Два дня ходил охотник по лесу — ничего не убил; на третий день дал обещанье: «Что ни убью, то проебу!» Пошел в лес, напал на[1] тетерева и убил его. Ворочается домой. Вот увидела из окна барыня, что идет охотник, несет тетерева, и позвала его к себе в горницу.

— Что стоит тетерев? — спрашивает барыня.

— Этот тетерев у меня не продажный, — говорит охотник, — а заветный.

— Какой же завет?

— Да как шел я на охоту, дал обещанье: что ни убью, то и проебу.

— Не знаю, как быть, — молвила барыня, — хочется мне тетеревятинки, дюже хочется! Видно, надо делу сбыться. Да мне совестно под тобою лежать...

— Ну я лягу книзу, а ты, барыня, ложись сверху.

Так и сделали.

— Ну, мужик, отдавай тетерева.

— За что я отдам тебе тетерева? Ведь ты меня ебла, а не я тебя.

Барыне жалко упустить тетерева.

— Ну, — говорит, — полезай на меня!

Мужик и в другой раз отделал барыню.

— Давай тетерева!

— За что я отдам тебе? Мы только поквитались.

— Ну полезай еще раз на меня, — говорит барыня.

Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз.

— Ну, давай же тетерева!

Как ни жалко было охотнику, а делать нечего — отдал барыне тетерева и пошел домой.

28
АРХИРЕЙСКОЙ[2] ОТВЕТ

Жили-были генерал да архирей; случилось им быть на беседе. Стал генерал архирея спрашивать:

---

[1] *Было*: [увидал]

[2] *В рукописи в названии и оглавлении*: Архиерейской

— Ваше преосвященство! Мы люди грешные, не можем без греха жить, не можем не еть; а как же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?

Архирей отвечает:

— Пришлите ко мне за ответом завтра.

На другой день генерал и говорит своему лакею:

— Поди к архирею, попроси у него ответа.

Лакей пришел к архирею, доложил о нем[1] послушник.

— Пусть постоит, — сказал архирей.

Вот стоял лакей час, и другой, и третий; нет ответа; просит послушника:

— Скажи опять владыке.

— Пусть еще постоит! — отвечал архирей.

Лакей долго стоял, стоял, не вытерпел — лег да тут же и заснул и проспал до утра. Поутру воротился к генералу и сказывает:

— Продержал до утра, а ответу никаго не дал.

— Опять, — говорит генерал, — сходи к нему да непременно попроси ответа.

Пошел лакей, приходит к архирею, тот его позвал к себе в келью и спрашивает:

— Ты вчера у меня стоял?

— Стоял.

— А потом лег да заснул?

— Лег да заснул.

— Ну так и у меня хуй, встанет — постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и скажи генералу.

29

ПОСЕВ ХУЕВ

Жили-были два мужика, вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо[2] старец, подходит к одному мужику и говорит:[3]

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, старичок!

---

[1] *Было*: [то]м

[2] *Далее*: [один]

[3] *Было*: [спраши<вает>]

— Что ты сеешь?

— Рожь, дедушка!

— Ну, помоги тебе Бог, зародись твоя рожь высока и зерном полна!

Подходит старец к другому мужику:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, старичок!

— Что ты сеешь?

— Нéчто тебе надо знать? Я сею хуи!

— Ну и зародись тебе хуи!

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой.

Как[1] стала весна да пошли дожди — у первого мужика взошла рожь и густая и большая, а у другого мужика взошли всё хуи красноголовые, да так-таки всю десятину и заняли: и ногой ступить негде, всё хуи! Приехали мужики посмотреть, каково их рожь взошла; у одного дух не нарадуется, гля́дя на свою полосу, а у другого так сердце и замирает.

«Что, — думает, — буду я теперича делать с эдакими чертями?»

Дождались мужики — вот и жнитво пришло; выехали[2] на поле: один зачал рожь жать, а другой смотрит[3] — у него на полосе поросли хуи аршина в полтора, стоят себе красноголовые, словно мак цветет.

Вот мужик поглазел-поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши, собрал ножи, наточил повострее, взял с собой ниток и бумаги и опять воротился на свою десятину. И начал хуи срезывать: срежет пару, обвернет в бумагу, завяжет хорошенько ниткою и положит в телегу.

Посрезывал все и повез в город продавать.

«Да-ка, — думает, — повезу, не продам ли какой дуре хошь одну парочку!»

Везет по улице и кричит во все горло:

— Не надо ли кому хуев, хуев, хуев! У меня славные продажные хуи, хуи, хуи!

---

[1] *Далее было*: [дождались они] весн[ы]

[2] *Далее*: [посмотреть]

[3] *Далее*: [стоят]

Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку:

— Поди поскорее, спроси — что продает этот мужик?

Девка выбежала:

— Послушай, мужичок! Что ты продаешь?

— Хуи, сударыня!

Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать.

— Сказывай же, дура! — говорит барыня. — Не стыдись! Ну, что он продает?

— Да вот что, сударыня: он, подлец, хуи продает!

— Эка дура! Беги[1] скорей, догони да поторгуй, что он с меня за пару возьмет?

Девка воротила мужика и спрашивает:

— Что парочка стоит?

— Да без торгу сто рублей.

Как[2] только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей.

— На, — говорит, — поди да смотри — выбери какие получше: подлиннее да потолще.

Приносит девка мужику деньги и упрашивает:

— Только, пожалуста, мужичок, дай каких получше.

— Они у меня все хороши уродились!

Взяла горничная пару добрых хуев, приносит и подает барыне; та посмотрела, и показались ей оченно.

Сует себе куда надыть, а они не лезут.

— Что же тебе мужик сказал, — спрашивает она у девушки, — как командовать ими, чтобы действовали?

— Ничего не сказывал, сударыня.

— Эка ты дура какая! Поди сейчас спроси.

Побежала опять к мужику:

— Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать, чтоб мог действовать?

А мужик говорит:

— Коли даст еще сто рублей, так скажу!

Горничная скорей к барыне:

— Так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей.

---

[1] *Начато*: [Ступ<ай>]

[2] *Далее*: [услышала]

— Экой сукин сын! Ну, делать[1] нечего, отдай ему сто рублей! Такую штуку и за двести рублей купить — не дорого!

Взял мужик новую сотню и говорит:[2]

— Коли барыня захочет, пусть только скажет: «*Но-но!*»

Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол[3] и командует: «Но-но!» Как пристали к ней оба хуя, да как зачали ее нажаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Посылает она горничну<ю>:

— Поди, догоняй энтого сукина сына да спроси, что надо сказать, чтоб они отстали!

Бросилась[4] девка со всех ног:

— Скажи, мужичок! Что нужно сказать, чтоб хуи от барыни отстали? А то они барыню совсем замучили!

А мужик:

— Коли даст еще сто рублей, так скажу!

Прибегает девка домой, а барыня[5] еле жива на кровати лежит.

— Возьми, — говорит, — в комоде последние сто рублей да неси[6] подлецу поскорее! А то смерть моя приходит!

Взял мужик и третью сотню и говорит:

— Пусть скажет только: «Тпрру», — они сейчас отстанут.

Прибежала горничная и видит: барыня уж без памяти и язык высунула; вот она сама крикнула на них:

— *Тпрру!*

Оба хуя сейчас выскочили. Полегчило барыне; встала она с кровати, взяла и припрятала хуи и стала себе жить в свое удовольствие. Как только захочется — сейчас достанет их, скомандует, и[7] хуи станут ее отрабатывать, пока не закричит барыня:

---

[1] *Далее*: [дело]
[2] *Далее*: [и вот]
[3] *Далее*: [Приставила хуй куда след]
[4] *Было*: [побежала]
[5] *Далее*: [еще]
[6] *Было*: [от]неси
[7] *Далее*: [они так] станут ее работать

— *Тпрру!**

В одно время случилось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти хуи с собою. Побыла в гостях до вечера, и стало ей скучно: собирается домой. Тут зачали ее упрашивать, чтоб осталась переночевать.

— Никак невозможно, — говорит барыня, — я позабыла дома одну секретную[1] штуку, без которой мне не заснуть!

— Да коли хотите, — отвечают ей хозяева, — мы[2] пошлем за нею хорошаго, надежнаго человека, чтоб привез ее в целости.

Барыня согласилась. Сейчас нарядила лакея, чтоб оседлал добраго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь.

— Спроси, — сказывает барыня, — у моей горничной, уж она[3] знает[4], где эта штука спрятана.

Вот лакей приехал, горничная вынесла ему два хуя, оба завернуты в бумагу, и отдала. Лакей положил их в задний карман, сел верхом и поехал назад. Пришлось ему по дороге взъезжать на гору, а лошадь-то была ленивая, и только что начал[5] он понукать ее: «*Но-но*» — как они вдруг выскочили оба и ну его зажаривать в жопу. Халуй ажно испугался! «Что за чудо такое, откуда они, проклятые, взялись?» Пришло халую хоть до слез, не знает, как и быть! Да стала лошадь с горы спускаться прытко, так он и закричал на нее: «Тпрру!» Хуи сейчас из жопы и повыскакали вон. Вот он подобрал их, завернул в бумагу, привез и подает барыне.

— Что[6], благополучно? — спрашивает барыня.

---

* *Вариант*: Мужик учит барыню говорить: «*Но — тпрру! Но — тпрру!*» Скажет «*Но*» — хуй пойдет в дыру, скажет «*Тпрру!*» — назад попятится и т. д.

[1] *Далее*: [штуку в]

[2] *Далее*: [за нею]

[3] *Далее*: [то]

[4] *Далее*: [что и] где это [взять]

[5] *Далее*: [стал]

[6] *Начато*: [Ну]

— Да ну их к черту, — говорит халуй, — коли б на дороге да не гора, они заебли б меня до двора!*

30
ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

а

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата-крестьянина. Повздорили меж собой и стали делиться: поделили имение не поровну, старшим досталось много, а третьему по жребию пришлось мало. Все они трое были холостые, сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя: пора-де нам жениться!

— Вам хорошо, — говорит меньшой брат, — вы богаты и у богатых сосватаетесь; а[1] мне-то что делать? Я беден, нет у меня ни полена, только и богатства, что хуй по колена!

В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе: «Ах, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него хуй-та по колена!»

Вот старшие братья поженились, а меньшой ходит холостой. А купеческая дочь как пришла домой, только на разуме и держит, чтобы выйти за него замуж; сватали ее разные богатые купцы, только она не выходит за них.

— Ни за кого, — говорит, — не пойду замуж, окромя за такого-то молодца.

Отец и мать ее уговаривать:

— Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?

Она отвечает:

---

* *Вариант*: Барыня наказывает лакею привезти свой секрет в ящике, да никак не заглядывать туда, не любопытствовать, что такая за штука. Лакей не утерпел и посмотрел, идя дорогою; как увидал и промолвил, покачивая головой: «Ну, ну, ну!» — оба хуя так и всадились к нему в жопу и долго его промучили. Да спасибо, ехал навстречу мужик на доброй лошади и закричал на нее: «Тпрру!» — тут они и выскочили вон.

[1] *Далее*: [я] то, что [буду]

— Нужды вам нет до этого! Не вам с ним жить!

— Ну, Бог с тобой, дочка! Знать, судьба твоя такова!

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит:

— Послушай, голубчик! Ты что зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет.

Молодец сейчас собрался, надел новой армяк, взял новую шапку и пошел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидала его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самой, у которого хуй по колена, не стала и разговаривать, начала просить у отца-матери их родительскаго навеки нерушимого благословения. Так и выдали ее за беднаго мужика замуж. Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него хуишка так себе, меньше перста.

— Ах ты подлец! — закричала на него. — Ты хвастался, что у тебя хуй по колена; где же ты его дел?

— Ах, жена-государыня, вить ты знаешь, что я холостым был оченно беден; как стал собираться играть свадьбу — денег у меня не было, не на что было подняться, я и отдал свой хуй под заклад.

— А за сколько ты его заложил?

— Не за много, всего за пятьдесят рублей.

— Ну хорошо же; завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свой хуй, а не выкупишь — и домой не ходи!

Дождалась утра и сейчас побежала к матери и говорит:

— Сделай милость, матушка! Дай мне пятьдесят рублей, оченно нужно!

— Да скажи, на что нужно-то?

— А вот, матушка, для чего: у моего мужа был хуй по колена, да как стали мы играть свадьбу, ему[1], бедному, не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теперича у моего мужа хуишка так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить его старой[2] хуй!

---

[1] *Было*: [он]

[2] *Далее*: [его]

Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери.

Та прибегает домой, отдает мужу деньги и говорит:

— Ну, ты теперича беги как можно скорее, выкупи свой старый хуй: пускай чужие люди им не пользуются!

Взял молодец деньги и пошел с очей[1] долой; идет и думает: «Куда мне теперича деваться? Где такого хуя жене достать? Пойду куда глаза глядят».

Шел он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль и повстречал старуху.

— Здраствуй, бабушка!

— Здраствуй, доброй человек! Куда путь держишь?

— Ах, бабушка! Коли б ты знала-ведала мое горе, куда я иду!

— Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособлю.

— Сказать-то стыдно!

— Небось, не стыдись, а говори смело!

— А вот, бабушка! Похвастался я, что у меня хуй по колена, услыхала эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночку и увидела, что хуишка мой так себе, менее перста, — она и заартачилась, стала спрашивать: «Куда девал большой хуй?» А я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей; вот она дала мне эти деньги и сказала, чтоб непременно его выкупил; а коли не выкуплю — чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и делать-то!

Старуха говорит:

— Отдай мне свои деньги[2], я пособлю твоему горю!

Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей, а старуха дала ему кольцо.

— На, — говорит, — возьми это кольцо, надевай только на один ноготок.

Парень взял кольцо и надел;[3] как надел на ноготок — хуй у него сразу сделался на локоток.

---

[1] *Было*: [глаз]

[2] *Было*: [половину денег]

[3] *Далее*: [на ноготок]

— Ну что, — спросила старуха, — будет твой хуй по колена?

— Да, бабушка, еще хватил пониже колен.

— Ну-ка, голубчик, надвинь кольцо на целой пёрст.

Он надвинул кольцо на целой пёрст — у него хуй вытянулся на семь верст.

— Эх, бабушка[1], куда ж я его дену? Вить мне с ним беда будет!

А старуха:

— Надвинь кольцо опять на ноготок — будет с локоток! — Он надвинул на ноготок — стал хуй с локоток. — Теперича с тебя довольно! Смотри ж, всегда надвигай кольцо только на один ноготок.

Он поблагодарил старуху и пошел назад домой[2]. Идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене. Шел-шел, и захотелось ему поесть; своротил он в сторону и сел неподалечку от дороги около ручейка[3], вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось отдохнуть ему; он тут же лег вверх брюхом и любуется кольцом: надвинул на ноготь — хуй сделался на локоть, надвинул на целой пёрст — хуй поднялся вверх на семь верст; снял кольцо, и хуишка стал маленькой, по-прежнему да по-старому. Смотрел-смотрел на кольцо, да так и уснул, а кольцо позабыл спрятать; осталось оно у него на груди. Проезжал мимо в коляске один барин с женою и увидал: спит неподалечку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лошадей и говорит лакею:

— Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне.

Лакей сейчас побежал и принес кольцо к барину. Вот они и поехали дальше. А барин любуется колечком.

— Посмотри, душенька, — говорит своей жене, — какое славное кольцо; дай-ка я надену его.

И сразу надвинул на целой перст — у него хуй вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потрафил кобыле

---

[1] *Далее*: [что] ж[е]

[2] *Было*: [к жене]

[3] *В 1, 2-м изд. ошибочно*: репейника

под хвост. Кобылу[1] пихает да коляску вперед подвигает. Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громким голосом на лакея:

— Беги скорей назад к мужику, тащи его сюда!

Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит:

— Иди, мужичок, скорей к барину!

А мужик кольца ищет:

— Мать твою так! Ты кольцо взял?

— Не ищи, — говорит лакей, — иди к барину, кольцо у него; оно, брат, много хлопот нам наделало.

Мужик побежал к коляске. Барин просит его:

— Прости меня! Пособи моему горю!

— А что дашь, барин?

— Вот тебе сто рублей!

— Давай двести, так пособлю!

Барин вынул двести рублей; мужик взял деньги да стащил у барина с руки кольцо — хуя того как не бывало! Остался у барина его старой хуишка*. Барин уехал, а мужик пошел с<о> своим кольцом домой.

Увидала его жена в окошечко, выбежала навстречу.

— Ну что, — спрашивает, — выкупил?

— Выкупил.

— Ну пока́жь!

— Ступай в избу, не на дворе ж тебе показывать!

Вошли в избу; жена только и твердит:

— Покажь да покажь!

---

[1] *Далее*: [вперед]

* *Вариант*: Мужик устал дорогою, лег[1*] в стороне и заснул, а кольцо позабыл снять с пальца; вот кольцо и сдвинулось с ноготка на палец — хуй и протянулся на семь верст, лежит через дорогу словно дубовая колода. Вдруг скачет во весь дух на тройке добрых лошадей барин, наскакал на хуй — кряк — ось пополам! Что за диво такое? Пошли и добрались по хую до мужика. Разбудил его барин: «Отчего, скажи, у тебя хуй такой большой?!» Мужик рассказал. «Продай мне кольцо!» —«Купи». — «Что стоит?» — «Сто рублей!» Барин заплатил и поехал, дорогой надел кольцо на весь палец и не знает, что делать с хуем; не рад и кольцу[2*]. Опять к мужику: «Сделай по-старому!» Тот взял еще сто рублей и снял кольцо с руки барина.

[1*] *Далее*: [недалечко]

[2*] *Далее*: [то]

Он надвинул кольцо на ноготь — стал хуй у него с локоть; вынимает из порток и говорит:

— Смотри, жена!

Она зачала его целовать:

— Вот, муженек! Пущай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях. Давай-ка поскорей пообедаем[1], ляжем да попробуем!

Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков, поит да кормит его. Пообедали и пошли отдыхать. Как пробрал он жену своим хуем, так она целые три дня под подол себе засматривала: все ей мерещится, что промеж ног торчит!

Пошла она к матери в гости, а муж тем времячком вышел в сад и лег под яблонею.

— Что же, — спрашивает мать у дочери, — выкупили хуй-то?

— Выкупили, матушка!

Вот купчиха только о том и думает, как бы ухитриться сбегать к зятю, покудова дочь здеся, да попробовать его большого хуя. Дочь-то заговорилась, а теща и удрала к зятю; прибежала в сад, смотрит — а зять спит себе, кольцо у него надето на ноготок — хуй стоит с локоток.

«Дай-ка я теперича залезу к нему на хуй», — думает теща, взлезла и давай на хую покачиваться. Вот на ту беду надвинулось как-то кольцо у сонного зятя на целой пёрст — и потащил хуй тещу вверх на семь верст.

Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой, в избу — нет никого, она в сад — смотрит: муж спит, его хуй высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу; как ветром поддаст — она тотчас и завертится на хую, словно на рожне. Что делать, как матушку с хуя снять? Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать. Одни говорят:

— Больше нечего делать, как взять топор да хуй подрубить.

А другие говорят:

---

[1] *Далее*: [да]

— Нет, это не годится! За что две души погубить. Как срубим хуй — вить баба на землю упадет — убьется. Лучше миром помолиться, авось каким чудом старуха с хуя свалится!

На ту пору проснулся зять, увидал, что у него кольцо надето на весь пёрст — и хуй торчит к небу на семь верст и крепко прижал его самого к земле, так что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал у него хуй убывать; сдвинул на ноготь — стал хуй с локоть, и видит зять, что на хую торчит теща.

— Ты, матушка, как сюда попала?

— Прости, зятюшка, больше не стану!*

б

Был-жил портной, у него было такое волшебное кольцо: как наденешь на палец, так хуй и вырастит! Случилось ему работать у одной барыни, а он был такой весельчак да шутник: когда спать ложил[1], никогда своего хуя не закрывал. Вот эта барыня увидала, что у него хуй оченно велик, позадорилась на эдакую сбрую и позвала его к себе[2].

— Послушай, — говорит, — согласись сделать со мной грех хоть один разок!

— Отчего не так, барыня! Только с уговором: чур, не пердеть! А если упердишься, то с тебя триста рублей!

— Хорошо, — сказала барыня.

---

* *Вариант*: Зять лег спать в избе, хуй у него стоял на локоть; теща в задор вошла, влезла на хуй к нему и ну накачивать; кольцо сдвинулось, хуй поднялся выше и выше, проломил потолок, пробил крышу и высунулся с тещею поверх трубы.

Вариант <начала сказки>: Жил-был Иван бедной, у него хуй медной, плешь полуженая. Нанялся у купца в работники; стал один раз мочиться; увидала купеческая дочь, что у него хуй велик, и пошла за него замуж. У Ивана было волшебное кольцо. (Дальше следует история с тещею.)

[1] *В рукописи*: ложил. *В 1, 2-м изд.* — ложился.

[2] *Вариант «Жил-был Иван» первоначально имел сноску*: [*] «В 1, 2 изд. вариант ошибочно отнесен к этому слову»

Легли они; вот барыня всячески старается, чтобы как можно под портным не усраться, и приказала своей горничной девке приготовить большую луковицу и заткнуть[1] ей жопу и покрепче придерживать обеими руками. Воткнула девка[2] барыне в жопу луковицу и стала придерживать; а портной как взобрался на нее да попер — куда к ебеной матери и луковица вылетела да прямо в горничную, так ее до смерти и убила! Пропало у барыни триста рублей. Взял портной деньги и пошел домой. Шел-шел, долго ли, коротко ли, и лег в поле отдохнуть; надел на палец свое кольцо — у него хуй и протянулся на целую версту; лежал-лежал, да так и заснул. Откудова ни взялись семь волков, стали хуй глодать, одной плеши не съели — и то сыты наелись. Проснулся портной — будто мухи кляп[3] покусали. Снял с руки кольцо, спрятал в карман и пошел в путь-дорогу. Шел-шел и зашел ночевать к одному мужику, а у того мужика была жена молодая, до больших хуев великая охотница. Лег портной спать на дворе и выставил хуй внаружу. Увидала мужикова жена; как ухитриться? Подошла, заворотила подол и наставила чужой хуй в свою пизду. Портной видит — дело ладно, стал потихоньку кольцо на палец надевать — стал у него хуй больше да больше выростать, поднял ее вверх на целую версту. Пришлось[4] бабе не до ебли; уцыпилась за хуй обеими руками. Увидали добрые люди, соседи и знакомые, что баба на хую торчит. Кто кричит:

— Давай хуй рубить!

А кто кричит:

— Давай молебен служить, обое целы будут!

Стал портной помаленьку снимать с руки кольцо, хуй понизился, баба свалилася.

— Ну, ненаебная пизда! Смерть бы твоя была, коли б хуй-то подрубили!

---

[1] *Далее*: е[ё себе св<ою>]
[2] *Было*: а) [горничная]; б) [она]
[3] *Было*: [хуй]
[4] *Начато*: [Вид<ит>]

31

РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил богатой мужик, у него был сын по имени Иван.

— Что ты, сынок, ничем не займешься? — говорит ему отец.

— Еще поспею! Дай-ка мне сто рублей денег да благослови на промысел.

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел Иван в город; идет мимо господского двора и увидал в саду барыню: очень из себя хороша; остановился и смотрит сквозь решетку.

— Что ты, молодец, стоишь? — спросила барыня.

— На тебя, барыня, засмотрелся: уж больно ты хороша! Коли б ты мне показала свои ноги по щиколки — отдал бы тебе сто рублей!

— Отчего не показать! На, смотри! — сказала барыня и приподняла свое платье.

Отдал он ей сто рублей и воротился домой.

— Ну[1], сынок, — спрашивает отец, — каким товаром занялся?

— Что сделаешь на сто рублей? Купил место да лесу для лавки. Дай еще двести рублей, надо заплатить плотникам[2] за работу.

Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада.

Барыня увидала и спрашивает:

— Зачем, молодец, опять пришел?

— Пусти меня, барыня[3], в сад да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей.

Она пустила его в сад, приподняла подол и показала свои коленки.

Парень ей отдал деньги, поклонился и воротился домой.

— Что, сынок, устроился?

— Устроился, батюшка; дай мне триста рублей, я товару накуплю.

---

[1] *Было*: [что]

[2] *Было*: [рабо<тникам>]

[3] *Далее*: [к себе] в [свой]

Отец дал ему триста рублей, и[1] сын сейчас отправился к барынину саду; стоит и глядит[2] сквозь решетку.

А отец думает: «Дай-ка схожу посмотрю на его торговлю».

Пошел за ним следом и посматривает.

— Зачем, молодец, опять пришел? — спросила барыня.

Парень отвечал ей:

— Не во гнев тебе, барыня[3], сказать: позволь поводить мне хуем по твоей пизде, я за то дам тебе триста рублей.

— Пожалуй! — Пустила его в сад, взяла деньги и легла на траву: а парень скинул портки и стал ее хуем тихонько по губам поваживать и так раззадорил, что барыня сама просит: — Ткни в серединку![4] Пожалуста, ткни!

А парень не хочет:

— Я просил только по губам поводить!

— Я отдам тебе назад все твои деньги, — говорит барыня.

— Не надо!

А сам все знай поваживает по губам-то.

— Я у тебя шестьсот взяла, а отдам тысячу двести, только ткни в серединку!

Отец глядел-глядел, не вытерпел и закричал из-за решетки:

— Бери, сынок! Копейка на копейку хороший барыш!

Барыня услыхала — да как вырвется и убежала.

Остался парень без копейки и[5] заругался на отца:

— Кто просил тебя кричать-то, старой хрен!

32

ПО-СОБАЧЬИ

В некотором царстве жил-был дворянин, у него была дочь-красавица.

Пошла она как-то погулять, а лакей идет за ней поза-

---

[1] *Было*: [а]

[2] *Было*: [смотрит]

[3] *Далее*: [позвол<ь>]

[4] *Далее*: [ткни]

[5] *Далее было*: и [стал на отца] руга<ться>

ди да думает: «Эка ловкая штука! Ничего б, кажись, не желал в свете, только б[1] отработать ее хоть один разок: тогда б и помирать не страшно было!»

Думал, думал, не вытерпел и сказал потихоньку:

— Ах, прекрасная барышня! Шаркнул бы тебя хоть по-собачьи!

Барышня услыхала эти слова и, как воротилась домой, дождалась ночи и позвала к себе лакея.

— Признавайся, мерзавец, — говорит ему, — что ты говорил, как я[2] гулять ходила?

— Виноват, сударыня! Так-то и так-то говорил.

— Ну, коли хотел, так и делай сейчас[3] по-собачьи, не то все папеньке[4] расскажу...

Вот барышня заворотила подол, стала посреди горницы раком и говорит лакею:

— Нагибайся да нюхай, как собаки делают!

Холуй нагнулся и понюхал.

— Ну, теперича языком лизни, как собаки лижут!

Лакей лизнул раз, и два, и три раза.

— Ну, теперича бегай вокруг меня!

Начал он кругом барышни бегать; обежал разов десяток, да опять пришлось нюхать и лизать ей языком. Что делать? Морщится — да нюхает — плюет да лижет!

— Ну, теперича на первой раз будет, — сказала барышня, — ступай, ложись себе спать, а завтря вечером опять приходи.

На другой день вечером опять барышня позвала к себе лакея.

— Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякой же день за тобой посылать; сам знай свое дело!

Сейчас заворотила свой подол и стала раком, а лакей стал ей под жопою нюхать да языком в пизде лизать; обежит кругом ее разов десять да опять понюхает да полижет. И эдак[5] долгое время угощала его барышня, да

---

[1] *Далее*: [ее]
[2] *Далее*: [ходила]
[3] *Далее*: [же]
[4] *Было*: [отцу]
[5] *Было*: э[т]ак

потом сжалилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила всю вину.

Лакей отработал да и думает: «Ну, ничего! Хоть и полизал, да свое взял!»

33

ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец и говорит:

— Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит.

— Давай, да как пробу-то сделать?

— А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит.

Вот собрались в путь; стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается, а другая прощается, а сама смеется. Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой.

— Ишь как тебя жена-то любит, — говорит один, — как она плакала-то на прощаньи; а моя стала прощаться — а сама смеяться!

А другой говорит:

— Вот что, брат! Теперя жены нас проводили, воротимся-ка назад тихим образом да посмотрим, что наши жены без нас делают.

— Хорошо!

Воротились к ночи и вошли в город пешие; подходят наперед к[1] избе того купца, у которого жена на прощаньи горько плакала, смотрят в окошко, а она сидит себе с любовником и гуляет[2]. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит:

— На, милая, выпей!

Она выпила и говорит:

— Друг ты мой любезный! Теперя я вся твоя[3].

---

[1] *Далее*: [окошку]

[2] *Было*: [пь]я[н]<ствует>

[3] *Далее было*: [— Нет, не] моя, [у тебя муж есть. «Нет, друг, вся твоя, мужнина только] жопа!»

— Вот какия пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!

Она оборотилась к нему жопою и говорит:

— Вот ему, блядскому сыну, — одна жопа!

Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает:

— Подаждь, Господи, моему сожителю в пути всякаго благополучия, в торгу всякаго успеха и скораго возвращения!

— Ну, брат, — говорит один купец другому, — теперь поедем торговать.

Поехали на ярмарку и торговали оченно хорошо: такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж и домой. Стали собираться назад и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена Богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, и другой купил жене парчи только на одну жопу:

— Вить моя одна жопа! Так мне только пол-аршина[1] и надобно: я свою жопу не хочу паскудить.

Приехали и отдали женам гостинцы.

— Что ж ты купил эдакой лоскут? — говорит жена с сердцем[2].

— А ты вспомни, блядь, как сидела ты с любовником и говорила[3], что моя только жопа; ну, я свою часть и снарядил! Нашей парчу на жопу да и носи!

34
СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ

Жила-была молодая барыня; много перебывало у ней лакеев, и все казались ей похабными, и она прогоняла их от себя.

Вот один молодец и сказал:

---

[1] *Далее*: [только] и на[дыть: и] я

[2] *Далее*: [— Я свою часть снарядил!]

[3] *Было*: [да то ж и сказала]

— Дай-ка я пойду к ней наймусь!

Пришел наниматься.

— Смотри, голубчик, — говорит барыня, — я не пожалею денег, только с тем условием, чтоб ты не говорил ничего похабного*.

— Как можно говорить похабное!

В одно время поехала барыня в свою вотчину; стала подъезжать к деревне, смотрит: ходит стадо свиней, и один боров взлез на свинью, и так его с той работы припарило, что изо рта пена клубом валит. Барыня и спрашивает лакея:

— Послушай!

— Чего изволите, сударыня?

— Что это такое?

Лакей был не промах.

— А это, — говорит, — вот что: под низом, должно быть, какая-нибудь родня — сестра или тетка, а наверху-то брат или племянник: он крепко нездоров, вот она и тащит его домой на себе.

— Да, да, это точно так! — сказала барыня и засмеялась.

Ехали-ехали, ходит другое стадо, и один бык взлез на корову.

— Ну, а это что такое? — спросила барыня.

— А это вот что: у коровы-то сила плохая, и прокормиться не сможет; кругом себя корм объела и траву общипала, вот бык и попихивает ее на свежую травку.

Барыня опять засмеялась:

— Это точно так!

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу.

— А это что такое?

— А вон, сударыня, изволите видеть за лесом-то дым, должно быть, горит что-нибудь; так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть.

— Да, да, это правда! — сказала барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

Опять ехали-ехали и приехали к реке. Барыня и взду-

---

* *Вар<иант>*: скоромного.

мала купаться; велела остановиться и начала раздеваться, да и полезла в воду[1].

А лакей стоит да смотрит.

— Если хочешь со мною купаться — раздевайся скорее!

Лакей разделся и полез купаться. Она увидела у него тот струмент, которым делают живых людей, затряслась[2] от радости и стала спрашивать:

— Посмотри, что это у меня? — а сама на дыру показывает.

— Это колодезь! — говорит лакей.

— Да, это правда! А у тебя это что такое висит?

— Это конь называется.

— А что, он у тебя пьет?

— Пьет, сударыня; нельзя ли попоить в вашем колодезе?

— Ну, пусти его; да чтоб он сверх[3] напился, а глубоко его не пускай!

Лакей пустил[4] своего коня к барыне и стал ее раззадоривать. Стало ее разбирать, стала она приказывать:

— Пущай его дальше, пущай его дальше, чтоб хорошенько напился!

Вот тут-то он натешился; насилу оба из воды вылезли*.

35
ДОБРОЙ ОТЕЦ

В одной деревне жил веселой старик. У него были две дочери — хорошие девицы. Знали их подруги и привыч-

---

[1] *Далее*: [без всякой <одежды>]

[2] *Было*: [и спра<шивает>]

[3] *Далее*: [только]

[4] *Было*: [как] лакей [за]пустил

* *Вар<иант>*: «Что этот жеребец делает?» — «Свой табун оглядывает». — «Правда, правда!» — «Кабы не правда, сударыня, не сказал бы!» Вот петух топчет курицу. «Что это?» — «Нынче день ненастной, так он ее от дождя закрывает». — «Правда, правда!» — «Кабы не правда, не сказал бы!» Вот еще собаки склещились. «Это что?» — «Сегодня канун, а завтра праздник: друг дружку в гости тащат». — «Правда, правда!..»

ны были к ним на поседки сходиться. А старик и сам был до девок лаком; завсегда по ночам, как только они уснут, то и почнет щупать, и какой подол ни заворотит — ту и отработает; а девка все молчит, такое уж заведение было. Ну, мудренаго нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробывал, окромя своих дочерей. Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились, да потом и разошлись все по домам: той сказано молотить рано поутру, другой мать ночевать наказала дома, у третьей отец хворает. Так все и разошлися. А старик храпел себе на полатях, и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам, и таки нащупал на казёнке бóльшую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она спросонок-то отцу родному подмахнула. Встает поутру старик и спрашивает свою хозяйку:

— А что, старуха, рано ли ушли от нас ночевщицы?

— Какие ночевщицы! Девки еще с вечера все ко дворам ушли[1].

— Что ты врешь! А кого же я на казёнке-то уячил?

— Кого? Вестимо кого: знать, бóльшую дочуху.

Старик засмеялся и говорит:

— Ох, мать ее растак!

— Что, старой черт, ругаешься?

— Молчи, старая кочерга! Я на доньку-то (на дочьто) смеюся; вить она лихо подъебать умеет!

А меньшая дочь сидит на лавке да обертывает онучею ногу: хочет лапоть надевать; подняла ногу да говорит:

— Вить ей стыдно не подъебывать-то; люди говорят: девятнадцатой год!

— Да[2], правда! Евто ваше[3] ремесло!

---

[1] *Было*: [разошлись]
[2] *Далее*: [да, евто]
[3] *Было*: [это же]

36

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП РОДИЛ ТЕЛЕНКА

Был-жил поп да попадья. У них был казак (т. е. батрак) по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе докончили работу и поехали домой. Было темно.

— Ванька, — сказал поп, — не лучше ли нам ночевать в деревне, хоть у Гвоздя: он мужик доброй, да у него и двор-то крытой.

— Хорошо, батюшка! — отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился Богу, поклонился хозяину и сказал:

— Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: «Садитесь, все крещеные»; а если скажешь попу: «Садись, отец духовный!» — то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют.

Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал:

— Садитесь, все крещеные, ужинать!

Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, ан-то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа:

— Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?

А поп отвечал:

— Мне не хочется есть.

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было потеплее, чем в избе, поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в

скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака.

— Что, батюшка, надобно?

— Казак! Мне есть хочется.

— Ну так что[1] не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе! — сказал Ванька. И сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит: — Будет с тебя!

Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул. В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услыхала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу, а сама ушла.

Поп проснулся ночью, слышит: кто-то[2] лижет его языком; схватил рукою теленка и стал будить казака.

— Что опять понадобилось? — сказал Ванька.

А поп:

— Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю: откуда он явился?

— Вот еще что выдумал! Сам родил теленка, да и говорит: не знаю, откуда взялся.

— Да как же это так могло статься? — спрашивает поп.

— А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка.

— Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала.

— Давай триста рублев, все сделаю: никто не узнает!

Поп согласился.

— Смотри же, — говорит казак попу, — ступай теперь тихонько домой да надень вместо сапогов мои липовики.

Только что ушел поп, казак тотчас к хозяину:

— Ах вы ослы! Ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги; ступайте — посмотрите.

Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, что-

---

[1] *Далее*: [ж]

[2] *Далее*: [его]

бы обделал[1] дело так, чтоб никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит:

— Батюшка! Теленка-то хозяин хочет привезти к попадье да и сказать, что ты его родил!

Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько.

— Ступай себе, все сделаю! — сказал казак и поехал опять к мужику.

— Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет!

Этот простофиля дал казаку еще сотнягу:

— Только обмани попадью да никому не сказывай!

— Хорошо, хорошо! — сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

37
ПОП И ЗАПАДНЯ

В одной деревне был мужик, промыслом мясник: бил он скотину да продавал говядину, а мясо-то хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки и таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан: прибежала попова собака и попала в капкан да и сдохла. Жалко попу собаки, а делать нечего, купил другую и боится, как бы и эта не пропала.

Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался: пришел к сараю, скинул штаны, взлез на окно и ну срать в капкан. А капкан как спустится, да как схватит попа за муде — закричал он благим матом. Прибежал мужик.

— Ах, мать твою разъедак! Какой черт тебя занес сюда? Уж впрямь дурья порода!

Сбежался народ, кое-как отцепили попа, а он тут же издох, так и повалился!

---

[1] *Далее*: [это]

38

ПОП, ПОПАДЬЯ, ПОПОВНА[1] И БАТРАК

Собрался поп нанимать себе работника, а попадья ему приказывает:

— Смотри, поп, не нанимай похабника: у нас дочь невеста!

— Хорошо, мать! Не найму похабника.

Поехал поп, едет себе путем-дорогою, вдруг попадается ему навстречу молодой парень, идет пешком-шажком.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

— Хочу, батюшка, в работники наняться.

— А я, свет, еду искать работника; наймись ко мне.

— Изволь, батька!

— Только с тем уговором, свет, чтоб по-соромски* не ругаться.

— Я, батька, отродясь не слыхивал, как и ругаются-то!

— Ну, садись со мной: мне такого и надо.

А поп ехал на кобыле; вот он поднял ей[2] хвост и указывает кнутовищем на кобылью пизду:

— А это[3], свет, что?

— Пизда, батька!

— Ну, свет, мне эдаких похабников не надо; ступай куда хошь!**

Парень видит, что дал маху, делать нечего, слез с телеги и стал раздумывать: как бы ухитриться да надуть попа. Вот он обогнал попа стороною, забежал вперед, шубу свою выворо́тил и опять идет навстречу:

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

---

[1] *Было*: поповн[ы]

* *Вар<иант>*: матерным.

[2] *Далее*: [кну<том>]

[3] *Далее*: [что]

** *Вар<иант>*: Парень спроста отвечает: «Повыше-то жопа, а пониже-то пизда!» — «Ну, брат, слезай с телеги долой да убирайся от греха к хую; меня с тобою попадья и в избу-то не пустит: она похабнова до смерти не любит!»

— Да вот, батька, иду наниматься в работники.

— А я, свет, ищу себе работника; иди ко мне жить, только с уговором: не ругаться по-соромски; кто из нас выругается по-соромски — с того сто рублей! Хочешь?

— Изволь, батька! Я и сам терпеть не могу таких ругателей!

— Ну, хорошо! Садись, свет, со мною.

Парень сел, и поехали вместе[1] в деревню.

Вот поп отъехал маленько, поднял у кобылы хвост и показывает кнутовищем на пизду:

— Это, свет, что такое?

— Это тюрьма, батька!

— Ай, свет! Я такого и искал себе работника.

Приехал поп домой, вошел с батраком в избу, задрал у попадьи подол, показывает на пизду пальцем:

— А это что, свет?

— Не знаю, батюшка! Я сроду не видывал такой страсти!

— Не робей, свет! Это тоже тюрьма.

Потом кликнул свою дочь, заворотил ей подол, показывает на пизду:

— А это что?

— Тюрьма, батюшка!

— Нет, свет! Это подтюрьмок*.

Поужинали и легли спать; батрак взлез на печь, со-

---

[1] *Было*: [назад]

* *Вар<иант>*: Пришел поп с батраком в избу. Попадья села на лавку, подняла подол, расставила ноги и говорит батраку:

— Смотри-ка! Что это у меня?

А батрак будто испугался, как побежит из избы вон; она его ухватила:

— Чего ты, глупенькой, боишься-то? Вить это, право, ничего.

А тут еще попова дочь заворотила подол да спрашивает батрака:

— А у меня-то что?

Батрак дрожит со страху да посматривает на дверь.

— Ну[1*], — говорит попадья, — мы тебя, голубчик, больше стращать не будем; а вот помни, что я тебе скажу: у меня-то меж ног тюрьма, а у дочки-то перетюрьм-тюрьма; кто провинится в воровстве али в чем ином нехорошем — того сюда и посадим!

[1*] *Далее*: [свет!]

брал[1] поповы носки и надел их на хуй, а там ухватил хуй обеими руками и закричал во все горло:

— Батька! Я вора поймал! Дуй[2] скорей огня.

Поп вскочил, бегает по избе словно бешеный.

— Не пускай его, держи его! — кричит батраку.

— Небось, не вырвется!

Поп вздул огонь, полез на печь и видит: батрак держится руками за хуй, а на хуй надеты носки.

— Вот он, батюшка! Вишь, все носки твои заграбастал; надо наказать его, мошенника!

— Что ты, с ума, что ли, спятил? — спрашивает поп.

— Нет, батька, я не люблю ворам потачку давать; вставай, мать! Давай-ка его, мошенника, в тюрьму сажать.

Попадья встала, а батрак ей:

— Становись-ка скорей раком!

Делать нечего, стала попадья раком, батрак и зачал ее осаживать.

Поп видит, дело плохо, и говорит:

— Что ты, свет, делаешь? Ведь[3] ты ебешь!

— А, батька! Уговор-то был по-соромски не ругаться; заплати-ка сто рублев!

Пришлось[4] попу раскошеливаться; а работник отъеб попадью, держит хуй в руках да свое кричит:

— Этого тебе, каналья, мало, что в тюрьме сидел; еще в подтюрьмок посажу тебя! Ну-ка, голубушка, — говорит поповне, — отворяй подтюрьмок!

Поставил и ее раком да зачал осаживать по-своему. Попадья накинулась на попа:

— Что ты смотришь, батька! Ведь он дочь нашу ебет!

— Молчи, ради Бога! — говорит ей поп. — За тебя заплатил сто рублей;[5] не прикажешь ли заплатить и за нее столько же! Нет, пускай делает что хочет, а я ничего[6] говорить не стану!

---

[1] *Далее*: [все]
[2] *Было*: [вз]дуй
[3] *Далее*: [эту]
[4] *Было*: [попа]
[5] *Далее*: не платить [же]
[6] *Далее*: [не стану]

Отработал батрак поповну как нельзя лучше. Тут поп и прогнал[1] его из дому*[2].

39

ПОРОСЕНОК

Жил-был в одном селе поп, толоконный лоб; у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любодорого посмотреть.

Вот и нанял поп себе батрака: детина ухарской! Живет у попа месяц, и другой, и третий. На ту пору у богатого мужика на деревне родила баба;[3] приехал мужик и зовет попа окрестить младенца:

— Да милости просим, батюшка, пожалуйте вместе с матушкою, не оставьте!

А поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощеньем обосраться рада.

Вот поп запрег кобылу и уехал с попадьей на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печи-то у попадьи было припасено два жареных поросенка.

— Послушай, что я скажу, — стал говорить он поповне, — давай съедим этих поросят, вить попа с попадьей[4] дома нету!

---

[1] *Было*: а) [про]гнал; б) [со]гнал

[2] *Далее перечеркнуто*: [*Вар<иант>: Вот батрак и ухитрился: украл серебреную ложку и привязал ее мочалкою на хуй. Стала обыскивать его попадья, спустила с него портки, увидела ложку, засмеялась и говорит: «Ишь тебя черт догадал! Ведь я ж тебе говорила, что за воровство в тюрьму сажают!» — «Да я, матушка, и сам ворам не потатчик; за такую вину надо его, подлеца, посадить в перетюрьм-тюрьму!» Поп с попадьей видят, куда оно пошло, и говорят: «На первой раз-де и простить можно!» —«Вы-то прощаете, — говорит батрак, — да я-то не прощу: вить на меня худая слава пойдет! В перетюрьм-тюрьму его, бестию!» Поп и попадья стали его уговаривать, просить да кланяться и упросили батрака: не сажать вора к поповне в перетюрьм-тюрьму, а взять[1*] сто рублей деньгами. Тем и сказка кончилась.]

[1*] *Далее*: [за то]

[3] *Было*: [родила в деревне одна баба]

[4] *Было*: [жено<й>]

— И то, давай!

Он сейчас достал одного поросенка, и съели его вдвоем.

— А другого, — говорит[1] он поповне, — давай я запрячу тебе под подол, чтоб наши не нашли, да после сами и съедим! А когда поп с попадьей спросят про поросят — заодно скажем, что кошка съела!

— Да как же ты под подол спрячешь?

— Уж не твое дело! Я знаю как.

— Ну, хорошо, спрячь!

Он велел ей нагнуться[2] (стать раком), поднял подол да и давай прятать своего сырова ей в пизду.

— Ах, как хорошо ты прячешь! — говорит поповна. — Да как же я его оттуда выну?

— Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!

Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у ней брюхо расти, стала она поминутно на двор бегать: у ней в брюхе шевелится-то ребенок, а она думает — поросенок. Выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыпит на пол овес да и манит:

— Чух, чух, чух! Авось выйдет.

Раз как-то и увидал это поп и стали с попадьей думать:

— Ведь непременно дочь-та брюхата; давай-ко спросим у нее, с кем ее лукавой стрес?

Призвали дочку:

— Аннушка, подь сюда! Что это с тобой, отчего ты очижелела (отяжелела)?

Она смотрит в оба и молчит: что такое, думает, меня спрашивают.

— Ну, скажи же, отчего ты забрюхателa?

Поповна молчит.

— Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?

— Ах, маменька, ведь у меня в животе поросеночек: мне <его>[3] батрак засадил!

---

[1] *Далее*: [батрак, — давай я]

[2] *Далее*: [раком]

[3] *В рукописи*: ее

Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл*[1].

40
ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великой пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкою и пошел к попу.

---

[1] *Далее перечеркнуто*: [*Вар<иант>: У того попа была большая свинья. Только поп с попадьей уехали, она и опоросилась и принесла одиннадцать поросеночков.

Поповна и говорит:

— Ведь наша свинья распросталась; ах, как мне поросятинки-то захотелось!

А батрак:

— Ну, что ж! Возьмем одного, заколем да и зажарим.

— Отец узнает!

— Черта с два! Что он поп, так и узнает! Вить свинья не равно поросится: иной раз принесет 6, а то и 10 поросят и больше!

Вот взяли они одного поросенка, закололи, ошпарили, положили на противень и поставили в печь, да и начадили на всю избу. Только сжарился поросенок, смотрят — а черт попа несет! Что делать? Куда девать поросенка?

— Просунь голову в окно, — говорит поповне батрак, — да смотри, далеко ли отец? А я стану прятать поросенка.

Она высунулась в окошко, а батрак бросил[1]* поросенка под рогожку, сам скинул портки и заворотил поповне платье.

— Что ты делаешь?

— Я туда[2]* поросенка схороню! Никто не найдет.

Да как запихнул ей — ажно она заохала:

— Ах, как больно! Никак до крови?

— Терпи, уж как-нибудь я его спрячу!

Приехал поп:

— Что у вас чад в избе-то?[3]*

— Должно быть, в печи была головешка, — говорит батрак, — ишь и дочка-то ваша угорела, вся из лица переменилась!

С того самого часа и забрюхатела поповна, стал шевелиться у ней в брюхе ребенок, она и говорит батраку:

— Знаешь что? Вить тот поросенок[4]*, что тогда ты схоронил ко мне, у меня в брюхе ожил!

[1]* *Было*: [спрятал]

[2]* *Далее*: [схороню]

[3]* *Было*: [избу-то]

[4]* *Далее*: [ты] тада [спря<тал>]

— Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?

— Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!

— Ну, это дело хорошее! Чай, замерзла?

— Замерзла, все на погребе лежала.

— Ну, когда-нибудь растает!

— Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да бзднул.

— Что это за грех! Я и сам один раз в алтаре пернул. Это ничего, свет! Ступай с Богом.

Тут зачал[1] поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено.

— Ах ты, бздун проклятой![2] Где ж белорыбица-то?

— Хуя не хочешь ли, пердун эдакой!

41
ПОП И МУЖИК

а

В некотором царстве, в некотором государстве, а по правде сказать — в том, где мы живем, был-жил мужик, у него была молодая жена; вот[3] муж-то пошел на заработки, а жена осталась дома беременная. А попу давно она приглянулась; и хочется ему как бы умудриться да мужику в карман насрать. Дождался он: пришла баба[4] к нему на исповедь.

— И впрям?

— Ей-богу! Так и шевелится!

— Ну, его пирогом можно вымануть!

Вот поповна взяла конец пирога, пошла в сарай к телеге, подняла левую ногу на колесо[1*] и кричит:

— Чух, чух, чух!..]

[1*] *Было*: [телегу]

[1] *Было*: [подошел]

[2] *Далее*: [ишь]

[3] *Далее*: [она]

[4] *Было*: [она]

— Здраствуй, Марья, — говорит поп, — где твой муж теперя?

— Пошел на работу, батюшка!

— Ах он мошенник! Как же он тебя-то оставил? Ведь он заделал тебе ребенка, да не доделал! Родишь теперь какого-нибудь урода, безрукого или безногого! И пойдет про тебя худая слава на целой уезд!

Баба была оченно проста.

— Что же мне делать, батюшка? Нельзя ли помочь этому горю?

— Похлопотать-то можно, только разве для тебя, а для твоего мужа ни в жисть бы не согласился!

— Похлопочите, батюшка! — просит его баба со слезами.

— Ну, так и быть, я тебе ребенка доделаю! Приходи ужо вечером к нам в сарай. Я пойду за кормом скотине, тут тебе[1] и исправлю.

— Спасибо, батюшка!

Пришла баба вечером к попу в сарай.

— Ну, ложись, голубушка, хоть на солому.

Легла баба и ноги растопырила, поп отвалял ее разов шесть и говорит:

— Ступай домой с Богом! Теперь все благополучно.

Баба стала попу кланяться да благодарствовать.

Вот воротился домой мужик, а баба сидит и губы надула — такая сердитая.

— Что ты рыло-то воротишь? — спросил мужик. — Смотри, как бы я те не утер его!

— Поди-кась! Твое дело только гадить: ишь пошел из дому, а ребенка так и оставил недоделанным! Спасибо, поп уж смиловался — доделал, а то родила б тебе урода!

Видит мужик, что поп насрал ему в карман; погоди ж, думает, и я тебе навалю.

Пришло время, родила баба мальчишку; поехал мужик звать попа на крестины. Собрался поп, окрестил младенца и сел за стол да стал попивать водочку.

---

[1] *Было*: теб[я]

— Эка славная водка! — говорит поп хозяину. — Ты б послал кого за попадьею, и она б выпила.

— Я сам пойду за ней, батюшка!

— Поди, свет!

Пришел[1] мужик и зовет[2] попадью.

— Спасибо, что нас не забываешь! Сейчас оденусь! — говорит попадья. Стала убираться да наряжаться, положила на лавку золотыя серьги, а сама принялась умываться; только смочила глаза водою — а мужик взял и спрятал к себе серьги. Умылась попадья и давай искать серёг — нет нигде.

— Не ты ли пошутил? — спрашивает она у мужика.

— Как можно, матушка! Я хоть и видел, куда они запропастились, да сказать совестно.

— Ничего, сказывай!

— Ты, матушка, на скамью-то села, а пизда их и съела!

— Что ты, родимой! Никак врешь?

— Точная правда: ты, матушка, села, а пизда и съела!

— Нельзя ли как достать их оттудова?

— Пожалуй, для тебя постараюсь!

Заворотил ей подол, запендрячил и начал валять; отделал раз и в другой и вытащил свой кляп и повесил ему на плешь[3] одну сережку[4].

— Вот, достал, матушка!

Слазил на попадью еще раза два[5], достал и другую серьгу.

— Замучился ты, бедной! Да уж потрудись еще: третьего года пропал у нас медный чугун, поищи[6], нет ли и его там!

Отработал ее мужик еще раза два:

— Нет, матушка, не достанешь! Тут-то он тут, да перевернулся дном кверху, зацепить не за что!

---

[1] *Было*: п[о]шел

[2] *Было*: [стал звать]

[3] *Было*: [него]

[4] *Было*: [сергу]

[5] *Было*: [в другой раз]

[6] *Было*: [слазь] поищи, [не достанешь ли]

Вот, покончивши это дело, пришла попадья к мужику на крестины и говорит:

— А ты, батько, чай, заждался?

— И то заждался!.. Тебя, — (говорит мужик), — только за смертью посылать!

— Что ты, батько! Вить у меня было серьги пропали; я положила их на лавку да сама-то и села, а пизда их и съела; спасибо мужику, уж он мне достал!

Поп услыхал и надулся, сидит как сыч. Вот тебе, невестка, на отместку![*]

б

Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву; что делать: жена беременна, а ехать надо.

— Ладно, — говорит он жене. — Я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да повоздержнее.

Сказал и уехал. А дело-то было великим постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба-то была собой хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает:

— Отчего у тебя брюхо велико?

— Согрешила, батюшка! Жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал.

— Как в Москву?

— Да, батюшка.

— А долго ль проездит?

— Почти с год...

— Ах он мошенник; заделал ребенка и не доделал, вить это смертной грех! Делать нечего: я твой отец духовной и должóн[1] тебе доделать, а за хлопоты принеси-ка три холста!

---

[*] *Вар<иант>*: Поехала попадья с мужиком на крестины; выехала в чистое поле и слезла до ветру; исправила свое дело и захотела помыть руки хоть в луже[1*], сняла кольцо и положила наземь; мужик взял его и припрятал. Далее рассказ тот же: мужик достает[2*] кольцо у попадьи из пизды и надевает его себе на хуй.

[1*] *Далее*: [да и]

[2*] *Далее*: [есть]

[1] *Было*: [обязан]

— Сделай Божескую милость, — просит баба, — избавь от смертнаго греха, доделай, а ему, мошеннику, как приедет с Москвы, все глаза выцарапаю!

— Ну, свет, рад послужить тебе;[1] а то грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!

Так дело-то и обделалось.

А поп был женатой и у него были две дочери; вот он и боится, как бы попадья[2] про его шашни не узнала. Хорошо. Приехал мужик с Москвы, а жена его уж давно родила; только что входит он в избу, баба и напустилась на него:

— Ах ты сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержнее, а сам у меня ребенка заделал, да не доделал, так и уехал! Спасибо еще, батюшка-поп мне его доделал, а то что бы стала я делать?

Мужик догадался, что дело неладно, и говорит себе: «Погоди, я его, долгогриваго колухана, обтяпаю!»

Случилось в одно время летом, поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и понадобилась ему борона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить борону. Поп рад[3] всячески ему угодить, чтоб только до попадьи[4] не довел[5] его шашней, боится отказать и говорит:

— Возьми хоть все три!

— Да без тебя, батюшка, не дадут;[6] скричи попадьето хоть из окошка[7], чтоб все три дали.

— Хорошо, свет! Ступай.

Мужик к попадье пришел и говорит:

— Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать...

— Что ты, свет, с ума, что ли, сошел?

— Спроси его хоть сама, ведь он мне сейчас приказывал.

Попадья и кричит попу:

---

[1] *Далее*: [и так]
[2] *Далее*: [не узнала]
[3] *Было*: [А] поп рад [ему]
[4] *Далее*: [про его]
[5] *Далее*: [про про]
[6] *Далее*: [скажу]
[7] *Далее*: [-то]

— Поп! Ты велел нам дать мужику?

— Да, да все три дайте!

Делать нечего, стали давать мужику по очереди; он начал с попадьи, а кончил меньшой поповною и воротился домой.

Как только пришел поп от обедни, попадья и давай его ругать:

— Ах ты черт, колухан! С ума, что ли, спятил? Всех дочерей перепортил; ну меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему отделать.

Поп хвать себя за бороду и побежал к мужику:

— Я тебя в суд потащу, ты моих дочерей перепортил!

— Не сердись, батька! — говорит мужик. — Ты любил чужих ребят доделывать, да еще за труды холстом брал; вот теперя мы с тобой и поквитались.

Помирился поп с мужиком и стали жить большими приятелями.

в

Та же интрига в одном варианте выставляется как случившаяся между племянником и дядею, который вздумал доделывать[1] ребенка. Начало то же, но конец иной.

Задумал Иван, как бы дяде Кузьме насмешку отплатить. На ту пору Кузьмы дома не было, оставались одне бабы. Ванька взял веревку, привязал корову за рога и повел вдоль деревни. Увидала из окна тетка и говорит:

— Видно, Ванька-та совсем промотался, последнюю корову повел продавать. Сноха, поди-ка спроси его, куда ведет корову?

Сноха выбежала и спрашивает:

— Куда повел корову?

— Да рассердился на жену, так[2] и веду: где-нибудь проебу!

— Дай ему[3], сноха! — говорит тетка. — Пусть чужим корова не достается!

---

[1] *Было*: доде[л]ать

[2] *Было*: [вот]

[3] *Далее*: [ты]

Сноха согласилась.

— Веди корову на двор! — закричала она Ваньке.

Вот он привел ее на двор, привязал к столбу, положил сноху на солому, отделал как надо и хочет зашивать ей пизду: вынимает иголку и нитки. Та испужалась да в избу.

— Ну, где ж корова? — спрашивает тетка.

Та чуть не плачет:

— Поди сама! Он отделать-то отделал да еще хотел пизду зашить: очень-де широка!

— Ну, ступай ты, Матрешка, — стала посылать тетка свою дочь-девку, — хошь не задаром твоя честь пропадет, всё корову возьмем!

Пошла Матрешка к Ваньке; он положил ее на солому, отработал и стал вынимать ножик.

— Ах, старая чертовка, — говорит Ванька, — что она на смех высылает? Весь хуй до крови ободрал. Я не пожалею, что родня, разрежу пизду-то!

Матрешка испужалась и побежала в избу.

— Сама ступай, старая ведьма! — говорит с плачем матери. — Мне[1] и так больно, а он хотел еще ножом резать.

А старуха говорит:

— Уж разве мне пойти — старинкой тряхнуть!

Пошла к Ваньке, он и ее положил на солому[2] да и стал смеяться: у меня-де и дома много в погребу снегу!

Вынул огниво[3] и хочет поджечь солому. Старуха давай Бог ноги, а Ванька отвел свою корову назад домой и пошел навстречу к дяде. Повстречались.

— Здорово, дядюшка!

— Здорово!

— Спасибо, что без меня в моем дому порядок держал! Да что у тебя волос на голове совсем нету?

— Что делать, Бог взял!

— Хошь, я сделаю, что у тебя будут на голове волосы; только пошепчу тебе в шапку — и дело с концом!

---

[1] *Начато*: [Он]

[2] *Было*: [отвалял]

[3] *Далее*: [схватил пук соломы]

Взял дядину шапку, зашел за куст, насрал в нее, застлал сверху травкой и надел дяде на голову.

— Смотри, дядя, трои суток носи — не скидывай!

42
ПОП И БАТРАК

а

Жил поп с попадьею; у них были две дочери. Нанял себе поп работника; дождался весны, сам поехал на богомолье, а работнику приказывает:

— Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород скопал и гряды поделал.

— Слушаю, батюшка!

Вот батрак кое-как скопал огород колом, да все время и прогулял. Воротился поп, пошел с попадьей на огород, видит — ничего не сделано.

— Эх ты, свет! Ужли ж не знаешь, как огороды копают?

— То-то и оно, что не знаю! Коли бы знал — так бы и сделал.

— Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку; я тебе покажу, как копать-то.

Батрак побежал в горницу прямо к дочерям:

— Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтоб вы обе мне дали!

— Чего?

— Сами знаете чего — поеть!

Поповны на него заругались.

— Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорей меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами у него спросите.

Одна сестра сейчас выбежала на крыльцо и кричит:

— Батюшка! Вы приказали дать работнику?

— Дайте ему поскорее; что вы его там держите!

— Ну, сестрица, — говорит, воротившись, поповна, — нечего делать — надо ему дать; батюшка приказал.

Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и побежал к батьке на ого-

род. Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смотрит, а дочери плачут.

— О чем[1] вы плачете?

— Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел работнику над нами насмеяться.

— Как насмеяться?

— Да вить ты велел, чтоб мы ему дали!

— Ну что ж! Я велел дать ему лопату...

— Какую лопату? Он нас обеих перепортил, невинность нашу нарушил.

Поп, как услыхал это, сильно рассердился; схватил кол и прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему — не с добром, бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батрак шибче, так и укрылся[2] с батькиных глаз. Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок.

— Здравствуй, свет!

— Здравствуй, батюшка!

— Не попадался ли тебе навстречу мой работник?

— Не знаю, какой-то парень пробежал бойко.

— Это он самой и есть! Пойдем, мужичок, со мною; пособи мне его отыскать. Я тебе за то заплачу.

Вот и пошли они вместе; прошли немного, повстречался им цыган.

— Здраствуй, цыган! — говорит поп.

— Здоров бул, батенька!

— Что, не попадался ли тебе навстречу какой парень?

— А, батенька, какой-то проскочил мимо.

— Это он самой и есть! Пособи нам отыскать его, я тебе заплачу за это.

— Изволь, батенька!

Пошли они втроем. А батрак прибежал в деревню[3], надел на себя другую одёжу и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать:

— Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?

— Видел, в деревню побежал.

---

[1] *Было*: [что]

[2] *Далее*: [от него]

[3] *Далее*: [уж]

— Ну, брат, пособи нам его найти.

— Извольте, батюшка.

Пошли все четверо искать попова батрака, пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно: где бы переночевать?

Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила; стали проситься на ночлег. Вдова отвечает:

— Добрые люди! У меня нельзя вам ночевать, у меня эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете.

Но сколько она ни отказывалась — не могла отказаться и впустила[1] их на ночь. А к ней эту ночь обещался прийти любовник. Вот взошли они в избу и легли спать.

Поп думает: «Что, коли в самом деле будет потоп?»

Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте. «Коли будет потоп, — (думает себе), — так я стану в корыте по воде плавать».

Цыган лег на шестке, головой в золу; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье. Только улеглись они, и уснули все крепким сном; один попов работник не спит, и слышит он, что под окошко подошел хозяйкин любовник и стучится:

— Отопри, душенька!

Работник встал, отворил окно и тихонько говорит ему:

— Ах, миленькой мой! Ты пришел не вовремя. Теперича у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь.

— Ну, миленькая, — говорит любовник, — нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!

Работник поворотился к окну жопою и высунул свою сраку; любовник и поцеловал ее всласть.

— Ну, прощай, миленькая! Будь здорова; на тую ночь приду к тебе.

— Приходи, душа! Я стану дожидаться. А на прощанье дай, миленькой, свой хуй — мне хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее.

Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп:

— На, милая, полюбуйся!

А батрак взял тот кляп в руки, побаловал-побаловал, вынул нож из кармана и отхватил у него хуй вместе с му-

[1] *В рукописи*: вступила

дами. Любовник закричал благим матом и побежал без памяти домой. Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом — будто что ест. Мужик услыхал, проснулся да и спрашивает:

— Что ты, брат, ешь?

— Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрызу: такая сырая!

— Даром, брат, что сырая — дай-ка мне кусочек попробывать.

— Э, брат, мне и самому мало! Да, пожалуй, на тебе один конец, ешь на здоровье, — и отдал мужику отрезанной хуй.

Мужик с голодухи начал его жевать; грыз-грыз, никак не может откусить и говорит:

— Что, брат, с нею делать? Никак не угрызешь; эдакая сырая!

— Ну, ты положь колбасу в печь; пускай поджарится, тогда ты и съешь.

Мужик встал, подошел к печке и сунул колбасу прямо на цыганские зубы; подержал-подержал и стал пробывать:

— Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет.

— Да полно тебе с нею-то возиться; еще, пожалуй, хозяйка услышит — забранится. Небось в печке-то огонь весь разгреб; залей его водою, чтоб хозяйка не узнала.

— Да где воды искать?

— Ну посцы туда! Чем на двор идти — лучше огонь залей.

Мужику крепко хотелось сцать, и зачал он прямо цыгану в рожу сцать. Как почуял[1] цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал:[2] пришел-де потоп, и стал кричать во все горло:

— Ай, батенька, потоп! Потоп!

Поп услышал голос цыгана[3] и захотел спросонок прямо на корыте спуститься на воду, да как шлепнется об пол — все ребра себе переломал.

---

[1] *Было*: [услыхал]

[2] *Далее*: [Вот де] пришел потоп

[3] *Далее*: [прос<нулся>]

— О Боже мой! — кричит поп. — Когда падает малой ребенок — Бог подстилает под него подушку, а как старому придется упасть — так черт борону подставит[1]. Вот теперича я весь розбился! Не найти мне, верно[2], разбойника моего батрака.

А работник:

— И не ищи лучше; ступай-ка с Богом домой — будет здоровее!

6

Нанял поп батрака. Раз поутру говорит поп батраку:

— Давай-ка позавтракаем да пойдем молотить.

Сели завтракать; поели того-сего, потом попадья дала на закуску три яйца: попу — два[3], а батраку — одно. Пошли они на ток молотить; взяли цепы и стали работать; поп ударит цепом два раза, а батрак один раз; поп — два раза, а батрак — один раз. Поп видит, что батрак выдает его в работе, рассердился и говорит:

— Что ты, свет, со мною шутишь, что ли? Я как следует молочу, а ты все выжидаешь: я ударю цепом два раза, а ты супротив меня только один раз!

— Послушай, батюшка, — сказал батрак, — когда мы завтракали, так ты два яйца съел, а я одно; оттого и силы у меня меньше!

— Что ж ты, свет, давно мне этого не скажешь? Я бы приказал матке, чтоб тебе и другое яйцо дала. Ступай в избу да скажи матке, чтоб дала тебе другое яйцо, съешь да и ворочайся[4] назад.

Батрак бросил цеп, прибежал в избу и говорит попадье:

— Матушка! Поп приказал, чтоб ты мне дала.

— Чего тебе дать?

— Сама догадаешься — вестимо: поеть! Только давай поскорее, батька велел торопиться.

---

[1] *Далее было*: [откуда ни возьмется — нечистая сила да и] подставит [борону]

[2] *Далее*: [плута]

[3] *В рукописи перестановка слов*: [два] попу

[4] *Было*: воро[тись]

— Что ты, проклятой, с ума спятил? Эдакия речи говоришь!

— Ну сама спроси у попа, коли не веришь.

Попадья вышла на двор и кричит:

— Послушай, батька! Ты велел работнику дать?

— А ты еще не дала! — кричит ей поп. — Дай ему поскорее да отпусти: пусть молотить идет.

Попадья вошла в избу.

— Ну, правда твоя! — говорит работнику и легла на лавку за столом. Батрак взлез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтобы поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол, и тут с его хуя натекло на стол соплей таки порядочно[1]. Вышел на двор и дал тягу от попа. Вот поп помолотил, помолотил и думает: «Что такое значит, что по сю пору нет работника; дай схожу за ним». Пришел в избу и спрашивает у попадьи:

— Где же батрак?

— Как обработал — так сейчас и ушел.

Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе нагажено, и говорит жене:

— Эка ты ему уважила! Верно, дала яйцо всмятку; ишь, не мог он аккуратно съесть, на стол разлил*.

А попадья посмотрела на стол и говорит:

— Эка подлец! Это как он с меня лез прямо через стол — верно, с его хуя и натекли сопли; надо убрать.

— Что, что, — спрашивает поп, — что он с тобой сотворил?

— Да что ты приказал, то и сотворил — отъеб меня!

Поп начал на себе длинныя волоса рвать и заругался на попадью:

— Ах ты, треклятая блядища!

Тотчас запрег он лошадь и поехал нагонять[2] батрака. Батрак увидал попа, взял выпачкался в грязи и сам пошел к нему навстречу.

— Здравствуй, батюшка!

---

[1] *Было*: поряд[ком]

* *Вар<иант>*: Подошел к столу, посмотрел и говорит:

— Ишь ты, мать, с батраком яишницу ела да разлила!

Взял соли, посолил да слизал языком. (Этим и кончается сказка.)

[2] *Было*: [отыскивать]

— Здорово, свет!
— Куда едешь?
— Батрака своего разыскиваю.
— Возьми и меня с собою.
— Да ты кто?
— Грязнов.
— Пожалуй, поедем.

Едут вдвоем, попадается им цыган, тоже назвался с ними ехать. Вот едут втроем, и настигла их ночь. Приехали они к речке и увидели: стоит на берегу избушка, а в той избушке жила вдова, и к ней по ночам ходил любовник. Стали у ней проситься ночевать; она им отказывает:

— Никак нельзя! Нынче ночью зальет мою избу водою — вы, пожалуй, сонные потонете!

— Ничего; мы тогда как-нибудь выйдем.

Делать нечего, пустила их ночевать; поп лег на полати.

«Здесь, — думает, — высоко; авось вода не дойдет!»

Цыган привесил корыто к потолку, лег в него и взял нож.

«Когда придет вода, — думает себе, — я обрежу веревки и поплыву в корыте».

Хозяйка легла на печке, а батрак хозяйкино-то дело сметил да лег у окна: «Пусть вода придет, ведь один раз умирать!»

Вот ночью слышит он: кто-то стучится к нему под окошко.

— Кто там?
— Я, — говорит любовник.
— Ну что ж, принес что-нибудь?
— Принес полштофа водки да колбасу.
— Ну давай!

Тот подал. Батрак взял и говорит ему:

— Мне никак нельзя теперича тебя принять, потому что у меня постояльцы ночуют; а дай хотя для потехи подержу *твой* в руках: все легче мне будет!

Любовник вывалил из штанов свой хуй, а батрак взял рукою за хуй покрепче, а другою ищет: нет ли палки его попотчевать; на счастье и попадись ему ножик. Как он барахнул-то ножом — тот и стоит словно[1] безумной без

[1] *Было*: [как]

хуя, видит: дело-то плохо, и марш домой! А батрак сейчас полуштоф побоку, пьет себе да колбасой заедает. А попы на это чутки, проснулся поп и кричит:

— Грязнов! Что ты ешь?

— Колбасу.

— Дай-ка и мне!

Он[1] ему и подал отрезанной хуй. Поп погрыз-погрыз да и отдал назад.

— Очень крепка! — говорит.

— Еще не уварилась!

Потом опять заснули все; батрак и вздумал еще подшутить, взобрался на полати и зачал сцать да наметил прямо попу в рот, а тот как закричит:

— Вода, вода!

Да чебурах вниз головою. А цыган видит, что поп нырнул вниз, — сейчас обрезал ножом веревки да с корытом бац — так и брякнулся об пол. Кое-как повскакивали да бежать вон! А батрак и теперя поживает с этою хозяйкою*.

---

[1] *Начато*: [Тот]

* *Вар<иант>*: Шел сапожник дорогою; нагнал его портной и говорит:[1*]

— Здраствуй, мир дорогою!

— Здраствуй!

— Нельзя ль пристать к тебе в товарищи?

— Пойдем.

Идут. Навстречу им немец.

— Здорово, мир дорогою вам, братцы! Не примете ль в товарищи?

— Какие мы тебе товарищи: мы русские, а ты немец!

— Возьмите с собой, братцы!

— Ну, иди!

(Дальнейшая история та же: останавливаются ночевать у вдовы: сапожник у окошка; вдова было не пускать его — куда![2*] Портной на голбце у печки, а немец в корыте, которое привесил к потолку.

Приходит любовник.)

— Дай, милая, я хоть тебя поцелую!

Сапожник выставил ему свою жопу. Тот поцеловал и говорит:

— Какая у ней морда-то широкая! Дай, еще поцелую!

Сапожник[3*] еще выставил жопу, а любовник нашел колотушку да как хватит его по жопе.

— Ах, мать его так! Ловко поцеловал!

[1*] *Было*: [спраш<ивает>]

[2*] *Далее*: [<*нрзб*>, говорит ему вдова, <*нрзб*>]

[3*] *Начато*: [Тот]

43

ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

В некотором царстве, в нашем государстве жил-был поп с попадьей, у него было три дочери да батрак. Вот этот батрак и задумал: как бы подобраться к поповым дочерям. Попросить-то прямо не смел;[1] дождался он праздника, взял с собой котелок и пошел в сарай, налил в котелок воды, разложил огонь и давай кипятить воду. Поп воротился от обедни и сел обедать с женою и дочерьми да и спрашивает:

— А где же батрак?

— В сарае, — говорит попадья, — что-то все утро работает.

— Что вы, безбожницы! Послали его работать — эдакой нынче праздник! Али в вас Бога-то нет?

— Мы его не усылали; он сам пошел.

— Ступай, — сказал поп старшей дочери, — сходи за ним, чтобы шел обедать.

Поповна побежала в сарай; прибежала и спрашивает:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сласть!

— Дай-ка хлебнуть!

— А[2] дай ебнуть!

Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее пялить; отделал и дал хлебнуть. Она хлебнула[3].

— Вода как вода! — говорит и ушла назад.

Приходит в избу; поп и спрашивает ее:

— Что ж батрак нейдет?

— Что-то работает!

— Дура! Ведь я сказал, чтобы все бросил да шел обедать.

Сапожник сыт немцу прямо в рот; тот падает наземь.

— Хитер немец, — говорит сапожник, — а мы и его надули!

[1] *Далее*: [вот]

[2] *Начато:* [Да]

[3] *Далее было*: а) [и говорит]:

— Вода как вода! — [и назад];

б) [и сказала]:

— Вода как вода! — [да и ушла]

— Поди ты, — говорит поп середней дочери, — гони его сюда!

Побежала середняя дочь и спросила:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сласть!

— Дай мне хлебнуть!

— Дай-ка раз ебнуть!

Тут он и эту отвалял и дал после хлебнуть.

— Как есть вода! — говорит поповна и убежала назад.

— Что ж батрак? — спрашивает поп.

— Не идет, что-то все возится!

Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила:

— Батрак, что ты варишь?

— Сласть!

— Дай-ка мне хлебнуть!

— Дай разок ебнуть!

Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу.

Поп осердился и говорит:

— Все вы дурищи! Поди ты, попадья! Зови его, чтоб сейчас шел!

Пришла попадья в сарай.

— Что ты, батрак, варишь?

— Сласть!

— Дай отведать — хоть раз хлебнуть!

— Дай ебнуть!

Попадья было заартачилась, а он так — даром не дает попробовать сласти; но уж[1] ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадья и дала ему ебнуть, а потом[2] хлебнула и водицы.

— Ну что, хороша, матушка, моя сласть?

Вылили вместе воду и пошли обедать.

— Что ты, дурак, долго не шел; ныня грешно работать! — сказал поп.

Стали обедать; вот подали пирог, поп разрезал его и роздал всем по куску. Попадья отдает свою долю батраку:

---

[1] *Было*: [вот]

[2] *Далее*: [и]

— На тебе, батрак, мою долю за давишнее!*

Глядя на мать, и поповны стали отдавать батраку свои куски:

— На тебе, батрак, за давишнее!

Поп глядел-глядел, да и сам туда ж:

— На тебе, батрак, и мою долю за давишнее!

— Да раз(в)е тебя батрак пежил? — спросила его попадья.

— А вас раз(в)е пежил?

Попадья и поповны в один голос так и заголосили:

— Как же нас пежил!

Поп рассердился и согнал батрака со двора.

44
ЧЕСАЛКА

Купил старик своей старухе тулуп да под забором всю ночь ее еб. Поутру стала погода мокрая, идет старушонка, сгорбилась да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила:

— Не разорви меня, Гаврила!

А старик был на ухо крепок, тех речей не расслухал да ей в серево свой хуй и вбухал и ёб ее до усёру. Не насытится никогда око зрением, а жопа бздением, нос табаком, а пизда хорошим елдаком: сколько ее ни зуди — она все, гадина, недовольна!

Эта присказка, сказка впереди.

Жил-был поп. У попа была дочка — еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено и нанимает с таким уговором: если дочь его пересикнет через стог сена, что[1] работник[2] накосит, то и заработной платы ему нет. Много нанималось к нему рабочих, да все работáли на попа даром: поповна что ни выйдет, так стог и пересикнет. Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу се-

---

* *Вар<иант>*: за твою сласть.

[1] *Далее*: [накосит в день]

[2] *Далее*: [в день]

но, и коли поповна пересикнет, то вся работа пойдет ни зá что. Стал работник косить сено; накосил и сметал в стог; лег подле стога, вынул из порток свой хуй[1] и давай его надрачивать. А дочь попова идет к работнику посмотреть на работу, глядит на него да и спрашивает:

— Что это ты, мужичок, делаешь?

— Чесалку поглаживаю.

— Что ж ты этою чесалкою чешешь?

— Давай я тебя почешу! Ложись на сено.

Легла попова дочка, он начал ее чесать[2] да и промахнул ее как следует. Встала поповна и говорит:

— Какая славная чесалка!

Потом стала сикать через стог — нет, не берет: только себя обоссала, словно из решета вылила! Приходит к отцу и сказывает:

— Оченно велик стог — не смогла пересикнуть*[3].

— Ах, дочка! Верно, больно хороший работник! Я его на год найму.

Как только пришел работник за расплатою, поп и пристал к нему:

— Наймись, свет, на год!

— Хорошо, батюшка!

Нанялся он к попу. А поповна так ему рада!

Приходит ночью к батраку и говорит:

---

[1] *Далее*: [да]

[2] *Далее*: [насквозь пизду]

[3] *Далее перечеркнуто*: [**Вар<иант>*: В одном селе, против неба на земле, жил поп Сирах, носил рясу в дырах; жил он без лишних затей, а семья у него сам-третей: была одна дочь Катерина да батрак. В одно время поповна печку топила, а батрак стоял против огня, и встал у него хуй, ажно сорочка поднялась. Увидала попова дочка и стала батрака спрашивать:

— Что это у тебя за бурак под рубашкою торчит?

— Ах, барышня! Это у меня не бурак, а чесалка!

— Какая ж такая чесалка? Нельзя ли и меня один разок чесануть?

— Ишь ты, барышня, какой у тебя завидливой глазок! Что ни увидишь — то и просишь!

И начал батрак чесать поповну, и с тех пор чесал ее по тех пор, пока не поднялось у ней брюхо к носу; тут батрак с попом рассчитался да и драла от него!]

— Почеши меня!

— Нет, я даром чесать не буду; принеси сто рублей, купи себе чесалку.

Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее кажную ночь.

После того батрак поссорился с попом и говорит ему:

— Рассчитай меня, батька!

Рассчитался и ушел. А дочери на ту пору дома не было; приходит она домой:

— Где работник?

— Он, — говорит поп, — рассчитался и сейчас ушел на деревню.

— Ах, батюшка! Что вы сделали; ведь он мою чесалку унес.

И пустилась бежать за ним впогонь. Нагоняет его около речки, батрак засучил портки и стал переходить вброд.

— Отдай мою чесалку! — кричит попова дочь.

Батрак поднял[1] камень, бросил его в воду.

— Возьми себе! — говорит.

Перешел на ту сторону и был таков!

Поповна подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку: шарит по дну — нет чесалки. Ехал мимо барин и спросил:

— Что ты, голубушка, ищешь?

— Чесалку. Я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя[2], унес было чесалку, да я погналась за ним, так он и бросил ее в воду.

Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалки. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит хуй, как схватит его за хуй обеими руками; держит, а сама кричит:

— Ах, барин! Стыдно тебе, вить, это моя чесалка! Отдай[3] назад*[4].

---

[1] *Было*: [взял]

[2] *Далее было*: [и бросил вот ту] чесалку [в воду]

[3] *Далее*: [гад]

[4] *Далее перечеркнуто*: [**Вариант*: Ищет поповна в реке чесалку; приходит поп и давай вместе с нею шарить; поднял рясу, а портки-то еще на берегу спустил; дочь увидала у него хуй и кричит:

— Что ты делаешь, бесстыдная! Пусти меня! — говорит барин.

— Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку!

И потащила барина за хуй к своему отцу.

Поп смотрит в окно: дочка тащит барина за хуй да все кричит:

— Отдай, подлец, мою чесалку!

А барин жалобно просит:

— Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду!

Что делать? Поп вынул из порток свой поповской кляп, показывает дочери в окошко и кричит:

— Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!

— И то моя, — говорит дочь, — ишь с конца-та красная! А я уж думала, что барин ее взял!

Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин навострил лыжи — только[1] пятки показывает. А девка вбежала в избу:

— Где ж моя чесалка, тятенька?

— Ах ты, сякая-такая! — напустился на нее поп. — Гляди, матка, вить, у нее честности-то нет!

— Полно, батька, — сказала попадья, — посмотри сам, да получше.

Поп[2] долой портки и давай свою дочь ети. Как стало попа забирать — он ржет да кричит:

— Нет, нет, не потеряла дочка честности...

Попадья говорит:

— Батька! Засунь ей честность-то подальше.

— Не бо<й>сь, матка, не выронит, далеча засунул!

А дочь-то еще молоденька, не умеет подымать ноги круто.

— Круче, дочка, круче! — кричит попадья.

А поп:

— Ох, матка! И так вся в куче!

— Батюшка! Отдай мою чесалку!

Поп туда-сюда; она все свое:

— Отдай мою чесалку!]

[1] *Далее*: [давай бог]

[2] *Далее*: [портки]

Так-то нашла попова дочь чесалку.

С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселева живет: дочку с матушкой ебет!

45

ЗАГОНИ ТЕПЛА

Жил-был мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак[1].

Стал он их спрашивать:

— Дети мои любезные! Чем вы меня под старость будете кормить?

Старшие братья сказали:

— Работою.

А дурак по-дурацки и отвечал:

— Чем тебя больше кормить, как не хуем!

На другой день старшóй сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадается ему навстречу поп.

— Куда идешь? — спрашивает поп.

— Ищу работы, где бы сена косить.

— Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей[2], если моя дочь не пересикнет того, что ты накосишь за день; а коли она пересикнет — не заплачу тебе ни копейки.

«Где ей пересикнуть!» — думает парень[3] и согласился.

Поп привел е<го> на полосу:

— Вот здесь коси, работник!

Парень сейчас же начал косить и к вечеру накосил такую кучу, что страшно посмотреть. Но поповна пришла и пересикнула. Пошел он домой, как не солоно хлебал!

С средним братом случилось то же самое. Ну, пошел и дурак.

Дай-ко, — говорит, — я пойду, поищу по своему хую работы.

Взял косу и идет; попадается ему навстречу тот же самой поп и зазвал его к себе работать с таким же уговором.

---

[1] *Далее начато*: [Под старость]

[2] *Далее*: [за день]

[3] *Было*: [батрак]

Начал[1] дурак косить; прошел одну линию, скинул портки и стал раком.

Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает:

— Работник, что же ты не косишь?

— Подожди, дай мне тепла в жопу загнать, чтоб зимою не мерзнуть.

— Загони и мне тепла, пожалуста, а то мы зимой в гости ездим — всегда зябнем.

— Становись раком; заодно загонять!

Она стала раком, а дурак вздрочил махалку да как хватит ей в пизду и давай загонять тепло: до тех пор загонял, что с ней аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит:

— Ну, будет с тебя! Хватит на одну зиму!

Она побежала домой и сказала двум своим сестрам:

— Ах, душечки-сестрицы! Как славно мне работник тепла в жопу загонял, с него и с меня даже пот лил![2]

И эти туда ж побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. А сена накосил он так, самую малость, только три раза прошел.

Приходит поп с старшой дочерью и хвастается:[3]

— Ступай, работник, лучше заранее домой; моей дочери этого нетрудно пересикнуть!

— А вот посмотрим!

Поп велел своей дочке сикать: она подняла подол, как сикнет, да прямо себе за чулки.

— Вот видишь, — сказал дурак, — а тоже хвастаешь!

Поп в досаде послал за меньшими дочерьми.

— Коли и эти не пересикнут, — (говорит поп), — то я даю тебе с кажной по сту рублей!

— Хорошо.

Но и середняя и меньшая поповны только себя обоссали.

Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит:

— Вот вам хуева работа! Посмотрите, сколько денег!

---

[1] *Было*: [стал]

[2] *Было*: [полился]

[3] *Было*: [гово]

46
ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ (*ИЛИ*: КОЗЛА)

а

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба[1]. Вот кобель начал лапами копать землю; подкопался под самой дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запрег лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите, угождайте[2] у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь!

Ну бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески! А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет — а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всею церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу:

— Батюшка! У меня помер[3] кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну, это хорошо, свет! Только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Муж<ик> изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу. Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков — мало им дал. Вот они просьбу на

---

[1] *Было*: [к дубу]
[2] *В рукописи*: угождаете
[3] *Было*: [околел]

него к архирею: так и так, дескать, похоронил кобеля по-христиански.

Архирей позвал к себе попа на суд[1].

— Как[2] ты смел, — говорит, — хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест.

А мужик взял десять тысяч и пошел к архирею попа выручать.

— Ты зачем? — спросил архирей.

— Так и так, — отвечает мужик, — помер у меня кобель, отказал Вашему Преосвященству десять тысяч денег да попу пять!

— Да, братец, я слышал про то и посадил[3] попа под арест: зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды!

Взял архирей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

6

Жил старик со старухою; не было у них ни одного детища, только и был что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одне лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось старику идти в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да травку щиплет. Щипал-щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел

---

[1] *Было*: а) [и] попа [и мужика] на суд. [А мужик взял с [собою] десять тысяч, пришел к архирею и ждет, что будет.];

б) [и посадил под арест]

[2] *Далее было*: [в]ы смел[и х]оронить [кобеля] нечистого пса? — [закричал архирей...

— Да вить этот кобель[, — говорит мужик, —] был совсем-таки похож на православного, а не на собаку! Как помирал, он Вашему Преосвященству отказал десять тысяч денег да попу пять]

[3] *Далее*: [уж]

к нему — и увидал золото. Несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик, — говорит старуха, — это нам Бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности! А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха, — отвечал[1] ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастием, а козловым: теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе — поживают, никакого горя не знают. Вот чрез некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советываться со старухою, что делать:

— Коли[2] выбросить[3] козла собакам, так нам за это будет перед[4] Богом и людьми грешно, потому что все счастие наше мы через козла получили! А лучше пойду я к[5] попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастие: козел помер! Пришел звать тебя на похороны.

Как услыхал поп такие речи — крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе:

— Ах ты, окаянной! Что выдумал! Вонючаго козла хоронить!

— Да вить этот козел, батюшка, был совсем-таки православной, он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старой хрен! — сказал поп. — Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по

[1] *Было*: [сказ]
[2] *Далее*: [говорит]
[3] *Было*: [нам]
[4] *Было*: [от]
[5] *Было*: [свое]

сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер!

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтоб приготовлялся: сейчас пойдем козла хоронить!

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла — он-то и помер!

Как начал[1] дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православной; как умирал — тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар да глуп! — сказал дьякон. — Что ж ты давно не известил меня о его преславной кончине; ступай скорей к дьячку: пущай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе!

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй! Вить козел-то был православной, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что ж ты до этих пор копаешься![2] Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок[3] на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять: положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу. Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архирея, что поп-де козла похоронил по-христиански. Потребовал архирей к себе на расправу старика с попом[4].

---

[1] *Было*: [зачнёт]

[2] *Далее*: [Тебе]

[3] *В рукописи*: козел

[4] *Было*: [попа и мужика]

— Как вы смели[1] похоронить козла? Ах вы, безбожники!

— Да вить этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертию отказал Вашему Преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупой старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа[2] по домам.

47
СУД О КОРОВАХ[3]

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика только одна, да хорошая! Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжилить у мужика и последнюю корову:

— Тогда было бы у меня восемь![4]

Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви:

— Послушайте, миряне! Аще кто подарит[5] своему духовному пастырю одну корову — тому Бог[6] воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!

Мужик услыхал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове! На всю семью и молока не хватает! Сделаю-ка я по Писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь Бог смилуется!»

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу.

---

[1] *Далее было*: а) [вонючаго козла хоронить как православных покойников хоронят?]; б) [так как]

[2] *Было*: [вместе с попом]

[3] *Было*: коров[е]

[4] *Далее было*: [Случись на ту по<ру> большой]

[5] *Было*: [отдаст]

[6] *Далее было*: [заплатит всемеро]

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что хорошаго скажешь?[1]

— Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в Писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро! Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову.

— Это хорошо, свет, что ты помнишь слово Божие: Бог тебе воздаст за то седьмерицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам.

Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать:

— Зачем, подлец, отдал попу буренку?[2] С голоду, что ли, нам пропадать, как собакам?

— Эка ты дура! — говорит мужик. — Разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь; тады похлебаем молока досыта!

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны; стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою[3] очутились на мужицком дворе. Мужик увидал в окошко и говорит своей бабе:

— Смотри-касъ, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: Божие слово завсегда сбывается! А ты еще ругалась! Будет у нас теперича и молоко, и говядинка*.

Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко

---

[1] *Далее было*: [Я привел вашей милости в подарок корову]. Был [сегодня] [нынче] в церкви, [там и услышал], что [читано], [написано] в Писании.

[2] *Было*: [последнюю корову]

[3] *Далее*: [притащились прямо к мужику, забежали]

* *Вар<иант>*: Вот как-то нанял поп мужика вычистить загороду, где коровы стоят; мужик стал чистить, да нарочно ворота и отворил, коровы и ушли со двора; а он, не будь глуп, взял да и загнал всех поповых коров к себе.

запер. Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику* и говорит:

— Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?

— Поди ты с Богом! У меня чужих нет, а есть[1] свои, что мне Бог дал: это моя коровушка привела[2] за собой ко мне семеро, как[3], помнишь, батька, сам ты читал на праздник в церкви.

— Врешь ты, сукин сын! Это мои коровы.

— Нет, мои![4]

Спорили-спорили, поп и говорит мужику:

— Ну, черт с тобой, возьми свою корову назад, отдай хоть моих-то!

— Не хошь ли ты кляпа собачьего!

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архирея. Поп подарил его[5] деньгами, а мужик холстом; архирей и не знает, как их рассудить.

— Вас, — говорит им, — так не рассудишь! А вот что я придумал: теперь ступайте домой, а завтра кто из вас прийдет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся.

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье:

— Ты смотри, пораньше меня разбуди завтра утром!

А мужик, не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архирею под кровать.

«Здесь, — думает себе, — пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь[6] — так попу коров-то и не видать!»

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архирей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает:

---

* *Вар<иант>*: Пришел поп к мужику, а у того и ворота заперты; смотрит сквозь плетень, а мужик свежует поповых коров да солонину готовит.

[1] *Далее*: [у меня в хлеве коровы, так это]

[2] *Далее*: [их]

[3] *Далее*: [читал]

[4] *Начато*: [Как же!]

[5] *Было*: [ему]

[6] *Было*: [а завтра скажу, что]

— Кто такой?

— Я, игуменья, отче!

— Ну, ложись-ка, мать игуменья, на постель.

Легли они на постель; стал архирей ее щупать за титьки, а сам спрашивает:

— Что это у тебя?

— Это, святый отче, сионския горы, а пониже — долы.

Архирей взялся за пупок.

— А это что?

— Это пуп земли.

Архирей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за пизду.

— А это что?

— Это ад кромешной, отче!

— А у меня, мать, есть грешник*, надо его в ад посадить.

Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провожать мать игуменью. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой.

На[1] другой день поп поднялся до света, не стал и умываться — побежал скорей к архирею, а мужик выспался хорошенько, проснулся — уж давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архирею, а поп давно его ждет.

— Что, брат, чай, за жену завалился! — подсмеивает поп.

— Ну, — говорит архирей мужику, — ты после[2] пришел...

— Нет, владыко! Поп пришел после;[3] нешто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да[4] грешника сажал в ад!

Архирей замахал обеими руками.

---

* *Вар<иант>*: Иуд<а>.

[1] *Начато*: [Поп]

[2] *Было*: по[зже]

[3] *Далее*: [а я]

[4] *Далее*: [сажал]

— Твои, — (говорит), — твои, мужичок, коровы! Точно, твоя правда: ты пришел раньше!

Так поп и остался ни при чем; а мужик себе зажил припеваючи*.

48
ЖАДНОЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадной, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет стрáмить:

— Экая ты рогатая скотина! За целой год не смог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать: ведь он за вас, окоянных, Богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак.

Поп просто взбесился.

---

* *В одном списке*[1*] *продолжается эта сказка так:*

Пришел поп домой. А[2*] у него жил батрак по сто рублей в год. Прожил семь лет и ни за один год не получил денег. Стал он приставать к попу за расчетом, а поп говорит:

— Ты жил у меня семь лет — ни разу не говел; ты прежде исповедуйся, а там и разчтемся.

Стал батрак говеть и пошел к попу нá дух.

— Признайся, свет, — говорит поп, — может, у кого товар (*т. е. скотину*) из загороды выпустил — то это грех большой!

— Нет, батюшка, в том не грешен, а вот каюсь перед тобой на духу — семь лет еб твою сноху!

— Не[3*] в этом дело, свет, а не спустил ли ты у кого со двора коров?

— Нет, батюшка, не грешен; а вот в чем перед тобой каюсь — я и до твоей попадьи добираюсь!

— Полно, свет, пустяки говорить! Я тебя спрашиваю, не спустил ли ты со двора моих коров?

— Нет, батюшка, такого греха за собой не знаю, а вот — нечего таить — и на тебя мой кляп стоит!

— Будь проклят ты, окоянной!

После того поп расчел батрака и остался и без коров, и без работника.

1* *Было*: [некотоpых] списк[ах]

2* *Было*: [стал злобиться на своего] батрак[а]

3* *Начато*: [Ну, свет]

— Послушай, проклятой! — говорит ему. — Откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка! Где я больше возьму? Что есть, то и даю.

— По блядам да по кабакам носить небось есть деньги! А духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакой случай хоть укрядь что да продай, а священнику принеси что подобает[1], заодно уж перед ним покаешься и в том[2], что своровал; так он все тебе грехи отпустит!

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди.

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?»

Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

«Дай-ка, — говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить».

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка!

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит солдату:

— Ну, Бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю!

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться; бросился к крылосу взять свою[3] шапку, а шапки-то нету: так простоволосой и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

---

[1] *Далее*: [тут]
[2] *Далее*: [грехе]
[3] *Далее*: [палку и]

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такия шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее утащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке, у самого крылоса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовнаго отца! Ведь это смертной грех!

— Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили.

49

СМЕХ И ГОРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к реке[1] один раз бурлак[2] и кричит с другого берега:

— Эй, батька! Перевези меня.

— А заплатишь, свет, за перевоз?[3]

— Заплатил бы, да денег нету![4]

— А нету, так и перевозить не стану.

— Коли перевезешь, батька, я покажу тебе за то *смех и горе*.

Поп задумался, захотелось ему[5] увидать *смех и горе*.

«Про что такое, — думает он себе, — говорил сейчас бурлак?[6]»

Вот он сел в лодку и поехал на тот берег[7], посадил с собой бурлака и перевез на свою[8] сторону*.

---

[1] *Было*: [нему]

[2] *Далее было*: и [прос]ит: батька!

[3] *Было*: [Давай], свет, [деньги!]

[4] *Было*: Денег [у меня] нету

[5] *Далее*: увидать: смех и горе.
[— Что такое]

[6] *Далее*: а) [Посадил его в [на] лодку и перевез на другой берег. Бурлак]; б) [Поехал на тот берег, посадил бурлака]

[7] *Было*: т[у сторону]

[8] *Было*: [эту]

* *Вар<иант>*: Жил-был поп, возле его дома протекала речка, а

— Ну, батька, ворочай лодку вверх дном! — сказал[1] бурлак.

Поп перевернул лодку вверх дном и ждет себе: что будет? Бурлак вынул из порток свой молодецкой хуй и как ударит по дну — так лодка и развалилась надвое. Поп увидал[2] такой заправской хуй и рассмеялся; а после как раздумался о своей расколотой лодке — так стало ему жалко, что даже заплакал с горя.

— Что, доволен мною, батька? — спрашивает бурлак.

— Шут с тобой! Ступай куда идешь!

Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп воротился домой. Только перешагнул через порог в избу — вспомнил о бурлацком хуе и засмеялся, а там[3] вздумал о лодке — и заплакал.

— Что, батька, с тобою сделалось? — спрашивает попадья.

— Ты не знаешь, матка, моего горя!

И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось.

Как услыхала попадья про бурлака, сейчас напустилась на своего батьку:

— Ах ты, старой черт! Зачем ты его от себя отпустил? Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это

на другой стороне стояла церковь. Случился праздник; зазвонили к обедне, поп сел на лодку и переехал на тот берег. Только вылез он из лодки, а навстречу ему мужик:

— Перевези, батюшка, на ту сторону.

— Ах, свет! Я бы перевез тебя, да к обедне давно прозвонили, опоздаю.

— Небось, без тебя не начнут служить обедни; а коли перевезешь — я покажу тебе *смех и горе*.

Поп перевез мужика.

— Что ж, батюшка, очень желательно тебе видеть *смех и горе*?

— Да, свет, очень желательно!

(*Мужик хуем разбивает лодку.*) Как теперь без лодки попасть попу в церковь?

— Эка сукин сын мужик! Какого горя наделал.

Постоял-постоял поп над лодкою и пошел домой.

— Что так рано воротился? — спрашивает его попадья.

— Так и так, — говорит ей поп.

[1] *Было*: [говорит]

[2] *Было*: [посмотрел] на

[3] *Было*: [как]

мой брат родной! Верно, родители послали[1] его нас с тобою проведать, а ты нет того, чтоб догадаться...[2] Запрягай-ка скорее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой воротится, нас не видавши. Я хоть[3] на его, голубчика, посмотрю да про родичей-то расспрошу.

Поп запрег лошадь и погнал за мужиком; нагнал его и говорит:

— Послушай, доброй человек! Что ж ты мне не сказался: вить ты моей попадье родной брат. Как рассказал ей про твою удаль — она сейчас тебя признала и приказала тебя воротить.

Бурлак сейчас догадался, к чему дело клонится.

— Да, — говорит, — это правда: я твоей попадье[4] родной брат, да тебя-то, батюшка, преж сего[5] никогда я не видывал, а потому самому и признать тебя не умел!

Поп схватил его за руку и тащит на телегу.

— Садись, свет, садись! Поедем к нам. Мы с маткою, слава Богу, живем в довольстве и благополучии, есть чем тебя уподчивать.

Привез бурлака; попадья сейчас выбежала к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и целует его[6].

— Ах, братец любезный, как давно тебя не видала. Ну что, как наши-то поживают?[7]

— По-старому, сестрица! Меня послали тебя проведать.

— Ну и мы, братец, покудова Бог грехам терпит, живем помаленьку.

Посадила его попадья за стол, наставила перед ним разных закусок, яичницу и водки, и ну угощать:

— Кушай, любезный братец!

---

[1] *Было*: [родня прислала]

[2] *Было*: [я бы хоть расспросила его]

[3] *Далее было*: [про родичей-то его расспрошу — все мне легче будет!]

[4] *Далее было*: [довожусь] родн[ым] брат[ом], да тебя [то преж сего]

[5] *Было*: преж[де]

[6] *Далее*: [и спрашивае]

[7] *Далее*: [а сама его]

Начали все они трое есть, пить и веселиться до самой ночи. А как стало темно, постлала попадья постель и говорит попу:

— Мы с братцем вот здесь ляжем да поговорим про наших родичей: кто жив и кто помер; а ты, батька, ложись один на казенке али на полатях.

Вот полегли спать; бурлак взлез на попадью и начал ее попирать своим хуищем, так что она не утерпела — на всю избу завизжала.

Поп услыхал и спрашивает:

— Что[1] там такое?

— Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер.

— Ну, царство ему небесное, — сказал поп и перекрестился.

А попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает:

— О чем еще[2] плачешь?

— Эх, батька! Вить и мать-то моя померла!

— Царство ей небесное! Со святыми упокой!

Так-то вся ночь у них и прошла*.

Поутру[3] бурлак стал домой собираться; а попадья ну его угощать на прощанье и вином-то, и пирогами, так и суетится около него[4]:

---

[1] *Далее*: [такое с тобой-то]

[2] *Далее*: [матка]

* *Вар<иант>*: Наугощался мужик.

— Ну, теперь пойдем в мою горницу, — говорит ему попадья, — потолкуем о родных, как проживают; ты, братец, расскажешь мне про свое житье, а я тебе про свое расскажу!

Пошли вместе; а поп смекнул, в чем дело-то, подошел к дверям и смотрит в щель: а там уж мужик матку на постели накачивает, так ее прижимает, что кровать шатается. Видит поп, что дело дрянь, а взойти в горницу боится.

«Только я помешаю, — думает он, — мужик убьет меня своим хуем! Видно, так тому и быть!»

[3] *Далее*: [встала попадья]

[4] *Далее*: [и говорит]

— Ну, братец любезный, коли опять будешь в этой стороне — завсегда к нам заходи![1]

А поп вторит:

— Не обходи нас; мы тебе всегда[2] рады!

Попрощался с ними[3] бурлак[4], попадья вызвалась провожать братца[5], а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают; вот уже и поле[6]. Попадья говорит попу:

— Воротись-ка, батька, домой, что тебе идтить, я и одна теперича провожу братца.

Поп воротился; прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ль они ушли? А бурлак тем временем повалил матку на пригорок, взлез на нее и ну отжаривать на прощанье; а чтоб ловчей надуть[7] попа, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу-то кверху. Вот он ебет ее, а попадья[8] то и дело ногой[9] да шапкой качает. Поп стоит да смотрит.

— Вишь, — говорит сам себе, — какой родственной человек-то! Далеко ушел, а все[10] кланяется да шапкою мне махает![11]

Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться, а сам кричит:

— Прощай[12], шурин! Прощай!

Отвалял бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала.

Догоняет она попа, а сама с радости песни поет.

— Сколько лет с ней живу, — сказал поп, — а доселева не слыхал от нее песен!

---

[1] *Далее*: а) [И поп тоже себе: «да, уж, говорит, не забывай нас, не обходи нас!» А поп тож себе просит];

б) [А] поп [поддакивает, говорит... да... нас, говорит...]

[2] *Было*: [за]всегда [будем]

[3] *Было*: Попрощал[ись и пошли]

[4] *Далее*: [и пошел в дорогу]

[5] *Далее*: [его]

[6] *Было*: [деревни не видно]

[7] *Было*: [поп не навести]

[8] *Далее*: [махает ногой]

[9] *Далее*: [качает]

[10] *Было*: [все шапкою мне]

[11] *Далее*: [Дай и я ему покло<нюсь>]

[12] *Далее*: [кричит во все горло]

— Ну, батька, — говорит попадья, — проводила я братца любезного[1], придется ли еще повидаться с ним в другой раз!

— Бог не без милости! Авось[2] прийдет!

50
ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ

а

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, парень молодой; не посчастливилось ему в хозяйстве, все коровы и лошади подохли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза, сам недоест-недоспит, а все за ней ухаживает: раздобрела во́ как кобыла! Раз как-то убирал он свою лошаденку, зачал ее гладить да приговаривать:

— Ах ты, моя голубушка! Матушка! Нет милее тебя!

Услыхала эти слова соседская дочь — девка ражая, и как[3] собрались на улицу деревенские девки[4], она им и сказала:

— Ох[5], сестрицы! Я стояла у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу, да потом слазил на нее[6] и ну целовать да приговаривать: «Ах ты, голубушка моя, матушка! Нет тебя милее на свете!»

Вот девки и начали парню смеяться: где только ни повстречают его, так[7] и закричат:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

Что делать парню; никуда глаз показать нельзя.

Стал он печалиться. Вот увидала его старуха тетка.

— Что, Гриша, невесел, что головушку повесил?

---

[1] *Далее было*: а) [еще дождусь ли когда с ним увидеться али нет!]; б) [еще] придется ли [опять у]вид[е]ться

[2] *Было*: [еще]

[3] *Было*: [только]

[4] *Было*: [подруги]

[5] *Было*: [А]х

[6] *Далее*: [таки прямо под хвост]

[7] *Было*: [сейчас]

Он ей и рассказал про все это дело.

— Ничего, Гриша, — сказала старуха, — все поправлю; приходи-ка завтра ко мне. Небось перестанут смеяться!

Старуха-то была лекарка, да такая важная — на все село[1]; а в избу к ней сходились[2] на вечерницы девки. Вот она вечером-то увидала ту девку, что рассказала[3] о Григории, как он кобыле под хвост лазил, и говорит ей:

— Ты, девушка, заходи ко мне завтра поутру; мне надо кой о чем с тобой потолковать.

— Хорошо, бабушка!

На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе.

— Ну смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то[4] готов был! А теперя становись за печку да стой смирно, пока не позову.

Только стал он за печкою, пришла и девка.

— Здравствуй, бабушка!

— Здорово, голубушка! Вот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое деется; вить ты, родимая, оченно больна...

— Э, бабушка, я, кажись, совсем здорова!

— Нет, голубушка, у тебя в нутре то деется, что[5] и подумать-то страшно! Хошь теперича и не больно тебе, а как дойдет до сердца — в то время уж ничем не вылечишь; так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощупаю.

— Пощупай, бабушка! — говорит девка, а сама чуть не плачет со страху.

Стала баба щупать ее за живот и говорит:

— Вишь, я правду сказывала! Как только вчерась на тебя взглянула — сейчас догадалась, что с тобой недоброе деется. У тебя, голубушка, подле сердца жолтуха...

— Полечи, пожалуста, бабушка!

---

[1] *Далее*: [На другой день пошли вечером.]
[2] *Далее*: [деревенские девки]
[3] *Было*: [посмеялись]
[4] *Было*: [твой]
[5] *Далее*: [беда, коли до сердца дойдет]

— Уж коли хвораешь, так надо полечить; только стерпишь ли? Ведь больно будет!

— Что хошь делай, хоть ножом режь, да вылечи!

— Ну стань же ты вот тута, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой али с левой[1], больше народу будет идти? А назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет: тогда и двух недель не проживешь!

Девка высунула свою голову в окошко и ну глазеть по сторонам; а старуха задрала ей хвост и говорит:

— Нагнись-ка туда за окошко побольше! Да не оглядывайся: сейчас стану[2] мазать тебе[3] помазком да деготьком!

Тут вызвала старуха потихоньку парня:

— Ну, работай!

Вот он и засунул девке помазок свой на целую четверть вглубь, и как стало у них заходиться — стала девка жопою вертеть, а сама просит:

— Бабушка-голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Парень отвалял ее и ушел за печку.

— Ну, девушка, — сказала старуха, — теперича[4] такая будешь красавица, что любо-дорого!

Девка поблагодарила старуху:

— Спасибо, бабушка! Какое славное у тебя лекарство-то! Просто сласть!

— У меня ничего худаго нету, а это лекарство для баб и девок куда пользовитое! А с какой стороны народу шло больше?

— С правой, бабушка!

— Ишь, какая ты счастливая! Ну, ступай с Богом домой.

Девка ушла, ушел и парень. Вот он пообедал и повел свою кобылу на реку поить. Девка увидала его, выскочила и кричит:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

А он оборотился да и ну передразнивать ее:

---

[1] *Далее*: [будет]

[2] *Было*: [помазком тебе]

[3] *Было*: [своим деготьком]

[4] *Далее*: [ступай домой]

— Ох, бабушка-голубушка! Мажь[1], мажь побольше своим деготьком да помазком!

Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

[б]

(«Пастух»)

В одной деревне жил-был пастух, молодой парень. Деревенские девицы и молодые молодицы к нему были привычны и всякие шутки от него принимали. Многие девки на него завидовали, хочется[2] полюбиться с ним, да не всякой удается-то! Вот девки и придумали на него напраслину, а может, и взаправду[3] застали его на кобыле — и ну над ним потешаться. Другие девки еще не так его докоряли, как одна Дуня. Погонит, бывало, она поутру скотину, а сама кричит пастуху:

— Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!

Просто проходу ему не дает с<о> своей кобылой. Пастух все себе на ус мотает. А в деревне жила старуха — такая приветливая, и к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал к ней в ноги:

— Заставь, бабушка, за себя вечно Бога молить, а я тебя до веку не забуду.

Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег.

— Хорошо, родимой! Приходи ужо в сумерки.

Вечером пригнал пастух с поля стадо; а в то время был дождик; стали бабы зазывать свою[4] скотинку[5], Дуня тож побежала по деревне искать свою корову. А старуха увидала ее в окно и закричала:

— Дуня, Дуня! Поди-кась сюда.

Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкою.

---

[1] *Далее*: [же]
[2] *Далее*: полюбить [пастуха, его]
[3] *Было надписано*: [они]
[4] *Было*: сво[их]
[5] *Далее*: [и] Дуня [тоже]

— Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь!

Дуня испугалась и не знает, какая такая вина за нею.

— Экия вы дуры безопасныя! — сказала старуха. — Бегаете неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак делать? Посмотри-кася, что ты теперь наделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя замуж-то возьмет?

— Ах, бабушка! Нельзя ли похлопотать да поправить как-нибудь?

— То-то поправить! За все-про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай, что скажу, да терпи, хоть и больно будет.

— Хорошо, бабушка!

— Смотри в окно да раскорячься пошире, а сама, чур, не оглядывайся: а то все дело пропадет, в то время и поправить нельзя будет!

Заворотила[1] ей сарафан и махнула пастуху. Иван подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь.

— Ну что, хорошо ли? — спрашивает старуха.

— Хорошо, бабушка; ух, как хорошо! Еще поправь, бабушка! Я тебя николи не забуду.

Покончил свое дело пастух и спрятался за печку.

— Теперь, — сказала старуха, — ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога.

На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою; а он ей в ответ:

— А не хочешь ли, честь тебе поправлю!

— Ну хорошо, Иван! — сказала с укором девка.

— Не знаю, как тебе, а мне хорошо было! — отвечал пастух.

в

Жил-был молодец, повадился ходить мимо купеческого дома: как идет — прокашляется и скажет:

— Гуся ел, да попершилось!

Вот купеческая дочь и[2] сказала:

---

[1] *Далее*: [подол]

[2] *Далее*: [думает себе]

— У моего батюшки много денег, а кажной день не едим гусей!

— Это бывает не богатством, а счастием! — отвечал молодец и пошел домой.

А купеческая дочь позвала какую-то старую нищенку и посылает:

— Иди за этим[1] молодцом вслед да узнай, что он там обедает? Я тебя награжу за это[2].

Молодец пришел домой, а за ним и нищенка просится отдохнуть в избе; вот ее и пустили. Только молодец жил в большой бедности.

— Матушка, — говорит он, — нет ли чего поесть?

— Щи вчерашние да третьевошная каша.

— Давай-ка сюда кашу.

Подала мать кашу.

— А масла, — говорит, — нету!

— Да нет ли хоть сальной свечки?

— На вот огарочек.

Положил он свечной огарок в кашу и даваи уплетать. Нищенка все это и рассказала купеческой дочери. Вот идет молодец мимо купеческого дома да опять прокашлялся и сказал:

— Гуся ел, да попершилось!

А купеческая дочь в окошко кричит:

— Сальной огарок с кашей ел!

«Ах, мать твою! Почему она знает? Верно, это нищенка ей сказала».

Отыскал он нищенку и стал ее просить:

— Нельзя ли как поправить это дело? Коли будут деньги — заплачу тебе!

— Хорошо, — сказала старушка.

Сейчас пошла к купеческой дочери:

— Как, сударыня, поживаешь?[3]

— Не совсем здорова, бабушка; все животом хвораю. Нельзя ли помочь моему горю?

---

[1] *Было:* [н]им

[2] *Далее было:* [Нищенка пришла]

[3] *Было:* пожива[ете]

— Можно, прикажи истопить баню, я вам живот-то[1] потру мазью.

Вот истопили баню; старуха загоди спрятала там молодца, потом привела купеческую дочку, раздела всю донага и говорит:

— Ну, сударыня[2], надо завязать теперь глаза, чтоб дурно не сделалось!

Завяза<ла> ей платком глаза, положила ее на лавочку и говорит:

— Теперь стану мазать легкою мазью!

И провела по брюху рукою раза два.

— А теперича будет потруднее![3]

Тут сказала молодцу, он взлез на девку, всунул ей свой кляп, да так, что она[4] на всю баню закричала.

— Потерпи[5] маленько, сударыня! Завсегда сначала больно бывает, а как обойдется — так по маслу пойдет, и живот заживет!

Зачал он махать купеческую дочку, забрало ее за живое, хорошо показалось; она и говорит:

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!

Сделал молодец с нею раз и спрятался; старуха развязала купеческой дочери глаза. Та посмотрела, а под нею кровь.

— Что это, бабушка?

— Это дурная кровь из тебя вышла; полегчило ль тебе?

— Полегчило, бабушка! Ах какая у тебя славная мазь, слаще меду! Нет ли еще?

— Разве еще хочется?

— Очень хочется, бабушка! Что-то живот опять зачал побаливать.

Завязала ей старуха глаза, положила на лавочку, а молодец опять стал ее махать по-свойски.

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь! — говорит купеческая дочь.

---

[1] *Далее*: [и поправлю]
[2] *Далее*: завя[жите]
[3] *Далее*: [И после ска<зала>]
[4] *Далее*: [закричала]
[5] *Далее*: [те]

Отделал <ее> молодец и спрятался; купеческая дочь встала и просит:

— Принеси мне, бабушка, этой мази; вот тебе сто рублей за леченье!

Так дело и кончилось.

Вот идет молодец мимо купеческого дома и опять говорит:

— Гуся ел, да попершилось!

А купеческая дочь кричит в окно:

— Сальную свечу с кашей съел!

А молодец в ответ:

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!

Стало у купеческой дочери брюхо расти; приметила мать и спрашивает:

— Что это, дочка, никуда ты из дому не ходишь, а брюхо у тебя выше носу подымается?

— Ах, матушка, вить это от того — как ходила я с бабушкою в баню, она все мазала мне живот мазью, да такою славною, слаще меду!

Мать догадалась, позвала к себе нищенку и спрашивает:

— Ты, бабушка, мазала мою дочь в бане мазью?

— Я, сударыня!

— Помажь и мне!

— Изволь, помажу.

Тотчас побежала за молодцем.

— Одевайся, иди, купчиха мази просит!

Пришли[1] в баню; старуха завязала купчихе глаза и положила ее на лавку, а молодец взлез[2] на нее и ну отжаривать. Тут купчиха[3] поскорей платок с глаз долой, увидала молодца, поцеловала его за работу и говорит:

— Ну, молодец, живу я с мужем двадцать лет, а эдакой сласти не знавала. Вот тебе сто рублей, будь мужем моей дочери.

Женился[4] молодец на купеческой дочери и задал пир на весь мир, и я там был — мед-вино пил, по усам текло, в рот ни капли не попало!

---

[1] *Далее*: [все]

[2] *Далее*: [и ну ее]

[3] *Далее было*: а) [схватила с глаз платок]; б) [как снимет]

[4] *Начато*: [Так и]

г

Жил-был солдат, любил выпить; напала на него одышка, и пошел он к лекарке. Лекарка была хоть и старуха, да еще крепенькая; как увидала солдата, засвербело у ней меж ногами.

— Что, служивой?

— Да вот полечи от одышки.

— Раздевайся да садись.

Солдат сел, а лекарка поставила перед ним штоф водки:

— Кушай, служивой, на здоровье!

Солдат не заставил себя просить, так нализался, что в глазах зарябило: тут же повалился да и заснул.

Старуха ну солдата ощупывать, добралась до[1] пупа и пониже;[2] да как завоет:

— Ах, я взбалмошная! Что наделала, кляп-то у него не то чтобы ожил, а совсем загнулся...

Уложила солдата на кровать и сама улеглась подле; лежит да все щупает: не ожил ли хуй у него? А солдат храпит себе во всю ивановскую. Дотронулась она в последний раз до корня[3], а корень-то глядит за спину, и уснула. Перед рассветом солдат очнулся, увидал бабу подле себя и думает: «Дай-ка ее сбоку хвачу!»

И придвинулся как следует. А старуха была чутка, говорит спросонок:

— Что ты, служивой, делаешь? Как тебе не стыдно!

А сама еще больше на хуй навертывается.

— А что, бабушка, разве для хвораго это вредно? Я, пожалуй, выну.

— Что ты, служивой! Засовывай, да нельзя ли поглубже; тебе от того полегче будет!

Солдат отработал ее и ушел, приговаривая:

— Хоть не легче, так сытно!

На горе солдата, на ту пору спала на полатях[4] девка,

---

[1] *Далее*: [пута]

[2] *Далее*: [и завыл, завоет]

[3] *Далее*: [и видит, что он торчит]

[4] *Было*: [видела все это]

старухина племянница[1], она все это видела и рассказала другим девкам. Стали они солдата дразнить:

— Старуху качал! Старуху качал!

Солдат терпел, терпел и пошел с жалобой к старухе.

— Ах, благодетель! — сказала старуха. — Да что ты давно мне не рассказал про это, я бы отучила смеяться мерзких девчонок. Ах они такие-сякие! Да разве у старухи хуже ихной-то дыра! Да где им, паскудным, так подмахивать! Послушай же, ко мне ходит лечиться одна девка от грыжи; так ты, служивой, приходи завтра вечером сюда, я тебя спрячу на кровать, а девку-то поставлю на четвереньки[2], да и заставлю тебя откачать ее на все корки!

Вот на другой день солдат по-сказанному, как по-писаному, пришел и лег на кровать. Прошло с полчаса — глядь:[3] идет молодая девка. Как[4] увидал ее солдат — у него жила натянулась и приподнялась не хуже штыка. Старуха поглядела на девку и говорит:

— Что ты, родимая! Да у тебя меж ног блохи гнездушко свили, и вывесть-то их нельзя ничем[5], как только рукою; а то, пожалуй, умрешь.

— Яви[6], бабушка, божескую милость, вылечи!

— Ну, делать нечего; не хотелось бы рукой туда лезть[7], да надо. На вот тебе платок, завяжи глаза, разденься наголо да стань на четвереньки.

Девка все то сделала. Тут солдат подошел к мишени, взял хуй в обе руки и стал всаживать ей в пизду.

Девка ну кричать:

— Больно, бабушка! Больно!

— Терпи, кормилица! Вишь, проклятыя блохи как расплодились, даже в устьях поделали норы!

Солдат всунул ей на целую четверть, девка взвизгнула:

---

[1] *Далее*: [она на полатях спала и]
[2] *Далее*: [ты и откачай]
[3] *Далее*: [приш<ла>]
[4] *Начато*: [Солдат]
[5] *Было*: [другим манером]
[6] *Было*: [сделай]
[7] *Далее*: [в ад]

— Ой, бабушка, умру; больно, родимая, больно!

— Постой, дитятко, я с деготьком попробую; авось легче будет.

Солдат всадил[1] хуй донельзя — девка и язык прикусила — и давай ее насаливать. Стало у них заходиться.

— Вот теперь, бабушка, хорошо! Право слово, хорошо! Да нельзя ли еще деготьком подмазать? С деготьком-то задорнее! Я уж у отца целую бадью с дегтем утащу да тебе принесу.

Солдат слышит, что девка-то разгорелась на гвоздю, и ну тискать свой хобот вместе с бубенчиками, да так разутешил, что сделал пизду шире шапки.

— Ну что, легче ли? — спрашивает старуха. — Кажись, все подохли!

— Как же, бабушка! Теперь полегчило!

Солдат спрятался; девка встала, оделась и ушла.

На другой день девка-широкопиздка повстречала солдата и стала его дразнить:

— Старуху качал! Старуху качал!

А солдат ей говорит:

— А с деготьком-то ведь лучше!

[д]

(«Чудесная мазь»)

Был-жил приказной. Был он холост, платья имел одну пару, сюртук да брюки; наденет, бывало, сюртук о две полы, а бока-то голы; служил он исправно и пил вино заправно. Вздумалось ему познакомиться с одной девицей, что жила неподалеку в соседстве, — Дарьею. Только все не удавалось; и пришло ему на ум прельстить ее хвастовством. Идет, бывало, со службы — молчит, ничего не говорит, а пойдет из дому на службу, дойдет до Дарьина дому, схаркнет, сплюнет и[2] скажет:

— Фу, с курятинки-с поросятинки в горлышке першит!

Так говаривал он не по один день, и девка с своей матерью всегда слышали и удивлялись:

[1] *Далее*: [ей, девке]

[2] *Далее*: [говори]

— Неужели он каждой день жаркое ест? Ишь, ходит-то завсегда как[1] оборванец!

— Экая ты дура! — говорит мать Дарье. — Наденька мою старую гуню да чебак и ступай к ним, словно нищенка, просить милостину в обеденный час. У него ведь мать-то подслепа, не разглядит тебя, а ты прийди да и попросись на печку погреться; вот сама все и увидишь.

Дарья надела старую гуню и чебак, пришла и попросилась на печь обогреться. Тем временем и приказной пришел домой, разделся, вынул из кармана полсвечки сальной и говорит матери:

— Чего б мне поесть, маменька?

— А чего, сынок! Хлеб на столе, а горячая вода в печке.

Взял он хлеб, покрошил в чашку, налил горячей водою; разломил сальной огарок надвое: одну часть положил в чашку, а другую намазал на ломоть хлеба и начал похлебку свою уписывать да хлебом прикусывать; ест да похваливает:

— Хороша похлебка!

Девка чуть удержалась[2] от смеху и, немного погодя, ушла домой, рассказала про то своей матери и всем девкам, как-де приказной хлебал горячую воду с сальным огарком.

Идет приказной на службу, дошел до Дарьина дома, скашлянул, крякнул и говорит:

— С курятинки-с поросятинки в горлышке першит!

А Дарья ему в ответ:

— Не с горячей ли воды да с свечного огарка так в горле пересохло?

Приказной со стыдом убежал.

«Эх, беда! — думает. — Как это она узнала?»

Разнеслось про то по всем его товарищам, начали над ним смеяться и на вечеринках, и на службе. Задумал приказной отомстить девке и узнал как-то, что Дарье прихворнулось и ходит она к старухе, что издавна правила[3]

---

[1] *Было*: [есть]

[2] *Было*: [не грохнула]

[3] *Было*: [занималась]

всякие женские повреждения. Доброй молодец спохватился, пришел к старухе и просит:

— Нельзя ли как отсмеять Дарью насмешку? — и обещается заплатить за то, как скоро получит жалованье.

Старуха не отказалась:

— Ладно, молодец! Не зевай, в семь часов вечера ко мне побывай. Она сегодня у меня была, полечить перекос нутра просила — уже и баня для нее готовится.

Приказной еле вечера дождался, поплелся к старухе.

— Ну, полезай пока в голбец, — сказала ему старуха, — подожди да разболонись (*разденься*)! А как она в баню прийдет — ты смотри не зевай, тотчас в передбанок прибегай.

Пришла девка в баню, старуха ею вымыла, выставила маленькое окошечко, велела Дарье просунуть в него свою голову и упереться в стену плечами; взяла потом суконку, мылом натирала и приказного в двери впущала. Приказной к голой девке подходил, хуй надрочил и давай у ней перекос поправлять, а старуха суконкой по спине ей потирать.

Девка кричит:

— Ой, бабушка, шибко! Ой, бабушка, садко!

— Молчи, глупенькая! Скоро будет сладко!

Приказной дело свое совершил и на улицу ускочил; а старуха знай наговоры шепчет:

— Ты правься, косовина на топорище, и будь пряма, словно тросточка, а ты, красная девица, не будь упряма, а будь ветляна (*вежлива*), над молодчиками не смейся, а кто попросит у тебя — с охоткой давайся!

На другой день приказной идет мимо Дарьина дома, кашляет-харкает:

— Фу, с курятинки-с поросятинки в горлышке першит!

— Экой проклятой хлопуша! Горячую воду с сальным огарком хлебал, а на курятинку клепит!

А он ей в ответ:

— Ой, бабушка, садко! А что, Дашенька, было ли сладко?

Девка замолчала и с тех пор никогда над ним не смеялась больше.

51
ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин[1], да еще был[2] мужик, такой бедной, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит:

— Послушай, мужичок! Долгу[3] своего ты не платишь, и взять с тебя нечего; ступай ко мне и живи за долг три года.

Прожил у него мужик год, и другой, и третий.

Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает: какую бы сыскать[4] вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал[5] его барин и стал говорить:

— Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их[6] пастись в поле, да смотри, чтоб все были целы! А то опять оставлю при себе на три года.

Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны.

«Что делать? — думает он. — Теперь пропал я!»

Сел и плачет. Откудова ни возьмись — явился старик и спрашивает:

— О чем, мужичок, плачешь?

— Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались; теперь беда мне неминучая!

Старик дал ему дудочку и говорит:

— На тебе[7] дудочку; когда заиграешь в нее — они все к тебе прибегут!

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее — как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин пересчитал зайцев и говорит:

— Все целы! Ну, что нам делать? — сказал барин своей барыне. — Какую вину на мужике сыскать?

— А вот что, душенька, когда он завтра погонит зай-

---

[1] *Далее*: [у него]
[2] *Далее*: [крепостной]
[3] *Было*: [оброка]
[4] *Было*: [выдумать]
[5] *Было*: [при]звал
[6] *Далее*: [в поле]
[7] *Далее*: [эту]

цев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца.

— Ну, хорошо!

Наутро погнал мужик зайцев в поле и только подошел к лесу — они тотчас все разбежались в разные стороны; а мужик сел на траву и начал лапти плесть. Вдруг едет барыня, остановилась — подошла к нему и спрашивает:

— Что, мужичок, здесь делаешь?

— Скотину пасу.

— Какую скотину?

Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему.

— Ах, мужичок, — сказала барыня, — продай мне одного зайчика.

— Никак нельзя; ведь это господские зайцы; а барин у меня оченно строг! Он, пожалуй, меня совсем заест!

Барыня стала к нему приставать:

— Пожалуста, продай!

Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит:

— У меня, барыня, завет положен.

— Какой завет?[1]

— Кто даст поеть, тому и зайца уступлю.

— Возьми лучше деньгами, мужичок.

— Нет, мне больше ничего не надо!

Барыня — делать нечего — дала мужику поеть. Он обработал ее и и подал ей зайца:

— Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь.

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услыхал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой[2].

— Ну что, купила зайца?

— Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел.

---

[1] *Далее было*: а) [тому отдать зайца,] кто [дает один разок поеть, и]; б) [только [тому] только...] даст [мне][за него] поеть...

[2] *Далее*: [без зайца]

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и опять спрашивает:

— Что делаешь, мужичок?

— Лапти плету да господскую скотину пасу.

— Где ж твоя скотина?

Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца.

— У меня положон завет.

— Какой?

— Дай поеть.

Барыня опять дала и получила за то зайца; а как мужик заиграл — заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день[1] переоделся и поехал сам барин.

— Что, мужичок, делаешь?

— Скотину пасу.

— Да где ж твоя скотина?

Заиграл мужик в дудку — сбежались к нему зайцы.

— Продай мне одного!

— За деньги не продам; у меня положон завет.

— Какой завет?

— Кто захочет кобылу поеть — тому и зайца отдам.

Барин взлез на кобылу и сотворил грех с нею. Мужик подал ему зайца и говорит:

— Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь.

Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услыхал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на воле.

52

ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был мальчик крестьянской, у него была чудесная дудочка да скотины всего одна свинья с тремя поросятами. Выгонит он свинью в поле пасти, сядет на пенечке да заиграет в дудочку — свинья с поросятами знай пляшет перед ним.

Была у царя дочь, прекрасная царевна; узнала, что у

[1] *Далее*: [поехал]

эдакого-то мальчика свинка с поросятками пляшет, и вздумала купить хоть поросеночков. Приезжает в поле; мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья пляшет с поросятами. Говорит царевна:

— Продай мне поросяток!

— У меня они не продажные, а заветные.

— Сколько у тебя завету?

— Показать свое тело по колена.

Царевна показала ему свое белое тело по колена; он ей и отпустил поросяток. Привезла их домой, созвала музыкантов. Музыканты взыграли, а поросята[1] со страху врозь разбежались, визг на весь дом подняли.

«Верно, без матки скучают![2] — подумала царевна. — Сем поеду да матку куплю».

Приезжает она в поле; мальчик сидит на пенечке[3], играет в дудочку, а свинья перед ним пляшет.

— Продай мне свинку, поросята без матки скучают.

— Она не продажная, а заветная.

— А сколько завету?

— Показать все свое тело наголо!

Нечего делать, показала ему[4] свое белое тело наголо; мальчик ей и свинку отдал.

Привозит царевна свинку, собрала музыкантов. [5]Музыканты взыграли; нет, не пляшут ни поросята, ни свинка — туды-сюды бросаются да визжат.

Поехала царевна покупать дудочку.

— Продай, — говорит, — свою дудочку.

— Не продажная, а заветная.

— А сколько завету?

— Поеть разок[6].

Царевна согласилась, дала ему разок и заберемела. Узнал отец и выдал ее замуж за того пастуха. Сделался

---

[1] *Далее*: [переп<угались>]

[2] *В рукописи*: случают

[3] *Далее*: [да]

[4] *Далее*: [все]

[5] *Начато*: [Только]

[6] *Далее было*: [(] Царевна согла[шается и выходит за него замуж).] *Этой фразой в круглых скобках сказка первоначально заканчивалась. См. об этом подробно в примечании.*

крестьянской парень царевичем и зажил себе во дворце без хлопот, без дела.

Поехал он однажды на охоту, и попался ему на дороге поп. Увидал поп названного царевича и поклонился ему.

— А ты, батька, куда идешь? — спрашивает его царской зять.

И пошли у них разговоры.

— Я иду с требою, а вы куда изволите?

— А я на охоту выехал.

— Ах, ваше высочество, застрелите мне вот ту птичку!

На ту[1] пору как нарочно прилетела малая пташка и села в кустах шиповника да репейника, а кругом[2] кустов грязная лужа стоит.

— Хорошо, застрелю; только, батька, сам доставай!

Царской зять застрелил пташку, а поп полез доставать; только вошел в кусты, а хитрой царевич вытащил свою дудочку и заиграл в нее.

Поп плясать пустился — так и скачет, так и прыгает[3]. Весь-то он в кустах изодрался, ноги, руки и лицо в кровь исцарапал, весь-то он в луже[4] измазался. Перестала дудочка играть, а поп еле дух перевести может, вылез усталой, избитой, испачканной; рассердился и пошел к царю жаловаться: твой-де зять избил меня всего, а за что, не знаю; ехал он на охоту, напал на меня и давай тузить; чуть-чуть не убил, насилу убежал.

Гневен стал государь, разослал слуг во все стороны, чтобы тотчас же привели к нему зятя. Приехал царевич домой, царь захотел судить его перед всем народом, велел собрать и вельмож, и войско, и купцов, и чернь. По тому приказу живо все сошлись на площадь и стали супротив царского крыльца. Царь вышел на свое высокое крыльцо и говорит[5] зятю:

— Показывай по сущей правде, как дело было?

Царевич вынул свою дудочку; поп как увидал ее — побледнел со страху, лихорадка так его и трясет, и начал

[1] *Было*: [А к эту]
[2] *Было*: [кусты-то]
[3] *Было*: [во всю прыть]
[4] *Далее*: [измазался весь]
[5] *Было*: [спрашивает] зят[я: говори де]

просить, чтобы взяли его да покрепче к каменному столбу привязали. Тотчас явилась стража с веревками, скрутила ему руки и накрепко притянула к столбу.

— Косу-то, косу-то привяжите! — кричит поп.

Привязали и косу. Тут царевич заиграл в дудочку — и, Боже мой! — весь народ, все войско и сам царь с придворными пустились вприсядку отжаривать; а поп[1] головой о каменной столб бьет, ногами всякие штуки выделывает, а сам что есть мочи орёт да в грехах кается. Перестал царевич играть, и все затихло. Царь узнал[2], в чем было дело[3], прогнал попа с своих светлых глаз, зятя простил и после того долго-долго смеялся его шутке.

53

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли в деревне[4] солдаты, и бабы были к ним очень привычны; дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка и пьет, и ест, и спит с солдатом!

Вот у одного мужика была жена больно гульливая; много раз заставал он ее и <с> мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае:

— Ну, блядь, что теперь станешь говорить?

А она, покедова под парнем лежала, говорила:

— Виновата, мой милой друг!

А как встала да прибежала в избу — сейчас бросилась к свекрови и давай плакать.

Пришел муж и говорит:

— Ну, матушка, я людям не верил, а теперь я сам застал жену с парнем[5] в сарае!

А баба со слезами:

— Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!

— Ах ты, блядь проклятая! Вить я сейчас поднял тебя из-под Андрюшки!

---

[1] *Было*: [священник]

[2] *Далее*: [в чем все дело ихне]

[3] *Было*: а) [зятя своего простил]; б) [попа с глаз прогнал]

[4] *Было*: В [одной] деревне [стояли]

[5] *Было*: [под парнем]

— Врешь, подлец! Ну-ка скажи: куда я головою лежала?

Мужик задумался и сказал:

— А черт тебя знает, куда ты головой лежала!

— Вот вишь, матушка, как он врет-та на меня!

Мать накинулась на сына и давай его ругать.

— Хорошо, — говорит мужик, — я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!

Прошло немного времени, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай еть. Хозяин то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата на своей жене.

— Ах, брат служивой! Это нехорошо.

— Черт вас разберет, — отвечает солдат, — она говорит: хорошо, а ты: нехорошо. На вас не угодишь!

— Я, брат служивой, пойду на тебя просить!

— Ну ты ступай, еще проси, а я уж выпросил!

54

СОЛДАТ САМ СПИТ, А ХУЙ РАБОТАЕТ

а

Жил-был мужик, у него была молодая хозяйка[1]. Вот пришли[2] в деревню солдаты, и поставили к этому мужику в постояльцы одного служивого. Как[3] легли они вечером спать все вместе: хозяйка в средине, а мужик с солдатом по краям. Мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат[4] улучил то времечко и стал хозяйку через жопу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать — хвать за пизду рукою и поймал солдатской хуй.

— Что ты делаешь, служивой?

А солдат[5] храпит себе[6], будто спит крепким сном[7].

---

[1] *Далее*: [большая блядь]
[2] *Далее*: к [ним]
[3] *Было*: [Вот]
[4] *Далее*: [та]
[5] *Далее*: [молча]
[6] *Далее*: [как] будто [крепко спит]
[7] *Далее*: [спит]

— Ишь какой служивой! — сказал мужик. — Сам спит, а хуй в пизду наровит.

— Извини, хозяин! И сам не знаю, как он туда попал!

6

Долго подбирался солдат, как бы уеть хохлушку; вот и выдумал, и говорит хохлу:

— Хозяин! У тебя в дому много чертей, спать не дают! А ты каково спал?

— Я, слава Богу, хорошо!

— Ну, я нынче с тобой ляжу.

Хохлушка говорит:

— Пущай с нами ляжет!

Хохол согласился. Вот сам хозяин лег с краю, хозяйку положил в середку к себе передком, а солдат улегся к стене и ну поталкивать хохлушку через жопу. Хохол протянул тихонько руку и ухватил солдата за хуй.

— А, господа-служба, сам спит, а хуяку пустил в чужую пиздяку!

— Что ты, чертов сын, ухватил меня за хуй? — закричал солдат. — Я и жене твоей не позволю — не только тебе!

— А[1] зачем, господа-служба, пускаешь[2] хуяку в чужую пиздяку?

— Да разве он лазил туда?

— Ишь какой! Да я его оттуда насилу вытащил!

— Экой блудливой шельма! Ну, надую ж ему бока; не станет он у меня шляться по чужим дырам.

55
СОЛДАТ И ХОХЛУШКА

Ехал хохол с жинкою и сыном в город на волах, а кирасир привязал на дороге кобылу к дереву и ебет ее.

— Что ты, москаль, делаешь?*

---

[1] *Далее*: [ты]

[2] *Было*: пу[стил своего]

* *Вар<иант>*: Хохол подъехал:

— Помогай Бог, доброй чоловик! Шо робишь?

— Да вот казенная лошадь сплечилась, так лечу!

А хохлушка думает: «Верно, у него хуй большой! Ишь кобылу ебет!»

Взя́ла и села в телеге на грядку; колесо ударилось в канавку[1], хохлушка упала с телеги и кричит:

— Беги скорей за солдатом, я сплечилась!

Хохол побежал, догнал солдата:

— Москаль! Будь родной отец, помоги, пожалуста, у меня хозяйка сплечилась[2].

— Что делать! Надо помочь твоему горю!

Воротился солдат; хохлушка лежит на земле да стонет:

— Ай, батюшки, сплечилась!

— Есть ли у тебя, — спрашивает солдат хохла, — рядно, чем телегу накрыть?

— Есть!

— Хорошо; давай сюда!

Накрыл телегу и положил туда хохлушку.

— А есть ли у тебя хлеб-соль?

— Есть.

Солдат взял кусочек[3] хлеба и посолил[4].

— Ну, хохол, ступай, держи волов, чтоб с места не трогались!

Хохол ухватил их за рога и держит; а солдат взлез на телегу и давай еть хохлушку. Сын увидал, что солдат на матери лежит, и сказал:

— Тятько, а тятько! Москаль мамку ебет.

— И то, сынок, кажись, ебет! Да нет[5], хлеб-соль его не попустит!

Солдат отработал и вылез из телеги.

Хохлушка говорит:

— Ну, спасибо[6], москаль! Вот тебе карбованец.

Хохол достал кошелек, дает ему два карбованца:

— Спасибо, москаль, что жинку вылечил!

---

[1] *Было*: [о кочку]
[2] *Далее*: [Кирасир]
[3] *Было*: [немного]
[4] *Далее*: [потом]
[5] *Далее*: [его]
[6] *Далее*: [тебе]

56
СОЛДАТ И ХОХОЛ

Стоял солдат у хохла на квартире и свел знакомство с его хозяйкою. Хохол заметил и перестал ходить на работу: все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежу, приходит вечером к хате и стучится в окно.

Хохлушка спрашивает:

— Кто там?

А солдат отвечает:

— *Бабé.*

— Какой Бабé?

— Какой хохлов ебе! Что, хозяин[1] дома?

— На что тебе?

— Да вот последовал указ всех хохлов переeть! Отпирай-ка скорей двери!

Хохол испугался, не знает, куда деваться[2]; схватил кожух, залез под лавку и укрылся тем кожухом. Хохлушка отперла двери и впустила солдата; вошел он в хату и кричит:

— Где же хозяин?

— Его нима дома!

Солдат начал искать его на печи, на полатях и по всем углам и наконец напал на хохла под лавкою.

— А это кто?

Хозяйка говорит:

— Это теля.

А хохол услыхал и замычал по-телячьи.

— Ну, коли нет хозяина, так сама ложись!

— Ах, Боже мой! Нельзя ли обождать до другаго раза, пока хозяин прийдет?

— Тебе хорошо — до другаго раза! А мне надо обойтить все избы, а не обойду — так триста палок в спину. Ложись-ка скорее; мне с тобой некогда разговаривать.

---

[1] *Было*: [хохол]

[2] *Далее*: [вскочил с лавки]

Хохлушка легла, а солдат начал ее осаживать по-свойски, до того припер ей[1], что аж запердела с натуги. Отвалял[2] солдат и ушел из хаты. Хохол вылез из-под лавки и говорит:

— Ну, спасибо тебе, жинка, что за меня потрудилась!* У тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет — и то ты не утерпела да запердела, а я, кажись, и совсем усрался бы! Ох, жинка! Ты умна, а я ще (*еще*) умней: ты сказала «теля», а я и замычал[3] по-телячьи!**[4]

57
БЕГЛОЙ СОЛДАТ

Беглой солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит:[5] кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень; принесли с собой вина и разных закусок[6] , поставили в угол, разделись и[7] давай целоваться да обниматься. Парень повалил девку на сено и начал ее еть; девка подмахивает, а сама говорит:

— Ах[8], милой друг! Коли Бог даст да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выходит?

А парень отвечает:

— Тот, кто над нами!

---

[1] *Было*: [ее]

[2] *Начато*: [Отработа]

* *Вар<иант>*: Что меня пожалела!

[3] *Далее*: [как]

[4] *Далее полностью зачеркнуто*: [**Вар<иант>: Солдат пришел в хату: «Хохол, вышел новой указ; велено всех хохлов переть! Подставляй сраку!» — «Нельзя ли, служивой, как помочь горю, век за тебя буду Бога молить». — «Никак нельзя! Велено, надо исполнить». — «Возьми деньгами, служивой!» — «Вот еще! Чтоб мне за тебя досталось!» — «А может, служивой, вместо меня жинку».]

[5] *Далее*: [пришли туда девка с парнем и принесли с собой вина и разных закусок.]

[6] *Далее*: [парень повалил девку, поставили], [поставили наземь]

[7] *Далее*: [ну]

[8] *Далее*: [Ну]

Как услыхал эти речи солдат[1], не вытерпел и закричал:

— Ах вы подлые! Вы блуд творите, а я за вас отвечать буду!

Парень тотчас вскочил с девки да бежать; девка[2] тоже — давай Бог ноги!

А солдат слез наземь, забрал их одежу, вино и закуски и пошел своей дорогой.

58
СОЛДАТ И ПОП

Захотелось солдату попадью уеть; как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор.

— Ну, батька! Вышел[3] такой указ, велено всех попов перееть, подставляй свою сраку!

— Ах, служивой! Нельзя ли меня ослободить?

— Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось! Скидай-ка портки поскорей да становись раком.

— Смилуйся, служивой! Нельзя ли вместо меня попадью уеть?

— Оно, пожалуй, можно-то можно! Да чтоб не узнали[4], а то беда будет! А ты, батька, что дашь? Я меньше сотни не возьму.

— Возьми, служивой! Только помоги горю.

— Ну поди же, ложись в телегу[5], а посверх себя положи попадью, я[6] взлезу и будто тебя отъебу!

Поп лег в телегу, попадья на него, а солдат задрал ей подол и ну валять на все корки.

Поп лежал-лежал, и разобрало его; хуй у попа понатужился, просунулся в дыру сквозь телегу и [7]торчит, да

---

[1] *Далее*: [он]
[2] *Далее*: [себе]
[3] *Начато:* [Велено]
[4] *Далее*: [про то]
[5] *Было*: [смотри] же, [ступай и ляжь]
[6] *Далее*: [приду]
[7] *Далее*: [торчма]

такой красной! А попова дочь смотрела[1]-смотрела и говорит:

— Ай да служивой, какой у него[2] хуй-то здоровенный:[3] матку и батьку насквозь пронизал, да еще конец мотается!

59
СОЛДАТ РЕШЕТИТ

Была свадьба у богатого мужика: женил он сына, и было у него пированье великое. Обвенчали жениха с невестой и спать уложили, а наутро подняли, поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белою простынею и стали решетить (*т. е. дарить*[4] *молодых дарами*): всякой кладет денег сколько может! Вот все отрешетили; остался один солдат. Старик[5] видит, что он лежит с похмелья, и говорит:

— Что ж, служивой, встань да порешети молодых-то!

Солдат встал.

— Решетить так решетить! — говорит и идет без портков — как спал, не берется за решето, а прямо поднял простыню и давай решетить молодую через жопу.

— Служивой, — кричит свекор, — ты не так решетишь!

А молодая:

— Ничего, батюшка! Пускай хоть так порешетит!

Отвалял ее солдат и полез на лавку. Вот свекру досадно стало, и говорит он девкам:

— Спойте-ка солдату страмную песню!

Девки запели:

— Ах ты, солдат! По белу свету волочился, а решетить не научился!

— Ах вы, курвы! Как умел, так и решетил!

---

[1] *Было*: смотр[ит на]
[2] *Далее*: [большой]
[3] *Далее*: [двух ебет, да еще конец]
[4] *Было*: [давать]
[5] *Далее*: [свекор]

60

ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ

Жил-был мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высватал девку и женился на ней. Случилось зятю быть у тещи в гостях на святках. Теща посадила его за стол и начала угощать; поставила перед ним разных закусок, а сама зятя спрашивает:

— Послушай, сынок! У вас нонче какую животину к празднику били?

— Да вить мой батюшка перед самым праздником поймал суку в анбаре и так ее прибил, что она усцалась и усралась; насилу сука-то вырвалась да бежать, а батька за нею вдогонку, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да <по> пизде еще раз ударил![1]

«Ну, нажила себе умнаго зятя! — думает теща. — Экое словечко сбухал! Больше ничего[2] не спрошу у него».

61

БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА

Жил-был мужик, и захотелось ему попытать: можно ли, когда случится, сказать жене тайну али нет?

Захотелось ему раз до ветру, он пошел на двор и высрался; воротился в избу, сел на лавку, повесил голову и так тяжело вздыхает, будто что худое сделал! Стала баба его спрашивать:

— Что ты, али захворал? Какой давеча веселой был, а теперича[3] ишь насупился!

— Эх, жена, молчи! — говорит мужик. — Сам не знаю, перед добром или худом это со мной случилось!

Баба пристала: «Скажи да скажи мне, что такое случилось?»

— Сейчас ходил я, жена, до ветру; только сел да перднул, как[4] у меня из жопы вылетела одна сорока! Вот я и думаю: к чему бы это такое было?

---

[1] *Было*: [в]дарил
[2] *Далее*: [у него]
[3] *Далее*: [поди, как рукой сняло!]
[4] *Далее*: [из]

Как услыхала баба про сороку, тут же побежала[1] к куме за каким-то делом и давай <ей>[2] рассказывать:

— Послушай, кума, что с моим мужем-то вчера случилось: пошел он до ветру, только перднул — как у него из жопы вылетело две сороки. К чему бы это такое?

— Не знаю, кумушка!

Потолковали они, потолковали и разошлись[3]. Кума побежала сейчас к своей куме и говорит ей:

— Не слыхала ты, кумушка Арина, что[4] с Иваном-то случилось?[5] Ко мне жена его приходила и сказывала, что пошел он до ветру и только перднул раз — как у него из жопы вылетело три сороки!

Кума Арина побежала к соседям и нахвастала, что пошел Иван до ветру, а у него из жопы вылетело четыре сороки. Чем дальше шло — тем больше сорок прибывало; как обошла эта весть всех деревенских баб — оказалось, что у мужика из жопы вылетело двенадцать сорок, и такая пошла на него слава, что и показаться никуда нельзя! Кто ни попадется на глаза, всяк его спрашивает:[6]

— Как это, брат, у тебя из жопы двенадцать сорок вылетело? Расскажи, пожалуста!

62
ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ

а

В некотором селе жил-был поп, великой охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окно, что мимо двора его идет молодка — сейчас высунет голову и заржет по-жеребячьи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была оченно хороша собой. И ходила она

---

[1] *Было*: по[шла]
[2] *В рукописи*: его
[3] *Далее*: [Сейчас] кума [эта]
[4] *Далее*: [случилось]
[5] *Начато*: [У меня]
[6] *Далее*: [Что, брат, правда]

кажной день за водою мимо поповского[1] двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет в окно голову и заржет! Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика:

— Муженек! Скажи, пожалуй, отчего это[2]: иду я за водой мимо попова двора, а поп[3] на всю улицу ржет по-жеребячьи!

— Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет! А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребячьи: «*Иго-го!*», — ты ему и сама заржи тонким голосом: «*Иги-ги!*» Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его[4] и замани; вот мы попа-то и обработаем: пусть не ржет по-жеребячьи!

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидал ее из окошка и заржал на всю улицу:[5] «*Иго-го! Иго-го!*», а баба в ответ ему заржала: «*Иги-ги. Иги-ги!*»

Поп вскочил, надел подрясник, выбежал из избы — и к бабе:

— Что, Марьюшка! Нельзя ли того?..

— Можно, батька! Вот муж сбирается в город на ярманку, только лошадей нигде не будет.

— Ты давно б[6] сказала! Присылай его ко мне — я дам свою пару[7] лошадей, и с повозкой: пусть себе едет!

Воротилась баба домой и говорит мужу:

— Так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался — и прямо к попу, а поп давно его ждет.

— Сделайте милость, батюшка! Дайте пару лошадей на ярманку съездить.

— Изволь, изволь, свет!

Запрег мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка! Я выеду за деревню[8], постою немножко

---

[1] *Было*: попов[а]
[2] *Далее*: [как ни]
[3] *Далее*: [все]
[4] *Далее*: [-то]
[5] *Далее*: [а баба]
[6] *Далее*: [мне]
[7] *Было*: я дам пару [своих]
[8] *Далее*: [да]

да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь да застучу в ворота — он испугается и станет спрашивать: «Где бы спрятаться?» Ты и спрячь его в энтот сундук, что с голлан(д)ской сажей стоит; слышь?

— Ладно.

Сел мужик в[1] повозку и поехал за деревню; поп увидал и сейчас бросился к бабе.

— Здраствуй, Марьюшка!

— Здраствуй, батюшка! Теперь нам своя воля — погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки.

Поп[2] выпил рюмку, и не терпится ему; поскидал с себя рясу, и сапоги, и портки — сбирается на постель ложиться. Вдруг как застучит у ворот. Поп испугался и спрашивает:

— Кто это, Марьюшка, стучится?

— Ах, батька! Ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл!

— Куда ж мне-то, свет, спрятаться?

— А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда![3]

Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок. Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает:

— Что воротился?

— Да позабыл захватить сундук с сажею;[4] авось на ярманке-то купят! Пособи-ка на повозку снести.

Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы.

— Отчего он такой тяжелой? — говорит хозяин. — Кажись, совсем порожний, а тяжел!

А сам тащит-тащит да нарочно об стенку или об дверь и стукнет: поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в доброй капкан!» Встащили на повозку; мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать — помчались они во весь дух!

---

[1] *Далее*: [ту]

[2] *Далее*: [снял с себя рясу и в одной сорочке да портках уселся за стол]

[3] *Далее*: [я тебя закрою]

[4] *Далее*: [надыть в город везти]

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею:

— Поди останови этого мужика да спроси — куда так шибко гонит?

Лакей побежал и кричит:

— Эй, мужичок! Постой, постой!

Мужик остановился.

— Барин велел спросить, что так шибко гонишь?

— Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню.

— Что ж, мужичок, поймал хоть одного?

— Одного-то поймал, а за другим гнался, да вот ты помешал! Теперь за ним не угонишься.

Лакей рассказал про то барину: так и так, одно<го> черта мужик поймал! Барин сейчас к мужику:

— Покажи, братец, мне черта; я сроду их не видывал!

— Дашь, барин, сто рублей — покажу.

— Хорошо, — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл[1] сундук и показывает, а[2] в сундуке сидит поп весь избитой да вымазанной в саже, с растрепанными патлами.

— Ах, какой страшной! — сказал барин. — Как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и вылупил!

Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился.

— Что, мужик, продаешь? — спрашивают его.

— Черта, — отвечает он.

— А что просишь?

— Тысячу рублев.

— А меньше как?

— Ничего меньше! Одно слово — тысячу рублей.

Тут собралось около[3] мужика столько народу, что яблоку упасть негде! Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке.

— Мужик, продай черта!

— Купите.

---

[1] *Было*: от[вори]л

[2] *Далее*: [попа] в сундуке [торчи]

[3] *Далее*: [попа], [этого]

— Ну, что цена будет?

— Тысяча рублев, да и то за одного черта — без сундука; сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить!

Купцы сложились и дали ему тысячу.

— Извольте получать! — говорит мужик; открыл сундук — поп как выскочит да бежать![1] Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнет от него в разны стороны... так поп и убежал!

— Экой черт![2] К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь, — говорят купцы промеж себя. А мужик воротился домой, отвел к попу лошадей.

— Спасибо, — говорит, — батюшка, за повозку — славно торговал, тысячу рубликов зашиб.

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа и ну ржать: «*Иги-ги-ги!*»

— Ну, мать твою так! — сказал поп. — Муж твой славно меня угигикал!

С тех пор перестал поп ржать по-жеребячьи.

6

В некотором царстве, в некотором государстве жил поп, полюбилась ему мужикова жена: как только пойдет она по воду с ведрами — он и начнет ржать как жеребец. Вот раз идет она по воду, а поп увидел и заржал; она себе тож взяла да и заржала. Поп выбежал:

— Что, умница, нельзя ли свести нам с тобой знакомство?

— Можно, батька! Только надо уладить это дело!

Пришла домой и говорит мужу:

— Поп хочет со мной заняться, просится ко мне ночевать.

— Ну что ж! Пускай приходит; а я поеду пахать в поле да ворочусь и накрою его; авось[3] что и слупим с него!

---

[1] *Далее*: [Бросился]

[2] *Далее*: Эдако[й] коли попаде[тся]

[3] *Было*: [мы [тут] с него и]

Поехал мужик в поле[1] нарочно мимо попова двора.

— Куда, свет, едешь?

— Пахать, батюшка! Благословите на путь, на дорогу.

— Хорошее дело, — говорит поп. — Бог тебя благословит!

А баба пошла сейчас по воду, повстречалась с попом и говорит:

— Ну, муж уехал пахать! Приходи, батька, нынче вечером; я тебе закуску приготовлю, а ты вина приноси...

Поп насилу вечера дождался; поскорей оделся, захватил в карман денег и штоф[2] вина и побежал к бабе.

Пришел.

— Здраствуй, умница!

— Здраствуй, батька!

Вынул поп штоф, поставил на стол; закусили они и выпили[3] как следует. Тут поп начал с бабою заигрывать, за титьки[4] ее пощупывать, уж совсем на кровать тащит! Как вдруг застучит в окно:

— Отворяй, жена! Что заперлась! Али женихов прячешь?

— Погоди, муженек, сейчас отопру.

Поп испугался:

— Куда же мне? Куда деваться-то?

А баба ему говорит:

— Ты, батька, поскорей разденься, да напяль на себя вот эту худенькую одежу-то, и садись здесь у печки. Коли муж про тебя спросит, я скажу: нищий ночевать попросился, я и пустила.

Поп сейчас стащил с себя рясу[5], оделся в изорванную одежу и сел у печки.

Мужик вошел в избу.

— Что, муженек, рано воротился? Сказал: на три дня едешь.

---

[1] *Далее*: , а [баба пошла по] воду, повстречалась с попом

[2] *Было*: [полу]штоф

[3] *Сверху было вставлено*: [немножко]

[4] *Было*: [с]и[с]ки

[5] *Далее*: [и]

— Да[1] забыл бочонок с водою. А это что у тебя за человек?

— Это странник, попросился ночевать — я и пустила!

— Ну, хозяйка! Дай-ка[2] поужинать; а там и спать ляжем; завтра рано надыть на пашню ехать.

Сел за стол и начал уписывать.

— Ты, может, винца выпьешь? — говорит жена.

— А разве есть?

— Есть; нынче ходила я к матушке, она дала мне целой штоф.

Мужик подвыпил порядком и говорит попу:

— Садись, земляк, с нами ужинать!

Поп уставился и молчит.

— Эх, жена! Ходил он по белому свету, оброс весь бородою и перед людьми[3] стыдно теперь показаться; вишь как боится![4] Подай-ка сюда ножницы, я ему бороду-то обстригу!

Баба подала ножницы, мужик и остриг попу бороду догола. Потом сидел-сидел да и выдумал.

— Эй, хозяйка![5] — говорит. — Ступай к попадье да проси, чтоб пожаловала к нам закусить и выпить: она женщина хорошая! Ее можно попотчевать.

Побежала баба[6] попадью звать, а та тому и рада; вскочила, оделась и пошла к мужику.

— Что так долго, матушка? — спросил мужик.

— Экой! Чай, сам знаешь, какое собиранье у поповой жены: покудова умоется да оденется — хороший мужик десять верст уйдет!

— Ну, садись, матушка; закуси с нами и выпей чем Бог послал; у меня сегодня праздник: корова бычка родила!

И ну наливать ее водкой; один стакан поднес, и другой, и третий.

— Пей, матушка, за здоровье нашего бычка!

Так все вино и выпили.

---

[1] Далее: [вот]

[2] *Далее*: Да [да]й-ка

[3] *Было*: а) [боится]; б) [стыдится]

[4] *Было*: [ему совестно!]

[5] *Было:* Эй, [говорит]

[6] *Далее*: [за]

— Жена! — говорит мужик своей хозяйке. — Сходи-ка в кабак да возьми-ка еще полуштоф: я загулял сегодня!

Жена побежала в кабак, а мужик видит, что попадья захмелела, и стал[1] у нее просить[2], чтоб дала ему поеть. Попадья отговаривалась, отговаривалась, никак не могла отговориться; все мужик пристает:

— Дай, матушка! Я отродясь не пробовал у попадьи!

— Где же мы ляжем? — спрашивает попадья. — Вить здесь нищий сидит!

— Ничего, пусть себе посмотрит! — сказал мужик, положил попадью на кровать и давай ее зудить*.

Поп сидит, поглядывает да тяжело вздыхает. Только мужик покончил с попадьею дело, пришла жена его с водкою. Ну, тут опять выпили. Попадья распрощалась и ушла домой, а мужик лег с женою спать. И поп прилег на лавке, будто спать[3], а сам выжидает время — как бы удрать. Мужик нарочно и захрапел. Поп потихонько вскочил да давай бог ноги. Прибежал домой, насилу достучался, сбросил с себя тряпье и ложится к попадье. Вот попадья хвать его за бороду — а бороды-то нет.

— Кто[4] это, батька, тебя облупил?

— Да тот черт, что и тебя лупил!

Тут попадья язык прикусила.

63

ХИТРАЯ БАБА

а

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися.

И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

---

[1] *Было*: [начал]

[2] *Далее*: [поеть]

* *Вар<иант>*: сандалить.

[3] *Далее*: [да по]выждать

[4] *Начато*: [Какой]

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну делай, коли придумала.

— Спрячься-ка, — говорит жена, — да выжидай: я пойду приведу к себе гост<я>[1], ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну, хорошо.

Вот взяли они короб, насыпали сажею и поставили на полатях; муж спрятался, а жена набелилася, нарумянилася, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая наряженная!* Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит:

---

[1] *В рукописи:* гости

* *Эта сказка начинается и так:*

Мужик бедной, Ванька Голой, вздумал жениться на богатой купеческой дочере, выпросил[1*] у ее отца мерку мерить[2*] деньги и тем обманул его. Тот подумал: «Верно, мужик-то богат!» — и отдал за него свою дочь. *(Смотри выпуск 4 сказок.)* Но он стал мотать и промотал все. Тут жена его пустилась на хитрости. Дождалась воскресенья и пошла к обедне. Увидал ее помещик, подошел к ней, стал бранить ее мужа за пьянство и говорит:

— Эх, Марья Дмитровна! Нельзя ли с тобой ночку переночевать?

— Можно, — сказала она, — только когда мужа дома не будет.

Отстояла она обедню, смотрит — поп за ней бежит и просит:

— Как бы, Марья Дмитровна, того — нельзя ли тебя хоть разок поеть?

— Можно, приходи, как мужа дома не будет.

(Место помещика занимает иногда воевода.)

Пришла Марья Дмитровна домой и рассказала про все мужу. Вот он сейчас пошел по деревне, идет мимо помещичьего дома и кричит:

— Пойдет[3*] Ванька Голой во царев кабак на всю ночь гулять!

— Зайди ко мне, — кричит ему помещик, — я поднесу.

— Нешто у меня денег нет!

А сам поскорей потащился[4*] к попову двору, идет и тож кричит себе:

— Пойдет Ванька во царев кабак на всю ночь гулять!

Как услыхал такие слова помещик — сейчас нарядился и пошел к

[1*] *Далее*: [мерку]

[2*] *Далее*: [свои]

[3*] *Было*: Пойд[у] во царев

[4*] *Далее было*: на [попов] двор и [там] тож [про]крича[л себе]: пойд[у] во царев

— Что, молодушка, нарядилася; али у тебя праздник какой?

— Какой праздник! С горя нарядилася: теперь я одна дома.

Ванькиной жене. Она посадила его за стол и стала потчевать; как вдруг воротился домой Ванька Голой.

— Ах, Марья Дмитровна, куда мне деться?

— Полезай в сундук.

Помещик полез туда, а муж вошел и заругался на хозяйку:

— Что до сих пор, мать твою туда-то, не ложисься спать?

Пошумел-пошумел и ушел. Он за двери, а тут и поп пожаловал в гости. И с попом случилась та же беда: бросился он в сундук и прямо сел на помещика; тот схватил его за бороду:

— Это ты, батюшка?

— Я, свет!

Ванька Голой запрег лошадь, поставил сундук на воз, привез к реке и бросил его в воду. Поп с помещиком насилу выбрались; а Ванька забрал их одёжу со всеми деньгами, что в карманах было, и стал с своей женой жить да поживать да добра наживать, а лиха избывать*[1*]

**Вар<иант>*: Пришел <помещик>[2*] и попал в короб с сажей; потом пришел поп и только выпил рюмку, смотрит — муж стучится в избу. Куда деваться?

— Садись сюда, — говорит жена, — мели в жерновах: теперь темно — не признает; я скажу: «Тетка мелет!»

Поп стал молоть. Ванька вошел[3*] в избу, как треснет попа по уху:

— Мели, тетка! Мели, курва!

Походил-походил по избе да опять попа по уху:

— Мели, тетка! Мели, курва!

А потом закричал на жену:

— Вздувай огонь!

Вздула жена огонь; посмотрел Ванька и закричал:

— А ты, косматый черт, зачем сюда зашел?

Делать нечего попу, признался:

— К жене[4*] твоей пришел!

— Давай пятьсот рублей выкупу!

Поп говорит:

— Дам, только отпусти душу на покаянье!

— Да еще выгони у меня из дому черта.

Взял поп крест и запел молебен. Ванька открыл короб — оттуда выскочил измазанной помещик и бежать. Поймал его Ванька и содрал выкупу 500 рублев и стал себе жить припеваючи.

[1*] *Было*: из[жива]ть

[2*] *В рукописи ошибочно*: поп

[3*] *Было*: [при]шел

[4*] *Далее*: [говорит]

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти[1]-ка меня к себе в гости, так[2] и не будешь[3] одна ночь коротать![4]

— Милости просим, батюшка!

— Куда ж лошадь девать-то?

— Веди на двор; я велю батраку прибрать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка! Надо наперед выпить; вот целковой, посылай за вином.

Принес[5] батрак им целой штоф водки; они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться, — говорит поп, — поваляемся да и поебемся[6] немножко!

— Послушай, батюшка! Коли грешить — так грешить: раздевайся догола; так веселее!

Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучит шибко-нашибко.

— Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб.

Поп как был голой, так и вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается:

— Что ты, мать твою разъедак, дверь долго не отворяешь?

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетой догола, чебурах в короб с сажею и прямо попал на попа:

— Кто тут?

— Это я, — говорит поп шепотом, — а ты, свет, кто?[7]

---

[1] *Далее*: [к себе]

[2] *Было*: [вот]

[3] *Далее*: [одна]

[4] *Далее*: а) [ночью время]; б) [одна]

[5] *Было*: Принес[ли водки]

[6] *Было*: [немножко] поебемся.

[7] *Далее*: [«Дьякон!»]

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как? Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет!

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка. Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона:

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон, — говорит поп, — а ты, кажись, дьячок?

— Точно так, батюшка!

Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб:

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка!

— Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался!

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас[1] сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай, — говорит жена, — на полатях целой короб стоит.

Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и[2] повезли по большой дороге.

Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу!

— А покажи, — говорит барин.

— Дай пятьсот рублев.

— Что так дорого?

— Да коли открою короб[3] — только[4] и видел их: сейчас уйдут!

Дал ему барин пятьсот рублев; как открыл он ко-

---

[1] *Далее*: [сажи спрашивают]

[2] *Далее*: [везут]

[3] *Было*: [сунд<ук>]

[4] *Далее*: [ты]

роб — как повыскочил оттуда весь причт церковной, да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!

б

Жил-был мужик; была у него молодая да пригожая жена. Полюбилась она попу, и дьякону, и дьячку.

— Что, Марьюшка, — спрашивает поп, — нельзя ли энтого?..

— Приходите, батюшка, вечером, как только стемнеет.

Стал просить дьякон, она сказала ему:

— Приходите, отец дьякон, как совсем ночь наступит.

А дьячку велела приходить около полночи. Мужик сговорился с женой, ушел из дому, набрал мешков — будто хочет в город идти на базар.

Пришел к бабе поп и только разделся — раздался стук: мужик воротился. Поп спрятался в короб на самой низ. Потом пришел дьякон, туда же попал и лег на попа; а за ним дьячок посверх всех улегся.

Мужик кричит:

— Подай, жена, ружье! Хочу стрелять, да напиши мелом цель вот на этом коробе!

Подошла баба цель писать; поп шепчет[1] ей:

— Пиши повыше!

А дьячок:

— Пиши пониже!

Попугал их, попугал мужик и велел жене выпускать на волю, а сам стал с дубинкою у порога и давай потчевать. Дьячок и дьякон ушли, а поп спрятался в сенях под корову. Мужик заприметил то и говорит жене:

— Жена! Ступай к попадье, пусть придет да корову купит: она давно торговала; я теперь дешево отдам.

Как услыхала попадья о корове, сейчас вскочила с кровати, оделась и прибежала.

— Что, Иван, коровку-то продаешь?

— Продаю, матушка!

[1] *Было*: [кричит]

— Что просишь?

— Давай сорок рублей; а коли попилить дашь — ничего не возьму.

— Ну, пили, свет!

Мужик разложил попадью в сенях, отработал ее и говорит:

— А корову, матушка, я завтра пришлю вместе с теленком.

Попадья ушла, а мужик кричит на жену:

— Давай ужинать!

— Чего тебе?

— Давай молока!

— Молока нету; теленок всю корову высосал!

Мужик взял дубинку[1] и давай лупить попа, а поп, как теленок, мычит; мычал-мычал да видит: дело-то невмоготу, выскочил и драла домой.

— Где ты был? — спрашивает попадья. — Ишь полуношник, всё по блядям шляешься!

А поп говорит ей:

— Молчи, мать твою так! А где корова, что ты купила?

в

Жил-был кузнец, у него хозяйка была чудная красавица. Жили они бедно. Раз кузнец говорит своей жене:

— Послушай, хозяйка! Что нам делать, откуда денег взять? Ты хоть бы женихов к себе приманила! На тебя и богатые станут зариться. Ступай-ка по городу — не попадется ли какой дурак! А ты смотри не плошай: коли кто у тебя попросит, ты обери с[2] него деньги и вели приходить на ночь в кузницу, через трубу. Я сам там буду и разделаюсь как надо!

Кузнечиха нарядилась почище и пошла по городу. Попадается ей знакомой поп.

— Здраствуй, бабенка! Что, муж твой дома?

— Нету, батюшка! Барин потребовал его к себе на целой месяц на работу, а я теперича живу одна.

---

[1] *Далее*: [после]

[2] *Было:* [у]

— Ну, свет, тем лучше, что одна. Нельзя мне, другому, к тебе ночевать придти?

— Отчего же, батюшка! Можно; только дай двадцать рублей.

— Изволь, свет! На́ сейчас и деньги. Я вечером, после всеношной, прямо к тебе буду.

— Приходи, батюшка, только не в избу: я буду ночевать в кузнице, караулить мужнины струменты. Так ты и спустись туда потихоньку в трубу.

— Хорошо, свет!

Получила она с попа двадцать рублей и пошла дальше. Встречает ее староста церковной.

— А, здравствуй, кузнечиха!

— Здравствуй, доброй человек!

— Что, муж твой дома?

— Нету, ушел к барину работать на целой месяц; теперь[1] одна дома живу.

— Нельзя с тобой, милая, хоть одну ночку переночевать?

— Отчего же! Теперь мне своя воля. Давай двадцать рублей и приходи вечером попозже. Я буду ночевать в кузнице; а как придешь — не стучись в дверь, чтоб шуму не было, а спущайся потихоньку в трубу.

— Ладно!

Взяла она с старосты двадцать рублей и пошла дальше. Повстречался с нею цыган:

— Гэ, здорова, пани матко!

— Здраствуй, цыган!

— А что, моя кохана, твой старик дома?

— Нету; уехал на целой месяц к барину работать; я теперича одна живу.

— Гэ, моя коханочко![2] Дурень твой муж. Если б ты была моя — я б тебя на ручке носил. Ведь теперь во свете только и правды что у меня да у Бога немножко! А можно с тобой ночку переночевать?

— Отчего же! Приходи, цыган! Только давай двадцать рублей.

Цыган вынул деньги:

---

[1] *Далее*: [живу]

[2] *Далее было*: [Дак я с тобой могу] ночку переночевать?

— На-на, моя коханочко! Я вечером к тебе прибегу.

— Приходи, цыган, прямо в кузницу и спустись в трубу: я там стану тебя дожидаться.

— Хорошо, моя голубко!

Воротилась домой кузнечиха и говорит:

— Ну, муженек, придут к ночи три жениха в гости; со всех взяла по двадцати рублей.

— Ну, хозяйка, слава Богу! Я с ними сделаюсь.

Дождались вечера. Кузнец собрался и пошел на кузницу, развел огонь в горне, положил туда клещи и стал женихов поджидать. Вот поп отправил всеношную, схватил рясу и бегом из церкви в кузницу. Нагоняет его староста.

— Куда вы, батюшка?

— А помалчивай, свет! Согрешил перед Богом, иду к кузнечихе на́ ночь, и деньги вперед отдал.

— Ах, батюшка! Ведь и я туда ж иду!

— Ничего, свет! Пойдем вдвоем, еще веселее будет.

Стали подходить к кузнице, нагнал их цыган.

— Гэ, куда вы, отцы духовныя?

— Помалчивай, цыган! Мы идем к одной бабе на́ ночь — вот в эту кузницу.

— Ага, батиньки! Я и сам к ней бегу!

— Ну, пойдем с нами.

Пришли все трое.

— Ну, кому теперича вперед в трубу лезть?

Поп говорит:

— Мне, светы! Я вить постарше вас.

— Ну, полезай, батюшка!

Поп снял с себя рясу и скинул долой сапоги и портки; староста с цыганом взяли зацепили его веревками под руки и хотят[1] спущать в трубу. Поп говорит им:

— Как только, братцы, я сделаю[2] свое дело, так и закричу: «*фык!*», а <вы>[3] меня *шмык*![4] И тащите назад.

Только стали опущать попа в трубу, кузнец накалил

---

[1] *Было*: [стали]

[2] *Далее*: [там]

[3] *В рукописи:* мы

[4] *Далее*: и [вы]та[скивай-те поскорее] назад.

клещи покрепче и схватил батьку клещами-то за муде. Закричал поп благим матом:

— *Фык!*

Они его *шмык* и вытащили назад.

— Что, батенька, так скоро отработал? — спрашивает цыган.

— Ах, свет! Какая у нее пизда-то горячая: только дотронулся, дак словно порохом обожгло. Я еще никогда едакой не пробывал!

— Ну, теперича я полезу! — сказал[1] староста.

— Полезай!

Староста разделся; поп с цыганом подвязали его под руки и давай в трубу спущать. Кузнец взял клещи, схватил и этого жениха за муде.

Староста заорал:

— *Фык!*

Они его *шмык* и вытащили назад.

— Ну, цыган, — говорит староста, — не жалко двадцати рублей: было за что заплатить; полезай теперь ты.

— Я, батеньки, не по-вашему стану работать: покудова три раза не отваляю — не отстану от нее. Смотрите ж, батиньки, не тащите меня, покуда три раза не скажу: «*Фык!*»

— Хорошо!

Стали спущать цыгана. Кузнец услыхал, что третий жених лезет в трубу, взял с горна горячие клещи и схватил цыгана прямо за муде.

Цыган во все горло орет:

— *Фык!*

Не тащут. Цыган в другой раз:

— *Фык!*

Не тащут; цыган в третий раз:[2]

— Серу вашего батька! Тут не ебут, а живаго пекут! *Фык!*

Поп и староста *шмык* и вытащили цыгана. Муде все у него облезли!

Напустился цыган на батьку:

— Ты, псяча, козляча борода! Зачем не сказал, как там

---

[1] *Было*: [говорит]

[2] *Далее*: [Фык! ею]

потчуют? Черт тебя бери! Пущай бы у тебя одного яйцы были поджарены. Ох, батеньки, мне-то пуще всех досталось!

— Ну, свет, ничего. Когда подлая баба нас обманула, так пойдемте теперь к ней в избу, а с нею, шкурою, по-своему разделаемся!

Оделись они кое-как и потащились к кузнечихе. Пришли в избу и застали ее одну.

— Что ты, шельма, с нами сделала?

— Ах, миленькие! — отвечает кузнечиха. — Я вить и сама не рада, что моего мужа черти домой принесли: воротился ни с того ни с сего, да с вечера и пошел в кузницу работать. Садитесь-ка, голубчики, я маленько поуберусь; ночь большая — вся наша будет; а муж теперь в кузнице до белого дня пробудет.

Уселись гости. Вдруг идет домой кузнец[1], притворился пьяным, стучится в дверь и ругается на жену:

— Отворяй, блядище!

Как услыхали шум да крик — гости повскакивали:

— Куда ж нам теперь деваться?

Кузнечиха говорит:

— Не бойтесь, голубчики! Я вас спрячу; [2]ведь он пьяной, скоро уснет. Ты, батюшка, скидавай поскорей с себя всю одежу и становись голой в переднем углу: я скажу мужу, что святся* купила!

Поп сейчас скинул с себя долой рясу, портки, сапоги и сорочку, стал в переднем углу, словно святой, и косу[3] и бороду распустил.

— А я куда денусь? — спрашивает староста.

— А я куда? — кричит цыган.

— А вы, голубчики, скидайте с себя одежу догола. Тебя, — (говорит старосте), — я привяжу веревкою к жерди и скажу мужу, что большой кувшин купила; а ты, цыган, полезай вот в эту кадушку с гущею: там просидишь — он тебя и не увидит!

Разделись они догола; кузнечиха прицепила старосту

---

[1] *Было*: [муж]

[2] *Далее*: [он то]

* Святье — священные фигуры, делаемые к святкам.

[3] *Было*: [волоса]

веревкою к жерди, а цыган полез прямо в гущу. Отворила кузнечиха дверь мужу. Он входит, ругается и кричит:

— Жена, давай ужинать!

Посмотрел: в углу стоит поп.

— А это что за черт у тебя стоит?

— Господь с тобою! Какой черт? Это святся.

— А что за такого большаго заплатила?

— Завтра узнаешь, ложись-ка спать.

Кузнец зажег свечку, подошел к попу, взял его за кляп и спрашивает у хозяйки:

— А это что за штука?

— Это штука, чтоб свечку ставить.

— Ну, дак я сейчас поставлю!

Взял свечку и ну лепить к хую. Свечка не пристает — все отваливается.

— Надо этот подсвечник накалить: тогда лучше пристанет!

И стал свечкою конец поповского кляпа прижигать. Поп как пёрднет, прыгнул через стол и вон из избы — так голой и удрал!

— Ах ты, блядище, — закричал муж, — ты ведь купила не святся, а черта; смотри, ведь он ушел, и деньги пропали!

Потом подошел к жерди:

— А это что висит?

— Кувшин большой для воды купила.

— Какой, черт, кувшин — это настоящая бочка! Да крепок ли он?

— Я стучала в него кулаком — хорошо звенит!

— Много тут узнаешь кулаком! Дай-ка я поленом попробую: не разобьется ли?

Взял полено и со всего маху как начал дуть старосту по ребрам. Староста только на веревке качается. Вдруг веревка оборвал<а>ся; староста головою об пол, вскочил и убежал вон.

— Ишь[1] накупила! — говорит кузнец[2]. — Дай-ка квасу напьюся.

---

[1] *Далее*: [чертей]

[2] *Было*: [кричит] кузнец [на жену]

Подошел к кадушке и видит: цыган в гуще по горло сидит, одно рыло выставил наружу. Кузнец крести́ться:

— Вот до чего с тобой дожил; верно, ты эту гущу держишь в кадушке с тех пор, как замуж за меня вышла: видишь — в ней уж черти завелись!

Взял — накрыл кадушку с цыганом кружком и заколотил накрепко гвоздями.

Сидит цыган голодной день и другой; а на третий день запрег кузнец телегу, встащил на нее кадушку и поехал к озеру. Приехал и остановился здесь; скинул свои сапоги, засучил штаны, влез в воду и ходит с кнутом около берега, будто что ловит. Немного погодя, едет мимо барин:

— Здорово, мужичок!

— Эка, барин, зачем здоровкался; только охоте моей помешал.

— Какой охоте?

— Да вот сейчас было взялся черт за крючок, да как услыхал твой голос и клевать не стал, назад воротился.

— Что ты врешь?

— Чего врать-то! Я уж одного поймал и в кадушку посадил; а другого ты спугнул.

— А покажь мне того, что поймал!

— Не покажу, барин.

— Вот тебе пятьдесят рублей.

— Мне дома и свои господа дадут сотню.

— Ну, бери сто рублей!

Кузнец взял сто рублей с барина, открыл кадушку: как выскочит оттуда цыган весь в гуще да тягу и дал.

— В самом деле черт! — сказал барин и плюнул. — Сколько лет на свете живу, а только в перво́й раз увидел черта!

Кузнец воротился домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, вить я продал цыгана за сто рублей; теперь надо еще продать попову рясу — и дело ладно будет!

Надел на себя попову рясу, взял попову палку и рано утром пошел к попову двору. Поп увидал кузнеца и думает: «Дело-то будет плохо, коли прихожане узнают». И стал он просить кузнеца:

— Сделай милость, свет, не смеши людей!

— Что дашь? Хочешь выкупить за сто рублей?

— Ни то за сто, полтораста дам!

Кузнец отдал попу рясу и палку и взял с него полтораста рублей. Пошел к жене и стал с нею жить да поживать маленько поисправнее*.

64
ХИТРАЯ ЖЕНА

Жил-был бедняк чеботарь (*сапожник*), ничего за душой не было, и пошел он на выдумки; попросил товарищей прийти с утра на свой пустырь с лопатами да носилками и обещал им за то выставить на последние деньги ведро водки. И начали они на улице рвы копать. Увидал то богатой купец и стал спрашивать бедного, что он делает. А парень в ответ:

---

* *Вар<иант>*: *Вместо кузнеца*[1*] *выведен маляр*. К жене маляра забрался цыган. Муж воротился домой. Куда деваться цыгану?

— Раздевайся, — говорит хитрая баба, — наголо; я тебя поставлю в кладовую, где образа стоят.

Муж вошел и спрашивает:

— Что работники, много намалевали?

— Поди сам в кладовой погляди.

Пошел маляр с женой в кладовую. Цыган стоит у стенки, распялил руки, точно Христос распятой. Маляр посмотрел на него и говорит:[2*]

— Кого это они сделали:[3*] как будто святой Аника — только хуй великой! Будто святой Афанас — только хуй прицеплен не так, как у нас! Будто святой Ониско — да хуй висит низко! Взял свечу и[4*] давай прижигать цыгану хуй. Цыган как прянет и убежал домой. На другой день маляр увидел цыгана на улице, среди народа, подошел и стал говорить:

— Ах, братцы! Что у меня вчерась-то случилось! Стали святые бегать...

Цыган не утерпел и говорит:

— Серу твоего батька! Как будешь хуи припекать — еще не так будут утекать!

[1*] *Было*: [цыгана]

[2*] *Начато*: [— Что]

[3*] *Было*: [сделали-сработали]

[4*] *Далее*: [ну] прижигать

— Хочу дом каменной ставить, так вот рвы копаю.

Купец поверил. На другой день посватался парень за купеческую дочь.

Купец обрадовался. «У него вить, — думает, — деньги есть!». И выдал за него свою Машу[1]. А Маша была куда хитра! Видит, что у мужа нет ничего, и вздумала поправиться; оделась в цветные платья и пошла гулять по городу. Подходит к монастырю, видит — стоит у ворот монах, она к нему под благословение. Монах благословил, да и позарился на бабу.

— Зачем, — говорит, — милая, сюда зашла?

— Да что! От вас, отец святой, утаишь, а от Бога-то нет; по правде сказать, погулять хочется...

— Ну, это ничего! Хочешь ли со мной познакомиться?

Маша[2] отвечала, что не прочь с ним знакомство свести[3], коли даст за то сто рублев, объявила ему свою квартиру и велела приходить вечером. Воротившись домой, рассказала про все мужу, села под окошечко и дожидается гостя.

Как только стемнело, а монах уж тут.

— Ах, это вы, душенька! — встречает его Маша. — Пожалуйте сюда!

Впустила его в комнату. Монах снял свой клобук и рясу[4], взял Машу, посадил к себе на колени и давай за титьки[5] щупать.

— Постойте! — говорит Марья Гавриловна. — Отдайте наперед, ваше преподобие, рядныя деньги, да тогда и на постель ляжем!

Монах вынул деньги и отдал ей 100 рублев; хозяйка взяла и стала раздеваться, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито:

— Эй, шкура! Отпирай двери.

Монах испугался:

— Что такое?

---

[1] *Было*: [девицу]

[2] *Далее*: отвеча[ет, что не против и рада радёхонька]

[3] *Далее*: [и просит за то]

[4] *Далее*: [монах берет] Машу

[5] *Было*: [с]и[с]ьки

— Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяной!

— Ох! Куда же я-то деваюсь?

А у чеботаря стояла большая кадка, в которой мочил он кожи; Марья Гавриловна посадила туда монаха и закрыла крышкою; потом отперла дверь и впустила мужа. Он вошел и закричал:

— Что, курва, намочила ль кожи?

— Намочила, голубчик!

— Врешь!

— Да хоть сам посмотри!

Он поднял[1] крышку, заглянул в кадку и заревел:

— Это что за черт сидит?

Ухватил монаха за́ волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон! Что тут делать? Взял мертвое тело и положил пока в подполье.

На другой день Маша нарядилась и пошла опять прогуливаться, дошла до монастыря, встретила иного монаха и того к себе на ночь подговорила. Пришел святой отец в гости и только было хотел мясным разговеться, как муж в дверь застучал. Монах с испугу под печь схоронился, где лежали старые колодки. Вошел муж в избу.

— Ну что, шкура, нашла мои колодки?

— А я тебе что за слуга! Ищи сам, коли надо.

Он взял свечку, заглянул под печку, увидал монашьи ноги:

— Это что за ноги?

Ухватил монаха, вытащил, ударил о́б пол и убил до смерти, а убивши, спрятал в подполье. На те деньги, что жена взяла с гостя, купили они вина и закусок и пировали себе как ни в чем не бывало. На третий день Марья Гавриловна подговорила третьего монаха, взяла с него 100 рублев и запрятала в печь. Муж вошел в избу и просит у жены поесть. А она говорит:

— Что есть в печи, то и на стол мечи!

Чеботарь открыл заслонку и закричал:

— Это что за гусь в печи?

---

[1] *Было*: [схвати]л

Вытянул монаха за длинные космы, ударил о́б пол, убил до́ смерти и бросил в подполье. После того думает он себе: «Куда ж я их деваю?»

Взял три рубля денег и пошел в кабак, а там был на ту пору пьяница Тимошка Кавардак. Стали они вместе пить да гулять; выпили целой штоф. Тимошка просит приятеля:

— Возьми еще полштофа!

— Как же! За что тебя поить-то?

— Всем заслужу! Только прикажи!

Чеботарь купил ему полштофа, вывел его в сени и говорит:

— Надо-де снести мертваго монаха; залез ко мне в голбец да там и окочурился.

— Ишь его леший занес куда! Да ладно, — говорит, — все сделаем!

Пошли они домой. Ночью взвалил Тима монаха на плечи и понес в воду; прилучилось ему идти мимо монастыря; около ворот стоит придверник и окликает:

— Кто и́дет?

— Черт! — отвечает Тима.

— Кого несет?

— Монаха!

— Ахти, какая беда! Да куда ж ты несешь?

— В воду!

Придверник побежал к настоятелю с докладом.

— Ваше преподобие! Черт-де монаха унес.

Настоятель оградил себя крестным знамением.

— Что ты, дурак, бредишь? — и прогнал его вон.

Тима успел уже бросить одного мертвеца в воду и воротился к чеботарю[1].

— Ну, — говорит, — обработал дело, снес монаха!

— А это что? — отвечает ему чеботарь и показывает на другого монаха; он[2] вытащил его из подполья.

Тима давай пинать мертвеца ногами:

— Ах ты, дьявол длинногривой! Прежде меня успел назад прибежать!

---

[1] *Далее было*: [Глядь — а на полу другой монах лежит.

— Так-то ты служишь? Ведь монах-то опять здесь, тащи его в воду да скорее].

[2] *Далее*: [и успел]

Схватил его на плечи и потащил опять тою же дорогою. Монастырской привратник опять опросил Тимошку, получил прежние ответы и побежал снова с докладом к его преподобию. Настоятель диву дался и велел пересчитать монахов. Пересчитали — трех как есть недостает! Настоятель крепко смутился, взял крест в руки, велел[1] монахам поднять иконы и обходить монастырь крестным ходом:[2] надо-де отстаивать от себя нечистой силы. Пока все это готовилось, Тиме пришлось тащить в воду третьего мертвеца.

— Ишь, — говорит Тима, — ты все из воды бегаешь? Так я же ухитрюся, свяжу тебя веревкою по рукам и по ногам — авось в омуте останешься!

Спутал мертвецу руки и ноги, стянул крепко-на́крепко, выпил стакан-другой вина и понес[3] к реке. Идет мимо монастыря, а навстречу ему сам[4] настоятель[5] и иноки с крестами, образами и хоругвями тянутся вереницею и поют псалмы.

— Кто и́дет? — спрашивает опять привратник.

— Черт!

— Что несешь?

— Монаха.

— Куда?

— В омут!

Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились бежать куда кто попало. А Тима им вдогонку:

— Вот я до вас доберусь! Лови их, держи их!

Тем дело и кончилось.

65
ЖИДОВКА

Пошел парень на работу; увидел на дороге кабак и заехал ночевать. А тот кабак держал жид; у него была же-

---

[1] *Далее*: [монахам] [<*нрзб*>]
[2] *Далее*: [чтобы] отст[оя]ть [монахов] от нечистой
[3] *Было*: [пошел]
[4] *Было*: [ид<ет>]
[5] Далее: [с] инок[ами]

на. Вот стемнело, и полегли они спать на полу. Показалось жидовке жарко, она спросонок раскидалась и посбросала с себя все: лежит с открытой пиздой. Взяла мужика охота; он не думал долго, взлез на нее и давай валять. Жидовка думает себе, что это муж ее качает, и говорит:

— Волько, волько!

А парень отвечает:

— Какого ты черта волькаешь? Жид проснется!

Жидовка схватила его за голову, пощупала — а пе<й>сиков нет!

— Ай вей, волько!

— И так потихоньку! — сказал парень; отработал и слез долой.

66
СОЛДАТ И ЧЕРТ

Вышел солдат в чистую отставку и пустился на родину; а солдатик-то был — размычь горе: какие были деньжонки, все пустил в разные стороны. Идет дорогою.

— Дай, — говорит, — с горя горелки (*водки*) тяпну! Продам последний ранец и развеселю ретивое.

Ладно, ранец побоку и урезал полштоф начисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спьяна на́земь и стоит на четвереньках: никак не может подняться! Прибежал черт:

— Что ты делаешь, служивой?

— Сам видишь! Ебу!

— А что ж у тебя хуй торчит наружу?

— Не попаду!

— Да ты кого ебешь?

— Да кого велишь, того и стану.

Черт видит, что солдат — парень ловкой, а им таких и надо, взял его к себе: солдат теперь живет богато — каждой день пьет горелку, курит махорку, редькой закусывает.

67
НИКОЛА ДУПЛЯНСКОЙ

а

Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень молодой — Тереха Гладкой. Спознал про то старик и говорит жене:

— Хозяйка! Я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел; о чем его ни попросишь — то и даст тебе!

А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и заполз к ней в дупло. Вот баба его напекла пирогов, колобов да масленых блинков и пошла в лес молиться Миколе Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает: «Вот он батюшка Микола Дуплянской-то!»

Давай ему молиться:

— Ослепи, батюшка Микола, моего старика!

А старик отвечает:

— Ступай, женка, домой, будет твой старик слеп; а зобенку (*корзину*) с пирогами оставь здеся.

Баба поставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой.

Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой.

— Что ты, старичок, — спрашивает его жена, — так тихо ползешь? Разве не видишь?

— Ох, женушка! Беда моя пришла, ничего-таки не вижу!

Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. Ввечеру того ж дня пришел к ней дружок — Тереха Гладкой.

— Ты теперя ничего не бойся! — говорит ему баба. — Ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколе Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедни домой и уж ничего не видит!

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха[1] принялся их уписывать <з>а[2] обе щеки.

---

[1] *Далее*: [ест]

[2] *В рукописи*: на

— Смотри, Тереха, — говорит хозяйка, — не подавись блинами; я схожу масла принесу!

Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил[1] его насмерть. Тут соскочил[2] старик с печки, свернул блин комом и пихнул Терехе в рот, будто он сам подавился; сделал так и взлез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвой.

— Говорила тебе: не ешь без масла, а то подавишься, дак не послушал: вот теперь и помер!

Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать. Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит:

— Мне и здесь хорошо!

Полежал-полежал старик и закричал, ровно со сна:

— Жена, вставай! У нас под мостом Тереха лежит мертвой!

— Что ты, старик! Тебе во сне привиделось.

Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику, увидал у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в <р>уки[3] лопаточку — будто мед колупает. Смотрит мужик: кто-то мед ворует, подбежал да как ударит Тереху по голове: тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот:

— За что ты парня убил?

— Возьми сто рублей, только никому не сказывай! — говорит мужик.

— Давай пятьсот, а то в суд поволоку!

Дал мужик пятьсот рублей; старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жеребец от попа, да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого об перекладину — он упал и по-

---

[1] *Было*: [спустил]

[2] *Было*: [слез]

[3] *В рукописи*: луки

катился наземь[1]. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду:

— За что убил парня? Пойдем-ка в суд!

Делать нечего, дал ему поп триста рублей.

— Только отпусти да никому не сказывай.

А Тереху похоронил.

6

Жил-был поп с попадьей; завела попадья себе любовника. Батрак заметил то и стал ей всячески помеху творить.

«Как бы избыть его?» — думает попадья и пошла за советом к старухе знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает:

— Родимая бабушка! Помоги мне, как бы работника с попом извести!

— Поди, — говорит старуха, — в лес; там явился Никола Дуплянской, его попроси — он тебе поможет.

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал[2] мукою, взлез на ель и кряхтит. Попадья глядь — и увидала: сидит на ели белой старец. Подошла к ели и давай молить:

— Батюшка, Никола Дуплянской! Как бы мне извести батрака с попом?

— О жено, жено! — отвечает Никола Дуплянской. — Совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да помасленей блинов: они поедят и ослепнут; да еще навари им яиц: как поедят, так и оглохнут.

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали сбираться в поле; она им и говорит:

— Наперед позавтракайте!

И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и подливает, ничего не жалеет.

— Кушайте, родимые, масленее! Мокайте в масло-то, поскусней будет!

---

[1] *Было*: зем[лю]

[2] *Было*: [вымазал]

А батрак уже и попа научил. Поели они и стали говорить:

— Что-то темно стало!

А сами прямо-таки на стену лезут.

— Что с вами, родимые?

— [1]Бог покарал: совсем ослепли.

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним гулять, пить и веселиться.

— Дай-ко теперь мне поеть, — просит гость у попадьи. — Только давай с заду, как козел козу ебет!

Попадья задрала хвост и стала раком, а гость и взлез на нее.

Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху: важно отдули!

68

ДВА БРАТА ЖЕНИХА

Жил-был мужик; у него было два сына — парни большие. Стал старик со старухою советоваться:

— Какого бы сына оженить нам — Грицька или Лавра?

— Женим ста́ршего[2],— сказала старуха.

И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую масленицу в другой деревне. Дождались святой недели, разговелись; вот и собирается Лавро вместе с братом[3] Грицьком ехать к невесте[4]. Собрались, запрягли пару лошадей, сели в повозку[5]. Лавро, как[6] жених, за барина, а Грицько за кучера, и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже срать;[7] так налупился на разговенах!

— Брат Грицько, — говорит он, — останови лошадей.

— Зачем?

---

[1] *Начато*: [— Да]

[2] *Было*: старш[о́]ва

[3] *Далее*: [свои<м>]

[4] *Было*: а) [в гости]; б) [своей]

[5] *Было*: [и поехали в гости]

[6] *Было*: [за]

[7] *Далее*: [он]

— Посрать хочу.

— Экой ты дурак! Ужли ж ты станешь на своей земле срать? Потерпи маленько, съедем на чужое поле — там вали хоть во все брюхо!

Нечего делать, понатужился Лавр, терпит — ажно в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле.

— Ну, братец, — говорит Лавр, — сделай такую милость, останови лошадей; а то невтерпеж: до смерти хочу срать!

А Грицько в ответ:

— Экой ты глупой! С тобой пропадешь; отчего не сказал, как ехали мы через свое поле: там смело бы сел и[1] срал, покуда хотел. А теперь сам знаешь: как срать на чужой земле! Еще, не ровен час — какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадей отберет. Ты потерпи маленько; как приедем к твоему тестю на двор — ты выскочи[2] из повозки и прямо в нужник, и сери себе смело; а я тем временем лошадей выпрягу.

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору; у самых ворот встречает своего будущего зятя теща.

— Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!

А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Теща подумала, что зять стыдится, схватила его за руку и говорит:

— Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никого нету; прошу покорно в избу.

[3]Втащила его в избу и посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру внемоготу, начал под себя валить и насрал полные штаны, сидит на лавке и[4] боится с места пошевелиться. Теща-то суетится: наставила перед гостями[5] разных закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и

---

[1] *Далее было*: [насрал [высрался бы] себе сколько хотел; на]срал, [себе сколько душе угодно]

[2] *Было*: [соскочишь с]

[3] *Начато*: [И]

[4] *Далее*: [боится с места пошевелиться], [боится, боится]

[5] *Было*: [ним]

подносит первой стакан жениху[1]. Только поднялся жених за стаканом и встал на ноги — как поплыло говно[2] вниз по ляжкам да в голенища: пошла вонь на всю избу. Что за притча! Воняет! Теща бросается по всем углам, глядит: не[3] ребятишки ли где напакостили? Нет, нигде не видать; подходит к гостям:

— Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в говно попал; встаньтека, я посмотрю: не замаран ли у кого сапог?

Осмотрела старуха Грицька — ничего нету; подошла к Лавру:

— Ну-ка, зятек; ты[4] как приехал на двор — так[5] и побежал к нужнику; не втяпался ли в говно?

Стала его щупать[6], и только дотронулась промеж колен — всю руку и выпачкала[7].

Заругалась она на жениха:

— Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмехаться над нами, подлая твоя душа! Еще не пил-не ел, а за столом обосрался! Ступай же к черту, будь ему зять, а не нам!

Тотчас призвала старуха свою дочку и говорит:

— Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дристуна и засерю, выходи за его брата: вот тебе жених!

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохлаждаться до самого вечера. Пристигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха[8] говорит гостям:

— Ну[9], ступайте с Богом спать в новой[10] избе[11], а ты,

---

[1] *Далее*: [Встал жених на ноги]
[2] *Было*: [все говно]
[3] *Далее*: [напакостили [ль] ли где]
[4] *Далее*: [кажись]
[5] *Далее*: [кажись]
[6] *Далее*: [схв<атила>, как тро<нет>]
[7] *Было*: [и] выпачкала [всю руку в говне]
[8] *Далее*: [велела положи[ла]ть гостей в другой избе; жениху наказала]
[9] *Далее*: [вы]
[10] *Было*: [другой]
[11] *Далее*: [что на дворе стоит]; [жениху]

дочка, снеси туда перину да постели жениху; а этому засере ничего не стели, пущай на голой лавке валяется!

Вот легли они спать: Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все думает: как бы отсмеять брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко; он встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил[1] его к самым дверям; а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям; подошел да как ударится о стол.

«Что такое? Где же двери?» — думает он.

Воротился назад, давай искать — куда ни сунется, все стены.

— Куда ж двери-то девались?

А срать так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и насрал такую кучу, что на лопате не унесешь. Насрал и раздумался: «Дело-то неладно, надо говно[2] до утра убрать!»

Поглядел кругом и увидел в стене большую щель[3].

— Давай-ка я[4] повыбросаю говно на двор в эту дырку!

Забрал говна целую пригорш и давай метить в щель; как ляпнет — в щель-то не попал, а прямо в стену; говно отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками; забрал еще[5] пригорш, бросил в другой раз — опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого[6] выпачкал. Надо умыться: стал искать воды; искал-искал и нащупал в печи чугун с красною[7] краской, что яйца к празднику красят; вытащил и стал умывать руки и голову.

— Ну, теперь ладно будет!

Лег Грицько спать, и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место. Стало совсем рассветать; пришла невеста жениха будить.

---

[1] *Было*: пере[нес]

[2] *Далее*: [убрать]

[3] *Было*: [щель — дыру]

[4] *Далее*: [это говно] повыбросаю [пригоршами в эту дырку]

[5] *Было*: [другую]

[6] *Было*: [всего]

[7] *Вероятная ошибка рассказчика: речь далее идет о синей краске.*

— Вставай, душенька! — говорит она. — Уж завтрак готов.

Да как глянула на него и видит, что жених рожею[1] на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается.

— Что ты плачешь? — спрашивает мать.

— Как же мне не плакать? Вить я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в новой[2] избе деется!

— А что деется? Там жених твой с братом[3].

— Какой жених! Это черт, а не жених!

Пошли все трое, отец, мать и невеста, в избу, где жених спал.

Только вошли — жених увидал их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все синее — настоящий бес![4]

Они бежать вон. Старик запер избу накрепко и пошел[5] к попу.

— Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!

— Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!

— Не бойся, батюшка! У меня есть кобыла: коли что случится — садись на нее верхом и уезжай: тебя не то черт — птица не поймает!

— Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!

— Ваша, батюшка! Ваша! — говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, захватил[6] с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, посыпал ладаном; [7]ходят они кругом избы и поют:

— Святый Боже!

«Ишь, — думает Грицько, — поп ходит со крестом;

---

[1] *Было*: [рожа[-ей] женихова]
[2] *Было*: [т]ой
[3] *Далее*: [ночь спят]
[4] *Далее*: [Старик [и баба] испугался]
[5] *Было*: [побе]
[6] *Было*: [взял]
[7] *Было*: [с]аном

стану у дверей, неровно, взойдет в избу — так попрошу у него благословения».

Стал у дверей и дожидается. Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям и только[1] отворил да сделал шаг за порог — Грицько и протянул к нему свою синюю руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом, и давай стегать ее[2] по бокам кадильницею наместо кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то махнул и попал ей невзначай[3] под хвост горячим; кобыла еще пуще понесла, бьет[4] задом и передом, споткнулась и грянулась наземь; поп через нее кубаром, сломил себе голову и околел. А женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

69

НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ

а

Жил мужик с бабою. Повел он[5] на ярмонку корову и продал[6] мужику из другой деревни; выпили магарыч и стали сватами.

— Ну, сват, будь завсегда[7] знаком!

— Как же, сват, как же!

С тех пор, где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угощают водочкой.

Случилось один раз съехаться им в харчевне.

— А, здравствуй, сват!

— Здорово, сват! Каково твоя коровка?

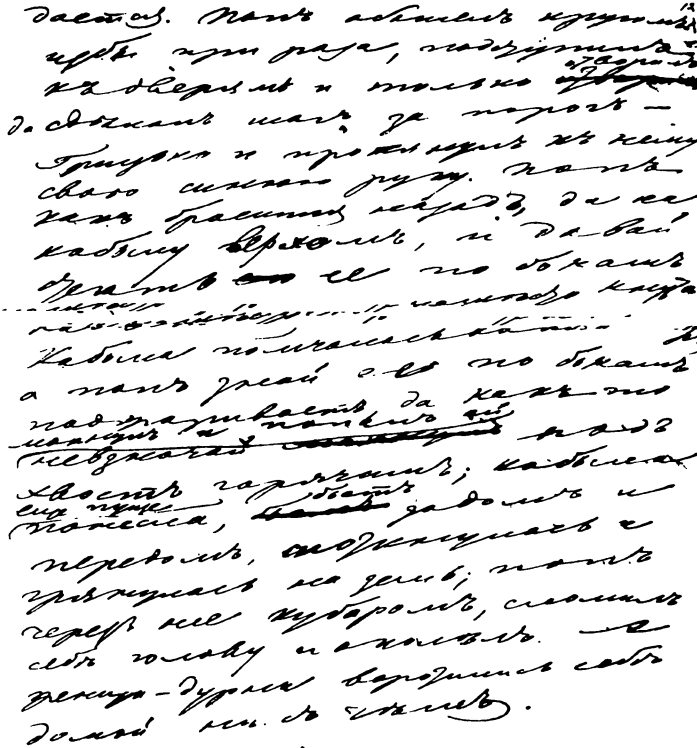
— Слава Богу!

— Ну, слава Богу — лучше всего. А вот, сват, как бы нам с тобой породниться?

— Ну что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь — хоть сейчас выдавай замуж!

---

[1] *Далее*: [отворить] сделал
[2] *Было*: [его]
[3] *Далее*: [махнул]
[4] *Было*: [бьет]
[5] *Было*: [мужик]
[6] *Далее*: [ее другому]
[7] *Далее*: [здоров]



71.

Невеста без головы

Факсимиле листа рукописи с началом сказки «Невеста без головы»

— Так, значит, по рукам?

— По рукам!

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что́ корову-то продал, и говорит сыну:

— Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить!

— Где же так нашел, батюшка?

— А помнишь того сват<а>, которому анодысь я корову-та продал?

— Знаю, батюшка.

— Ну вот, у этого свата дочка — раскрасавица!

— Нешто ты видел?

— Сам-то я[1] не видал, а от свата слыхал.

— А не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазнаго купца кнутами дерут! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, повысмотрю хорошенько и разузнаю: какова еще девка?

— Ну, ступай с Богом!

Парень надел на себя самую худую одёжу, перекинул узду через плечо, взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы.

— Здорово, хозяин!

— Будь здоров, доброй человек, — отвечает мужик, — чего тебе надо?

— Пусти к себе от темной ночи укрыться.

— А ты откудова?

— Издалеча, верст за сто, ищу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночлеге с лошадьми; у меня двух лошадей и увели. Вот третий день ищу, а толку нету...

— Пожалуй, переночуй у нас!

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сел на лавку и поглядывает на невесту. Старик и спрашивает у своего ночлежника:

— А что в вашей стороне хорошего слыхать?

— Хорошего, дяденька, ничего; а худаго много.

— Что же такое?

— Да вот что: кажную ночь волки людей едят; уж не-

[1] *Было*: [нет, я-то сам]

дели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли[1] пять или десять голов!

Потолковали и легли спать: старик со старухою в клети[2], дочь в сенях на койке и ночлежник[3] в сенях — только на сене, что наверху было на досках накладено. Парень лежит да все прислушивается: не прийдет ли к девке какой любовник? Прошел час и два, вдруг постучался кто-то в двери и говорит:

— Миленькая, отопри!

Девка встала потихоньку, отперла дверь и впустила своего полюбовника; он разделся и лег с нею спать. Поговорили промеж себя и до того договорились, что гость взобрался на девку и ну валять ее во все лопатки; отзудил раз, отзудил и в другой. Потом девка говорит:

— Послушай, душа! Я слыхала от баб, что если привязать ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то пизда вся внаруже будет, и что эдак-то хорошо еться: не надо и подмахивать. Попробуем-ка, дружок!

Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около её(я) ног и притянул их покруче к шее, и давай качать. Тут ночлежник как бросится сверху да как закричит во все горло:

— Караул! Рятуй, хозяин![4] Твоя дочь пропала: волки голову отъели.

Любовник соскочил да к дверям, а ночлежник схватил его за шиворот.

— Нет, брат, стой! Погоди маленько!

Старик со старухой услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели, выбежали из клети и к дочерниной постели; щупает ее старик руками и нащупал впотьмах пизду и жопу, оробел: вить это, (думает), одно туловище — головы-то нету, и закричал на старуху:

— Давай скорей огня! Теперича нашей дочки нет живой на свете!

А сам крепко ухватился и держится за[5] пизду и жопу и плачет по дочери.

---

[1] *Было*: чтобы [пять или десять голов] волки не отгрызли.
[2] *Далее*: [ночлежник в сенях]
[3] *Далее*: [над]
[4] *Далее*: [хозяин]
[5] *Далее*: [жопу и]

Принесла баба огню. Глядь — а дочка-та связана!

— Господи Боже мой! Что это такое?

— А вот-он, дядюшка, волк-та! — говорит ночлежник, держа[1] полюбовника за ворот[2].

— Эка ты, сукин сын! — закричала старуха[3]. — Разя не мог ты иначе с дочкою сделаться? Разя не мог[4] поеть ее попросту?

И[5] давай толкать[6] любовника в шею; так и вытолкали! А дочь развязали.

— Сделай милость, дружок, — просит старик ночлежника, — не сказывай никому нашего горя: вот тебе за то двадцать пять рублев!

— Нет, дядюшка! Не скажу; Бог с вами![7] Какое мне дело!

Поутру угостил старик ночлежника и проводил за деревню. Пошел парень домой, идет, а навстречу ему целая ватага нищих с котомками.

— Послушайте, нищенькие, — стал он говорить им, — ступайте вот в эту деревню, там на самом краю живет мужик богатой, нонче он делает поминки по своей дочери, у которой волки голову отъели. А мужик-то доброй, он вас примет, накормит и напоит, еще и в котомки накладет!

Нищие[8] прямо туда и потащились, пришли на двор, выстроились в ряд и дожидают обеда. Хозяин увидал:

— Ишь сколько их нашло!

Взял большой каравай хлеба, разрезал и обдарил всех по куску. А нищие все стоят, не идут со двора вон.

— Чего ж вы дожидаетесь? — спрашивает мужик. — Вить вам дали милостинку!

— Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли нам пообедать да помянуть твою дочку.

— Какую дочку?

---

[1] *Далее*: [за шиворот ночного]
[2] *Было*: [ши]ворот
[3] *Было*: закричал стар[ик]
[4] *Далее*: [без пояса ее]
[5] *Было*: [тут]
[6] *Далее*: [гостя в шею и]
[7] *Далее*: [Мне]
[8] *Начато*: [Пр<ямо>]

— Да которую волки съели.

— Кой черт вам сказал; у меня дома все благополучно!

— Да нас послал к тебе эдакой-то парень.

— Ну, ну, проваливайте! — закричал мужик.

Нищие ушли со двора, а хозяин говорит:

— Ну, старуха, пропали мои деньги![1] Только понапрасну дал этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота — полон двор нищих нагнал! Подикась он теперича по всем деревням славу пустит! Да еще коли сват про то узнает, так дело наше дрянь выйдет!

Меж тем парень шел-шел и пришел домой.

— Ну что, сынок, видел свою невесту? — спрашивают его отец с матерью.

— Ах, батюшка! Не досаждайте мне, лучше бы совсем не видать.

— Что так?

— Да вить у моей нареченной невесты — царство ей небесное! — Волки голову отъели, одно туловище оставили; завтра хоронить будут!

— Эка беда-то стряслась над ними! Надыть, старуха, поехать да проститься, пока не похоронили. Люди они для нас были хорошие! Запряги-ка нам, сынок, лошадок, мы[2] со старухою к свату поедем...

Сын запрег лошадей, они сели и поехали. Подъезжают ко двору, а сват увидал и выбежал навстречу.

— Здравствуй, сват! Как Господь милует? Милости просим в избу, гости дорогие!

А гости унылым голосом отвечают:

— Спасибо, сватушка! Мы к тебе не гостить приехали, а проститься с твоею дочкою. Верно, не судьба нам быть в родстве с тобою.

— Отчего же, сват?

— Да вить у тебя несчастье в доме: волки голову у дочки отгрызли!

— Когда? Кто это вам сказывал?

— Да сынок, вить он у тебя прошлую ночь ночевал, все сам и видел.

---

[1] *Далее*: [Дал]

[2] *Далее было*: [поедем]

— Вот те раз! Дак это твой сын был! Нечего делать: хоть дочка моя и жива, да дело-то неладно!

Потолковали и разошлись с Богом; с тех пор и перестали они называться сватами.

б

Отпросился солдат в отпуск; шел-шел путем-дорогою, и пришлось ему ночевать у одного попа. У этого попа была дочь, и солдат уж дорогою слышал про нее, что к поповне ходит полюбовник. Сели ужинать; поп и спрашивает:

— Служивой! Где ты служишь-та?

— В Питере, батька.

— А что, часто царя видаешь?

— Да безперечь.

— Не слыхать ли у вас чего нового?[1]

— Слыхать-то слыхать, да говорить нельзя!

— Скажи, свет!

— Тады узнаешь, как указ будет.

— Пожалуста, свет, скажи!

Пристал поп к солдату, как банный лист к жопе.

— Ну, батька! Будет новая форма бабам нащет ебли, ноги в хомут и голову в хомут — так и ебись! Эдакая теперь пошла строгость во всем: даже еть нельзя без формы!

— Что делать! Ихняя воля! — сказал поп.

А дочь сидит себе да слушает. Вот легли спать: дочь на печи[2] , а солдат на полатях.

— Дай, батюшка, мне полено, — говорит солдат попу.

— А на что тебе, кавалер?

— Да у вас, пожалуй, ночью волки ходят!

Поп рассмеялся, подал ему полено и говорит попадье:

— Вишь, рассказывают, в Питере дураков нет; а вот — солдат, да и тот с дурью;[3] коли так в избу ходят волки?

Вот в самую полночь пришел полюбовник к поповне на печь и хочет на нее лезть; она ему не дает.

---

[1] *Далее*: [— Есть, батька,] х[о]ть [и] говорить нельзя!

[2] *Было*: [полатях]

[3] *Далее*: [про волков]

— Найди, — говорит, — хомут! Теперь на то новая форма царем установлена. Нынче солдат батьке сказывал!

— Да где я тебе хомут-то возьму?

— В сенях на гвозде висит.

Вскочил он, принес хомут[1], надел поповне на ноги, а там задрал ей ноги кверху как можно покрутее и просунул в хомут поповнину голову. Только стал было ее запендрячивать, а солдат соскочил с полатей да как урежет его поленом по жопе, а сам кричит благим матом:

— Батюшки, волки!

Полюбовник удрал, не кончив дела, а поп с попадьей бросились на печь посмотреть: не съели ль волки поповну? Поп схватил ее за пизду, попадья за жопу, и голосят себе.

— Ах, бедная дочка! Отъели у тебя волки голову!

А солдат вздул огонь — и на печь: тут поп с попадьей увидали, что дочка-то жива, в хомуте сидит[2]. Солдат[3] посмотрел и закричал:

— Да как вы смели без указу государева эдак делать?

— Не сказывай, служивой, — просит поп, — вот тебе сто рублев.

Солдат взял деньги и говорит:

— Ну, батька[4], так и быть — ей по глупости прощаю, а коли б ты сам[5] да с попадьей стал эдак еться — тысячи[6] рублев бы не взял!

70

БАБЬИ УВЕРТКИ

— Тетушка! Я хочу у тебя попросить...

— Ну, говори, что тебе нужно?

— Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно.

Тетка сейчас догадалась:

— Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удо-

---

[1] *Далее*: [просунул в него поповне но<ги>]

[2] *Было*: [сидит] в хомуте

[3] *Начато*: [А с]олдат

[4] *Далее*: [Ей еще] по глупости [её(я)]

[5] *Далее*: [эдак]

[6] *Далее*: рублев не взял [бы]!

вольствие, да вить ты не знаешь наших бабьих уверток.

— Авось, тетушка, как-нибудь и увернуся!

— Ну, хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко.

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору[1], а кругом двора-то была набросана кострика. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит!

— Посмотри-ка, старик! — говорит тетка. — Кто-то ходит около избы: не зверь ли какой?

Дядя открыл окошко и спрашивает:

— Кто там по ночам шляется?[2]

— Это я, дядя, — отвечает племянник.

— Кой черт тебя сюда занес?

— Да что, дядя! За спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять венцов, а я говорю — в десять. Вот я и пришел пересчитать.

— Разве он, старой черт, разум-то прожил! — говорит дядя. — Вить сам же рубил со мной избу в десять венцов!

— Так, дядя, так; вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!

На другой день парень сказал тетке:

— Ну, тетушка! Эдак, пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а попадешься!

— Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? А ты знаешь, где наша закута, куда овец загоняют: туда и приходи нынюшню ночь. Уж я к тебе непременно выйду!

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, прижался в угол и поджидает тетки. А тетка[3] говорит своему[4] мужу:

— Поди-ка, хозяин! Что-то у нас на дворе не здорово: нет ли зверя? Овцы наши что-то всполошились; уж не волк ли к ним забрался?

Старик вышел на двор и спрашивает:

---

[1] *Далее было*: а) [под окно, а тут] была на[сыпа]на;
б) [под окном-то]

[2] *Было*: [кой черт таска]ется?

[3] *Начато также*: [А тетка]

[4] *Далее*: [хозяи<ну>]

— Кто здесь в закуте?

Племянник выскочил:

— Это я, дядюшка!

— Зачем тебя черт занес в эдакую пору?

— Чего, дядюшка! Отец не дает мне спокою; чуть не дошло у нас до драки.

— За что ж так?

— А вот за что: он спорит, что у тебя девять овец, а десятой баран; а я спорю, что у тебя только девять овец, а барана вить ты зарезал?

— Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал! Да вить он, старой дьявол, сам был у меня на крестинах и ел баранину! Даром что он мне брат родной, а я завтра как увижу его — сейчас в глаза наплюю.

— А мне что? Даром что он мне отец родной — пойду ему да бороду выдеру; а то вить и сам не спит и людям не дает! Прощай, дядя!

— Прощай! С Богом!

А тетка так со смеху и катается. На третий день племянник увидал тетку и говорит:

— Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобою, право, пропадешь!

— Эх ты, Ваня, Ваня, какой глупой! Дядя-то с тобой разговаривает, а мне как к тебе выйтить? Вот теперя два раза увернулся, смотри в третий раз не дай маху. Ночью приходи[1] к нам в избу, вить ты знаешь, где мы спим[2], да как нащупаешь — так и валяй: у меня жопа-то будет заворочена.

Только легла тетка спать с мужем и говорит ему:

— Послушай-ка, что я тебе скажу: чтой-то мне мочи нету, спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к стенке.

— Мне все равно! — сказал старик и полез на край.

Полежала-полежала тетка да и вздумала:

— Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть, печь-та[3] закрыта.

---

[1] *Далее*: [к нам ночью]

[2] *Далее*: [-то]

[3] *Было*: [окно-то]

А сама хвать его рукой за жопу:

— А ты всё в портках! Ах ты — прелыя муде! Ты бы спросил хоть у Лукьяна али у Карпа: спят ли они когда в портах с своими женами?

Он послушал ее ума-разума[1], скинул портки и заснул: жопа заворочена! Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню да сейчас в сени, приложил ухо к дверям: в избе тихо, отворил дверь потихоньку, вошел в избу и ну щупать около постели; нащупал дядину жопу и обрадовался голой сраке; вынул свой кляп и наставил дяде в жопу: как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за хуй. А тетка спрашивает:

— Что ты, что ты, старик?

— Вставай скорей! — закричал дядя на жену. — Зажигай[2] лучину: я вора поймал.

Тетка вскочила, побежала: будто огонь дуть; да взяла воды и остальной огонь залила.

— Что ж ты копаешься?

— Да огня нету!

— Беги к соседу!

— Как я[3] пойду! Теперь дело ночное, волки таскаются.

— Ах, мать твою растак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-та. Да смотри не упусти.

Покедова дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разбудил его и рассказал, что случилось, да добыл огня — тетка[4] в это время оставалась с племянничком в избе.

— Ну, — говорит, — теперича делай со мной что хочешь!

Вот он положил ее на постелю и отработал ее два раза. Тетка проводила парня и думает: «Что сказать мужу? Как-де вора упустила!»

Спасибо, на ее счастье, не так давно отелилась корова, и теленок-то был привязан к ихней кровати. Баба хитра,

---

[1] *Было*: ум[ного] разум[у]

[2] *Начато*: [дуй]

[3] *Далее*: [теперь]

[4] *Было*: [жена]

ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает:

— Жена, что ты держишь?

— Как[1] дал ты, так и держу!

Мужик так рассердился, схватил ножик и отрезал теленку голову.

— Что ты, с ума сошел али взбесился? — закричала на него жена.

Он скинул свои портки и показывает ей жопу.

— На-ка, посмотри, мать твою ети! Как он меня лизнул! Коли б еще раз лизнул — кажись, и жив не был бы!

Повстречалась тетка с племянником и говорит:

— А что, Ваня, купишь мне красные башмаки?

— Отчего не купить! Вот завтра в город поеду и куплю.

— Купи, Ваня, я те заслужу.

А Ванька-то был не промах, пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок да в платок завернул и несет тетке.

— Что, Иванушка, купил?

— Купил.

— Дай-ка я попробою.

— Сперва заработай!

Привел ее в сарай, платок с вилком положил ей под голову и давай попирать тетку; попирает, а капуста[2] в головах скрипит да скрипит.

Тетка говорит:

— Скрипи не скрипи, а быть на ногах!

А парень:

— Съешь и в пирогах!

71

СТРАННЫЕ ИМЕНА

[а]

(«Странные имена»)

Жил-был мужик с женою. Поехал на поле пахать, только прошел одну борозду и выпахал котелок с деньга-

---

[1] *Далее*: [ты]

[2] *Далее*: [под] голов[ой все] скрипит

ми. Обрадовался мужик, схватил котелок и только хотел припрятать — подходит солдат, увидал деньги и говорит:

— Послушай, мужик! Это мои деньги. Коли отдашь их мне, то сколько борозд пропашешь нынче, столько и котелков с деньгами найдешь!

Мужик подумал-подумал и отдал солдату[1] свою находку. Начал опять пахать, прошел одну борозду — нет денег, прошел другую — тоже нет!

«Видно, соху пущаю мелко!» — думает мужик и пустил соху поглубже: едва лошадь тянуть сможет! А денег все нету. Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать:

— Какой ты хозяин! Бога ты не боишься, поди-кась как лошадь упарил! Зачем так глубоко пашешь?

— Послушай, жена! — говорит мужик. — Только приехал я на́ поле да прошел первую борозду — сейчас и вырыл котелок, полной денег. Да принеси на ту пору нечистая сила солдата: коли ты, говорит, отдашь мне эти деньги, то сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь. Я ему и отдал свою находку; стал пахать да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко; ну, взял и пустил ее поглубже. Пахал-пахал, целой день пахал, а толку нету!

— Экой ты дурак! Попало счастье, не мог сберечь. А в какую сторону пошел солдат?

— Да прямо вот по этой дороге.

— Пойду-ка его догоню!

И пошла хозяйка с своим сынишком догонять солдата; шла-шла и видит: идет впереди какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнала.

— Здорово, служивой! Куда Бог несет?

— Иду в отпуск, голубушка!

— А в какую деревню?

— Да в такую-то.

— Ну и мне туда ж надо; пойдем вместе.

— Пойдем.

Идут вместе и разговаривают.

---

[1] *Далее*: [котелок]

— Как тебя, голубушка, зовут?

— Ах, служивенькой, нас с сыном так зовут, что и сказать стыдно.

— Что за стыдно! Украсть — стыдно, а сказать — ничего, все можно.

— Да вишь, меня-то зовут *Насеру*, а сынка — *Насрал*.

— Ну что ж — это ничего!

Пришли они на постоялой двор и легли ночевать; только солдат заснул, баба вытащила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился — а денег нету и стал звать:

— Насеру! Насеру!

А хозяин услыхал и говорит ему:

— Служивой, ступай в нужник срать.

Солдат видит, что баба не окликается, давай звать мальчика:

— Насрал! Насрал!

А хозяин заругался:

— Экой ты, служба! Таки насрал в хате!

Взял солдата и выгнал вон.

[6]

(«Небывалые имена. а»)

Жил-был поп с попадьею; понадобилось попу нанять троих работников. Запрёг он пару лошадей и поехал по деревням искать батраков себе. Только что выехал за околицу, попадается ему навстречу один бродяга.

— Куда ты, свет, идешь?— спрашивает поп.

— Иду, батюшка, в работники наниматься.

— А я сам, свет, ищу работников; мне троих нужно. Хочешь, наймись ко мне на год.

— Пожалуй, я не прочь.

— А что возьмешь?

— Да двести рублей.

— Ладно, только мастер[1] ли ты работáть?

[1] *Было*: [сумеешь]

— Еще бы! Я умею и пахать и махать!

— Хорошо, свет! Ступай к попадье.

— Нет, батюшка, дай вперед хоть половину, чтоб сумненья не было.

Поп дал ему сто рублей, а сам спрашивает:

— Послушай, свет, как тебя звать?

— *Пила*.

— Ну что ж, имя[1] хорошее; ступай с Богом, а я поеду — другаго работника поищу.

Мужик тотчас переоделся в иную одёжу, забежал попу вперед и спрашивает:

— Позвольте, батюшка, узнать: куда вы путь держите?

— Да вот ищу, где бы нанять[2] работников; уж одного нанял[3], а еще двух надо.

— Где ж вы, батюшка, наняли?

— Да вот на дороге сам мне попался.

— Какой такой?

— Да еще не стар, детина рослой[4], говорит: «Умею и пахать и махать».

— Ах, батюшка, ведь это мой брат родной!

— То-то он на тебя и похож.

— Уж наймите, батюшка, и меня.

Поп согласился[5], дал ему другую сотню рублей, наказал идти к попадье и спрашивает:

— А как тебя, свет, по имени зовут?

— *Была*, батюшка!

— Что такое за имя? Кажись, этакого в святцах нет!

— Да я и сам дивлюсь; видно, поп с сердцóв на моего отца так меня назвал.

— Ну, ничего, свет! Ступай с Богом; я поеду теперь искать третьего батрака.

Мужик опять переоделся в иное платье, так что и признать его нельзя; забежал[6] вперед и идет к попу навстречу.

Поп увидал и крикнул:

---

[1] *Было*: [прозвище, имя]

[2] *Далее*: [двух]

[3] *Было*: на[шел]

[4] *Далее*: [на тебя похо<ж>]

[5] *Было*: [наня]

[6] *Далее*: [по новой] и идет

— Стой, свет! Куда идешь?

— Иду, батюшка, работы искать.

— Чего искать! Наймись ко мне.

— Извольте, батюшка! Сколько на год положите?

— У меня цена двести рублей положена; сто рублей вперед, а сто — когда год отслужишь.

Мужик на то согласен. Поп отдал ему третью сотню и спрашивает:[1]

— Скажи, свет, как тебя зовут?

— Стыдно, батюшка, сказывать.

— Ничего, говори смело!

— Да вот, батюшка, в ту пору, как я народился, попта наш деревенской пьян был, стал крестить[2] и нарек[3] мне имя *Пизда*.

— Ну, свет, не стыдись! В миру́ всяко бывает. Ты теперича ступай ко мне домой, а я недалеча[4] съезжу, зятя проведаю; к вечеру назад буду.

Поп поехал к зятю, а мужик с деньгами удрал, куда сам ведал. Вот ввечеру приезжает поп домой, отпрёг[5] лошадей, вошел в избу, смотрит — ни одного батрака не[6] видать; стал попадью спрашивать:

— Послушай, мать, где *Пила*?

— Что ты, батька! Я нигде *не пила*, маковой росинки во рту не было.

«Видно, этого не знает! — думает поп. — Спрошу про другаго».

— А где *Была*?

— Да что ты — ума решился? Где я *была*? Нигде не была! Дома сидела.

— Эх, попадья![7] Али ты ничего не знаешь? Где же *Пизда*?

Попадья заворотила подол, указывает[8] на свою дыру:

---

[1] *Было*: [наказывает]
[2] *Далее*: [меня]
[3] *Было*: [дал]
[4] *Далее*: [к куме]
[5] *Было*: от[лежил]
[6] *Далее*: [на дворе]
[7] *Было*: [Ничего] ты не знаешь[-то!]
[8] *Далее*: [ему]

— Вот где!

Тут только поп смекнул, что[1] пропали у него триста рублей! Да что с возу упало, то — пиши — пропало!

[в]

(«Небывалые имена. b»)

Был-жил поп с попадьей, у них была дочка — собой хороша. Пошел поп батрака нанимать; идет дорогою, и попадается ему навстречу доброй молодец.

— Не наймешься ли, свет, ко мне в батраки? — спрашивает поп.

— Изволь, наймусь!

— А что возьмешь?

— Больше денег не возьму!

— Экой веселой! Как же тебя звать?

— Ах, батька! Нельзя сказать.

— Скажи, брат!

— Меня, батька, худая мать рожала, а дурной поп крестил — дурное имя дал.

— Ничего, скажи!

— Меня зовут: *После-доебешь*!

— Ну что ж! Видно[2], так надыть было; попы в книгах читают, по-божьему разсужают!* Пойдем свет! — говорит поп.

Приводит его домой[3], а как звать батрака, попадье не сказывает. Вот как-то ни попа, ни поповны в избе не было, попадья и спрашивает:

— Скажи, батрак, как тебя звать по имени?

— Ах, матушка, стыдно признаться.

— Ничего, сказывай, ведь я не девка — мне[4] не грех признаться!

— Меня зовут: *Возле*[5]*-жопы-пизда*!

---

[1] *Далее*: [денег]

[2] *Было*: В[ерно]

* Т. е. судят.

[3] *Было*: [Вот] при[шли они в попову избу]

[4] *Далее*: [можно] не грех [сказать]

[5] *Было*: [около]

— Ну что ж! Это правда.

— А вы, матушка, никому про мое имя не сказывайте, а то смеяться будут.

— Что за смех!

После того случилось поповне быть одной-одинехонькой дома, стала она батрака выспрашивать:

— Как тебя, молодец, зовут?

— Ах ты, моя матушка-голубушка! Ты не поверишь, как[1] я тебе скажу; подумаешь, что смеюся!

— Не бойся, сказывай!

— Меня зовут: *На-пизде-блоха*.

— Что ж такое — не велика беда. Ведь, чай, поп давал имя?

— Вестимо[2] — поп[3].

Вечером собралась попова семья; поужинали и стали спать ложиться: мать с батькою на кровати, поповна на полатях, а батрак норовит поближе к ней.

— Чтой-то, — говорит, — мне холодно; пойду на печь!

Ночью батька с маткою стал хуем баловать, а батрак заехал[4] к их дочке под подол; поднял сорочку и давай свое перо в ее чернилицу макать. Поповна проснулась и кричит благим матом:

— Ох, матушка, больно!

— Отчего[5] тебе больно? — спрашивает попадья.

— *На-пизде-блоха* кусается!

— Ах ты, дурочка![6] Что ж мне? Не лезть же к тебе да блоху ловить!

— Ой, больно!

— Да ты плюнь да потри!

— Я и то плюнула да потерла, дак дальше поперло!

Мать встала, смотрит: батрак дочь нажаривает, и принялась попа тормошить:

---

[1] *Было*: [что]
[2] *Было*: [И то]
[3] *Далее*: [Пришла ночь, стали]
[4] *Далее*: [под подол]; [на дочь]
[5] *Далее*: [дура тебе там]
[6] *Далее*: [плюнь да потри!]

— Батька, а батька! Чуешь ли:[1] у нашей дочери *Возле-жопы-пизда*!

— Эка, глупая! Я сам знаю, что[2] у ней возле жопы пизда; так завсегда бывает! — говорит поп, повернулся на другой бок, да вспомнил, что ихние лошади не кормлены, и кричит батраку: — *После-доебешь!* Поди лошадям сена задай!

— Ну что ж ты орешь? — говорит батрак поповне. — Видишь, батька сам приказывает. Вот я пойду, задам лошадям сена да опять на тебя полезу.

И с той поры стал батрак[3] жить с поповною; набил ей брюхо, рассчитался с попом и пошел в свою деревню.

[г]

(«Небывалые имена. Вариант» [с])

Жил поп с попадьей, у них была дочь. Вот хороша́. Поп нарядил стро́шного (*батрака*) для домашней работы. Живет строшной день и два, едет в лес по дрова; на третий день приехал домой, сел обедать. Поп и спрашивает у него:

— Как тебя, строшной, зовут? Мы все зовем строшной да строшной, а имени не знаем.

Строшной говорит:

— Меня, батюшка, зовут *Любодей*.

На четвертой день приехал строшной из лесу, сел обедать. Попадья и спрашивает:

— Как тебя, строшной, зовут? Я доселе не ведаю!

— Меня, матушка, зовут *Любодеишь*.

На пятой день приехал строшной с дровами из лесу и сел обедать; попова дочь стала спрашивать:

— Как тебя зовут? Мы все зовем строшной да строшной, а имени не знаем.

Строшной говорит:

— Меня зовут *Душно*.

Вот вечером лег строшной спать на голбец, а поп с по-

---

[1] *Далее*: [Около жопы]
[2] *Далее*: [про? пизда]
[3] *Далее*: [поживать]

падьей на пол, а дочь на полати. Немного погодя строшной взял да и взлез на поповну.

Она закричала:

— Душно! Душно!

А попадья думает, что ей стало жарко, да и кричит:

— Любодеишь! Отвори-ка окошко!

А поп себе:

— Любодей! Не отпирай, не отпирай! И так хорошо!

Нечего делать, поповна замолчала, после встала, отряхнулась, сама усмехнулась.

72
ПОП И ЦЫГАН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был цыган, у него был отец-старик. Крепко старик заболел, лежит в постели; а сын ходил-ходил за ним да потом и бросил. Что отец ни попросит у него — пить або что, — цыган будто не слышит; только думает, кабы поскорей помер!

— Э, сынку, сынку! — говорит отец. — Ты вже не став[1] мене и за батька почитаты[2], а я ж тебе на свит родив!

А сын ему отвечает:

— Серу твого батька! Ты не мене робыв, а свою душу солодыв (*услаждал*). Полизай ты к матери в сраку, то я, батько, и тебе перероблю.

Отец вздохнет и промолчит. Пришло время: помер старик. Одели его и положили на лавке. Лежит покойник, борода у него длинная; накурили в избе ладаном[3], все готово: пошел цыган за попом.

— Здраствуй, батиньку!

— Здорово, цыган! Что скажешь?

— Мой батько помер, пиди[4] — похорони.

---

[1] *Далее*: [уж] мен[я]

[2] *Далее*: [я знаешь, вить я] теб[я] на св[ет] роди[л].

[3] *Далее*: [и пошел]

[4] *Было*: [приды его]

— Невжли помер?

— Помер, легкий ему опочывок! Лежить на лавке, как Спас, и бородку свою распас, любо-мило по хатоньке походите и на его билое тило посмотрити. Да, кажись, батиньку, он и просвятится, бо так и пахнет от него ладаном!

— Что же, цыган, есть у тебя деньги — за похороны заплатить?

— За шо тоби деньги платить? За тое стерво, шо лежить на лавки, черной, як головешка, а вытаращыв зубы, як бешена собака. Дай щэ тоби за него деньги платити! Пожалуй, не приходь хоронить, я тоби приволоку его за ноги: шо хошь, то и роби з ним, хоть соби на вечину копти да жры!

— Ну ладно, ладно, — говорит поп, — сейчас прийду да похороню.

Воротился домой цыган; вслед за ним пришел и поп; тут отпели цыганова отца, положили во гроб, снесли на кладбище и похоронили.

— Невжли[1] ты, — говорит поп цыгану, — нисколько не заплатишь мне за своего отца? Тебе грешно будет!

— Ах, батиньку! — сказал цыган. — Сам знаешь, яки у цыгана деньги: було трошки, усе потратыв на поминки; а ты, батиньку, повремены до ярманки, добуду денег — отдам тоби!

— Ну, хорошо, свет! Подождать можно.

Началась ярманка, поехал цыган в город — лошадьми менять; поехал и поп по своим делам. Вот[2] и попадается цыган попу навстречу.

— Послушай, цыган, — напоминает поп, — время тебе деньги отдать!

— Якие деньги? За шо тоби отдавать?

— Как за что? Я твоего батька схоронил.

— А тож мини и треба![3] Я скилько ни ищу свого батька, нияк не могу найтить; чужие батьки лошадьми меняють, а мого нима. А се ты, псяча-козляча твоя борода! Похороныв мого батьку!

---

[1] *Далее*: [же]

[2] *Было*: [Вдруг]

[3] *Было*: [А, батеньку, дак [А дак] тебе-то и нада!]

Ухватил попа за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать:

— От тоби, псяча-козляча борода! Хоть сдохны да роды мого батька! А то задеру кнутом!

Насилу поп вырвался из цыганских рук да давай Бог тягу!

С тех пор полно спрашивать с цыгана денег.

73
ДОБРОЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой:

— Ну, работник! Служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет, — говорит поп, — Бог даст — переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено[1].

— Хорошо, батюшка!

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать; мы пойдем на поле — косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком.

Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до[2] самого полдника без роздыху.

— Как вам угодно, батюшка! Пожалуй, и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули — и сыты. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем, и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка! Полудновать — так полудновать.

---

[1] *Было*: [траву]

[2] *Далее*: до пол[удня] без [остановки]

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.

— Все равно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем, и заночуем на поле — завтра раньше[1] на работу поспеем.

— Давай, батюшка!

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда! Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

74

БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД

Был поп, содержал на большой дороге постоялой двор. Идучи с заработков, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем:

— Что, свет, хороша ль работа была? Много ль денег заработал?

— Сот пяток несу домой.

— Это доброе дело, свет! Давай-ка с тобой[2] посмотрим да об заклад побьемся на эти пять сотен;[3] коли выиграешь — будет у тебя целая тыща (тысяча).

— О чем нам с тобой спорить-то?

— А вот что: живи у меня сутки, пей-ешь что твоей душе угодно, только до ветру не ходи: вытерпишь — твое счастье, а не вытерпишь — мое![4]

— Изволь, батько!

И ударились об заклад.

Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина;

---

[1] *Далее*: [встанем]
[2] *Было*: [мн]ой
[3] *Далее*: [-то]
[4] *Было*: [мое заплатишь]

парень давай уписывать, нажрался и напился до того, что вздохнуть невмоготу[1]. Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось срать:[2] невтерпеж пришло!

— Что делать[3], — говорит он попу[4], — отопри, батька! Проспорил!

Поп[5] обобрал с него деньги и отпустил домой начисто-ту. Понравилось[6] попу огребать денежки; надул еще двух-трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга. Шел он домой с работы, а денег в мошне-то[7] у него меньше гроша; пришел к попу ночевать.

— Откуда идешь? —спрашивает поп.

— В работниках жил[8], теперя иду домой.

— А много ль денег домой несешь?

— Тысячи полторы будет!

Поп как услышал — чуть не подскочил от радости.

— Давай, — говорит, — об заклад биться:[9] ешь и пей ты у меня что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки. Вытерпишь — я плачу тебе полторы тысячи, а не вытерпишь — ты мне заплатишь. Хошь?

— Давай, батька!

Уселся мужик и давай угощаться: поп не успевает носить кушаньёв да вина подливать[10] — так все и прибирает.

Нажрался, напился и спать повалился; <поп>[11] его и запер накрепко. Ночью проснулся мужик и так захотелось ему до ветру, что, кажись, последнюю калитку ломает[12] — туго приходит! Мужик увидал: на гвозде висит

---

[1] *Далее*: [Прошел день. Дня] не прошло, [захотелось]
[2] *Далее*: [пришло]
[3] *Далее*: [проспорил]
[4] *Далее*: [отвори]
[5] *Далее*: [обобрал сейчас-то]
[6] *Начато*: [Так]
[7] *Было*: [кар<мане>]
[8] *Далее было*: [зовут Какофием]
[9] *Далее*: [— О чем, батька, коли]
[10] *Было*: [нали<вать>]
[11] *В рукописи описка*: Мужик.
[12] *Далее*: [так]

большая попова шапка, снял ее[1], навалил ее больше половины и опять повесил на стену, а сам улегся спать.

Прошли сутки; мужик[2] давай стучать:

— Отпирай, батько!

Поп отпер, осмотрел везде — нигде не видать насранного. Тут мужик и прижал попа:

— Подавай денежки!

Поп морщится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает:[3]

— Как тебя, проклятой, зовут-то? Николи тебя пущать не буду!

— Меня зовут Какофием, батько! — отвечал мужик.

Взял денежки и ушел. Остался поп один и раздумался: жалко[4] стало ему денег.

— Пойду с горя лошадей посмотрю![5]

Схватил со стены шапку и напялил на голову: говно и потекло оттуда по голове на шею ему и на плечи. Поп еще пуще взбесился, выскочил на двор, сел верхом на лошадь и погнал по большой дороге; а навстречу ему извозчики едут. Поп и спрашивает:

— Не видали ль, ребята, *Какофья*?

— Видим[6], видим, батька, каков ты! Неча сказать, хорош! Кто тебя так славно изукрасил-то?

С тем поп и воротился.

75

КАКОВ Я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватой, что Боже упаси! Стибрил где-то сотню рублев и убежал из своей деревни; шел-шел и выпросился переночевать у попа.

---

[1] *Далее*: [и]

[2] *Далее*: [прижал попа]

[3] *Далее*: [на прощанье]

[4] *Далее*: [ему]

[5] *Было*: [До[На]гоню мужика, авось выможжу как-нибудь [назад] свои деньги!]

[6] *Далее*: [видим [каков] неча сказать, хорош]

— Ступай, — говорит поп, — ты у нас места не пролежишь!

Пришел мужик, разделся и лег на лавке[1]. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги — а на это они чутки! — и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть! Дай-ка напою его пьяным да и оберу!»

Вот поп немного погодя подошел к мужику и говорит:

— Пойдем, свет, с нами ужинать!

Мужик обрадовался:

— Спасибо, батюшка!

Сели ужинать; поп поставил вина и давай его наливать: так поштует[2] — просто отдыха не дает! Мужик напился пьян и свалился на пол; поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку. Наутро проспался мужик, глядь — а в кармане пусто; смекнул, в чем дело, — да что возьмешь. Коли просить на попа — так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам отколь пришел; еще беды наживешь!

Так мужик и ушел; таскался кое-где месяц, и другой, и третий — а[3] там и думает себе: «Чай, поп теперь меня позабыл;[4] оденусь-ка я так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить».

Пришел к попу в избу; а попа[5] на ту пору дома не случилося, одна попадья сидела.

— Пусти, матушка, передневать к себе!

— Пожалуй, иди!

Он вошел в избу и уселся на лавке.

— Как тебя зовут, свет? Откуда идешь?

— Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье.

На столе у попа лежала книга; вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет — будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает:

— О чем, свет, плачешь?

---

[1] *Далее*: [и заснул]

[2] *Было*: [подч<ует>]

[3] *Было*: [тут] там [как пооброс маленько-то]

[4] *Далее:* [вот]

[5] *Далее:* [дома]

— Как мне не плакать! В Святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим нечестиваго, что не ведаю, матушка, как еще Бог грехам-то терпит?

— А ты, свет, научóн грамоте?

— Как же, матушка[1], насчет этого дела я не обижен от Бога!

— А петь по-дьячковски умеешь?

— Умею, матушка, умею; с малых лет учился: весь церковной устав знаю.

— А у нас, свет, дьячка нету; уехал отца хоронить; не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?

— Хорошо, матушка! Отчего не помочь.

Приехал поп; попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на крылосе и молчит себе. Поп закричал на него:

— Что же ты стоишь молча, а не поешь?

А мужик ему:

— Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь!

И сел на жопу. Поп опять кричит:

— Что же ты сидишь, а не поешь?

— Пожалуй, я и[2] лягу.

И развалился на полу. Поп подошел и вытурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик[3] пришел к попу на двор. Попадья спрашивает:

— Что, отслужили обедню?

— Отслужили, матушка!

— А где ж батька?

— Он в церкви остался; надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новой тулуп, сукном крытой, да бобровую шапку: идти[4] далёко, дак он хочет потеплей одеться!

Попадья пошла за тулупом и шапкою[5]. А мужик[6] за-

---

[1] *Далее:* [слава Богу]
[2] *Далее:* [ляжу]
[3] *Далее:* [вороти<лся>]
[4] *Далее:* [как]
[5] *Было:* [дала ему и] тулуп и шапку
[6] *Далее:* [взял]

шел за избу, снял свою шапку, насрал полную и[1] положил ее[2] на лавку, а сам[3] взял поповской тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой; попадья увидала, что он в старом тулупе, и спрашивает:

— Где[4] ж новой тулуп-то?

— Какой?

Ну, тут рассказали друг дружке про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, что с говном лежала, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а говно из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал[5] к одной избе и спрашивает хозяина:

— Не видал ли *Какофья*?

— Вижу, батюшка, *каков* ты! Хорош!

Кого ни спросит — все ему одно отвечают.

— Какие дураки! — говорит поп. — Им одно толкуешь, а они тебе другое!

Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добрался.

«Ну, — думает, — что с воза упало — то пропало!»

Воротился домой, снял шапку, а попадья как посмотрела на него, сейчас завопила:[6]

— Ах, батька! Вить у тебя оспа на голове выходит!

— Что ты врешь! — сказал поп; пощупал[7] свою голову и всю руку в говно вымазал.

Тем сказка и кончилась.

76

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК[8]

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке; а у него много было приказчиков. Старшего из

---

[1] *Далее было*: [улуча время]
[2] *Далее:* [в избе]
[3] *Далее:* [драла] взял [новой]
[4] *Далее:* [дев<ал>]
[5] *Начато:* [Увид<ел>]
[6] *Было*: [так и закричала]
[7] *Далее*: [рукою]
[8] *В рукописи везде*: «прикащик»

приказчиков звали Потапом; детина он был видной, зачал к хозяйке подбираться, шутить с нею всякие шуточки[1], так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене:

— Послушай, душенька! Что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь...

— Что ты, Бог с тобой, соглашуся ль я![2] Не верь людям; верь своим глазам!

— Говорят, что он к тебе давно подбирался! Нельзя ли как-нибудь испытать его?

— Ну что ж, — говорит жена, — послушай меня, нарядись в мое платье и пойди к нему в сад[3] — знаешь, где он спит, да потихоньку шепотом и скажи: «Я-де к тебе от мужа пришла!» Вот и посмотришь тогда, каков он есть.

— Ладно! — сказал купец.

А купчиха[4] улучила время и научила приказчика: «Как прийдет муж, хорошенько его поколоти, чтобы он, подлец, долго помнил!»

Дождался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику.

— Кто это? — спрашивает приказчик.

Купец отвечает шепотом:

— Я, душенька![5]

— Зачем?

— От мужа[6] ушла да к тебе[7] пришла.

— Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу! А ты, блядь, хочешь, чтоб я совсем опостылел[8] хозяину!

И давай колотить купца по шее, по[9] спине да вповолочку:

---

[1] *Далее:* [и]

[2] *Далее было:* [— Я и сам] не вер[ю] людям; [а как увижу — так своим глазам и поневоле поверишь!]

[3] *Далее:* [ведь ты]

[4] *Далее:* [сейчас]

[5] *Далее:* [К тебе пришла]

[6] *Далее:* [ушла да к, урвалась и]

[7] *Далее:* [и]

[8] *Было:* опостыли[ть]

[9] *Далее:* [голов]

— Не ходи, мерзавка! Не страми меня; я ни за что не соглашусь на такия пакости!

Кое-как[1] купец вырвался, прибежал к жене и говорит:

— Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, страмить да бить — насилу ушел!

— Вот видишь, а ты всякому веришь! — сказала купчиха и с того времени стала[2] жить с приказчиком без всякого страху.

77
ПРЕВРАЩЕНИЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата — все женатые. Раз пошли они на охоту; долго ходили, только убить ничего[3] не случилось, и зашли они в темный лес. Бродили-бродили[4], застигла их ночь; попасть на дорогу никак не могут и решились[5] переночевать в лесу. Захотелось развести огонь, а как? Трут отсырел[6], сколько ни вырубали — не берет!

— Давай-ка, — говорят, — посмотрим во все стороны — не увидим ли где огня?

Стали высматривать по сторонам и приметили: в одном[7] месте горит малый огонек.

— Ну, братцы, кому за огнем идти?

— Давайте жребий бросим!

Бросили жребий, и досталось идти старшóму брату. Он не стал спорить, пошел на огонь[8], начал подходить и видит: сидит у огня старик и греется.

— Здраствуй, дедушка!

---

[1] *Было:* [насилу]
[2] *Далее:* [еще]
[3] *Далее:* [им]
[4] *Далее:* [по лесу и]
[5] *Далее:* [тут]
[6] *Далее:* [никак не]
[7] Далее: [<ме>сте]
[8] *Далее:* [стал]

— Здорово, добрый человек! Что хорошего скажешь?

— Дай огоньку!

— Хорошо, только скажи наперéд: ты женат али холост?

— Женат, дедушка!

— А веришь своей жене?

[1]Мужик подумал-подумал и говорит:

— Нет, не верю!

— Ну, получи огонь да ступай в свое место.

Взял он огонь и пошел назад. Стал подходить к братьям — чуть-чуть не дошел, у него огонь в руках и погас. Что тут делать?

— Ну, братцы! Я больше не пойду. Пусть кто из вас двоих пойдет!

Пошел средний брат. И с ним то же случилось, что с старшим братóм.

Пришлось идти за огнем самому меньшому. Пошел он к старику. Приходит и говорит:

— Здраствуй, дедушка! Дай, пожалуста, огоньку.

Старик спрашивает:

— А что, ты женат?

— Женат.

— А веришь своей жене?

— Верю, дедушка!

Старик встал с места и сказал:

— Ну, хорошо, коли веришь!

Подошел поближе[2] и дал ему щелчок в лоб: мужик в ту ж минуту оборотился козлом! Откуда явились рога и борода. Старик привязал козла к дереву и уселся попрежнему.

Стоит козел и думает: «Что такое сделал надо мною старик! Теперь я совсем пропал и молодую жену без мужа покинул!»

Братья ждали-ждали и думают:

— Верно, над ним что-нибудь худое сделалось! Пойдем, поищем!

Пришли к старику:

---

[1] *Начато*: [Подум.]

[2] *Было*: [к нему]

— Что, дедушка, не приходил к тебе за огнем наш брат?

— Приходил; он взял у меня огню[1], да попался ему знакомой человек, Никитою зовут; они вместе и пошли.

А козел смотрит на братьев умильно, а проговорить ничего не может. Братья хотели было уж назад поворотить.

— Послушайте, молодцы, — сказал им старик, — вот вам сто рублей, только возьмите от меня этого козла, приведите его домой и привяжите у кровати меньшаго вашего брата: пусть три дня постоит там. А после опять приведите его назад на это самое место; я заплачу вам за это еще сто рублей!

Братья с радостию взяли сотню рублей и повели с собой козла на веревочке. Пришли домой на деревню и спрашивают[2] у невестки, воротился ли меньшой брат?[3] А жена-то братнина отвечает:

— Нет, с тех пор не бывал, как с вами ушел.

— Ну, видно, повстречал кого да с ним и загулял!.. Вот что, невестушка, — говорят братья, — пусть этот козелок постоит у твоей койки три дня.

— Ступайте с ним к черту! Как бы не так, пущу я этакую[4] вонючую гадину стоять у моей койки!

Братья пристали к бабе, посулили ей[5] десять рублев. Она подумала-подумала да и согласилась: деньги годятся! Вот они и привязали козла у койки.

Стоит козел день, не евши, не пивши, на свою жену посматривает. А баба подступит к нему и заворчит:

— Экой черт проклятой! Как от тебя смердит-то! — и сунет его ногой под бок.

Попал бедный козел на поругание, так надо терпеть. Пришла[6] ночь, пора и спать ложиться. Прибегает к бабе полюбовник, сели они за стол, стали угощаться да целоваться[7], наугощались и легли на койке спать. Ну, полю-

---

[1] *Далее*: [и пошел было назад]
[2] *Далее*: [что]
[3] *Далее:* [дом<ой>]
[4] *Было*: этак[ого]
[5] *Было*: [дали ей]
[6] *Было*: [вот пришел]
[7] *Далее*: [и легли]

бовник-то свое дело знает, заворотил ей подол, не стал долго думать, а зачал ее скоблить. Как увидал это дело козел, не вытерпел, скочил на кровать и давай полюбовника в жопу рогами долбить. Тут и мужик и баба вскочили с койки, схватили с печки по ухвату и ну козла бить: все бока бедному отколотили; потом привязали его покрепче к койке, а сами опять легли и опять принялись[1] за свое дело блудное. Козел видит, что творится, а подступить не смеет: пожалуй, до смерти прибьют!

Переночевал козел так-то одну ночь, и другую, и третью. Вот пришли братья.

— Мы, — говорят, — теперь возьмем от тебя козла-то!

— Возьмите его, дьявола, всю избу загадил!

[2]Они отвязали его от койки и повели на старое место[3], в лес; привели к старику. Тот вынул кошель и дал им сто рублев по уговору, да подошел к козлу и только дал ему щелчок в лоб — козел сейчас сделался по-прежнему парнем. Старик его и спрашивает:

— Ну что, любезной, будешь теперича верить своей жене?

— Нет, дедушка! Не только сам верить не стану и товарищам своим закажу, чтоб никогда женам не верили!

— А что, — спросил старик, — хотелось бы тебе насмеяться над женою?

— Оченно желательно, дедушка!

Старик дал ему тонкой ремéшик и говорит:

— Вот тебе ремéшик; коли увидишь, что жена твоя станет что худое творить, то ты, ничего не говоря, возьми да и завяжи на этом ремешике один узелок. Теперича ступай домой, у твоей тещи свадьбу гуляют. Как прийдут тебя звать на свадьбу, ты отпусти наперед жену, а сам иди следом за нею по другой дороге да норови на свадьбу-то прежде прийтить. Как придешь, в избу-то не заходи, а ступай прямо в сарай и закопайся в сено. Тут сам увидишь, что с твоей женой подеется!

Пошел мужик домой, приходит, а жена:

---

[1] *Было*: [начали свое] дело [творить]

[2] *Начато*: [Бра<тья>]

[3] *Было*: на [то] место, [где]

— Ах ты, миленькой! Где по сю пору бывал?[1] Уж как же я рада, что ты воротился-то; у нас ведь веселье[2], брат мой женится; убирайся-ка да пойдем[3] на свадьбу.

— Ступай ты впереди, может, что-нибудь там пособишь, а я опосля прийду; надо отдохнуть маленько.

Баба оделась почище и пошла на свадьбу, а мужик вслед за нею по задáм да бегом;[4] прибежал, залез в сарай, запрятался в сено и сидит. Вот баба пришла на свадьбу, поздоровалась с роднею, немножко помешкала да отыскала своего[5] полюбовника, сморгонулась с ним и марш в сарай. Легла сейчас на сено, а полюбовник заворотил ей подол, залез на нее и начал качать. Муж видит, что они делают-то, да, не говоря ни слова, взял ремешик и завязал узелок. Баба с полюбовником своим вдруг и склещились, как собаки, не могут никак разойтись. Уж любовник и так, и сяк — нет, не сможет ослободиться. Приходит худо: возятся себе по сараю, а мужик выскочил из сена и говорит:

— А что, шельма, попалася!

Жена просит прощенья, а полюбовник тоже:

— Батюшка, прости!

— Нет, подлец! Не прощу; ты меня не прощал в тю́ поры, как стоял я козлом у койки.

Тут мужик отпустил ему горячих с полсотни[6], бросил их[7] в сарае склещенных, а сам в избу. Теща встречает его и подносит вина. Он выпил и спрашивает:

— Где ж, матушка, моя жена?

— Сейчас, — говорит, — здесь была, верно, на двор вышла.

Зять подождал маленько да опять к теще:

— Куда ж моя жена-то девалась?

— Подожди, сынок! Верно, сейчас воротится.

— Нет, матушка, не хочу дожидать; пойдем вместе искать ее, кажись, я видел, она в сарай пошла...

---

[1] *Было*: [по]бывал
[2] *Было*: [свадьба]
[3] *Далее*: [вместе; скорей]
[4] *Далее*: [залез]
[5] *Было*: сво[во]
[6] *Далее*: [да]
[7] *Далее*: [обе(о)их; обоих]

Пошли они в сарай. Приходят, а баба-то с полюбовником по сараю трудятся, таскают друг дружку. Теща видит, что дело не ладно; люди узнают — что стыда-то будет! Делать нечего, надо послать за Никитою-колдуном. Заложили пару лошадей и поехали за Никитою-колдуном. Он расспросил, что такое и как случилось; узнал про эдакую[1] беду и начал куражиться: и ехать-то не хочет! Тут его просить:

— Батюшка Никитушка! Сделай милость, пособи нашему горю.

Дали ему пятнадцать рублев денег; вот он собрался и поехал. Взошел он в сарай, поглядел и говорит:

— Эхма! Дело не ладно, подмутил кто-то! Ну да нам это не почем, все отделаю!

Взял Никита воду, стал ворожить, да потом надо было ему дунуть на самое то место, где баба с парнем склещились-то. Вот Никита-колдун пригнулся к ним и только дунул, а мужик взял сейчас на ремешке другой узел завязал — и в ту ж минуту Никитина[2] борода прикипела[3] к пизде и хую. Никита-колдун туда-сюда, нет, не может бороды оторвать; станет тащить — борода больно трещит[4]. Откуда ни взялось — сошлось народу видимо-невидимо и говорят:

— Теперича делать нечего, нужно послать[5] на село за Гришкою-колдуном, он больше Никитки знает!

Поехали за Гришкою-колдуном, стали его просить. Тот тоже ломается, не едет[6], хочет больше получить. Дали ему двадцать пять рублев, поехал и Гришка. Приезжает[7], видит, что дело не хорошо. Вот он и говорит:

— Эх ты, Никитка, и этого не смог сделать! Бросаешься в волки, а хвост собачий!

---

[1] *Было*: [т]акую

[2] *Было*: Никит[а-колдун]

[3] *Было*: при[росла]

[4] *Далее*: [Полюбовник прилип сверху, а он... Поневоле прилип к пизде с боку: хошь не хошь, а целуй пизду! С боку. Один прилип сверху, а другой прилип с боку: хочет не хочет целует(й) в пизду!]

[5] *Было*: [в д...]

[6] *Было*: не [хочет ехать]

[7] *Далее*: [и]

Зачал ворожить, пригнулся таким ж манером и только дунул, а мужик сейчас узелок на ремешке завязал — и Гришкина борода приросла к пизде с другого боку[1]. Припали колдуны Никитка с Гришкою с обе(и)х сторон, целуют пизду поневоле, не могут никак разделаться. Пуще того сбежалось к[2] сараю народу и говорят:

— Нечего делать, как разве всем миром просить Андрюшку-колдуна: тот всем колдунам колдун! Коли он не пособит, так никто[3] не поможет.

Сложились всем миром, собрали рублев пятьдесят и послали за Андрюшкою-колдуном. Андрюшка взял деньги, не стал куражиться и поехал прямо к тому месту. Вошел в сарай, как увидал, что сталось-то — и говорит:

— Ловко сделано! А, и вы тут, Никитка с Гришкою! Эх вы, колдунишки! Еще мелко[4] плаваете, коли такого[5] говна не смогли исправить: другого дела, знать, нечего с вас и спрашивать.

Начал Андрюшка ворожить да рукою пощупывать, только сунул[6] он к пизде руку и[7] стал пощупывать, а мужик[8] взял ремешок да завязал узелок — и Андрюшкина рука к пизде прилипла. Он и так, и сяк — нет, не сможет руки выручить.

— Вот беда! — говорит Андрюшка. — Что такая за чертовская напасть? Кто это хитрит? Я хитёр[9], а есть и хитрее меня!

Столпился весь мир, думал-думал и присудил: накрыть всех их рогожами, пускай под ними сохраняются, покудова совсем[10] изомрут. Тут мужик сказал своей теще:

— Как думаешь, матушка, а ведь окромя меня этого

---

[1] *Было*: друго[й сто<роны>]
[2] *Было*: [в] сара[й]
[3] *Далее*: [больше]
[4] *Было*: [мелко] еще
[5] *Было:* [и этого]
[6] *Было*: [за]сунул
[7] *Было*: [да на<чал>]
[8] *Далее*: [завязал еще на]
[9] *Далее*: [ажно]
[10] *Было*: [ни]

дела никто не разделает, а я коли́ захочу — всех сейчас распущу.

Теща ему говорит:

— Коли можешь, так делай! Довольно людей-то смешить!

Вот зять взял в руки хороший кнут и давай колдунов всех троих драть изо всей силы да приговаривать:

— Что, станете теперь колдовать?

Спустил им шкуры-то с шеи до самых пят и потом развязал на ремешке три узелка: колдуны дака друг за дружкою поскорее бежать. Андрюшка бежал-бежал впереди, да оглянулся назад и видит, что за ним бегут еще Гришка с Никиткою.

— Эй, братцы! — закричал им. — Пожалуста, не бегите друг за дружкою, а то, пожалуй, опять склещимся!

Тут они все трое и разбежались в разные стороны.

И говорит мужик че́стному миру:

— Люди добрые! Как[1] вы посудите, что мне с женою и ее полюбовником делать?

— Твоя воля! Делай что знаешь.

— Поведу их к помещику[2], пусть посмотрит и рассудит.

И велел им подыматься и идти к барину. Встали они коё-как на ноги, обхватили друг дружку руками и потащились боком, ногу к ноге переставливают; и тащились они, эдак склещонные, с утра вплоть до самого вечера. Идут мимо гумна, а там крестьянин на лопате рожь веял; увидал он такую оказию, удивляется:

— Что за дьявол! Отроду не видал такого дива, чтоб какой человек[3] с бабою склещился![4]

Подбежал к ним с лопатою, хотел разбить и только махнул лопатою промежду их, а мужик взял да и завязал на ремешке узелок. И тотчас приросла к ним лопата[5].

— Ах, батюшки! — кричит крестьянин. — Вот беда

---

[1] *Было:* [что]
[2] *Далее:* [(барину)]
[3] *Было:* [мужик]
[4] Было: склещи[лись]
[5] *Далее:* [к бабе]

приключилась: осталась на гумне рожь не убрана, набегут свиньи, налетит птица — все зерно переведет!

Так с лопатою и привел их мужик к барину; барин только дивуется! Мужик развязал узелки на ремешке[1], лопата наземь упала, и расклещился полюбовник с бабою. Тут им задали такую баню, что до новых веников не забудут. Тем и сказка кончилась.

78

МАЛЬЧИК-БЗДУНОК
(Сынок-бздунок)

Жили-были старик да старуха; детей у них не было*. Случилось однажды — зашел к ним странник. Стали они ему жаловаться, что вот дожили до старости, а детей Бог не дает. Странник[2] говорит:

— Я вас научу — будет у вас сынок-бздунок.

И научил.

Только ушел странник, старик говорит:

— Старуха, а старуха! Давай в кувшин бздеть.

— Давай!

Вот старик купил кувшин с широким горлышком, принес в избу, сел и давай в него пердеть: кряхтел-кряхтел — не мог сына выперднуть. После села старуха, как перднула — так и выскочил мальчик, да такой резвой: и ходит, и говорит, несмотря что малёшенек. Старик со старухой куды как рады были!

Наутро поехал старик с бороной на[3] поле, а баба напекла блинов.

— Сынок-бздунок! Снеси отцу блинков позавтракать.

Понес блины.

---

[1] *Далее*: [упала]

* *Вариант*: Как сынка добыть? Напердели, набздели в хлопок и положили в горнушку. И выскочил оттоль мальчик с ноготок, борода с локоток.

[2] *Далее*: [у вас]

[3] *Далее*: [в]

— Батюшка, покушай блинков, я за тебя поскорожу (скородить — боронить).

Старик[1] стал обедать, а мальчик уселся на борону и пошел работáть да песни распевать.

Едет мимо барин.

«Что за чудо! — думает. — Мужик обедает, а лошадь сама боронит пашню».

Подъехал к старику, давай его спрашивать.

— Да разве ты не видишь, что на бороне мальчик сидит?[2]

— Не вижу.

— Ну, приглядись, так увидишь.

— А не продашь ли его?

— Купи.

— Что стоит?

— Сто рублев.

Барин не рядясь заплатил деньги и взял мальчика; посадил его в карман* с орехами и поехал домой.

«Вот[3] так гостинец жене купил!» — думает про себя.

А бздунок перещелкал все орехи, насрал барину в карман, а сам (прорезал дырочки и) ушел подобру-поздорову.

Приехал барин домой.

— Здраствуй, милая! — говорит барыне. — Ступай сюда, голубушка: какой я тебе гостинчик привез!

— Да где же он?

— А вот здесь, в кармане; вынимай сама, да потихонечку.

Засунула барыня[4] в карман руку и вытащила оттуда полну горсть говна. Как закричит на мужа:

— Ах ты, подлец эдакой; вишь какой гостинец привез! Я такие[5] гостинцы от своих детей разов по пяти в день вижу!

Да хлоп его по уху замаранной рукою.

Видит барин, что дело-то неладно, почесал в затылке:

---

[1] *Начато*: [Муж]

[2] *Далее*: [той то мой сынок-бздунок]

* *Вариант*: в сумку

[3] *Далее*: [думает]

[4] *Далее*: [руку]

[5] *Было*: та[ких]

— Пропали, — говорит, — деньги ни за́ что![*]

А мальчик-бздунок шел-шел, а как настала темная ночь, спрятался в траве и лежит себе-полеживает. Только слышит он, идут три вора, сговариваются на ночную работу идти; остановился[1] один против того места, где бздунок лежал, и ну сцать: прямо на него угодил!

— Тише, вор проклятой! — закричал бздунок. — Эдак ты меня совсем зальешь.

Воры испугались да бежать.

— Куда вы бежите? — кричит он. — Воротитесь назад, пойдем вместе воровать.

Воротились они назад.

— Ну куда же идти?

— Да пойдем к старику.

— И, что вы! Он сам гол как соко́л; что у него взять? Пойдемте-ка лучше к попу.

Пошли к попу.

Мальчик-бздунок пролез в щель, отпер ворота и впустил воров. Украли[2] они у попа корову (быка); привели ее (его) в лес, зарезали и стали делить.

— Ну, братцы! Мне мяса не надобно; дайте мне требуху да кишки.

— Бери!

Взял бздунок требуху и кишки и побежал с нею[3] к попу в избу;[4] захотелось ему шутку подшутить. Видит, что

---

[*] В другом списке вместо барина выведен поп[1*]. «— Посмотри, матка, какой я тебе гостинец привез, — говорит поп.

Она полезла в карман и попала рукой в говно; крепко осерчала, стала попа ругать всячески:

— Ах ты, подлец, длинноволосая шельма! Отдал ни за́ что последние сто рублев!

Схватила кочергу и давай бедного попа по бокам валять[2*]. Навострил поп лыжи, она вдогонку за ним да все кочергой накладывает. Насилу уж к дьякону спрятался!»

[1*] *Далее было*: [...горсть говна. Разсердилась попадья]

[2*] *Далее*: [он]

[1] *Было*: останови[лись]

[2] *Было*: у[вели]

[3] *Далее*: [опять]

[4] *Было*: [на двор]

все крепко спят. Он[1] требуху[2] и кишки завалил промеж двух поповых дочерей, а промеж попа с попадьей сел да насрал; работнику привязал стул к бороде*, работнице

---

[1] *Далее*: [и положил попу]

[2] *Далее*: [попадье кишки, поповой дочери]

* *Вариант 1*: Попу подложил требуху, попадье кишки, а поповой дочери всунул в пизду бычачий хуй... Проснулся поп, кричит:

— Ох, батюшка! Черевья[1*] совсем вывалились!

Попадья говорит:

— А я родила на старости!

А попова дочь спрашивает:

— Кто это мне в пизду свечку засунул?

[1*] *Далее*: [мои]

Вариант 2: Взошел мальчик-бздунок в избу тихохонько; отыскал квашню с раствором и вылил весь раствор промеж попа с попадьей на кровать; работницам облил волоса варом; промеж поповых дочерей лег сам и закричал:

— Кува! Кува!

А батраку привязал к жопе воловий пузырь... Проснулась попадья, толкнула попа по́д бок и говорит:

— Что ты, патлатой, наделал?

Поп спросонок:

— Ах, матка, ты, никак, сбесилась! За что-про что сонного[1*] под бока толкаешь?

— Нет, это ты, проклятой, с ума спятил! Ишь насрал на постели.

— Никак, матка, это ты сама нагадила да на меня наговариваешь.

Стали спорить: поп на попадью[2*], попадья на попа сваливает. Стали будить[3*] батрака и работниц. Батрак встал, схватился рукой за воловий пузырь.

— Что это такое! — кричит. — Никак, понос пробрал — ажно кишка вылезла!

А работницы хотят подняться, возились[4*]-возились, а толку все нет, никак головы не подымешь[5*].

— Пусти[6*], блядь, зачем за волосы держишь.

— Нет, ты пусти, курва.

И подняли драку.

— Ишь разоспались, проклятыя, — говорит попадья[7*], — не могут опомниться!

[1*] *Далее*: [толкаешь]

[2*] *Далее*: [сваливает]

[3*] *Далее*: [работниц и]

[4*] *Было*: воз[ятся]

[5*] *Было*: подым[ут]

[6*] *Далее*: [мен<я>]

[7*] *Далее*: [опамятоваться] не могут [опамятоваться. «Возьми сам и вздуй огонь».]

вставил в жопу жилейку (дудку). Да тут ночевали еще слепые (нищие) — так тем волоса (виски) связал; а сам пошел на двор, закричал под окном во все горло:

— Воры, воры! Держите, ловите!

И слушает, что будет.

Проснулся поп, хватил рукой и попал в говно:

— Это ты, попадья, обосралась?

— Нет, это ты, батька, обосрался да на меня сваливаешь.

— Врешь, дура!

— Сам врешь, подлец!

И пошли спорить да перечиться. Проснулись и поповы дочери, схватились за требуху с кишками.

— Это ты, курва, родила! — кричит одна.

— Нет, (плёха) шельма, это ты родила! — кричит другая. — Разве я не знаю, как ты с молодыми парнями крутилася (таскалася).

Проснулись и слепые, хотят приподняться:

— Ах[1] ты, мошенник! За что меня за хохол схватил?

— Сам ты мошенник![2]

Хвать друг друга кулаком по рылу, и пошла драка да затрещины; а тут батрак с стулом возится; шум такой поднялся, что поп испугался и давай творить молитву да отчитывать нечистую силу[3]. Ничего не берет! Стал будить[4] работницу:[5]

— Вставай, свет! Дуй скорей огонь!

Работница бросилась к печке, достала уголь, только стала[6] дуть, а жилейка в жопе и заиграла[7].

Как услыхала она, что жилейка играет, — пошла по избе вприсядку.

— Матка, — кричит поп, — подавай книжку[1*], буду отчитывать от нечистаго!

Попадья вздула огонь...

[1*] *Далее*: [надо от нечистаго]

[1] *Было*: [что]

[2] *Далее*: [отвечает другой]

[3] *Далее*: [а потом да...]

[4] *Далее*: [батрака и]

[5] *Далее*: [Батрак с стулом возится]

[6] *Было*: [начала]

[7] *Было*: [зачала] игра[ть. Попадья...]

— Полно, окаянная, — кричит поп, — дуй огонь!

Работница только станет дуть, жилейка[1] заиграет — она опять вприсядку. Насилу уж догадалась вытащить из жопы жилейку и вздула огня. Тут вся семья разобралася.

Мальчик-бздунок побежал домой. Навстречу ему серый волк; схватил его и проглотил целого. Стоит бздунок[2] в волчьем брюхе, и никак не может волк его высрать. Плохо пришлось старому. Только подойдет к стаду, захочет овцу унесть — мальчик бздунок сейчас выглянет из жопы и закричит во все горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Волк овцу тащит!

Волк бежать, а бздунок орет:

— Тю-тю!

Что будешь делать?

Поворотил волк[3] к дереву — уж он трет-трет жопою о дерево — ничего не берет: мальчик-бздунок сейчас схоронится в брюхо, а как подойдет волк к стаду опять закричит:

— Пастух, пастух, овечий дух! Волк овцу тащит!

Просто хоть с голоду умирай.

— Вылези, — просит волк.

— Довези домой, вылезу.

Волк привез его[4] в деревню, бежит по улице, бздунок из жопы выглядывает и кричит:

— Это я еду к отцу, к матери!

Приехал; выскочил он из жопы, схватил волка за хвост.

— Бейте волка, бейте старого! — кричит на всю деревню.

Тут волка и порешили.

79

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ!

а

Был я мал, да умен. Было у меня ружье березовое, у дедушки дубовое. Поехали мы на охоту. Увидали: бегут

---

[1] *Далее:* [опять]

[2] *Было:* [он]

[3] *Далее:* [назад да]

[4] *Далее:* [к отцу, к матери. Мальчик-бздунок] выскочил

семь бирюков — серых волков. Я прицелился — да бух! Сразу трех положил. А мой дедушка испугался; от страху усрался. На ту пору был мороз — дед к куче примёрз, так[1] со всем добром и домой его привёз.

А бабушка испугалась, на печи усцалась — завелось у нас свое озеро. Был у дедушки неводишка худенькой; стали мы его крепить, да рыбку ловить, да бабушку кормить.

Слава Богу, стала наша бабушка поправляться[2], в обновы наряжаться; много у ней было одёжи — три старых рогожи да четвертой куль. Услыхал я, доброй мóлодец, что зá морем мухи дороги, а коровы дешевы; наловил мух и поехал зá море; наменял целое стадо и погнал домой.

Дедушка меня спрашивает:[3]

— Где ты, внучек, был да столько коров накупил?

— А в том самом месте[4], где стоúт баба за овином, а у ней в пизде роет свинья рылом.

— Помню, помню! — говорит дедушка[5].

Росла у нас на дворе береза и выросла до самого неба. А в то время сведал я, что на небе боги*[6] босиком ходят; надо, думаю, обуть их. Перерезал весь свой скот, содрал кожи и полез с ними нá небо. Только влез — боги ко мне бегом да бегом; так и обступили: я кому котики сошью, кому сапоги смастерю. Большим-то богам по семи сапогам, а маленьким божкам — по трём[7] сапожкáм.

Всех обул! Пошел по небу разгуливать. Смотрю: Илья-пророк на богов сапоги чистит; нанялся к нему в работники. Пожил я тут недолгое время: работа мне, добру молодцу, не приглянулася, больно копотно! Стал искать другой работы; только куда ни ходил — нигде не нашел. Дай нáземь спущусь. Пришел к той самой дыре, откóль на небо[8] вполз. Глядь — березы словно и не было! Нечего делать; стал я

---

[1] *Далее*: [с кучей]; [с говном и]
[2] *Далее*: [да]
[3] *Далее*: [скажи], внучек, [где ты был]
[4] *Далее*: [говорит]
[5] *Далее*: [там бывали мы с тобою]
* *Вариант*: святые
[6] *Далее*: [босые ход<ят>]
[7] *Было*: [семи]
[8] *Далее*: [-то]

ко́поть с себя обирать да веревку вить. Свил веревку и привязал к бревну; бревно-то положил на дыру, а по веревке давай вниз спускаться. Спускался-спускался, да вдруг оборвался и попал в тину по самые уши. Прилетела утка, свила себе в моих волосах гнездо и нанесла яиц[1]. Пришел бирюк, поел утиныя яйца, повернулся задом и стал в гнездо пакостить[2]. А я его за хвост как свисну[3], как гаркну! Он бежать да дристать! Так меня и вытащил.

б

Как у нас на селе подралась попадья с дьяконицей; маленько поноровя́, черт треснул пономаря; поп затужил и обедни не служил. Собирались сельски, деревенски, господски, посадски; собиралось семьдесят семь нищих; плели они лычной колокол о́ сто пудов. Повесили на крапивной сук, ударили в соборе не рано; услыхали люди не мало: Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: куричьи сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор — ни мал, ни велик — с комарье плечо. Пошел с ним во чистое поле — пресвятое дерево рябину рубить. Впервы́я тюкнул — пошатилась, вдругоредь тюкнул — повалилась. Он рубил-рубил — ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал, никто не спознал. Спознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колёска, повезли на небёска. На небёсках стои́т церковь — из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитёр бывал: взял — калач переломил да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа — пряничны (или: свечи лутошны, образа — лубошны); стои́т поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил:

— Когда у вас бывает репно заговенье?

---

[1] *Далее:* [Повадился] бирюк [яйца есть. Пришел раз...]
[2] *Было:* [дристать]
[3] *Далее было:* [как][да]

Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал да с неба упал*.

80
СОКОЛИНАЯ МАТКА

Шел мужик путем-дорогою, зашел на постоялой двор ночь ночевать; ночевал тут и помещик. Стал он мужика расспрашивать, про то, про се разведывать.

Долго ль барину осерчать? Рассердился он на мужика ни за́ што ни про што и давай его тузить: так избил, что на́долго не забудешь. Вот мужик разузнал, куда барин путь держит, встал рано поутру и пошел по той самой дороге, где и помещику надо ехать; насрал на дороге[1] большущую кучу и накрыл ее шляпою, а сам сидит — дожидается. Вот едет барин.

— Эй, мужик! Что ты шляпою накрыл?

— Соколиную матку[2].

— Продай мне.

— Изволь, барин!

— А что возьмешь?

— Сто рублев.

— Хорошо, да в чем же повезу ее?[3]

— У меня для нее золотая клетка есть, только дома оставил!

— Ступай[4] на моей лошади да привези поскорей.

Кучер отстегнул пристяжную лошадь, мужик сел и поскакал во всю прыть.

Барин ждал-ждал — нет мужика.

— Эй, — говорит кучеру, — давай посмотрим, что за

---

* *Вариант*: Выскочил тут попок — толоконный лобок[1*], сам низок, на нем семьдесят семь рогожанных ризок. Поп-ат присел[2*], он его съел да с неба слетел.

[1*] *Далее:* [поп-ат присел]

[2*] Далее: [а] он его [и] съел, [и]

[1] *Далее*: [цел<ую>]

[2] *Далее*: [барин!]

[3] *Было*: [— Вот тебе сто рублев], да [как же повезу я домой] ее? [Везти-]

[4] *Далее*: [поскорей]

соколиная матка? Ты подымай шляпу да потихоньку[1], а я стану птицу ловить[2].

Сказано — сделано; размахнул барин обеими руками и схватил полную кучу говна! Кучер увидал и засмеялся, а помещик осерчал и давай ему харю мазать: все ё говном выпачкал!

А мужик и теперь поживает да жену пожимает!

81
ВОР

а

В некотором царстве, в некотором государстве[3], кажись в том, где мы живём, жил-был царь на царстве, король на королевстве, а[4] еще жил-был старик со старухою; насрали они четверик с осьмухою, стали весить — пудов с десить. Это не сказка, а присказка; сказка будет впереди — завтра после обеда, наевшись мягкого хлеба!

У того старика был сын Климка, большой вор. Пошел Климка на промысел. Идет, а навстречу ему другой вор.

— Пойдем, — говорит, — вместе.

— Пойдем; воровать — не устать, было бы у кого!

— У меня на примете вдова, очистим-ка у ней дом и анбары[5].

— Нет, это, брат, не годится: у вдовы — трудовое, слезовое; полезим к попу, он и с живых, и с мертвых дерет!

— Что ты! У попа собаки лихия, подойти нельзя.

Климка говорит:

— Вот нельзя! Обертывай меня в солому да перекинь к попу через тын; хоть и увидят собаки, ничего не сделают...

Встречный вор обернул Климку в солому и перебросил к попу на двор. Климка покатился по двору прямо к анбарам. Прибежали собаки, та хватит, другая хватит, видят, что это солома катится, посцали на нее и пошли прочь. Климка залез в анбар, набрал полное корыто муки,

---

[1] *Было*: потихон[еч]ку
[2] *Далее*: [Руки засун<ул>]
[3] *Далее*: [а]
[4] *Было*: [да]
[5] *Далее*: [— Этое] [Эх]нет

замесил на вине и[1] вынес собакам. Собаки съели, опьянели и крепко заснули; а Климка отворил[2] ворота́ и впустил своего товарища; обчистили они вдвоем все анбары и клети и увезли поповское добро на[3] поповской же кляче.

Дошла весть о Климкиных проказах и удали до само́го барина. Призвал он Климку к себе:

— Скажи мне по правде-по совести, чем ты, Климка, кормишься? Чем занимаешься?

— Ворую да блядую, сударь!

— Что ж ты сумеешь украсть?

— А все, что прикажете.

— Ну, укради нынешнюю ночь у моей жены золотое кольцо с пальца.

— Украду, коли сто рублев за работу пожалуете.

— Пусть будет так! А коли не украдешь?

— Зна́мо дело: воля ваша, спина наша!

Вечером лёг барин с барыней спать, у кровати положил горничную, а дверь на замок запер. Климка[4] побежал в барскую кухню, набрал полную миску квасной гущи* и пошел[5] потихоньку к спальне; подошел и начал[6] царапаться в дверь ногтями да кричать по-кошачьему:

— Мяу, мяу!

Услыхал барин и говорит девке:

— Встань, Машка! Поди отопри дверь да впусти кота:[7] вишь просится!

Машка отворила дверь и не увидела впотьмах, как проскользнул[8] Климка в спальню и под кровать залез; улегся там и озывается: «Мяу!»[9]

— Ну, теперь закрой дверь да ложись спать, — говорит барин горничной.

---

[1] *Далее*: [бро<сил>, кину<л>]
[2] *Далее*: [поповские]
[3] *Далее*: на [попов[ских]ых же лошадях]
[4] *Далее*: а) [в то время забрался];
б) [поскорей] побежал, [залез сперва]
* *Вариант*: схватил квашню с тестом...
[5] *Было*: по[до]шел
[6] *Далее*: [царапаться ногтями]
[7] *Было*: ко[шку]
[8] *Далее*: [в спальню]
[9] *Далее*: [Мя<у>]

Долго ждал Климка, надоело ему лежать под кроватью.

«Эка, — думает он, — дурная я башка! Был в кухне да не взял[1] пирожка: теперь было бы чем закусить!»

Наконец и барин, и барыня, и ихняя девка все заснули крепка. Климка-вор вылез из-под кровати, заворотил барыне подол и всю гущу вывалил ей промеж ног; а сам[2] в углу в сторонке стал.

Немного погодя проснулся барин и захотелось ему ебнуть;[3] сейчас растревожил барыню[4] и полез на нее, хвать рукою — и прямо в гущу.

— Что ты, душенька! Не с ума ли сошла? Преж с тобой этого не случалось, а теперича сколько насрала — всю постель замарала!

Барыня и сама слышит, что под ней больно мокренько; стала правою рукою облапывать и[5] замарала[6] в гуще и пальцы[7] и кольцо.

«Ну, — думает, — попала в говно!» Взяла поскорей сняла с руки кольцо, положила его на столик и принялась кричать вместе с барином:

— Машка! Машка! Ты все дрыхнешь, беспутная! Вставай да беги за огнем на кухню.

Девка[8] вскочила как встрепанная и побежала за огнем, а Климка-вор схватил[9] со стола золотое кольцо и марш за нею вслед; выскользнул из спальни и побежал во всю прыть домой.

Машка засветила[10] свечу, принесла[11] в спальню; стали смотреть — вся постель в гуще.

— Кажись, не говно! — говорит барин. — Дай понюхаю!

Понюхал — не тем пахнет.

— Понюхай ты, душенька!

---

[1] *Было*: [Шел сюда] да не [захватил]
[2] *Было*: [опять под кровать]
[3] *Было*: [барыню поеть]
[4] *Было*: [ее]
[5] *Далее*: [всю руку в]
[6] *Далее*: [руку же; всю]
[7] *Было*: [руку]
[8] *Было*: а) [Машка]; б) [Горнишная]
[9] *Было*: [подхватил]
[10] *Было*: за[жгла]
[11] *Далее*: [к барыне]

Барыня[1] ткнулась носом в перину:

— Нет[2], не говно! Что ж бы такое было?

Долго б они думали[3]-гадали, кабы не вспомнила барыня про кольцо: хватилась — а его на столике нету. Искать-искать — нет, пропало!

— Ну, душенька! — говорит муж. — Верно, эту штуку сыграл с нами Климка, больше некому!

Наутро посылает барин за Климкою:

— Ты унес кольцо?

— Я, барин.

Заплатил ему барин сотню рублев и опять наказывает:

— Слушай, Климка, унеси у меня шкатулку с деньгами да уеби мою барыню — дам тебе другую сотню.

— Изволь, барин! Коли взялся за гуж, не говори, что не дюж: назвался вором да блядуном, так уж назад нечего пятиться!

— Смотри ж, чтоб все было исполнено[4] нынешней ночью, а[5] не то — в Сибирь сошлю!

Вот барин наточил, заострил саблю и стоит с самого вечера над шкатулкою. «Доеду же, — думает[6], — теперь мошенника Климку; не захочет в другой раз воровать!»

А Климка-вор прокрался в церковь[7], утащил из гроба покойника, что в тот день помер, принес к барским хоромам и ну совать его в окно. Барин как махнет саблею и[8] разрубил мертвецу голову[9].

— Ох, батюшки! Умираю! — завопил Климка, бросил покойника и спрятался за забор.

Барин выбежал на двор, глянул — лежит под окном мертвое тело.

«Ну, — думает, — убил Климку, надо поскорей зарыть его в яму, а то утром дознаются еще. Беды наживешь!»

---

[1] *Далее*: [носом]
[2] *Далее*: [говорит, это]
[3] *Далее*: [кабы]
[4] *Далее:* [в]
[5] *Далее*: [не; если]
[6] *Далее:* [теперь]
[7] *Далее*: [вытащил]
[8] *Далее:* [так и от]рубил
[9] *Далее:* [вор бросил его наземь, да]

Подхватил мертвеца и поволок его за ноги в сад. Добыл заступ и принялся[1] копать могилу. Вот, пока он рыл землю да хоронил покойника, Климка, не будь глуп, бросился в господские хоромы, прямо в спальню, и[2] лег на постель[3] рядом с барыней. Она его не признала, думает — барин пришел, давай его целовать, обнимать, крепко к сердцу прижимать. Климка[4] не стал долго мешкать, поднял у ней сорочку и[5] пошел свое дело делать: славно отработал барыню! И показалось ей больно хорошо. Говорит ему барыня:

— Сколько лет живем мы с тобой, душенька, а ни разу еще не пробирал ты меня так всласть, как сегодня!

Полежал-полежал Климка, слазил на барыню и в другой, и в третий раз, а потом спрашивает у ней:

— А где наша шкатулка с деньгами?

— Какой ты чудной, душенька! Сам[6] под кровать спрятал да и спрашиваешь!

— Позабыл, милая! Дай-ка посмотрю, цела ли?

Встал с постели, взял шкатулку, вышел из комнаты — и след простыл. Пока это сделалось, барин вырыл яму[7], закопал мертвеца и крепко[8], бедной, устал, уморился; воротился домой, лег на постель[9] и говорит барыне:

— Давай, душа, перепехнемся разочек!

— Что это нынче с тобой? — спрашивает[10] барыня[11]. — Какой ненаёба стал! Давно ли три раза сделал, да опять за то же!

— Как три раза! Когда?

— [12]Пожалуй, еще отпираться станешь! Ну[13] в то са-

---

[1] *Далее:* [рыть]
[2] *Далее:* [улегся возле]
[3] *Далее:* [возле]
[4] *Далее:* [поднял ей сорочку и принялся]
[5] *Далее:* [пошел; давай]
[6] *Далее:* [в; под кровать; на; под стол; на стол поставил]
[7] *Далее было:* [мог<илу>]
[8] *Далее:* [уморился]
[9] *Далее:* [полежал немножко]
[10] *Было:* [отвеча]ет
[11] *Далее:* [ты и так]
[12] *Начато:* [Вот]
[13] *Было:* [Еще]

мое время, как ты о шкатулке вспомнил да вытащил[1] ее из-под кровати и[2] понес в иное место прятать.

— Ах, мать его растак! Ведь это Климка был!

Посмотрел барин под кровать — и в самом деле шкатулка унесена. Тотчас же велел позвать Климку.

— Ты украл шкатулку с деньгами?

— Я, сударь.

— Ах ты, мошенник, сукин сын! Да знаешь ли[3], ты у меня в Сибиры не найдешь места!

— Стой, барин! Не пугай; не страшно! Ты лучше отдай сто рублев по уговору да напиши мне вольную, а коли не отдашь денег, не напишешь вольной — я в донос пойду: скажу, что ты человека убил да в саду зарыл.

Нечего делать барину, отдал ему сто рублев и отпустил на волю.

Узнал как-то поп Сивая Борода, что Климка-вор[4] барыню уёб, и начал смеяться над барином.

«Хорошо ж, — думает барин, — я тебе отсмею ту насмешку!»

Велел позвать Климку; тот пришел.

— Здорово, Климка!

— Желаю много лет здраствовать!

— Удружи, любезной! Сыграй какую-нибудь шутку над попом Сивою Бородою; сто рублев дам.

— Изволь, барин! Сыграю.

Побежал Климка к старосте, поддел ключи церковные[5] да сделал[6] крылья. Вечером, когда уж порядком стемнело, взял мешок и вошел в церковь. Нарядился в поповския ризы, подвязал себе крылья[7], засветил у образов свечи, а сам взлез на царския врата и запел заутреню. Пономарь увидал, что церковь в такой неурочной час вся освещена, пошел доложить про то попу. Поп Сивая Борода бросил-

---

[1] *Было*: вы[нул]
[2] *Было*: [да]
[3] *Далее*: [и я тебя] в Сибиры [сошлю, в К]
[4] *Далее*: [у барина]
[5] *Далее*: [вечером]
[6] *Далее*: [себе] крылья [из]
[7] *Далее*: [взле<з>]

ся в церковь, отворил дверь, и напал на него страх великий: не бесовское ль это наваждение?

— Отче святой! — говорит ему Климка. — Не бойся меня: я не дьявол, не бес, я — ангел с небес, послан Богом за праведными душами. Ты, святой отче, угодил Господу, и дошла твоя молитва до само́го Христа; велено взять тебя живаго в рай.

— Ангел небесной! — отвечает поп Сивая Борода. — Позволь до дому сходить, с попадьей, с детьми проститься.

— Ступай, да[1] не согрешай! Готовься предстать пред Господа не аки блудник, аки труженик и постник!

Приходит поп домой:

— Прощай, свет моя попадья, прощайте и вы, детушки; прислал за мной Господь ангела небесного взять от жития сего суетного.

— Постой, батька, — говорит попадья. — Ты бы съел чего на дорогу, чай, путь не близкой.

— Нет, попадья! Иду к самому Христу — так поститься надо.

— Ничего, батька! Съешь[2] хоть гороховой похлебки — все на животе лучше будет!

Пристала к попу: съешь да съешь. Сивая Борода взял[3] ложку, хлебнул раз-другой и пошел в церковь.

— Готов, отче? — спрашивает Климка-вор.

— Готов, — отвечает поп.

— Ну, садись в мешок.

Поп влез в мешок; Климка завязал его туго, принес на барской двор и повесил на качели, а к столбу прибил ярлык с такой надписью: «Всякой, кто прийдет на барской двор, обязан ударить по тому мешку три раза дубиною». И дубину положил возле — крепкую, вязовую.

На другой день идут к барину мужики, торгаши, слуги, и всякой, кто ни прийдет, непременно огреет попа дубиною три раза.

Сивая Борода ажно кряхтит в мешке.

---

[1] *Далее*: [берегись]
[2] *Было*: [Отхлебни]
[3] *Далее:* [и]

— Господи! — говорит. — Согрешил я[1] перед тобою, съел гороховой похлебки, а все попадья окоянная![2] Лучше б было не ходить домой, не прощаться с нею!

С утра до самого вечера били попа Сивую Бороду, а потом барин велел его выпустить.

— Молодец, Климка! — сказал барин. — Хорошую сшутил над попом шутку, — и дал ему сто рублев на разживу.

6

Живал-бывал Микулка-вор. Услыхал про него барин, что Микулка хоть что́ так украдет; призывает его и говорит:

— Украдь из-под меня с барыней пуховик; коли украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей.

— Идёт! — отвечает Микулка.

— Когда ж воровать прийдешь?

— Нынче ночью.

— Ладно!

Барин лег спать с барыней, а Микулка еще спозаранок забрался к нему под кровать; выждал, когда все уснули, вылез[3] из-под кровати, забрался на постель, снял портки и напакостил промеж[4] барина с барыней. Напакостил — и опять под кровать.

Барин проснулся; вонь так и несет.

— Барыня! Ты усралась?

— Врешь, это ты наворотил!

И подняли[5] шум. Спорили-спорили, никто не переспорит.

— Ну, душенька, — говорит барин, — видно, мы оба усрались; давай вытряхать перину.

Встали оба[6], ухватились за перину — да никак не стащут; принялись звать человека. Тут откуда ни взялся Микулка и потащил перину на двор.

---

[1] *Далее:* [аки]

[2] *Далее:* [Приставала]

[3] *Было:* вы[скочил]

[4] *Было:* [посеред]

[5] *Далее:* [промеж]

[6] *Далее:* [взялись] за перину, [начали вытряхать в окно [трясти] и уронили на улицу]

Барин думает, что это ихний слуга.

— Смотри же, — приказывает, — хорошенько вытряхни, чтоб чисто было!

Микулка унес перину к себе; а барин с барыней ждали-ждали, так и не дождались. Кого ни спрашивали[1] — никто ничего не знает. Утром приехал[2] Микулка на барской двор и перину привез:[3]

— Принимай, барин! Да плати[4] сто рублей.

— Возьми хоть двести, только никому не сказывай, что мы с барыней опакостились!*

---

[1] *Было*: спр[осят]

[2] *Было*: при[шел]

[3] *Было*: [прита<щил>]

[4] *Было*: [подавай! мне]

* *Вариант*: Микулка купил коровью требуху, взял дудку и пошел в барския хоромы; прокрался тихохонько, видит — все спят, и принялся за работу; двум девкам косы связал, няньке-старухе засадил в жопу дудку, а к барыне под подол требуху положил. Барин проснулся ночью — что-то мокро ему показалось; хвать рукой и попал в требуху. Толкает барыню:

— Что ты, душенька, родила, что ль?

— Вот еще выдумал. Я и брюхата не была![1*]

— Ну так усралась?

— Сам ты[2*], дурак, усрался![3*]

Стал барин людей звать. Девки вскочили.

— Что ты дерешься? — кричит одна.

— А ты чего в волоса вцепилась? — кричит другая.

И давай друг дружку по зубам валять. На тот шум проснулась старуха, захотела бзднуть, дудка и заиграла. Старуха принялась молитву творить:

— С нами крестная сила! Мать Пресвятая Богородица!

Видит барин, что никого не <до>зовешься, никакого толку не доберешься, взял перину и выбросил в сени: поутру-де люди встанут — вычистят. Микулка поднял ее на плечи и унес домой. На другой день спрашивает его барин:

— Ты украл перину?

— Я.

— Ну, укради же теперь жену.

— Украду!

Стал Микулка думать, как бы обделать это дельце похитрее, и надумал: поймал маленького поросенка, заколол его, ошпарил, обчистил,

[1*] *Далее*: [от<вечает>]

[2*] *Далее*: [дурак]

[3*] *Далее*: [дурак]

Через неделю зовет барин Микулку.

обрубил хвост, ноги и уши, а вечером затесался к барину под кровать. Выждал время, когда барин с барыней захрапели, вылез из засады, заворотил барыне хвост и положил поросенка промеж ног, рылом к дыре.

Барыня проснулась, схватилась рукой за поросенка и[1*] давай будить барина.

— Послушай, душенька! Ты спишь — ничего не слышишь, а нам Бог благодать послал — ведь я не то сынка, не то дочку родила!

Барин взял поросенка, ощупал и сказывает:

— Ахти![2*] Ребенок-то без рук, без ног, неживой уродился! Ступай, отнеси его на двор да зарой где-нибудь в уголку, чтоб никто про то и не знал, и не ведал!

Барыня взяла поросенка и понесла из хором[3*].Только вышла из[4*] дверей, Микулка схватил ее в охапку, зажал рот и марш[5*] домой. Принес[6*] барыню, уложил[7*] спать на перину и сам лег с нею[8*]. Барин ждал-ждал; нет[9*], не приходит жена[10*] в спальню. Побежал на Микулкин двор[11*]; давай в ворота стучаться:

— Эй, Микулка, у тебя моя барыня?[12*]

— Есть, — говорит, — у меня барыня, только не знаю, твоя ли? Теперь темно — не разберешь; приходи завтра поутру.

Воротился барин домой, словно не солоно похлебал.

— Экой подлец! Спит теперь на моей перине да с моей женою, а меня и знать не хочет!

Рано утром отправился барик к Микулке. Входит в избу, а он нарочно лежит с барыней да прохлаждается: и вставать не хочет[13*].

— Отдавай, сукин сын, барыню!

— Разве на то воруют, чтоб назад отдавать; мне и самому жена надобна.

Торговаться — торговаться, и сошлись наконец: выкупил барин жену за тысячу рублей.

Вишь, каковы[14*] у бояр жены-то дорогия!

1* *Далее*: [думает]
2* *Далее*: [Ой, ведь]
3* *Было*: [горницы]
4* *Было*: [на]
5* *Было*: [бегом]
6* *Было*: прин[осит]
7* *Далее*: [спать]
8* *Далее*: [спать]
9* *Было*: [видит]
10* *Далее*: [назад]
11* *Далее*: [увидал старика]
12* *Далее*: [Может, и у меня!]
13* *Далее*: [Отда[ва]й барыню!]
14* *Далее*: [нынче]

— Украдь, — говорит, — у меня жену. Украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей.

— Изволь, барин!

Воротился Микулка домой и велел купить водки да закусок разных, а сам пошел попа в гости звать. Поп тому и рад. Известное дело, у попа глаза завистные, рад на чужой счет нажраться-напиться. До тех пор тянул поп водку, пока с ног свалился. Микулка раздел его чуть не до грешного тела. Нарядился в поповскую рясу и пошел на барской двор. Смотрит: кругом стоят сторожа с дубинами, все барыню берегут. Вошел Микулка в хоромы.

— Здраствуйте, батюшка! — говорит барин.

— А я[1] мимо вашего двора[2] шел, — сказывает[3] облыжной поп, — смотрю, стоят везде сторожа с дубиною; дай, думаю себе, зайду да разузнаю, что такое?

— Знаете ль вы, батюшка[4], Микулку-вора?

— Как не знать! Такой плут, каких еще не бывало, давно бы повесить пора!

— Вот он самой и похвалялся[5] украсть нынешнею ночью мою барыню.

— Неладно дело! От него, хоть втрое больше поставь сторожей[6], все не убережешься!

— Да что ж мне делать-то?

— А вот что́. Отошлите-ка свою барыню (да потихоньку, чтоб никто не знал) к[7] моей попадье; пусть вместе ночь проведут. Хоть Микулка[8] и прийдет воровать, так барыни не найдет.

— И то правда! Спасибо вам, батюшка, что надоумили!

— Я, пожалуй, сам и провожу барыню.

Повел Микулка барыню, только не к попу на двор, а прямо к себе на постель.

---

[1] *Далее*: [мимо шел; вашего вот]
[2] *Далее*: [говорит]
[3] *Далее*: [ему]
[4] *Далее*: [вора]
[5] *Далее было*: [в нынешнюю ночь] украсть [у меня]
[6] *Далее*: [все] все не [убере]
[7] *Далее*: [к<о> мне в дом. Она вместе с мо<ей>]
[8] *Далее*: [хоть] и [явится]

Наутро посылает барин к попу за женой, а тот еще спит с похмелья.

Попадья говорит:

— Никакой барыни у нас не было, да и муж с самого вечера, как[1] притащили пьяного от Микулки[2], никуда не выходил из дому[3]. Лежит словно убитой и не ворохнется.

Нечего делать, пришлось барину выручать свою жену от Микулки; заплатил ему сто[4] рублей, взял[5] барыню и пошел домой — только в затылке почесывается.

Случилось попу быть у барина в гостях; зашла речь про Микулку, что вот-де вор такой хитрой: с живого штаны сымет!

А поп говорит:

— Кому как, а мне Микулка не страшен! Я и сам хитер!

— Ну, батька, не хвались, прежде Богу помолись[6].

И приказывает барин своим холопам позвать Микулку:[7]

— Поп-де не верит твоей удали[8], так покажи ему!

— Отчего не показать? Рад стараться.

— А ну, — говорит поп, — украдь у меня сто рублей.

— Украду.

— Да как же ты украдешь, когда я их повешу на шею себе?

— Про то мне знать!

Поп, как приехал домой от барина, сейчас вынул из сундука сто рублей, завернул в лоскутье и повесил на шею.

Уж на дворе давно темно[9] — поп все не спит, боится, как бы вор не явился да не стибрил денежек.

Микула подвязал себе крылья, взял большой кошель,

---

[1] *Далее*: [привел<и>]
[2] *Далее*: [так]
[3] *Далее*: [да куда идти-то?]
[4] *Было*: [сотню]
[5] *Далее*: [жену]
[6] *Далее*: [— Позвать [сюда], — говорит, — Микулку!]
[7] *Далее*: [— Вот, — говорит,]
[8] *Далее*: [что]
[9] *Далее*: [на дворе]

собрался и полез[1] к попу в окно. Поп видит: крылатый человек у окна, и принялся читать заклятие:

— Сгинь, пропади, дьявольское наваждение!

— Я не бес, — говорит Микулка, — я —ангел с небес.

— Почто ты ко мне прилетел?

— Господь велел взять тебя на небо; садись в кошель.

Поп сел в кошель. Микулка поднял его и понес на колокольню; начал было[2] подыматься по лестнице, остановился и говорит:

— Отче! Ты или согрешил, или при тебе есть что мирское; больно тяжело тебя нести![3] Покайся наперед в грехе и сбрось с себя все мирское.

Поп вспомнил, что[4] у него на шее сто рублей привешено, снял их и отдал[5] вору. Микулка втащил его на самой верх, привязал к перекладине и давай отзвонивать во весь колокол.

Стал народ просыпаться; что за звон такой?

Побежали все на колокольню, нет никого (Микулка уж успел улизнуть с поповскими деньгами!). Только мешок на перекладине болтается.

Сняли мешок[6], распутали — а в нем поп сидит!*

82

ШУТ

В некоторой деревне жил мужичок бедной-бедной, с женой и детишками; дошло до того, что кормиться нечем. Только был он на шутки горазд; вот и говорит:

— Жена! Я на хитрости подымусь, авось как-нибудь прокормлюсь.

Взял он саночки, взвёз на горку, сел и покатился прямо попу навстречу.

---

[1] *Было*: [за]лез
[2] *Было*: [стал]
[3] *Далее*: [Отдай; Брось]
[4] *Далее*: [про]
[5] *Далее*: [Микулке]
[6] *Далее:* [развязали]
* Очень часто вместо попа в этом рассказе выводится архиерей.

— Куда едешь?

— Да вот погулять захотелось.

— Что[1] же без лошади?

— Да это у меня саночки-самокаточки: не пой, не корми, где вздумал, там и поезжай.

— Продай мне!

— Мне самому надо!

— Продай, пожалуста, сто рублев не пожалею[2].

— Ну, разве для тебя только, батюшка!

Продал попу санки, посадил его[3] и пустил под горку: поп прямо на свой двор и прикатился и радёхонек. Сейчас же всех лошадей своих с рук сбыл. «И без них, — думает, — теперь обойдусь».

Приехал из деревни мужик звать попа на крестины.

— Хорошо, свет, поезжай с Богом, я сам приеду!

Послал поп за дьячком, за дьяконом, посадил их в саночки и сам уселся — а саночки ни с места!

— Экой ты, дьячок, окоянной! Всякой день с дьячихой грешишь. Слезай, с тобой, греховодником, и саночки не везут!

Слез дьячок, а толку все нет.

— Ах, отец дьякон! Видно, и ты на жену слазил!

Прогнал и дьякона, а саночки все не едут.

«Ну, — думает поп, — видно, надул меня проклятой!»

Была[4] еще у бедного мужика кобыла самая ледящая, никуда не годная; стояла на дворе, а двор-то у мужика был полем огорожен да небом покрыт.

Раз как-то идут мимо этого двора два попа. Мужик увидал[5] попов, взял свою клячу и поставил жопой к воротам; кобыла насрала целую кучу говна, а мужик наклал в эту кучу пятачков да гривенников (еще допрежде разменял свой последний целковой на мелкие деньги) и роется[6] в лошадином говне.

---

[1] *Далее*: [у тебя]

[2] *Далее*: [— Давай двести]

[3] *Далее*: [<*нрзб*>]

[4] *Далее:* [у него]

[5] *Далее*: [их]

[6] *Далее*: [говне]

— Что ты делаешь, мужичок? — спрашивают попы.

— Да вот моя кобыла серебром серет, так роюсь в говне да сбираю пятачки да гривенники.

— Продай нам свою кобылу!

— Нет, она не продажная; я только и кормлюся ею!

Попы пристают к нему:

— Продай, мужичок!

— Видно, от вас, долгогривых, не отвяжешься! Пожалуй, уступлю вам кобылу, коли дадите за нее двести рублев.

Попы подумали-подумали и согласились; заплатили с рыла по сту рублев, взяли худую клячонку и повели к себе. Идут да дорогой промеж себя разговаривают:

— Как приведем эту кобылу, поставим в[1] конюшню и дадим ей целую меру овса самого отборного; у мужика она овса и не нюхала, оттого только мелким серебром срала; а как поест овса — станет срать рублями да золотом.

Наутро поднялись попы ранехонько. Один оделся, умылся, а другой еще не успел.

— Погоди, — говорит, — вот я умоюся да оденуся, вместе пойдем; а то, чего доброго, ты один все деньги загребешь!

Умылся, оделся и другой поп, и пошли[2] они вместе в конюшню. Смотрят[3] — стала кобыла попердывать, а они ей под хвост посматривать; и насрала она большущую кучу, чуть-чуть не выше себя. Взяли попы по лопаточке и стали говно рыть. Рыли-рыли, копали-копали — все денег нет; бросили лопатки и давай голыми руками[4] копать да денег искать — нет ни единой полушки! Крепко рассердились попы на мужика.

— Пойдем, — говорят, — мужика врозь разобьем! Зачем он, сукин сын, нас лошадью обманул!

И пошли прямо к мужику на двор; а он давно изготовился: выкопал недалеко от своей избы яму, залез в нее, взял с собой жаровню да большой железной прут, а[5] по-

[1] *Далее*: [крепкую]
[2] *Далее:* [оба]
[3] *Далее*: [кобыла] и насрала
[4] *Далее*: [говно]
[5] *Далее*: поверх[у наслал досок да] наказал

верх той ямы наказал жене настлать досóк да землей набросать. Увидала жена, что попы идут, и принялась плакать; на всю улицу воет да причитывает:

— Ах ты, мой голубчик, на кого ж ты меня покинул?

— О чем, баба, плачешь? — спрашивают попы.

— Ох, батюшки! Как мне не плакать? Мой муж[1] помер.

— Туда и дорога ему, мошеннику! Покажи-ка, где его, сукина сына, схоронили, мы хоть на могилу ему насерем!

Баба указала[2] то место, где мужик спрятался. Вот один поп подбежал[3] поскорей, снял портки, сел над ямою и давай срать; а мужик как жиганет его оттуда раскаленным прутом да прямо в жопу. Поп ахнул, вскочил и[4] вылупил глаза, точно белены объелся.

— Что ж так скоро? — спрашивает его другой поп.

— Неохота что-то срать!

— Ну нет, брат! Я наворочу такую кучу, что решетом не покроешь.

Спустил портки и сел срать; мужик опять как пырнет в жопу своим жигалом, так поп на всю деревню заголосил.

— Чего кричишь, батька? — спрашивает баба[5].

— Небось еще не эдак крикнешь! — говорит поп. — Ишь, мошенник, умер, а все кусается![6]

Тут попы подобрали портки да бежать; целую неделю из́ дому не выходили, все сраки лечили. Как вылечились да узнали, какую шутку сшутил с ними мужик, вздумали: чем бы ему отплатить?

Думали-думали, ничего не придумали.

— Давай, — говорят, — хоть украдем у него улей с медом.

А мужик подслушал ихния речи, пришел на пасеку, выбрал пустой улей и засел там. Вот ночью пришли попы воровать.

— Возьмем какой потяжеле; в том меду больше, — говорит один поп.

---

[1] *Далее*: муж[инёк]
[2] *Далее*: [им]
[3] *Было*: [подб]
[4] *Далее*: [гляди<т>]
[5] *Далее*: [Да вишь какой плут]
[6] *Далее*: [Подобрали]

— И то правда! — отвечает другой.

Стали выбирать и выбрали тот самой, в котором мужик засел. Подняли улей и понесли[1] лесом; мужик сидел-сидел да как крикнет:

— Держи их, лови их![2]

Попы испугались погони, бросили улей[3] и припустили во все лопатки; пробежали с полверсты и попрятались в кустах. Тем временем мужик насрал в улье, вылез оттуда и ушел домой. Попы видят, что погони нету, кругом тихо, напустили на себя смелости, воротились назад к тому месту, где бросили улей, и говорят:

— Давай-ка мёд пробовать!

Вот один открыл улей, ткнул туда пальцем да в рот, попробовал и давай[4] отплевываться: «Тьфу!»

— Экой ты! — говорит другой. — Ешь эдакое добро, да еще плюешь![5] Дай-ка я покушаю.

Запустил в улей всю пятерню, зацепил[6] побольше и прямо в рот!

— Что-то кисло![7] Никак, говно?

— Да оно и есть!

83
ДУРАК И ПОПАДЬЯ

В одной деревне жил-был[8] старик со старухой; у них было два сына: умной и дурак. Умной ходил на охоту, стрелял птиц да ловил зверей сетями. Вот и дурак задумал себе охотиться; сделал петлю и расставил у самой клети. Старуха пошла было в клеть, попала в петлю и удавилась. Дурак увидал и кричит во всю дурацкую глотку:

— Зверя поймал! Зверя поймал!

---

[1] *Далее*: [в]
[2] *Далее*: [Ах, — говорят попы, — погоня, что делать?]
[3] *Далее*: [драла]
[4] *Было*: [Ну, отплевывать]
[5] *Было*: пл[еваться стал!]
[6] *Далее*: [внутри]
[7] *Было*: [Никак, говном. Плут мужик, вить]; [маленько]; [Ах]
[8] *Далее*: [крестьянин]

Пришел умной, глянул — так и ахнул.

— Что ты, дурень, наделал? Вить это наша матушка!

С дурака нечего взять, погоревали отец с сыном и похоронили[1] старуху[2].

Прошло сорок[3] дён — говорит старик дураку:

— Ступай, позови попа на поминки, чтобы с попадьею шел и поповичей тащил.

Приходит дурак к попу и зовет одного попа:

— Приезжай[4], батюшка, на поминки, только попадьи да поповичей с собой не бери!

Приехал один поп, без жены и детей.

— Что ж ты, батька, один?

— Так дурак наказывал.

— Ах ты, олух царя небесного! — закричал[5] умной брат. — Ступай скорей за матушкой[6] попадьей, проси ее с детками.

Дурак сходил, позвал одну попадью; про детей позабыл.

Напустились[7] на него и старик и брат:

— Ступай, поповичей привези.

Дурак взял борону, посажал поповичей жопами на острые зубы, и, пока дотащил до́ дому, они все померли. Попадья выбежала навстречу и завыла:

— Ах ты, такой-сякой! Что ты над моими детками учинил?

— Привёз на поминки.

— Да как[8] привез-то? Ведь они все мертвые!

— А кто им велел помирать?

Присудили дурака закопать живого в землю.

— Постойте, — говорит дурак, — я сам себе могилу вырою, сам в нее и лягу; тогда делайте со мной что хотите, хоть на могиле[9] серите!

---

[1] *Было*: [собрались] похорон[ить]

[2] *Далее было*: [Ну, дурак!] — говорит старик, — [ступай к попу]

[3] *Было*: [девять]

[4] *Было*: при[ходи]

[5] *Было*: [стар<ик>]

[6] *Далее*: [и с...]

[7] *Далее*: [опять]

[8] *Далее*: [ты]

[9] *Было*: [на]серите

Поп с попадьей на то согласились; дурак вырыл на кладбище могилу[1], влез в нее, а сверху упросил брата заложить досками да затрусить землею.

— Что, зарыли[2] дурака? — спрашивает попадья.

— Зарыли.

— Ну, теперь пойду насеру ему на могилу!

Пришла на могилу и только подняла платье да присела на карачках, дурак как жиганет ее шестом и попал в самой пиздюк.

Батюшки светы! Что тут с попадьей сталося: вскочила, закричала как полоумная[3] да бежать, бежать!..

84
В ЧЕМ Я?

Жил-был старик со старухою; у них был сын Иван-дурак. Пришло время — старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит:

— Что мне жить одному дома; лучше идти на Божий путь бурлачить.

Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку:

— Ты куда пошел?

Иван-дурак отвечает:

— Да вот, отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить.

— Наймись ко мне в строшны[4].

— Пожалуй.

— Тебя как зовут?

— Зовут меня: В-чем-я.

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него:

— Ты учон грамоте?

— Учон.

---

[1] *Далее*: [заложил досками]
[2] *Было*: [схоронили]
[3] *Далее*: [закри...]
[4] *Далее*: [тебя как]

— Ну, пойдем, — говорит поп, — обедню со мной служить.

— Пожалуй, пойдем.

Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает:

— А мне чего надеть-то?

— Где-то был куль рогожанной, — сказывает поп, — надень хоть его.

Иван-дурак принес куль, спрашивает:

— Как же надевать его? Куда голову запихать-то?

Поп говорит:

— Где-то был нож.

Принес его, прорезал в куле дыру.

— Пихай вот сюда!

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его:

— Говори: «Благослови, Владыко!»

А Иван ему:

— А тебя, батько, можно повесить на лыко!

Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурак побежал к попадье:

— Давай, попадья, четыреста рублев — поп деревню купил.

Она и отдала ему четыреста рублев.

В поповой избе[1] стояла квашня с раствором; Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил ее на стол и закрыл платком, а сам убежал.

Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает:

— На какую деревню просил ты четыреста рублев денег?

— Что ты, вздурела! Когда я просил?

— Да строшной приходил за ними, говорит: «Батька деревню купил». Я ему сама отдала.

— Что ты, подлая, наделала? Ведь он обманул тебя!

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя.

— Побегу, — говорит, — нагоню его.

Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет.

Поп спрашивает у него:

---

[1] *Было*: [А] в избе

— Не видал ли, свет, В-чем-я?

— Да, кажись, в растворе, батюшка!

Поп побежал дальше, увидал другого мужика, спросил и этого; он то же сказал. Поп пустился[1] еще дальше, увидал третьего мужика — рубит в лесу дрова.

— Дядюшка! — спрашивает его. — Скажи, не видал ли ты В-чем-я?

— Да ты, батько, весь в растворе; оглянись на себя — сам увидишь.

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится.

— Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел? — спрашивает попадья.

Поп осерчал, выбил попадью и пошел с горя в кабак, да пропил себе рясу.

85
РАЙСКАЯ[2] ДУДКА

Жили-были три брата: двое умных, третий Иван-дурак. Вырыл дурак яму.

— Стану, — говорит, — волков ловить!

Вот в первую же ночь попал в яму серой волк; дурак пошел и выпустил его на волю. Приходит домой, братья и спрашивают:

— Что, поймал?

— Нет, братцы! Попалась в яму попова собака; я ее назад выпустил.

— Какая собака?

— Да такая серая, большущая[3], глаза так и светятся!

— Да ведь это волк!

— Ну, пусть в другой раз попадет, ни за что не выпущу!

На другую ночь попала в яму лисица. Дурак пошел[4] и ту выпустил.

— Что, поймал? — спрашивают опять братья.

---

[1] *Далее*: [опять]

[2] *Было*: [небесная]

[3] *Далее*: [с]

[4] *Было*: п[ри]шел

— Нет, братцы! Попалась попова кошка, я назад ее выкинул.

— А какова собой?

— Да такая черно-бурая, с большим пушистым хвостом.

— Эх ты, дуралей! Ведь это лиса!

— Ну, пускай в другой раз попадется — от меня не увернется!

На третью ночь попала в яму какая-то деревенская баба. Дурак пошел.

— Ага, — говорит, — попалась!

Взял дубину[1], убил ее до смерти и волочет домой.

— Дурак! Где взял мертвую бабу? — спрашивают братья.

— Какая баба! Это лисица в яму попала — я ее поленом и доконал.

— Ах ты, бестолочь эдакая! С тобой беды наживешь!

И задумали умные братья бросить дурака и бежать[2] от него — в иное место жить. Сговорились и собрались бежать ночью; только дурак подслушал их уговор, взял ступу и побежал вслед за ними. Братья в лес, и он в лес; так и не ушли от дурака. Что тут делать? Время ночное; пришлось в лесу ночевать. Вот они взлезли все трое на[3] деревья, уселись на ветках и сидят себе[4].

---

[1] *Далее*: [и]

[2] *Далее*: [в]

[3] *Далее*: [высокие]

[4] *Вариант:* Пошли братья в лес; идут по дороге — стоит верста. Дурак спрашивает:

— Братцы, это что?

— Верста.

— Какая верста! Это матушкино веретено.

Вытащил ее и понес на плече. Идут дальше — лежит огромной круглой камень с мельницы.

— Братцы, это что?

— Жернова.

— Нет, это матушкино колечко!

Запустил[1*] в дыру верстовой столб и унес с собой камень.

Идут дальше: валяется борона.

— А это что?

[1*] *Было*: [Надел ка<мень>]

На ту пору ехали мимо купцы-разнощики.

— Что нам плутать-то ночью? — говорят меж собой. — Остановимся у этого дерева, отдохнем до утра, а как станет светать — тогда и в путь поедем.

Остановили возы, распрягли лошадей и сели под тем самым деревом, где[1] дурак спрятался. Развели костер и давай варить кашицу. Вот дурак сидел-сидел и стал говорить братьям:

— Ох, братцы! Усцусь-усерусь!

— Молчи, чего доброго, услышат, да, пожалуй, разбойники! Беда будет!

— Ох, невтерпёж приходит! Право, усцусь-усерусь, братцы!

— Ну, сери, только потихоньку.

Дурак и давай срать, да прямо в кашицу попал.

— Что такое? — говорят купцы. — Кажись, дождя нет, а капает! Не леший ли подшучивает?

Тут дурак как перднет да дриснет во всю мочь и выпустил[2] из рук ступу — полетела вниз. Купцы всполошились да бежать и ушли в разны стороны, весь товар покидали. Братья слезли[3] на́земь и поделили меж собой: умные взяли себе красной товар, а дурак целой воз ладану. Сейчас положил[4] его в кучу, зажег и пустил хвалу к Богу. Только прилетает к нему ангел божий и говорит:

— Борона.

— Какая борона! Это матушкина гребенка.

И ту взял. Пришли в лес и взобрались на дерево ночевать. Ночью приехали разбойники с добычею, сели под дерево — стали добро делить да кашу варить. Дурак давай сцать им прямо в кашицу.

— Экая роса капает! — говорят разбойники[1*], — никак, погода перемениться хочет.

Дурак начал срать.

— Ишь, — говорят разбойники, — с дуба-то желуди посыпались!

Дурак пустил на них мельничный камень, верстовой столб да борону — разбойники испугались да бежать!

Братья слезли с дерева и забрали себе всю ихнюю добычу.

[1*] *Далее было*: погода никак [хочет]

[1] *Было*: [братья спрятались]; [братья]

[2] *Далее:* [да] и [у]пустил

[3] *Далее*: [с]

[4] *Было*: [вы]ложил

— Ну, мужичок, за то, что ты не пожалел целого воза ладану и пустил эдакую хвалу Богу — [1]сказывай, чего ты желаешь? Все тебе [2]дано будет!

— Дай мне, — говорит дурак, — что у Бога в раю за дверьми висит.

Ангел полетел и принес ему дудочку.

Вот дурак взял райскую дудочку, пошел к попу и нанялся в работники — лошадей пасти. И что же? Как только пригонит дурак лошадей в поле, то и зачнет играть на своей дудочке, а лошади в пляс пойдут. Так целой день — он на дудке играет, а лошади пляшут да пляшут — исхудали, бедныя!

Спрашивает поп работника:

— Что у тебя животные-то исхудали? На какой траве пасешь их?

— На хорошей, батька! Лучшей нигде не сыскать.

«Дай сам погляжу!» — думает поп.

На другой день дурак погнал лошадей в поле, а поп собрался да следом за ним и залез в терн. Дурак пригнал поповские животы, сел под кустик, вынул дудочку и принялся наигрывать. Стали лошади плясать. Схватился и поп[3] трепака откалывать; уж он плясал-плясал, весь-то ободрался, искололся и до тех пор выделывал ногами всякие штуки, пока дурак играл. Измаялся поп, еле ноги тащит — прибрел кое-как домой и говорит попадье:

— Ну, матка! У нашего работника есть такая дудка, что коли заиграет, то и мертвой распляшется, а живому и удержи нет!

— Ах, батько! Как бы мне послушать?

— Сама проси, а с меня уж будет — я и слушать не стану!

Вечером[4], только работник пригнал лошадей, попадья и просит:

— Заиграй, пожалуста!

— Хорошо, — говорит дурак.

---

[1] *Начато*: [гов<ори>]

[2] *Далее*: [будет]

[3] *Далее*: [плясать, лошади тоже]

[4] *Далее*: [как]

Поп услыхал[1] — живо побежал на чердак и спрятался в сундук; а попадья на ту пору квашню месила. Вот дурак достал дудочку и заиграл — пошла попадья по избе плясать вместе с квашнею, а поп, сколько ни крепился — не мог выдержать: выскочил из сундука и ну по чердаку отжаривать, и до тех пор плясал, пока с чердака упал да работник играть перестал.

Смотрит поп, а попадья до того доплясалась, что язык высунула.

— Ах, матка! — говорит поп. — Наняли работника себе на беду, на горе! Давай убежим и́з дому!

— Убежим, батька!

Вот они с вечера наклали целой мешок книжек и поставили в угол. Дурак потихоньку выбрал из мешка все книжки и залез в него сам. Ночью поп проснулся и бу́дит попадью:

— Вставай, матка! Бежать пора!

Подняли они мешок и пошли и́з дому. Шли-шли[2], вдруг работник как закричит из мешка:

— Что ж ты, батько! Возьми и меня с собою!

— Ах, проклятой! Гонится за нами следом; побежим поскорей, матка!

И припустили бежать, сколько силы хватило. Бежали-бежали, уморились и стали было опять шажко́м идти, тут работник как закричит:[3]

— Батько! Возьми меня с собою!

Они опять принялись[4] бежать; так наконец измаялись, что и ноги не держат.

— Ну, что будет — то будет, а остановимся здесь отдохнуть! — говорит поп.

Бросили мешок наземь, глядь — лезет оттуда работник:

— Не стыдно ль тебе, батюшко! Сам пошел с матушкой, а про меня и забыл!

Вот все[5] трое подошли к реке и остановились ночевать на бережку.

---

[1] *Далее*: [и]
[2] *Далее*: [долго]
[3] *Далее*: [снова]
[4] *Было*: Принялись [опять]
[5] *Далее*: [они]

Поп положил работника скрай реки и говорит попадье:[1]

— Как только заснет батрак, ты его и столк<н>и в воду!

Работник подслушал эти речи и не спит, ворочается; прошло не много, не мало времени, уснули и поп, и попадья; он сейчас перетащил попа на свое место, а сам на его место лег. Попадья проснулась, да как толконет попа в воду — пошел на дно рыб считать!

Наутро проснулась:

— Где поп?

— Черти с водяным утащили![2]

После того попадья пошла замуж за своего работника, и стал Иван-дурак за попа, хоть ни читать, ни обедни служить не умеет.

А с той попадьей еще допрежде жил архирей. Вот однова собрался архирей и поехал подначальныя церкви смотреть да попов судить. Приезжает в то самое село, где Иван-дурак в попы угодил, и прямо в церковь. Что делать? Надо обедню служить; вот Иван-дурак[3] нарядился в ризу, взял в руки книгу и давай читать:

— Братие! Был архирей, гулял с моей попадьей, милости прошу и теперь с ней гулять, и ныне и присно и во веки веков.

И твердит все одно да одно. Архирей слушал-слушал и говорит:

— Много церквей я объехал, а такого умного попа нигде еще не видывал; всю службу церковную знает!

86
МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик с женою в большой бедности. В одно время случилось мужику рожь молотить на своем гумне: как ударит цепом об сноп, так[4] сноп[5] от земли кверху аж-

[1] *Далее*: [ночью]
[2] *Далее*: [Тут]
[3] *Далее*: [взял]
[4] *Далее*: [кверху]
[5] *Далее*: [и подскакивает!]

но на аршин подскакивает! Вдруг, откуда ни возьмись — прибежал черт.

— Ах, мужичок! Мне тебя жаль; ты один целой день молотишь, и пособить-то[1] некому! Да-ка я немножко пособлю тебе.

— Пособи, коли не лень!

Черт схватил два толстые бревна, связал их[2] как надо быть цепу и стал молотить; как ударит, так сноп к земле и пристанет! Вверх не подскакивает! Смотрит черт, удивляется:

— Что за штука! У мужика сноп кверху подскакивает, у меня к земле пристает!

И начал мужика спрашивать:

— Послушай, мужичок! Невжли ты сильнее меня?

— Еще бы! — говорит мужик. — Само собой разумеется: у меня силы поболе тваво.

— Отчего же так, мужичок?

— Оттого, что я кладеной: у меня, брат, мудей нету — давно вырезаны!

— Пожалуста, мужичок[3], выложь и меня, отрежь мои муде!

Захотелось, значит, черту сильным быть.

— Пожалуй, я отрежу! — говорит мужик.

Наточил нож, схватил черта за муде и отрезал. Черт и сам не рад своей выдумке; на все село закричал от боли, крепко осердился на мужика, вырвался и убежал к своим товарищам — таким же чертям. Стал показывать им свою рану да жалобу приносить.

А мужик уже знает, что от чертей беда ему будет; бросил молотить, пришел к жене и говорит:

— Ну, жена, выручай! Вот тебе моя одежа и шапка, надень поскоре и ступай на гумно хлеб молотить. Набегут к тебе черти, станут у тебя спрашивать: взаправду ль у тебя муде отрезаны? Ну, ты подыми подол и покажи им свою щель-то!

---

[1] *Далее*: [тебе]
[2] *Было*: [концы]
[3] *Далее*: [от<режь>]

Баба тотчас оделась в мужнее платье, взяла цеп и пошла молотить. Немного погодя набежало к ней многое множество всяких чертей.

— Зачем, — говорят, — ты нашему брату яйца отрезал?

— А затем, что он сам просил; вишь, у него силы мало, так боле захотел! Как заживет у него эта рана, так и будет силён по-моему.

— Невжли ж у тебя, мужичок, муде вырезаны?

— Да, таки вырезаны!

— А ну покажь!

Баба подняла подол, черти уставились рылами промеж ног ей, смотрят — в самом деле дыра, да еще больше, чем у черта, прорезана!

— Ну, братцы! — говорят меж собой. — У этого мужика дыра еще больше, чем у нашего товарища.

И разбежались[1] по своим местам: кто куда — тот в болото, а тот в лесную трущобу. Тем все и кончилось.

87

ПОП — ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ

[а]

В одном селе жил-был поп — толоконный лоб по имени Ерема; у него был малой сынок Петрушка, такой прихотливой да балованный: уж если чего захочет, так в ту ж минуту давай; не то заревет так, что́ святых выноси! Да[2] все, что под руку попадется, начнет бить-кромсать, на куски ломать. Хоть летами мал, а ноготок востёр: не раз случалось — попу с попадьей глаза подбивал, а батракам просто житья не было: ни один еще не оставался больше дня[3] у попа —толоконного лба. Вот поп Ерёма пустился на выдумки, вздумал[4] наперед уговор делать с кажным наёмником. Однова́ сидел поп под окном и смотрел при-

---

[1] *Далее*: [в]
[2] *Далее*: [начнет]
[3] *Далее*: [у попа не оставался жить]
[4] *Далее*: [угов<ор>]

горюнясь в огород: надо бы гряды полоть, да некому![1] На ту пору идет[2] по улице мужик с лопатою и кричит:

— Кому поработать! Кому поработать!

Поп тотчас схватился, накинул свой подрясник, выбежал за ворота, кликнул мужика и говорит:

— Ступай ко мне в батраки; за деньгами спору не будет! Только, мужичок, я с тем уговором нанимаю: если ты на меня рассердишься, то я вырежу[3] из твоей спины ремень пальца в два ширины; а если я рассержусь на тебя[4], тогда ты вырезывай[5] из моей спины.

Мужик согласился и пошел к попу в батраки. «За что, — думает, — стану я на попа сердиться».

Принялся за работу и проработал до самого обеда; приходит в избу, и, только было сел за стол, Петрушка заревел[6] во все горло:

— Я гулять хочу!

— Батрак! — говорит поп. — Веди сынка погулять.

Батрак взял поповича за́ руку и повел на улицу; часа два протаскался с ним без толку; воротились в избу — а уж поп с попадьей давно пообедали и спать завалились. Остался батрак[7] с голодным брюхом. На[8] другой день опять то же; а на третий — батрак не выдержал:

— Нет, батько! Черт с тобой и с твоим потрохом, а я больше не хочу у тебя ни жить, ни работа́ть.

— Что ж ты сердишься? — сказал поп.

Вырезал у него по уговору ремень из спины и отпустил, не заплатив ни копейки.

У того мужика был меньшой брат Иван;[9] во всей деревне дураком слыл. Видит Иван, что брат его на́ печь залез да все охает, и спрашивает:

— Что ты, аль спина болит?

---

[1] *Далее*: [Вдруг услышал: кто-то идет по улице да кричит]
[2] *Было*: [шел]
[3] *Далее*: [у тебя]
[4] *Далее*: то [ты] вырезывай
[5] *Далее*: [ты]
[6] *Было*: [принялся; начал]
[7] *Было*: [на весь день]
[8] *Далее*: [тре<тий>]
[9] *Далее*: [слыл в селе]

— Поживи-ка у попа, так сам узнаешь!

Иван взял лопату и[1] отправился в путь[2]. Пришел в то же село и нанялся к[3] попу — толоконному лбу Ерёме. Поп и ему говорит:

— Слушай, Иван! У меня за деньгами остановки не будет; только соблюдёшь ли уговор? Если кто[4] из нас двоих рассердится, у того из спины ремень вырезать!

— Ладно, батько! — сказал Иван. — Только ты не сердись, а мне не за что!

Взялся батрак за работу, целое утро за двоих работáл, пришло время обедать; только сели за стол, Петрушка и ну кричать:[5] — Гулять хочу!

— Батрак, — говорит поп, — поведи моего сынка прогуляться да присмотри, пожалуста, чтоб не убился где.

— Хорошо, батька[6].

Повел батрак Петрушку и прозевал обед. «Плохо, — думает, — надо за ум браться!»

На другой день опять[7] только за обед[8], а Петрушка гулять хочет... Иван схватил со стола кулебяку и повел поповича: пока тот играл, батрак кулебяку убирал*.

Воротился в и́збу, а поп с выговором: не годится-де так делать; зачем кулебяку унес?

А батрак в ответ:

— Никак, ты, батька, осердился?[9] Подставляй-ка спину, я ремень вырежу.

---

[1] *Далее*: [пошел]

[2] *Далее было*: [Шел] При[ходит]

[3] *Далее*: [тому же]

[4] *Было*: [Кто на кого]

[5] *Далее*: [Хочу]

[6] *Далее*: [гово<рит>, сказ<ал>]

[7] *Далее*: [Петруш<ка>]

[8] *Было*: [стол]

* *Вар<иант>*: Работник вытащил поповича на двор, взял и посадил на кол.

— Считай пока звезды, а я пойду ужинать[1*].

Воротился в избу и принялся есть.

— Где же мой сын? — спрашивает поп.

— А сын твой остался звезды считать, а я пришел краюхи убирать!

[1*] *Было*: [обедать]

[9] *Было*: [раз]сердился

— И! Что ты? Я вовсе не сержусь, так только пошутил с тобой...

— То-то же, смотри, — говорит Иван.

На третий день Петрушка опять за свое:

— Гулять хочу.

Батрак ухватил целую ногу жареной баранины и пошел с ним на улицу: пока Петрушка гулял да играл, батрак баранину уплетал. Поп[1] и сам не рад своей затее: иной раз[2] и поругал бы батрака, так тот сейчас ему в ответ: «Никак, ты осерчал, батька! Подставляй-ка спину!»

Вот как-то был на селе праздник; попадья и напекла и нажарила всего вдоволь. Сели было обедать; батрак думает: «Вот когда нажруся, упьюся»[3]. По губам уже слюнки текут. Не тут-то было — веди Петрушку гулять!

Иван повел его в огород, да с досады посадил[4] на кол жопою, а сам в избу воротился и уселся за стол.

— А Петрушка где? — спрашивает попадья.

— Да с ребятишками играть остался.

На дворе давно стемнело, а Петрушка все не ворочается; пошла попадья искать, смотрит, а он на колу торчит: совсем-таки окоченел! Поп с попадьей обмыли его, поплакали и похоронили, а выговаривать батраку боятся: пожалуй, еще до спины доберется!* Стали они думать, как бы

---

[1] *Далее*: [с попадьей]

[2] *Далее*: [бы]

[3] *Было*: [напь<юся>]

[4] *Далее*: [в огороде]

* *Вариант*: Поп — толоконный лоб пошел батрака нанимать.

Идет мужик.

— Найми меня, батька!

— А что возьмешь?

— Ничего не возьму, еще тебе дам! Год у[1*] тебя в батраках проживу, да тебе же дам щелчок[2*], а попадье щипок.

«Недорого, — думает поп, — щелчок да щипок — невелика беда! Зато деньги будут целы».

— Пойдем, свет!

Идут дорогою, а навстречу им ведут мужики быка; рога и ноги веревками опутали, а он все упирается да в сторону норовит.

— Куда быка ведете?

— На бойню, да никак не справимся.

[1*] *Далее*: [вас]

[2*] *Далее*: [да]

от него избавиться; целых три дня думали. На четвертой зовет поп Ивана и приказывает:

— Сослужи мне великую службу, съезди на Чертово озеро да спроси у нечистых: почему[1] давно оброка не платят? Чтоб сейчас все выплатили!

— Изволь, — отвечает Иван, — для чего не сделать такой безделицы.

Запрег лошадь в телегу и поехал на Чертово озеро. Поп возрадовался:

— Ну, попадья! Авось его черти возьмут!

Батрак ехал лесом, надрал лык полную телегу и приехал на озеро. Стал на берегу и принялся веревку вить. Был день — и прошел, а Иван все веревку вьёт. Вдруг выпрыгнул из воды чертенок:

— Батрак! Что ты делаешь?

— Сам[2], чай, видишь; веревку вью.

— А зачем тебе веревка?

— Как зачем? Хочу озеро мо́рщить да вас, чертей, корчить!

— Что ты, батрак? За какую вину?

— А за такую, зачем попу Ереме оброку не платите?

— Подожди немножко, не мо́рщи озеро; я пойду свому дедушке скажу! — сказал чертенок и нырь[3] в воду.

Иван тем временем вырыл глубокую яму, накрыл ее шапкою, а в шапке-то загодя дыру прорезал. Чертенок выскочил и говорит батраку:

— Дедушка спрашивает: много ли оброку надо?

— Вот эту шапку полную серебром насыпать.

Чертенок бултых в воду — передал ответ дедушке; жаль стало старому черту с деньгами расставаться; велел наперед внуку помериться с батраком силами: сто́ит ли

— Постойте, братцы! Я вам помогу, — говорит батрак.

Дал быку в лоб щелчок — из него и дух вон; ухватил за хвост двумя пальцами[1*] и содрал всю шкуру долой!

«Эге-ге! Вот каковы его щелчки-то! — думает поп. — Надо от него поскорей избавиться...»

[1*] *Далее*: [с н[сдернул]его шкуру, сволок [содрал] свою]

[1] *Далее*: [де]

[2] *Далее*: [вид<ишь>]

[3] *Было*: [нырнул]

отдавать ему деньги? Чертенок ухватил дедушкину палицу и говорит Ивану:

— Ну, батрак! Кто из нас выше бросит?

— Бросай ты прежде!

Чертенок бросил палицу так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала — земля хаденем пошла!

Теперь очередь стала за батраком; взял он палицу за один конец и видит, что не только бросить вверх, да и поднять не сможет; пустился на хитрость, взвел глаза на небо и начал пристально присматриваться.

— Что ж ты попусту глазеешь?

— А вот поджидаю, когда подойдет облачко; хочу на него забросить твою палицу.

— Что ты! — закричал чертенок. — Не бросай, а то дедушка прибранит меня!

— Ишь, чертово племя! Жалко небось. Ну, завяжи свои зенки-то (глаза), не то лопнут, как я палицу брошу.

Чертенок завязал глаза, а Иван понатужился — приподнял палицу да его по лбу; едва он опомнился!

Нечего делать, стал мешки с серебром таскать да[1] шапку насыпать; долго таскал, насилу с батраком расплатился. Тогда Иван склал все серебро на телегу и повез к попу Ереме.

— Бери, батько! Взыскал с чертей весь оброк дочиста.

Поп и деньгам не рад; коли с чертом сладил, до нас с попадьей еще скорей доберется; надо бежать. И уговорились поп с попадьей уйти от батрака...

[б]

(Чур, не сердиться!)

В одной деревне жил-был бедной старик. У того старика было три сына: два умных, третий — дурак. А неподалечку от них жил поп, жадной шельма и хитер на всякия выдумки! Станет, бывало, нанимать батрака, так уж наверно с условием, чтоб завсегда весел был, ни за

[1] *Далее*: [в] шапку [ссыпать]

что не сердился, а если[1] рассердится, так половину задницы ему отрезать! Много нанималось к этому попу в работники, только все уходили без задниц. После ни один[2] идти к нему не хотел; видят, что он крепко народ обижает, ну и воротят от него в сторону. Вот поп надумался[3] да и пошел к старику.

— Ты, — говорит, — живешь при бедности, отдай мне старшого сына в работники!

Старик согласился, поп взял к себе парня[4] и сделал с ним такой уговор: если батрак[5] рассердится, то у[6] него половину задницы отрезать, а если поп рассердится, так все имение у него забрать.

Вот старший сын с полгода прожил у попа, ни разу не сердился, видит поп, что уж срок платежу близко, послал батрака в поле пахать, а там его и проморил без обеда, без полдника. Батрак крепко на попа рассердился, пришел[7] домой да ругается.

— Что ты, Иван, — говорит поп, — никак, осердился?

— Как на вас, чертей, не осердиться! Целой день работал, а куска хлеба во рту не было.

— А уговор-то забыл?

Тотчас схватил нож, откромсал ему половину задницы и выгнал вон. Пошел середний брат к попу в работники; но и этот не счастливее был, тоже без жопы домой воротился! Дурак сидит на печи да смеется над братьями:

— Эх вы, безжопые! Вот меня ваш поп так не оплетёт! — И стал проситься у отца: — Отпусти к попу попытать счастья!

— Куда тебе, дураку! Поумней <тебя>[8] ходили, да[9] и то половиной задницы заплатили, а ты и совсем без жопы воротишься!

---

[1] *Далее*: [кто из ни<х>]
[2] *Было*: ни[кто]
[3] *Далее*: [как ему]
[4] *Было*: [старшого парня]
[5] *Было*: [кто из них]
[6] *Было*: [парня]
[7] *Было*: [идет]
[8] *В рукописи*: меня
[9] *Далее*: [без задниц на всю жизнь остались] и то [по половине задницы]

Дурак осерчал, не стал и разговаривать больше, надел тулуп да шапку и пошел к попу — в работники наниматься. Нанялся с таким уговором: кто б ни рассердился, он ли, поп ли — а всяк половиной[1] сраки отвечает. Прожил дурак у[2] попа месяца с четыре. Вот однова́ посылает <его>[3] поп в поле — пашню пахать, а обедать и не думает посылать: знамо дело, хочет до его задницы добраться! А дурак ждал-пождал, развёл костер, взял выпряг одного вола, убил его наповал, отрезал ляжку и давай на огне жарить. Наелся досыта и ворочается домой с одним волом; идет да песенки попевает.

— Где же, свет, ты другаго вола девал? — спрашивает поп.

— Убил.

— Как убил!

— Да обухом хватил, больно есть захотелось, а твоего обеда долго ждать...

— Ах ты, подлец, ети твою мать! — заругался поп[4] и полез было драться — да куда! Дурак сильней его!

— Стой, батька! Расплачивайся! — Вынул[5] дурак из кармана большущий нож и отрезал попу половину задницы; поп еще пуще ругается[6], ногами так и брыкает. Дурак ему и другую половину отмахнул; поп с горя тут же Богу душу отдал, а работник[7] женился на его попадье и завладел всем его имением.

88

ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила:

— Поп, что нам Северная Пчела принесет?

— Вестимо, не смолу, а мед, к нам не прильнет! Раз-

---

[1] *Далее*: [жо]
[2] *Было*: [Прожил дурак в]
[3] *В рукописи*: ему
[4] *Далее*: [так]
[5] *Далее*: [из]
[6] *Далее*: [да]
[7] *Далее*: [всем]

мешаем мы с кутьею да съедим с тобою, любезною попадьею.

— Да нет, поп! Я тебе говорю не задор, вить, нынче с кутейников набор!

Поп рассердился, попадью в шею сунул, пошел — пол-осьмушки клюнул. Не проспится поп ни ночью, ни днем; повезли попа в[1] приём. Поп возопиял:

— Прощай, моя питательная кутья; оставайся, моя горемычшая попадья! Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой, а навеки солдаткой!

Попал поп в солдаты, говорит себе:

— Наполню теперь водою манерку, забуду до веку пить горелку; насыплю в ранец сухарей — я солдат, не иерей! Может, заслужу чин генерала, а покамест хоть дойти и до капрала!

89
ЗЯТЬ И ТЕЩА

Жил-был парень с дурцою. Женился, да через неделю и поехал с женой к теще в гости. Жена говорит:

— Посадят тебя за стол у моей матушки, не часто стербай ложкою; часто будешь — толкну.

Посадили их за стол в переднем углу. Начал зять стербать, свинья под столом его толконула — он и вечерять (ужинать) перестал. Легли спать; зять[2] с женой на лавке. Говорит он ночью жене:

— Я за ужином ничего не ел, так мне есть хочется.

Жена послала его[3] в сени: там-де стоит[4] тесто. Тем временем жена[5] влезла на печь, а теща легла на лавку. Подходит зять к теще:

— На-ка, жена, теста попробуй!

Та как забздит.

---

[1] *В рукописи подчеркнуто*: вы
[2] *Было*: [муж]
[3] *Далее*: [к лавке]
[4] *Было*: [есть]
[5] *Далее*: [вле] [встала]

— Не дуй, жена! Тесто давно простыло, вчерашнее!

Та как запердит: пррр!..

— Вишь какая! Еще молока просит!

Рассердился, ткнул ей тестом в жопу и пошел руки мыть; не догадался нагнуть кувшин, всунул в него руки, вымыл, а назад никак не вы́нет.

«Пойду, — (думает), — на двор, разобью кувшин да ослобожу руки».

Тут проснулась теща; хвать за жопу — совсем[1] усралась; побежала на двор. А зять не разглядел тещи, думал, что столб; как хватит кувшином об тещину задницу.

— Батюшка-зятюшка! Не дерись; впервóй в жизни случилось!

90
СОЛДАТ И ЧЕРТИ

[2]Выслужил солдат десять лет, отпросился в отпуск. Шел-шел, заблудился и забрёл в господскую деревню переночевать. Призывает его барин и говорит:

— Послушай, солдат! О тебе сказывают, что ты ничего в свете не боишься. Сослужи-ка мне службу: видишь, выстроил я новой дом, а жить в нем нельзя; поселились там черти и не дают никому спокою. Коли ты выгонишь[3] оттуда чертей, отдам за тебя свою дочь и награжу большим приданым.

— Слушаю!

Пошел солдат в новой дом и стал с ружьем на часах. Вот[4] ровно в полночь поднялся шум, гам, стук; со всех сторон набежали черти.

— Служивой! Выучи нас солдатскому строю. Сколько раз смотрели мы, как вы учитесь:[5] много вас, а делаете как один! — пристают к нему нечистые.

---

[1] *Было*: [Батюшки!]

[2] *Начато*: [Пришел солдат] в господскую

[3] *Далее*: [отдам]

[4] *Далее*: [в двенадцать часов]

[5] *Далее*: [в строю много вас]

— Пожалуй, отчего не выучить. Только, чур, слушаться.

— Будем слушаться, служивой! Право, будем.

— Ну так притащите наперед воза два палок, сами знаете, без палок ничему нельзя выучиться. Чай, видели, как нашего брата палками дуют!

— Валяй, служивой!

Черти вмиг натаскали целые вороха палок. Солдат поставил их в шеренгу и начал учить маршировке, да поворотам, да ружейным приемам. Чуть которой ошибется — сейчас пятьсот палок ему! Ночи три эдак учил он чертей, а на четвертую принес с собой буравль, навертел в стене несколько дыр и говорит чертям:

— Теперь я покажу вам, как солдаты стоят в лагере по палаткам!

Сделал расчет по пяти чертей в дыру и скомандовал им лезть[1] всякому в свое место: кто попадет в чужую дыру — тому не миновать палок! Только они разместились[2] по дырам, солдат взял да и закрестил их мелком[3]. А сам кричит:

— Выходи на ученье!

Черти никак не вылезут; взмолились они:

— Выпусти, служивой, на волю! Что хошь возьми, да отпусти.

— Дайте зарок, что не станете жить в этом доме.

Черти тотчас поклялись, что и нога ихняя никогда тут не будет, и дали на том ему расписку.

Ну, солдат их выпустил, а наутро доложил помещику, что все исправил как следует: выжил из дому нечистую силу — больше и носу не покажет!

Женился солдат на помещиковой дочери, стал барином и позабыл, есть ли на земле печаль да горе. Раз пошел он с молодой женой[4] в баню, выпарился и выбежал на озеро: захотелось ему[5] в холодной воде окунуться. Только[6] полез

---

[1] *Далее*: [туда]

[2] *Было*: [вскочили]

[3] *Далее*: [Взмолились черти:] «Выпусти»

[4] *Далее было*: [гулять; подошел с ней к] озер[у: и]

[5] *Далее*: [купа]ться

[6] *Было*: [разбежался]

в воду; а черти увидали, подхватили его и ну тащить в омут.

— Постой же! — говорят[1]. — Отплатим мы тебе, лиходею!

— Дайте хоть с молодой женой проститься, — умоляет солдат, — а[2] после делайте, что хотите.

— Хорошо[3], простись, да поскорее!

Он вызвал[4] из бани жену, как есть голую, поставил ее[5] раком на самом берегу и ну валять через жопу. Черти как усмотрели:

— Ай, ай! — закрича<ли>[6]. — Служивый опять дыры[7] вертит, хочет нас загонять!

И бросились с испугу[8] в трущобы да омуты.

91
МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

В одном городе было два монастыря, вот хоть бы так, как у нас в Питере: Невской да Смольной; в одном — монахи, в другом — монашенки. Вот хорошо. Повадился один молодой монах ходить к монашенке; а чтоб не узнали, всегда наряжался в женское платье; бороды у него еще не было, а волосы у попов да у монахов всё такие ж по бабьему положению[9]. Видят все, что к монашенке часто гостья жалует, ну да что ж за беда! А она уж брюхата стала. Дали[10] знать про то игуменье. Игуменья дает приказ:

— Коли кто придет к той монашенке, тотчас доложить[11].

---

[1] *Было*: [Теперь]
[2] *Далее*: [там]
[3] *Было*: [ну]
[4] *Было*: [подо]звал
[5] *Далее*: [голую]
[6] *В рукописи*: закричай
[7] *Было*: дыр[у]
[8] *Далее:* [бежать] в [разныя]
[9] *Далее*: [Стало быть никому и дела не было, что к монашенке ходит...]
[10] *Было*: до[ложили]
[11] *Было*: дать [знать]

[1]Вот на другой же день приходит монах к своей полюбовнице. Увидали его келейницы и побежали к матушке игуменье: пришла-де какая-то женщина в гости*. Игуменья приказала вытопить баню и всем, кто только есть в монастыре, идтить париться. Нечего делать[2], собрались все монашенки, повели и гостью с собой; пришли в баню и стали раздеваться. Монах разделся да поскорей на полок, забился в уголок и не знает: как ему быть?[3] У него на шее висел крест на тесемке; он взял, подвернул свой хуй под жопу и привязал его той тесемкой за самой кончик к ляжкам: совсем как пизду сделал!

Вот игуменья надела очки, взяла в руки свечку и стала обходить всех монашек, да осматривать: нет ли кого между ними с лишним привеском. Пока дошла до монаха, а[4] у него хуй-то разъярился; да и как не разъяриться: кругом голыя да грудастыя монашенки, крылашанки такия хорошенькия!

Стала игуменья к монаху приглядываться[5], подошла поближе, нагнулась пониже, а хуй все подымается да как рванет — оборвал тесемку да прямо игуменью[6] в левой глаз.

— Ай, Господи! С нами Пресвятая Богородица! — закричала игуменья и схватилась за левой глаз, а гла́за[7] как не бывало: совсем-таки вышиб!

Пока что[8] — монах уже выскочил из бани и убежал голой. Игуменья осталась кривою, а пришло время — монашенка родила. Я и на крестинах был, только не разобрал, кого Бог дал: мальчика али девочку?

---

[1] *Начато*: [В]

* *Вариант*: Затесался монах в девичий монастырь; перепортил всех монашенок, и та забрюхатела, и другая забрюхатела!

«Дай посмотрю, нет ли мущины у нас?» — думает игуменья...

[2] *Далее*: [повели]

[3] *Далее*: [И придумал]

[4] *Далее*: [него]

[5] *Далее*: [погру...; ...нагнулась]

[6] *Надписано было*: [так]

[7] *Было*: [одного его]

[8] *Далее*: [а]

92
СОЛДАТСКОЙ РАССКАЗ

Один солдат отслужил Богу и великому государю двадцать пять лет в армейском полку; вышел в чистую и пошел на родину. Пришел, и никого из родных в живых не застал; только и родни осталось — какая-то баба, тетка не тетка, на седьмой воде кисель! Ну да что разбирать; за неимением попа и пономарь служит, а худая стоянка все лучше хорошаго похода.

Поплакал солдат об родителях и[1] стал жить с тою бабою. Свыкся с этим житьем и вздумал: «Отслужил я Богу и великому государю двадцать пять лет, все холостым был, добра не видал — дай хоть на старости попробую женатую жизнь, авось посчастливится! А ежели и не задастся — что за беда? Жене билет в зубы, а сам — в сторону. Да что толковать; ведь наше дело собачье: посовал-посовал да и пошел, словно не[2] твоя забота! А есть захочет — так сама достанет!.. А да во что гнедая не хлыснет, дай рискну: попытка не шутка, а спрос не беда!»

И ну просить старуху:

— Тетушка, сосватай мне невесту, не все же холостому жить. Сама рассуди; пятьдесят лет с хвостиком пропостился; всяко случалось: бывало, другой раз и схватит за живое, да на царской службе не то, что дома; побоишься да и всунешь его, сердешнаго, в снег, чтобы поостыл. А то, пожалуй, — как раз на судьбу наткнешься да часы с кукушкою и подцепишь!

— Ах, родимой ты мой! Что давно не сказал, давно бы женила. У нас девки-красавицы, хоть куды, что твои ярославки! Только передком немножко некрепки — уж на этом не взыщи: у нас такое поветрие!.. Ну да[3], может быть, твоя доля — святая![4]

— Эх, тетка! Мое дело уж немолодое; я, пожалуй, и в горшке не найду дороги.

---

[1] *Далее*: [остал<ся>]
[2] *Далее*: ни тв[ое дело!]
[3] *Далее*: [коль]
[4] *Далее*: [будет!]

Старухи на что на дельное — никуда не годны, а на сватовство так разуважат, скорее скорохода обработают. Не прошло и недели — невеста на ладони, и хорошая, и толстая, куда ни поверни — так разлюли! Наш солдат честным пирком да за свадебку. Женился, погуляли как следует; и повел он свою молодую в клеть. Разделись и легли.

— А что, — спрашивает ее солдат, — я думаю, вам больно будет? Вы уж, пожалуста, не громко кричите!

— Ах, — говорит молодая, — я бы рада, да, пожалуй, не вытерплю, коли станете вы во весь хуй меня пялить!

«Ладно!» — думает солдат. И начал иуду в ад сажать. Как же удивился, когда всунул его туда совсем с яйцами, а молодая лежит и не слышит. От судьбы, значит, как от фельдфебеля, не уйдешь!

— Вот видите, милая! Как я легонько засунул, вы и не слыхали!

— Да разве вы всунули?

— Еще бы! Даже так просторно, что вошел туда с яйцами!

Вот молодая и ну:

— Ох, больно! Ох, больно! Ради Бога оставьте, больно!

— Что ты, милая, когда кричать вздумала! Я уж с полчаса тебя накачиваю — а ты только расчухала!

Слез солдат с жены и думает:

«Вон она, судьба-то, и в губернии в том же ходит, в чем в Питере. Пришлось на старости гриб съесть. Да вить и то сказать: не квасцами же смазывать, да при том дыру вершка в три ширины и пластырь не залепит! К моей-то смело пихай в пизду кушак и шапку да еще сена охапку; хоть кирасир — и тот проскочит! Ох уж эта мне судьба! Нигде от нее не отстанешь: бывало, на службе в рыло раза три съездят. Что делать, терпи, говорят, верно, судьба твоя такая! Вот и женился — и тут судьба. Да когда ж ты, проклятая, отвяжешься?»

Прожил солдат с женою недели с две[1], видит, что с его веретеном плохо в квашню лазить, и говорит:

---

[1] *Далее*: [и]

— Жена, а жена! Знаешь ли, какое мне горе приключилось.

— Что такое?

— У меня мыши яйца с хуем отгрызли.

Та как взвоет:

— Ах ты, старой черт! Мошенник эдакой! Что ты со мной сделал? Зачем женился?

— Да помилуй, жена, да он хотя и при мне был, все ничего для твоей дыры не значил.

— Все-таки, бывало, хоть дела и не сделаешь, да пощекочешь маленько — ан и легче! Не хочу с тобой, плутом, жить!

И уехала от него в иной город. Остался солдат один, без жены[1]. Да недолго нарадовался. Попостил-попостил, да и вспомнил про жену: «Эхма! Бывало, болтался в жениной квашне да дивился ея ширине; а теперь пришлось сеном петуха кормить — поневоле поперёк в горле станет!»

93

СОЛДАТ НА ЧАСАХ

Досталось одному солдату стоять ночью на часах; стоял он-стоял, да и задремал. Лезет мимо жук, ударил его по носу и пал на́земь. Солдат очнулся.

— Виноват! — говорит. — Вздремнул, ваше благородие.

Оглянулся вокруг — нет ни души.

«Уж не черт ли пошутил надо мной?»

Думал-думал и опять задремал. Идет мимо генерал. Часовой не окликает.

— Эй ты, солдат! Чего спишь!

— Никак нет, ваше превосходительство!

— Что ж ты не окликаешь?

— Задумался, ваше превосходительство.

— О чем[2] же ты думал?

— Да о том, отчего курица пьет, а не сцыт?

— Ну, брат, хитрая твоя задача.

---

[1] *Далее*: [Эхма!]

[2] *Далее*: [тебе] дума[ть?
— Да о том, что отчего]

На другой день собрал генерал офицеров, задал им эту задачу; вот они думали-думали, гадали-гадали, да[1] ничего и не сказали.

— Экой хитрой солдат!

На другую ночь стоит солдат на часах; идет мимо баба. Он окликает:

— Кто йдет?

— Пизда![2] — отвечает[3] баба.

— Ну-ка, пизда, стой! Муде, в строй! Хуй к пизде — не спускай манде!

94

НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

а

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве служил Богу и государю солдат; прослужил двадцать пять лет и только и добра выслужил, что три сухаря[4]. Отпустили его в чистую отставку; взял он три сухаря, собрался в дорогу и стал прощаться с товарищами.

— Ступай с Богом, — говорят они, — тебе легко идти, нет никакой ноши!

Вот солдат шел-шел, захотелось ему[5] закусить.

— Семка[6] остановлюсь да съем один сухарик.

Только уселся на дороге да развязал узелок — вдруг прилетел жук и говорит человеческим голосом:

— Слушай, солдат. Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря. Дай мне один, я тебе сам пригожусь!

Солдат подумал и отдал ему сухарь; осталось у него только два.

— Ну, видно, теперь попостить придется; оставлю эти сухари на завтра, а то с голоду пропадешь!

---

[1] *Было*: [так]
[2] *Далее*: [А часовой в ответ]
[3] *Начато*: [А что]
[4] *Далее*: [Вот]
[5] *Далее*: [отдохнуть]
[6] *Далее*: [остановл<юсь>]

Завязал узелок и пошел в путь-дорогу. Шел-шел, да от голоду не уйдешь; все что-то на брюхе пусто.

«Э, куды ни шло — закушу!»[1] — думает солдат.

Сел на землю, достал сухарь и только хотел было начинать свой обед — вдруг подбежала мышь и говорит человеческим голосом:

— Слушай, солдат! Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря — дай мне один; я тебе сама пригожусь!

Подумал-подумал солдат и отдал ей сухарь; а сам потащился с пустым брюхом дальше. Шел-шел, а есть еще пуще хочется. Увидал в стороне озеро.

«Дай, — думает, — размочу последний сухарь в воде да скушаю».

Подошел к озеру и начал размачивать свой последний сухарь; вдруг ползет к нему рак и говорит человеческим голосом:

— Слушай, солдат! Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря — дай мне один; я тебе сам пригожусь!

Подумал-подумал солдат и отдал; остался сам ни при чем. Пошел дальше; крепко отощал не евши, бока ему подвело; еле добрался до столичного города. В том городе жил царь, у царя была дочь Несмеяна-царевна, сроду никогда не улыбалась и не смеялась. Царь велел[2] клич кликать:

— Кто рассмешит царевну, за того ее[3] замуж отдаст да еще половиной царства пожалует.

Много находилось охотников ее сватать, да никто рассмешить не сумел. Вот наш солдат идет по большой улице около самого дворца, а навстречу ему старой товарищ — тоже солдат, с которым он прежде в одном полку служил.

— Здраствуй, брат!

— Здорово!

— [4]Откуда? Я думал, что тебя давно в живых нет; три булки собакам скормил, чтоб тебя поминали!

---

[1] *Было*: [съем]

[2] *Далее*: [кр<ичать>]

[3] *Было*: [она]

[4] *Начато*: [Ты]

— Нет, брат! Живёхонек, в чистую вышел.

— Ой ли! Ну, пойдем же по старой памяти в кабак да выпьем на радостях![1]

Повёл его в кабак; спросил целой штоф водки, выпили-закусили и так нарезались, что любо-дорого! Товарищ-то домой побрёл, а нашего-то солдата так разлимонило, что[2], как вышел на улицу — и на ногах стоять не может, так и повалился в грязь[3], прямехонько супротив царского дворца, и заснул словно мертвой. А царевна сидит у окна да смотрит. Вдруг откуда ни взялись: жук, мышь да рак, ползают, суетятся около солдата: надо, говорят, горю пособить, хоть шинель ему просушить. Стащили с солдата шинель и заставили рака на клешнях[4] ее распялить да на солнышке просушивать[5]. Мышь стала воду в раковине таскать да солдату голову обмывать; а жук принялся сапоги ему чистить.

Царевна смотрит да так и заливается со́ смеху; велела слугам прибрать солдата с улицы да к себе представить. Слуги принесли его и положили во дворце на кровать.

Вот как солдат проспался, глядит — кругом его такое богатство, какое только в сказках бывает.

«Ну, — думает, — беда моя! Как я сюда попал?»

А царевна говорит:

— Не бойся, служивой! Здесь тебя такое счастье ждет, какого и не придумаешь!

— Эх, как бы кто[6] да поднёс мне теперь стакан[7] водки, вот бы счастье было!

Царевна тотчас дала[8] ему опохмелиться; после призвала царя и говорит:

— Государь-батюшка![9] Вот[10] кто меня рассмешил![11]

---

[1] *Далее*: [Повёл]
[2] *Далее*: [и как]
[3] *Далее*: [да]
[4] *Далее*: [распр...]
[5] *Далее*: [а мышь с жук<ом>]
[6] *Далее*: [теперь]
[7] *Было*: стакан[чик]
[8] *Было*: [по]дала
[9] *Далее*: [Этот солдат] меня
[10] *Далее*: [мой жених]
[11] *Далее*: [Окромя] [Больше [его] ни за кого не пойду] [замуж!]

Царю больно не понравилось, что рассмешил ее простой солдат[1], а ему хотелось выдать ее за[2] королевича. И стал придумывать, как бы не сдержать своего слова царского. Призвал королевича и солдата, накормил их[3] ужином и говорит:

— Нынешнюю ночь ложитесь оба спать с царевною на адной постели; кого из вас обнимет она во сне[4], за того и замуж отдам!

А ужин у царя был на диво: всего вдоволь. Солдат с голодухи так наелся, что чуть[5] брюхо не трещит! Наелся-напился да еще полны карманы набил разными заедками да конфетами.

Вот пошли королевич с солдатом в спальню к Несмеяне-царевне и улеглись все трое на одной постели. Пришло время — царевна уснула крепким сном, а солдат и королевич с боку на бок ворочаются. Приспичило солдату высраться[6]. Хоть пальцем затыкай, да то беда: два в жопу не лезут, а один запихнуть — слабко. Говорит он королевичу:

— Как тебе, королевич, а мне до ветру хочется!

— И я, брат, крепко хочу; только не знаю, куда выйтить? Везде заперто.

— Да пусть себе заперто! Я пойду, сяду на окошко да и высерусь.

— И я то же сделаю!

Встали оба с постели и пошли[7] срать: солдат влез на одно окно, королевич на другое[8]. Солдат спустил[9] портки, подставил свою фуражку и наворотил ее полную, еще с верхом будет. Потом потихоньку отворил[10] форточку и

---

[1] *Далее*: [а не...]
[2] *Было*: [ца...]
[3] *Далее*: [славным]
[4] *Было*: [ночью]
[5] *Было*: [только]
[6] *Далее*: [Говорит] он королевичу:
[7] *Далее*: [один [солдат встал]] на одно окно[другой на]
[8] *Далее*: [Солдат тотчас спустил портки и ну срать. Солдат наср<а<л>]
[9] *Далее*: [свои]
[10] *Далее*: [окно [форточку] и выбросил за окошко]

выбросил фуражку на двор[1]. После того повынимал из карманов конфеты да заедки и положил на[2] окне в кучку. А королевич так-таки и насрал на под<о>конник и навалил чертову гибель! Воротились и легли на постель к царевне. Немного погодя говорит солдат:

— Эх, королевич! Вить мы худо сделали!

— Чем худо?

— Да вот чем: завтра увидят на окнах говно, прямо на нас и подумают; царь нас[3] за это дело засудит!

— Что же нам делать?

— Ты как знаешь, так и делай с своим говном, а я свое пойду съем.

— Съешь, пожалуста, и мое! Я тебе за это заплачу́, сколько сам захочешь!

— Ну, нет! Будет с меня и своего говна!..

Вскочил солдат, подбежал[4] к окну и давай уплетать конфеты с разными заедками. Королевич лежал-лежал; видит — дело не ладно: солдат свое говно поест, мое останется, завтра, пожалуй, под суд угодишь![5] Встал с постели[6], подошел к окну и начал свое говно уплетать: морщится, да кушает!

— Что, (в)скусно? — спрашивает солдат.

— Эх, брат, какой уж в говне скус! И[7] не рад, да ешь.

Поел королевич свое говно, весь перепачкался и усы замарал.

— Ну, — говорит, — слава Богу! Хоть через силу, да управился!

Лег королевич[8], лег и солдат. Вот ночью проснулась царевна, поворотилась было к королевичу — а от него такой вонью несет, что в нужнике лучше; повернулась от него на другой бок, обняла солдата и проспала с ним до́

---

[1] *Далее*: [а на окно положил в кучку и наклал]
[2] *Было*: [в]
[3] *Далее*: [совсем]
[4] *Было*: под[оше]л
[5] *Далее*: [Надо вставать]
[6] *Далее*: [подошел]
[7] *Было*: [хоть]
[8] *Далее*: [спать]

света. Ранехонько поутру входит к ним царь, видит, что дочь обнимает солдата, и отложил решенье свое до другой ночи.

Прошел день, стало[1] на дворе темнеть.

«Ну, ладно, сукин сын солдат! — думает королевич. — Уж этую ночь ты меня не обманешь».

Призвал[2] своего камердинера, велел купить десятикопеечную редьку* и подать лосиные штаны; редьку заколотил себе в жопу, потом натянул штаны и говорит сам себе: «Теперь не обсеруся! Хоть редька и выскочит, так лосиные штаны не пропустят».

Сели за ужин. Королевич ничего не ест, а солдат-то уплетает. Поел, сбегал перед сном в нужное место, облегчился и пришел в царевнину спальню. Завалились все трое на постель; ни много, ни мало прошло времени, королевич и царевна уснули, а солдат лежит и думает: «Эх,[3] мать твою так! Нынешню ночь, верно, его не надуешь!» Вдруг откуда ни взялись, жук, мышь и рак; начали около королевича суетиться. Мышь жуку говорит:

— Ну-тка, ты, парень, привычен в говне сидеть, полезай к королевичу в жопу, доставай оттуда говно, а мы с раком будем размазывать; надо нам выручать солдата!

Жук сунулся было в жопу — да на королевиче лосиновые штаны, никак не пролезешь! Тут принялась за работу мышь, подобралась и прогрызла в штанах дыру:

— Ну, теперь полезай смело!

Жук сунулся в другой раз, не тут-то было — в жопе редька заколочена!

— Нет, мышка! Никак не могу попасть, вишь[4], в жопе-то дверь заперта!

Мышь подбежала к голове королевича и запустила ему в нос свой хвостик: давай счекотать кончиком. Королевич как чхнет да перднет[5] — редька из жопы и вылетела! Жук не стал долго думать, залез в жопу и ну вытаски-

---

[1] *Далее*: [надвигаться]
[2] *Было*: при[казал]
* *Вариант*: морковь.
[3] *Было*: [Ну]
[4] *Далее*: [у него жоп[а]-то [на] [с дверью]
[5] *Далее*: [вместе]

вать оттуда говно, а рак с мышью берут да размазывают: разрисовали всего королевича[1], всю[2] рожу ему испачкали. Пошла вонь непомерная!

— Ах ты, мерзавец эдакой! Насмешки надо мною смеёшь, что ли? — говорит, рассердившись, царевна.

Повернулась к солдату, обняла его и проспала[3] так до́ свету.

Царь приходит поутру, видит — царевна спит, обнявшись с солдатом, и отложил свое решенье до третьей ночи. Королевич напустился на своего камердинера:

— Что ты наделал, мошенник! Я тебе велел купить хорошую редьку, а ты черт знает какую принес! Да и штаны подал худые.

Побранил его и велел купить двадцатикопеечную редьку, а лосиные штаны подать новые. Камердинер исполнил приказ. Королевич стал совать редьку в жопу — не лезет! Вот он стал раком и приказал[4] камердинеру заколачивать как можно крепче[5]. Тот взял колотушку и забил ее почитай всю. Надел королевич новые штаны и думает: «Врешь же, сукин сын солдат! Теперь[6] меня обнимет царевна; небось не обсерусь — я на себя надеюсь!»

Ночью, как только уснул королевич, мышь тем же манером прогрызла у него[7] штаны и пошла счекотать хвостиком в носу, а жук стоит у жопы — ждет своей очереди за работу приниматься. Королевич как чхнет да перднет — редька выскочила да прямо жуку в лоб: жук опрокинулся вверх ногами, лежит — чуть дышит! Подскочили рак[8] да мышь:

— Что делать, как быть?[9] Как говна добыть! Давайка вытащим жука[10] на двор, пусть его ветром освежит.

Вытащили его на двор и воротились назад; рак запус-

---

[1] *Далее*: [разрисовали]
[2] *Далее*: [ему]
[3] *Далее*: [с]
[4] *Было*: [велел]
[5] *Было*: [по]крепче
[6] *Далее*: [я на себя]
[7] *Было*: [ему]
[8] *Далее*: [да мышь и]
[9] *Далее*: [без жука] говна [не] добыть!
[10] *Было*: [его]

тил королевичу в жопу свою клешню и пошел говно выковыривать, а мышь размазывать: разукрасили королевича не хуже прежняго[1]. Пошла вонь на всю комнату![2]

— Ах ты, мерзавец, — закричала царевна, — ступай вон, подлец, с постели; ложись под кровать!

Нечего делать, принужден был королевич слезть с постели; забился под кровать, лежит да думает: «Только бы убраться из этого царства подобру-поздорову, а то черт её и с женитьбою!»

А Несмеяна-царевна обняла солдата и переспала с ним ночку.

Поутру вошел царь, узнал, что королевич все три ночи обсирался, и велел проводить его из своей земли с худым аттестатом, а солдату дал генеральской чин, обвенчал на своей дочери и позволил жить во дворце.

б

В некотором царстве-государстве был отставной солдат. Шел он как-то мимо гостиных рядов, увидал в лавках всякого добра навалено и начал говорить сам с собою:

— Эхма! Голова-то у меня умна, да денег нету! Если б мне денег побольше, уж я б выкинул штуку! Не стал бы так торговать, как эти купцы торгуют.

Услыхали его похвальбу богатые купцы и говорят меж собой:

— А что, братцы! Попробуем[3] — дадим ему тысячу рублей да посмотрим, что он сделает?

— Ну что ж! Сделаем складчину и дадим.

Сейчас позвали солдата и спрашивают:

— Слушай, солдат! Что[4] ты сделаешь с деньгами, коли мы подарим тебе тысячу?

— Наперёд подарите, так опосля[5] и увидите.

Сделали купцы складчину: кто пять, кто десять рублей; собрали как раз тысячу и отдали солдату.

---

[1] *Далее*: [Потом пошла]
[2] *Далее*: [Царевна]
[3] *Начато*: [Дад<им>]
[4] *Далее*: [же]
[5] *Было*: [тогда]

«Куда[1] девать деньги? — думает солдат. — Пройдусь-ка[2] я по рынку посмотрю — не попадется ли что повыгоднее купить».

Ходит по рынку и не знает, что бы такое купить; как в кармане-то было пусто, был в голове разум, а теперь словно сам не свой, просто глаза разбегаются! Несёт ему навстречу мужик клетку, а в клетке сидят мышь да жук*.

— Что́, мужичок, продаешь? — спрашивает солдат.

— Разве не видишь: жука да мышь продаю.

— А сколько просишь?

— Коли хочешь купить, давай тысячу рублей, дешевле не отдам.

— Что так дорого?

— А дорого потому, что в придачу к ним даю дудочку: будешь[3] в дудочку играть[4], станут мышь да жук плясать.

Заплатил солдат тысячу, взял клетку и дудочку и пошел в гостиный ряд.

— Эй, служивой! — кричат купцы. — Покажи, что купил?

— Вот смотрите: бабьи забавы купил, целую тысячу заплатил.

Сейчас выпустил из клетки жука с мышью и начал в дудочку играть[5]. Он играет, а жук с мышью пляшут да такия хитрыя[6] коле́нца выкидывают, что[7] всякой, кто ни увидит, так и зальется смехом: умора, да и только!

— Молодец, служба! — говорят купцы. — Будешь теперь с хлебом! Ступай наших жен повесели![8]

Пошел солдат по купеческим женам и собрал с них много[9] денег. С той поры, с того времени начал он по городам ходить да людей веселить. Случилось ему зайти в

[1] *Далее*: [теперь]

[2] *Было*: [Пойду]

* *Вариант*: Идет навстречу жид, несет сундучок, а в том сундучке мышь на цимбалае играет, а жук с блохой вприсядку пляшут.

[3] *Было*: [станешь]

[4] *Далее*: [станут [будут] жук да мышь плясать]

[5] *Далее*: [стали; пошла]

[6] *Далее*: [штуки]

[7] *Далее*: [всяк; всяко]

[8] *Было*: наши[м] жен[ам показывать, веселить]

[9] *Далее*: [-много]

один столичной город. А в том городе жил-был царь с царицею, у них была дочь[1]-красавица, и жила эта царевна в великой любви с одним генералом. Сколько ни сваталось за нее разных чужестранных королей и королевичей, царей и царевичей — ни за одного[2] не хочет выйти.

— Пускай, — говорит отцу, — тот будем моим женихом, кто рассмешит меня.

Короли, королевичи, цари и царевичи и разные принцы пробовали смешить царевну — не тут-то было. Никак не могут рассмешить ее: такая завсегда она печальная, даже не улыбнется никогда!

Прошла об этом молва по всему царству. Царь велел клич кликать:[3] не возьмется ли кто вылечить царевну? Кто вылечит[4], за того[5] отдаст ее замуж.

Солдат услыхал тот клич и пошел во дворец. Тотчас доложили царю, что пришел-де отставной солдат, бабьи забавы показывает[6], от тоски вылечивает.

— Можешь ли вылечить царевну? — спрашивает царь.

— Могу, ваше величество.

— Смотри же: коли вылечишь — отдам ее за тебя, хоть ты и простой солдат; а коли ты врешь — сквозь строй прогоню да в каторжную работу сошлю!

Привели солдата в комнату к царевне. Он выпустил[7] жука с мышью из клетки, начал в дудочку играть, стали жук да мышь плясать, хитрыя коленца выделывать[8], вприсядку откалывать! Как ни крепилась царевна, как ни перемогалась, не могла выдержать — так и покатилась со смеху. Царь не стал долго думать, перевенчал ее с солдатом. Сделал пир на весь мир. После призывает своего зятя и говорит:

— Ну, зять мой любезный! Как ляжешь спать с моей дочерью, в нынешню же ночь слазь на нее беспременно и

---

[1] *Далее*: [прекрасная]
[2] *Далее*: не [хотела] выйти [замуж]
[3] *Далее*: [кто да [такой] найдется]
[4] *Далее*: [тому]
[5] *Далее*: [возьмет]
[6] *Далее*: [да людей веселит]
[7] *Далее*: [из клетки] жука [и] мышь
[8] *Далее*: [да]

наутро доложи мне: целка она или давно продырявлена?[1] Ведь недаром же она замуж идти не хотела!

— Слушаю, ваше царское величество! Все будет исполнено.

Дождались ночи и пошли спать. Солдат разделся, надрочил свой солдатской елдак и сбирается на царевну лезть, а та и слышать не хочет:

— Нет, голубчик мой милый! Как хочешь, а в первую ночь я не согласна грех делать. Потерпи до другой ночи.

Сколько солдат ни возился, сколько около ней ни ста<р>ался — не мог ничего сделать.

Поутру король требует к себе зятя:

— Ну что, слазил на жену, узнал глубину?

— Виноват, ваше величе<ств>о! Никак нет.

— Так и быть, на первой раз прощаю, — говорит царь, — только смотри не зевай, держи ухо востро!

На другую ночь сбирается солдат жену поеть, а она ему:

— Не трогай меня, миленькой! Хоть[2] одну ночку[3] пообожди.

Умаслила его, упросила-умолила. Наутро призывает его царь:

— Что, зять мой любезной! Брал ли нынешню ночь крепость? Какова была[4] — цела аль разбита?

— Виноват, ваше величество, всю ночь проспал[5].

— Так и быть, прощаю[6] еще раз! Только смотри, это тебе последняя ночь: не давай маху![7] После хватишься, да поздно будет!

Наступила и третья ночь. Лег солдат с царевною и думает: «Ну, теперь[8], голубушка, как ни проси — не смилуюсь, а проберу тебя попросту, по-солдатски».

---

[1] *Было*: [проеблена]
[2] *Далее*: [еще]
[3] *Далее*: [дай]
[4] *Было*: [она]
[5] *Далее*: [всю ночь]
[6] *Далее*: [на этот] раз! [Смотри]
[7] *Было*: [не зевай]
[8] *Далее*: [куда]

Надрочил свой елдак и стал у царевны[1] титьки пощупывать да подол заворачивать.

— Ах, миленькой! — говорит царевна. — Не трогай меня еще единую ночку; у меня такой завет положен, чтоб первыя три ночи не иметь с своим мужем греха; пред святою иконою в том побожилась, право слово — не лгу!

«Пусть будет по-твоему!» — подумал солдат и не стал ее трогать*.

Наутро призывает его царь:

— Ну, любезной мой зять! Какой скус в моей дочери? Попробовал целку?

— Виноват, ваше величество, опять проспал!

Царь крепко рассердился на своего зятя. Призвал стражу и велел взять его да посадить в каземат: пускай-де сгниёт в крепости, коли не сумел[2] с девкой справиться!

Стража тотчас схватила солдата[3], и посадили его, горемычного, в каземат под строгой караул.

Сидит он там месяц, и другой, и третий. Вот говорит царевна отцу:

— Любезный батюшка! Осталась я ни вдова, ни мужня жена. Позвольте мне в другой раз замуж идти.

— А кто возьмет тебя после солдата?[4] По-моему: кто первой тебя посватает, тот[5] тебе и муж!

Царевна обрадовалась и сказала своему полюбовнику ге-

---

[1] *Далее*: [сиськи]

* *Вариант*: В другом списке генерал три раза уговаривает солдата не трогать царевны, и тот соглашается на первую ночь за сто рублей, на вторую за двести, на третью за триста. Поутру пошла царевна к отцу с жалобой.

— Что скажешь, дочь любезная!

— Ах, государь-батюшка! Солдат никуда не годится, три ночи спит, а греха не делает; я к нему поближе, а он от меня подальше!

Царь рассердился и посадил солдата в крепость, а дочь отдал за генерала.

[2] *Далее*: [справиться]

[3] *Было*: [его]

[4] *Далее*: [— Да если [тут] б, вы позвольте, а я найду себе мужа! Пусть] кто первой [меня] посватает, тот [и будет моим] муж[ем].

[5] *Далее*: [первый и будет твой] муж

нералу, чтобы смело шел ее сватать — отказу не будет![1]

Генерал посватался, и в тот же день обвенчали его на царевне.

Дошла эта весть до солдата. Горько ему стало, и вспомнил он:[2]

— Эх, где-то мои бабьи забавы теперь?

Только вымолвил, жук с мышью сейчас к нему явились и спрашивают:

— Что тебе надобно?

Солдат рассказал им свое горе и стал просить:

— Нельзя ли как досадить тому генералу? Коли мне не досталась царевна, пускай никто не владеет ею!

— Не тужи, хозяин! Все будет сделано, — отвечал жук.

Вот как стемнело, пошел генерал с царевною[3] спать. За свадебным столом он так наелся-напился, что как лёг — так и захрапел во всю мочь. Жук с мышью забрались[4] в спальню, вползли[5] на кровать. Жук тотчас пристроился, залез к генералу в жопу и давай оттудова говно таскать да мыши подавать, а мышь принялась размазывать генеральскую рожу.

Обработали дело и ушли по своим местам. Ночью проснулась[6] царевна, хвать[7] за генерала, хотела его поцеловать да так-таки на говно и ткнулась. Слышит: вонь великая! И вскричала:

— Няньки и мамки![8] Несите скорее огня![9]

Няньки и мамки подали огонь; глянула царевна — генерал весь в говне.

— Что это с тобой сделалось?

— И сам, — говорит, — не знаю: допрежде того никогда не бывало!

---

[1] *Далее*: [царь]
[2] *Далее*: [про]
[3] *Далее*: [и улеглися]
[4] *Было*: [про]
[5] *Было*: [влезли]
[6] *Далее*: [коро<левна>]
[7] *Было*: хват[илась]
[8] *Было*: мамки [и няньки!]
[9] *Далее*: [Мамки]

Пока генерал обмывался да переодевался, совсем рассвело — не удалось ему и позудить царевны.

На другую ночь случилось то же самое; разгневалась царевна на генерала, говорит ему:

— С тобой, мерзавец, спать совсем нельзя! Коли еще усерешься — пойду да отцу расскажу!

Что делать генералу? Стал совет держать с своим камердинером. Тот ему и присоветовал: ты де на́ ночь ничего не ешь да напяль на себя двое штанов суконных да одни кожаные, а жопу заткни луковицей*. Генерал так и сделал.

Легли спать. Ночью мышь прогрызла ему штаны; жук туда-сюда — не найдет дыры; на ту пору генерал как перднет** — луковица вылетела да в жука. Жук лежал, лежал, ногами дрыгал-дрыгал, насилу выправился и натаскал говна столько, что ну!

— Мышь! Ты штукатурь!

Мышь и[1] генерала, и кровать, и всю комнату умазала. Пошли духи по всему дворцу.

Царь проснулся:

— Какой запах!

Пошел посмотреть, откуда несет, и прямо пришел к царевне в спальню.

— Эй, няньки, мамки! Подайте огню!

Няньки-мамки прибежали с огнем.

— Что это у вас за вонь такая? — закричал на них царь.

— Помилуйте, ваше величество! — отвечают мамки с няньками. — Уж это не первая ночь. С того самого времени, как женился генерал на царевне, просто спокою не знаем — всякую ночь он обсирается! От солдата, бывало, ничего худаго не слышно, а от этого так и разит![2]

На[3] этот шум пробудилась царевна и принесла отцу жалобу.

— Что это, — говорит, — за муж! Это — засеря!

---

* *Вариант*: «закупори пробкою!»

** *Вар<иант>*: блоха бросилась, залезла в нос генералу — генерал чхнул — пробка вылетела.

[1] *Было*: [всего]

[2] *Далее*: [Тут] пробудилась [на шум]

[3] *Начато*: [Вот]

Царь в ту ж минуту приказал выпустить из темницы солдата, а на его место посадить генерала.

Положили солдата с царевною ночь досыпать. Тут уж солдат не стал разговаривать, запустил царевне свой солдатский хуй, пробрал ее как следует и узнал, что царевна давным-давно проёбана!

в

В некотором царстве, в некотором государстве жил король с королевой. Была у них дочь — прекрасная королевна, тихая да смирная; никто не видал, чтоб она когда рассмеялась. Стало время приближаться — пора царевну замуж выдавать. Говорит она отцу с матерью:

— Ни за кого не пойду замуж, окромя за того, кто рассмешит меня!

Вот хорошо. Король объявил по всему своему государству, чтобы съезжались к нему: князья да бояре, купцы и посадские и всякие простые люди — лишь бы крещеные были — смешить его дочь. Кто рассмешит, за того выдаст замуж королевну, а за нею выделит половину королевства. Со всех сторон стали съезжаться во дворец князья и бояре, купцы и посадские и всякие простые люди. Только ни один не мог рассмешить ее своими шутками и разговорами; так все со стыдом по домам и разъехались.

В том самом королевстве жил-был в одной деревне мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Умные ходили на охоту да занимались хозяйством, а дурак завсегда лежал на печи да перетирал золою муде.

— Что ты все на печи лежишь? — стали говорить ему братья. — Хоть бы в лес пошел да грибов набрал!

— Пожалуй! — отвечает дурак[1].

— Да знаешь ли ты[2], какие грибы бывают?

— Покажите, так буду знать!

— Есть нам когда с тобой, дураком, возиться! Ты смотри: который гриб белой[3], а корешок толстой — тот и бери.

---

[1] *Далее*: [Пойду наберу грибов]
[2] *Далее*: [дурак]
[3] *Далее*: [да]

— А сколь толст? Будет с мой хуй али нет?

Умные братья засмеялись и ушли на охоту, а дурак слез с печки и побрел в лес. Ходит по́ лесу да хуй в руках держит. Как увидит где гриб, сейчас[1] сравнит с хуем: толст ли корешок? И набрал полну котомку мухоморов. Воротился домой.

— На[2], — говорит, — матушка! В лесу столько хуев растет, что и за́ год не перетаскаешь!

Взобрался опять на печь и ну перетирать муде золою.

Вот король объявил в другой раз, чтобы шли всякие люди смешить королевну. Умные братья собрались ехать в королевский город, а дурак туда ж просится:

— Возьмите и меня с собой, братцы!

— Куда тебе, дураку! Через тебя и нас повесят!

Только как[3] ни отговаривались, не могли от него отговориться[4]. Пошел дурак вслед за братьями. Шли они, шли, валяется на дороге деревянной гвоздь от бочки.

— Вот находка так находка! — говорит дурак.

Поднял[5] и взял с собою.

— Экой дурень! Всякую дрянь берет, что только на глаза попадется, — говорят братья.

Опять пошли[6]: шли-шли, идёт навстречу баба, несет голубя.

— Продай, бабушка![7] — сказал дурак.

— Купи!

— На что тебе? — спрашивают у дурака братья.

— Авось пригодится! — отвечает дурак.

Купил голубя и запрятал в карман. Вот пришли наконец во дворец и стали ожидать, когда выйдет[8] королевна. Долго ждали. Захотелось дураку срать, а куда до ветру

---

[1] *Далее*: [посличит, по] [со] с [своим] хуем[: буде сколь]

[2] *Было*: На[те]

[3] *Далее*: [они]

[4] *Далее*: [Дурак взял котомку и]

[5] *Далее*: [и положил в к[арман]отомку. Опять шли, шли; валяется на дороге обруч; дурак и тот поднял и понес] с собою.

[6] *Далее*: [дальше]

[7] *Далее*: [говори<т>]

[8] *Далее*: [к ним]

сходить — не знает; он снял с себя шапку[1], наворотил ее полную; стоит и держит под мышкою[2]. Тут выступила королевна, и принялись все шутить:[3] уж каких смéхов[4], каких штук не было! — все не берет: хоть бы нарочно улыбнулась королевна!

[5]Дошел черёд до дурака. Он глянул на нее и говорит:

— Здрастуй, холодная пизда!

— А почем ты знаешь? Может, у меня пизда-то горячая!

— А коли горячая, вот тебе голубь, ошпарь его[6] как надо!

— Боюсь, улетит! У меня ведь две дыры: одна спереди, а другая сзади.

— Это не беда! Вот тебе гвоздь, заткни дыру́ в жопе.

— Экой невежа! К твоей шутке только говна недостает!

— Неправда, вот и говно! — сказал дурак и раскрыл[7] свою шапку.

Все кругом засмеялись, засмеялась и прекрасная королевна. Тут взяли дурака, обмыли, обрили, причесали и на королевне обвенчали.

г

В одном городе был-жил дворянин по прозванию Голой. Не было у него ни кола ни двора; только и был один слуга Ванька — и за лакея, и за кучера, и за повара — за все отвечал — да одна лядащая кобыла. Раз Голой барин был в трактире и вычитал в газетах, что в некоем королевстве есть у короля дочь такая красавица, какой нигде не найти, и что король отдаст ее за того замуж, кто ее сумеет рассмешить. Многие иностранные королевичи и принцы пробовали смешить королевну, только все понапрасну.

Рассказал про то барин Ваньке, а Ванька побежал

---

[1] *Далее*: [и тут же]
[2] *Далее*: [Выходит прин...] Тут вы[шла]
[3] *Далее*: [да к]
[4] *Далее*: [не было]
[5] *Начато*: [Вот]
[6] *Далее*: [да изготовь на обед]
[7] *Было*: [выбросил]

сейчас в лавку, стянул новую рогожу, сшил из нее сертук да брюки и говорит:

— Одевайся поскорей, барин, в новую одежу, поедем добывать королевну. Добудем — и станем жить припеваючи, а не в эдакой нищете да бедности.

— Что тебе это вздумалось? — отвечает барин. — Лучше, брат, нам дома сидеть, чем[1] по чужим сторонам ездить да людей смешить.

Ванька так пристал, что никак не отговориться. Вот запрягли кобылу и поехали. Едут они путем-дорогою[2], увидали, огонь горит — в огне змея лежит. Ванька ухватил барскую шпагу и выкинул змею из пóломя вон.

Едут дальше. Увидали, поле пшеницей засеяно, а в той пшенице ходит корова. Ванька ухватил кнут и выгнал оттуда корову.

Приехали во дворец. Доложились королю, что приехали смешить его дочь — прекрасную королевну. Король[3] спрашивает Голого барина:

— И взаправду можешь ты рассмешить мою дочь?

— Могу, ваше королевское величество.

— Смотри же. Если рассмешишь — отдам ее за тебя замуж, а если не рассмешишь — с плеч голова долой!

Тут призвал король своих верных слуг и приказал отвести гостям комнату возле той самой спальни, в которой[4] спит-почивает Несмеяна-королевна.

Вот вечером пришла королевна в спальню и закричала:

— [5]Няньки и мамки!

Тотчас явились и няньки и мамки:

— Что угодно вашему высочеству?

— Стелите мне постель.

Мамки и няньки принесли перины пуховые[6]. А барин

---

[1] *Далее*: [ездить]

[2] *Далее*: [и пристигла их темная ночь. Надо ночевать, а где ночевать? Туда-сюда — везде кругом топкое болото.

— Ну, барин, ложись спать на кобыле, а я останусь на телеге]

[3] *Далее*: [приказал, и им отвести комнату возле [той] спальни королевны, где спит [почивает] Несмеяна-королевна]

[4] *Далее*: [Несмеяна-королевна]

[5] *Начато*: [Эй вы]

[6] *Далее*: [и постелили ей постель]

Голой услышал то и сам закричал:

— Эй, Ванька!

— Чего извольте, сударь?

— Постели-ка, брат, постель.

Ванька побежал на кухню, набрал около печки целую вязанку дров, приволок[1] — разложил по полу:

— Готово, сударь! Извольте ложиться.

Королевна разделась и легла на пуховых перинах, а Голой барин лег на дровах. Прошло немного времени, королевна повернулась на другую сторону и закричала:

— Няньки и мамки! Посмотрите, что-то жмет меня по́д бок!

Няньки и мамки посмотрели и говорят:

— Это, ваше высочество, лебединое перо через гусиное перелегло.

Голой барин услыхал и себе тож:

— Эй, Ванька! Посмотри поскорей, что-то в жопу меня колет.

Ванька посмотрел и говорит:

— Это, сударь, березовое полено[2] перевалило через осиновое, оттого и колет!

Немного погодя королевна опять повернулась[3] и уронила с руки кольцо.

— Эй, няньки и мамки!

— Что угодно вашему высочеству?

— Гляньте-ка[4], что я на́ пол уронила?

— Золотое колечко с руки.

— Ну возьмите его себе![*5]

Голой барин все[6] слушает да придумывает:[7] тут он понадулся да как перднет на всю комнату:

---

[1] *Было*: при[тащил]

[2] *Далее*: [понавалило через осиновое]

[3] *Было*: пере[вернулась]

[4] *Было*: [Посмотрите]

[*] *Вариант*: Стала королевна раздеваться и уронила двугривенный.

— Няньки и мамки! Поищите, что я выронила?

— Двугривенной, ваше высочество.

— Возьмите себе на орехи.

[5] *Далее*: [на забери]

[6] *Было*: [и сам]

[7] *Далее*: [повернулся вот] надулся [он]

— Эй, Ванька!

— Чего извольте, сударь!

— Поищи, братец! Я обронил что-то.

Ванька начал[1] ползать[2] да искать по́ полу.

— Что, нашел?

— Никак нет, сударь: около носа вьется, а в руки не дается.

— Поищи хорошенько! А найдешь, возьми себе на орехи*.

Королевна услыхала эти речи, не могла утерпеть и рассмеялась.

— Ну, королевна! — говорит барин. — Ты теперь рассмеялась, не отопрись завтра!

— Не бойся, — отвечает она, — я своему слову госпожа.

Наутро собрались все к королю. Стал он спрашивать свою дочь:

— Правду ли говорит Голой дворянин, что ты, любезная дочь, рассмеялась ночью?

— Правда, государь-батюшка! Только идти за него замуж я не согласна.

— Отчего так?

— Оттого, что он невежа, не умеет держать себя[3] поучтивому. Прошлую ночь перднул на всю горницу.

Тогда бояре и сенаторы стали говорить ей:

— Это, ваше королевское высочество, ничего не значит! Ведь он для вас же старался: коли и перднул — так все для того, чтоб вас рассмешить.

— Ну, если он такой хитрой, — сказала королевна, — пусть загадает мне такую загадку, которой бы не сумела я разгадать. Тогда и пойду за него замуж.

---

[1] *Далее*: [по полу]

[2] *Далее*: [по полу]

* <*Вариант*>: — Поищи хорошенько!
— Нашел, сударь!
— Что такое?
— От вашей жопы засушинка.
— Возьми себе на водку.
— Благодарим покорно!

[3] *Было*: [в горнице]

Весь совет согласился.

Голой барин стал[1] загадывать:

— Ехал я путем-дорогою, смотрю, на дороге зло, а в том зле опять-таки зло. Ванька мой соскочил[2] с повозки да зло из зла злом и выкинул. Потом поехал я дальше. Смотрю:[3] не так далеко от дороги стоит добро, а в том добре опять-таки[4] добро. Ванька мой соскочил с повозки и добро из добра добром и выгнал! Вот тебе, королевна, загадка. Разгадай-ка!

Королевна стала просить[5], чтоб обождали до утра. В то время она подумает, как и что отвечать. Вот воротилась она в свою комнату, думала-гадала — ничего не разгадала.

«Как быть, чтоб себя не осрамить?»

Позвала *фрельню* и говорит ей:

— Ступай поскорей к Ваньке и разузнай от него[6], как разгадать ту мудреную загадку. Всячески добивайся, ни за что́ не постой — только бы сказал, а уж после я тебя награжу большим имением.

Фрельня побежала к Ваньке, пристала к нему, как лист банной к жопе: скажи да скажи, что значит энта загадка?

— Пожалуй, — говорит Ванька, — я скажу, сударыня, только[7] согласитесь ли вы сами на то, о чем попрошу?

— Соглашусь, проси смело.

— Ну так разденьтесь донага́, я на вашу красу посмотрю да разок-другой[8] вас махну — тогда и дело сладится!

Фрельня сначала было́ и слушать не захотела, да потом думает себе: куда ни шло! Королевна обещалась наградить имением, а пизда-то у меня не купленная! Разделась догола. Ванька полюбовался на ея белое тело да положил на кровать. Отзудил и стал кричать:

---

[1] *Было*: [говорит]
[2] *Было*: [ухватил]
[3] *Было*: [вижу]
[4] *Было:* [другое]
[5] *Далее*: [обождать до утра]
[6] *Далее*: [это]
[7] *Далее*: [сами вы сделаете]
[8] *Далее*: [от]

— Ай, сударь, сударь! Ко мне ведьма пришла!

Барин ухватил плетку, выскочил из своей горницы и давай пороть ее по спине. Фрельня видит, что беда пришла, — подавай Бог ноги, и убежала голая. Так Несмеяна-королевна и не разгадала загадок, а не разгадам(в)ши, принуждена была выдти замуж за того[1] барина.

Вот таким-то случаем сделался[2] бедной дворянин королевичем. Ваньку[3] произвел он в чины и сделал первым при себе человеком.

95
МУЖ ДА ЖЕНА

Жил мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, полюбила попа; сама не работа<ла>[4] да и мужу не давала, все больной прикидывалась да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа.

Вот посылает его раз в Ревель за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает:

— Куда идешь?

— Да жена больна, иду приискать лекаря.

— Давай я вылечу!

— Пойдем, батюшка! Помоги, Христа ради, замучилась, бедная!

Вот вернулись, стали подходить к избе, лекарь и говорит:

— Погоди-тко на дворе; дай я наперед[5] посмотрю, что с ней деется?

Заглянул в окно — она с попом гуляет, харчей, вина и браги — всего вдоволь. Он и просится:

— Хозяюшка, пусти ночевать!

Она было не хотела, да поп говорит:

— Пусти! Ведь он не знает ни кто ты, ни кто я!

---

[1] *Было*: [Голого]

[2] *Далее*: [<*нрзб*>] бедной [бари<н>]

[3] *Было*: [и Ваньку]

[4] *В рукописи слово не дописано*: работа...

[5] *Далее*: [в окно]

Пустила его в избу и накормила-напоила. Мужик говорит:

— Хозяюшка, мне бы соломки надобно.

— Пойди в пелевню (сарай, пуня), возьми сколько надобно!

Он пошел, завернул хозяина в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала.

— Мужичок, — говорит, — спой песенку.

— Прежде ты спой, а потом и я спою.

Она[1] пляшет и поет:

— Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик по лекаря; ему дома не бывать, жены не видать!

А мужик запел:

— Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине!

Муж выскочил из соломы и ну дуть попа да хозяйку. Важно отдул. Перестала хворать!

96
НАБИТОЙ ДУРАК

...Идет дурак по деревне, а мужик свинью палит. Он схватил ушат с водой и давай огонь заливать. Мужик осерчал да в шею его, да в шею. Пришел дурак и плачет.

— Что ты плачешь, дитятко? — спрашивает мать.

— Так и так, мама, мужик прибил.

— Ах ты, глупой! Ты бы сказал ему: дай Бог тебе этим кусочком на светлый день разговеться! Он бы и[2] тебе дал свининки.

— Хорошо, вперед так скажу.

Идет дурак по деревне и видит:[3] поп сидит под забором да серет. Подошел к нему и говорит:

— Дай Бог тебе, батюшка, этим кусочком на светлой день разговеться.

Поп встал, подвязал портки и наплевал дураку в глаза.

---

[1] *Далее*: [поет]

[2] *Далее*: [то]

[3] *Было*: [глядь]

97

ПОП-ВОРОЖЕЙКА

Жил-был поп по прозванью Жаворонок[1], а при нем дьячок находился: оба горькие пьяницы! Овдовел и поп, овдовел и дьячок, и начали еще больше прежнего пить горькую. Пропили сначала дьячково именье, а после промотали и батьково. Не на что стало опохмелиться. Что делать?

Говорит поп дьячку:

— Возьми, свет, с крилоса церковныя книги, заложим в кабак, а после, как поправимся, назад выкупим.

Дьячок сейчас сграбастал книги, заложил в кабак и кутнули с попом на славу.[2] Наутро[3] голова трещит, надо[4] бы опохмелиться — да опять не на что! Как[5] быть? Откуда достать?

— Погоди, свет, — говорит поп, — что́ ни будет, а я свои ризы заложу, дак еще с тобой погуляем!

Заложил ризы, и тут же пропили с дьячком все деньги. Вот так-то они в две недели все церковные вещи обработали: все в кабак пошло! Приходит воскресенье, а попу и[6] обедни отслужить нельзя: нет ни одной книги, ни одной ризы — не во что и одеться.

— Что нам делать, дьяче?

— Не знаю, батюшка! Что вам угодно, то и делайте; ведь с вас, не с меня спросят.

— Ну, я, свет, больным скажусь, пускай люди знают, что оттого обедни нет, что поп заболел!

Прошло одно воскресенье, и другое, и третье, а до церкви все не звонят. Люди поговаривают:

— Батько крепко болен! Нельзя же нам быть без службы божией, станем просить себе другаго попа.

Услыхал про то поп.

---

[1] *Было*: [Жук]
[2] *Далее*: [Не хватило. Поутру]
[3] *Далее*: [надо]
[4] *Далее*: [видно]
[5] *Было*: [Что]
[6] *Далее*: [служить]

«Ну, — думает, — это дело не ладно! Еще, черт возьми, коли наедет иной священник да увидит, что у нас в церкви до́чиста обработано, так мне за это достанется; неровен час и в Сибирь угодишь! Надо выдумывать, как бы поправиться».

Призывает поп дьячка.

— Что, свет! Дело-то наше плохо. Умели мы гулять, надо суметь и поправиться.

Дьячок в ответ:

— Мое дело сторона! Я ничего не ведаю; что хотите, то и делайте.

— Да ты слушай, что я стану сказывать!

— Сказывайте, батюшка.

— Вот что, дьяче! Ты ступай воровать, а я буду ворожить. Коли[1] что украдешь — мне прямо и сказывай, где[2] спрячешь, а я буду отгадывать. Вот мы и поправимся.

— Ну, хорошо!

На их счастье, в ту же ночь гнали через село гурт быков; дьячок отшиб одну пару и загнал в лес; приходит к попу:

— Ну, батюшка, я пару быков украл!

— Куда ж девал?

— А вот за селом в лесу к сосне привязаны.

— Ладно, свет! Завтра, когда станут[3] быков искать, посылай ко мне ворожить.

Утром рано хватился купеческой приказчик быков, ходит по селу, везде ищет — нет нигде.

— Что ты ищешь? — спрашивает его дьячок.

— Да беда приключилась: нынешней ночью пропала из гурта пара лучших быков! Не могу отыскать.

— Эх, почтенный! Да вы ступайте к нашему попу; он сейчас выворожит и вашему горю[4] поможет. Хоть он теперь и болен, ну да, коли вы получше ему заплатите, так ничего, авось для вас потрудится. Он старик доброй!

— Да я сотни рублев не пожалею, только бы пропажа нашлась!

---

[1] *Было*: [Где]
[2] *Было*: [куда]
[3] *Далее*: [искать]
[4] *Было*: [делу]

Пошел приказчик к попу:

— Здраствуйте, батюшка!

— Здраствуй, свет! Что скажешь?

— Я к вашей милости! Потрудитесь, батюшка, пособите моему горю.

— Какому, свет?

— Пропала у меня пара быков, так поворожите!

— Ах, свет! Я теперича слаб, хвор — не знаю, что и делать-то.

— Сделайте милость! Вот вам, батюшка, за труды сто рублев.

— Ну, так и быть! Становись, свет, перед образом на колени да молись Богу — авось откроет.

Купеческой приказчик стал перед образом на колени и давай лбом[1] поклоны бить; а поп взял старую книгу, книгу читает, а сам воздыхает. Битой час читал, приказчик ажно вспотел!

— Ну, свет, — говорит поп, — пропажа твоя нашлася, открыл Господь! Ступай за село, там есть лесок, в том лесу твои быки к сосне привязаны; только иди скорее, а то мошенники дальше уведут.

Приказчик[2] бегóм в лес пустился, и, как сказал поп, так и вышло: стоят быки к сосне привязаны. Воротился приказчик в деревню, благодарит попа и говорит между слов:

— [3]Батюшка! Мне бы хотелось узнать, кто это спроворил — моих быков увел?

— Ну, свет! Этого нам не дано знать.

[4]После того призывает поп дьячка.

— Теперь, брат, поправимся![5] Сто рублев в кармане. На первой раз выкупим ризы да книги, а там посмотрим.

Выкупили ризы и книги. Дня два спустя сказывает поп дьячку:

— Поди-ка, свет, к нашему барину, сведи с[6] конюшни любимого его жеребца, тогда-то совсем поправимся!

---

[1] *Было*: [усердно]
[2] *Далее*: [пустился]
[3] *Начато*: [— Ты]
[4] *Начато*: [Пр...]
[5] *Далее*: [На пер<вой>]
[6] *Было*: [из]

Дьячок дождался ночи и забрался на барской двор. На его счастье, кучера были пьяные. Он вывел жеребца из стойла да в чистое поле[1], завел в овраг и привязал около пня. Воротился к попу:

— Ну, батюшка! Барской жеребец в наших руках.

— Хорошо, свет! Где же ты его спрятал?

— В овраге.

Поутру[2] просыпаются кучера, смотрят в стойло — нет барского любимого жеребца. Где искать? Доложили барину: жеребца-де нету!

— Как нету? Где же вы были, чего смотрели? Вот я вас всех передеру, всех в солдаты сдам, коли не сыщете!..

Искали-искали — не нашли. Нечего делать, посылает барин за попом, чтобы непременно к нему явился. Пришел поп:

— Здраствуйте, барин!

— Здраствуй, поп!

— Что вам надобно?

— А вот что, отец. В прошлую ночь у меня воровство случилось: пропал с конюшни жеребец что́ ни есть самой лучшо́й. Я за него 3 тысячи заплатил!

— Да, это дело нехорошее!

— То-то и есть! Потрудись, поворожи, а я тебе за хлопоты триста рублев жертвую.

— Надо для вашей милости потрудиться; прикажите мне отвесть особую комнату.

Барин приказал отвесть ему особую комнату. Поп взял старую книгу, стал у образа и начал[3] читать. Битой час читал, а после выходит к барину.

— Господь, — говорит, — открыл вашу пропажу мне, грешному: нашелся жеребец.

— Где, батька?

— А вот в таком-то овраге у пня привязан; скорей поезжай на то место, а то мошенники вечером уведут дальше.

Барин нашел жеребца, воротился домой и отдал попу триста рублев с великою благодарностию.

— Спасибо, отец, за твои труды!

---

[1] *Далее*: [и]

[2] *Далее*: просыпа[е]тся [барин]

[3] *Было*: [ну взя<лся>]

Поп выкупил на те деньги и остальные церковные вещи и начал опять служить в церкви; да еще порядком осталось — было на что́ погулять с дьячком не день, не два, а, почитай, целой месяц, коли не больше. Как только узнали прихожане, что поп мастер ворожить, так все к нему и бросились: у кого курица али поросенок пропадет — тот сейчас к попу и тащится.

— Поворожи, батюшка!

— Подите вы, окоянныя! С эдакими[1] пустяками лезете; стану я курицею да поросенком Богу надоедать!

Пошла о попе молва по всему околотку. Вот у одного знатного князя пропала как-то из кабинета шкатулка с деньгами, а денег-то было тысяч со сто; свои-ж люди утащили. Князь приказал заложить карету и ехать за попом, чтоб непременно к вечеру его представить. Приехали за попом.

— Собирайся, — говорят, — к князю; у него деньги пропали — ворожить надо.

Поп думает: «Что ж это дьячок мне ничего про то не сказывал?»

Призывает к себе дьячка:

— Что же, свет, молчишь? Куда деньги спрятал?

— Какия деньги? Я ничего не знаю.

— Как не знаешь? Ведь у князя деньги пропали, требует меня ворожить!

— Да я в его вотчине сроду не бывал!

— Боже мой! Что делать-то? Что я князю-то скажу, ведь он меня кнутом засечет.

— Что хотите, то и делайте! Мое дело сторона!

Поп — нечего делать — взял свою старую книгу, сел в карету и поехал на княжий двор.

— Здраствуй, батька!

— Здраствуйте, ваше сиятельство!

— Ну, слушай; я ведаю, что ты большой мастер ворожить;[2] поворожи-ка мне, у меня пропала из кабинета шкатулка с деньгами — тысяч сто будет! Ежели выворожишь, половину тебе дарю.

---

[1] *Было*: [т]акими

[2] *Далее*: [так]

— Рад потрудиться для вашей милости, только не знаю, как Господь откроет.

— Да невжли ж я грешнее того барина, у котораго жеребец пропадал! Ты, я вижу, батька, постараться не хочешь!

— Никак нет, ваше сиятельство! Прикажи отвесть комнату; стану трудиться. Авось Господь милостив и откроет.

Отвели попу особую комнату; зажег он свечу перед образом, положил свою книгу на стол, читает, а сам думает: «Какой ответ дам я князю? Лучше дождусь глухой полночи и как только пропоют третьи петухи, то убегу куда глаза глядят и домой не явлюся».

Стои́т у стола и книгу читать перестал, дожидается, когда улягутся все спать да петухи пропоют.

А шкатулку-то князеву украли три его камердинера; сошлись и меж собой и говорят:

— Что, братцы, как этот ворожейка-поп да нас узнает! Ведь все в Сибирь пойдем. Он, проклятой, теперь книгу читает, чего добраго, пожалуй, и вычитает! Давайте подслушивать у дверей: коли вычитает — так станем его просить, чтоб на нас князю не доказывал.

Пошел один и стал у дверей подслушивать. Вдруг петухи запели, а поп перекрестился и говорит:

— Слава тебе Господи! Один уже есть, остается двух ждать.

Лакей прибежал к своим товарищам:

— Ох, братцы![1] Одного вычитал; только я к двери, а он и кричит: «Слава тебе Господи, один есть!»

Пошел другой подслушивать; запели вторые петухи; а поп крестится:

— Слава Богу, и два есть![2]

— Эх, братцы! И меня вычитал; только я к двери — сейчас узнал.

Третий говорит:

— Ну, коли и меня помянет, то пойдем к нему прямо, бросимся в ноги и станем просить, чтоб не выдавал барину!

Пошел послушивать третий, а петухи опять запели. Поп перекрестился:

---

[1] *Далее*: [Меня узнал]

[2] *Далее*: [Осталось одного ждать]

— Слава тебе Господи, все три есть!

Схватил книгу под мышку да в дверь бежать, а лакеи ему навстречу — бросились в ноги:

— Батюшка, голубчик! Не погуби, прости, не сказывай князю, что мы деньги-то унесли.

— Знаю, светы, что унесли, да где спрятали?

— В саду, батюшка, в озеро по канату спущены.

— Знаю, что в озере, да в коем месте?

— У такого-то дуба.

— Ну, ладно, ложитесь спать, не бойтесь — не выдам!

Утром призывает князь попа[1].

— Что, батька, как твои дела?

— Слава Богу! Господь открыл вашу пропажу.

— Где ж шкатулка?

— Да в саду, в озеро по канату спущена.

— Кто же затащил[2] ее туда?

— Известно кто — нечистой!

Сейчас вытащили шкатулку, принесли в горницу; князь отомкнул ее, высыпал на стол золото и разделил на две части.

— Ну, поп, бери свою кучу.

Поп стал загребать деньги, а у самого на уме — как бы поскорее удрать домой. Князь не пускает.

— Пообедай, батька, у меня; после обеда велю тебя домой отвезти.

А самому князю жалко стало денег-то. Вот он изловил молодого жаворонка[3], принес в горницу и посадил под блюдо и говорит попу:

— Ну-ка, ворожея, отгадай, что под этим блюдом? Коли отгадаешь — твоя будет и другая куча золота, а не отгадаешь, и прежнюю назад[4] возьму!

Поп вздохнул и проговорил о себе:

— Вот когда так попался Жаворонок!

Князь плюнул:

— Ну, батька, твоя взяла! Забирай и остальные деньги.

---

[1] *Далее*: [— Ну]
[2] *Было*: [спрятал]
[3] *Далее*: [взял в руку]
[4] *Далее:* [отдашь]

Поп взял и другую кучу. Приехал домой и говорит дьячку:

— Вот когда поправились так поправились; в целую жизнь не пропьешь! Одначе полно ворожить, а то еще в беду попадешь. Давай-ко этой ночью сожжем книгу.

Как скоро стемнело, поп выбрал из дому все деньги и зажег свою избу. Набежали на пожар люди. Поп орет:

— Православные, помогите, книгу-то, книгу-то вытащите!

Нет, не вытащили. Поп выстроил себе новой каменной дом и зажил с дьячком богато, в свое удовольствие, а ворожить перестал.

— Не могу, — говорит, — книга сгорела!

98
ЖЕНА ХИМКА

Жил мужик Филя, у него жена была Хима — беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать. Жать не жала, легла в поле и заснула. Приходит Филя, взял ей остриг голову[1], обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит:

— Что бы это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в[2] деревню, узнаю ль свой двор?

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит:

— Вот наш двор!

Спрашивает хозяина:

— Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?

— Дома.

Вот она и пошла прочь от окна.

«Постой, — думает, — суну-ка я в подворотню голову, если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает — значит, не Хима». Сунула голову в подворотню, собака

[1] *Далее*: [и]
[2] *Далее*: [свою]

залаяла. Тут бедная баба[1] совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит:

— Возьмите меня с собой; я знаю богатого мужика, обворуем его.

— Пойдем!

Пошли воровать. Проломали в клети крышу и опустили туда Химу.

— Подавай, а мы брать станем.

Она набрала[2] себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали.

— Черт с ней, говорят, бросим ее, пусть сидит там!

Хима услыхала это, навязалась[3] сама на[4] веревку и кричит им:

— Тащите, вот добро так добро!

Воры[5] ее и вытащили. Пошли искать[6] иного места. Идут мимо кладбища.

— Ну, Химушка, ты посиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть.

Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает.

Вышел дьякон помочиться и видит[7] на могиле эдакое чудище! Побежал к попу:

— Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!

Поп был нездоров; позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках.

— Пойду, говорит, мертвеца отчитывать.

Вот[8] дьякон с дьячком несут попа, а Хима думает, что то воры, и закричала:

— Что́, несете?

Дьякон говорит:

---

[1] *Было*: [Хима]
[2] *Было*: [подала им]
[3] *Было*: [при]вязалась
[4] *Было*: [за]
[5] *Было*: [Они]
[6] *Далее*: [места]
[7] *Далее:* [сидит]
[8] *Далее*: [идут так]

— Несем!
— Жирнаго?
— Жирнаго!
— Ну, скорей давайте, я есть хочу!

Дьякон думает: «Что ж, ведь я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!»

Испугался, бросил попа наземь да бежать. Дьячок за ним, а поп так головой[1] о могильной крест пришелся, что еле-еле к рассвету опомнился. Поутру шел народ[2] на работу, увидал Химу и отвел к мужу.

99

СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год — за сто рублей; помещик велит ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, — словом сказать, не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой.

Отслужил солдат год и просит расчету. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам рёвмя ревет.

— О чем вы, сударь, плачете?

— Да денег жалко!

— Экой ты, барин! Ведь я тебе целой год прослужил; сам б ты мне прослужил три дня, так я б отдал тебе сто рублей и слова не сказал!

«Три дня — немного!» — думает барин. Пошел советываться с барыней.

Она говорит:

— Что ж, отслужи три дня.

А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему — не мне плохо будет!»

Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае; разулся, один сапог забросил в один угол в сено, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит:

— Эй!

---

[1] *Далее*: [пришелся]
[2] *Далее*: [отвел]

Помещик, входит.

— Подавай сапоги, я хочу одеваться.

Помещик хвать — сапогов нету и запорол горячку. Спрашивает солдата:

— Где твои сапоги?

— Ах ты, сукин сын, каналья! Ты[1] у барина спрашиваешь о сапогах?! Верно, и не чистил их! — Да хвать его по уху, да по другому.

Барин туда-сюда — насилу один сапог отыскал, а другого нет.

— Подайте палок, — закричал солдат — и давай дуть помещика, до того пронял, что он не рад[2] и деньгам:

— Не хочу, — говорит, — тебе служить; возьми свои деньги, черт с тобой!

100

ПЕТУХ И ЖОРНОВКИ

Раз помещик ехал деревнею, увидал у мужика на крыльце жорновки и увез. У мужика был петух, попросился он лететь до барина и выручить жорновки. Мужик согласился, и петух полетел. Дорогою попадает ему навстречу медведь и спрашивает:

— Петушок, петушок! Куда ты летишь?

— К барину за жорновками.

— Возьми и меня с собой!

— Полезай ко мне в жопу.

Летит далее. Попадает навстречу волк.

— Петушок, петушок! Куда ты летишь?

— К барину за жорновками.

— Возьми и меня.

— Полезай ко мне в жопу.

Полетел опять. Попадает навстречу лисица.

— Петушок, петушок! Куда ты летишь?

— К барину за жорновками.

— Возьми и меня.

— Полезай ко мне в жопу.

---

[1] *Далее*: [и]

[2] Далее: [свои<м>]

Вот прилетел петух к барину, сел на балкон и кричит:

— Барин, барин! Подай мне жорновки.

Барин рассердился, приказал его поймать, на скотный двор его кинуть: пусть коровы его рогами забодают[1].

Посадили его на скотный двор. Петух говорит:

— Медведь, выходи из жопы!

Медведь вышел и весь скот приломал. А петух полетел на балкон и еще громче кричит:

— Барин, барин! Подай мои жорновки.

— Ах, проклятой! — говорит помещик. — Посадить его к овцам, пусть его ногами замнут.

Посадили к овцам. Петух говорит:

— Волк, выходи из жопы.

Волк вышел и всех овец перерезал. Утром петух вылетел из хлева, сел на балкон и еще громче закричал:

— Барин, барин! Отдай мои жорновки.

— Ну, окоянной! И тут ему смерти нет, — сказал барин. — Посадить его к гусям, пусть склюют его.

Только посадили, а петух говорит:

— Лисица, выходи из жопы.

Лисица вышла и всех гусей переела. Петух опять полетел, сел на балкон и кричит свое:

— Барин, барин! Отдай мои жорновки.

— Тьфу, окоянной! — закричал барин. — Посадить его в колодезь; пусть утонет.

Бросили петуха в колодец, он говорит:

— Пей, жопа, воду! Пей, жопа, воду!

Колодец высох, а петух улетел, уселся на балкон и опять за свое.

— Ну, проклятой петух! Нигде тебе смерти нет; посадить его на каленую в бане каменку.

Вот и посадили, а петух закричал:

— Лей, жопа, воду! Лей, жопа, воду!

Вылил воду и затушил каменку, сам остался невредим. Вылетел, сел на балкон и что́ силы есть кричит:

— Барин, барин! Отдай мои жорновки.

Барин — нечего делать — отдал ему жорновки; петух взял и отнес их к своему хозяину.

---

[1] *Было*: [замнут ногами]

101
РОГА

Было у старичка три сына. Младший[1] Иван в солдаты готовился и потому работой не занимался, а по кабакам ходил да с девками играл. Выдали его в солдаты. Послужил год, другой, третий, и показалась та служба тяжела.

— Чем мне служить, пойду-ка я (говорит) лучше бродяжничать.

Уговорил с собой пятеро таких же товарищей-солдат, и убежали из полку.

Много прошли они сел и городов, дошли до того, что им есть нечего. Говорят они меж собой:

— В полку был над нами унтер-офицер бóльший[2], пусть теперь Иван будет над нами бóльшим!

Сделали его своим унтер-офицером. Говорит унтер-офицер[3] одному солдату:

— Лезь на это дерево и смотри: нет ли поблизости села или пригородка.

Тот взлез на дерево и увидел: стоит келья*. Пошли туда[4], там живут шесть монашек**.

— Здраствуйте!

— Здраствуйте!

И заставили их монашки ночевать с собой три ночи, а греха не творить. Ночь солдаты терпели и другую терпели, а на третью не выдержали: взлезли на монашек и сотворили грех. Наутро говорят им монашки:

— Коли вы не могли потерпеть третьей[5] ночи, то не жить вам с нами; ступайте своей дорогой.

Нечего делать, собрались солдаты в путь; стали прощаться; та монашка, с которой унтер-офицер ночь пе-

---

[1] *Далее*: [из них...]
[2] *Далее:* [старший]
[3] *Было*: [бóльший]
* *Вар<иант>*: дворец
[4] *Далее*: [а]
** *Вар<иант>*: Царевна и при ней пять красных девиц.
[5] *В рукописи*: 3ьей

респал, подарила ему плащ-невидимку, кисет с золотом да тросточку.

Пошли куда глаза глядят. Пришли в тридесятое царство, забрели в трактир и давай пировать. Унтер-офицер так горстями и бросает золото: в кошельке все не убывает. Увидал сие царь, спрашивает:

— Что за человек?

— Иностранный принц! — говорит беглой солдат.

Царь его просит к себе в гости, а у того царя была дочь Марфа-царевна. Всяких царевичей и королевичей в карты обыгрывала.

— Не угодно ли тебе, иноземной принц, в карточки поиграть?

— Изволь, царевна!

Сколько она ни выигрывала у него денег, у того солдата все не убывает золота! Она ему говорит:

— Верно, ты сам деньги делаешь?

— Нет, у меня такой кисет есть!

— Дай-ка мне свой кисет, я попробую: не вытряхну ль из него все деньги?

Он сдуру дает ей кисет, а она взяла и закричала своим слугам:

— Возьмите этого подлеца, выкиньте из окошка; он насилком на меня лезет!

Выбросили в окно. Унтер-офицер сходил на квартиру, взял свой невидимой плащ, накинул на себя и пошел опять к Марфе-царевне прямо в спальню.

Она спит, разметалась, совсем голая! Он на нее взобрался и давай катать. Та слышит, что кто-то ебет ее, а кто, не видит, и спрашивает:

— Это ты, иноземной принц?

— Я!

Когда покончил он свое дело, она вскричала слугам:

— Несите сюда всяких напитков!

Когда принесли, царевна давай его поить разными винами, напоила пьяным и говорит:

— Дай мне свой плащ, я его надену: увидишь ли ты меня?

Он отдал ей плащ, она надела и спрашивает:

— Видишь меня?

— Нет, не вижу!

Тут царевна опять вскричала:

— Возьмите этого подлеца и выкиньте из окна; он насилком на меня лезет!

Его, добра молодца, схватили и *фуркнули* из окна.

Солдат[1] пошел в трактир и взял тросточку, подбросил ее кверху[2] — тотчас выскочили три арапа и спрашивают:

— Что прикажете делать?

— А вот что: пустите кругом этого города воду, по воде чтоб корабли плавали, на кораблях бы солдаты расхаживали, из ружей стреляли, из пушек палили. А мне сделайте лодку, на той лодке чтоб было двенадцать песенников и двенадцать музыкантов.

Сказано — сделано. Лежит наш иностранной принц в лодке и прокатывается мимо царскаго дворца. Марфа-царевна испугалась:

— Что это, — говорит, — сделалось? Никогда не бывало, чтоб вокруг города да вода была, на воде б корабли плавали, из пушек палили, из ружей стреляли! Верно, скоро свету представление!

Выбежала на балкон:

— Не ты ли, иноземной принц, действуешь?

А он в лодке хохочет:

— Я! — говорит.

Царевна просит его к себе на двор; он к ней и заехал.

— Как ты этакую хитрость сделал?

— А у меня есть такая тросточка, подброшу ее да прикажу — ничего не будет.

— Дай-ка мне, сумею ли я этак сделать?

Отдал ей; царевна подбросила тросточку — опять выскочили три арапа:

— Что, Марфа-царевна, прикажете?

— Возьмите этого подлеца, фуркните в окно.

Тотчас выкинули его в окно; упал бедной солдат и говорит сам себе:

---

[1] *Было*: [Он]

[2] *Далее*: [и]

— Ну, теперь все свое имение уходил! Пойду в лес и задавлюсь!*

---

* *Вариант*: Солдат идет в отпуск, заходит в один пустой дом, видит стол, на столе закуски и вино, а никого нет. Наелся, напился.

— Дай посмотрю, что в столе?

Открыл ящик[1*], нашел кольцо. С руки на руку переметнул, явился молодец.

— Что прикажете?

— Отнеси меня в такое-то царство, в столичной город.

Сейчас очутился там. Нанял себе квартиру и живет припеваючи.

Раз зовет он своего мóлодца.

— Что прикажете?

— Приведи мне девку, еть хочу!

— Что девку! У здешняго короля есть дочь нетронутая, ее принесу.

— Полно морочить-то! Как можно достать королевскую дочь?

— Да ты, служивой, только скажи: хочешь ли?

— Как же не хотеть, коли целка; я еще ни разу целочки не пробовал. Смерть хочется!

Слуга тотчас полетел прямо во дворец и принес королевну сонную вместе с кроватью к солдату; а солдат уж заснул. Будит его:

— Вставай да накачивай, королевна здесь!

Солдат смотрит — королевна такая прекрасная, в одной рубашонке лежит, титьки вверх торчат; полез на нее и давай еть. Вдруг она проснулась.

— Кто такой? — спрашивает.

— Кто? Известно, человек, не черт же!

Отработал ее и велел назад снести.

Наутро[2*] королевна хватилась меж ног, смотрит — ранена. На другую ночь зовет солдат своего слугу.

— Что прикажете?

— А что, нынче будет девка?

— Будет!

— Та же самая?

— Та же самая!

— Ну хорошо.

Опять ее выеб; на третью ночь опять то же.

Вот королевна пошла к отцу, жалуется ему:

— Так и так, батюшка! Кажную ночь таскают меня и насильничают, а куда — сама не ведаю!

Король собрал совет и спрашивает:

— Как бы узнать этого подлеца, что королевну к себе таскает да ебет.

— Ваше королевское величество! — отвечают генералы и сенаторы. — Этого узнать нельзя, кроме той старшей вашей дочери, что за волшебство сидит в крепости: она одна сможет!

[1*] *Далее*: [ув<идел>]

[2*] *Далее*: [цар<евна>]

Долго ходил он по лесу, проголодался, увидал яблоню, съел одно яблочко — хвать, а на лбу у него рог вырос. Походил-походил, сорвал с другого дерева яблоко, съел — и рог спал. Вот солдат нарвал этих яблок и по-

---

Посылает король за старшею дочерью и говорит:

— Дочь моя любезная! Разгадай, как вот такое-то дело, сейчас прощу тебя и на волю отпущу!

Она отвечает:

— Прикажите купить куль карт, привяжите к сестрицыной постели и прорежьте под низом дыру. Когда понесут ее — карты станут сыпаться; по этим картам и найдем, куда ее по ночам таскают!

Так и сделали. Вот пришла ночь; солдат потребовал к себе царевну, а рано поутру слуга его увидал карточной след. Полетел, добыл 5 кулей карт и давай по всем дорогам раскидывать. Король отправился след искать. Куда ни глянет — всюду карты набросаны. Что делать? Надо снова ухитряться.

Старшая королевна говорит:[1*]

— Надо отдать приказ, чтобы во всю ночь во всем городе была тишина; нигде б ни свечи не горели, ни музыка не играла. А ты, сестрица, (говорит младшей королевне), попроси у того подлеца, чтоб он тебе музыку нанял. Вот как сторожа услышат музыку, сейчас и дадут нам знать!

Так и сделали. Ночью принес слуга[2*] королевну к солдату, он[3*] как следует слазил на нее, она и[4*] просит:

— Наймите мне музыкантов.

— Хорошо! Эй, человек, найми сейчас музыкантов!

— Чем нанимать, у нас своих много!

Вдруг откуда ни явилася[5*] — заиграла музыка, начались танцы да песни. Сторожа услыхали и дали знать. Пришел целой полк и окружил дом. Солдат и не опомнился — как его взяли. Король собрал совет. Долго думали, что делать с солдатом, да как увидали, что он все может делать и добыть, что только захочет, то и присудили женить его на королевне. Вот их и обвенчали. Королевна напоила мужа как-то пьяным и допыталась[6*], в чем его сила. Да как только он уснул — в ту ж минуту украла у него кольцо, перекинула кольцо с руки на руку — явился молодец.

— Что прикажете?

— Бросить в помойную яму этого негодяя! — говорит про своего мужа. — А мне дворец построить за тридевять земель...

[1*] *Далее*: [— Чтобы] отда[н был]

[2*] *Далее*: [цар<евну>]

[3*] *Далее*: [ее]

[4*] *Далее*: [гово<рит>]

[5*] *Было*: явил[и]с[ь]

[6*] *Далее*: [у него]

шел во дворец. Марфа-царевна послала купить яблок. Скушала парочку — и выросли у ней на лбу рога! (Солдат ее вылечивает другими яблоками и женится на ней.)

102
СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

[Солдат идет в отпуск, садится около ручья на отдых и играет на скрипке. Приходит черт, зовет его к себе в гости. Солдат прогостил три года, как три дня, и боится вернуться в полк. Черт делает его попом; поп служит в праздник обедню; черт приходит и заставляет его играть на скрипке. Поп играет, его берут и сажают в острог. Черт его освобождает из темницы.][1]

— Что ты обробел, — говорит нечистой, — я тебя теперь архиереем сделаю.

Приводит солдата в иное государство и выдает его за архиерея. Король взял его к себе и дал[2] место в своем столичном городе. А у этого короля были три прекрасныя дочери.

Настал великой пост, и вздумали оне говеть. Пришло время — надо исповедаться. Вот пошла старшая королевна к архиерею на исповедь; покаялась в своих грехах[3], и дает ей архиерей крест целовать. Вдруг является к нему нечистой и на ухо шепчет:

— Что, она совсем исповедалась?

— Совсем!

— Ну, теперь возьми ее, поцелуй.

— Как можно, я за это могу пострадать!

— Ничего, не бойся. Целуй смело.

Архиерей взял да и поцеловал ее. Она пошла от него и думает: «Видно, так по закону следует!»

Приходит на исповедь середняя королевна; покаялась, дает ей архиерей крест целовать — в ту ж минуту опять шепчет ему на ухо нечистой:

---

[1] *В рукописи текст взят в квадратные скобки.*

[2] *Далее:* [первое]

[3] *Далее:* [стала]

— Совсем ли исповедал?

— Совсем!

— Ну, возьми ее пощупай за груди.

— Ах, что ты![1] Король меня за это смерти предаст.

— Ничего, хватай смело за груди.

Он взял пощупал ее и отпустил от себя. Королевна пошла, думает, что так по закону и следует.

Наконец приходит меньшая королевская дочь. Отысповедал ее архиерей и дает крест целовать. Вдруг является нечистой и опять шепчет:

— Что, кончил исповедь?

— Кончил.

— Ну, теперь сотвори с ней грех.

— Нет, ни за что не сделаю. Король меня непременно на казнь отдаст!

— Делай, что говорю; все равно тебе пропадать! Если[2] не сотворишь с нею греха, я всем объявлю, что ты беглой солдат, а не архиерей.

Архиерей — делать нечего — повалил королевну и тут же в церкви давай ее скоблить. Отработал и отпустил. И эта королевна пошла и думает: «Видно, так по закону велено!»

С того самого часу младшая королевна забрюхатела. Прошло несколько месяцев. Отец заметил, что у ней брюхо подымается, и стал ее спрашивать:[3]

— Что это с тобой? Отчего брюхо выросло?

— Оттого, батюшка, что как ходила я к архиерею на исповедь, то он меня взял повалил да немножко подавил.

Король[4] приказал архиерея посадить в крепость и нарядил над ним суд. На том суду приговорили его повéсить. Сидит архиерей один с кручиною в темнице и смотрит в окно, а перед окном уж рели (виселицу) ставят.

— Что вы строите? — спрашивает он у рабочих.

— Что, аль не знаешь?[5] Ни для кого другого, для тебя трудимся; это, брат, виселица.

---

[1] *Далее:* [Царь ме<ня>]

[2] *Было:* [Коли]

[3] *Далее:* [— Отчего ты]

[4] *Далее:* [велел]

[5] *Далее:* [Это виселица]

Еще больше задумался бедной солдат: «Связался я на свою беду с чертом!»

В ту же минуту[1] явился к нему нечистой.

— Не кручинься! — говорит. — Я тебя выручу. Как поведут тебя вешать да наденут петлю на шею, скажи королю, что королевна на тебя наклепала, что у тебя и того-то нет, чем грех творят. Уж я так сделаю, что у тебя на то время кляпа не будет.

Сказал и пропал. Вот повели архиерея на висельницу; народу собралось великое множество; надели на него петлю, а он и стал говорить:

— Ваше королевское величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить.

— Говори! — сказал[2] король.

— Ваше величество! Правое слово, я ничем не виновен, все это напраслина! У меня даже и того нет, чем грех творят.

Король приказал его осмотреть. Тотчас же подскочили к нему придворные, спустили штаны и подняли вверх рубаху — а у архиерея, по дьявольскому хотению, вместо простого хуя — лошадиной меж ногами висит. Так весь народ и ахнул!

— Ах, Боже мой! Как она, бедняжка, под эдоким хуем выдержала! — сказал король и приказал, не мешкая ни минуты, тащить архиерея на висельцу[3]. Подняли его на висельцу, а черт невидимо подставил ему под ноги свою голову. Все думают, что он мертвой висит, а он как ни в чем — живехонек!

Народ разошелся и разъехался в разныя стороны, а дьявол оборвал веревку[4], освободил солдата от смерти и пошел с ним в другой город.

— Что, хочешь быть опять архиереем? — спрашивает его нечистой.

— Нет, спасибо! И так страху набрался.

[После делает черт солдата купцом, а сам уходит в тридесятое царство — мучить царевну. Солдат пробирается ту-

---

[1] *Было*: В[друг]

[2] *Было*: [гов<орит>]

[3] *Далее:* [Стали]

[4] *Далее*: [и]

да же, выдает себя лекарем, заказывает железныя клещи и садится ночью во дворце перед царевниной спальней. Приходит дьявол, поздоровался с ним, спрашивает:

— Что это за штука?

— Это клещи, кривыя пальцы выправлять, чтоб лучше на скрипке играть.

— Выправь мне.

Солдат сжимает его руки в тиски, бьет, освобождает царевну и делает такой уговор с чертом, чтоб ему не подходить к царскому дворцу за сто верст, а солдату не выходить из дворца дальше 30 верст: если выйдет дальше да попадется нечистому — тот его задушит!

Женился солдат на царевне, сделался сам царем, позабыл уговор и поехал в загородной сад. Тут попался он черту. Черт позволил ему напоследях только с женой проститься.]

— Ну, жена! — говорит царь. — Принимай стыд ради меня: ложись наземь[1].

Она легла[2], он заворотил ей подол, подогнул ноги покруче и стал в головах; а нечистой подошел спереди, увидал у царицы меж ногами язвину, вдруг как закричит:

— Ах ты, проклятой! Опять клещи (*вар<иант>*: тиски) привез!

И бросился от него бежать сколько сил было. Так беглой солдат избавился от черта и остался царствовать в своем государстве.

103
МАТЬ УБИЙЦА

Служил солдат в Питере пять лет, выпало счастье ему — заработал до 500 рублей денег. Отпросился в отпуск родных повидать. Собрался, помолился Богу и отправился в поход[3]. Долго ли, коротко ли шел — приходит в

---

[1] *Было*: [— Ста<но>вись раком]

[2] *Было*: [стала раком]

[3] *Далее*: [а также знает, что его отец в]

деревню, куда отдана была замуж его родная сестра[1]. Пристал у нее в доме, а про себя не сказывает, кто он таков.

— Пусти, молодица, на постой!

— Милости просим; мы таким людям рады. Откуда тебя Господь несет?

— Иду из Питера.

— Ах, батюшка! Не ведаешь ли: там служи́т в солдатах мой родной братец?

— В каком полку?

Она ему[2] сказывает, а сама пристально в него всматривается. «Никак, — думает, — это и есть[3] мой братец», да вклепаться боится. Смотрит, а у него на левой щеке малой шов: еще с детства остался — вишь, лошадь его копытом зашибла. Бросилась к солдату на шею:[4]

— Братец, родимой мой! Зачем ты меня обманываешь?

А из глаз слезы так и льются. Солдат признался; пошло гулянье, подчиванье. Погостил он у[5] сестры целых три дня и отправился на родину. А до[6] той деревни, где жили его родители, оставалось верст со сто. Приходит в свою деревню и спрашивает старосту;[7] ему указали.

— Отведи, — говорит, — мне хватеру.

И просится в[8] свою отцовскую избу. Староста отвел его прямо туда, постучал под окошком и говорит:

— Эй, хозяева! Вот вам постоялец, накормите его и спокой дайте.

А дома была одна мать, отца-то не было, уехал куда-то.

— Вот черт их носит! — отзывается старуха.

Солдат вошел в избу, помолился образам и говорит:

— Здоро́во, хозяйка!

Баба молчит.

— Дай, родимая, поужинать!

---

[1] *Далее*: [замуж]
[2] *Далее:* [говорит]
[3] *Было*: [он]
[4] *Далее*: [— Значит, ты]
[5] *Далее:* [этой]
[6] *Далее:* [родной]
[7] *Далее*: [— Поставь на, да хоть меня]
[8] *Далее:* [тою]

— Жри, что царь даст; вишь, на вас сборы большие, сухари непокупные.

Нечего делать, закусил солдат своими сухариками.

— Где же мне спать лечь, что в голова́ положить? — спрашивает у матери.

— Ложись[1] на шинели, ранец в голова клади; вишь, государь-то какие для вас угодья пожаловал — лучше и желать нельзя!

А сама, шельма, прядет, а под жопу[2] подушку подложила. Солдат не вытерпел, разгорелось его сердце, вскочил с своего места, выхватил у ней из-под жопы подушку и говорит:

— Чем тебе на подушке жопой сидеть, лучше я на ней головой лягу!

Баба взбесилась, зачала его[3] срамить всячески:

— Ах ты, сукин сын; у тебя, знать, матери-то не было, родила тебя кобыла али сука поганая!

Проклинает сама себя, не ведаючи, что он ей — родной сын.

— Ладно, — кричит, — пусть муж приедет, я с тобой, окоянным, по-своему разделаюсь!

А солдат[4] снял свою амуницию, вытащил деньги, пересчитал и спать лег. Только заснул, баба тотчас схватила острой нож да прямо ему в сердце; убила[5] сына и обобрала деньги. После запрягла лошадь[6], свезла убитого на чужую землю и там покинула*. Через неделю приезжает к ней дочь, поздоровалась и спрашивает:

---

[1] *Далее:* [здесь]

[2] *Было:* жоп[ой]

[3] *Далее:* [ругать]

[4] *Далее:* [разделся]

[5] *Было:* [зарезала]

[6] *Далее:* [жере<бца>]

* *Вариант:* — Здоро́во, хозяйка!

— Здраствуй, служба! Куда идешь?

Солдат говорит: в такую-то деревню, а не признается, что он ей сын доводится: посмотрю, дескать, какова ее доброта! Разделся, сел на лавку и стал считать свои деньги. Баба как увидала — глаза у нея так и разгорелись. Печь у нея была жарко натоплена, а тут она схватилась да еще соломки подложила:

— Эх, служивой! Как ты в дороге-то запылился; полезай-ка в печь да попарься!

— А где же братец?

— Какой братец?[1]

— Как какой? Что́ из полку на побывку пришел!

— Что ты, дочка, в уме ли? Перекрестися!

— Да он у меня три дня гостил, да вот тогда-то к вам пошел[2].

Как услыхала это баба, сидит своя не своя. А тут скоро нашли мертвое тело, стали разыскивать и оказалось, что это она своего родного сына со свету спровадила.

Ну после того известно[3] что́ было: суд, да кнут, да каторга.

104
СОЛОМОН ПРЕМУДРЫЙ

Враги преследовали Соломона Премудрого;[4] он бежал, и в погоню за ним посланы были гонцы.

— Да який же вин? — спрашивали гонцы.

— Да тий, що всих премудрее!

— Як знайдéте — зараз хватайте[5].

Скачет погоня, а Соломон сидит у самой дороги на кучке:[6] в одно время и серет, и ест, и вшей бьет.

— И то правда, — говорит солдат.

Отдал матери под[1*] сохран свои деньги и полез париться. Только влез в печку, баба тотчас прихлопнула его заслонкой:

— Черт-де с ним! Пусть изжарится.

— Ох, жарко! Отслони-ка, бабушка, заслонку!

А баба пуще того приперла. Вот он бился, бился, пока до́ смерти не уходился. Вытащила его[2*] хозяйка из печи, положила на телегу и свезла на чужую землю.

[1*] *Было*: [на]

[2*] *Было*: [баб<а>]

[1] *Далее*: [— Д]ак [он] из полку на побывку [домой]

[2] *Далее*: [Тут баба схватилась побежала]

[3] *Было*: [ведомо]

[4] *Далее*: а) [гонцы посланы] в погоню [в разные стороны] [были];
б) он бежал, и [за ним были] [посланы] в погоню гонцы

[5] *Далее*: [Бежит.]

[6] *Далее*: [серет]

— А що ты[1], человиче, робишь? — спрашивают его.

— Старину выкладаю, новину накладаю, а ворога бью!

Вернулись гонцы и говорят:

— Никого на[2] дорози не бачили, тилько и бачили; сидит один человик[3] на куче, сам серет, да паляницу йист, да вшей бье![4] Мы ёго и спрохали:[5] що вин робит? А вин каже: старину выкладаю, новину накладаю, а ворога бью. Дак мы и пойихали соби дальше!

— От дурни! Що ж вы ёго не схапали! То вин[6] и був самый!

105
ВОРОНИЙ ЯЗЫК

Жил-был помещик. У него жена да две дочери. И случилось ему раз поехать на охоту[7]. Отъехал саженей с 20 от дому, да на свою беду и забыл плеть, что́ о́земь хлопают да зайцев пугают.

— Эй, Ванька! — говорит помещик своему слуге верному. — Побеги домой да возьми плеть.

А он прибежал да говорит:

— Сударыня-барыня! Пожалуйте еть.

— Ах ты, сукин сын! Как ты смел эдакое слово вымолвить?

— Мое дело подневольное, меня барин послал!

— Да что он, с ума сошел, что ли?

Выбежала барыня на балкон и кричит мужу:[8]

— Зачем ты Ваньку прислал?

А помещик[9] подумал, что жена не ведает, какую плеть прислать, и говорит:

— Все три дайте!

---

[1] *Было*: [Шо] ты
[2] *Далее*: [тий]
[3] *Было*: [мужик]
[4] *Далее*: [От]
[5] *Было*: спро[ш]али
[6] *Далее*: [<*нрзб*> самой!]
[7] *Далее*: На [ту] беду забыл [барин]
[8] *Далее*: [Скажи]
[9] *Далее*: [думает], дума[ет], что [она]

Делать нечего, принуждена была барыня дать Ваньке, а за не<й>[1] и дочки. Отработал их Ванька и прибежал к барину.

— Ах ты, сукин сын! Что так долго копался?

— И то, сударь, копался! Разве у бар скоро найдешь.

Вот воротился барин с охоты, а барыни к нему:[2]

— Ах ты, варвар! Что ты Ваньке наказывал? Мне-то еще с пола-горя, а каково Маше с Катею?

— Да я[3] приказывал дать ему плеть.

— А он, подлец, прибежал да говорит: «Пожалуйте, сударыня, еть!»

— Ах, он рассукин сын! Погоди ж[4], я его завтра в солдаты сдам.

Ванька услыхал эти речи, заказал кухарке спечь пирог с морковью да купил штоф водки, улизнул ночью из́ дому и как раз на дороге, что́ в город ведет, под один куст поставил водку, под другой — пирог положил и вернулся назад. Поутру встал барин ранехонько, приказал связать Ваньку и повез его в город в солдаты сдавать. Подъезжают они к одному кусту, и говорит Ванька:

— Ваше благородие! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить. Я ведаю, что эта ворона каркает.

— Ну, говори!

— Она каркает, что в этом самом кусту стоит штоф с водкою.

— А ну, — говорит барин лакею, — поди посмотри:[5] не врет ли Ванька?

Лакей побежал и несет штоф с водкою.

— Ах, сукин сын! Он и впрямь вороньему языку знает!

Стали подъезжать к другому кусту, а ворона над пирогом вьется да все: «Кар-кар!»[6]

— Ваше благородие! — говорит Ванька. — Я знаю, что эта ворона сказывает.

---

[1] *В рукописи*: нее
б) [вам] приказывал [ему взять] [дать] плеть

[2] *Далее*: [Что] ты, варвар! [Зачем]

[3] *Далее*: а) [ему] приказ[ал];
б) [вам] приказывал [ему взять] [дать] плеть

[4] *Далее*: [как]

[5] *Далее*: [пров<ерь>]

[6] *Было*: [Кра-кра!]

— А что?

— Она сказывает, что в этом кусту пирог с морковью лежит.

Опять лакей побежал и тащит пирог с морковью.

— Ах, сукин сын! Он и взаправду вороньему языку знает! Ну, Ванька, выучи меня по-вороньему, я тебе вину прощу.

— Извольте, сударь! Только это дело хитрое: надо наперед[1] в жопу уеть.

Вот барин думал-думал и согласился; Ванька хватил его своим холопским хуем и так умучил, что барин и язык высунул. Сделал дело и выпустил барина. Летит ворона да громко[2] каркает.

— Знаете, сударь[3], что ворона сказывает?

— Нет, не знаю.

— Она говорит: «Стар, стар! Сразу не выучишь, надо три раза в жопу уеть!»

Барин плюнул:

— Пошел[4] прочь, сукин сын![5] Куда хочешь иди, только на мои глаза никогда не показывайся!

Тут они и расстались.

106
ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ ЗА ОДИН РАЗ

В[6] некоем городе жил богатой барин; охотник был в карты играть[7]. Раз как-то и проиграл он много денег, стал рассчитываться — и не хватило 500 руб<лей>.

— Ну, — говорит, — я с человеком пришлю.

— Хорошо.

Воротился домой, вынул 500 р<ублей> и посылает с своим слугою. Вот лакей и понес деньги. Идет он широ-

---

[1] *Далее*: [три раза]
[2] *Было*: [все]
[3] *Далее*: [про]
[4] *Далее*: [ты]
[5] *Далее*: [<*нрзб*>]
[6] *Начато*: [Жил]
[7] *Далее*: проиграл [500 рублей как-то]

кою[1] улицею, подходит к большому славному <дому>[2], а из окна смотрит барыня-красавица. Глянул на нее и думает: «Вот барыня так барыня! Если б разок поеть дала — все 500 руб<лей> так бы и отдал!»

И давай он ходить мимо того дома взад и вперед да на барыню поглядывáть. Увидала его барыня и посылает свою девку:

— Поди, узнай, чего этот человек мимо нашего дома все ходит?

Девка побежала и спрашивает, а лакей говорит:

— Есть у меня пятьсот рублей, если б барыня согласилась да дала шмурыгнуть себя хоть один раз — все бы деньги ей отдал!

Девка плюнула и воротилась к барыне.

— Ну, что — узнала?

— Ах, сударыня! Это такой подлец, что и сказать нельзя — нехорошо!

— Ничего, говори!

Нечего делать, надо сказывать:

— Ах, сударыня! У этого лакея есть пятьсот рублей, и, если б вы согласились с ним пошмурыгаться — так за один раз все бы деньги вам отдал: так вы ему больно понравились!

— Ну что ж! Раз дать — меня не убудет, а пятьсот рублей на земле не подымешь!

— Как знаете, сударыня!

— Зови его поскорее, пока барин домой не вернулся.

Вот приходит лакей.

— Здраствуй, друг! Зачем пришел? — спрашивает барыня.

— Сама ведаешь! Не десять раз сказывать;[3] чай, девка все рассказала!

— Ну, давай деньги поскорее, а то, не ровен час, барин приедет!

— Погоди, барыня, ноги драть, дай наперед хую встать!

---

[1] *Было*: [большою]

[2] *В рукописи это слово пропущено.*

[3] *Было*: [рас]сказывать

Снял лакей[1] свои шаровары и отсчитал барыне 500 рублей. Она взяла, положила их в комод, легла на постелю и говорит девке:

— Коли приедет барин да захочет в спальню идти, скажи[2], что я нездорова, припадок[3] приключился, никого пускать не велела.

— Слушаю, сударыня!

Вот лакей взлез на барыню и только запустил свой кляп, а на тот грех барин и приехал. Девка ему навстречу:

— Не беспокойте, сударь, барыню; она нездорова — припадок сделался.

Ну, барин и пошел себе прочь, взял с горя скрипку и заиграл песню, да такую заунывную. Он[4] на скрипке играет, а лакей знай дальше пихает. Поиграл барин, поиграл и пошел по городу разгуляться; и лакей исправил свое дело и марш[5] из дому. Идет да думает: «Как теперь к своему господину явиться? Надо ответ давать, а деньги прогуляны! Дай зайду в церковь да Богу помолюсь». Взошел в церковь, стал перед образом, молится не молится — все назад поглядывает; а назади стоит какой-то[6] господин; что́ ни оглянется, то и вспомнит про музыку, как он с барыней на постели лежал, а барин на скрипке играл. Вспомнит[7] да и усмехнется[8]. Стали выходить они из церкви[9], господин тот его и спрашивает:

— Скажи, любезный! Чего ты смеялся?

— Нельзя, барин! Эта штука самому дорого[10] сто́ит!

— А как дорого?

— Пятьсот рублей![11]

---

[1] *Было*: [он]
[2] *Далее*: [ему]
[3] *Далее*: [с ней]
[4] *Было*: [Барин]
[5] *Было*: [пошел из]
[6] *Далее*: [барин. Как] оглянется, [так]-то и [усмехнется;] вспомнит
[7] *Далее*: [да и рассмеется]
[8] *Далее*: [Вот]
[9] *Далее*: [этот]
[10] *Было*: дорого[го]
[11] *Далее*: [— Расскажи [сейчас] заплачу́.]

— Ничего, рассказывай![1] Я тебе с барышом заплачу[2].

Тот и рассказал все, как было[3].

Барин услыхал — так и ахнул:

— Ах! Ведь это моя барыня пошаливает!

Заплатил лакею 500 рублей да 10 на водку дал; после вернулся домой и давай лечить жену[4] плеткою... Важно вылечил!

107

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стоял как-то солдат у мужика на хватере, а у того мужика хозяйка молодая, славная; да и солдат — парень из ловких! Зачал он подъезжать к хозяйке так и эдак. Она бы и согласна, а мужик все дома, никуда не ездит, раз только на двор выйдет — и то на́скоро[5] в избу воротится. Вот однова́ вышел он до ветру, а[6] солдату давно невтерпеж, ухватил хозяйку, припёр к дверям и давай лупить[7] в стоячку. Только запендрячил, а мужик тут как тут — дернул[8] дверь[9] и сорвал с крюков. Баба в сени повалилась, а солдат стоит[10] ни при чём: штаны спущены, хуй торчит!

Мужик ну его срамить:

— Ах, служивой! Как тебе не стыдно! Хлеб-соль мою ешь, а вот[11] твоя благодарность!

---

[1] *Далее*: [Как]

[2] *Было*: [Лакей] рассказал [ему] все

[3] *Далее*: [— Ах, братец! Укажи мне дом, где с тобой это было. Лакей указал; барин видит, что...]

[4] *Далее*: [от болезни]

[5] *Далее*: [назад]

[6] *Далее*: [мужик]

[7] *Было*: [запендрячивать]

[8] *Было*: [отворил]

[9] *Далее*: [Хозяй<ка>] Баба [на́земь]

[10] *Далее*: [дура<ком>]

[11] *Далее*: [такая]

— Это, брат, пустяки! Ты лучше скажи, как она, проклятая, с хуя сорвалась![1]

— Коли так, — говорит мужик, — пойду я на тебя просить.

— Ступай, проси, а я себе уже выпросил![2]

Начал солдат штаны натягивать да[3] застегивать, а сам все ворчит:

— Счастье твое, что ты хозяин! А то я б с тобой разделался. Чрёз тебя, мошенника, я теперь надорвался. Вот и веди меня в госпиталь да лечи на свой счет: я человек казенной! А не вылечишь — сам на мое место в солдаты[4] попадешь.

Мужик давай солдата умасливать, ведро ему водки поставил, Насилу уговорил помириться.

С той поры пошло солдату важное житье: сколько хочешь с бабою возись, мужик будто и не видит: «Пусть ее ебёт!»

108
СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТОЙ

В некоем царстве, в некоем государстве, а именно в том, где мы теперь живем, жил-был царь. У того царя поселился во дворцовой палате черт — не дает никому отдыху! Вот царь и пообещал отдать свою дочь за того замуж, кто переночует ночь в этой палате и жив останется.

Много находилось охотников, только все наутро помирали — поминай как звали! Уж и охотников больше не стало. Тут приходит к царю отставной солдат.

— Здравствуй, служба! Что скажешь?

— Хочу, ваше величество, с чертом помериться.

— Ну что ж, ночуй себе во дворце — мне все едино, за кого ни выдать дочь, только б молодец был!

Вот солдат взял скрипку, два штофа водки[5], топор,

---

[1] *Далее*: [Что ли дверь такая. Хозяин говорит:
— Пойду, служивой,] пойду я [пойду]; [коли так]

[2] *Далее*: [Только ты, дурак, помешал]. [Стал]

[3] *Далее*: [штаны]

[4] *Далее*: [пойдешь]

[5] *Далее*: [одну]

бритву да железную палицу и пошел в палату, где черт поселился. Сел за стол и попивает себе водочку да орехами закусывает. Вдруг выскочил нечистой:

— Что ты, русской солдат, здесь делаешь?

— Водку пью!

— Дай и мне!

— Изволь.

Нечистой взял штоф да весь сполна и осушил, и порядком его поразобрало. Подгулял дьявол[1], хоть плясать — так готов! А солдат тотчас за скрипочку и давай камаринскую отжаривать. Нечистой плясал-плясал, уморился и говорит:

— Важно, русской солдат, ты играешь! Поучи-ка меня.

— Хорошо, кому и играть, коли не тебе, добру молодцу!

Взял топор, расколол одну перекладину и забил[2] в нее здоровенный клин.

— Ну, — говорит нечистому, — лезь на стул да клади в щель[3] лапы.

— А зачем?

— Затем, что такова наука![4]

Нечистой просунул в щель свои лапы, взял скрипку и смычок, а солдат в ту ж минуту и клин вытащил, и стул принял — так и приплюснуло дьявольския лапы, а сам-то черт так и повис на перекладине. Солдат тотчас[5] за бритву, поднял нечистому хвост[6], обрил ему жопу; потом ухватил железную палицу и давай угощать по голой заднице;[7] бьет да все приговаривает:

— Живей смычком води! Чаще пальцами перебирай!

— Отпусти, русской солдат! — кричит нечистой. — Не хочу на скрипке учиться.

— Нет, брат, врешь! Кому и музыканту быть, коли не тебе, добру молодцу!

---

[1] *Далее*: [а солдат]

[2] *Далее*: [клин]

[3] *Далее*: [свои]

[4] *Далее*: [Черт сдуру в]сунул [в] свои лапы [в], а солдат [тотчас и] вытащил [клин]

[5] *Далее*: [скрипку и смычок]

[6] *Далее*: [и]

[7] *Далее*: [сам]

А сам знай[1] лупит по бритой заднице[2]. Только к утру его отпустил; черт вырвался да бежать. Видит царь, что солдат справил свое дело, и выдал за него дочь свою, царевну. Женился солдат, взял свою молодую жену и поехал домой, а черт давно его стережет. «Отплачу, — думает, — за обиду, задушу русскаго солдата!»

Как только поехал солдат с женою в путь-дорогу, он[3] и пустился догонять его. Видит солдат: дело нехорошее! Снял царевну с[4] повозки и поставил раком на земле; задрал ей хвост и давай жопу брить. Черт как увидал это, сейчас назад. Прибежал в пекло и словно в лихорадке трясется.

— Что ж, ты[5] задавил русскаго солдата? — спрашивает его сатана.

— Да, поди-ка, задави его! Он[6] царевну учит на скрипочке играть, уж жопу ей бреет!

109
ЧЕРТ И БАБА

Поехал мужик в лес, пристигла его погода, снегом все дороги занесло — куда схорониться? Влез мужик в дупло и сидит себе, выжидаючи. Вот как поутихло, хочет он вылезть из дупла — не тут-то было! Сунул ногу — не йдет, руку — не йдет!

— Что за притча! Влез слободно, а вылезть нельзя — дыра мала! Уж не черт ли подшутил надо мной?

— Да, это я подшутил![7] — отзывается нечистой.

— Пусти, брат!

— Нет, не пущу.

— Неужли ж мне тут пропадать? Ведь я, коли не замерзну, так с голоду околею.

---

[1] *Было*: [все]
[2] *Далее*: [да по заднице]
[3] *Далее*: [поехал]; [сейчас]
[4] *Было*: [из]
[5] *Далее*: [не]
[6] *Далее*: [свою же<ну>]
[7] *Было*: [это-таки черт!]

— А мне что! Коли хочешь, отдай мне свою душу через десять лет — сейчас выпущу.

Что делать мужику? Не хочется помирать и решился заложить свою душу нечистому.

— Ладно, — говорит, — я согласен.

— Ну, давай расписку!

Мужик разрезал мизинец, написал расписку своей кровью и отдал нечистому. Тотчас дупло развалилось, и вышел мужик на белый свет. Пришел домой и стал жить по-прежнему[1].

Скоро идет время[2], десяти лет как не бывало, вот и срок наступает. Приуныл мужик, заплакал с горя.

— Что с тобой? — спрашивает жена.

— Так и так, жена! Последний час доживаю; скоро черт за мной явится.

— Что ж ты прежде мне не сказывал? Беги скорей да топи баню.

Мужик побежал баню топить, а баба напарила гороху и давай есть. Так наелась, что любо-дорого! Вот и[3] баня готова.

— Ну, пойдем помоемся! — говорит она мужу.

Пришла в баню, разделась и принялась[4] мыть себе голову. Вдруг[5] откуда нé взялся — черт за мужиком явился.

— Тебе что? — спрашивает баба.

— А вот за[6] мужиком пришел: он теперь мой.

— Врешь, он мой! Мы с ним под венцом вместе стояли, я тебе дáром его не уступлю. Если[7] хочешь: сделай мне три работы; сделаешь — твой мужик, а не сделаешь[8] — рукописанье назад!

— Ну, задавай, какия твои работы?

— Да легонькия! Вот тебе первая! — говорит баба, а сама раскорячилась, выдернула из манды курчавой волос

---

[1] *Далее*: [Через]
[2] *Далее*: [вот]
[3] *Было*: [Ну. Пришел муж.]
[4] *Далее*: [голову]
[5] *Далее*: [черт]
[6] *Далее*: [твоим]
[7] *Было*: [Коли]
[8] *Далее*: [отдай!]

и подает черту: — Сделай его ровным да прямым[1]. Да смотри не испорть!

Черт[2] взял волос в зубы, давай его выравнивать. Нет — ан все крутится. Подошел нечистой к печке, захотел выправить тот волос об каленой камень и[3] спалил его совсем.

— Ну, — говорит баба, — пропала твоя первая работа. Вот тебе другая!

А сама стала на карачки, выпятила манду и спрашивает:

— Видишь гнездо?

— Вижу!

— Закрой его ладонью, да смотри, чтоб лапа сверху лежала!

Черт положил ладонь на причинное место, а баба как попятится — так вся чертова лапа и вошла в дыру!

— Ну, пропала твоя и вторая работа! Теперь принимайся за третью.

С этим словом ложится баба на лавку и говорит нечистому:

— Гни мои ноги, а что́ в те́ поры я выпущу, то сейчас излови!

Только принялся нечистой[4] гнуть бабе ноги, она как перднет с гороху, да таково-то громко, а сама кричит:

— Скорей! Лови!

Черт бегал-бегал[5], а толку нет ни на грош.

— Твоя взяла! — говорит[6] бабе. — Никак не могу поймать: около носу вьется, а в руки не дается!

Отобрала баба от черта мужнину расписку, и пошел нечистой несолоно хлебавши в тартарары. Правду люди сказывают: черт хитёр, а баба и черта хитрее.

---

[1] *Далее*: [А коли испортишь — пропал теперь]
[2] *Было*: [Нечистой]
[3] *Далее*: [здесь]
[4] *Было*: [черт]
[5] *Далее*: [нет]
[6] *Далее*: [он]

110
ЖЕНИНА ВЕРНОСТЬ[1]

а

В одном селе жил-был поп с попадьей. Только поп этот не очень-то на жену смотрел, а снюхался с просвирнею.

Вот[2] раз как-то ввечеру попадья вышла на двор коров доить, а поп стоит с просвирнею за забором, да все ее просит, да[3] добро ей сулит.

— Приходи, — говорит, — завтра в овин; я тебе и муки, и масла, и круп, и соли — всего-всего нанесу!

— Хорошо, прийду.

[4]Попадья все это слышала. На другой день, только что стало смеркаться, она поскорей в овин, забралась туда раньше всех и сидит себе: ни гугу! Глядь — лезет поп, словно мерина себя всякой всячиной навьючил, и спрашивает потихоньку:

— Просвирня! Ты здесь?

— Здесь, батюшка[5], — отвечает попадья шепотом.

— Вот тебе целой узел. Бери: в дому́ пригодится!

[6]Полежал с ней маленько и давай складчину делать[7]. Ебет попадью, а сам говорит:

— У тебя, свет, не в пример слаще, чем у попадьи.

— И, батюшка! Не все ли равно? Что́ у не́й, что у меня — все дыра!

— Нет — большая разница. У тебя дыра муровата!

Покончил поп[8] свою работу и пошел домой, а попадья[9] припрятала узел да за ним же вслед. Вошла в избу, налила щей, нарезала хлебу и зовет попа ужинать. Поп попробовал и говорит:

— Давай, матка, соли!

---

[1] *Было*: [Испытание] женин[ой] верност[и]
[2] *Было*: [Да]
[3] *Далее*: [разн<ое>]
[4] *Начато:* [На дру...]
[5] *Далее*: [говорит] [шепото<м>]
[6] *Начато*: [Вот]
[7] *Далее*: [Сам]
[8] *Далее*: сво[е дело] [дело] и пошел [домой в избу]
[9] *Далее*: [узел]

— А где я[1] возьму! Ступай к своей просвирне в овин — она тебе даст.

Поп смекнул, что дело-то выходит кляп! И замолчал.

С той поры не стало ему ни житья, ни спокоя: попадья во всем отказует да просвирней попрекает!

«Дай, — (думает поп), — схожу на базар да найму молодого батрака; авось он[2] поможет отсмеять попадье за её насмешку!»

И попадается ему на базаре бравой парень.

— Здорово, свет! Куда идешь?

— Иду наниматься в работники.

— Наймись ко мне![3] Ста рублей не пожалею, а работа у меня не тяжелая: сделай только, чтоб попадья не попрекала меня просвирнею, — сейчас и деньги в руки!

— Ладно, батька! Это[4] можно живо обработать.

Воротился поп[5] домой и батрака привел[6]. На другой день поутру собираются они в поле ехать. Попадья[7] поставила им вчерашние щи на завтрак, а соли опять не дала: ступай-де к своей просвирне — она тебе даст!

Выехали поп с батраком за околицу, уговорились, как и что́, пустили лошадей на траву, а сами назад[8].

— Ну, батька! — говорит батрак. — Стань здесь под окошком, смотри[9] и, что б я ни делал, по тех пор терпи, пока сил хватит!

Поп стал под окном, а батрак — в избу. Видит: попадья квашню месит. Как заплачет он[10] горько да жалостно!

— Что с тобой подеялось? — спрашивает попадья.

— Ах, матушка, беда моя! Повстречался отец со мной, велит домой ехать, хочет женить меня; а я еще мал, ниче-

---

[1] *Далее*: [тебе]
[2] *Далее*: [мне] [поможет] отсме[ять мне]
[3] *Далее*: [Я тебе] ст[о] рублей [дам]
[4] *Далее*: [живо]
[5] *Далее*: [домой с] батрак[ом]
[6] *Далее*: [Позже]
[7] *Далее*: [накормила]
[8] *Далее*: [Поп стал под...]
[9] *Далее*: [дак до]
[10] *Далее*: [во все горло, как за...] [горькими] [горько]

го не разумею[1], никогда не спал[2] с девками, что́ с женою творить — не ведаю.

— Эх, руки-то у меня в тесте, а бы я тебя, пожалуй, поучила; ну, да и так можно!

Легла посередь пола[3] и говорит батраку:

— Полезай на меня![4]

Батрак и полез на нее через голову.

— Куда ты? — кричит попадья. — Не туда, не туда! Вот сюда лезь!

А сама подняла сарафан и рукой в манду тычет. Батрак сбоку полез.

— Да не так![5] Экой[6] дурашка! Будто ты и взаправду никогда[7] греха не творил?

— Творил, матушка, да с кобылою, а с бабами не случалося.

— Ну, так я стану на карачки.

Стала попадья на карачки, задрала подол[8] и говорит:

— Полезай[9] с заду, да скорее![10]

Батрак опять не туда лезет.

— Что ты, дурак! Сам сказывал, что у тебя было дело с кобылою; я и стала по-кобыльи, а ты и тут не умеешь!

— Да[11] ведь вте́поры, матушка, я боронил; кобыла была в хомуте и в бороне!

— Ну, ступай, принеси борону и хомут и запряги меня.

Батрак сбегал, надел на попадью хомут и запрёг в борону, а сам все не лезет.

— Ну, что ж ты мешкаешь? Вишь, я и в хомуте, и с[12] бороною...

---

[1] *Было*: [ведаю]
[2] *Было*: с [бабами и что делать...]
[3] *Далее*: [задрала подол]
[4] *Далее*: [Вот]
[5] *Далее*: [Дурашка! полезай]
[6] *Далее*: [дурень, ничего не умеет]
[7] *Далее*: [ни с кем]
[8] *Далее*: [<*нрзб*>]
[9] *Далее*: [скорее]
[10] *Далее*: [Да как же, матушка]
[11] *Далее*: [матушка]
[12] *Было*: [в]

— Да у кобылы-то, матушка, хвост был.

— Экой! Возьми поскорей батькину кропилку да воткни мне в жопу — вот те и хвост!

Тут поп не выдержал и закричал во все горло:

— Ах ты, курва, еще мою кропилку поганить хочешь!

Батрак взял с попа денег 100 рублей, а попадья[1] с того времени полно поминать попу о просвирне.

б

Жил мужик да баба[2], детей у них не было. Взяли к себе на утеху племянника. Дядя-то был стар, а дядина (тетка) еще не так-то стара, а середка на половине.

Раз поехал дядя с племянником в лес дрова рубить и доро́гой расхвастался:

— Экая у меня славная баба! И какая в законе твердая. Уж ее никто на грех не заманит.

— Пустяки! — говорит ему парень. — Это дело вовсе не трудное.

Поспорили они и порешили на том:[3] коли племянник да сумеет соблазнить тетку, так[4] дядя должо́н ему подарить две пары быков и с телегами. Воротились оба домой. Дядя стал под окном, а племянник вошел в избу и горько плачет.

— Что ты, сынок, плачешь? — спрашивает дядина[5].

— Как не плакать? Приехали мы с дядею в лес, увидали дупло[6] и поспорили, чей хуй больше?[7] Он говорит: его больше, а я говорю: мой больше. Что делать? Решились[8] попробовать, чей в дупло не войдет. Дядя сунул в дыру, а гадюка его прямо за́ хуй и укусила[9]. Тут он и помер!

---

[1] *Далее*: [полно] [с того]

[2] *Было*: [старик со старухой]

[3] *Было*: [ударились об заклад]

[4] *Далее*: [дядя виноват]

[5] *Было*: [тетка]

[6] *Было*: [дупло в дереве и поспорили: чей хуй больше. Я говорю — чей хуй влезет в ту дыру, и давай спорить...]

[7] *Было*: [давай хуи примеривать да совать в дупло. Дядя как сунет в дупло...]

[8] *Было*: [согласились]

[9] *Далее*: [тотчас старик умер]

— Черт с ним! — говорит тетка. — А твой хуй вошел в дупло?

— Нет, мой не вошел.

— А ну, ложись со мной на постель да поеби меня.

— Я эдак-то не умею. Намедни я кобылу ёб, так с заду ее угодил.

Дядина стала раком и жопу подставила.

— Стой! Еще не все. На кобыле-то седло было.

— Ах, подлец! Ступай в сени, там седло висит, возьми да живей[1] поворачивайся!

Парень принес и оседлал тетку.

— Как же теперь еть тебя? Ведь у кобылы-то хвост — есть за что подержаться!

— Ну[2], возьми ложку, воткни в жопу и еби поскорее!

Дядя услыхал и кричит в окно:[3]

— Полно, полно! Не бери ложки — не погань, а то хлебать нечем будет!

Прибежал старик в избу, схватил кнут и давай валять жену:

— Эка подлая! Через тебя пару волов проиграл...

111
ХУЙ-СОЛОВЕЙ

В некотором царстве, не в нашем государстве был-жил молодец, и дал ему Господь Бог большой талан: хуй соловьем свистал! Вот однова́ забрался он в государев сад, сел в кусты и вынул из порток свой кляп. Сам-то он сидит — добра выжидает, а хуй его на весь сад соловьем заливается[4], и присвистывает и прищелкивает!

А у ихняго царя была дочь-царевна — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Заслушалась она соловьиного пения и думает[5]: «Знать, в нашем саду соловейко гнездо себе свил; дай подойду поближе да погляжу».

Подходит она, а в кустах доброй молодец сидит да в руках хуй держит.

[1] *Было*: [скорей назад]
[2] *Было*: [— Экой выдумщик]
[3] *Далее*: [Что ты]
[4] *Далее*: [так]
[5] *Далее*: [себе]

— Здравствуй, царевна!

— Здравствуй, молодец! Что ты в руках держишь?

— Это дорогая заморская птица — соловьем поет.

— А ну пусть запоет!

Хуй опять начал прищелкивать и присвистывать. Царевна заслушалась того пения пуще всякой музыки — век бы слушала!

— Ах, доброй молодец! — говорит она. — Продай мне своею заморскую птичку.

— Она у меня не продажная, а заветная!

— А[1] какой завет?

— Дай три раза покормить ее[2] семечком с твоего белого тела, иначе она[3] и клевать не станет!

— Да как же это?

— Дело простое, царевна! Ты ложись на траву, заголи свой подол, а я посыплю семечком[4] на твое брюхо да и покормлю ее.

Царевна думала-думала и согласилась. Легла на траву, задрала подол, а доброй молодец посыпал ей на брюхо, да поближе к пизде, разных семечков и давай кормить свою птицу: клевал-клевал да как шаркнет его прямо в дыру.

— Ах! — закричала царевна. — Ведь такого уговора не было: зачем туда свою птичку пустил?[5]

— Да скатилось туда одно зернушко[6], не пропадать же ему даром, хоть и трудно, а доставать надобно...

На другой день хуй опять в саду высвистывает. Приходит царевна.

— Ну, — говорит, — покорми свою птичку в другой раз.

— Ладно, царевна! Ложись.

Она легла на траву[7]. Доброй молодец давай[8] свою птицу

---

[1] *Далее*: [сколько]

[2] *Далее*: [за три раза]

[3] *Далее*: [не...]

[4] *Далее*: [промеж ног у тебя — как раз во<т>] на твое[м] брюх[е]

[5] *Далее*: [— Да семячко. Само туда...]

[6] *Далее*: [туда скатилось]; [запало]

[7] *Далее*: [Он]

[8] *Далее*: [хуй кор<мить>]

семечком кормить да все хуем[1] возле самой пизды водит. Невтерпеж пришлось царевне — сильно разохотилась.

— Ах, доброй молодец! Кажись, опять зерно в дыру скатилось.

— Нет, — говорит, — все целы.

— Ну хоть все целы, а ты все-таки на дне поищи, может, вчерашнее найдется.

— Что дашь? Поищу.

— Что хочешь бери![2]

— Давай сто рублей.

Царевна заплатила[3] сто рублей; он взял и принялся[4] искать вчерашнее зернушко. С того времени[5] и день и ночь царевна только[6] и норовит, что́ в сад погулять да послушать соловьиного пения[7].

Ни много, ни мало прошло времени — вздулось у ней брюхо.

— Отчего так? — спрашивают ее царь с царицею.

— Ах, государь батюшка с государыней матушкой! Ведь вы моего счастья не ведаете; здесь у меня соловей гнездо свил.

Делать нечего, выдали ее замуж за того доброго молодца[8]. Не родись ни пригож, ни умен[9], а родись таланлив!

112
СОВА-ВИ(Е)СТУХА

а

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатой купец, имел много и золота, и се́ребра, и

---

[1] *Далее*: [около]
[2] *Далее*: [Только]
[3] *Далее*: [ему]
[4] *Далее*: [опять]
[5] *Далее*: [что ни]
[6] *Было*: [так]
[7] *Далее*: [как...]
[8] *Далее*: [что Господь талаком наградил.]; [его]; [талан].
[9] *Было*: [богат]

всякого добра. Вот[1] один раз сидит он у окошка и думает сам с собою: «Желал бы я знать, чего у меня нету? Дом мой что́ полная чаша, всего вдоволь. Кажись, только того и нет у меня, чего и на белом свете никогда не водилось!»

В это самое время ехал мимо его двора мужик с возом, а на возу было накладено много мешков с мукою. Зацепил[2] мужик за что-то телегою[3] и опрокинул воз. Бегает, суетится, мешки подымает[4].

— Ах, мать твою так! — говорит.[5] — Вот беда — так беда!

Купец услыхал это слово и[6] думает: «Что такое за *беда*? Ведь у меня в доме нету беды. Как бы мне добыть ее?»

Тотчас выбежал на улицу и прямо к мужику:

— Скажи, братец, где у тебя беда?

Мужик, не будь промах, усмехнулся и отвечает:

— Вот[7] в этом мешке сидит!

— Пожалуста, продай мне ее; у меня дом что́ полная чаша, всего вдоволь, только[8] и нет одной беды.

— Изволь, купи!

— А что она сто́ит?

— Да сто рублев.

Купец вынул сто рублев, заплатил и говорит мужику:

— А ну, развяжи мешок, дай посмотрю, что за беда такая?

— Эх, купец! Зачем[9] развязывать? Еще, пожалуй, улетит!

— Ничего, развязывай!

Стал он[10] мешок развязывать, а купец нагнулся к нему и глаза вытаращил.

---

[1] *Далее*: а) Вот [он и думает];
б) Вот один раз [сидит он у окошка]

[2] *Далее*: [как-то]; [за что-то]

[3] *Далее*: [за]

[4] *Далее*: [и говорит]

[5] *Далее*: [— Во<т> экая]

[6] *Далее*: [думает]

[7] *Было*: [— Да]

[8] *Далее*: [беды] и нет[у]

[9] *Было*: [Что]

[10] *Было*: [мужик]

Мужик тем временем захватил полну горсть муки да в лицо[1] ему — так[2] глаза и засыпал!

— Ну вот! Ведь я сказывал, что улетит. Так и есть — совсем улетела!

Купец протёр свои очи и спрашивает:

— А в какую сторону она полетела?

— Да вон к энтому лесу.

— Послушай, мужичок! Я сейчас велю заложить пару лошадей в повозку[3], поедем-ка со мной в лес... Помоги мне беду разыскать! Я тебе еще сотню рублей пожалую.

— Хорошо, господин купец! Только повремени маленько, пока свою кладь на место свезу.

На том и порешили. Мужик свез свою муку куда следовало, пришел к купцу, и поехали они вместе в лес. Долго они блудили по́ лесу, все беду искали. Наконец подходят к одному высокому-высокому дереву, а на том дереве на самой верхушке сидит сова да глазами хлопает; хоть хлопает, да днем ничего не видит! Говорит купцу мужик:

— Вон видишь, куда залетела — на самую верхушку забралась!

— Что ж теперь делать?

— Известно что; полезай на дерево, подкрадься тихохонько и хватай ее. Только[4] наперед сними с себя всю лишнюю одёжу, а то дерево-то суковатое; неровен час — где за сучок зацепишься да шуму наделаешь... Беда услышит, дале улетит!

Купец снял с себя кафтан, шапку и сапоги и полез на дерево беду добывать. Тогда мужик забрал все[5] купеческое добро — и одежду, и повозку с лошадьми, и укатил куда надобно.

Купец взобрался на самую верхушку дерева, сграбастал[6] сову.

«Ну, слава Богу, — думает, — теперь у меня славная штука в дому будет!»

Спустился наземь, глядь — нет ни мужика, ни повозки, ни лошадей, одежа и та пропала. Туда-сюда кинулся — нет, ничего не найдешь!

---

[1] *Было*: [в глаза]

[2] *Далее*: [и засыпал]

[3] *Далее*: [а ты оставь свой воз пока здесь, да]

[4] *Далее*: [наперед] сними с себя [всю]

[5] *Было*: вс[ю]

[6] *Было*: [и поймал]

— Ах, подлец! Мать твою разъедак!

Вот это беда, так взаправду беда! Пришлось купцу ворочаться домой и пешком, и босиком, и без шапки, и без кафтана; а на его несчастье, нашли тучи и[1] полил дождь. Дело к ночи; купец идет да идет, сову под мышкой несет[2], а дождь его как из ведра поливает; до костей промочил. Долго ли тут с дороги сбиться? Забрёл купец — куда и сам не знает. Крепко он уморился. Вдруг видит:[3] вдáли огонек светится. «Дай на огонь пойду».

Шел-шел и дошел до какой-то деревушки. Остáновился у одной избы под окошком.

«Попрошусь, — думает, — не пустят ли ночь переночевать». Глядь, а в избе сидит молодуха, такая красивая, а возле нее дьячок увивается. Вишь, муж-то ее в извоз поехал.

— Что ж, — говорит молодуха[4], — пора бы и ужинать да спать ложиться.

— Да ты, свет, что приготовила? — спрашивает дьячок.

— Да в печи гусь жареной, а на полице штоф с водкой стоúт.

Дьячок облизнулся:[5]

— А ну, как мы станем ужинать, а твой муж нагрянет?

— Что ж[6] такое! Ведь ты знаешь свои старые похоронки: полезай под печь!

Купец выслушал все эти речи, постучался в окно и стал на ночлег проситься. Хозяйка отвечает:

— Не пущу! Я одна дома, муж в извоз уехал.

— Ах, мать твою так!

Пошел купец по другим избам — нигде не примают. Пришлось[7] в поле ночевать. Вышел он за околицу, идет дорогою, а навстречу ему едет извозчик.

— Куда идешь, доброй человек, в такую погоду?

— Так и так, никто ночевать не пускает.

---

[1] *Далее*: [полил [полил] проливной]; [большой]
[2] *Было*: [держит]
[3] *Далее*: [он]
[4] *Было*: [дьячок]
[5] *Далее*: [есть чем пере...]
[6] *Далее*: [знай]
[7] *Далее*: [опять в...]

— Эх, братец, садись со мной, поедем ко мне; я сам по чужим сторонам езжу, сам нужду знаю.

Вот купец сел на телегу, и приезжают они как раз к той[1] самой избе, где молодуха с дьячком прохлаждается. Стал извозчик в ворота стучаться:

— Отпирай, хозяйка!

— Вот черт мужа принес! — говорит молодуха. — Не успели мы и гуся съесть.

Дьячок под печку забился*, а хозяйка отворила ворота, впустила мужа с купцом, а сама охает, словно хворая.

— Здорово, хозяюшка! Нет ли у нас чего поужинать?

— Ох, головушку мою всю разломило́: целой день провалялась — еле с места могу тронуться! Кроме щей, ничего не готовила.

— Ну, давай щи!

Она налила миску пустых щей, поставила на стол и краюху хлеба положила.

— Садись и ты, брат, ужинать! — говорит мужик своему гостю. — А это что у тебя под мышкою?

— Это птица-вистуха! Кто что ни сделает, кто что ни вздумает — она все знает!

— Ой ли!

— Истинную правду говорю, да не только знает и мне[2] сказывает...

Вот купец хлебнул ложку-другую щей — не скусны ему показались, перестал есть, взглянул на сову, а она знай глазами хлопает.

— Да полно тебе! — говорит купец. — Ишь разболталась, не все сказывай, что ведаешь!

— А что, земляк, она тебе сказывает? — спрашивает хозяин.

— Да все толкует, что на полице штоф вина стои́т, а в печи гусь жареной.

---

[1] *Было*: то[му]

* *Вариант*: — А мне куда спрятаться? — говорит дьячок.

— Полезай скорей в подполье; там стоит корзина с пухом — в нее и ложись.

Дьячок влез в подполье, снял с себя одежу, чтоб в пуху не вывалять, и лег в корзину как есть нагишом.

[2] *Далее*: [правду]

Мужик бросился, притащил и гуся и водку, и стали они[1] попивать, да закусывать, да птицу похваливать.

— Подь, хозяйка, выпей и ты стаканчик! — говорит мужик.

— Нет, не хочу. Мне и без водки горько на свет смотреть.

— Знаешь ли[2], хозяин? Ведь[3] у тебя в доме неблагополучно: под печкою злыдни завелись, оттого и молодуха твоя хворает. Мне про то вистуха сказывает... Хочешь, вылечу?

— Вылечи, пожалуста!

— А что дашь?

— Ста рублев не пожалею.

— Ну, так нагрей поскорее два котла горячей воды, возьми суковатую палку и ступай в сени. Я стану выгонять отсюда злыдней, а[4] как побегут они в сени — ты приударь палкою[5], да смотри, бей не жалея!

Сказано — сделано. Взял купец котел кипятку[6] и прысну<л>[7] под печку[8] — как выскочит оттудова ошпаренный дьячок да бежать сломя голову, а в сенях хозяин[9] принял его палкою. Еле живой ушел!*

---

[1] *Далее*: [вы]пивать [да]

[2] *Далее*: [что]

[3] *Далее:* [— Твою жену можно вылечить, мне про то вистуха сказывает...

— Вылечи, пожалуста!

— А что дашь?]

[4] *Далее*: [ты]

[5] *Далее*: [их]

[6] *Далее*: [да как] прысн[е]т

[7] В рукописи: прыснут

[8] *Далее*: [дьячок]

[9] *Далее*: [его палк<ой>]

* *Вариант*: — У тебя в подполье черти завелись, они-то и пакостят в твоем дому. Хочешь, выгоню?[1*]

— Потрудись, добрый человек, выгони!

— Ну так принеси ведро чистого дегтю, подогрей его погорячее да и вылей в корзину с пухом, что стоит в подполье[2*], — сам увидишь, как побежит старой черт оттудова; а уйдет старой — уйдут и малые...

Вот как вылил мужик в корзину горячий деготь — выскочил из нее дьячок — черт чертом, весь в пуху да в дегте...

[1*] *Далее*: [Выгони]

[2*] Далее: [зна<й>]

— Славная у тебя птица-вистуха! — говорит хозяин. — Продай мне ее.

— Продал бы, да ведь не купишь[1] — она дорогого сто́ит, ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Разве только глаза ей засцать — ну тогда[2] пропадет!

— А сколь дорого сто́ит?

— Давай триста рублев.

Поторговались-поторговались, и продал купец мужику сову за две сотни; взял деньги и отправился домой.

Дня через три, через четыре поехал мужик куда-то по своим делам, а дьячок опять к молодухе в гости пришел.

— Здравствуй, голубчик![3] Мужа дома нет...

— Черт бы его ободрал! Онамедни так нагрел мне бока и спину, что до сих пор чешется!

— Ох, беда наша! Ведь муж-то купил эту проклятую птицу-вистуху, вон в переднем углу сидит.

— А разве нельзя ее известь?

— Да как изведешь? Она ни в огне не горит, ни в воде не тонет, только тогда пропадет, коли ей в глаза насцать[4].

— Ну, это дело нехитрое! Насцать всегда можно[5], — говорит дьячок.

Тотчас спустил штаны, вынул своего дурака[6], подошел к сове и давай ей прямо[7] в глаза сцать. А сова хвать его лапою за хуй — так и завязила свои когти[8]! Хозяйка ухватилась обеими руками за птицу, хочет оторвать ее — не тут-то было! Сова[9] видит, что уселась на хорошем месте, и не думает отпустить, только дальше когти запускает!

---

[1] *Далее*: [она] [больно] доро[го] стоит, [потому]

[2] *Далее*: [только]

[3] *Далее*: [— Здравствуй! Черт бы твоего мужа побрал.
— Да муж уехал.]

[4] *Далее*: [— Ну, это дело нехитрое, давай засцым ей в глаза.]

[5] *Далее*: [Сейчас]; Тотчас [дьячок] спустил [свои]

[6] *Далее*: [и начал, взял ее и]

[7] *Далее*: [вот]

[8] *Далее*: [— Ох, больно!] Хозяйка [было] ухватилась [было] за [нее] птицу, [рван<ула>]

[9] *Далее*: [не пускает,] видит, что [сидит]

— Ох, больно! — кричит дьячок благим матом[1]. — Не трожь ее, пожалуста, лучше пособи[2] насцать ей в глаза — авось тогда[3] отстанет.

Хозяйка[4] подняла сарафан и зачала сцать на сову, а птица хвать[5] другой лапой за её посуду[6], сгребла манду и держит крепко-накрепко. На ту пору приходит в избу поп молитву давать.

— Батюшка, — возмолился дьячок, — сцы поскорей в глаза этой проклятой сове, а то совсем нас замучила!

Поп положил свои книги на стол, вынул хуй и только принялся сцать, а сова ухватила и его за хуй своим носом. Стала она прижимать их покрепче[7], невмоготу им сделалось. Выбежали все втроем из избы на улицу и орут во все горло; а тут и мужик приехал. Как увидал он эдакое диво, тотчас схватил плеть и давай угощать то того, то другого, а они-то знай в разныя стороны рвутся. И до тех пор колотил их мужик, пока совсем не разорвали совы на три[8] части. Поп убежал — совиную голову на хую унёс, а дьячок бежит[9] — на его кляпе совиная лапка торчит, а[10] у хозяйки на пизде — все туловище висит.

— Ах ты, блядь разэдакая![11] — говорит мужик бабе. — Через тебя, окаянную[12], пропала моя вистуха ни за́што ни про́што! А ведь я за нее — шутка ли? — две[13] сотни дал.

---

[1] *Далее*: [Лучше] не трожь ее [лучше]
[2] *Далее*: [мне]
[3] *Далее*: [бросит]
[4] *Далее*: [задрала]
[5] *Далее*: [ее]
[6] *Было*: [пизду]
[7] *Далее*: [стало]
[8] *Далее*: [мелкия]
[9] *Было*: [убежал]
[10] *Далее*: [на] хозяйки[ной манде все] [целое] туловище [повисло]
[11] *Далее*: [гово<рит>; закри<чал>]; говорит [ей]
[12] *Было*: [беспутную]
[13] *Далее*: [-то] сотни [от]дал

6

Был солдат Григорий, вышел в чистую отставку, а есть нечего, идет да говорит:

— Ох, горе мое горе!

Услыхал то купеческий сын и просит:

— Покажи мне горе. Я никогда не видывал.

— Ну, пойдем.

Вот[1] и пошли; подходят к широкой реке, а на той реке как раз на средине большой камень торчит. Говорит солдат Григорий:

— Вон видишь на[2] воде лежит горе[3], плыви и смотри себе вдоволь.

Купеческий сын разделся, поплыл по реке, смотрит: как есть камень — больше нет ничего; вернулся назад — ни солдата, ни одёжи. Остался купеческий сын совсем голой.

— Вот оно горе-то! — вымолвил он. — Чем теперь я прикрою свое грешное тело?

Спрятался[4] в камыши, выждал вечера и пустился в ближнее село да в крайнюю[5] избу — благо никого нет, а двери растворены, и марш под печку! Лежит себе. Вот маленько погодя приходит хозяйка с попом:

— Ах, батюшко! Ведь нам с тобой гулять долго нельзя; того и смотри, муж нагрянет!

— Ничего, свет, авось не скоро воротится!

Стали пить, есть, прохлаждаться. На тот грех муж[6] приехал. Поп тотчас — под печь. Мужик входит в избу, а на столе водка и закуска. Принялся пить, гулять, да спьяну песни петь. А баба — нет-нет, сама не выпьет, а все попу под печь подает.

— [7]Ты, никак, водку пьешь? — говорит купеческий сын. — Дай-ка мне.

— Нет, свет! Я и сам люблю.

---

[1] *Далее:* [купеческий сын]
[2] *Далее:* [ре<ке>]
[3] *Далее:* [камень]; плыви [к нему]
[4] *Начато:* [Доро...]
[5] *Было:* [первую]
[6] *Было:* муж[ик]
[7] *Начато:* [— Что]

— А не дашь, сейчас закричу!
— Ну да пей, только молчи![1]
Выпил купеческий сын и говорит попу:
— Батька! Давай песни петь.
— Что ты, что ты! Хозяин услышит.
— А[2] мне что. Я сейчас затяну!
— Не пой[3], свет! Не губи меня!
— Ну, снимай свою одежу да давай мне!
Поп разделся, а купеческий сын натянул на себя поповской тулуп, улучил время, вышел из-под печи и улизнул на улицу. Идет околицей, увидал сову на дереве, достал и воротился опять к тому ж мужику и просится ночевать.
— Что у тебя за птица?
— Это птица-ворожейка, все знает, всех чертей разгоняет — хочешь, и[4] тебе услужу, из твоей избы черта выживу...

113
СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь[5], у него была любимая дочь Анна-царевна, на возрасте, красоты неописанной. И сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах, за двенадцатью дверями. У каждых дверей[6] стояла на карауле стража великая, никого, кроме царя да придворных нянюшек-мамушек, к ней не пускали. Не токма человек, муха туда́ не пролетит!
Случилось[7] в некое время стоять во дворце на часах одному бравому солдату. Стоит он и вслух сам с собой разговаривает:

---

[1] *Далее*: [Вот подпил]
[2] *Было*: [— Да и]
[3] *Далее*: [пожалуста! Радимой]
[4] *Далее*: [у тебя черта выгоню]
[5] *Было*: [король]
[6] *В рукописи описка*: двера́
[7] *Далее*: [однова]

— Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был*.

Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит:

— Слушай, ты, умная голова! Коли ты[1] не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца — бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись — сотвори грех с моей дочерью. Если этого не сделаешь — велю тебя[2] за твою похвальбу словно пса повесить!

Вот солдат месяц гуляет и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною — не ведает, даже к теремам ея подойти боится. Уж и третий месяц на исходе. Пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно[3] плачет:

— Пропадай, — говорит, — моя молодецкая жизнь![4]

Подошел к нему горькой пьяница, ерыга кабацкая.

— О чем, брат, плачешь?

— Эх, лучше не спрашивай! Пропадаю за свою похвальбу.

— Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу.

Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело.

— Это еще не беда! — говорит горький[5] пьяница. — Есть у тебя деньги?

— Еще бы не быть; мне царская казна не заказана: сколь хошь бери!

— Ну, пойдешь на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые.

Побежали[6] на взморье; взошли на купеческой корабль.

---

* *Вариант*: Случилось солдату стоять на часах во дворце. Вздремнул он, и привиделось ему во сне — напиши-де на стене эти слова:[1*] «Что человек ни захочет, все может сделать!»[2*] Очнулся солдат, достал мел и написал эти самыя слова на стене. Царь увидал и приказывает ему...

[1*] *Было*: [речи]

[2*] *Далее*: [Вот]

[1] *Далее было:* [умн<ый>]

[2] *Далее*: [как [словно] собаку повесить]

[3] *Было*: [горько-горько]

[4] *Далее*: [Ни за копейку! Подходит...]

[5] *Было*: [отвечает кабацкая] пьяница

[6] *Было*: П[ришли на]

Стали разные товары высматривать и выбрали славные[1] стенные часы, в большой футляр вделаны, с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы[2] чистым золотом, сам в футляр залез и приказывает:

— Ну, купцы-торговцы! Отнесите часы во дворец да бейте царю челом[3], чтобы в дар принял.

Купцы принесли часы во дворец и били челом государю; царь принял подарок. Как увидел[4] он, что часы-то и с музыкой, и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы[5] поставить в спальню к царевне: пускай-де тешится!

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась. Весь день проплясала. Приходит ночь, легла она усталая и крепко-крепко уснула. Солдат вылез потихоньку из футляра, прямо к царевне, заворотил ей сорочку и давай накачивать. Царевна почуяла сласть-то и спрашивает:

— Кто это?

А солдат в ответ:

— Ангел божий — слетел с небес да на тебя влез! От нас с тобой все святые народятся!

— Ах, как славно! Вот тебе за то мой именной перстень на память.

Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы — нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послали за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и[6] выпустили солдата.

А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата[7].

Увидали и повели.

---

[1] *Было*: [важные]
[2] *Далее*: [деньги большие]
[3] *Далее*: [царю]
[4] *Было*: у[слыхал]
[5] *Было*: [гости]
[6] *Далее*: [там]
[7] *Далее*: [на расправу]

— Пойдем, — говорят. — Варвара на расправу!

Вот привели его к царю.

— Здравия желаю, ваше величество!

— Здорово, умная голова! Ну что, сделал свое дело?

— Сделал, ваше величество!

— Врешь ты, каналья?!

— Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?

— Позвать царевну! — закричал царь.

По́звали.

— Говори, дочка, кто у[1] тебя был севоднешню ночь?

— Ах, папенька! Прилетал ангел с небес да на меня взлез — так-то сладко было; я ему именной перстень пожаловала.

Солдат вынул царевнин перстень и подал государю.

— Ну, хитёр же ты, служивой! — сказал царь. — Ступай домой с Богом. Денег сколько знаешь возьми, только помни: никому не хвались, что с моей дочерью сделал, — не то прикажу казнить!

С той поры стал солдат при деньгах, живет себе да служит, ни о чем не тужит.

114

СОЛДАТ И ЦАРЕВНА НЕОЦЕНЕННАЯ КРАСОТА

Жил-был русский царь;[2] собрал к себе всех министров, генералов и фельдмаршалов, усадил за стол и[3] начал выспрашивать: где кто был и что видел в иных государствах?

Стали ему гости сказывать, что в эдаком-де царстве есть царь-государь и у того царя есть дочь царевна Красота Неоцененная. Миллионы дают[4], чтобы только посмотреть на ее красу. Только никто не добился, никому не удалось посмотреть на нее.

---

[1] *Было*: [к]

[2] *Было*: [король]

[3] *Далее*: [стал]

[4] *Далее*: [за то]

В то самое время стоял у дверей солдат на часах, услыхал эти речи и думает про себя: «Что за такая красавица, что миллионы за один посмотр дают, да и то не берут? Коли б у меня был миллион денег, я б не токма́ что посмотрел на нее, а наверняк взял бы ту царевну за себя замуж». Достал из кармана мел, да и написал свою думку на стенке. Наутро увидал царь[1] эту надпись и велел представить солдата перед свое лицо. Стоит солдат перед государем, словно собака перед куском тянется.

— Послушай, — спрашивает он[2] солдата, — ты написал мелом на стенке?

— Я, ваше царское[3] величество!

— И взаправду можешь ты на царевне жениться, коли тебе миллион дать?

— Точно так, ваше величество!

Царь[4] приказал выдать ему пачпорт и миллион рублей*.

---

[1] *Было*: [король]

[2] *Было*: [король]

[3] *Было*: [королевское]

[4] *Было*: [король]

* *Вариант*: Стоял солдат на часах во дворце. Идут мимо полковник с капитаном да разговаривают: есть-де в таком-то царстве у купца дочь красоты неописанной. Из многих стран приезжают на нее смотреть и платят за то деньги великия. Вот и мы с тобой (говорит полковник) ездили, издержали десять тысяч, а купеческой дочери так и не видали!

— Ишь, — говорит солдат, — у дураков, знать, денег много — девать некуда! Если б король дал мне полковничье годовое жалованье, я б не только увидал ее, еще б до пизды добрался!

Накинулись на него и полковник и капитан, хотят палками бить.

Дошли эти речи до самого царя. Велел он выдать солдату годовое полковничье жалованье:

— Пускай постарается!

Пошел солдат в энто царство, стал совсем подходить к городу, а навстречу ему старая-старая баба.

— Здраствуй, бабушка!

— Здорово.

— Нельзя тебя спросить про купеческую дочь, как ее красу увидать?

— Ах ты, сукин сын солдатишка, горькой пьяница! На эту красоту из иных земель царевичи смотреть приезжают, да и тем она отказывает, а тебе куда с солдатским рылом!

Солдат вынул сто рублев:

Вот солдат и пошел в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ль приходит в то самое царство, где живет царевна Неоцененная Красота. Нанял себе квартиру и живет месяц, другой и третий. И узнает он, что царевна эта ходит по вечерам с одним фельдмаршалом в трактир гулять[1]. Только вечер наступил, солдат — марш в трактир. Пришел и потребовал на стол разных вин и заедков на 50 рублев. Сидит себе да угощается. Настало[2] времячко царевне быть[3], трактирщик и гонит солдата вон:

— Ступай-де подобру-поздорову. Теперь у нас не до гостей — позже этого часа никого не пущаем!

Нечего делать, оставил солдат на столе все гощение и отправился на квартиру.

На другой вечер опять[4] солдат приходит и опять требует напитков и заедков на 100 рублев. Не успел одной бутылки выпить, а его уж вон гонят! Солдат ушел, а на третий вечер опять в трактир и заказал себе вин всяких и закусок на полтораста рублев. Сидит себе да прохлаждается. Пришло время, стали его из трактира высылать. Солдат и говорит:

— Ах, мать вашу так! За что ж я в третий раз плачу́ деньги даром? Разве мне и погулять[5] вволю нельзя?

— Эх, служивой! Сейчас приедет сюда царевна с фельдмаршалом, как же ты останешься?

— Не угодно ли, бабушка?

Старуха схватила деньги и говорит:

— Ну, это дело десятое![1*] У той купеческой дочери отец трактир держит. Ступай к нему, остановись на квартире — авось и увидишь ея красоту.

— Да ты скажи, бабушка! С кем она живет?

— Да живет с отцом, с матерью.

— Эх, старая курва! Неушто не понимаешь? Ну, кто ее ебет?

— Не сердись, служивой! Ебет ее царевич. Каждую ночь, почитай, к ней в окно лазит...

[1*] *Далее*: [коли]

[1] *Далее*: [солдат]

[2] *Было*: [пришло]

[3] *Далее*: [стал]

[4] *Далее*: [приходит]

[5] *Далее*: [по своей охоте нельзя-то]

— А что же[1], мои деньги хуже ихних? Пусть себе гуляют, я им не помешаю.

Спорили-спорили; не идет солдат, да и только. Приехала царевна; трактирщик бросился к ней с докладом:

— Есть-де в трактире солдат чужестранной, высылаем вон, так не слушается!

— Ну, пусть его остается; он нашего языка понять не может; а мне еще желательно посмотреть: каков таков русской солдат!

Входит царевна с фельдмаршалом, начали пить, гулять, промеж себя разговаривать. А солдат был ловкой, на все языки мастер, знай попивает да слушает.

— Что же, царевна Красота Неоцененная! — говорит фельдмаршал. — Три года мы с тобой дружбу ведем, а греха не знаем; ты все меня льстишь и манишь, а любовь сотворить отказываешь.

— Послушай, душа моя! — отвечает царевна. — Приходи ты завтрешнюю ночь к моему терему, стукни в стенку — я спущу кусок полотна и[2] подниму тебя в горницу: так и быть — сотвори со мной[3] грех!

После того они поцеловались и разъехались по своим домам; а солдат все это на ус замотал. На другой день дождался он ночи, прибежал к царевнину терему[4] наперед фельдмаршала и стук-стук в стенку. Царевна тотчас взяла кусок полотна и спустила в окно. Солдат ухватился за конец, а царевна втащила его в спаленку. Огня в горнице нету, темно, не спознала она солдата, а подумала, что то любезной ея[5] фельдмаршал.

— Ну, душенька, раздевайся да ложись спать! — говорит царевна.

Солдат стал расстегивать свой мундир и оторвал нечаянно пуговицу; пуговица упала на пол и покатилась; начал он ее искать, а царевна спрашивает:

— Что ты, милой, ищешь?

---

[1] *Было*: [разве]
[2] *Далее*: [внизу]
[3] *Было*: сотвори[м с тобой]
[4] *Далее*: [попрежде]
[5] *Было*: [ей]

— Да[1] уронил с пальца драгоценной перстень[2].

— И, полно! Вот тебе мой именной перстень, скорее ложись на постель. Утром[3] найдется!

Солдат взял ея именной перстень, лег с царевною на постель и начал ее откачивать по-солдатски, а не по-генеральски. Царевна лежит под ним да подхваливает*. Только отработал ее и слышит — пришел фельдмаршал и стучится в стенку.

— Послушай, душа! — говорит солдат царевне. — Кто-то стучится.

— Непременно это тот самой солдат, что вчера в трактире был; должно быть, он слышал наши разговоры... Дай-ка мы его угостим по-своему!

— Хочешь ты до ветру?

— Хочу!

— Ты садись скорей да сери в урыльник.

Царевна села и высралась; потом и солдат наворотил[4] полной горшок, отворил окно, взял урыльник да бац — прямо фельдмаршала по рылу: все глаза ему залил и одёжу запачкал. «Ай да царевна! — думает фельдмаршал. — Славно уподчивала. Видно, домой убираться!»

Ушел фельдмаршал, а потом и солдат спустился из окна и отправился на свою квартиру. Поутру проснулась царевна и заставляет свою девушку поискать на полу золотой перстень. Девушка искала-искала, перстеня не нашла, а подняла медную солдатскую пуговицу и показывает царевне. Как только увидала пуговицу царевна, тотчас спознала, что ночевал с нею солдат, и думает: «Кого теперь любить — фельдмаршала али солдата?»

И раздумала: лучше стану жить с русским солдатом,

---

[1] *Далее*: [вот]; [ишь]

[2] *Далее*: [так]

[3] *Было*: [Поутру]

* Купеческая дочь лежит да подхваливает:

— Славно, душенька, ты еще ни разу меня эдак не тешил. Скажи, отчего это нынешний раз у тебя хуй больше?

— А вот отчего: ездил я на охоту верхом, так, может быть, седлом натёр.

— Ах, любезной принц! Езди почаще верхом на охоту. Он у тебя еще больше разбухнет!

[4] *В рукописи ошибка*: нароворил [це<лый>] полной [уры<лник>]

потому что он меня важно[1] отработал; еще удастся ли так фельдмаршалу — бог весть! И посылает она свою девушку[2] сказать трактирщику: если приедет фельдмаршал гулять да станет за мною посылать — чтоб никто его не слушался; а если придет русской солдат да станет веселиться — в ту ж минуту дать мне знать.

Вот на другой день пришел солдат в трактир, спросил себе вино и закуску, сидит[3], вино попивает да закусывает. В ту ж минуту дали знать про то царевне. Она собралась и приехала в трактир; подходит[4] прямо к солдату и видит на его руке свой именной перстень:

— Здравствуй, любезной мой кавалер!

— Здравствуйте, ваше высочество!

— Ну, русской солдат — молодец ты! Знал, как поступить со мною; теперь я вся твоя, согласна за тебя хоть замуж идти — только отец не захочет. Надобно нам ухитряться. Вот тебе пятьсот тысяч, выдай себя за богатаго иноземнаго купца и сватайся за меня; да проси в приданое двенадцать кораблей с драгоценными камнями, что́ три года как бе́з вести пропали.

Солдат взял деньги, снял гостиницу,[5] разубрал ее так пышно, богато, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Всюду бархат да золото; нанял много прислужников: которые получали прежде 50 рублев, тем дает 100; которые — 100, тем двести; а[6] в гостинице своей все продает дешево: где бутылка вина десять рублей стоит, а у него 5; где пять, а у него два с полтиною. Народ так и валит к нему, так и валит. Приехал и сам царь, дивуется: «Что бы такое значило? Непременно это не простой купец, а какой-нибудь иностранной принц».

Слово за слово, полюбился ему солдат, и[7] просватал он

---

[1] *Было*: [лихо]
[2] *Далее*: [к]
[3] *Далее*: [да]
[4] *Далее*: к солдату [:
— Здрав]ствуй
[5] *Далее*: [всюду]
[6] *Далее*: [товар свой]
[7] *Далее*: [говори...]

за него дочь свою царевну Неоцененную Красоту и спрашивает жениха:

— Что тебе в приданое дать?

— Отдай двенадцать пропащих кораблей.

— Чтó тебе в них? Ведь они совсем сгибли!

— Это уж мое дело.

— Ну, возьми!

Вот и женился солдат на царевне, а наутро глядь — все 12 кораблей плывут в пристань. Хоть и жалко царю, а делать нечего — назад не воротишь.

Вот прожил солдат с неделю и вздумал посмотреть в свой пачпорт; глянул, а уж немного остается ему сроку — пора и к русскому царю на службу являться. Собрался с женою, сел на корабль и поплыл восвояси. Приехал в свое государство, в стольной город. Доложили про него царю. Велел царь пре(д)ставить его вместе с женой пред свои светлые очи. Ну, и пре(д)ставили.

— Здорово, служба! — говорит государь.

— Здравия желаю, Ваше Величество! — закричал во все горло солдат.

А жена его смотрит да думает: «Знать, мой муж больше здешняго государя! Вишь, государь сказал ему тихо, ласково; а он так на него закричал, ажно мне страшно стало!».

После царь наградил солдата чином, и стал он жить себе с молодой жонкою, жить-не тужить, царю честно служить.

115

МУДРАЯ СТАРУХА

Жил-был царь с женою; только жена у него была эдакая ненаёба, еби ее беспременно разов по пятнадцати за ночь, а то с бела света сгонит! Невмочь, не в силу пришло мужу. Идет он по улице и с печали голову повесил.

— Что так печален, батюшка? — спрашивает его встречная старуха-нищая.

— Ах, отвяжись, старая! Ты моему горю[1] не пособишь.

[1] *Было*: [делу]

— Скажи твое горе, может, и пособлю.

Муж рассказал, а она говорит:

— Дай мне сто рублев — помогу.

— Изволь!

— Ну, сегодня вечером буду я идти мимо твоего двора, зазови меня.

Вот вечером сидят муж с женою у окна, а старуха идет по улице.

— Ах, Боже мой! — говорит муж. — Ведь то наша старая премудрая бабушка идет, позвать ее да чаем попоить.

Жена побежала ее звать:

— Поди, бабушка!

Старуха стала всходить по лес<т>нице, да что́ ни ступит на ступеньку, то и перднет, что́ ни ступит — то и перднет!

— Что ты, бабушка, все пердишь?

— Ах, мать моя! Вишь, у меня муж такой был: кажную ночь разов по десяти да по пятнадцати[1] на меня лазил и истёр мне всю подъебальную косточку, оттого теперь еле на свете живу — все на пердеж позывает.

Жена как услыхала это, так и ахнула; с той поры больше единого разу не заставляла мужа еть себя за ночь.

116
ТРИ ПРАВДЫ

— Барин! Что дашь? — три правды скажу; — говорит[2] продувной мужик.

— Говори! Вот тебе десять рублей!

— Не сери за ветром — вонять будет; не сцы против ветра — замочишься; не сказывай жене: у кого хуй велик — беду наживешь!

Барин воротился домой, а сам так со смеху и помирает.

— Что ты, душенька, смеешься? — спрашивает жена.

— Так, ничего! Вспомнил про мужика.

---

[1] *В рукописи*: по 15ти

[2] *Далее*: [мужик]

— Что же ты вспомнил?

— Э, да ничего; сказал он мне три правды, только такия... ха, ха, ха!

— Скажи и мне!

— Ну, матушка, мало ли что мужики ни врут!

— Скажи, пожалуста.

— Да говорить-то стыдно.

— Ничего[1], расскажи, дружок!

Пристала барыня; нечего делать, сказал[2] ей барин три мужицкия правды: «не сери за ветром — вонять будет; не сцы против ветра — замочишься; не говори жене — у кого хуй велик!»

— А разве, душенька, не у всех мужчин одинаковые?

— Еще бы!

— Неужли ж есть больше твоего?

— Да вон у Фильки-повара такой, что моих три выкроет.

На другой день входит барин в спальню, а Филька-повар на барыне лежит. Правду сказал мужик: не говори жене: у кого хуй больше — беду наживешь!

117
ГРИШКА — БОЛЬШОЙ ХУЙ[3]

Был на свете помещик — куда любопытной! Раз ехал он по дороге и повстречался с мужиком — везет на базар воз сена. Барин остановил его и спрашивает:

— Что везешь?

— Солому, ваше благородие!

— Ах ты, сукин сын! Какая солома — это сено.

— А хуй ли же ты,— спрашивает <мужик>, — коли сам видишь!

— Вот бестия! Разве ты никого не боишься, что так отвечать можешь?

---

[1] *Было*: [— Ну]

[2] *Было*: [рас]сказал

[3] *Было ошибочно*: [Сапожник и купчиха]. *Под таким названием в наст. изд. публикуется сказка № 118.*

— Нет, барин, крепко боюся поповой собаки — никогда без палки мимо попова двора не хожу.

— Ах ты, подлец! Да как тебя зовут?

— Меня зовут Гришка — Большой хуй; приедешь домой, не сказывай жене молодой.

С тем барин и поехал. Приезжает домой, садится обедать; вспомнил, что мужик ему сказал, и рассмеялся. А барыня ему и говорит:

— Чего ты, душенька, эдак рассмеялся?

— Так, про себя!

— Нет, скажи, пожалуйста!

Знай пристает к нему; нечего делать, рассказал барин все, как было. Как услыхала барыня, так и покатилась со смеху, инда усцалась — любо ей стало!

На другой день барин на охоту, а барыня заказала блины поставить и послала за Гришкою — велела к себе позвать. Гришка — Большой хуй тотчас явился.

— Здравствуй, барыня!

— Здравствуй, Гриша! Садись блины кушать, только с тем уговором, чтобы есть блины[1], в масло макать, а не капаться. Кто окапается — тому под испод ложиться!

Гришка видит, что дело-то подходящее, и говорит:[2]

— Слушаю, сударыня!

Вот он ест бережно, ни разу не капнул, а барыня так и поливает себя маслом — больно захотелось ей под испод попасть. Поели блины, барыня и сказывает:

— Ну-ка, Гриша, дай я погляжу, не окапался ли ты?

— Извольте, сударыня!

Она посмотрела: нет, ничего[3] не видать.

— А теперь давай, барыня, я тебя посмотрю.

Смотрит, она не то что окапалась, почитай, совсем облилась.

— Ну мне — так мне! — говорит барыня. — Пойдем на диван.

Легла барыня на диван, а Гришка взобрался на нее да

---

[1] *Далее*: [да]

[2] *Было*: [отв<ечает>]

[3] *Было*: ни[где]

так[1] ее засупонил, что инда заржала — очень хорошо показалось! Только он отъеб разок, а барин и воротился с охоты. Куда Гришке деваться?

— Полезай под диван! — кричит барыня.

Он и подлез под диван. Вот пришел барин и сел за стол обедать; а у них был маленькой сынок.

— Смотри, — говорит, — батька! Ешь блины, да не капайся, а не то под испод попадешь[2]. Мама ела да окапалась, так под Гришку попала, от страстей инда заржала!

— А где Гришка?

— Да вон под диваном лежит!

— Ах, сукин[3] сын! Ты зачем сюда забрался?

— Я ведь тебе, барин, сказывал: приедешь домой, не сказывай жене молодой; а ты не послушался — на себя и пеняй!

— Ступай к черту, мошенник ты эдакой!

— Прощай, барин!

118

САПОЖНИК И КУПЧИХА

Жил-был купец с купчихою богато, знатно; а к тому купцу ходил сапожник, завсегда на него работал. Раз как-то случилось им вместе до ветру пойтить; стали сцать. Купец смотрит, а у сапожника-то хуй большущий да толстой! И говорит ему:

— Эх, Тимофей! Какой у тебя кляп-то важной! Окромя сапожнаго мастерства, ты сможешь хуем кормиться.

— Что ты, господин купец! Как хуем кормиться?

— А вот как: купи-ка ты фунт мыла, ступай на плот, мой там мудей да[4] расправляй хуй. Увидит какая-нибудь барыня али купчиха — тотчас разъярится — без денег не будешь!

— Будто и взаправду!

---

[1] *Далее*: засупони[т ей]

[2] *Далее*: [Гришка ел, не капался.]

[3] *Было*: [рас]сукин

[4] *Далее*: [хуй раз]справляй

— Уж я те́ говорю, поверь моему честному слову!* Сапожник, не будь глуп[1], выслушал эти речи, побежал[2] на базар, купил фунт мыла и пошел на плот. Приходит на плот, спустил портки, вынул свой хуй и давай мылить: важно набодрил — с пол-аршина будет!

А тем временем[3] сидела у окна купчиха, все по сторонам глядела; увидала большой хуй — так и затряслась от радости, все глаза просмотрела! Только что надел сапожник портки да собрался домой идти, а купчиха и кричит ему:

— Послушай, молодец! Зайди-ка к нам; у меня работа есть — надо башмаки заказать.

Сапожник пришел к купчихе. Она[4] принимает его ласково:

— Садись, любезной! Не хочешь ли чайку испить? Не подать[5] ли водочки?

---

* *Вариант*: Жил-был один башмачник. Пришел в большую бедность, взял с горя тяпнул крючок и идет домой в печали да в кручине. Попадается ему навстречу купец:

— О чем раскручинился?

— Как не кручиниться? Совсем работы нет, а есть-то кажной день хочется.

— Хочешь, добру научу?

— Научи, доброй человек!

— А что, у тебя в штанах припас-то порядочной?

— Нешто́-таки, могу оборониться. Если б[1*] на него да кафтан сшить да шапку надеть, всякой бы сказал, что[2*] годится в пастухи — ходить за телятами.

— Ну, так вот тебе брус мыла, ступай на плот да хорошенько три этим мылом свой прибор... сам увидишь, что будет!

Башмачник то и сделал; а на плоту мыли белье купецкия жены[3*]. Вот этого самого купца жена-то увидала, что у парня[4*] шванц велик, раззадорилась и просит:

— Пожалуста, любезный, помоги, донеси мою корзину до дома!

— Изволь ..

[1*] *Далее*: [да]

[2*] *Далее*: [славной бык бы вышел]

[3*] *Далее*: [Вот] [Баба там и]

[4*] *Далее*: [-то]

[1] *Далее*: [как]

[2] *Далее*: [на рыно<к>]

[3] *Далее*: [вышла]

[4] *Далее*: [смотрит]

[5] *Было*: по[ставить]

— Хорошо, — говорит, — и чай хорошо и водочка!

Она сейчас поставила самовар, налила целой стакан настойки:

— Пей, голубчик!

Выпил стакан, она другой наливает; выпил другой — она третий подносит. А потом и говорит:

— Пойдем со мной на постелю!

Сапожник-то был[1] десятка не робкого. Взлез на купчиху и давай туда-сюда поталкивать; выеб ее, как выписал!

— Спасибо тебе, друг! — благодарит купчиха, дает ему пригоршню денег и наказывает: — Приходи ко мне и завтра в гости в этот самой час. Я тебя ждать буду. Ах, да на тебе одёжа-то нехорошая! На, возьми-ка себе мужнину...

И дала ему важную поддевку, новой суконной армяк, сапоги и шапку — всего как следует с ног до головы одела.

Вот идет сапожник городом молодец молодцом. И попадается ему навстречу тот самой купец, что научил его, как кляпом деньги зарабатывать.

— А, здравствуй!

— Здорово!

— Ну, как твои дела?

— Да[2] поправляются! Как научил ты, так я и сделал. Зазвала меня купчиха — и чаем напоила, и водкою угостила, и денег дала, и на нее разок-другой слазил; а после всего и говорит мне: твоя-де одёжа худа, надевай мужнину; так-таки заново и одела.

Купец вгляделся, а на сапожнике-то одёжа его собственная.

— Что ж, — спрашивает, — ты еще к ней пойдешь?

— Как же! Завтра наказала беспременно приходить.

На другой день приходит сапожник к купчихе. Она его встретила с радостью, посадила и подносит ему настойки. Сапожник только что взял[3] стакан в руки, а купец на двор идет. Увидала его жена: куда полюбовника девать?

— Полезай[4], — говорит, — под перину.

---

[1] *Далее*: [не робкаго]

[2] *Далее*: [вот, чай, сам видишь.]

[3] *Было*: взял[ся за]

[4] *Далее*: [кри...]

Муж пришел, поглядел-поглядел, поискал-поискал, так и не нашел и отправился опять в лавку. Тут сапожник вылез из-под перины, угостился и чайком и водочкой, слазил разок на купчиху и пошел домой. Идет мимо[1] лавок, увидал его купец и спрашивает:

— Что, был у купчихи?

— Был, да чуть-чуть было в капкан не попал!

— Как так?

— Да вишь, на мое несчастье, муж было пожаловал; насилу успел под перину убраться; ну[2] да зато после я свое наверстал. Только он из дому, я вылез из-под перины и чайку испил, и водочки хлебнул, и купчиху отработал.

— А завтра пойдешь?

— Как же! Опять велела приходить.

Назавтра приходит сапожник к купчихе, только было расположился с ней на кровати — глядь, а муж опять идет. Что делать? Взяла его купчиха да в шкаф и убрала*. Купец пришел, искал-искал, не мог найти и с тем и в лавку отправился. Сапожник вылез из затвора, погулял с купчихою, сделал с нею, что надобно, и опять идет мимо лавок. Купец увидал и спрашивает:

— Что, был сегодня?

— Был, братец! Да чуть-чуть не попался.

— А что?

— Опять муж приходил!

— Где ж ты спрятался?

— Да в шкафу просидел.

— А завтра пойдешь?

---

[1] *Далее*: [купца]

[2] *Далее*: [от как он]; [да зато]

* *Вариант*: — Ах, муж идет! — закричала купчиха. — Ступай скорей в сени. Там стоит короб с пухом — сядь в него.

Сапожник сел в короб. Купец искал-искал его, не нашел. Осердился и давай все бить да ломать. Ухватил короб с пухом да как шаркнет за забор[1*] — сапожник и попал на постоялой двор... Зашибся маленько и крякнул. А купец думает, что попал в кого-нибудь[2*] коробом.

— Ах, мать твою разэдак! — говорит. — Не садись под чужой забор пакостить!

[1*] *Далее*: [ажно]

[2*] *Далее*: [за забором]

— Еще бы! Сама велела приходить.

На другой день пришел сапожник[1] к купчихе. Она посадила его на лавку и давай угощать, давай его потчивать. Глянула в окно, а муж[2] на двор катит. Куды сапожника деть?[3] Взяла его посадила в узел[4] с черным бельем[5] и положила в углу. Муж искал-искал[6], ни в шкафу, ни под периною нет никого![7] Крепко осердился и зажег свой дом.

«Хоть[8] все добро[9] пожгу, а уж его, мошенника, доеду!» — думает про себя.

— Ах, милой друг! Что ты делаешь? — говорит купчиха. — Давай хоть[10] белье-то вытащим, а то все погорит — нечего и надеть будет![11]

Вот положили они узел в корыто; жена[12] взялась под один конец, а муж под другой и вытащили вон на улицу.

Дом сгорел, купец в лавку ушел, а купчиха развязала узел и выпустила сапожника. Пошли вместе в сарай и сделали свое дело.

Идет сапожник мимо лавок. Купец увидал его и глазам не верит: «Кажись, должóн был сгореть, а он живехонёк, как ни в чем не бывал».

— Али ты сегодня у купчихи не бывал?

— Нет, был и свое дело справил, да чуть-чуть[13] было не попался в лапы мужу.

— Где ж ты спрятался?

— Да в черном белье просидел[14]. Сам купец меня[15] и на улицу вынес...

---

[1] *Далее*: [прих<одит>]
[2] *Далее*: [опять]
[3] *Было*: де[ва]ть[ся]
[4] *Далее*: [да]
[5] *Далее*: [и забросала всего. Муж]
[6] *Далее*: [нет никого!]
[7] *Далее*: [Все углы]
[8] *Далее*: [Огнем сожгу]
[9] *Далее*: [свое]
[10] *Далее*: [черное]
[11] *Далее*: [Взвалили они]
[12] *Далее*: [подня<ла>]
[13] *Далее*: [было опять] не попался [к мужу]
[14] *Далее*: [как осерчал купец]
[15] *Далее*: [в корыте]

— Ну, брат! Ведь ты к моей жене ходишь. Вот тебе триста рублей, только сделай дружбу — не ходи к ней больше.

— Что ж ты прежде[1] не сказал! Я бы давно с тобой поладил!

С той поры зажил сапожник без нужды, без горя; не работает, не трудится, а все у него есть, чего душа просит — точь-в-точь, как на море-океане, на острове Буяне: стоит столб точеной, на столбу бык печеный, в том быку торчит вилка да нож[2], а в жопе банка с горчицою. Приходи да режь, макай в жопу да ешь!

119

РАБОТА ХУЕМ

а

Жил мужик, у него было три сына: два умных, третий — дурак. Когда отец состарелся, то призвал своих сыновей и стал говорить:

— Дети мои милые! Было время, когда я был молод и силен, а вы были малы и неразумны; я вас воспитал и выкормил[3]. Нынче же, чай, сами видите, я уже стар, не могу больше работáть; а[4] надеюсь на вас, что теперича вы меня прокормите.

Отвечал старшóй сын:

— Я, батюшка, могу тебя кормить лопатою: что лопатою выработаю, то и домой принесу!

Второй говорит:

— А я чтó ножом добуду, то и домой предоставлю.

— А у меня, батюшка, — говорит дурак, — хуй оченно велик; что я хуем достану, то и домой приволоку.

Отец выпучил на него глаза:

— Ну, сынок! Видно, мне твоего хлеба не есть!

— Отчего не есть? — отвечает дурак. — Разве сам не захочешь, а то небось лучше братьев заработаю.

---

[1] *Было*: [давно]

[2] *Далее*: [приходи, режь да ешь]

[3] *Далее*: [А]

[4] *Было*: [и]

Дождались они весны, и собрался[1] старшóй сын на заработки; взял лопату и пошел в дорогу. Шел-шел и забрел в такую сторону, где люди не ведали, как им хлеб веять: лопат у них не было, а бросали зерно горстью...

Вот приходит наш парень к одному мужику на гумно; большущий ворох лежит перед ним намолоченного[2] хлеба, а он стоúт около вороха, берет горстью да на ветер бросает; а сам, сердечной, так устал — индо вспотел.

— Здравствуй, земляк! — говорит парень. — Дай-ка я тебе в полчаса весь этот ворох перевею.

— В полчаса?! А ну, брат, попробуй; я посмотрю на тебя, как ты это сделаешь?

Парень начал лопатою подкидывать и в полчаса весь намолоченный хлеб перевеял. Мужик только смотрит да любуется; тотчас собрал всех своих соседей, глядят они на лопату да промеж себя толкуют:

— Экая важная штука! Коли б он продал нам ее, тогда бы нам житье с нею: не стали бы горстями хлеб веять!

Стали они спрашивать:

— Послушай, паренёк, продай нам этую штуку.

— Пожалуй, купите.

— А что возьмешь?

— Да соберите со всего общества столько денег, чтобы можно было эту лопату[3] кругом всю засыпать — больше мне[4] и не надобно!

Мужики на то согласились, собрали деньги и осыпали кругом лопату, да так осыпали, что совсем ее[5] не видно стало[6]. Парень взял денежки и отправился домой. «Теперь, — думает, — есть с чем к отцу показаться».

Целой день шел, приустал к вечеру — надо ночевать где-нибудь. Видит — на дороге постоялой двор, стал на ночлег проситься. Выходит к нему молодая хозяйка и сказывает:

— Пожалуй, доброй человек, ночуй, только с таким уговором, чтобы спать вместе со мной на одной кровати и

---

[1] *Было*: [пошел]
[2] *Далее*: [перед ним]
[3] *Далее*: [всю]
[4] *Далее*: [ничего]
[5] *Было*: [ея]
[6] *Начато*: [И]

чтобы так меня выеть, как мне понравится: а коли меня не удовольствуешь — все деньги от тебя отберу.

Гость подумал-подумал: «Невжли я с нею не соображусь? Кажись, моим струментом можно удовольствовать, а к тому ж теперь с голодухи всласть ее дойму!»

Парень согласился; хозяйка-молодуха дала ему поужинать и положила с собою спать. Начал он ее накачивать, всю ночь бедной провозился, промучился, а ей все мало — все недовольна; поутру отобралá у него деньги и выпроводила ни с чем. Воротился старшóй сын домой, отец и спрашивает:

— Ну что, сынок, много ль дал тебе Господь с твоею лопатою?

— Эх, молчи, батюшка, с чем пошел, с тем и назад пришел: ничего не добыл.

Говорит тогда другой сын:

— Дай-ка, батюшка, теперь я пойду, не добуду ли чего своим ножом.

Собрался, взял нож — и в дорогу. Долго ли, коротко ли — пришел он в такую сторону, где люди ножей не знали, хуем говядину рубили; то он приходит в мясные ряды, увидал, что мясники рубят говядину своими хуями, и говорит им:

— Что вы, купцы-торговцы! Али не ведаете, чем[1] добрые люди говядину режут?

— Нет, землячок, не ведаем!

— А вот, коли вам угодно, у меня есть именно такая штука.

Вынул нож, взял большой кус говядины и давай резать.

— Ну, видите?

— Видим, доброй человек! Хороша твоя штука! Продай нам ее.

— Пожалуй, купите.

Мясники стали с ним торговаться и купили нож за великия деньги: как было упустить такую славную вещь.

— Она, — говорят, — завсегда пригодна; будем ее друг у друга брать да мясо крошить.

---

[1] *Далее*: [говядину]

Середний сын заграбастал денежки и пошел домой: «Есть-де с чем домой воротиться да отца обрадовать!»

И случилось ему проходить мимо того же самого постоялого двора; выпросился ночевать, а сам смотрит на хозяйку да облизывается.

— Что, — говорит, — умница! Нельзя ли с тобой картошки покопать?*

— Отчего нельзя, только с уговором: коли меня не удовольствуешь за ночь — все деньги от тебя отберу.

Ну и этот[1] парень весь свой заработок просадил; воротился домой, отец спрашивает:

— Что, сынок, много ли заработал?

— Как есть ничего; с чем из дому пошел, с тем и назад пришел.

А дурак с печи отзывается:

— Экие вы канальи! Сколько времени оба таскались, а денег не заработали; коли на вас надеяться, <т>ак[2] можно с голоду помереть. Да-ка я пойду, хуем заработаю!

Отец его не пущает:

— Куда ты пойдешь? Разве людей смешить? Сиди-ка лучше на печи да три жопой кирпичи.

— Небось, не прийду домой с пустыми руками! Авось что-нибудь и принесу.

Встал с печки, оделся и ушел из дому**. Шел-шел и

---

* *Вар<иант>*: Нельзя ли с тобой в свайку на постели поиграть?

[1] *Далее*: [просадил]

[2] *В рукописи*: как

** *В другом списке вставлен целой эпизод*:

Зашел дурак в кабак, напился пьян и расхвастался:

— Я-де такой мастер, что за единую ночь могу пятьдесят девиц отвалять, всем им по мальчику сделать да тех мальчиков грамоте обучить.

Тотчас донесли об этом до самого короля. Призвал король дурака:

— Взаправду ль говорил ты эдакия речи, али напраслину на тебя взвели?

— Нет, ваше королевское величество! Я именно таков мастер есть!

А у того короля было пятьдесят дочерей — прекрасных королевен. Приказал он собрать всех их в одну залу и оставить на единую ночь с дураком, а у дверей стражу поставить великую, чтоб нельзя было дураку уйти.

— Посмотрю, — говорит король, — коли ты да солгал, то мой меч — твоя голова с плеч!

добрался к вечеру до постоялого двора. Стал проситься ночевать; хозяйка выходит и говорит:

— Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы спать вместе со мною на одной постели и всю ночь продолжать еблею и чтобы я тобой довольна была; а не удовольствуешь — все деньги от тебя отберу.

— Хорошо! — отвечает дурак, а у него нет ни гроша. «Видно, — думает, — здесь мои братья положили свои заработки».

Хозяйка дала ему поужинать и легла с ним спать на печи. Дурак взлез на хозяйку, как засандалил ей свое правило — так она и рот разинула и глаза вылупила. Дурак раз сунул, а хозяйка с печи на шесток сползла, сунул в другой — она на пол поехала, сунул в третий — у дверей очутилась, сунул еще — в сени выпихнул, стал дальше посовывать[1] — она до ворот на спине доехала. Тут, сколько хозяйка ни крепилась, не могла стерпеть, стала проситься:

— Пусти, батюшка! Пусти, голубчик! Не заеби мою душу грешную!

А дурак знай посовывает, на ея[2] мольбы не соглашается; вытолкнул ее[3] на улицу; видит: едут с возами извозчики, и закричал во все горло:

— Послушайте, братцы! Накажите моему батьке, чтоб тулуп прислал; я на этой бабе совсем зазимую, так без тулупа будет холодно!

Хозяйка услыхала, что дурак хочет на ней зимовать, и давай опять просить:

— Сделай милость, отпусти живую! Что хочешь, то и бери с меня.

Дурак сейчас полез на одну королевну, потом на другую, а там на третью и пошел всех по́ ряду отделывать. Одну еще ебет, а другая уж мальчика родит, а у третьей сынок азбуку читает. К утру у всех пятидесяти королевен — по сыну, и все мальчики сидят за книжками да громко вычитывают.

«Что такое, — думают часовые, — никак, здесь школу завели?»

Король обрадовался, похвалил дурака и дал ему два воза золота. Поехал дурак с теми возами и попал на постоялой двор...

[1] *Далее*: [и]

[2] *Было*: е[и]

[3] *Далее*: [за]

Дурак говорит:

— Отдай мне все свои деньги и все, что ты у братьев[1] забрала, — тогда отпущу, а не то и сдохнешь подо мною!

Хозяйка на все согласна; дурак слез с нее, забрал денежки и пошел домой. Приходит к отцу и отдает деньги:

— Вот видишь, сколько я хуем заработал!

С той поры стал дурак кормить всю семью своим клянпом: где что заебет — то и есть.

б

Жил мужик да баба, у них было три сына: один — плотник, другой — печник, а третий — дурак. Отец сказал:

— Нечего отдавать его в науку, только даром деньги пропадут! Пущай дома остается.

Так он без науки и остался; а старшие два брата хорошо[2] обучились. Приходят они к отцу и говорят:

— Ну, батюшка, теперь <мы>[3] всю науку произошли!

— Слава Богу, родимые! Теперь, любезные сыны, надо вам меня кормить.

И спрашивает отец старшого сына:

— Ты чем меня надеешься прокормить?

— Плотницкою работою.

— Ладно, сынок!

Спрашивает другого:

— А ты, сынок, чем?

— А я стану печи складывать — тем тебя кормить буду.

— Хорошо и это! А ты, дурак, на что надеешься? Чем меня кормить будешь?

— Хуем, батюшка!

Отец обругал его и прогнал с глаз своих долой.

Вот старшие братья, печник да плотник, пошли в дальние города деньги зарабатывать. А дурак взял поднял на плеча точило и побрел вслед за братьями. Пришли они в город; старшие два сняли подряд и заработали в лето по триста рублей. Вот в один праздничной день пошли они гулять по́ городу. Идет старший брат мимо одного гос-

---

[1] *Далее*: [ты]

[2] *Далее*: [под [вы]у]чились

[3] *В рукописи*: вы

подского дома; увидала его барыня и посылает горничную девушку:

— Ступай, позови ко мне этого мужика!

Девка выбежала и позвала:

— Мужичок! Подь сюда, тебя барыня требует[1].

Мужик пришел; барыня его и спрашивает:

— Послушай, молодец[2], ты какой мастер?

— Плотник, сударыня!

— Говорят, плотники — народ дюжий; не можешь ли ты меня хорошенько утешить?

— Отчего не утешить? Ложитесь, сударыня, на кровать.

— Ну, молодец! Если ты меня до́сыта утешишь, то я тебе даю триста рублей; а если не утешишь[3], тогда ты мне заплати триста рублей.

Уговорились на том и ударили по рукам; барыня легла на кровать и хвост задрала. Плотник ее жарил-жарил, сам сопрел и устал как собака, а ее не мог до́сыта удовольствовать; и от денег отказался — так и ушел вон без единой копейки. На другой день идет мимо этого самого двора середний брат; барыня посылает горничную девушку:

— Поди, призови его ко мне.

Девка выбежала и кричит:

— Эй, мужичок! Поди, тебя барыня требует!

Вот он пришел.

— Ты какой мастер? — спрашивает барыня.

— Печник, сударыня!

— Печники, говорят, народ ражий, сильный; не сможешь ли ты, голубчик, меня до́сыта утешить?

— Отчего не утешить? Ложитесь, сударыня, на кровать.

— Нет, молодец! Давай наперед с тобой заложимся: если ты меня удовольствуешь — я тебе даю триста рублей, а если[4] не удовольствуешь[5], — тогда ты мне давай триста рублей.

Вот они ударились об заклад, отдали деньги за́ руки;

---

[1] *Было*: [спрашива]ет

[2] *Было*: [мужичок!]

[3] *Далее*: то [мне] ты заплати, [мне]

[4] *Далее*: [ты]

[5] *Далее*: то ты давай [мне]

барыня легла на кровать, а печник стал ее зудить. Зудил-зудил, только, сколь долго с нею ни возился, не мог удовольствовать, отказался от своих денег и ушел[1] без единой копейки.

На третий день приходит к барыне на двор дурак, поставил[2] посередь двора точило, вынул свой хуй из порток и давай его точить. Барыня увидала в окно и посылает горничную:

— Пойди, спроси, что этот мужик делает?

Горничная девушка выбежала и спрашивает дурака, что он делает.

— А разве сама не видишь? — говорит дурак. — Хуй точу — еть хочу!

Девка пришла к барыне и молчит.

— Ну, что мужик делает? — спрашивает барыня.

— Стыдно, сударыня, сказывать!

— Отчего стыдно? Сказывай, мерзавка!

— Этот мужик, сударыня, хуй точит — еть хочет.

— Ну, зови его сюда поскорее!

Девушка позвала, дурак пришел в горницу:

— Что вам угодно, сударыня?

— А вот что, голубчик! Я вижу, ты мастер хорошой; не можешь ли ты меня досыта утешить?

— Отчего, сударыня, не утешить? Чего другого, а это могу!

— Ну, молодец! Давай наперед с тобой заложимся об триста рублях.

— Нет, сударыня! Это маловато; коли биться об заклад, так о целой тысяче.

— Пожалуй! Я согласна, вынимай деньги[3] и отдадим их горничной девушке за руки.

А у дурака какия деньги? Нет ни полушки!

— Зачем, — говорит, — отдавать за руки? Разве мы опосля не разделаемся по чистой совести?

— Ну, пойдем на кровать!

— Зачем, сударыня, на кровать? Мое дело мужицкое;

---

[1] *Далее*: [домой]
[2] *Далее*: [свое точило]
[3] *Далее*: [и положим]

пожалуй, лаптями всю постель замараю; давай лучше на полу.

Барыня легла на полу; дурак как запустил ей свой аршинной, как стал закорючивать, инда барыня усралась.

— Пусти, — просит его, — пусти, батюшка, живую; бери себе не то тысячу рублей, бери целых три!

Дурак взял с нея три тысячи и воротился к отцу-к матери с деньгами, а братья его ничего домой не принесли.

— Чем заработал? — спрашивает его старик.

— Хуем, батюшка!

120
В БАНЕ

а

Жил-был у попа батрак удалой; послал его батька поле боронить. А батрак-то охоч был по девкам ходить, всю ночь пробегал, так днем спать захотел; не стал работáть, пустил лошадей по полю, а сам залег дрыхнуть. Вот уж и полдень; несет ему попадья обедать, а он все себе спит.

— Ах ты, подлец, разбойник! Люди работают, а ты спишь себе без просыпа; не дам тебе за то и обеда, голодай до завтрева!

Так и ушла. Видит батрак: дело-то плохо, обеда нет, в брюхе пусто, а тут, на беду, и лошади пропали; до самого вечера искал — так и не нашел! Боится бедняк домой показаться[1], а в поле спать холодно. «Дай, — думает, — пойду в поповой бане залягу[2], пожалуй, еще здесь волки съедят!»

Пришел в баню и только было хотел раздеваться, послышал шум. Вот он поскорей под полок и спрятался: «Уж не домовой ли шутит!»

Смотрит в щелку — а в баню поп идет да с собой девку ведет, а в руках закуску да штоф водки несет.

---

[1] *Далее*: [а на земле]

[2] *Далее*: [а то]

Поставил водку с закуской на окошко[1], скинул рясу и говорит девке:

— Ну[2], теперь, душенька, давай потычемся! Ложись-ка на скамью!

— Нет, батька! Я не хочу лежа, давай лучше по-собачьи поебемся!

— Да как?

— А вот как: я стану раком, а ты подыми сарафан да валяй через сраку, а сам лай по-собачьи.

Поп тотчас полез на нее через жопу, а сам знай лает, так и заливается! Батрак не вытерпел, как крикнет:

— Ах ты, пёс проклятой!

И поп и девка всполохнулися да бежать; а батрак забрал водку и закуску да попову рясу[3], пошел в избу и стал у дверей. Поп сидит, словно несолоно хлебал, и говорит попадье:

— Ступай, матка! Принеси пива!

Попадья бросилась в погреб, только нагнулась да вынула втулку, а батрак за ней, выбил втулку из рук — пиво полилось. Попадья заткнула бочку пальцем, а сама говорит батраку:

— Ищи скорей да затыкай дыру!

Батрак вынул хуй да ее через жопу.

— Не туда! — кричит попадья.

— А куда же?

— Да вот где мой палец!

— Ну, все равно! Где ни заткнуть — лишь бы заткнуть!

Поп ждет не ждется, прибежал сам в погреб, видит: батрак попадью ебет.

— Ах ты, сукин сын! Что ты делаешь?

— Не сердись, батька, я в бане был, твою одежу принес.

— Спасибо, друг, спасибо!

---

[1] *Далее*: [разделся сам донага и девку заставил]

[2] *Далее*: [давай, дура]

[3] *Далее*: [и] пошел [восвояси]; [в избу]

6

Служил солдат Богу и государю 25 лет верою и правдою, отслужил свой срок и получил отставку; бывал он и в походах, и в сражениях, много принял и голоду, и холоду, и всяких трудов, а ничего не выслужил, кроме листа бумаги. Идет босой, без гроша в кармане, на родину*. Никто его и ночевать к себе не пускает, а дождь как из ведра — так и поливает. Дошел до господской деревни, увидал баню и забрался туда ночевать; смотрит — в бане стол стоит, на столе закуска наставлена и бутылка с вином приготовлена. Вот солдат долго не думал, все поел и выпил, потом взял на блюдо насрал, а в бутылку насцал и залег спать под полок.

Вот слышит он: пришла в баню барыня, разделась вся донага, сидит голая и говорит сама с собой:

— Чтой-то он, долгогривой шалыган, так долго нейдет!

Немного погодя приходит к ней поп, толстой, жирной! Барыня напустилась на него:

— Экой черт ты, волосатый![1] Вечно себя ожидать заставляешь!

— Прости, милая! Нужда случилась: ездил больную причащать, насилу выбрался.

— Ну, раздевайся скорей да давай закусывать!

Поп снял с себя всю одежу дочиста; налил из бутылки, пьет и морщится:

— Никак, вино-то прокисло! Дай вареньем закушу[2].

Попробовал с блюда.

— Фу! — говорит. — Да это говно!

Барыня покушала:[3]

— В самом деле — говно! Видно, домовой[4] над нами подшутить вздумал!

---

* *Вариант*: Служил солдат в полку; бьют его важно, а кормят скверно; жалованья на табак не хватает; и задумал он бежать. Побежал он; день-то по лесу бродил, а ночь в деревню зашел и забрался спать в чужую баню...

[1] *Было*: [длинноволосой]

[2] *Далее*: По[пробовал]

[3] *Было*: по[пробовала]

[4] *Было*: [кто-то]

— Ах, душенька! — говорит поп. — Всячески мы с тобою еблись: и в лежачку, и встоячку, и через жопу; а теперь[1] попробуем так, как солдаты на ученьи делают. Ты становись в этот угол, а я пойду на тебя на приступ!

Тотчас взял свой хуй в обе руки наперевес и пошел на барыню, а сам кричит:

— Ура! Ура! За царя, за Русь святую!

Солдат, как услыхал[2] это, выскочил из своего места и тоже давай[3] кричать во все горло:

— Ура! Ура!

Поп испугался да бежать; барыня — за ним, а солдат забрал всю их одежу: и салоп, и[4] рясу— все что только было, и ушел подобру-поздорову*.

---

[1] *Далее*: [попро<буем>сделать]

[2] *Далее*: это[т крик]

[3] *Далее*: [себе]

[4] *Далее*: [и салоп барынин, и попа одежу, и табакерку]

* *Вариант*:

— Ну, матушка! Попробуемте теперь по-жеребячьи.

— Пожалуй!

Поп поставил барыню на четвереньки, а сам разбежался на нее с заду и ржет: *ги-ги-ги*!

А солдат:

— Тпрру, тпрру! Мать твою так!

Поп и барыня убежали, а беглой солдат забрал всю их одежу и вещи и воротился назад, в полк. Тотчас доложили об нем полковнику. Полковник позвал его, стал расспрашивать, зачем и куда бегал? Солдат все ему рассказал по правде.

— Вот, — говорит, — салоп барынин[1*], вот и часы ея, а вот ряса поповская!

Полковник глянул:

— Ах, черт возьми! Ведь этот салоп и часы-то[2*] женины! Ладно же, я их[3*] проучу!

Позвал к себе гостей, и попа, и жену вызвал; и заставил солдата сказывать сказку с тем уговором: кто перебьет, тому сто плетей в спину. Поп перебил, и полковница перебила[4*]; полковник разложил их рядышком и важно отделал, до век жизни своей не забудут; а солдата не токма́ что простил, еще деньгами наградил!

[1*] *Далее*: [и вот]

[2*] *Далее*: [моей]

[3*] *Было*: [ее]

[4*] *Далее*: [тут]

121
БАТРАК-МАРФУТКА

В некотором царстве, в некотором государстве был поп с попадьей, у него было три дочери-красавицы; а недалечко от них жила вдова, и у той вдовы был сын, парень еще молоденькой да такой из себя красивой: наряди в сарафан, всяк за девку приймет! Вот этот парень позарился на поповых дочерей и выдумал, как к ним подобраться. Нарядился в женское платье и пошел к попу в работницы наниматься. Поп видит, что девка-то пришла славная, пригожая, при случае и ебнуть можно, и готов[1] нанять ее хоть втридорога.

— Как тебя зовут, голубушка? — спрашивает поп.

— Марфуткой, батюшка!

— Ну, Марфутка, что же возьмешь в год за работу?

— Да что дадите; сами по моей работе увидите.

Поп тому и рад. Нанялась Марфутка и полюбилась и попадье, и поповым дочерям, а пуще всех попу:[2] без нее и куска не съест! Вот однова понадобилось попу[3] на́долго в отъезд ехать, собрался он и наказывает жене и дочерям:

— Смотрите, не покидайте Марфутки: она девка добрая! Будьте к ней ласковы, всем по гостинцу привезу!

Попадья и поповны обещались исполнить его волю.

— Завсегда, — говорят, — будем с[4] нею, даже и спать вместе будем!

Поп уехал, а Марфутка с поповнами пошла в сад гулять.

— Ах, барышни! — говорит Марфутка. — Давайте Богу молиться, чтобы послал нам[5] потеху.

— Какую потеху? — спрашивает старшая сестра.

— Да вот у нас на деревне девушки завсегда молят, чтобы послал им Господь ту самую потеху, что у мужчин промеж ног висит.

— Ну давай и мы станем молиться.

Стали все на колени и давай бить поклоны; помолились усердно и говорят:

---

[1] *Было*: [рад]
[2] *Далее*: [он]
[3] *Далее*: на [недолго]
[4] *Далее*: не[й спать]
[5] *Далее*: [какую-нибудь]

— А ну, посмотрим, не дал ли кому Господь Бог?

Старшая поповна подняла подол — нет, ничего не висит; подняла середняя — и той нет; подняла меньшая — и этой Бог не дал.

— Ну, покажи-ка ты, Марфутка!

Марфутка задрала хвост:

— Ах, барышни! Вить у меня что-то выросло!

— Экая ты, Марфутка, счастливая! Тебя сам Господь любит. А что, сладко ли тебе?

— У! Как сладко!

— Дай и нам! — пристают к ней поповны. — Ведь мы все Богу[1] молились, так надо поделиться.

— Ну хорошо! Я стану давать вам по очереди.

— Да когда же? — спрашивает старшая.

— Да, по мне, хоть сейчас; только, чур, никому не сказывать, а то, коли матушка узнает, пожалуй, себе отберет. Ложись-ка, Наденька, на травку; так-то лучше баловать будет!

Наденька легла[2] и спрашивает:

— Что ж теперь делать-то?

— А вот я возьму эту потеху да и стану совать в твою дырочку.

— Ах, нет, Марфутка! Я боюсь; вишь, твоя потеха-то пошевеливается, словно живая; еще, пожалуй, укусит меня.

— Небось не укусит! — говорит Марфутка и давай совать свой кляп куда надобно.

— Ой, больно! — закричала поповна. — Ведь я говорила, что кусать будет!

А Марфутка знай попихивает; ну знамое дело: сначала поповна поохала, а там и подъебать стала да похваливать:

— Ах, как сладко! Не в пример слаще меду!

Отработал старшую поповну[3], слез с нее, а она хоть сейчас опять за то же.

— Поиграй, — говорит, — еще со мною!

— Что ты, Надя! Какая жадная, — говорят ей сестры, — надо черед соблюдать: теперь мы хотим попробовать.

— Да, — говорит Марфутка, — надо вас поделить

---

[1] *Далее*: [равн<о>]

[2] *Далее*: [а Марфутка]

[3] *Было*: [Наденьку]

всех поровну: тебе раз, и Кате раз, и Насте раз, а потом опять до тебя дойдет.

На том и порешили. Отделала Марфутка и Катю, и Настю; а старшая поповна опять[1] собирается на хуй лезть.

— Будет! — говорит Марфутка[2]. — Эту потеху надо приберегать, а то[3], пожалуй, совсем[4] испортишь, видишь, как[5] она повисла, совсем измаялась!*

---

[1] *Далее*: [пот<еху>]
[2] *Далее*: [Это добро]
[3] *Далее*: [еще]
[4] *Далее*: [пот<еху>]
[5] *Далее*: [потеха]

* *Вариант*: На первую ночь положили Марфутку спать с старшею поповною; стали они говорить меж собой про любовь, про баловство, и стала Марфутка поповну пощупывать, за пизду похватывать; шутили-шутили — до того дошутились, что Марфутка взлезла на поповну и запустила ей кляп по самыя яица. Поповна так обрадовалась, что дает Марфутке 50 рублев и просит:

— Только спи со мной почаще!

На другую ночь обработал парень середнюю дочку, на третью — младшую, а на четвертую досталось ему ночевать с попадьею, и на ту слазил. Всем им Марфуткина штука понравилась[1*], поповны дают за ночь по 50 рублев, а попадья — по целой сотне.

Вернулся поп, улучил минуту и давай приставать к Марфутке, чуть насилком на нее не лезет!

— Что ты, батюшка! Еще люди увидят! Лучше поедем в поле за снопами; там это дело можно тихо сотворить.

Поп сейчас же собрался[2*] в поле за снопами ехать и Марфутку с собою берет. Приехали в поле.

— Ну, Марфутка, ложись скорее! — говорит поп, а сам и штаны спустил.

— Да покажи как?

Поп лег брюхом кверху, а хуй у него, как у жеребца, стоит.

— Нет, батюшка, я так не умею; повернитесь лучше жопою кверху, а брюхом вниз.

Поп[3*] думает: «Что за диво? Ведь я так никогда не пробывал. Дай попробую!» — и повернулся, как сказано; а Марфутка как запустит ему в сраку свой[4*] елдак, как начнет его наяривать!

Поп еле вырвался, еле домой дотащился; на Божий свет смотреть ему стыдно. Сели обедать; попадья наготовила много всякой всячины.

[1*] *Далее*: [все] дают [ей]; [той]; [за ночь] по 50 рублев [; за единую ночь]
[2*] *Далее*: [ехать на]
[3*] *Далее*: [подумал-подумал и повернулся как сказано]
[4*] *Далее*: [кляп]

С той поры стала Марфутка поповых дочерей то и дело накачивать. Ни много, ни мало прошло времени, забеременели они, у всех трех пузо кверху так и поднялось!

— Ах, доченьки, — говорит попадья, — ведь с вами недоброе деется; уж не ходит ли к вам какой мужчина?

— Нет, маменька! Мы всегда с Марфуткою.

«Ох уж эта Марфутка! — думает попадья. — Посмотреть — нет ли у нее между ногами припаса?»

Сейчас велела истопить баню и зовет с собой мыться и дочерей и Марфутку. Что делать? Вот Марфутка ухитрилася, сделала из дерева клещики: одним концом защемила кляп, а другой конец в жопу воткнул<а>.

— Ладно, — говорит, — теперича не узнает.

Пришли в баню, разделись и зачали мыться. Попадья смотрит: нет, ничего не приметно.

— А ну, Марфутка, потри мне спину!

Марфутка стала те<рет>ь[1], а кляп-то у ней разгорелся, понатянулся, а клещики как выскочут из задницы да попадье по брюху.

— Ах, мошенник, это ты моих дочерей обработал?!

Парень давай Бог ноги — так и ушел*.

Вот старшая дочь вспомнила про Марфутку, взяла свой пирог и говорит:

— Это я Марфутке жалую.

Другие сестры то же сделали; попадья взяла миску с блинами:

— А я тебя, Марфутка, вот чем жалую.

Поп смотрел-смотрел, схватил жареного гуся:

— Вот же тебе, Марфутка! Вижу, что ты нас всех переебла!

[1] *В рукописи*: теперь.

* Подобный же анекдот рассказывается о девичьем монастыре, куда забрался парень под видом монашенки, перепортил всех монашенок; старая игуменья, желая добраться до виновнаго, призвала их всех в баню и стала обходить с зажженной свечой по́ ряду да осматривать. А парень привязал свой кляп струною назад к жопе. Только вышел грех: видит он кругом себя голыя[1*] груди да задницы, стал его хуй подыматься; и в то самое время, как подошла к нему игуменья и наклонилась осматривать — струна лопнула, а хуй прямо[2*] игуменью по носу ударил. Со страху игуменья огонь уронила. В этой суматохе парень успел убежать.

[1*] *Было*: голы[е]

[2*] *Далее*: по [свечке] ударил; огонь [погасил]

122

ПАХОМ

Помер в селе[1] поп, оставался один дьячок; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо, и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто быть на селе попом? Идет дорогою, и повстречался с ним мужик.

— Здравствуй, мужичок!

— Здорово, дьячок!

— Как тебя звать?

— Пахом.

— Ну, ты будешь у нас попом!

— Да я грамоте не умею.

— Ничего, я тебя научу, что говорить надобно.

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новой поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затянул в алтаре нараспев:

— Во время оно́ шел дьячок, а навстречу ему мужичок. «Здравствуй, мужичок!» — «Здравствуй[2], дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Меня зовут Пахом». — «Ну, будь ты попом!»

А дьячок стои́т на крылосе да поет:

— Господи, помилуй![3]

Поп опять свое твердит, а дьячок знай подхватывает:

— Господи, помилуй!

Православные слушают да поклоны бьют. Вот так-то и[4] пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село заехать архирею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил[5]. Пахом оделся в ризы и затянул по-прежнему:

— Во время оно́ шел дьячок, а навстречу ему мужи-

[1] *Было*: [деревне]

[2] *Было*: — Зд[орово]

[3] *Далее*: [Пахом так всю обедню и твердил, повторяя]

[4] *Далее*: [сделался мужик Пахом]

[5] *Далее*: [<*нрзб*>]

чок. «Здравствуй, мужичок!» — «Здравствуй, дьячок!» — «Как тебя звать?»[1] — «Меня зовут Пахом!» — «Ну, будь ты попом!» — «Я грамоте не[2] учен». — «Не в грамоте дело; говори: архирею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей!»

Архирей услыхал, что ему сулят[3] лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надобно[4], а мужика Пахома[5] похвалил за усердие: он и теперь еще служит!

123
БЕДНОЙ ЖЕНИХ И БОГАТАЯ НЕВЕСТА

Был охотник бедной-бедной, и задумал он посвататься за дочь богатого мужика; мужик заартачился, а дочь начисто отказала:

— Вот еще! Пойду я за эдакого голыша!

И стала она на всех вечеринках над ним насмехаться: сватался-де, в ногах валялся, да ни с чем остался! Взяло зло охотника. Раз шел он с ружьем задами и видит: невеста его сидит да серет. Он прицелился да прямо ей в жопу весь заряд так и всадил дробью. С неделю ходила она да почесывалась. Вот однова стала девка с усмешкою его спрашивать:

— Что, добрый молодец, не женишься?

А он ей в ответ:

— Не на ком! Разве ту взять, у которой[6] жопа дробь<ю> насыпана?

С той поры[7] все девки и парни стали над нею смеяться и прозвали ее дробовницею. Просто проходу ей не дают, хоть ложись да умирай. Нечего делать, послала гордая невеста сама за охотника свататься, а он тому и рад. Женился на ней и зажил себе счастливо, в довольстве и покое.

---

[1] *Было*: з[овут]
[2] *Далее*: [учен грамоте. — Гово<ри>]
[3] *Далее*: [четверню]
[4] *Было*: над[о]
[5] *Далее*: [притом]
[6] *Далее*: [в] жоп[е] дробь
[7] *Было*: [Тут]

124
ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою; звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только[1] смеркнется, то и на двор побоится[2] выйти! А баба, известное дело, как при таком муже не завести любовника, и таки́ завела. Один раз Фомка пришел домой пьяной да веселой — еще никогда таким не бывал! Поужинал, снял портки и лег с женой спать; а ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает. На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услыхал, что собака на дворе лает, и давай тюкать:

— Тю-тю! Тю-тю!

— Молчи! — говорит жена. — А то волки по деревне ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут.

— Невжли ты боишься?

— А ты разве не боишься?

— Я-то! Да ты знаешь, какой я смельчак! Хочешь, сейчас окно отворю да начну тюкать?

— А ну, Фомушка, отвори да потюкай!

Фомка отворил окно и кричит спьяна:

— Тю-тю! Тю-тю!

— Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят.

— Я ничего не боюсь!

— Экой ты смелой!

— Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?

— А ну, выйди да потюкай в сенях! — говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять:

— Тю-тю! Тю-тю!

Баба идет сзади да подхваливает:

— Ах, Фомушка, какой ты небоязливой! А я думала, что ты побоишься!

---

[1] *Далее*: [бывало]

[2] *Далее*: [выйти]

— Э, дура! Разве не знаешь, какой я хватюга? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!

— А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!

Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит:

— Тю-тю!

Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери засовом, а любовника в окно впустила и легла с ним на постель. Фомка ходит без порток вокруг избы[1], намок весь, стучится в окно да просится со слезами в избу.

— Кой леший там стучится? — спрашивает хозяйка.

— Это я! — говорит Фомка.

— А ты кто?

— [2]Фома!

— Какой Фома? Ты — Мора*, а не Фома! Мой Фома со мной на постели лежит.

А сама шепчет любовнику:

— Откликнись ему!

Любовник и закричал:

— Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам[3] себя знать: так шею накостыляю, что долго не забудешь!

Бедной Фомка не знает, что и делать.

«Видно, — думает, — я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять, считает избы: вот это кумова изба, а это братова, а это Кондратова, а четвертая моя![4]

Постучал опять в окно, а его всё не пущают. Беда, да и только! Пошел к куму, постучался.

— Кто там?

— Это я, кум!

— Чего тебе?

— Да, видишь, кум, я немного выпивши, не могу до своей избы[5] дойти; проводи меня, пожалуста!

---

[1] *Далее*: [да]
[2] *Начато*: [Да]
* Нечистая сила, смерть.
[3] *Далее*: [теб<е>]
[4] *Далее*: [Начал]
[5] *Далее*: [добра<ться>]

Кум оделся, вышел, смотрит — Фомка без порток в одной рубахе стоит, перезяб, трясется. Провел его до двора и[1] стучится:

— Кумушка, ты спишь?

— Нет, кум, еще не сплю, а что там?

— Да вот возьми своего Фому — он совсем пьяной!

— Какой там Фома? Это Мора — всю ночь около избы таскается, не дает нам спокою, мой муж давно дома!

На те речи и любовник отозвался:

— Что ты, кум! Я давно дома. Это у тебя Мора! Брось ее к черту!

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь; принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит:

— Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала.

— Молчи, жена! Я и сам себя с похмелья не помню; видно, меня пьяного ночью черти таскали!

— То-то, Фомушка! Говорю тебе: не напивайся!*

---

[1] *Далее*: [пост<учался>]

* *Вариант*: Фомка забрался в хлев и улегся спать возле вола. Наутро спрашивает его жена:

— Где ты, паскудный, ночь пропадал?

— Да в хлеву возле вола грелся!

Баба пощупала ему брюхо и говорит:

— Что ж теперь делать? Ведь ты[1*] с волом ночевал, так дня через три теленка родишь... Ступай на это время в лес, а[2*] то от людей стыд приймешь!

Фомка взял хлеба и ушел в лес, а баба давай гулять с любовником. Озяб Фомка в лесу и забрел в чужую деревню, выпросился у мужика на ночь и лег на печи. А у того мужика отелилась корова; мужик принес и положил его на печь. Ночью теленок лижет Фому; он проснулся, глядь — теленок.

— Ах, мать твою так, в самом <деле> родил.

Схватил шапку да бежать.

[1*] *Далее*: [ночевал]

[2*] *Далее*: [туда]

125

СОЛДАТ НА ПОПЕ, ПРИНЦ НА АРХИРЕЕ

В некотором царстве, в некотором государстве былжил царь, у него была дочь-красавица; выдал ее замуж за чужестранного принца. Только царевна его не любила; а стоял у ее покоев на часах бравой солдат, собой молодец — видной, рослой, кровь с молоком! Полюбился он царевне, и свалялась она с ним.

Долго ли, коротко ли жили они едак; пришло время — надобно было принцу ехать на войну. Попрощался он с царем, взял его родительское благословение и выпросил у царя, чтобы отпустил с ним в поход этого самого солдата за денщика.

— Как же[1] мы с тобой прощаться будем? — спрашивает царевна солдата.

— А вот как: оденься ты в поповскую рясу да выходи на ту самую дорогу, по которой нам ехать. Там мы и попрощаемся!

Сказано — сделано. Едет принц с солдатом, а на дороге стоит царевна в поповской одеже.

— Ваше высочество, — говорит солдат, — этот мне пятиалтынной должен; остановитесь на минуточку, позвольте пойтить получить с него долг!

— Ну, хорошо; ступай, братец!

Солдат выскочил из коляски, подбежал к царевне, повалил ее, поднял подрясник и давай валять через жопу. А принц смотрит, да только со смеху надрывается. Сделал солдат свое дело, воротился к принцу; тот его и спрашивает:

— Что ты с попом сделал?

— Да что, ваше высочество! Денег у него не было, взять нечего, так я его за долг в жопу уёб!

— Что ж, вкусна поповская жопа?

— Вкусна, ваше высочество, не в пример вкусней девичьей дыры.

— Да ты врешь!

— Как перед Богом говорю!

Вот принц и забрал себе это в голову.

---

[1] *Далее*: [нам] с тобой про[сти]ться

Ехали они, ехали, а навстречу катит архирей. Принц велел ему остановиться, вытащил из кареты и давай его в жопу зудить. Архирей кричит, а принц, знай, ебет.

— Когда, — (говорит), — солдат мог попа уеть, так мне тебя и Бог повелел!

Архирей приехал к царю и стал жаловаться; царь тотчас послал за принцем:[1]

— Как ты смел эдакой грех сотворить?

— Да коли солдат попа уёб, так мне архирея можно!

Царь позвал солдата:

— Ты зачем попа уёб?

— Никак нет, ваше величество! Я царевну уёб, а не попа.

Тут царь приказал принца разжаловать в солдаты, а солдата сделал принцем и выдал за него свою дочь. Сказка вся!

126
ГЕНЕРАЛ И ГОРНИСТ

Жил-был генерал, у него была жена молодая, а сам-то он дюже стар; ну жена его и не любила, а свела знакомство с адъютантом. А у той генеральши была горничная, девка важная, и свалялась она с горнистом; как только ни генерала, ни генеральши нет дома, он тотчас к ней и прибежит.

Случилось в одно время зашел к ней горнист с ученья, и труба при нем, пошли в генеральшину спальню, поеблись разок-другой; а тут вдруг слышут шум: сама генеральша приехала и адъютанта с собой ведет.

— Куда мне теперь спрятаться? — спрашивает горнист.

— Полезай под кровать!

Он подлез под кровать. Потом пришла[2] генеральша[3] с своим любовником; адъютант разделся, снял с себя золотые часы и положил на стол. Стали они промеж себя забавляться.

— Послушай, душенька! — говорит адъютант. —

---

[1] *Далее*: [— Да]
[2] *Далее*: [туда]
[3] *Далее*: [и разделась]

Стань-ка ты раком, а я буду на тебя[1] штурмом идти, точь-в-точь как Варшаву мы брали.

Генеральша стала раком; адъютант спустил штаны, поднял рубаху, закричал «ура!» и пошел на приступ. Горнист выскочил из-под кровати и[2] давай играть в трубу наступление... Генеральша в одни двери бежать, адъютант в другие! А горнист смотрит и думает:

«Что б такое мне взять в завоеванном городе? Возьму-ка я часы — при нужде пригодятся!»

Взял часы и ушел. На другой день было назначено ученье; вышел на ученье и горнист; молодцом оделся и часы нацепил на себя и цепочку выпустил. Адъютант увидал свою цепочку[3], подошел к нему и спрашивает:

— Послушай, братец! Откуда ты это взял?

— А это, ваше благородие, помните, как мы с вами Варшаву брали — так я с бою взял.

— Ах, помню, помню, братец! Владей себе на здоровье!

127

СОЛДАТ[4] ЖЕНИТСЯ НА КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ

Был-жил король, долго воевал с неприятелем, наконец сделал замирение, воротился в столицу со своими храбрыми войсками и приказал расставить всех солдат по квартирам на роздых, чтоб всякому было и сытно и спокойно. И досталось одному солдату стоять на квартире у богатого первой гильдии купца; этот солдат был бравой, ловкой, сам король его знал и любил за верность. Приходит он в богатейший купеческий дом и думает: «Слава тебе, Господи! Вот когда поживу!»

Не тут-то было! Купец с купчихою были люди скупые, скаредные, сами они обедают, а солдат в кухне сидит да зубами щелкает.

---

[1] *Далее*: [идти]
[2] *Далее*: [за]игра[л] в трубу [наступление]
[3] *Было*: [часы]
[4] *Далее*: [наконец]

— Послушай, тетка! — говорит он кухарке. — Как бы мне чего поесть.

— Эх, служивой! Я тебе ничего[1] не смею дать; ступай, проси у барыни.

Пошел солдат к хозяйке, просит обедать.

— Вот еще какия глупости! — отвечает она. — Ведь у тебя манерка есть?

— Есть.

— И казенные сухари тебе государь отпущает?

— Отпущает.

— Ну, набери в манерку воды да макай сухари — вот тебе и обед!

«Ну, хороша квартира! — думает солдат. — Здесь с голоду околеешь».

Нечего делать, зачерпнул в манерку воды, размочил сухари и поел. Вечером хозяева садятся ужинать.

«Ну, мне нечего дожидаться, — говорит сам себе солдат, — пора спать ложиться».

— Ей, тетка![2] Где мне постель припасена?

— Постой, служивой! — отвечает кухарка. — Надо спросить у барыни.

А купчиха велела сказать солдату:

— Вот еще новости! Не на перине же его класть! Солдатское место на полу; ведь у него есть казенные штаны и мундир — пускай штаны под бока постелет, мундир в голова положит, а шинелью оденется.

Кухарка сказала эти речи солдату; нечего делать, снял он с себя мундир и штаны, изготовил постель[3], а сам стоит без портков, в одной сорочке; известно, какая у солдата сорочка — не слишком длинна, и струменту не закроешь! Смотрит он по сторонам, хочет Богу на сон помолиться, только в кухне нет ни единого образа.

«Ну, пойду-ка я в ту комнату, где хозяева ужинают; ведь за это, чай, ничего не будет, что на их образа Богу помолюсь».

---

[1] *Далее*: [дать]

[2] *Далее*: [Дай]

[3] *Далее*: [а сам] стоит [в одной]

Пришел и давай молиться[1], да так усердно, только елдак мотается; а как зачал поклоны бить, так и жопу видно!

— Ах ты, подлец! — закричала на него купчиха. — Видишь, что здесь вся семья ужинает, тут и дочь наша — невеста сидит; а ты без порток пришел да эдакие мерзости показываешь! Завтра же на тебя полковнику пожалуюсь.

«Ладно, — думает солдат, — я тебя допеку».

Наутро хозяева чай пить, а он опять без порток пришел Богу молиться. Купчиха тотчас поскакала жаловаться к полковнику.

Полковник послал за солдатом:

— Как ты смел хозяев обеспокоить?

А солдат говорит:

— Никакого беспокойства, ваше высокоблагородие, от меня не было; я только хотел Богу помолиться — не виноват я, коли у них в кухне и образа нету[2]. Я сам терплю от них всякое горе: ни постели не дают, ни хлебом не кормят!

Полковник видит, что солдат прав, и отказал купчихе:

— Как хотите, сударыня, а солдат не виноват!

Купчиха бросилась к самому королю с просьбою. Король, как узнал все дело, тотчас отдал приказ, чтобы этого солдата обвенчать на купеческой дочери; против королевского слова не пикнешь, принужден был купец с купчихою покориться, а купеческая дочь и сама тому рада; она[3] своими глазами видела, что солдатской-то хуй больно велик, так от этого добра не отказываться стать!

128
ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король, у этого короля был сын Иван-королевич; понравилась королевичу одна из придворных фрелин — оченно собой хороша была! Спознался он с нею и дал ей

[1] *Далее*: [а]
[2] *Далее*: [А вот я]
[3] *Далее*: [сама]

свой именной перстень; ни много, ни мало прошло времени, родила эта фрельна сына. Король тотчас узнал про все ихнее дело, приказал ее вместе с ребенком посадить в бочку и пустить в море.

Бочка плавала-плавала, остановилась у одного острова и развалилась; мать с сыном вышла на берег и осталась тут жить.

Вот сын ее рос-рос да и вырос; в одно время говорит он:

— Любезная государыня-матушка! Дай мне свое благословение, я поеду службы искать.

— Поезжай с Богом.

Вот он приехал в тот город, где отец его Иван-королевич царствовал (король-то старой давно помер); идет по улице и повстречал одного купца:

— Господин купец! Возьми меня к себе в приказчики.

— Да ты чей?

— Я сирота — нет у меня ни отца, ни матери.

А собой он был писаной красавец и тотчас же полюбился купцу.

— Ну, — говорит, — коли ты сирота, ступай ко мне в приемыши, у меня своих детей нету.

Стал купеческой приемыш торговать[1] в лавках; и пошло дело словно по маслу; старые приказчики только дивуются — откуда у него такая сметка: барыши сами к нему в карман так и просятся!

В ту самую пору Иван-королевич задумал жениться на одной купеческой дочери — такая красота была, что люди по 10 тысяч по один посмотр давали. Стала купеческая дочь готовиться к свадьбе и послала свою служанку закупать в лавках разные материи. Служанка входит в[2] лавку к купеческому приемышу, а он сидит да игрою на гуслях забавляется и как же хорошо играет! Век бы слушал — не наслушался. Служанка слушала-слушала и забыла все, что ей невеста наказывала. Воротилась домой и говорит купеческой дочери:

— Простите, сударыня! Так и так, позабыла, за чем меня посылали.

Захотелось купеческой дочери самой послушать этой

[1] *Далее*: [у него]
[2] *Далее*: [эту]

чудной музыки, оделась и поехала в лавку, а приказчик сидит себе да на гуслях поигрывает. Только что вошла она в лавку, как усмотрела мóлодца — тотчас по уши в него влюбилася. А он бросил свои гусли, встал и спрашивает:

— Чего вам, сударыня, угодно?

Тут она набрала всяких товаров на несколько тысяч и говорит приказчику:

— Со мной теперь денег нет, а ты приходи ко мне вечером попозже — я тебе дома заплачý.

— Хорошо, приду[1].

Вечером приказчик запер лавку и пошел к купеческой дочери; она тотчас повела его в свою комнату, положила на стол острую саблю и говорит ему:

— Коли хочешь жить — полюби меня, а не станешь любить — снесу с плеч твою буйну голову!

А он и сам не прочь с нею знаться[2]. Скоро они поладили и переспали эту ночь вместе.[3]

— Ну, милой, — говорит ему купеческая дочь, — сделай ты теперьча от своей лавки к моим покоям подземный ход, освети его фонарями и ходи ко мне кажную ночь, чтобы тебя никто из людей не видал; а то коли королевич узнает — беда нам!

Приказчик простился с нею, пришел домой и, долго не думая, нанял сейчас работников и вырыл подземный ход от лавки до покоев купеческой дочери. С той поры и начал он к ней похаживать да в свайку поигрывать. Меж[4] тем Иван-королевич говорит[5] отцу своей невесты:

— Батюшка! Пора нам свадьбу играть.

— Да я готов хоть сейчас; вот что дочка скажет.

А дочка притворилась больною и просит обождать до ее выздоровления. Ждали месяц, и другой, и третий — она

---

[1] *Было*: [С нашим удовольствием!]

[2] *Далее*: [Так что]

[3] *Далее*: а) [С той поры и начал] он к ней похаживать;

б) *Далее знак вставки*:

«(см. на обороте)» — *сама вставка от слов* «Ну, милой!..» *по слова* «с той поры и начал» *находится на обороте листа между словами* «везде часовых, чтобы строго смо-» *и* «-трели: не ходит ли кто...»

[4] *Было*: [Вот]

[5] *Было*: [стал торопить] отц[а]

все кажет себя больною. Запало королевичу сомнение: уж нет ли у нее кого другого, что за меня выходить не хочет. Поставил он везде часовых, чтобы строго смотрели, не ходит ли кто к его названой невесте[1]. Но куда часовым усмотреть, когда ход такой устроен? Видит королевич, что дело-то неладно; нарядился[2] в солдатскую шинель и пошел поздним вечером по городу: не проведает ли чего сам? Шел-шел и усмотрел — в лавке огонь светится.

«Зачем бы в такое время в лавке огню быть?»

Постучался в дверь.

— Чего тебе, служба, надобно? — спрашивает купеческой приемыш.

— Пусти, доброй человек, ночь переночевать. Даром нигде не пускают, а денег нет, я пришел издалеча.

Жалко его стало приказчику.

— Ну, — говорит, — иди!

Ровно в 12 часов собрался он к купеческой дочери в гости, встал потихоньку и пошел подземным ходом, а королевич не спит — все видит[3], поднялся да вслед за ним. Вот таким-то случáем и узнал он, что к его невесте ходит подземельным ходом купеческой приемыш, что кажную ночь они пьют-гуляют и спят на одной постели.

— Ишь, шельма, — говорит королевич, — как он ее зажаривает, ажно кровать трещит!

На другой день солдат простился с приказчиком и ушел. Приказчик ничего не ведает, а тут вдруг нагрянула стража и королевской указ принесла: велено его взять и в тот же день повесить на торгу на виселице. Народу сбежалось видимо-невидимо; сам королевич приехал. Только повели купеческого приемыша вешать, а он просит последнее слово сказать:

— Есть-де[4] у меня именной перстень — от моего батюшки достался; возьмите его и перешлите на такой-то остров к моей родной матери.

Королевич взглянул перстень и тут же[5] спознал, что

[1] *Далее*: [Только]
[2] *Далее*: [сам]
[3] *Далее*: [сейча<с>]
[4] *Начато*: [Вот]
[5] *Было*: [тотчас]

этот приемыш — его сын;[1] тотчас велел остановить казнь, обнял его крепко и стал расспрашивать[2], как и что с ним делалось. После того обвенчал[3] этого молодца на купеческой дочери, а сам женился на его матери.

129
АРХИРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ

Был у барина продувной слуга Ванька, убежал от него и принялся воровать да плутовать. Идет он по рынку, видит: мужик свинью продает.

— Что, продаешь свинью?

— Продаю.

— А сколько просишь?

— Пять карбованцев.

— Ну, веди за мной на архирейский двор, наш архирей не приказывал торговаться.

Приехали на архирейский двор. А Ванька знал, что архирей нечистых из людей выгоняет — отчитывает. Сейчас бросился к нему:

— Святой владыко! Беда случилась: в моего батюшку нечистой вселился. Нельзя ли отчитать?

— Веди его сюда.

Ванька воротился к мужику.

— Ступай, — говорит, — к преосвященному за деньгами, да как придешь, нагни голову пониже, он наперед молитву прочитает.

Старик пришел в горницу и нагнул голову, а владыко взял книгу и давай отчитывать. Тем временем Ванька сел на телегу и уехал подобру-поздорову, и лошадь украл, и свинью увез.

Мужик стоял-стоял согнувшись, инда тошно стало, шея заболела, а архирей знай себе читает. Надоело старику:

— Будет, владыко! Пора деньги за свинью платить.

---

[1] *Было*: что это его [сын]

[2] *Далее*: [его]

[3] *Далее*: [его]

— Ах, окаянный! И впрямь в тебе бес сидит, — говорит архирей, — вишь, про свинью поминает!

— Что ты, владыко! Али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу.

Бросился на двор — ни повозки, ни свиньи! Ванька уже давно все это спустил куда надобно и идет себе как ни в чем не бывало. Шел-шел да в лошадиное говно и попал слегка ногою. Коп — выскочил поп.

— Ты откуда, долгогривой, взялся? Как в говно попал?

— Да нас много сивой жеребец насрал!

Ванька еще покопал, на два дьякона напал; взял палочку, да тычком — выскочил пономарь с дьячком!

130

ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

а

(О попе и ййвовом работнике)

Жил-был поп да пападзья, дзьякон да дзьяконица. Тольки и случись так, что пападзья-то полюби дзьякона, а ни папа. У папа был казак (*батрак*), такой парень рабоцяга! А йон и узнай, што пападзья-то любит ни папа, а дзьякона, тольки и думаит, как бы эдак атучить дзьякона ат пападзьи, а пападзью ат дзьякона. Вот ланно́! (*ладно*) Анно́й паро́й поехали яны с папом на пустыш. Пападьзья и блинов, и пирагов напекла, а сама атпусцила свабо́ папа с коркай хлеба. Казак смикнул, што яна настряпала для дзьякона.

— Постой-ка, — баит, — я те дам знаць!

Лишь тольки поп с казаком уехали, а дзьякон и шмык к пападзьи и ну угащацца. Дзело приходзит к вечиру. Поп, паработавши, стал ложыцца спать, а казак:

— Пусти-ка, — баит, — батя, я схажу на беседки к дзевкам, а на зари́, — баит, — апяць приду к цебе работаць.

— Што дзелаць, — баит поп, — ступай погуляй, да матри — приходзи раньше.

— Нешто́, — баит казак и ушол.

Тольки не к дзевкам, а к пападзьи — пасматреть, што яна дзелает.

Пришел да пад акно́м и слушает. А дзьякон сидзит у пападзьи да и гаварит:

— Ну што, — баит, — если поп или казак придет таперичка, куда мне будзет дзеваццца?

— Я тя, — баит пападзья, — спрятаю так, што ни каторый из них не найдзет; вот матри: тольки лишь стукнет к нам в окно каторый-нибудзь, ты, — (баит,) — скорея пад печку.

Тольки лишь яна этóе молвила, казак стук в окно.

— Хто тама?

— Я, — баит.

— Зачем ты?

— Черт бы вас драл и с папом-та; день работай, да и ночью пакою нет! Откутай-ка *(отворись-ка)*!

— Ну што?

— Вишь, — баит, — поп вилел завостринныя кольи пад печку пакидать, штобы яны тама высохли.

— Ланно́, — баит пападзья, — ступай атдыхай; я сама пакидаю.

— Да черт знает, каво из вас слушаць! Мне батька вилел, так я сам перекидаю. Посто(й)-ка!.. Што это там, как ро́вна мешает?

— Эта камни, — баит пападзья.

— Ну, так ланно! Прощай покаместо, я апяць пойду к папу на пустыш.

Еще гдзе да зари, а уж казак будзит папа:

— Ставай, — баит, — батюшка, пара на работу.

Поп скочил и ну работаць. Весь день бенной *(бедной)* работал — ни линился. Приходзит ночь.

— Пусци-ка, батя, апяць меня на беседки; мне нешто́ полюбилось!

— Ступай, — баит поп, — да матри, приходзи завтра но́нешней паро́й.

— Нешто́!

Пашол да вместо посидзелок — к пападзьи. Падашол пад акно да и слу́ха(е)т. А дзьякон-та та́ма так все и гостил.

— Ну што, — баит, — если апяць тот азарник придзет, куды мне дзеваццa-та?

— Вот уж таперичка знаю, — баит пападзья, — я тебя спрятаю туды, што йон уж никагда ни найдзет! Матри, как тольки йон стукницца пад акном, ты вóта в этот мешок, што с рожью-та, и садись, а я тее (*тебя*) завяжу.

— Ланно, — баит, — дзело будзет!

Тольки лишь успела это вымолвить, а казак как тут да и стучицца пад акном. Наш дзьякон как прыснет, развязал мешок и сел в нево, а пападзья завизала да и кричит:

— Хто там?

— Я, — баит казак.

— Зачем ты?

— Вишь, поп-та покою мне ни дает: день работай, ночью на мельницу поезжай.

— Экой какой! Да так и быть, — баит пападзья, — атдыхни ночь-та, а на мельницу-та съездзишь и завтра, а ни то и послезавтра; а то што теперь за езда! Ступай, ступай, атдыхни.

— Да ведь черт знает, каво из вас слухать! Мне што велено, то я и дзелаю!

Взял мешок, поднял на пличо.

— Ох! — баит, — что-та дюжа грýзна.

Да как с плеча-та фуркнит[1]!

Дзьякон тольки тама здыха(е)т. Вот йон апяць да и апяць: поднимит да кинит, поднимит да кинит.

— Ну, — баит, — измучился... Черт с ним, што хочет, то и дзелает, а таперичка ни за што ни паеду на мельницу; и без таво устал! Прощай, матушка!*

Паутрý ранешинько, а уж казак апяць на работи. Папу ничево ни баит а (о) вчóрашнем, работаит сибе. Апяць

---

[1] *Было*: фуркн[е]т

* *Вариант*: Дьякон прячется в мешок с ячменем.

— Что ты, батрак? — спрашивает попадья.

— Да вот надо ячмень хорошенько обшастать.

— Не трожь! Я сама на гулянках обшастаю.

— Еще когда-то будет; а мне надо приказ исполнить.

Взял мешок, вынес на крыльцо (а крыльцо-то было высокое!) и бац его: пускай дьякон пересчитает все до единой ступеньки!

вечир на дваре. Наш казак па-прежнаму просицца у папа пагуляць.

— Ступай, братец, да матри приходзи раньши.

— Небось!

Пашол апяць туды жа, стал пад акном да и слухат. А дзьякон весь избитай, абвязавшись сидзит в переднем углу да охат:

— Ох! — баит, — как меня ваш казак изувечил. Беда, как апяць придзет!

— Вот уж таперичка, — баит пападзья, — амману́ так амману́!

— А как?

— Тольки лишь йон стукницца пад акном, ты, — баит, — скарея и пабегай в клев, разденься да распусці волас-та, да и ходи на карачках.

Тольки лишь успела яна вымолвить, как тут казак[1] и стучицца; а дзьякон уж давно та́ма.

— Што скажишь?

— Черт вас дзери и с папом-та! Измучился, а он йешшо вилел напаиць цялят.

— Ланно, — баит пападзья, — я сама напаю́.

— Йевота! Я сам пайду; гдзе плець-та? Все ли цяляты дома?

— Все.

— Ну так ланно.

Вашол в к(х)лев, поставил по́йиво: тппрросць, тппрросць, тппрросць! Цяляты все падашли, тольки адзин стоит в углу прижавшись.

— Тппрруся, Бог с тобой; тппрруся!

Нейдзет. Вот йон и плецью йиво — нейдзет. Вот йишшо, йишшо да и йишшо! Дзьякон видзит, дзела ни ланно, стал на ноги.

— А, отсец дзьякон! Эта ты? Как так?

— Малчи, брат, — баит дзьякон, — ни гавари папу; вот ци (*тебе*) сто рублев.

— Ланно, ланно, отсец дзьякон! — баит казак, — так и быть, никаму ни скажу. Тольки матри́ к пападзьи ни хадзить!

---

[1] *Далее*: [да]

Пришол дамой в избу с дзьяконам; а пападзья йиму:

— Бацюшка! Вот ци двесці рублев; ни гавари никаму.

— Так и быть, хазяюшка, никаму ни скажу, тольки, матри, дзьякона не любиць!

Наш работник прожил ляцину у папа, взял йищо с ниво дзенежек за работу и стал жить да паживать да йих паминать.

б

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак.

— Что ж с меня, — говорит поп, — возьмешь?

Батрак отвечает:

— День работать, а ночью на улицу гулять.

Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит — батрак на улицу пошел.

Вернулся домой, стучит в воротах, встречает его попадья.

— Что ты, батрак, зачем? — говорит.

— Да вот день паши, а ночью опять работай на вас! — говорит батрак. — Он велел под печь колья класть сушить.

Приносит батрак колья и начал под печку пхать; а под печкой-та сидит любовник попадьи — дьякон; всю жопу ему и бока исколол. Дьякон жался, жался, невмочь стало — лезет из-под печки.

— Батрак, молчи, пожалуста, не сказывай, что был у попадьи!

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать.

— Ну что, батрак, хороша ли улица была?

— Эх, батюшка, славная!

Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадья разговаривает с дьяконом:

— Ну, как дурак опять придет? Куда тебе спрятаться?

— Да куда! В закуту к овцам!

Вот батрак стучится:

— Отворитя ворота!

— Что ты? — спрашивает попадья.

— То-та у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!

— Сама поила.

— Да не знаю: не то поила, не то нет; батька велел напоить.

Батрак выгнал скотину, а дьякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дьякон уперся — нейдет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел.

— Что ж ты, скотина, нейдешь!

Дьякон жался, жался да домой бежать.

Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать.

— На что это, батрак? — спрашивает попадья.

— Я не знаю, так попу захотелось.

Намел кошву большую сажи, поставил на полати, а сам пошел к попу в поле пахать. Вот опять настал вечер[1] — батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дьякон тут али нет. Дьякон спрашивает:

— Куды-то мне спрятаться будет?

— Лезь в кошву с сажею — на полатях стоит. Авось дурак не догадается, — отвечает попадья.

Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает:

— Кто это?

— Это я, матушка!

— Зачем ты, батрак?

— Вот тогда увидишь зачем!

Схватил веретьё, идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дьякон сидел, увязал, упутал, вынёс на телегу и повез со двора.

— Куды ты? Погоди, не езди, поужинай![2]

— Некогда!

Вот едет он[3] мимо одной мельницы, а навстречу ему помещик.

— Что ты, мужик, везешь?

— Черта везу.

---

[1] *Далее*: [приходит]

[2] *Было*: [позавтра<кай>]

[3] *Далее*: [чрез]

— Покажи, пожалуста, чтой-то за черт? Я сроду не видал!

Отвечает батрак:

— Нет, он уйдет! Показать нельзя.

— Что ж он тебе стоит?

— Сто рублев.

— Покажи!

— Да ведь уйдет!

— Я тебе плачу́ сто рублев за эвто.

Батрак развязал и говорит дьякону:

— Смотри же, беги прямо в речку.

Как выскочит дьякон, как бросится — бултых в воду! Барин ужаснулся.

— Эх, жаль! — говорит. — Ведь взаправду ушел!

Отдает барин батраку деньги, а он, получимши сто рублев, поехал к попу в поле.

— Что ж, батрак, хороша ли улица была?

— Еще какая знатная!

Целой день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просится...

Приходит, слушает под окном, дьякон опять говорит попадье:

— Экая шельма! Как он меня осрамил[1]. Ну, — говорит, — завтра я сам в поле поеду, пахать стану.

— А я тебе, — отвечает попадья, — наварю каши, нажарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу. Да как тебя найтить?

— Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая, не то что у попа — вороная!

Вот поутру встает попадья и принимается обедать готовить, а батрак уж давно к попу воротился. Стали пахать, пахали-пахали.

— Что, батрак, — говорит поп, — не пора ли обедать?

— Нет, еще рано! Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед.

— Ах, батрак! Она сродясь не нашивала.

---

[1] *Далее было*: [Ну, как он опять придет, куды мне деваться, куды спрятаться?]

— Небось, батюшка, принесет![1]

Тут батрак взял — скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал[2] к себе на дорогу. Вот попадья и несет обед по стружкам.

— Батька! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет.

— И то, никак, она!

Попадья увидала, что не туда попала, хотела было назад ворочаться, а батрак во все горло кричит:

— Сюда, сюда неси, матушка!

Нечего делать — пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав:

— Ай да мать! Право слово — умница!

А батрак стоит без портков.

— Прости, — говорит, — матушка, что без порток пахал, вишь, какая жара!

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам:

— Это кто там пашет?

— Отец дьякон, — говорит поп.

— Позови, поп, дьякона, а то скажет: «Вишь, не позвал!»

— Батрак, поди позови!

Батрак пришел к дьякону и говорит:

— Ну, отец дьякон! Поп-то узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить* , нарочно за тем и зовет тебя.

Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу:

— Нейдет — не хочет!

Попадья говорит:

— Эй, поп! Поди сам позови.

Поп пошел. Батрак и кричит ему:

— Захвати[3], батюшка, топор** , у него собаки злы!***

Поп[4] захватил топор. Вот дьякон увидал, что поп идет с топором, да скорее[5] бежать с пашни, поп — за ним:

---

[1] *Далее*: [Дурак; он] взял — [снял]

[2] *Далее*: [на свою]

* *Вар<иант>*: Хочет до смерти заколотить.

[3] *Было*: [Возьми]

** *<Вариант>*: дубинку.

*** *<Вариант>*: Там мимо меня волк пробежал.

[4] *Далее*: [взял топор] [Как]

[5] *Было*: [по]скоре[й]

— Что ты, дьякон? Постой, постой!

Нет, тот все улепетывает. Попадья за ними вслед. Батрак подобрал все съестное-та, вышел на большую дорогу, сел, поедает да водочку попивает. Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками.

— Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?

— Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем — лисица.

Помещик кинулся в яругу, распустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал, куда ему надобно.

Батрак поел и пошел в ближнюю деревню; пришел в избушку — в саду стояла; взлез на полати и лег отдыхать. Вдруг приезжает[1] туда барин с девкою, сели за стол, стали пить, гулять — были тут серебряные чарки, хорошие графины. Разговаривали они, миловалися-обнималися.

— Всячески мы с тобой делали, — говорит барин девке, — а вот как не делали: дай я себе муде обрею, а тебе пизду опалю!

Обрил муде, опалил пизду и говорит:

— Ну теперь, бритой, *палёну* бери!

Батрак услыхал, ухватил да как пустит в него *поленом* да прямо по шее. Тот бежать, девка за ним! А батрак схватил всю посуду, сел на баринову лошадь и ускакал домой.

Немного погодя нанялся батрак к одному помещику[2] на деревню в приказчики да продал ему[3] и графин и чарку. Приезжает к[4] его хозяину в гости тот самой барин, что с девкою баловал. Увидал свою чарку и графин и спрашивает хозяина:

— Это где вы получили?

— Мой приказчик мне продал.

Призвали приказчика:

— Где ты взял графин с чаркою?

---

[1] *Было*: [входит]

[2] *Было*: а) [одному помещику];
б) [другому барину]

[3] *Далее*: [и лошадь]

[4] *Далее*: [тому]

— А мне в ту пору досталось, как бритой палёну брал.

Барин сгорел со стыда, отказался и от графина, и от чарки.

N.B. Тот же рассказ передается еще с следующею отменою: Батрак нанимается к попу за сто рублей сроком не на год, не на полгода, а до тех пор, пока не завоют в избе волки. Долго он преследует дьякона, наконец приводит потихоньку попа в избу и прячется с ним под печку; а дьякон пришел к попадье и говорит:

— Давай ныне с тобой по-волчьи!

Она стала раком, а он начал ее с заду осаживать, и оба завыли, как волки в лесу, когда бегаются. Батрак выскочил, как схватил кочергу да дьякона по горбу:

— Ах ты, вор, подлец! Вишь, какую рану попадье сделал... Правду говорят, что у волка зуб остер: за один раз сколько меж ногами у ней мяса выхватил! Ну, батька, давай сто рублей!

в

В некотором селе жил поп с попадьей; пришло лето — нанял себе работника. Да в том же селе был дьякон вдовой, подбился он к попадье и свел с нею знакомство; батрак это и заприметил. Стал поп собираться в поле пахать; а батрак на дворе работал, вдруг слышит, что дьякон стучится в ворота. Попадья вышла и говорит:

— Ну, дьякон! Теперь нельзя, приходи завтра, поп уедет пахать[1]; тут мы с тобой и погуляем!

— Ну хорошо! Я прийду завтра.

Батрак и думает про себя: как бы изловить дьякона?[2] Вот наутро поехал[3] поп с батраком в поле; батрак взял вытащил из сохи палицу и бросил в сторонку[4]. Приехали на место, пахать надо.

---

[1] *Было*: [в поле]

[2] *Далее*: [вытащил из сохи]. На утро [поп поехал с батраком]

[3] *Далее*: [в поле]

[4] *Далее*: [а сам и говорит попу]

— Ах, батька, — говорит работник, — вить я потерял из сохи палицу![*]

— Что ты, окоянный! Беги скорей за нею!

Батрак побежал; подходит — ворота заперты, постучал, а сам под окошко; слышит — дьякон запорол горячку:

— Куда же мне спрятаться?

Попадья говорит:

— Полезай под печь к курам!

Дьякон — под печь, а попадья пошла калитку отворять. Увидала батрака:

— Зачем ты, свет, пришел?

— Отпирай скорей! Мне некогда с тобою растабарывать. Вишь, вы дурья порода! Увидал поп, что ястреб-та курицу задрал, и послал меня пересчитать: все ли куры целы?

— Нет, свет, наши все дома, и на двор их не выпускала. Ступай с Богом!

— Как жа! Надо наперед пересчитать, неравно поп спросит, а я и не знаю, сколько у вас кур-то.

А сам ухватил кочергу и начал выгонять кур из-под печки;[1] попал на дьякона и давай ему ребра щупать, а дьякон то в тот угол, то в другой кинется. Важно откатал его на все бока!

— Да что ты, — говорит попадья, — куры давным-давно все выскочили![2]

— А где же черная хохлатая?

— Да вот она!

— А я и не видал, как она выскочила!

После того взял батрак палицу и пришел к попу; начали они пахать и проработали до вечера. Ночевать домой воротились[3]. Батрак взял сбил с сохи со́шник и лег спать. Наутро запрегли лошадей — и опять в поле. Только добрались до пашни, батрак и говорит:

— Ах, мать твою раээдак! Мы[4], батька, сошник потеряли.

---

[*] *Вар<иант>*: Ах, батька! Ведь я кнут позабыл!

[1] *Далее*: [ощупал]

[2] *Было*: вы[бежа]ли

[3] *Было*: Воротились [домой ночевать;]

[4] *Было*: [Ах]

— Ну, свет, беги поищи, да поскорее.

Батрак прибежал в село, постучался в калитку, а сам к окну.

— Эх, — кричит дьякон[1], — опять черт батрака принес! Куды теперь деваться?

— Полезай под печь к курам! — говорит попадья.

— Сама ступай к курам! С меня будет и вчерашняго!

— Ну куда же я тебя дену?

— Куда хошь, только не к курам!

— Ну, ступай к телятам!

Дьякон побежал в закуту к телятам и стал на четвереньках. Попадья отворила калитку:

— Ты зачем, свет, пришел?

— Зачем? В вашей дурьей породе не было толку, да и не будет! Как был дома — ни слова не говорил, а теперь за пять верст гонит, чтоб телят напоил!

— Я сама[2] напою!

— Ну теперь все равно: уж пришел, так делать нечего: напоить невелик труд!

Взял батрак казацкую нагайку, пошел в закуту да как вытянет дьякона вдоль спины — дьякон чуть с ног не свалился! А телята подняли хвосты и побежали к колодезю. Один дьякон остался. Батрак давай его валять нагайкою, до самого колодезя угощал! После налил воды в корыто; телята бросились пить, а дьякон стоит одаль — не пьет.

— Ты что рыло воротишь? Экой проклятой теленок!

И опять начал стегать его во всю мужицкую руку. Дьякон[3] скорей к колоде и сунул туда морду, словно пьет[4]. Телята напились, батрак махнул плетью, они задрали хвосты и были таковы, а дьякон назади остался: на четвереньках ползет. Батрак ну его валять. Попадья увидала и кричит:

— Что ты, проклятой! Рад совсем убить теленка!

— А он что нейдет! Мне не просить его! Теперь пора рабочая.

---

[1] *Далее*: [черт]
[2] *Далее*: [свет]
[3] *Далее*: [прибежал на четвере<ньках>]
[4] *Далее*: [с телятами]

Загнал телят, взял сошник и пошел к попу.

Дьякон пришел в избу:

— Ну, мать его[1] ети! Чуть было дó смерти не убил!

— А ты бы, дьякон, впереди телят бежал, он бы тебя и не тронул.

— Эка умная! Поди-ка сама! Черт их догонит!

Вечером батрак отвязал от сохи держалки и мешкает на дворе.

— Ступай, — говорит поп, — ужинать!

— Некогда, батька; надо соху поправить.

— Ну, свет, завтра утром поправишь.

Батрак пошел поужинал и завалился спать. Утром приехали они в поле.

Батрак давай попа ругать:

— Вот вчерась хотел соху исправить, да ты не велел! Что теперь делать-то? Ведь держалки дома остались.

— Беги, свет, за ними.

Работник пустился домой, постучался в калитку и опять под окошко.

— Экой, черт, — говорит дьякон, — опять его нелегкая принесла!

— Ну, полезай к курам!

— Не пойду!

— Ну, к телятам!

— Черта с два! Сама иди к ним!

— Ну, вот ящик с сажею, полезай в него, после умоешься.

Дьякон засел[2] в ящик, а попадья отворила калитку:

— Зачем, батрак, пришел?

— Да что с тобой толковать![3] — говорит батрак. — Известно, ваша дурья порода!

Взял веревку и стал увязывать ящик.

— Зачем тебе ящик? — пристает попадья.

— Поп сажу за сто рублев продал.

— Не надо мне и двухсот!

— Поди, с попом разговаривай!

---

[1] *Далее*: [ёб]

[2] *Было*: [лег]

[3] *Далее*: [схва<тил>]

Вынес ящик, положил на телегу и повез из села по большой дороге...

Навстречу барин:

— Что везешь?

— Черта!

— Покажи!

— Дай сто рублев!

— Бери!

Дьякон выскочил из ящика[1] и навострил лыжи — только его и видели!

Пришел батрак в поле, а поп со скуки славную штуку выдумал. Была у него кобыла молодая, неезженная, а поп от людей слыхал: видно тебя, что́ поебешь, то ты и повезешь! Стал на оглоблю и давай[2] еть кобылу.

— Что ты, батька, — говорит батрак, — чем бы нас добру учить, а ты сам на кобылу позарился, это[3] вам[4] совсем *не подобает*.

А поп в ответ:

— И то, *не подъебает*! Еще молода кобыла-то!

(*Следует рассказ, как попадья приносит обед в поле и посылает попа звать дьякона.*) Дьякон пустился от попа бежать.

— Нет, — говорит, — не надуешь! Хуя не хочешь ли?

— Что он, с ума сошел, что ли? — спрашивает поп батрака.

— Какое с ума сошел! Он[5] мне сказывал, что на твое место попом будет. Да не мудрено, что и правда!

— Как так?

— Да так! Вить он видел, как ты на кобылу лазил; Видно[6], доносить побежал.

— Ах, свет! Что теперь делать-то?

— Раздевайся, батька, догола да спрячься вот в эти карёги.

---

[1] *Далее*: [да]
[2] *Далее*: [кобылу]
[3] *Было*: [Ты]
[4] *Далее было*: [попам]
[5] *Далее было*: [видно, побежал хочет]
[6] *Далее*: [побежал с]

А их было накопано, когда пашню расчищали. Поп разделся и залез под карёги. Вдруг наезжают охотники — в трубу трубят, бичами хлопают; а поп со страху думает, что уж суд наехал.

— Эй, мужик! — спрашивают батрака охотники. — Не пробегал ли тут какой зверь?

— Видел, господа, одного зверя, только какой, не ведаю; вон в тех карёгах спрятался.

Охотники тотчас бросились с своими собаками и давай травить попа.

«Ну, беда пришла! — думает поп. — Лучше сам повинюсь, повинную голову и меч не сечет».

Вылез из-под карёг.

— Простите, честны́е господа! Признаться-сказать и вина-то небольшая: не чужую я кобылу уеб, а, право слово, свою!

Охотники только дивуются.

— Вот, — говорят, — что[1] промеж попов дураков не бывает! Этот патлатый совсем без ума!

Поп не стал и пахать больше.

— Поедем, — говорит батраку, — домой!

Только стали они подъезжать, а попадья опять сидит с дьяконом, увидала их и говорит дьякону:

— Беги в горницу, да садись[2] в кадку, что пшеницей насыпана, там тебя никто не увидит!

Поп вошел в избу и говорит жене:

— Дава́й, попадья, ужинать!

Батрак тотчас смекнул все дело:

— Знаешь что, батька! Теперь в избе душно, да и мух много, будем ужинать в горнице.

— И то правда!

— Да на чем там ужинать? — говорит попадья. — Ведь там стола нету.

— Ничего, — отвечает батрак, схватил доску, положил на кадку и говорит:[3] — Вот тебе и стол готов!

Сели ужинать, а попадья для дьякона опять было все-

---

[1] *Далее*: [попы между]
[2] *Далее*: [дьякон]
[3] *Далее*: [мы] вот [тут]

го-всего наготовила. Жалко ей стало[1] своего друга, и стала она попу говорить:

— Ах, батька, вить, ныне, никак, родителей поминают?

— Что ж, мне обедню служить, что ли, прикажешь?! — закричал на нее поп.

— Какая обедня? А вот в кадке насыпана пшеница — тоже божий дар, можно и тут помянуть!

А сама навертела блинов с десяток и бросила в кадку.

— Помяни, — говорит, — Господи, родителей моих во царствии небесном!

Поп набрал пирогов, бросил в кадку и себе тож говорит:

— Помяни, Господи, родителей во царствии небесном!

А дьякон подбирает да подъедает.

— Что ж ты, батрак, не поминаешь? — спрашивает попадья. — Кажись, и твой отец с матерью давно померли.

Батрак схватил горшок с горячею кашицей и опрокинул дьякону прямо-таки на голову; как заорет дьякон, как бросится из кадки да удирать во все лопатки! Поп испугался, думает, что то нечистая сила.

— Аминь, аминь! Изыде, окаянной! — и давай креститься да молитвы[2] читать.

Та же сказка передается с<о> следующим окончанием. Продал батрак дьякона за черта и воротился к попу. Стали они пахать, вдруг слышут: в рога трубят — охотники едут.

— Ах, свет? Что это такое? — спрашивает поп.

— А разве не знаешь? Это Михайло-архангел ездит, ищет попов да дьяков, кто лениво работает, тех больно казнит.

— Ах, свет, ведь я сегодня лениво работал.

— Ну, поп, беда твоя! Лучше тебе, пока время, спрятаться.

— Да куда же?

— Скидавай рубаху и портки, садись в кусты, может, не увидит.

---

[1] *Далее*: [дьякон<а>]

[2] *Было*: молитв[ами]

Поп разделся и сел голой в кусты. Налетели собаки и давай его за лытки рвать; наскакали охотники и приняли его в кнутья.

— Это, — говорят, — нечистой! Вишь, какой патлатой!

Отпороли[1] его на обе корки. Поп еле домой убежал; сидит в избе, сраку почесывает[2].

— Ну, — говорит, — вот так грозный воевода Михайло-архангел! По век не забуду!

131
ПОП У БАБЫ И БАТРАК

Жил[3] мужик (хохол) да баба, у них был работник — хитрой малой. И повадился к той бабе поп ходить; как только услышит, что мужа дома нет, сейчас и прибежит к ней на ночь. Работник это заметил. Вот дело было в самой сенокос — собрался мужик вечером ехать к морю за песком, запрёг лошадей и[4] выехал на улицу.

— Послушай, хозяин! — говорит работник. — Не езди нонче за песком, воротись потихоньку назад — увидишь, как твоя жена с попом гуляет.

— [5]Как же мне это сделать?

— А вот как!

Взял работник лошадей, поворотил назад в сарай и говорит хозяину:

— Вот тебе нож и мешок; садись в этот мешок, я тебя завяжу, а вот как хозяйка пошлет меня за щепками — я тебя и принесу в и́збу. Тогда сам узнаешь, как твоя жена с попом прохлаждаются! Станут они пить, гулять и меня с собой посадят, а после заставять петь песни. Ты хорошенько слушай: что́ я запою — так ты и делай!

Завязал мужика в мешок и пошел в избу.

---

[1] *Далее*: [по], его [и уехали]. Поп [только] сраку
[2] *Далее*: [Экой]
[3] *Было*: [Был]
[4] *Далее*: [садится в телегу]
[5] *Начато*: [А]

— Что, проводил хозяина? — спрашивает работника баба.

— Проводил.

— Ну, ступай скорей, позови попа.

Работник сбегал за попом, сели они за стол, стали угощаться.

— Ну, работник! Садись с нами; ведь ты, чай, со всем управился?

— Со всем, хозяюшка! Только вот щепок надо принести — завтра печь топить поутру.

— Ну, ступай, принеси!

Работник побежал в сарай, притащил в избу мешок и положил под печку. Принялись они пить, гулять, песни затягивать. Поп порядком-таки подкутил и говорит работнику:

— Спой-ка, свет, ты нам песенку.

— Нет, пускай прежде хозяюшка споет!

Хозяйка затянула:

— Ой, пойихав мой Григорий!
Да пойихав вин до моря.
Ой, Бог знае — ой,
Бог висть, чи буде вин дома!

Потом запел работник:

— Да чи чуешь ты, Григорий?
Што твоя жена говóрить?
Возьми[1] нож, мех порежь;
Бери швидче макогон,
Давай жинки перегон —
Жинку раз, попа два...
Трантата-трантата!

— Славная песня! — говорит поп. — Вот тебе за нее[2] стакан водки. Спой-ка еще разок!

Работник запел в другой раз; мужик разрезал мешок, выскочил из-под печки, ухватил макогон и давай лупить: бабе — раз, попу — два! Поп насилу выбрался: в окно[3] улизнул!

---

[1] *Было*: [Бери]

[2] *Было*: [то]

[3] *Далее*: [выпры<гнул>]

132
НЕ ГОВОРИ ПОХАБНОГО!

В некотором государстве жил-был мужик да баба, у них было три сына, четвертая дочь. Дожил мужик до старых лет, заболел и ожидает себе скорую смерть.

— Послушай, старик! — говорит старуха. — Ты бы призвал деток, дал бы им родительское благословение да наставил бы их на ум-разум, как им после тебя на свете жить.

Старик послушался, призывает своих детей, взял в руки образ и говорит старшему сыну:

— Чем тебя благословить[1], сынок?

— Благослови меня, батюшка, плотничьей работою.

— Бог тебя благословит![2] Будь прилежен в работе, корми мать и сестру.

Потом спрашивает середнего:

— А тебя чем, сынок?[3]

— А меня, батюшка, благослови на портняжное мастерство.

— Бог тебя благослови на портняжное мастерство; смотри не ленись, корми мать и сестру.

Спрашивает меньшего сына:

— А тебя, сынок, чем благословить?

А меньшой-то сын был дурак, думал-думал и брякнул сдуру:

— А меня, батюшка, благослови хуем!

— Ну, — говорит отец, — дуракам закон не писан! Проживешь ты и без моего благословения.

Мать стоит да слезами обливается:

— Видно, от этого сына мне не ждать добра!

В тот же день старик помер; на третий день его похоронили, а через полгода[4] братья выдали сестру замуж и стали проживать отцовское имение. Мало-помалу, дошло

---

[1] *Далее*: [любезной]
[2] *Далее*: [сынок]
[3] *Далее*: [бла...]
[4] *Далее*: [и стар<уху>]

до того дело, что скоро нечем кормиться будет. Говорит старуха старшему сыну:[1]

— Сынок! Тебя отец благословил плотничьим мастерством; ты бы пошел да хоть малую толику деньжонок заработал, а то ведь скоро есть нечего![2]

Старший сын начал[3] собираться в дорогу. Мать напекла ему лепешек и отпустила с Богом. Вот он целое лето ходил, выработал сто рублев и думает: «Слава Богу! На первой раз будет[4], можно теперь и[5] ко двору идти». Пошел домой; случилось ему проходить через одно село, а время-то было позднее, да и устал он крепко. «Остановлюсь-ка здесь да переночую, а утром опять в путь тронусь с новыми[6] силами».

Огляделся кругом — во всех избах темно, только в одной поповской и светится огонек. Постучался в окно и говорит:

— Батюшка! Пустите от темной ночи укрыться.

— Пожалуй! — говорит поп. — Иди переночуй, только с тем уговором, свет: коли ты скажешь какое срамное слово, то с тебя сто рублев штрафу.

— Хорошо, батюшка!

— А коли хорошо, так дай наперед расписку[7].

Парень дал ему расписку[8]. Вот сели они ужинать и ведут промеж себя разговоры, все хорошие. А у этого попа была жена да дочь[9].

— Послушай, свет, — говорит поп, — я вижу, ты много по чужим сторонам хаживал, всего насмотрелся, всего наслушался; не знаешь ли ты, как бы вылечить смертельную рану?

— Какую, батюшка?

— А вот видишь — у меня дочка, недавно семнадцатой[10] годок пошел, и от самого рождения открылась у ней

---

[1] *Далее*: [тебя]
[2] *Далее*: [будет]
[3] *Было*: [стал]
[4] *Далее*: [так]
[5] *Далее*: [домой]
[6] *Было*: [свежими]
[7] *Начато*: [Муж<ик>]
[8] *Далее*: [Вот сели они]
[9] *Было*: [девка]
[10] *Далее*: год [от роду]

рана неизлечимая — из той раны вода сочится! Уж что мы ни делали, каких дохтуров ни призывали — никто не мог пособить.

— А позвольте мне, батюшка, посмотреть на эту рану.

Поп тотчас[1] поставил свою дочку раком, заворотил ей подол и говорит мужику:

— Смотри, свет, сюда!

Мужик пригнулся, посмотрел и говорит:

— Послушай, батюшка! Вить это пизда!

— Как же это, свет, ты эдакия слова говоришь? Ведь у нас с тобой уговор был:[2] кто скажет срамное (*соромское*) слово[3], с того сто рублев штрафу[4]. Подавайка денежки!

Мужик туды-сюды, только как от попа отвязаться, ведь расписка у него в руках — принужден был отдать ему последние свои деньги и воротился домой с пустыми руками.

— Здравствуй, сынок! Много ли домой принес?

— Эх, матушка! Целое лето трудился, сто рублев заработал, да дорогой разбойники напали — все деньги обобрали[5].

На другой день говорит старуха середнему сыну:

— Попробуй-ка, сынок[6], счастья, сходи на заработки, а то совсем есть нечего.

Целую осень ходил середний брат по чужим людям да шил им одёжу, заработал сто рублев. Стал ворочаться домой, забрел[7] к тому же[8] попу и[9] поплатился за свою простоту всем заработком. Вернулся к матери и говорит со слезами:

— И были деньги, да нету! На дороге добрые люди ограбили!

---

[1] *Было*: Тотчас [поп]
[2] *Далее*: [кто]; [коли]
[3] *Далее*: [с того так]
[4] *Далее*: [заплатишь]
[5] *Далее было*: [чуть сам живым остался]; [хоть сам живой, жив]
[6] *Было*: [ты]
[7] *Было*: [попал]
[8] *Далее*: [самому]
[9] *Далее*: [поплатился]

А дурак лежит на печи и о<т>зывается:

— Экие вы разини! По сту рублев[1] заработали, а домой ни кляпа не принесли! Небось дорогою все хвастали: «У нас-де казна!» А вы б, коли заработали не токмá сто[2], а хоть три рубля, тотчас бы завязали их в три у́зла да и спрятали за три гу́зна: целёхонько б домой донесли! Ну, мамка, напеки мне лепешок! Теперь мой черед деньги зарабатывать.

— Куда тебе с говённым рылом в калашный ряд соваться!

Наутро приехала к старухе замужняя дочь, сидят и толкуют. Дурак слез с печи и спрашивает:

— Что же, матушка, напекла мне лепешек? Мне в дорогу пора.

— Какие, дурак, лепешки! Отстань, и без тебя тошно!

— Какого ж ты хуя делала, коли ничего не приготовила?

— Ах, братец! — говорит сестра. — Невжли ты не мог получше слова сказать матушке?

А дурак в ответ:

— Сиди, пизду поджавши! Я ведь матушку не уёб словом-та!

Схватил дурак ломоть хлеба и ушел из дому, ни с кем не простившись. Шел-шел, уж ночь на дворе, а он только до села дошел; смотрит — во всех избах темно, только у попа огонек светится. Постучался в окно:

— Хозяин! Пусти от темной ночи укрыться.

— Да ты кто?

— Я — колесной мастер!

— Ну, свет, ночуй у меня, только с таким уговором: кто из нас скажет срамное слово, с того сто рублев штрафу.

— Мало кладешь, батюшка! Клади триста!

— Изволь, свет, я на это согласен.

Написали в том расписку и сели ужинать. Поп и говорит дураку:

— Послушай, свет! Ты ходил по чужим сторонам, много видал — много слыхал. Не можешь ли ты у моей

---

[1] *Далее*: [несли да]

[2] *Далее*: [рублей]

дочки рану вылечить? Уж сколько мы дохтуров ни призывали — ни один не помог!

— Какая рана, батюшка?

— Да вот, свет, какая: уж семнадцатой год[1], а все не затягивает, все из нея моча идет, а кругом шерсть растет!

— Надо посмотреть!

Поп поставил свою дочь[2] раком, заворотил подол и говорит:

— Смотри!

Дурак зашел с заду, нагнулся[3] и сказывает:

— Ах, батька! Ведь это дело можно поправить. Дайка кусочек мелу.

Поп дал ему кусок мелу. Дурак взял, очертил[4] кругом пизду и жопу и говорит:

— Вот это будет колесо![5]

Стал чертить наискось:

— А это будут спицы в колесе!

Ткнул[6] в пизду перстом:

— А это, батюшка, ступица, только мала; надо большим буравом провертеть. Да я человек мастеровой, у меня струмент наготове! Сейчас проверчу!

Вытащил из порток свой хуй и давай поповну буравить.

— Что ты, мошенник, делаешь? — кричит на него поп.

— Чай, сам видишь: дыру верчу.

— Ах ты, сукин сын, подлец! Ведь ты мою дочь ебёшь!

— Что ты, батька, говоришь? Ведь[7] у нас уговор был: срамных слов[8] не сказывать. Подавай-ка триста рублев!

Поп туды-сюды, нечего делать, заплатил дураку триста

---

[1] *Далее*: [как] не за[роста]ет
[2] *Было*: [девку]
[3] *Было*: [при]гнулся
[4] *Было*: о[б]чертил [из]
[5] *Далее*: [нарисовал]
[6] *Было*: [Всу]нул
[7] *Далее*: [это]
[8] *Было*: срамн[ые] слов[а]

рублев. Дурак взял денежки, воротился домой и отдал старухе свой заработок.

— Экой умной сынок! В одни сутки да триста рублев заработал, не то что старшие!

133

ДВУХ ХВАТИЛ, А КОНЕЦ ВСЕ МОТАЕТСЯ

Жил-был поп с попадьей, у них было две дочери-невесты. Понадобился попу работник, и стал он искать такого, чтоб не знал ни одного похабного слова. Едет он дорогою, а встречу ему молодец.

— Куда идешь, молодец?

— В работники наниматься.

— Наймись ко мне; что возьмешь?

— Сто рублев в год.

— Больше дам, коли угодишь. Садись со мною.

Сел парень, и поехали.

— А много ли, молодец, ты знаешь? — спрашивает поп.

— Все знаю.

Поп заворотил у своей кобылы хвост:

— А это что?

Парень посмотрел:

— Это пизда, батюшка!

— Ну, брат! Проваливай, мне не нужно такого[1] ругателя!

Парень слез и думает: «Что за диво! Кажись, я[2] сказал правду, а он осерчал. Дай забегу вперед да скажу теперь иначе».

Забежал вперед и опять идет навстречу.

— Куда, молодец, идешь?

— В работники наниматься.

— А что просишь?

— Двести рублев.

— Садись ко мне; я сам ищу батрака.

Парень сел.

---

[1] *Было*: [эда]кого

[2] *Далее*: [ему]

— А много ль ты знаешь?

— Да все ведаю!

Поп поднял у кобылы хвост:

— А это что?

— Да вишь, батюшка, ныня зимы лютыя, а лета жаркия; должно быть, или от жару треснуло, или от морозу лопнуло.

— Ну, свет, мне такого и надобно!

Приезжает поп домой и сказывает жене:

— Ну, мать, нашел батрака, и какой важной! Даже не знает, как пизду назвать; уж этот не скажет дочерям похабного слова!

— Это хорошо! — говорит попадья.

Выжил батрак у попа целой год; ни единого похабного слова от него не слыхали. Пришло к расчету. Получил он с попа деньги, вышел в сени, сел на ступеньке, разделил деньги на три части.

— Одна часть, — говорит[1], — жене с детьми на хлеб, другая на оброк, ну а третью куды? Пойду да бабам проебу!

Попадья услыхала эти речи и говорит потихоньку попу:

— Батька! Батрак-та расклал деньги на три кучи: эту, говорит, туды, эту —сюды, а третью пойду да бабам проебу.

— А мне что! — сказал поп. — Его деньги, куда хочет, туды и денет!

— Не к тому речь, батька! Я вот что смекаю: ведь меня не убудет, коли я ему разок дам. Пускай поебет — по крайней мере, хоть третью часть назад воротим!

— Правда твоя! Пускай поебет...

Попадья выбежала в сени:

— Работник! Ты что говорил?

— Деньги считал.

— А третью часть куда девать хочешь?

— Хочу бабам проеть.

— Так что же! Пожалуй, я тебе дам.

— Как можно, матушка! Ведь поп увидит, того гляди, еще прибьет!

---

[1] *Далее*: [старухе]

— Ничего, работник! Он сам позволил.

— Ну, коли позволил, так поди же скажи ему, что я, пожалуй, еть тебя стану, только[1], чур, на повете и чтоб поп под тобою лежал.

Попадья сейчас к попу:

— Так и так, батька! Иначе не соглашается, как на повете[2] и чтоб ты под испод лег.

— Ну, — говорит[3] поп, — куда ни шло! Лишь бы деньги получить.

Вот влезли[4] все трое на поветь[5], поп лег брюхом на[6] солому, попадья на него спиной, а работник на попадью и давай ее обрабатывать. Поп лежал-лежал, у попа хуй встал — пробился[7] сквозь солому и торчит прямо на двор. А поповны как только услыхали, что батрак будет попадью пилить, тотчас выбежали посмотреть, как это дело делается? Смотрят, а хуй сквозь поветь мотается.

— Дунька! Глядь-ко, — кричит старшая поповна сестре своей, — вишь, какой у работника хуй большой: сквозь матушку прошел, сквозь батюшку прошел, сквозь поветь прошел, а конец все еще мотается!

— И то мотается! Вить он матку-то замучает. Давайка, Машка, накалим поскорей кочергу да прижмем ему кляп-то!

Сейчас побежали в избу, накалили кочергу, вынесли во двор и приложили горячим концом к батькину хую. Поп, словно бес, завертелся и заревел не своим голосом:

— Ай, батюшки! Хуй горит!

Выскочил из-под низу да на все стороны так и мечется.

Попадья говорит:

— Ну, батрак! Подавай деньги.

— За что?

— Как за что? Ведь ты меня на попе уеб?

---

[1] *Далее*: [не здесь, а на дворе]
[2] *Было*: [дворе]
[3] *Было*: [думает]
[4] *Было*: [вышли]
[5] *Было*: [двор]
[6] *Было*: [в]
[7] *Далее было*: [поповский хуй]

— Нет, матка! Поп из-под нас выскочил, чуть-чуть меня не ушиб! Не за что вам денег платить.

Так и ушел.

134
СНЫ

Жил-был бедной мужик с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене. Она говорит:

— Ах, хозяин! Ведь и мне такой же сон был.

Дети говорят:

— Ах, батюшка! Ведь и мы то же самое во сне видели*.

Задумался мужик:

— Недаром всем одно приснилось — сон вещий! Да что он пророчит: к беде али к счастью?

Думал-думал и решился ехать к колдуну[1] Асону, которой один на все царство[2] сны судит. Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик.

— Дяденька! Покатай меня!

— Проваливай! Не до тебя!

— Дяденька, покатай! Я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону.

Мужик удивился.

— Вишь[3], — говорит[4], — какой хитрой народился![5] Садись на телегу!

---

* *Вариант*: Жил старик со старухою, у него было три сына: два умных, третий дурак; работали они в лесу, и пристигла их темная-темная ночь. Где ночевать? Увидали покинутую избушку и легли в ней: отец в передний угол, старший сын в задний, середний сын у дверей, а дурак под печку. И привиделся дураку сон, поутру рассказывает:

— Кабы у тебя, батюшка, стоит столб медной, у братьев — по серебряному, а у меня — золотой.

[1] *Было*: а) [колдуну]; б) [знахарю]

[2] *В рукописи далее еще раз:* один

[3] *Было*: [Ну]

[4] *Далее*: [коли ты эда]кой

[5] *Далее*: [Так]

Посадил мальчика[1] на телегу[2], прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил на́земь.

— Спасибо, дяденька! — сказывает мальчик. — Смотри же, будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дешево, бери сто тысяч![*] А спросит, кто тебя научил, ты молчи, на меня не показывай!

Вот приехал мужик к Асону.

— Так и эдак, — говорит, — приснилось мне ночью[3], будто под печкою лежит большущий медведь; рассуди, что этот сон значит?

Колдун[4] бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрёсся от радости:

— Послушай, мужичок! Продай мне этот сон.

— Пожалуй, отчего не продать!

— Что тебе дать за него?

— Давай сто тысяч!

— Ах ты, сукин сын! — закричал[5] на мужика Асон и ногами затопал. — Что мне в твоем сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь, какую цену заломил.

— Как знаешь, а[6] меньше ни единой копейки не возьму.

Спорили-спорили, ругались-ругались: нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то сходная: хоть и сто тысяч заплатить, всё другое сто в барышах останется! Насыпал[7] мужику два больших воза деньгами, а наутро приехал к нему[8] на деревню с четырь-

---

[1] *Было*: [Мальчик сел]

[2] *Далее*: [и говорит: -б, прок<ати>]

[*] *Вариант*: — Смотри, не отдавай Асону твоего сону; а коли так пристанет, что и отбиться нельзя, то отдай ему половину сна.

Асон разгадал мужику сон — из половины. Тотчас поехали в лесную избушку, стали копать в переднем углу — стоит котел с медными деньгами, стали копать в заднем углу да возле дверей — там стоят котлы с серебряными деньгами, принялись копать под печкою — там котел с чистым золотом.

[3] *Было*: [во сне]

[4] *Начато*: [Зна<харь>]

[5] *Далее*: [Асон; на него]

[6] *Далее*: [за]

[7] *Было*: [заплатил]

[8] *Далее*: [с; в] деревню [, приех<ал>]

мя возами, разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо: еле-еле на четырех подводах[1] уложил! Стал в путь собираться и говорит хозяину:

— Послушай, мужичок[2], скажи кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за́ что б не догадался!

— Нет, брат, этого не скажу!

— Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку!

Мужик[3] тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После они попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе[4] припеваючи по-купечески.

На другой день Асон нарядился, словно барин, запрёг заводских лошадей, сел в коляску[5] и катит[6] прямо на двор к[7] родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит:

— Нельзя ли отдохнуть маленько?

— Отчего нельзя — отдыхай!

Вошел в избу, пошли те-другие разговоры.

— Это чей мальчик спит?

— Мой сын, — говорит старик.

— Послушай, старик! Мне твой сынок полюбился. Вижу я, ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякаго имения, чего только душа просит — всего вдоволь! Только детей Бог не́ дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу и тебя со старухой награжу[8] деньгами и хлебом.

Старик со старухой помялись-помялись и согласились: продали[9] сына за десять тысяч. Асон взял его сонного, положил в повозку и повез к себе. Приехал домой, мальчик проснулся, смотрит: где это он очутился?

---

[1] *Далее*: [увез! Стал]
[2] *Далее*: [только]
[3] *Далее*: [польстился <нрзб>]
[4] *Было*: [на славу]
[5] *Было*: [повозку]
[6] *Было*: [прика<тил>]
[7] *Далее*: [отцу]
[8] *Было*: на[делю]
[9] *Было*: [отдали]

— Что глаза-то вылупил? Чай[1], знаешь, зачем привез тебя...

— Как не знать! — отвечает мальчик. — Затем, чтобы с молодой женой твоей спать.

— Нет, брат, не угадал! — сказал колдун[2], зло[3] улыбнулся и крикнул: — Позвать ко мне повара!

Повар пришел. Он и говорит ему на ухо:

— Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне!

Повар привел мальчика в кухню, достал широкой нож и принялся точить на камне.

— Эх, дядя! — говорит мальчик. — Ведь я знаю, для чего ты нож точишь.

— А для чего?

— Да хочешь меня зарезать.

— Правда твоя!

— Послушай, дядя, пожалей меня, отпусти на волю[4], тебя Бог наградит!

— Я бы отпустил тебя, да, вишь, хозяин у меня хитёр; сейчас узнает.

— Не бойся — не узнает![5] Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка спроси у хозяина: сколько она поросят принесет?[6] Он и этого не разгадает.

Повар пошел[7] к Асону, спросил[8] про свинью, воротился и говорит:[9]

— Хозяин сказывает[10], что двенадцать поросят будет.

— Вот и не узнал! Ваша свинья уж опоросилась — принесла тринадцать.

Повар[11] побежал, справился: как раз — тринадцать.

---

[1] *Было*: [Что же]
[2] *Начато*: [Ас<он>]
[3] *Было*: [и зло]
[4] *Далее*: [ведь я]
[5] *Было*: [проведает]
[6] *Далее*: а) [он и это не];
б) [ему]
[7] *Было*: по[бежал]
[8] *Было*: [спрашивает[ть]]
[9] *Было*: [говорит] [ска<зал>]
[10] *Было*: [говорит]
[11] *Далее*: [справился]

— Правда твоя! — говорит мальчику.

— Ну так[1] отпусти ж меня на вольной свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и неси[2] хозяину*.

Повар так и сделал: понес поросячье сердце, только переступил через порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце.

— Ну, пес его бери! — сказал колдун.

А мальчик вышел на большую дорогу и долго ли, коротко ли — пришел в столичной город; остановился у гостиных рядов да[3] на знатные заморские товары любуется. Увидал его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая: покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет! Успевай только деньги брать!

Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцом да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. В один день поехала молодая Асонова жена в гостиные ряды за покупками; зашла в[4] самую богатую лавку[5], увидала этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целой ворох всяких товаров и говорит:

— Послушай[6], доброй молодец! Со мной денег не случилося; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать — я там-то живу.

— Извольте, сударыня!

Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собою.

---

[1] *Далее*: [ты]

[2] *Было*: [подай]

* *Вариант*: — Послушай, дядя! Не убивай меня. Есть у вас на дворе сука, принесла семерых щенят: три белых, три пестрых, одного чернаго; возьми ты чернаго, заколи, вынь из него сердце и подай хозяину.

Повар заколол щенка, вынул сердце, зажарил и подал на стол. Колдун тотчас[1*] в рот и съел его.

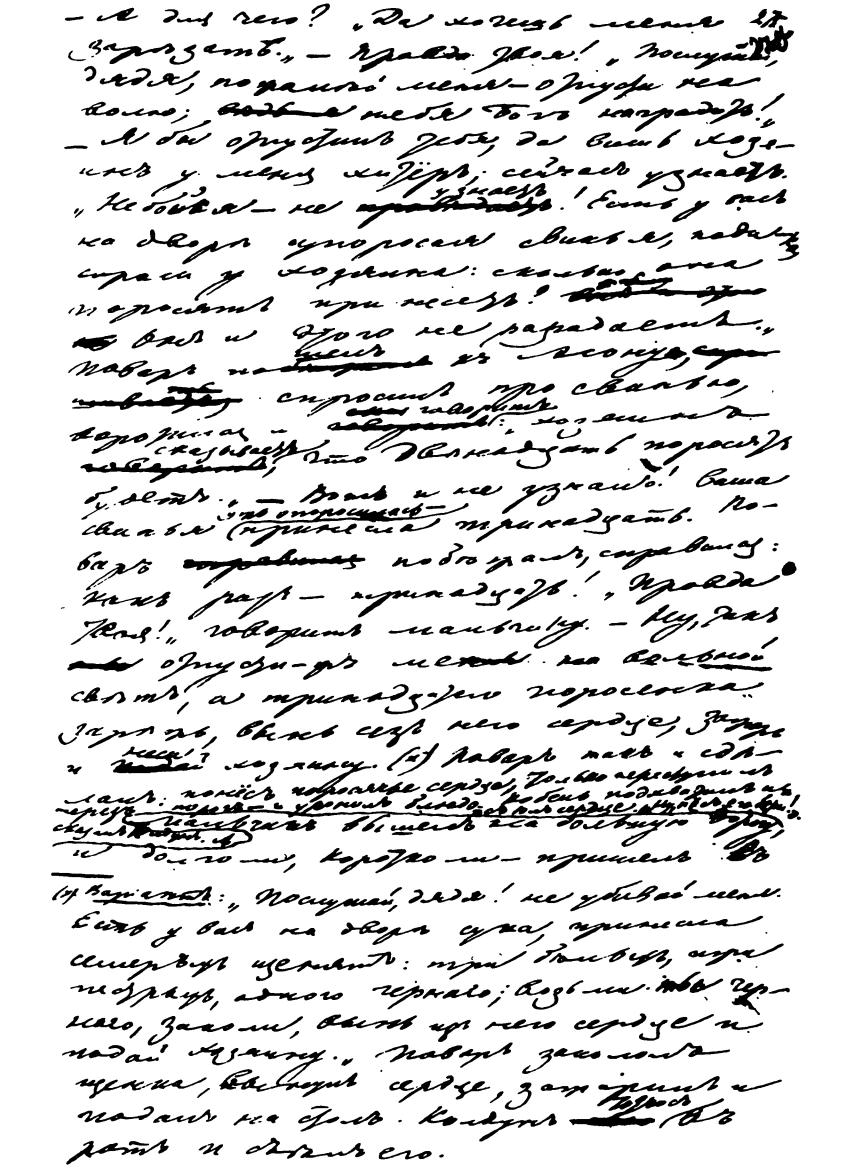
[1*] Было: [его]

[3] *Далее*: [всё на редкие заморские товары любуется.]

[4] *Далее*: [ту]

[5] *Далее*: [где]

[6] *Далее*: [господин купец!]



Факсимиле листа рукописи со сказкой «Сны»

— Ну, — говорит, — придвинься ко мне плотней — будет нам теплей!

Тут они и слюбилися и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край[1] выломился*. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном.

— Ну-ка, Асон! Рассуди мой сон.

Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня сроку:

— Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить!

Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: коли кто разгадает его сон, тому пожалует половину своего царства. Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит:

— Ваше величество! Я могу ваш[2] сон разгадать.

— Ну, разгадай! Скажешь правду — половину царства пожалую, а соврешь — то мой меч, твоя голова с плеч![3]

— Есть, — говорит, — у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?

— Все три, — отвечает царь, — мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ея в[4] свете дороже!

— Ну так пойдемте к ней в спальню — там будет разгадка![5]

---

[1] *Было*: [конец]

* *Вариант*: Был у царя заповедной колодец, и приснился ему сон: будто из этого[1*] самого колодца стал кобель локать.

[1*] *Далее*: колод[ца; -езя] стал [кобель]

[2] *Было*: [этот]

[3] *Далее было*: [А у этого царя было три дочери. Ваша]

[4] *Далее*: [все<м>]

[5] *Далее*: [Тотчас пошли]

Пришли к царевниной спальне, смотрят — дверь заперта. Царь постучался:

— Отопри-ка, дочка!

— Ах, батюшка! Я уж спать легла.

— Ничего, отопри!

— Да я не одета.

— Отопри, не то велю дверь выломать!

Царевна[1] отперлася;[2] входит царь с приказчиком в спальню;[3] царевна в одной сорочке, мамка ее тоже. Приказчик тотчас подбежал к мамке, заворотил ей подол:

— Смотрите, ваше величество!

Царь глянул, а у мамки промеж ног пребольшущий *петух* сидит!

— В ту самую ночь, ваше величество, как приснилось вам, что из золотой[4] драгоценной чарки край выпал — эта мамка вашей дочери целку проломала.

Царь отдал[5] этому приказчику половину своего царства, царевну[6] наказал, мамку казнил, а о том, что было — велел в тайне хранить[7], лишнего[8] никому не говорить.

Приказчик сделался сам царем, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

135

ТРИ ДОБРЫЕ СЛОВА

Жил-был старик; стал помирать, призвал сына и говорит:

— Есть у меня, сынок, триста рублев денег, и знаю я три добрые слова; что тебе в наследство оставить?

Сын задумался.

— Позволь, батюшка, пойти у старых людей спросить.

---

[1] *Далее*: [отворила; отперла]

[2] *Далее*: вход[я]т [в спальню]

[3] *Далее*: а) [царевна в одной сорочке, а на постели мамка спит]; б) [никого не видать]

[4] *Далее*: [вашей]

[5] *Далее*: [премудрому]

[6] *Было*: [дочь]

[7] *Далее*: [<*нрзб*>]

[8] *Далее*: не [болтать]

— Ступай!

Вышел сын на улицу, навстречу ему седой старичок.

— Дедушка, рассуди, что лучше взять: триста рублев али три добрые слова?

— Глупой ты! Отец помрет, деньги и так тебе достанутся, а три добрые слова с ним уйдут! Проси три добрые слова — пригодятся!

Воротился сын в избу.

— Ну что, надумался?

— Давай, батюшка, три добрые слова!

— Ладно, сынок! Слушай: станут у тебя просить лошади — не давай зря всякому; будут звать тебя в кумовья — без палки не ходи; это два добрые слова, а вот и третье: не пускай жену в гости одну!

Помер старик, остался сын хозяином. Спустя сколько-то времени приходит к нему кум.

— Дай, пожалуста, кобылу — в лес за дровами съездить.

— Возьми да береги, понемногу накладывай!

— Будь спокоен, куманек!

Взял кум кобылу и поехал в лес за дровами, а кобыла-то была жерёбая. Вдруг припомнилось мужику отцовское слово, побежал следом за кумом и присел за куст: «Посмотрю, что будет».

Смотрит — кум наложил на телегу такой ворох, что кобыла и с места сдвинуть не может. Кум схватил дубину и давай ее по бокам лупить. Лупил-лупил, дул-дул до тех пор, пока кобыла жеребенка не выкинула. Хозяин выскочил из-за куста:

— Ах ты, сукин сын! Мать твою разедак!

Отнял свою лошадь, ворочается домой, а сам думает: «Вот она, правда-то батюшкина!»

Через день, через два после этого приходит к нему знакомой мужичок, зовет в кумовья; вот он снарядился в новый кафтан, в новые шаровары и пошел в крещеную веру младенца приводить, а палку дома позабыл. Только к знакомому на двор — как кинутся на него собаки, да злющие! Изорвали и кафтан и[1] шаровары.

— Эхма! Опять забыл отцовское слово, а слово было правдивое!

---

[1] *Далее*: [новые]

Прошло еще столько-то времени: приехал к нашему мужику тесть на свадьбу звать.

— Куда нам, батюшка, — говорит зять, — надо за домом присмотреть!

— Оставайся сам, отпусти меня! — просится жена.

— А куда ребенка денешь?

— Да с собой возьму!

Мужик отпустил жену в гости, отпустил, да и вспомнил отцовский завет.

— Дай пойду да[1] погляжу, что жена делает?

А на свадьбе жена так-то разгулялась, сейчас себе и полюбовника нашла, ушла ночью в сени, ребенка в шубу[2] завернула да на́земь в сторону положила, а сама с полюбовником знай пошаливает. Муж пришел потихоньку в[3] самую ночь; глядь — жена с[4] добрым молодцом спит, взял ребенка и унес с собой. Поутру баба хватилась — нет ребенка, только свиньи в сенях похаживают.

— Никак, — говорит, — свиньи его съели.

Сейчас зажгла лучину и запалил<а> отцовы сени. Начался пожар, а она-то благим матом кричит:

— Батюшки! Ребенок сгорел...

Воротилась домой:

— Ах[5], хозяин! Ведь ребенок наш совсем сгорел!

Он схватил плеть и давай ее учить: важно отвалял на все корки.

Вот так-то сбылись все три отцовские слова!

136

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКОЙ СЫН

Жил-был богатой купец, у него был молодой приказчик[6]. Купец нагрузил корабль дорогими товарами, дал

---

[1] *Далее*: [после]
[2] *Далее*: [на́земь]
[3] *Далее*: сам[ой поздний вечер]
[4] *Далее*: [муж<ем>]
[5] *Далее*: [муж]
[6] *Было*: [сын]

приказчику[1] много золота и серебра и отправил торговать в иные[2] города. Вот приказчик[3] приплыл в чужестранное государство в столичной город. Зашел в трактир пообедать и услыхал, что в этом городе была у генерала жена — такая красавица, каких во всем свете мало родится, и задумал, как бы ее увидать. Только генерал держал свою жену взаперти, никуда не выпускал и к себе никого не принимал: на такую[4] красавицу кто не позарится! Приказчик[5] насыпал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом.

— Что тебе надобно? — спрашивает слуга.

— Хочу[6] генералу поклониться.

Слуга доложил генералу, а он был куда на деньги падок!

— Коли с деньгами пришел, так пусти его!

Приказчик[7] вошел в комнату, блюдо с серебром и золотом на стол поставил. Спрашивает генерал:

— Какая у тебя нужда?

— Ах, ваше превосходительство! Во всех городах только и молвы, что про красоту вашей жены. Нельзя ли посмотреть ее?

Генерал подумал-подумал и согласился: «Не уебет же он ее взглядом!» — тотчас подошел к дверям и крикнул:

— Эй, жена! Подай нам водки!

Генеральша вынесла на подносе графин с водкою и две рюмки, поставила перед мужем и ушла в свою комнату. Приказчик[8], как увидел такую красавицу, тотчас и влюбился в нее, чуть с ума не сходит!

На другой день насыпал он другое блюдо серебра и золота и опять понес к генералу;[9] поклонился ему, поставил блюдо на стол и говорит:

---

[1] *Было*: [сыну]
[2] *Было*: [чужестранные]
[3] *Было*: [купеческой сын]
[4] *Далее*: [уж]
[5] *Было*: [Купеческой сын]
[6] *Начато*: [Надо]
[7] *Было*: [Купеческой сын]
[8] *Было*: [Купеческой сын]
[9] *Далее*: [хочет]

— Позвольте, ваше превосходительство, еще разок взглянуть на вашу супругу.

— Эй, жена! Подай нам водки! — закричал генерал.

Приказчик[1] увидал ее в другой раз и еще больше прельстился. С того времени почал каждый день ходить к генералу; все[2] деньги, товары и самой корабль — все спустил и сделался чист молодец. Сидит в трактире[3] и не знает, что ему делать. В это время прибыл в тот город какой-то[4] купеческой сын[5] с 3-мя кораблями, зашел в трактир и заказал себе хороший обед. Подали ему водки и разных кушаньев; только было принялся он есть, вдруг подходит к нему оборванной и общипанной приказчик[6], не спросясь выпил водки и стал закусывать; закусил и не думает за чужую хлеб-соль благодарствовать.

— Это что за[7] кабацкая теребень, вишь, какой обдерганной, — говорит купеческой сын.

Отвечает ему теребень:

— Коли узнаешь, так и сам таков будешь!

Взяло[8] купеческого сына любопытство, стал к нему приставать:

— Расскажи, пожалуйста!

Тот ему рассказал.

— Вот, — говорит, — теперь и остался ни при чем — хожу обдерганной!

Захотелось и купеческому сыну посмотреть на генеральшу.

— Слушайся меня! — сказал ему теребень. — Мы сыграем с генералом такую шуточку, что долго не забудет. Рядом с генеральской квартирой отдается в найм другая; найми ее и сделай тайной ход к нему в спальню.

---

[1] *Было*: [Купеческой сын]

[2] *Далее*: [свои]

[3] *Было надписано*: [обедает]

[4] *Было*: [другой]

[5] *Было*: купе[ц, ческой сын]

[6] *Было*: [купеческой сын, не сп...]

[7] *Далее*: [не в... <*нрзб*>, [оборвышь], — говорит купец. Отвечает ему] купеческой сын:
— Коли узнаешь, [так и] сам так[им] будешь!

[8] *Далее*: куп[ца] любопытство

Купеч<еской> сын так и сделал. Вот генерал уехал в свое время к государю с докладом, а жену в спальне запер. Купеческий сын[1] напустил смелость и тотчас тайным ходом к его жене. Генеральша увидела, что больно хорош собою, и[2] дала ему поеть разок, и другой, и третий. А после и говорит:

— Ах, купеч<еской> сын, освободи меня от мужа. Мне эта каторжная жизнь наскучила.

— Хорошо, — говорит, — можно.

Взял у нее мужнину трость и поехал на площадь, где государь развод делал. Ходит да тросточкой помахивает; генерал увидел свою трость, подскочил к нему:

— Это трость моя!

— Помилуйте, ваше пр<евосходительств>о, что вы на честнаго человека клеплете; я на вас пойду в суд с жалобой.

Генерал сел в дрожки и поспешил домой; а купеч<еской> сын еще[3] скорей его приехал домой и через тайной ход отдал трость генеральше. Генерал отпер жену и спрашивает:

— Где моя трость?

— А вон в углу стоит.

— Ах, ведь я понапрасну поклепал купеческаго сына!

На другой день купеч<еской> сын взял у генеральши кольцо; генерал опять пристал к нему и[4] точно[5] так же должен был признаться, что напрасно его поклепал.

На третий день просит купеческой сын генерала:

— Посватайте за меня невесту — рядом с вашей квартирой живет.

Генерал рад ему услужить, чтобы только на него за напрасные поклепы не жаловался. Собрался и пошел в соседнюю квартиру. А там уж все готово, сидит какая-то старуха. Генерал посватал купеч<еского> сына за ее дочь. Старуха говорит:

— Хорошо, я согласна; надо у дочери спросить.

Зовет дочь — выходит к ней генеральша и сказывает:

— Я, маменька, согласна!

---

[1] *Далее*: [сейчас]
[2] *Далее*: [стала прос<ить>]
[3] *Далее*: [быстр<ей>]
[4] *Далее*: [что также]
[5] *Далее*: [<*нрзб*>]

Генерал глаза вылупил: «Точь-в-точь моя жена!» Да побоялся в третий раз вклепаться. Вернулся домой — жена его дома.

«Ну, — думает, — хорошо, что остерегся!»

Наутро обвенчался купечес<кой> сын на генеральше; сам генерал их посватал и от венца домой проводил да спать уложил. После того приходит к себе домой, хватился — жены-то нет. Туда-сюда —нет, да и только. И куда делась — никто не знает. Утром бросился к купеч<ескому> сыну.

— У меня, — говорит, — жена пропала!

— Да ведь вы, ваше пр<евосходительств>о, выдали ее за меня замуж!

Генерал рассердился, поскакал к царю; царь разобрал это дело, посмеялся и сказал:

— Ну, брат, ты сам ее отдал, так пенять не на кого, оставайся-ка[1] без жены!

137

ПОП С ПОПАДЬЕЙ В БАНЕ

Вздумали поп с попадьей[2] попариться, истопили баню (а дело было зимою) и пошли мыться, а чтоб вор в избу не забрался, попросили присмотреть[3] за своим добром церковного сторожа. Пришли поп и попадья в баню, разделись и вымылись; попадья полезла на полок париться; выпарилась, сошла наземь и пошла в передбанник прохладиться немного; а поп тем временем на полок взобрался. В передбаннике лежал большой камень, села на него попадья, только камень-то был холодной, а[4] у ней жопа-то сыра и мокротна[5] —то матушка попадья вскоре обледенела, волоса на пизде примерзли к камню, сидит и не двинется. Поп выпарился и кричит:

— Матка! Где же[6] ты?

---

[1] *Далее*: [себе]
[2] *Далее*: [исто<пить>]
[3] *Далее*: [за св... до... в]
[4] *Далее*: [попадья]
[5] *Далее*: — то [вскоре]
[6] *Далее*: [там]

А она в ответ:

— Да вот здесь сижу!

— Полно, иди скорей!

— Да что, батька, стыдно сказать а грех утаить: ведь я на камнях-то совсем примерзла.

Поп осердился:

— Эх, куда тебя леший[1] угораздил сесть!

Вышел в передбанник, стал перед попадьей на колени, нагнул к ней голову промеж коленок и начал отдувать примерзлые[2] волосы; отдувал-отдувал, да куда: ее-то не отдул, а сам в беду попал.

Борода у попа была большущая да сырая и тоже примерзла к холодному камню; начал было тянуться — куда, так больно, что́[3] и сказать нельзя; да, пожалуй, и всю бороду на камне оставишь. Жаль попу бороды, закричал[4] во все горло:

— Эй, сторож! Беги скорей в баню! Помоги![5] Помоги!

Сторож услыхал, подумал, что баня горит, бросился на колокольню и давай в набат бить. Со всей деревни набежали мужики.

— Где пожар? — спрашивают у сторожа.

— Попова баня горит!

Прибежали в баню и видят: стоит голой поп на коленях и[6] прямо в пизду попадью целует. Принялись мужики их растаскивать и таки растащили; только поп без бороды остался, а матушка без *матерних* волос.

138

ФУ!

В некоем городе был чеботарь Сергушка, а прозвище ему Пьянчушка. Жил он хорошо и весело. Раз сшил пару

---

[1] *Далее*: [усадил]
[2] *Далее*: [волоса на пизде]
[3] *Далее*: [и тронуться]
[4] *Далее*: [благим]
[5] *Далее*: [нам!]
[6] *Далее*: [целует] попадью [прямо]

сапогов, получил за них пять рублев и пошел в кабак гулять с приятелями. Прогулял все деньги, а назавтрие ему, бедному, не на что стало опохмелиться. Что делать? Раздобыл где-то бутылку от хорошаго вина, наклал в нее говна, налил воды, взболтал все как следует, закупорил пробкою и залил смолою; вышел на рынок и стал кричать во все горло:

— Новое варенье, чудное варенье — под названьем: «*Фу!*». Не угодно ли кому?

На ту пору ехал богатой помещик, услыхал те слова и спросил чеботаря:

— А дорого ли просишь?

— Да всего рубль серебра!

Помещик дал ему целковой, взял бутылку и поехал домой, а Сергушка прямо в кабак отправился. Приехав домой, помещик вошел в комнаты и поставил бутылку на стол. Барыня увидала и спрашивает:

— Что вы, душенька, привезли?

— А это новое варенье, славное изобретéнье — под названьем «*Фу!*».

— Вот это мило, что ты купил.

Тут подали самовар; барин захотел попробовать то варенье с чаем, раскупорил бутылку, понюхал — и ухватился за́ нос рукою; так ему вонью-то в нос шибнуло! Бегает по комнате и[1] кричит:

— Фу! Черт возьми, фу![2]

И барыня вздумала попробовать, понюхала — и тут же зажала нос и давай[3] отплевываться да приговаривать:

— Фу! Фу!

139
ВОЛШЕБНАЯ ТАБЛИЧКА

Жил-был и по городам ходил вольный человек — чеботарь, звали его Дмитрием, величали Терентьевичем, а писался он Запивалкиным, потому что попивал вино

[1] *Далее*: [только]
[2] *Далее*: [Барыня думает]
[3] *Далее*: [тоже]

хлёско. Сначала много бар и купцов заказывали ему работу, а как стал он проматывать забранной товар в кабаках, то не стали давать ему не то что шить нового, но даже и починивать старого. Прожил он последния деньги, стал поутру — шибко его ломало, больно хотелось[1] опохмелиться, да не на что, и пошел он в соседний город поискать счастия.

Идучи дорогою, сам с собой думает: «Эх, хоть бы леший взял меня за добрую плату!»

Не успел отойти двух шагов, а навстречу ему незнакомой человек:

— Постой, доброй человек! Куда идешь?

— В город работы искать.

— А что ты сейчас про лешаго думал?

Чеботарь удивился, что его думки все ведомы, и признался встречному; а то был сам леший.

— Ну что ж, продай мне свою душу! И тебе дам неистощимой кошелек, который станет тебе давать денег сколько и когда угодно; только тряхни — так и посыплются. Да еще дам тебе волшебную табличку: коли вздумаешь жениться на какой девке, то поднеси эту табличку ей к заду и спроси: честна ли она? Всю тебе[2] подноготную сама тотчас объявит!

Чеботарь согласился, дал лешому расписку своею кровью; взял от него кошелек да табличку и отправился в город. Здесь он остановился на квартире у мещанина Ярышкина;[3] жил у него целых пять месяцов и завсегда гулял и кутил: денег-то много!

А у Ярышкина было три дочери-девки, и захотелось ему женить на какой-нибудь из них богатого Митьку Запивалкина.

— Что ты, — говорит, — не женишься? Вот у меня три дочери — хошь, выбирай любую.

— Хорошо, я не прочь; только наперед надо испытать их.

— А как пытать будешь?

— Да позволь со всеми тремя по очереди три ночи на одной постеле выспаться.

---

[1] *Было*: хо[чется]

[2] *Далее*: [тотчас сама]

[3] *Далее*: [и]

— Изволь, но ты чего худого не сделай!

— Не бойся!

Вот на первую ночь положили чеботаря спать с<о> старшею дочерью — она тому и рада! Только видит, что чеботарь и не думает к ней под хвост заглядывать; пождала, пождала и уснула.

Тогда он взял в руки волшебную табличку, поднес к ее заднице и спрашивает:

— Катерина! Катерина!

Она отзывается:

— Ась?

— Честна ты али нет?

— Нет, не честна!

— А со сколькими[1] грешила?

— С двадцатью пятью[2] из крестьянского и мещанского звания.

Чеботарь плюнул и ушел от нее. На другую ночь то же сделал с<о> середнею дочерью.

— Марина! Марина!

— Ась?

— Честна ли ты?

— Нет!

— А[3] со многими ль ты грешила?

— С двадцатью пятью молодцами из купеческого звания.

На третью ночь меньшая дочь Арина объявила, что она согрешила с двадцатью пятью молодцами из духовного звания. Чеботарь отказался от невест, а хозяин[4] обиделся: спал де со всеми дочерьми, всех, чай, перепробовал, а жениться ни на одной не хочет, и подал на него жалобу городничему. Городничий призвал Запивалкина; тот рассказал ему все по совести. И захотелось городничему в том увериться, велел при себе делать испытания. Призвали трех дочерей мещанина Ярышкина, и вот, какой к заду ни[5] поднесут волшебную табличку, — живо на себя без утайки доказывает. Городни-

[1] *Было*: [с кем]

[2] *В рукописи здесь и далее*: с 25[ю]

[3] *Далее*: [с кем ты]

[4] *Далее*: [на]

[5] *Далее*: [при<ставят>]

чий и все бары[1], что при этом были, до упаду хохотали и Ярышкину в просьбе отказали.

Женился ли когда Запивалкин и попал ли в лапы лешего — про то мне не ведомо!

140
СЛУЖКА-АНДРЮШКА

Стояли два города, один от другого близко — на 25 верст расстояния. В одном городе был мужской монастырь, а в другом — женской. В мужском монастыре настоятелем был его преподобие отец Просило, а в женском игуменьей была мать Епиздимия (*Эпистимия*). И понадобилось настоятелю какое-то сведение из женской обители. Написал он письмо, призвал молодого служку-Андрюшку и начал ему говорить:

— Слушай, Андрюшка! Пойди в трапезную, возьми с собой сыру, яиц и хлеба и отправляйся в Лысвенской женской монастырь к ея преподобию, к матери Епиздимии, отдай ей это письмо и дождись там ответа. Прийдешь ты туда к вечеру, ночуешь там, а завтра пораньше воротись назад. Да слушай ты, Андрюшка! Коли будет она поить тебя вином — отнюдь не моги пить! А то строго с тебя взыщу!

— Слушаю, ваше преподобие!

— А коли станет тебя скоромным потчевать — отнюдь не ешь! А будет тебя звать к себе в келью ночь ночевать — ни за что не ходи; станет тебя на мягкую постель с собою класть — не моги ложиться, лучше уйди в трапез<н>у! Сними с себя одежу, постели да там и ночуй. И как бы мать Епиздимия к тебе ни ласкалась, ты не поддавайся, а крепись и удаляйся от зла.

— Слушаю, ваше преподобие! — сказал Андрюшка и отправился в город Лысву. Пришел в женской монастырь и просил привратницу доложить об себе матери игуменье. Тотчас привели его к ея преподобию. Она взяла письмо и спросила служку:

— Как тебя зовут, миленькой?

— Служка Андрюшка, ваше преподобие!

---

[1] *Было*: [люди]

Вынесла она графин водки, поставила на стол разные закуски и жареную телятину и начала просить посланного выпить[1] и закусить с дороги. Он откланивался:

— Ваше преподобие, мне отец Просило строго заказал не пить вина.

— Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься; это не вино, а водка: делается из божьяго хлеба, греха в ней нету!

Андрюшка подумал, что и впрямь настоятель не велел пить вина, а о водке не сказал ни слова, взялся за графин, налил стакан и выпил. Игуменья просит его закусить. Он опять отказывается:

— Ваше преподобие! Отец Просило строго воспретил мне вкушать скоромное.

— Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься! Это не скоромное, а жареное — из невиннаго тельца изготовлено.

Андрюшка вспомнил, что его преподобие не велел ему есть скоромного, а про жареное ничего не сказывал, и начал уписывать телятину.

Игуменья стала просить служку переночевать с собою.

— Ваше преподобие! — отвечал он ей. — Отец Просило не велел мне в вашей келье спать!

А она ему в ответ:

— Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься! Это вовсе не келья, а спальня:[2] греха в ней нет!

Андрюшка подумал: «Настоятель-де запретил мне в келье спать, а про спальню ничего не говорил».

Тотчас же начал раздеваться и подле печки укладываться.

— Что ты делаешь? — спрашивает игуменья. — Ложись вот здесь, на[3] моей кровати!

— Ваше преподобие! Отец Просило не велел мне на мягкой постели спать.

— Ошибаешься, молодой юноша! Это не мягкая постель, это пуховик, и греха в нем нету!

Андрюшка опять подумал, что его преподобие не велел мне на мягкой постеле спать, а про пуховик ничего не сказывал. Снял портки, перекрестился и на пуховик опус-

---

[1] *Далее*: [с дороги]
[2] *Далее*: [и]
[3] *Далее*: [мягкой]

тился. Ея преподобие мать Епиздимия сама его[1] укладала, одеялом одевала, занавесами укрывала; и больно уж ей не терпелось, спать с добрым молодцем дюже хотелось: скорехонько она раздевалась, монашеско платье снимала, в одной рубахе к постеле подходила, Андрюшку будила:

— Молодой юноша! Дай и мне местечко.

Он пробудился:

— Ах, ваше преподобие! Отец Просило мне строго воспретил с вами[2] ласкаться.

— Ошибаешься, молодой юноша;[3] я вовсе не мать Епиздимия, а простая монашка[4] Сиклития.

Андрюшка подумал, что настоятель не велел мне заводить ласки с игуменьей, а о простой монашке[5] ни слова не молвил, и подвинулся к сторонке. Легли они вместе; говорили-говорили да грех и сотворили. Целую ночь тем и пробавлялись, и как к заутренней звонили — они все еще грех творили. Начало светать, надо было вставать. Мать Епиздимия облеклась в свое черное платье, принесла закусок и водочки, угостила его, упоила его, дала ему 25 рублев награждения и домой отпустила, а на прощанье просила:

— Приходи к нам почаще, и нам и тебе будет слаще!

Воротился к настоятелю Андрюшка и на допросы его рассказал все, как было. Его преподобие осердился, начал всячески ругаться:

— Тьфу ты, дурак! Тьфу ты, каналья! Беззаконник эдакой! Так ты вместе с нею спал? Да ведаешь ли ты, что в то самое время, как ты с нею грех творил, тогда на три аршина под вами земля горела?

— Правда истинная, ваше преподобие! — отвечал Андрюшка. — Должно быть, жарко[6] земля горела, она ведь в то время подо мной сильно жопой вертела!

— Тьфу ты, беззаконник! Вон из моего монастыря! Чтоб и духу твоего здесь не было!

Андрюшка того и дожидался; поскорей[7] из монастыря

---

[1] *Далее*: [уку<тала>]
[2] *Далее*: [обращаться]
[3] *Далее*: [ведь] я не мать [игуменья есть]
[4] *Далее*: [Секелития (] Сиклития[)]
[5] *Было*: монаш[ен]ке
[6] *Было*: [шибко]
[7] *Далее*: [оттонь]

убирался, извозчика нанимал, в город Лысву уезжал и прямо в келью к ея преподобию явился. Мать Епиздимия его увидала, с радостию принимала, в уста целовала, к сердцу прижимала; нарядила его[1] монашкою, назвала своею келейной служанкою и оставила жить при себе, и было ему житье хорошее: как сыр в масле катайся!

141
ИВАН ЛЫКОВ

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был человек иностранный, по прозванию Иван Лыков; соскучился Иван Лыков на одном месте сиднем сидеть, и пустился он в путь-дороженьку по речке Еблюшке. Гребнет-ебнет — сто верст уйдет; подгребает, подъебает — пять маленьких уезжает. Приезжает Иван Лыков в некое царство, в некое государство, видит, красные девушки белье полощут.

— Бел хуй вам под валёк, красныя девицы!

— Черна́ пизда тебе на́ хуй, доброй мо́лодец! Кто ты таков?

— Я человек иностранный, зовут меня Иван Лыков, хуй лысый, под мудями горностай, посреди хуя кукушка, на плеши соловей. Мой хуй яровит, в трех местах золотом перевит, на́ гору идет — не задыхается, по́д гору идет — не спотыкается, кою раз поебет, у той три года в пизде сласть живет!

И молвит ему одна красна девица:

— Поеби, — говорит, — меня, Иван Лыков!

— Мой хуй даром не ебет — позолота линяет.

Она дает ему скатерть-самобранку.

В другом царстве за то же девица дает самовар, из к<оторо>го льются всякие вины.

В третьм царстве третья девица дает ему ковер-самолёт. Потом приезжает он в женское царство, где царит царь-девица, а мужчины все в остроге сидят. Туда посадили и[2] Ивана Лыкова. Острожные чуть с голоду не умирают. Он стал их угощать с помощию скатерти-

[1] *Далее*: [в]
[2] *Далее*: [его]

самобранки. Узнала царь-девица и просит у него скатерть.

— Не продажная! Дай с тобой часочек полежать и за одну титечку подержать!

За самовар потребовал с нее:

— Дай два часочка с тобой полежать и за обе титечки подержать.

Потом велел он острожным держаться <за> ковер и летал с ними. За этот ковер он потребовал, чтоб царь-девица легла, заголясь, на ковре, а его на ремнях над нею держать. Тут скомандовал он ковру подняться к себе и употребляет царь-девицу.

142
ПОП-ПЕРДУН

Начинается сказка[1]-побаска от бабьяго пéперду, от молодецкаго посвисту.

Жил-был старик со старухой. Старуху звали Устюша. Пришла она к попу исповедаться, рассказала свои грехи. Поп хотел было отпускать ее, а старуха и говорит:

— Еще, батюшка, есть один грех.

— Какой? — говорит.

— Сказала бы, да совестно.

— Ничего, сказывай.

— Да что, батька, вошла я однова в церковь да бзднула.

— Ну это ничего; я и сам иной раз не утерплю, не то что бздну, а и вовсе пердну в ризе[2].

Пообещала старуха[3] дать попу за исповедь индюшку; только день и 2 и 3 проходит, она и не думает несть. Вот в воскресный день у обедни вышел поп с кадилом, стал кадить на старуху, а сам припевает:

— Устюшка, Устюшка-бздюшка! За тобой моя индюшка!

А старуха в ответ:

— Ктой-то кадит? Чай, тот, что в ризе пердит!

---

[1] *Далее*: [от]
[2] *Далее*: [руке]
[3] *Было*: [баба]

[ОТРЫВКИ]

143
К СКАЗКЕ «ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ»

Елена Премудрая слетала на зеленой луг, воротилась и начала раздеваться. Птичка малиновка смотрит на ее тело белое, на ее груди полные и вся дрожит. Разделась королевна, легла на постель и уснула. Малиновка ударилась о клетку, обернулась мухою, вылетела на волю, ударилась о пол и сделалась добрым мóлодцем. Подошел доброй молодец к королевниной постели, долго смотрел на ее красоту несказанную, напустил на себя смелость:

— Дай-ка я положу[1] хоть руку на ее фарью (*пизду*); коли[2] не услышит, можно будет к ней пристроиться да махнуть разок!

Только приложил руку к пизде — королевна[3] зашевелилась. Солдат поскорей обернулся мухою да в клетку, а из мухи сделался опять птичкою.

— Ах, мать ее так! Как чутко спит!

Королевна проснулась[4], посмотрела кругом — нет никого.

— Видно, во сне мне привиделось! — повернулась на другой бок и заснула.

А солдату не терпится... (и в другой, и в третий раз то же)...

---

[1] *Далее*: [положу]
[2] *Было*: [авось]
[3] *Далее*: [проснулась]
[4] *Далее*: [<*нрзб*>, думает, видно, во <сне>]

144

(ОТРЫВОК)

Входит в избушку на курьих ножках, видит: на печи лежит старик прематёрой, бороду постлал, в голóвы насрал, триста 33 раза хуем вокруг избушки обвернул да плешь на печи́ сушит.

145

ОКОНЧАНИЕ[1] НЕКОТОРЫХ СКАЗОК

...И женился[2] Иван[3]-царевич на той королевне. Свадьба была знатная, веселая; для простого народа на три дня были кабаки отперты, и харчевни открыты, и распрекрасные бордели отворены, и все безданно, беспошлинно! Там-то[4] добрые молодцы гуляли, куролесили, чашки с ложками на хуи повесили. Из чаши в чашу два хуя́ пляшут, третий с похмелья головой качает[5]. И я там был, мед-вино пил да закусить попросил; дали мне блин, что в помойной яме 3 года гнил, а не хошь — возьми калачи да в пизде помочи! Я блин взял да и побежал, а навстречу мне поп — толоконной лоб; поп-то[6] был смел, вырвал блин да съел. Не удалось мне и свадьбишного покушать!

146

Конец присказки, начинающейся словами: «Как на реке на Муе <?> в селе Низовка»:

Старик с старуху ярыг по брюху;
Старуха вздыхает, старика не оставляет,
На сее (себя) подымает; брюхом трет,
В середку прет, лишь за сердце берет.

---

[1] *Начато*: [Обычное]
[2] *Далее*: [доброй мóлодец на царевне]
[3] *Начато*: [Королевич]
[4] *Далее:* [мы]
[5] *Далее:* [Там и я б<ыл>]
[6] *Было:* [он]

147
НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ[1]

а

Приходит на тот свет католик и стучится в рай:
— Св<ятой> Петр! Отвори.
Апостол говорит ему:
— Подожди!
Приходит лютор, стучится в рай:
— Св<ятой> Петр! Отвори.
Апостол говорит:
— Подожди!
Приходит русский, громко зачал стучать в райские двери:
— Св<ятой> Петр! Отвори.
Апостол и ему говорит:
— Подожди!
Вот все трое и сели около рая. Слово за слово, и заспорили о том, чья вера лучше. Спорили-спорили, никто не уступает; дошло дело чуть не до драки. Апостол Петр отворил немножко райские двери, и они услыхали такую чудную музыку, что все заплакали и стали обниматься, целоваться. Апостол после этого отворил двери и говорит:
— Ну, теперь войдите в рай, все вы достойны рая!

б

Один барин любил зазывать к себе прохожих солдат; бывало, зазовет и давай расспрашивать о том, о сем, а потом спросит:
— Чай[2], служивой, ты ничего не боишься?
— А разве можно солдату бояться?
Тут барин хлопнет у него ладонями перед самыми глазами и, как только моргнет солдат — тотчас его по уху.

---

[1] *Было*: Народны[й] анекдот
[2] *Было*: Ч[то]

— Ах ты, такой-сякой мошенник! Еще говоришь, что ничего не боишься!

Вот раз сделал он эдак с одним солдатом, а тот не будь прост, да в другой раз зашел к барину.

— Что, служивой, чай, ты ничего не боишься?

— А разве можно солдату бояться?

Барин хлоп у него перед глазами ладонями, а солдат как заушит его в рыло, да в другой, да в третий.

— Ну, брат, — говорит барин, — впервой встречаю такого бесстрашнаго!

И оченно его полюбил, сладко накормил, а еще слаще напоил.

в

Зашел как-то немец в русскую церковь. Стал дьякон читать Евангелие:

— *Салафиилъ же роди Зоровавеля...*

Немец плюнул и говорит:

— Фу, какой вздор! Маленька птишка солофель родила большую птису журавéля!*

* (В Твер<ской> губ<ернии>).

[ТЕКСТЫ УКРАИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ]

148

ОДЕЖА

Бу<ло таке>, подорожній чоловік прийшов до одного села й попросився на ніч до одної хазяйки, бо хазяїна не було вдома. <Уклався> він на лаві спати, аж приходить хазяїн з панщини й питає жінку:

— А хто то, — каже, — лежить на лаві?

Вона відповідає:

— А то, — каже, — подорожній чоловік, нехай там собі, — каже, — спить.

Але хазяїн повечеряв, виліз на піч, перднув та й каже до подорожнього:

— На́ собі, постели!

Другий раз перднув:

— На́ під голову!

Третій раз перднув:

— На́, накрийся!

Подорожній на те не відізвався, потому переночував; устав досвіту, потих<еньку> пішов й коло порога зробив інтерес, після <каже>:

— Бувайте здорові, я вашу одіжку положив за діжку!

Та й собі пішов. Встає хазяїн рано, глянув і подумав:

— Віддав же мені честь за честь! Але, — каже, — нічого!

Пішов до корчми, приходить, застає кілька господарів й соцького й каже:

— До кого теє належить, як то лежить одіж у господаря?

А соцький відзивається:

— До двору теє належить!

Хазяїн каже:

— Ходи ж, візьми й занеси до двору!

Приходить хазяїн із соцьким додому, показує соцькому й каже:

— Бери й неси!

Соцький від<мовляється>, не хоче брати, а хазяїн каже:

— Мусиш.

Почали споритися і прийшло до того, що соцький мусив забрати в полу й винести на двір.

149
ЖВАВИЙ[1] ШЕВЧИК

В одного шевця та вчився парубок. По трьох роках відправляє його господар додому й дає йому товару на кілька пар чобіт і черевиків. Мій шевчик й пішов, але, йдучи дорогою, сів собі спочивати, зробив пару черевиків, узяв на паличку та йде. Випало йому йти понад двором; <визирнула> панна, уподобала черевики, <на>казала його затримати й питається його:

— Що ти хочеш?

Він відказує:

— Щоби мені панна раз дала.

Тая учинила шевцеві задосить і дістала від нього черевики. Але, як він виходив, наказала йому, жеби він, як здибає старого пана, то ж не казав би йому, де він був і що йому <робив>.

Вийшов шевчик із двору, <тоді> здибався з паном у лісі.

Пан питає:

— Звідки?

Той відказує:

— Я подорожній!

— Чи не знаеш ти якого зілля? (А той пан був шолудивий.)

Шевчик каже:

— Знаю!

---

[1] *В рукописи*: Жвавый

Пішов по лісу, назбирав зілля, узяв панову шапку, зробив свій інтерес у шапку, прикрив зіллям і наказав панові, жеби шапки не знімав цілу добу, а як прийде додому, жеби казав: «Знаю, усе знаю!»

Пан приїхав додому, входить <у> покої <та примовляє>:

— Знаю, усе знаю!

Панна здогадалася й відкрила батькові, а пан розгнівався, скинув шапку, та як <жбурне> на підлогу, аж по всій підлозі розскочило<ся>.

Ось так шевчик ошукав і панну, й старого пана.

150

КУДИ[1] ДОРОГА?

Бо то єден пан їхав через незнакоме село, і в'їхав в єдне село, дуже велике. А то робилося в жнива, не було нікого в селі, іно діти бавилися собі на дорозі.

Ще той пан ввизнався в селі — єсть на всі сторони дороги, тай сам не знає, котрою дорогою він міг би виїхати, <отож запитує> тих дітей:

— Скажіть, діти, куди би мені виїхати з того села на шлях? — І дав їм <трохи> грошей.

А був у тім селі мужик, називався Дупа (*жопа*), і коло нього була зроблена дорога на шлях нова, бо розкопали дзюру через рів. Тай ті діти <одказують> йому:

— От туди нехай пан їдуть. Коло Дупи в дзюру!

А той пан не знав, що се так чоловік називався, думав собі, що се діти з нього сміються і хотів їх бити. Тай тії діти поховалися від нього, а той пан вседень блудив по тім селі, <аж доки> виїхав на свою дорогу.

151

СВ<ЯТИЙ> КАЗИМИР

Була то собі законниця, й вона любилася з маляром, так що другі законниці не знали, и доти до неї той маляр

[1] *В рукописи*: Куда

ходив, доки їй не зробив надії. <За деякий> час і законниці пізнають, що вона при надії, і найстарша повідає, що треба дати їй різками. <Другі>[1] панни <повідомили> їй, що казала ім найстарша панна, що, каже, дати різками тобі и сказали, якого дня. Так вона ся журить і не знає, що має робити. Але дібрала вона такого способу, що зійшлася із своїм коханком, повідує йому про своє нещастя. А той маляр <каже>:

— Не журися! Вони тебе не будуть бити, іно послухай мене! Вони ще тебе кожна поцілує в задок!

Казав се, її положив і відмалював на задку св. Казимира і наказав їй зараз сідати, щоб добре засохло, щоб не стерлося, і вона так зробила.

Прийшов той день, <коли> се мало бути, наробили різок, приходять до неї. Казали се їй положит<ся>; положилася вона, задрали манатки — дивляться, а там св. Казимир! Той вони кожна поцілували її в задок і <примовляють>:

— Вже <ж> ми тебе не будемо бити, бо хоць ти так зробила, але видно, що ти счастливица у Бога, як ми! Тепер як хочеш, хоць будь у кляшторі, хоць де сама хочеш!

Тай вона пішла з кляштору і вийшла за того маляра.

152
СВ<ЯТИЙ> МИХАЙЛО

Була собі панна, мала тітку і вчилася в кляшторі <якийсь> час, а потім, як вона підросла, то їй тітка <на>казала поступати в закон до кляштору. І як вона се висвятила й побула <трохи> час в кляшторі, набрала духа святого й полюбила Богу вірно служити. А була ще дуже молода й ладна: <один> пан побачив її, і дуже вона йому сподобалася, але він не може жодним способом <з нею перемовитись>, бо все ходить із законницями. Прийде ніч, то вона має свою станцію аж на другому <поверсі> (*этаже*). Але добирає він собі способу, робить собі крила

[1] *В рукописи:* Де тей

золоті й велику драбину, накупив собі п'яних добрих присмаків. <Якось> уночі чіпляє він золоті крила, підставляє драбину до вікна й лізе до неї. Виліз до вікна, дивиться — свічка горить, а вона кленчить и молиться Богу. Так він <звертається> до неї:

— Набожна душе! Відчини вікно мені!

А вона повідає до нього:

— Покусо світовий! Піди <геть> від мене, — бо думала, що злий дух прийшов її <спо>кусити на гріх, а не дивиться до вікна, хто там сидить коло вікна.

А він повідає до неї:

— Я не жодна спокуса, іно св<ятий> Михайло, зіслан від Бога, бо ти того годна у Бога, <жеби> я тебе навідав!

Вона подивилася у вікно, правда, що ангел! Зітхнула до Бога; встає, відчиняє йому вікно. Входить він до покою, сідає коло неї. Вона ся настрашила, ніц йому не каже, а він видчепив крила, дав їй різних бокалів. Де вона ся до нього осмілила, вже дещо до нього говорить. Бавиться він з нею, може, до півночі, а після чіпляє собі крила тай йде від неї. А вона ще була дурна, молода, не знала, що це такого, думала, що й <справді> вона того у Бога годна, що до неї Господь ангела засилає. А нічого нікому не казала.

Так він доти лазив, доки не налазив. Ніхто нічого не знає, пройшло, може, півроку, і об'явилася вона <вагітна>. Зачали її питати: де вона того дістала? Так вона <зі>знається, що прилітав до неї св<ятий> ангел Михайло. Так тії здогадалися, що то якийсь оглуст, та й повідають їй:

— Який же він? Може б ти його пізнала?

— Могу! Я його пізнаю в костьолі.

(Указала его в костеле, и он потом на ней женился.)

153
НОВАК В КЛЯШТОРІ

До одного кляштору вступив новак і мав пару коней, але якось <поцікавився> раз:

— Що там мої коні? — то брацішки сказали йому, що в кляшторі не можна казати «мої», а «наші», бо тут, кажуть, усе наше.

Та одного часу заболіла йому голова, він ся і скаржить перед брацішком:

— Ах, як же <в мене>наша голова болить!

Брацішок ізнов його навчає, що коли кажеш — болить голова, то кажи що «моя», а не «наша»!

Тоді пан каже:

— Сто сот (хуїв) <у> вашу маму! Як голова болить, то тільки моя, а як коні — то наші.

Казав <одразу> собі заложити, та й виїхав із кляштору.

154
ШЛЯХТИЧ В БОЛОТІ

Був собі шляхтич бідний і тим <лише тримався>, що мав пару коників, та в дорогу іздив. От одного разу поїхав він в дорогу, коли їхав через єдне село, дощ <сильний ушкварив>, болото на дорозі <зробилося>, а він мав велику вагу на возі, та й <запроторився> у велику баюру, жодним <робом> виїхати не може. Б'є худобу, просить людей підбичувати. Та люди як люди.

— Бачив, — кажуть, — що там болото, то було ж обминути, а тепер хто тобі стане в болоті <товктися!> — та йдуть від нього.

Досить того, що він так тую худобу змучив і сам <захекався — сил немає!> Нарешті, вдається до святих.

— Ах, — каже, — св<ята> Дороте! Витягни мене з того болота!

І батогом по конях:

— Вйо! Вйо! — нема нічого.

Він ізнову:

— Ах, святий Юрію! Витягни мене з тої баюри!

Коней — батогом, і як раз — і виїхав. Тоді шляхтич і <мовить>:

— От-таки що <мужик>, то <мущина>![1] А баба що кляпа, то-таки кляпа!

155

СВЯТИЙ ПАВЛО

Була[2] собі єдна вдова, яка мала дуже ладну дочку. А були оби<дві> дуже побожні й усе ходили оби<дві> до костьолу. Прийдуть до костьолу, з великою скукою помоляться Богові та йдуть додому. Але одному панові <дівка> ся дуже подобалась, та не може він з нею зійтися, бо все з матірью ходить. Добирає він способу <побачить>, позичає собі в ксьондза сукню, вбрався (а то <діялось> під час свята). Та й вичікує, коли вона вийде з костьолу. Прийшло по відправі виходять вони з костьолу й прямують додому. А він знав, якою вони пішли вуліцею, та й перестріває їх. Вони з великою покорою йому схиляються <перед ним>. Так він питає їх, хто вони <такі>? Мати повідує, що:

— Я, — каже, — вдова і не маю дітей, іно єдну дочку.

Він повідує:

— А я, — каже, — св<ятий> Павло й годне теє Богові, щоб я у вас був.

І він <мовить> їм, що: буду ввечері такого-то дня, <о> такій-то годині; бо ви годні у Бога того!

Та сам й пішов. Тії <вертають> додому з великою радістю: <аж> то св<ятий> Павло буде в них на вечері! Прийшов[3] той день, <коли> він має прийти <в вечір>, лагодяться вони до вечері, роблять вечерю дуже добру. Але <каже> дочка до матери:

— Треба ще <приготувати> паштет...

А мати <каже>:

— Добре ти кажеш!

---

[1] *В рукописи*: — От такы-що мыщызна то мещызна (мущина?)

[2] *Начато:* Бо то

[3] *Начато:* Приходять до дому.

А недалеко було від двору, пішла стара до кухаря й просить його, щоб він зробів їм паштет. Так він <згоджується>:

— Добре! — і питається: — Хто це в пані буде на вечері, що так ся лагодите?

А вона <одказує>:

— Св<ятий> Павло! — й розповідає йому, що вона йшла з костьолу з дочкою та здибалася в такім-то місці, і він казав їм, що вони варті того в Бога, щоб він був у них на вечері. А той кухар був розумний, та й <він> повідує:

— А добре, коли св<ятий> Павло буде у вас на вечері!

И питається пані:

— На яку ж годину прилагодити паштет?

Вона йому сказала, на яку годину, так він повідує:

— Добре! Коли я знаю, на яку годину, то я й сам принесу!

Тай тая пішла пані, а той кухар, зробивши паштет, бере на себе плащ, і два ключі великі й арапник під пол<ою> та йде. <Скоро> приходить під вікно, дивиться: є святий Павло, сидить за столом <так вальяжно> і тії коло нього — мати з дочкою, і вечеряють, а ті все на нього поглядають. Так той кухар всуває до покою:

— Добрий вечір!

Ті йому відповіли. Наближається до столу, ставить паштет на стіл й <звертається> до того пана:

— Ти що за єден?

А він каже:

— Св<ятий> Павло!

Кухар повідує:

— А чого ж ти ходиш по вечерях, коли ти святий!

А той повідує:

— Бо вони того годні у Бога!

<Тоді> той кухар витягає ключі та й повідує:

— А я св<ятий> Петро! Але скажи мені, <як>[1] ти виліз із неба, коли я замкнув <його>[2], і в мене ключі?

---

[1] *В рукописи:* куда

[2] *В рукописи:* небо

— Ой, я дзюрочкою виліз!

Допіру той кухар бере його за чуприну, витягує з-за столу, давай його канчуком кропити:

— А не роби дзюри в небі! А не роби дзюри в небі!

Тії дивляться, що не жарти, повтікали з-за столу до другої <світлиці>, а той так там його <відгамселив>, що вже сукня на ньому потріскалася, <та> якось вирвався та й утік.

Тоді кухар приходить до тої пані та й повідує до неї:

— І пані тому <пройдисвіту> вірять, що він ся іменує святим? То, — каже, — не святий, але <спокусник> дочки вашої. От <якби я> не прийшов, то вас до нещастя <той би «святий» довів!>[1]

Так тая пані йому подякувала, а святих більше не приймала до свого дому.

156

МЕСІЯШ

В[2] одному селі був жид-орендар, а був дуже багатий, і мав дочку Суру. А в тому ж[3] селі та був швець Михалко, якій любив дуже горілку пити й усе, бувало, ходив до того орендаря й на гонор пив. І як він уже соби нап'є на кілька рублів, і[4] орендар <нагадає йому>[5] за гроші, а той му <відкаже>:

— Ой я, пане орендарю, не маю грошей, а йдіть-но собі візьміть корову!

Та й той орендар з охотою на те пристає, бо тая корова, то може, <утричі більше> варта. А мав ся він добре, і все йому той орендар давав на гонор горілки, бо знав, що йому добре з тим, бо все він <із нього стягне. Коли> той швець уже зачав бідувати й зайняв орендареві горілки

---

[1] *В рукописи данное предложение выглядит так:* От що бым був не прыйшов, то був бы вас до несчастья прывив!

[2] *Начато:* Бо то

[3] *Далее было:* самим

[4] *Далее было:* тої

[5] *В рукописи:* его ся впимне (?)

на дев'ять-десять карбованців. Де той орендар уже йому не <схотів> давати <й мовить> до того швеця:

— Я вже тобі, Михалку, не дам більше горілки, бо-сь уже дуже багато напив, а не маєш чим платити!

Той повідує:

— Не журися, пане орендарю! Давай мені горілки, я тобі разом заплачу!

Та жид не хоче, <аби> швець ся <напивав>, виганьбив <його> та витрутив із корчми.

«Зле», — думає собі Михалко.

Але була груша коло тої корчми, дуже висока, й<рясні> гілляки були на ній, а під нею той орендар прив'язував своїх корів. Так швець виліз на тую грушку на самій вершечок і сидить. Прийшли того орендаря корови додому, він[1] пригнав іх під тую грушку, <заходився> прив'язувати, а той швець зачинає кликати:

— Берку, гей!

Жид слухає, він ізнову:

— Берку, гей!

Жид задер бороду догори, слухає, що <зверху десь> чути голос, а той знов:

— Берку, гей! Твоя, каже, Сура буде мати Месіяш!

Жид каже:

— А хто ж йому буде отець?

А він повідує:

— Михалко-швець!

Жид побіг до хати й повідує своїй жінці, що чув голос від самого Бога, із неба.

— Наша, — каже, — Суруня буде мати Месіяш! Видно, <таке щастя в неї!>

І так вони ся пишають! Дав Бог вечора, прийшов той швець до корчми, сів собі на лаві межи людьми й задумався. Але зобачив його орендар, кличе:

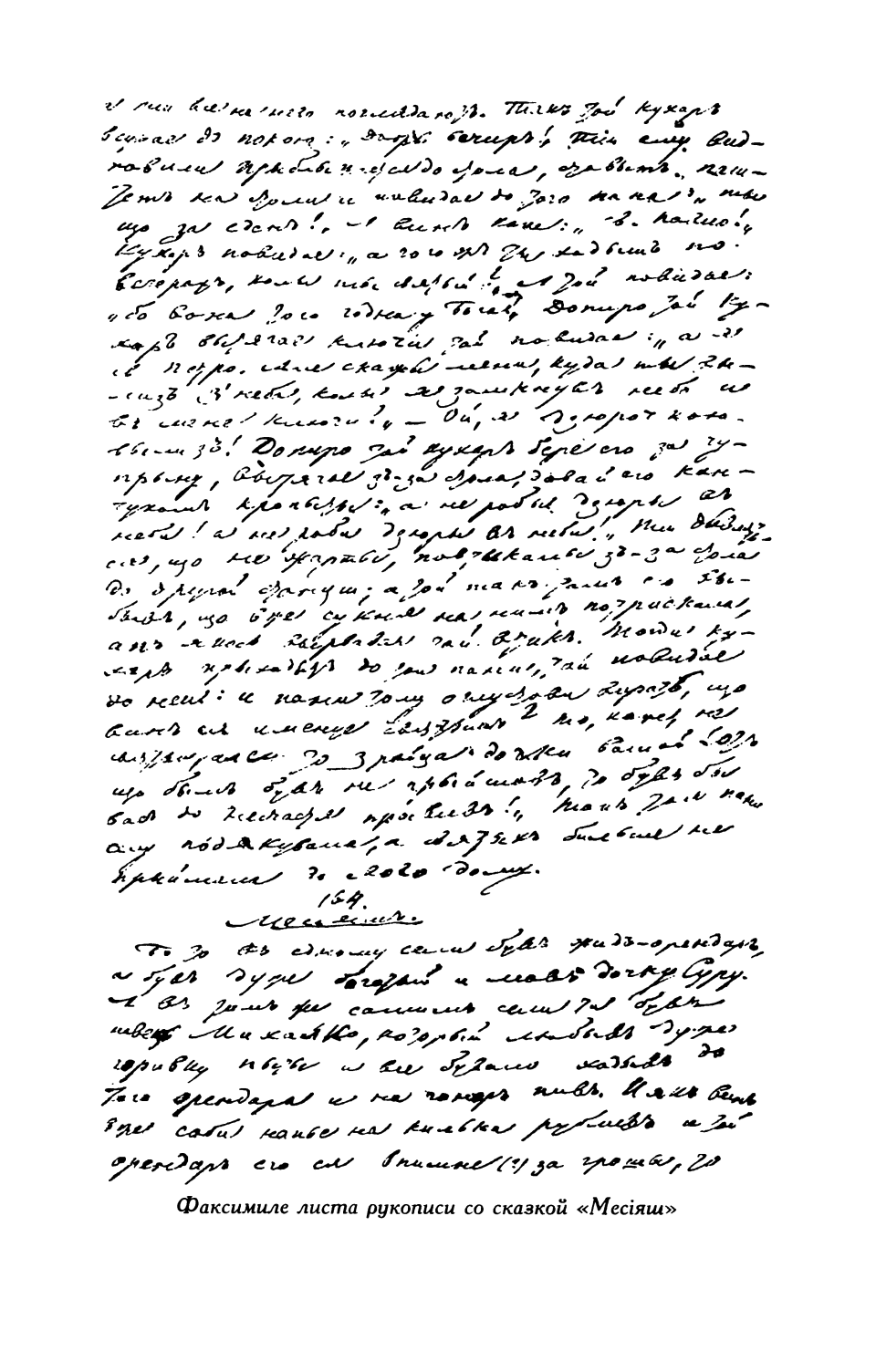
— Михалку! Чого ви там сіли? Йдіть собі до <світлиці>!

— Чого я там піду? Я собі й тут посиджу!

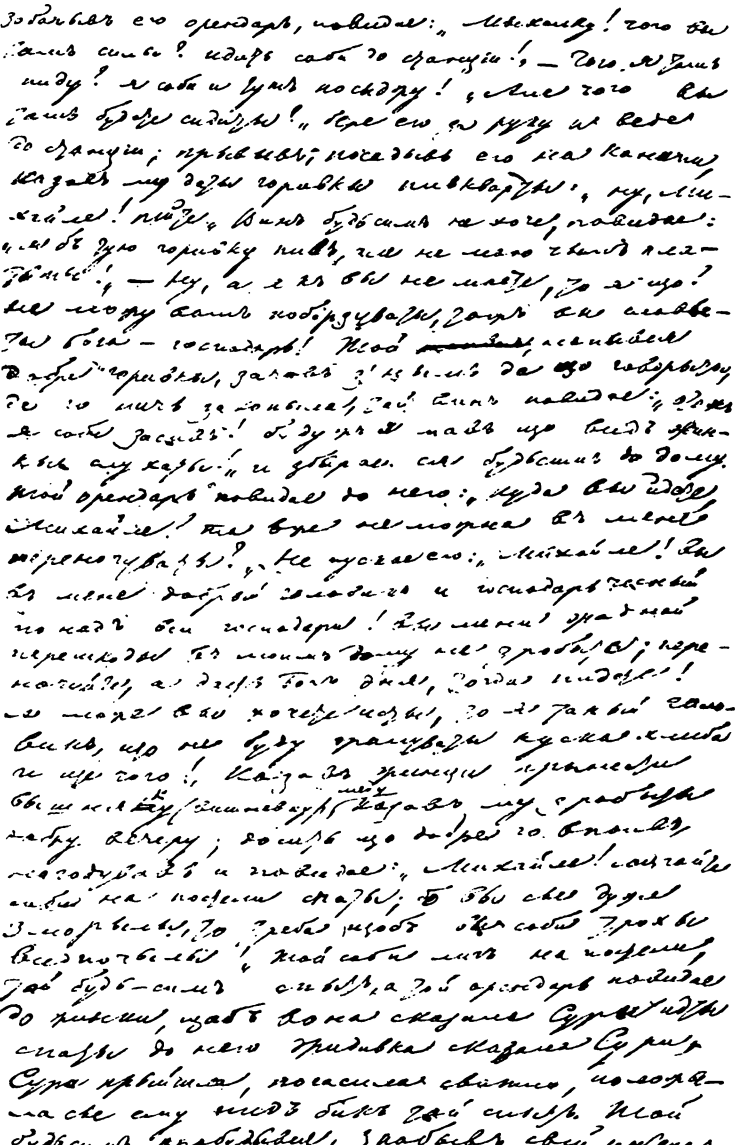
— <Та що> ви там будете сидіти?

---

[1] *Имеется в виду жид.*



Факсимиле листа рукописи со сказкой «Месіяш»



Факсимиле листа рукописи со сказкой «Месіяш»

Факсимиле листа рукописи со сказкой «Месіяш»

Бере його за руку й веде до <світлиці>, привів, посадив його на канапі, наказав му дати горілки півкварти:

— Ну, Михайле! Пийте!

<Той буцім-то> не хоче, мовить:

— Я б тую горілку пив, але не маю чим платити!

— Ну, а як ви не маєте, то я що? Не можу вам поборгувати? Тож ви, славити Бога, — господар!

Той напився добряче горілки, зачав <жид до нього щось> говорити, <а швець не слухає>:[1]

— Що ж <це> я собі засів! <Матиму>[2] від жінки <прочухана>! — і збирається буцім<-то> додому.

Тоді орендар повідує до нього:

— Куди ви йдете, Михайле! Та вже не можна в мене переночувати? — не пускає його. — Михайле! Ви в мене добрий чоловік, і господар чесний понад усі господарі! Ви мені жодної <кривди> в моїм домі не зробите; переночуйте, а дасть Бог дня, тоді підете! А може, ви їсти хочете, то я такий чоловік, що не пожалкую куска хліба, <та>й ще чогось!

Казав жінці принести вишняку (*вишневку*), меду, казав му зробити добру вечерю, досить ще добре го напóїв, нагодував <та> й повідує:

— Михайле! Лягайте собі на постіль спати, бо ви ся дуже зморили, то треба, щоб ви собі трохи відпочили!

Той собі ліг на постелі, та й <буцім-то> спить, а той орендар <наказує> жінці, щоб вона сказала Сурі йти спати до нього. Жидівка сказала Сурі; Сура прийшла, загасила світло, підклалася йому під боком — той спить. Тоді буцім пробудився, зробив свій інтерес Сурі, та й знов положився, заснув.

Дав Бог дня, устав Михайло та й пішов додому. Жінка давай його ганьбити, а він ніц не каже, іно просить Бога, щоби хутко був вечір. Повставали й жиди, питаються Сури:

— Чи робив він що?

Вона каже, що робив. І тішаться орендарі! І друг<ого> веч<ора>[3] було те ж <саме>, и на третій

---

[1] *В рукописи:* де го ничь захопыла, чай вин повидає

[2] *В рукописи:* Буду ж я мав що

[3] *В рукописи:* И на другой вечер [день]

вечір приходить Михалко до корчми. Жид просить його сідати, <на>казав дати горілки <та> їсти; він не хоче їсти, іно буцім сумно й часто зітхає[1]. Так той орендар повідує:

— Чого це ви, Михайле, такі сумні?

— <Гай-гай!> Ви мені в тім не порадите, пане Берку!

— Чому я вам не пораджу? Може б, й порадив <бись>, але скажіть, нехай я знатиму!

Так він повідує:

— Ой, я того сумую, бо й сам не знаю, де візьму стільки грошей, <аби> вас заспокоїти.

— Дурно вам, Михайле, собі голову сушити; я від вас ніц не хочу за теє, що ви горілку в мене пили, я вам теє дарую.

— Спасибі, що ви з ласки вашої мені ті гроші даруєте; тільки я ся тим журю, що корови свої пропив. Тепер мої діти ложки молока жодної не мають. Та й мене жінка гризе за теє!

— Бодай вас Господь наш <боронить>! Чого ви такі смутні? Не маєте ви з того журитися! Я не хочу, щоб ваші дітки на мене плакали. Я вам ваших корівок віддам. Пийте горілку!

— Ну, коли ви такі добрі, то буду пити!

Випив, може, з кварту. Вже випивши, <на>казали вони йому ся положити на тій самій постелі, він заснув. Жид <на>казав своїй Сурі іти до нього спати. Сура ще й з охотою пішла до нього вночі, положила ся коло нього. Він, може, за годину пробудився, мацнув — є Сура, знову він своє зробив. Прийшов ранок, повставали вони, й той Михалко-швець устав.

[2]Жидівка питає своєї дочки:

— Чи робив він сі що вночі?

Так, вона повідує, що робив. Жид каже, що вже буде з Сури, а Михайлові треба віддати його корови. <Тоді> вони його ще добре напоїли, нагодували його й віддали му

---

[1] *В рукописи:* вздыхає

[2] *В рукописи:* Да питає жидівка

корів. Швець пригнав корів додому й зарікся горілку пити, та й більше не ходив до корчми.

А того орендаря дочка зайшла <у ваготу>, так він ся нею тішить, що не дає на ню й порошинці впасти. Де зближавсь той час, що вона вже мала родити.

Той жид розписав скрізь по своїх знайомих, щоб сі вони до нього з'їжджали, бо його дочка матиме Месіяша такої-то пори, а про те я чув від самого Бога. Тії думають, що й справді щось буде, поз'їжджалися з цілого кагалу до нього, щоб побачити Месіяша. От розходилася Сура тою дитиною, де тії жиди так ся Богу молять. А вона ж народила дівчину! Жиди теє зобачили, давай того орендаря ганьбити.

— Не зумів, — кажуть, — її в руках утримати, тепер вона з тебе сміху наробила на цілий твій вік!

А той орендар з того клопоту пішов, узяв вуздечку, причепив та й заходився вішатись. Але набігає жінка, зобачила, що він ся вішає, хтіла його від<говори>ти, злапала за ноги, та як потягнула — голова ся лишила за шнурком, а тулуб упав на землю.

[ТЕКСТЫ, ПЕРЕЧЕРКНУТЫЕ В РУКОПИСИ]

157

[КОЛДУН-ЛЮБОВНИК]

[Пошел мужик на охоту, застрелил зайца, снял шкурку, разрубил пополам и велел жене зажарить. Баба зажарила, задок поставила на стол, а передок под лавку припрятала — назавтра годится. Вот, пока они ели задок, передок-то зайчий выбежал вон из избы да ну улепётывать!

— Смотри-ка, жена, — говорит мужик, — какое диво: мы с тобой задок едим, а передок из-под лавки ушел.

— Это что за диво! Ты пойди[1] лучше в эдакое-то село да спроси мужика Арефия — вот с ним было диво так диво!

После обеда пошел муж из дому искать Арефия; подходит к энтому селу и видит: пашет землю седой[2] старик.

— Бог помочь, старичок![3]

— Спасибо! Куда идешь, доброй человек?

— Так и эдак, — говорит, — ищу мужика Арефия; с ним, сказывают, диво было.

— Правда[4], доброй человек! Был я женат, баба у меня хоть и очень хороша была, только из-за меня погуливала. Вот раз как-то лежу я ночью с женой на постели, входит в избу ее любовник[5] — а был он большой колдун — и давай меня плетью стегать, а сам приговаривает: «Был ты мужик, а будь пес поганой!»

В ту ж минуту я псом и сделался. Он прогнал меня с кровати, а сам лег с моей женою и всю ночь с нею провозился. Наутро говорит колдун: «Знаешь что, Аксинья, — зачем нам пса кормить? Лучше удушить его». —«И то правда!» — говорит баба.

---

[1] *Далее:* [вот]
[2] *Было:* [старой]
[3] *Начато:* [Добр]
[4] *Было:* [Было]
[5] *Далее:* [да с]

А у меня хоть вид собачий, да ум человечий; услыхал я эти речи да потихоньку улизнул из дверей и давай Бог ноги! Пристал к одному барину и долго служил ему верою и правдою; всячески ему угождал и разные штуки выкидывал. Заставит, бывало, барин меня гостей вином угощать, а у меня хоть вид собачий, да ум человечий — стану я на задние лапы, а в передние возьму поднос с чарками и пойду гостей обносить, а сам-то им кланяюсь. Что тут смеху было! Крепко любил меня хозяин, славно кормил с своего стола и в холе держал.

Вот однова́ ехали мы с ним нашею деревнею. Захотелось мне посмотреть, как моя жена с своим полюбовником поживает, забежал я в избу. Жена стоит возле печки да блины готовит, а колдун на лавке[1] сидит да так-то их уписывает. Увидал он меня, ухватил плеть. «Ишь, — говорит, — опять проклятой пес воротился; а уж я думал — он совсем пропал!»

Да как стегнет меня плетью с таким приговором: «Был ты пес поганой, а теперь будь воробей!»

В ту ж минуту сделался я воробьем, вылетел в окно и пристал к другим воробьям. Летом в полях мы кормились, а зимой повадились летать в анбар к богатому мужику — в слуховое окно; а в анбаре много было всякого зерна заготовлено...]

[Без конца][2]

158
[ОФИЦЕРСКАЯ ОСТРОТА]

[— Ах, какия у вас белыя ручки, — сказал офицер барышне.

— Это оттого, что оне всегда в перчатках и от солнца не загорают.

— Помилуйте, сударыня! У меня хуй завсегда в штанах, голова его рубашкой окручена, а такой, собака, черной! Хотите покажу?]3

---

[1] *Было*: [за столом]

[2] *Текст в рукописи записан в разделе сказок под № 113 и позднее перечеркнут.*

[3] *Текст в рукописи записан в разделе сказок под № 25 «Офицерская острота» и позднее перечеркнут.*

Русские заветные пословицы и поговорки

(В.И. ДАЛЯ)

Заметка

Грех юности моея не помяни.

(*Псал<ом>.*)

Ниже помещенное небольшое собрание особых в своем роде русских пословиц не есть подражание тому роду литературы, которому Барков придал у нас свое имя. Целью этого собрания было более желание дополнить издание пословиц печатных. Из собранных здесь ни одна, кажется, не может быть произнесена в порядочном обществе или явиться в печати, разве переделанная и переиначенная; но в устах простого народа, при столкновении с ним, и даже в кругу молодых людей, более образованных, в дружеской откровенной беседе, не стесняемой приличиями света, можно подслушать некоторые из заветных пословиц. И кому не случалось?.. Кто молод не бывал? Кто бабке не внук?

Брось, мудрец, на гроб мой камень,
Если ты не человек!

(*Державин*)

Полагаю, что не один только русский народ имеет такие пословицы и поговорки; вероятно, подобные найдутся и у других народов. А о стихотворениях в роде *барковщины* и говорить нечего! В рисунках же такого рода мы — к чести нашей — не сделали никакого успеха: в этом давно преуспели и французы и китайцы. Следова-

тельно, русские ни хуже, ни развратнее других. Но «здесь русский дух, здесь Русью пахнет!». А она, какова бы ни была, не может не быть нам родною. Изучение Руси со всех сторон, во всех отношениях, по мнению моему, не должно быть чуждо и постыдно русскому.

В оправдание себе русский народ, подобно Анакреону, может сказать: «Слова мои развратны, но я не таков».

Русопят

Пословицы и поговорки*

Honny soit qui mal y pense[1].

А

1[2] [1]А какия это шутки: с босым хуем около голой пизды?

2 А ще кум куму не ёбе, не буде ў небе. *(Малоросс<ийская>.)*

3 +(Наша) Акуля знает — покуля, (наша) Катя — через метку пятя!

3.1 +Ах ты, хуева голова!

Б

3.2, 22 [5]+Баба пьяная — пизда чужая.

4 Баба рюмит, а собака сыт, когда захочет.

5 Баба-яга, костяная нога, жопа жилиная, пизда стриженая. *(Сказочная приговорка.)*

6 Бабий подчеревок выше бобрового.

24 +Баран глуп: до Петрова дня матку сосет, а после Петрова дня матку ебет. (*См. № 72.*)[3]

7 [10]Батюшка-хмелёк[4], не попихивай вперед (?).

20 Беден, как Адам, и хуя прикрыть нечем.

8 Без мыла в жопу лезет.

23 +Без порток, да в лаптях — тот же ратман.

21 Бел снег, да собака сыт; черна земля, да хлеб родит.

---

* Означенные крестиком добавлены мною. *(Примеч. А. Н. Афанасьева.)*

[1] *Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (фр.) — девиз Ордена Подвязки, учрежденного английским королем Эдуардом III. В рукописи:* Honni...

[2] *Слева дана нумерация пословиц по рукописи.*

[3] *В наст. изд. № 82.*

[4] *Было:* хмелё[н]

9 Бздёх не схватишь, в жопу не впятишь.

10 Бзды-бзды приехал, перепёрды привез.

11 Блядь-кручина, дурак, кто тужит.

11.1 Блядь от бляди, не брат от брата.

12 Богатой тужит, что хуй не служит, а бедной плачет, что хуй не спрячет.

13 Бранить тебя — осердишься, бить тебя — обсерешься; разве обосрать да в Корсунь отослать, да и там обдрищут да назад пришлют.

14 +(И) Бык ревет, (и) корова ревет: сам черт не разберет: кто кого ебет. (*Или*: разве черт разберет...)

15 Была бы дыра да пар валил.

16 Была бы охота — найдем доброхота.

17 Была когда-то и целка!

18 Были кудри, да оборвали курвы.

17.1, 23.1 +Было бы во что́, а то есть чем!

19 Было времячко, ела жопа семячко, а теперь и в рот не дают.

24.1 +Будь здоров, еби коров. (*Приговорка.*)

В

35 В кармане кукиш казать.

44.1 +В лужу перднул. (*Неудачно сказал или сделал. См. № 321.*)[1]

36 В неделю сажень дров проебай, а по полену за раз давай.

37 В середу — с пе́реду, а в пятницу — в задницу.

38 В степных губерниях что съешь, то и высерешь, а у нас, что насерешь (*унавозишь*), то и съешь. (*См. № 414.*)[2]

25 Весной и щепка на щепку лезет. (<Весной> и щепка о щепку трется.)

---

[1] *В наст. изд. № 352.*

[2] *В наст. изд. № 451.*

26 Видно, что с праздника: идет да пизду утирает.

29 Во что свинья ни оденется, а все хвост к гузну завéрнется.

27 Воевал, да штаны растерял.

27.1 +Вокруг пизды три часа езды.

28 Волос глуп — и в жопе растет.

30 Всю обедню говном испакостил.

32 Всякое дело на охотника: охотник драчит, неохотник в руки не возьмет.

31 Всякое дыхание любит пихание.

33 Всякому давать, так края заболят.

34 Всяку дрянь нá хуй пяль (*или*: тянь), Бог увидит — лучше даст!

34.1 +Всякую шваль на хуй пяль, Бог увидит — хорошую даст.

41 Вы родня: твоя бабушка его дедушку из Царского Села зá хуй вела.

39 Выблядку поклониться — голова с плеч не свалится.

40 Выдали блядь за растакую мать.

42 Выше гузна не перди.

43 Выше жопы не пернешь[1].

44 +Выше хуя не прыгнешь.

Г

45 Гардемаринского (кадетского) смычка — в три пальчика.

46 Генерал без звезды хуже кобыльей пизды. (<Генерал без> звезды что́ кобыла без пизды.)

56.1 +Генерал без звезды что́ лошадь без узды, а баба без пизды.

48 Глаза хоть кривые, да хуй прям.

47 Глазами не уебешь.

49 Глуп, как архирейской[2] хуй.

50 Глядит в книгу, а видит фигу.

51 Глядит, как бздит, а норовит что́ сбрить.

---

[1] *Было*: пер[д]нешь

[2] *Было*: архирейск[и]й

57 60+Говно копны не красит.
52 Голова гладка, как у[1] выблядка.
53.1 +Голос как в жопе волос: и тонок, и нечист.
53 Голосок, как пиздий волосок. *(См. № 351.)*[2]
54 Горе нужду ебет, а та хоть пердит, да дает. *(См. ниже под буквою Н № 231.)*[3]
55 65+Грех — пока ноги вверх, опустил — Господь и простил.
56 Гусь пролетел (*в пизду*) и крылом не задел.

Д

60 Да попердит, пока родит. *(Акушерская.)*
58 Давай хуй свежий, хоть медвежий.
59 Дай мне язычком[4] подтереться, так я тебе дам кляпка в зубах поковырять.
61 70Дарья — обсери проруби. *(19 марта.)*
63 Два хуя свить да вбить.
64 Два хуя сметаны да плешь творогу.
62 Двадцать первый палец.
65 Две ляжки в пристяжке, а хуй в корню.
74 75Девушка малéнька, да разум велик: взяла пизду за брилку да на хуй валит.
66 +Добрый человек: ни свечей не ест, ни мух не ебет.
68 Дом вести — не мудя(а)ми трясти. (Хозяйство
68.1 <вести> — не жопой трясти.)
67 Домна со двора, и[5] гóвна за ней.
69 Досужа — под жопой лужа!
70 80Дров ни полена, а хуй по колена.
71 Дурак, да хуй в оглоблю — посадским бабам находка.
72 Дурак-то баран: до Петрова дня матку сосет, а после Петрова дня матку ебет.

---

[1] *Было*: [что]
[2] *В наст. изд. № 383.*
[3] *В наст. изд. № 267.*
[4] *Было:* язык[ок]
[5] *Было*: [а]

75.1 +Душа божья, голова царская, жопа барская. *(О крепостных.)*

73 Душечка-шевелюшечка! Жила — шевелила, и умерла — не забыла.

75 [85]Дядюшка! Я еще маленькая... — Ну расти, расти, покуда бант отстегну!

Е

76 Ебет, как пишет, а сам чуть дышит.

77 Ебешь, как город берешь, а слез — как лысой[1] бес.

78 Еби сороку и ворону, а хуй наебешь — так и лебедь уебешь.

426 Ел сладко, бздел слабко. *(Похвала покойнику. См. картину «Мыши кота хоронят».)*

79 [90]Ему хоть в глаза сцы, а он говорит: «Божья роса.» (Ты ему сцы в глаза, <а он говорит: «Божья роса.»>.)

80 Есть хуй — не хуй; дай ей свежий, хоть медвежий. *(См. № 58.)*[2]

81 Еть не ебет, и с хуя не спускает.

427 +Ешь говно, да не капь, возьми ложечку да и ешь понемножечку.

Ж

82 Желаю вам радости и корысти: на хуй себе насрать да понюхать.

83 [95]Жениться — не усраться, можно и подождать.

92 +Жены стыдиться — детей не видать.

84 Живали мы на свете, ебали и в корсете; а как бы в кофточке поеть да и умереть.

85 Живете — он — жо, покой — аз — па: живет пока!

86 Живот на живот, так и всё заживет. (Живот на живот, так и живот заживет.)

87 [100]Жигнуть под яица.

---

[1] *Было*: лыс[ы]й

[2] *В наст. изд. № 68.*

88 Жмется, как целка!
90 +Жопа не горшок, не разобьется.
91 +Жопа ночью барыня: что́ хочет — лопочет.
89 Жопа тепла, а пизда мокра.

З

93 За го́внами провороту нет, а молока не купити.
94 За грош и плешь не натрешь.
98.1 +За́ хуй — да из компании вон.
98 За хуй невестка, а не за прялку *(т. е. берется)*.
95 Заебенная мученица!
96 Заметен муж твой, Лупка, — на хую (у него)
96.1 зарубка (залупка). (Не хвалися, Лупка, что на хую зарубка.)
97 Запас пить-есть не просит: монах хоть не ебет, а хуй в запасе носит.
99 Зачем жениться, когда и чужая ложится.
100 Знает в говне королев кус.
101 Знает: что́ хуй, что́ палец.
102 Знай про себя, да сери под себя. (Ты знай себя,
102.1 <да сери под себя>.)
103 Зол (Сердит), да не силен — (так) говну брат (ровен).

И

105 И дурак ебет, когда хуй стои́т.
107 И комар ебет, как пишет.
108 И поеть — умереть, и не еть — умереть: так лучше же поеть да после умереть.
109 И пощупаешь — мокро, и понюхаешь — говно.
114 +И свой, да в карман серет.
110 И то хорошо, что сыт, да снег (под нею) тает.
111 И туда глядь, и сюда глядь — мать твою блядь! *(Приговорка.)*
112 И хочется, и колется, и матушка не велит.
113 И я, брат, свой хуй не в дровах нашел.
104 Иван Марье не указ: кому хочет, тому даст.
106 Извадился пердеть, не может терпеть. (Кто по-
106.1 вадится <пердеть>, тому не у<терпеть>.)

К

146 +К нашему берегу не плывет бревно, а всё говно да щепка.

115 Кабы бабушке мудушки, был бы дедушка. (Кабы у бабушки были мудушки, так звали бы дедушкою.)

116 Кабы не дедушкино ремесло, так бы у бабушки давно заросло.

118.1 Как вошь убью (раздавлю)[1].

148 +Как насрано, так и заморожено.

119 Как ни востра, а босиком на хуй не взбежишь.

л. 305/327 Как лошадь покупают, так[2] овес обещают, а как купят, так и сена скупо!

120 Как тебя зовут? — Зовут Тарасом, хуем подпоясан, пизда за́ поясом. *(На спрос девки, которая гадает на святках.)*

121 Как черт в лужу перднул[3].

122 Как этот спирт называется, что из гузна добывается?

117 Какия тут шутки: вынувши хуй да за девками гоняться.

118 Каково ручки сделают, таково гузка износит.

123 Кашей хуя не накормишь.

124 Кашу маслом, а пизду хуем не испортишь.

125 Кирилло — говенное рыло.

126 Кисло серет, сладко бздит.

127 Ковыряет, как у немки в жопе.

128 Колбаса да пара яиц.

129 +Коли девка захочет — сквозь замочную щелку даст.

130 Коли на хуй бородавка, так и то пизде прибавка. (Не велика на хую бородавка, а все пизде прибавка.)

131 Коли черная дыра, так дворянин.

133 Корова скачет на быка для молока.

---

[1] *В рукописи перед пословицей вставлены две горизонтальные черты.*

[2] *Далее было:* [ей]

[3] *Было:* пер[н]днул

132 Корова телётся, а у быка жопа чешётся.
134 Кострома — ебливая сторона.
135 Кроме хуя, соломинки в пизде не бывало.
136 +Кто ебет да поет, тот два века живет.
137 Кто захочет умереть, так не хуем подпереть.
138 Кто кого ебет — и черт не разберет.
139 Кто много хвалится, тот скоро усирается; а кто молчит, тот больше творит.
140 Кто нашего сена дернет, тот сам перднет.
147 +Кто пизде спустил, сам пизда будет.
141 Кто попу не сын, тот блядин сын.
142 Кто скуп, у того сален пуп; а кто чив, у того гашник вшив.
143 Кто сыт да пердит, тот ети сердит.
144 Куды? — К хую на муды.
145 Купил бы вола, да жопа гола.

Л

149 Легко подгузку, легко и подгубку.
150 Лёжа, лёжа да опять за то же.
151 Лезет на хуй, как медведь на рогатину.
152 Лезет срака сракой на драку. (Охота сракой на
152.1 драку[1] лезть.) +Лезет срака в драку.
158 Ленивый ее не ебет.
153 Либо рыбку съесть, либо на хуй сесть.
154 Либо хуй пополам, либо пизда вдребезги.
155 Лисица на свой хвост не насерет.
156 Лони баба перднула, сего годы вспомнила.
157 Лучше нищему не подать, а солдату дать. *(Говорят орловские бабы.)*

М

159 Маленькой кляпок (хуёк) два раза поебет, (так) на то ж наведет.
160 Маленькой хуёк — в пизде королёк.
161 Малой! Когда у нас яица опять будут красныя? — *(После бани.)*

[1] *Далее*: [сраке]

162 Мамо! Москаль у брыли! — (Сказал хохол, надев на хуй вареник.)

163 Матери твоей хуй с мою ногу, так скажет: «Слава Богу».

164 Матушкина привычка: отца за хуй хватать.

165 Мать твою Бог люби!

166 Мед есть — так с лопаткой, а на хуй сесть, так с попяткой.

167 Мертвых срать возить.

173.1 +Много в пизде сладкого: всего языком не вылижешь.

168 +Молодо-зелено, как гусиное говнушко.

169 Молодушка молода, а на пизде (пи́здушке) борода.

170 Молчи, хуева посудина! *(т. е. баба).*

171 Мудёр, как царь Соломон: пьет, ест, серёт и вшей бьёт.

172 Муде-у-му, хуй-аз-ха, — муха.

173 +Мы святых едим, да чертями серем.

Н

175 На боку дыру провертишь.

242 +На дристливое гузно не упаришь сусло *(т. е. не угодишь).*

178 На рябом хлеб (репу) сеют, а на гладком жопу лижут. (<На рябом хлеб (репу) сеют>, а на гладком серут.)

179 На старых серут, а на новине хлеб сеют.

180 На-тка[1] пососи, да вперед не проси! (*Говорят, показывая кукиш или на́ хуй.*)

240 +На то мошна, чтоб плешь вошла.

181 На хуй обухом не наколотишь.

181.1 +На чужие кучи глаза не пучи, а ты свою навороти, отойди да погляди.

174 Набздит в горсть, похаживает да лакомится.

176 Надень поняву на воняву.

177 Назад волк не серет.

---

[1] *Было:* Н[у]тка

244 +Наш Антон не тужит об том: есть портки — нося, а нету — последнее сброся!
183 Наш Никитич не ебет, не тычет.
182 Нашлась пропажа: у дедушки в портках.
184 Не всякому под гузно руку подставляй.
185 Не говно, да вонько.
186 Не говори своей жене — у кого хуй велик.
187 Не горячись: яйца в жопе испечешь.
189 Не дивися, Василиса, что четыре ноги сплелися, а ты б дивовалася, куда третья девалась.
190 Не еби, да не уебен будеши.
191 Не еби, прежде в город веди, что́ суд присудит.
193 Не замай говна (*или*: Не тронь), так не воняет (не будет вонять).
245 +Не ложкой, а едаком; не хуем, а ебаком.
194 Не могу перву ночь забыть, да уж так и быть.
195 Не модель щи говном белить, лучше сметаной. (Нечего говном щи забеливать, ко́ли сметана есть.)
196 Не мудри: выше хуя не подскочишь. *(См. № 43.)*[1]
197 Не на то пизда сшита, чтоб сыпать в нее жито, а на то отец родил, чтобы хуй в нее ходил.
198 Не от свата, что́ пизда косматa: раздувай да еби!
203 Не поевши срать, только жопу драть.
199 Не поёбши — не узнаешь.
200 Не пойман — не вор, не по́днята — не блядь.
201 Не поминай на лихе, что не полежали на брюхе.
202 Не порочь устава монастырскаго: не вешай на хуй чётки — на это есть сто́пки.
204 Не протянув между ними нитки, этого не докажешь *(незаконного сожительства)*.
205 Не прославишься мудя(а)ми, когда хуй невелик.
213 Не с рожи взять, а лих был срать.
206 Не садись в крапиву голой[2] жопой срать.
207 Не садись на крапиву срать.
208 Не сводница, а сама охотница.

---

[1] *В рукописи ошибочно, надо*: См. № 44 *(в наст. изд. № 51)*.
[2] *Было далее*: [сракой (] жопой[)] срать.

208.1 +Не сери по ветру.

246 +Не смейся (баба) над хуем: хуй тоже крещеное тело. *(Из старинного сборника.)*

209 Не спеши, еще будешь на плеши.

210 Не спеши, на пердячую травку наскочишь.

211 Не стращай девку (бабу) мудя(а)ми, она хуя (и хуй) видала.

212 Не сцы в серьгах: позолота слиняет (*или*: золото потускнет).

214 Не то́ропью (торопко) на девку, не по два вдруг! (Не прытко <на девку>, не по двое <вдруг!>)

215 Не тронь, после судом переведаешься. *(Сказала баба мужу, который хотел стащить с нея француза.)*

216 Не утка бздит, не кулик пердит. *(Приговорка.)*

217 Не учи ебучи́, а учи подъебаючи.

218 Не хвались едучи на рать, а похвались едучи с рати *(срати)*.

218.1 +Не хитро́ насрать в ведро: дужку отворотил, да полное и наворотил.

220 Не хочешь ли хер-ка (херка) слегка?

221 Не хочешь ли хуя с медом?

222 Не́ хуем петь, когда (коли) голосу нет.

247 +Невеста в дому что́ навоз: тогда и хорош, как из дому везёшь.

188 Недаром на уде́ привешаны муде́.

192 Незаконные дети — через жопу деланы![1]

236 Немец везде себе место найдет. *(Из суворовского анекдота.)*

235 Немец и на хую найдет хлебец.

237 Немец хитер: в бутылку насерет.

234 Немецкое говно и к зубам добро.

238 Нет, не еблась, только высцалась.

239 Нет тебе ни ебени матери, кроме родительского благословения.

219 Нехотейки вы! А после и голиком не сгонишь.

224 Нечем волку срать, так лычком.

---

[1] *Было*: [с]деланы!

225 Нечем срать, так воздухом.

226 Нечем черту срать, так он лыки драть. (<Нечем черту срать, так он> лыками, или: кремнем.)

223 Нечист на́ хуй *(т. е. большой баболюб)*.

227 Ни Богу, ни Христу, ни к матери в пизду!

229 Ни к матери в пизду, ни в староингерманландский полк не годится. *(Армейская старинная.)*

241 +Ни складу, ни ладу — поцелуй сучку с заду.

229.1 +Ни хуя хуящаго. *(Приговорка.)*

228 Низко́м жиденька. (Низком сла́бенька). Передком слабенька. (На передок не крепка.)

230 Нос крючком, голова сучком, жопа ящичком. *(Приговорка.)*

л. 311об. Ну уж хуй! Садятся семь кур, а на концу кобель лягавой ложится.

л. 311об. Ну уж хуяк!.. Отец делал на оглобли, укоротил — да на хуй поворотил.

232 Ну уж щи! Хоть муде полощи.

231 Нужда волю ебет, воля плачет, да дает.

233 Ныне народ лукав, возьмет пизду в рукав, пойдет в овин да и ебет один.

243 +Нынче и старику пизда по языку; что́ и молодец, коли не чистит рубец.

О

247.1 +Обвенчали и еть помчали[1].

248 +Обдерни хуй-то: рубашка видна! *(Приговорка.)*

249 Огребай говно лопатой.

251 Один в келье, а кто набэдел?

252 Один палец в рот, другой в задницу да почаще переменять. *(Совет от болезней.)*

250 Одиннадцатый палец.

253 Одна овца (корова) дристлива — все стадо передрищет (*или*: обдрищет).

254 Одной женой да одной кобылой десятины не обсеешь.

---

[1] *Далее было:* [(Свадебная)], *рукой Афанасьева.*

255 Одной жопой всех не обсерешь.

255.1 Олень в воду насцал. *(20 июля — вода холоднее.)*

259 280 Он ему в штаны накладет.

258 Он ему за пазуху насерет.

260 Он и поеть не выпросит.

261 Он любит (*или*: мастер) играть на волосянке.

262 Он с пенька серет. (*Зазнался, важничает.*)

256 285 Она нос расквасила *(т. е. в рубашечной, регулы).*

257 Она слабенька на передок. Она на передок припадает. <Она> трубочиста любит. <Она> не боится[1] потёмков.

263 Орликом срать.

265 От гузна с пёрст на семь вёрст.

267 От нечего делать кобель хуй лижет.

270.1 290+ От Тотьмы до Ки́нешмы мудами докинешь ли?

268 От Шипилова до Мокрилова много ль вёрст? — Один[2] пёрст.

264 Отважный жид и в школе бздит.

266 Отъёб, да и к месту. (От норда к весту: отъёб, да и к месту — *морск*<ая>.)

269 Ох, не могу — одна в пологу, нет дружка — потереть брюшка.

270 295 Ох, ох, ох! У бабушки мох, а мне не дал Бог!

П

271 Переломленного хуя не сто́ит!

271.1 и 308.1 +Пизда да веник, да пятьалтынный денег. *(Насмешка о приданом.)*

271.2 +Пизда не калач — один не съешь.

272 Пиздья кожа всего дороже.

273 300 Писано-переписано, посередь пизды лысина. *(Приговорка.)*

286 По Сеньке — клобук, по говну — сахар.

---

[1] *Далее*: [то]

[2] *Было зачеркнуто, восстановлено знаком отточия.*

По хую ползет, а к мудя(а)м дороги не найдет.

Погоди, еще тебе жопу не высмолили, не дворянин.

+Подарунок без порток ходит.

+Поди в *пи*, да там и спи!

Подцепил сто хуев на лопату.

Поеблась да окотилась, подъебать научилась.

Поиграл говном, да и за́ щеку.

Покой — и же — пи, земля — добро — аз — да, — капуста.

+Полюбишь в шляпке, поносишь в тряпке. *(См. № 328[и].)*[1]

Поп — толоконный лоб.

Попал, как в тёщу *(т. е. широка, как у тещи. У биллья́рдных игроков.)*

+Попал пальцем в жопу.

Попал языком в пизду.

Попович — вор, а поповна — блядь.

По́роху на полку, да жопой хлоп!

По́ходя бздит.

Поцаловал бы тебя в гузнышко, да кисло бздишь.

Поцаловал бы тебя и в муде, да хуй глаза выколет.

Поцалуй в пазуху не влезет, а щуп пизды не вырвет.

При несчастье и муха пердит. (<При несчастье и> кулик <пердит>.)

При несчастье и от родной матушки (сестры) хуерык получишь.

При несчастье и утка перднет.

При счастье пердит и кулик[2], а при несчастье и от родной сестры (*или*: от целки) хуерык.

Приданого два гака — пизда да сорока.

Приданого две мельницы: ветряная да водяная, одна с пухом, а другая с духом.

Приданого у тебя (у нея) только и есть, что

---

[1] *В наст. изд. № 360.*

[2] *Было:* При [не]счастье и кулик [пердит].

Шипиловка, да Мокриловка, да Подгузённая волость.

301 Приобрести часы с курантами, с кукушкой. *(Заразиться.)*

298 Пристал, как банный лист к жопе.

300 330Пришло у́злом к гузну.

302 Променяла лимонный цвет на алую плешь. *(Вышла замуж. NB. При свадьбе на невесте бывают цветы лимона или померанца.)*

303 Против ветра не сцы.

304 Прощай, батюшка Никита! Кто после тебя будет меня ети-та? *(Приговорка.)*

305 Прощайте, Лубны, бо шли в вас ебли, а у Хоро́ли ебли до воли.

306 335Пью[1], ем сахар, а хуй с ума нейдет.

Р

310 Рад дурак, что хуй велик.

309 Рада пизда, что железце нашла.

311 Рифма к нёбу — мать твою ёбу.

312 Ро́жу мягче жопы сделай, а по́д душу не бей.

314 340Русский человек лукав: возьмет хуй в рукав да и говорит — гусиная шейка.

313 Русской человек[2] (Русак всегда) задом крепок.

С

334 С говна пленки драть. (С говна или с пизды пенки снимать.)

340 +С губами за стол, а с хуем за ворота.

335 С ним водиться все равно, что в крапиву срать садиться. (*Или*: С тобой...)

315 345+Сама блядь и другим не верит.

316 Свой чемодан: кому хочу — тому и дам.

317 Своячена — разве маленько не допячена.

318 Сделать нужник. *(В шахматах — припереть.)*

---

[1] *Начато:* [Птица]

[2] *Далее начато:* [з<адом>]

336 Седти в горосе да бздти потроси. *(Белорус<ская>.)*

319 Семерым езда, одному пизда. *(Сказано по случаю наезда извозчика на оцепленную улицу при приеме невесты.)*

320 Сери да лоб мажь и будешь черт наш.

321 Сказал, словно в лужу перднул[1]. *(Смотри № 44 и 415.)*[2]

322 Скинь портки, давай поищемся.

323 Скипидар в жопе запылал.

324 Славно бабу ети на горячей печи: поневоле подъебает, печкой жопу пропекает.

325 (Ей) Сорок два года, а пизда как ягода!

326 Спать двоим — быть и третьему.

326.1 +Срать да родить — нельзя погодить.

327 Срать ходил, да высцаться позабыл.

328 Станешь еть в шляпках, будешь ходить в тряпках. *(См. № 306.)*[3]

329 Стань на край *(пизды)* да ногой болтай.

339 +Стои́т — не валяй, а легла — не плошай!

330 Стоит Ромен на гори, по три курвы у двори.

331 Сука не захочет, кобель не вскочит.

338 +Сука не манит, кобель не бежит.

332 Счастливому и в гузне вязнет.

333 Сыт, а на хуй не глядит.

340.1 +Съем да не высеру — без вести пропадешь!

337 Сядь на мой *(хуй)* да поезжай домой.

Т

343 Так набздели, что хоть топор повесить.

344 Так приперли, что ни бзднуть, ни перднуть.

341 Такая скоро́мь, что по ней слюнки текут.

342 Такеляж *(так и ляжь)* перетянуть. *(Морская, т. е. сходить к девкам.)*

---

[1] *Далее ниже была начата пословица*: [Съем...]

[2] *В наст. изд. № 30 и 452.*

[3] *В наст. изд. № 310.*

Стыдь порукой давай? почудился.
Стыдобушка в жопе завелась.
Славно бабу сруна горячей печи: помыться подлезешь, тепло ему пропекши.
Сорок два года, а пизда как ягода!
Стать девицей, быть и задарбе-ну.
+ ~~Срать задрищь — нищ родишь.~~
Срать ходить, да вся задница позабыла.
Стань стыдом в шелапуге, будешь ходить в ~~?~~ рубашке (см. № 306.)
Стань на кран (пизду) да ни с кем болтай.
Стоять Семен на горе, по три рубля у дяди.
Сука не закостыль, кобель не вскочит.
Стоит вошь на узле, вязнет.
Сидеть, а на жопу ~~нее~~ не глядеть.
Сидеть на печи, грать (Сидела на печи да пизду печки сапожила)
Сидеть водовой все равно, что в кружку срать садиться.
Сиди в горшке, да будь потрошком.
Сядь на пень (пизду), да под зад дольше.
+ Сука не мастер, кобель не будет.
+ Стоять — не валяй, а лечь — не пошел!
Сидеть губами до дому, а в пизде
+ Зад ворота — сам за ними — без вести пропадешь!

Такая старость, только стоять да ложки тянуть.
Такелаж (так и лезь) передок — путь (морская) т. е. с задом на лавках.)

Факсимиле листа рукописи с пословицами

345 Тебя ебут, а у меня слюнки текут.
356 375Тело в тело — любезное дело. (<Тело в тело> — проклятое <дело>.)
357 Телом бела, да пизда грязна.
346 +Темно, как <в> жопе. (Скажи: отчего в жопе темно?)
358 Тешь мою плешь, весели мои муде.
347 Титьки по пуду, пизда с решето.
348 380Тихий пастырь и в ризах бздит.
349 Тихо бздит, да вонью несет. (<Тихо бздит>, да далеко пахнет.)
350 Толк-то есть, да не втолкан весь. *(О хуе.)*
351 Тоненькой голосок, как пиздий <в>олосок[1].
352 Трудится-работáет, на хуй нитки мотает.
354 385Ты мешаешь, как в гузне волос.
353 Ты моя подруга, я твой друг — сядем на скамейку да перднем вдруг *(или*: дернем*)*.
355 Ты не еби, а в город веди. *(Не самоуправничай.)*

У

359 У барана жопа драна, у козла жопа зла. *(Приговорка.)*
363 У всякой блядки свои ухватки. *(У блядки не без ухватки.)*
362.1 390+У его бабушки[2] овин горел, а мой дедушка мимо шел да хуй погрел. *(О дальней родне.)*
369 У монашенки своя снасть, кому хочет — тому даст.
371 У мужа толсто (в кармане), так у жены широко (по хозяйству).
372 У нас на себе. *(Рубашечная.)*
373 У нее на пизде волоса, как у прапорщика усы.
360 395Убирайся к матери на ять — голубей гонять *(т. е. в пизду)*.

---

[1] *В рукописи описка*: голосок
[2] *Было ошибочно*: [дедушки]

361 +Убирайся к мерину на пятую ногу.
362 Убирайся к монаху — на хуй. *(Рифма.)*
364 Удалось бздуну пёрднуть!
365 Удалось пизде посекильничать.
366 Уебла попа грамота. *(В печат<ном>: уела.)*
367 Уж хоть раком стать, да молока достать *(т. е. во что бы то ни стало).*
368 Укусила муха собаку за грешное тело — за сраку.
368.1 Ума палата, да прикинута говна лопата.
370 Умница, а в жопе пугвица.
374 Уплыли муде по великой воде.
375 Урод — из жопы ноги растут!

Ф

444 Фита — ижица — плеть (кнут) к жопе ближится.

Х

376 Хватился монах, когда хуй в головах.
377 Хер — у — ху да палочка наверху.
382 Хорош зять, да не́ хуй взять.
383 Хорош, хоть к гузну приложить.
378 Хороша хозяйка! Скатерть на́стлана, а на скатерти насрано.
379 Хорошая жена хуем потешается, а мудя(а)ми забавляется.
380 Хороший жернов все мелёт, а худая жена и на хую дремлёт (*или*: и с хуя дрищет).
381 Хороший петух никогда жирен не бывает.
384 Хоть гузка бита, да душка сыта.
385 Хоть на родную вались, только на улице не хвались.
386 Хоть пизда и гре́шна, да утешна.
387 Хоть усраться, да не поддаться.
388 Худой снасти не достать сласти.
389 Хуёвина на заячьем меху.
390 Хуем груши околачивать.

391 Хуем землю рыть.
392 Хуем матери глаза выколол.
393 425Хуем пуп провертел.
394 Хуем хрен копать.
395 Хуи валяют да к стéне слоняют.
396 Хуй да (и) пизда из одного гнезда.
398 +Хуй не овца, не подложишь сенца.
397 430Хуй не хуй, а муде с горшок.

Ц

399 Царь Кир ебет во весь мир.
401 Целóк только черт не толок.
400 Цыц подъебать, когда не велят.

Ч

402 Часослов, чтó коленями листы переворачивают.
403 435Чванится, как хуй на именинах.
422 +Чего бегаешь, как пердёж по штанам?
404 Чей бы бык ни скакал, а телёнок наш. (Чей бык ни вскочит, а <телёнок наш>.)
405 Человек в человека вбивает, да жив бывает.
406 Человек-то он славной, да рыло-то у него говенное.
419 440 Чем наставляет, тем и благословляет. *(Раскольн<ичья>. О трехперстном сложении.)*
420 Чем не бздишь, тем и не воняет.
421 Чем черт не срал, тем пердеть не будет.
407 Червячок дерево точит, а и тот еть хочет.
408 Чернец чернеца упрекает, а оба *(о Христе)* гологузны.
409 445Черногузой дворянин.
410 Чешется-свербится, хочется жениться, да негде взять.
411 и л. 311об. Чиста пизда, когда поп ёб.
412 Что вертишься, как будто шило в жопе?
413 Что, голубушка, делать: у мерина велик, да натура (*или*: Бог) не велит!

418 Что ел, что кушал, что ёб, что слушал.
414 Что насерешь, то и съешь.
415 Что ни скажет, ровно черт в лужу перднул.
416 Что раскручинился? Аль мозоли на хую?
417 Что сделано в гузне, того не переделаешь в кузне.

Ш

423 Шабаш, кривая, ложись, иная!
424 Шабаш подъебать, пора деньги огребать.
425 Шлёп пизда(ой) во щи — кушайте, дорогие гости!

Э

431 Эк покраснела, как собачий хуй на морозе.
428 Экая блядь! Не ебешь — сердится, а ебешь — серится.
429 Экой пёс! За денежку как разнёс, а кабы за рубль дала, так и жива б не была.
430 Экой плут тятька! Пряму в пизду попал. *(Отвечал мальчик, к<оторы>й, увидав у матери пизду, изумился, и она, чтоб поправить дело, сказала: «Это тятька невзначай топором рассек».)*
432 Эссенция — обсеренция.
433 Эта война была посередь говна.
434 Эта девушка целóк, не проскочит и щенок.
435 Это было при царе Косаре (Горохе), когда не было ножей, так хуем говядину крошили (рубили).
436 Это для нас — говно-с!
437 Это известный жеребец. *(Волокита.)*[1]
438 Этот город, как собачья пизда: попадешь, так не знаешь — скоро ли выпустит.

[1] *В рукописи*: Волотико

Я

442 Я много видала да в сраку кидала.

443.1 [470+]Я не сукин сын, саломаткин сын — саломату едал, твою матку ебал. *(Ответ на ругательство: «Сукин сын!»)*

443 Я с добром, а ты с говном.

440 Я тебя заставлю хуем хрен копать.

441 Я тебя съем, проглочу да (и) не высеру.

439 [474]Ягодица[1] без поро́шицы не живет.

[1] Было: Ягод[н]ица

Скороговорки

1. И тут я будь, и здесь я будь, и везде я будь.
(*Ебут. Из анекдота.*)

2. Летели три пичужки
Через три пусты избушки.

3. Летел сиз-пиз гусь через сизу-пизу реку,
Уронил сиз-пиз гусь сизо-пизо перо в сизу-пизу реку.

4. На полатях якут, под полатями якут,
Тот же якут в трои лапти обут.

5. Села баба на угол, стала баба лаяти,
Да лаяти, да лаяти.
(*Дала ети.*)

6. Ты спи с Душкой, а ты спи с Дашкой.
(*С пиздушкой, с пиздашкой.*)

7. У попа у Евласа в углу дочь улеглася.
(*Уеблася.*)

8. Матушка, спи с дочкой.
(*С пиздочкой.*)[1]

[1] *Далее начато и не закончено*: [9. За...ль ду<?>]

Приметы

1. Голова болит, так жопе легче.

2. Глубоко свербит — далеко замужем быть.

3. Дочь тянется, мать говорит:
— Растешь[1], Грунька!
Дочь:
— Нет, мама, етись хочется.

4. Жопа чешется — масло дешево.

5. — Завтра будет дождь, — сказала девка отцу.
— А что?
— Да у парня на хую вошь поймала.

6. Когда пироги или хлебы подожжены, то за жопу стряпуху хватали. (Чтобы блины были поджарены, надо то же делать.)

7. Муде чешутся — в краску хотят.

8. Тому многое удается, кто свою мачеху ебал.

[1] *Было*: Расте[т]

Загадки и отгадки

(31) 1.+ Ах, бить, как бить![1]
На плешь капнешь,
Всунешь да поправишь[2],
Вынешь да помажешь,
Плешь вздерешь —
Да на то ж наведешь.

Вар<иант>:

Идет плешь на гору,
Идет плешь под гору.
Два плеша встретились:
— Ты плешь, я плешь!
На плешь капнешь,
О плешь хлопнешь,
Плешь оголишь —
Всех людей взвеселишь!

Блины печь на сковороде.

(33) 2.+ Баня багровая, дверь не дубовая;
Один парится, двое стучатся
(*или*: а двое мотаются).

Соитие.

(1) 3. Брат брата бьет,
Мати морщится.

Испражнение.

---

[1] *Крестиком в рукописи обозначены тексты, по всей вероятности также дополненные Афанасьевым и Ефремовым. См. с. 708 наст. изд. Слева в скобках дана нумерация по рукописи (Ред.).*

[2] *Было*: по[грее]шь

(2) 4. Брюхом тру (трет),
Ногами пру (прет),
Разложу да и воткну,
(Воткнет да и выдернет).

Вар<иант>:

+Ногами пру,
Брюхом тру,
Где распнет(ся),
Там ткну.
(Там и всунется.)

Ткать (на станке) красна.

(40) 5.+ Висит, мотается,
Всякой за него хватается;
Никто не догадается!

Висячий рукомойник.

(3) 6. Гни меня, ломай меня,
Лезь на меня;
Есть у меня мохнатка,
В мохнатке гладко,
А в гладком сладко.

Вар<ианты>:

1) Гни меня, ломи меня,
Лезь на меня;
У меня мохната (лохматка),
В мохнатом гладко,
А в гладком сладко.

2) Полезай на меня,
Гни меня, ломай меня;
У меня есть мохнатка,
В мохнатке гладко(а),
А в гладке сладко.

Орех на орешине.

(4) 7. Две головы, шесть ног,
Две жопы да хвост.

Лошадь и человек на ней верхом.

(30) 8.+ Девушка красна,
Промеж ног ясна.
Соха.

(5) 9. Есть птица Мымра — нос прирван,
Хватает по четверти сырого мяса.
Вар<ианты>:
1) <Есть птица Мымра — нос> прирван,
На аршин от земли летает,
По четверти куски глотает
И никогда сыта не бывает.
2) Птица Мымра — ни ушей, ни рыла;
На аршин от земли летает
И по четверти зерно хватает.
3) Сидит Кирья, без рук, без крылья,
Рот большой, язык толстой,
Нет голоса, одни только волосы[1].
Пизда.

(15) 10.+ Идет — жует,
Нагнется — улыбнется,
А сядет — перестанет.
Пизда.

(6) 11. Из гузна, да в рот,
Словно сахарный кусок.
Куриное яйцо.

(7) 12. Когда молода бывала,
Так лежа давала,
А когда стара стала,
Так нагибать стали,
Да уж давать перестала.
Вар<иант>:
+ Смолоду, бывало,
(Молода была)
Стоя (Встоячку) давала,
А постарше (Стара) стала

[1] *В рукописи слева поперек начат и зачеркнут вариант:* [4) <*нрзб. одно слово* >]

(Под старость стало),
Нагибаться (Приседать) стала.
Бочка с квасом, кадка.

[48] 13. [1]Красненькая пиздушка,
Беленький хуёк.
Малина.

(44) 14.+ Куда царь пешком ходит?
В нужник.

(37) 15.+ Мил-перемил, середь полу повалил;
Хоть грех, хоть два, а больно хочется.
Сон.
(Сличи с № 19)[2]

(8) 16. На бабе был, был — запотел,
Да на девку захотел.
Кокошник.

+*Вар<ианты>*:
1) Красной бес
На девку взлез,
На девке запотел,
На бабу захотел.
2) Лез-перелез,
На бабу влез,
На бабе перепотел,
На девку <захотел>.
Женской нагрудник.

(9) 17. На брюхе — въезд,
В жопе — ярмарка.
Улей пчёл.

(43) 18.+ Некогда родился юноша без ног, без рук, на голове волос нет. Приходили к нему пять юношей,

[1] *В рукопись вписана последней Ефремовым, перед текстом имеется помета: «Загадка»*
[2] *В наст. изд. № 29.*

звали его во ад. Во ад он шел — веселился, а во ад лег — прослезился.

Хуй в пизде.

(Ворон<ежская>, Моск<овская> и Тверс<кая> губ<ернии>)

(10) 19. Ни рук, ни ног —
Стои́т, как рог.

(11) 20. Два яичка в пуху,
Морковка наверху.
Вар<иант>:
Два яичка,
Да третья — затычка.

(12) 21.+ Хоть крив, да мило́й мил.

(13) 22.+ Пичужечка (Птица) Салоса́
Впилась в волоса,
(Свила гнездышко в волосах),
Яицы наруже, а сама в гнезде.
(<Сама> на гнездышке села, а яица наруже).

(14) 23.+ Вор в клетке, а сумка на порожке.
С 19-го по 23-й[1] *№ означают: Хуй.*

(16) 24. Около носа вьется,
А в руки не дается.
Бэдёх.

(42) 25.+ Отдал меня батюшка в чужие люди,
Дал мне батюшка и пихач, и рогач,
Промеж ног губенок, в обе руки сосок.
Выдал отец замуж дочь и дал ей в приданое корову и подойник;[2] *она дои́т.*

(17) 26. Парень молодой
В праздник годовой

[1] *В рукописи:* С 10-го по 14-й №...
[2] *Далее:* [две титьки]

Натягивает крепко,
Пихает глубоко.

Вар<иант>:

Праздничек годовой,
А молодчик гулевой,
Частенько вздыхает,
По четверти пихает
И как вон потащи́т —
Только пуп затрещит.

Надевать новый сапог.

(18) 27. По брюху доро́га,
Между ног тревога,
В тревоге-то дыра,
А в дыре-то игра.

Водяная мельница.

(34) 28.+ Помочу, да подрочу,
Да в кобылушку всучу.

Печь заметают помелом.

(19) 29. Пришел — полюбил,
Середь полу повалил;
Хоть грех, хоть смех —
Пуще хочется.

Веник[1] *в бане.*

(20) 30. Пришла ко мне мягкота,
Ухватила за бока,
Я ему дала да и ноги задрала.

+*Вар<иант>*:

Пришел боярин в зеленом кафтане;
Я ему дала, кверху ноги подняла.
И зудит, и болит, еще хочется.

Париться в бане веником.

(35) 31.+ Промежду дубков
Лежит девка вверх пупком.

Желудь, падающий с дуба.

---

[1] *Было*: [Париться] веник[ом]

(45) 32.+ Разложу мохнатку, всуну голяка.
Рукавица.

(21) 33. Росло — повыросло,
Из портков повылезло,
С кончика залупилось,
Красным девкам полюбилось.
Лесной орех.

(22) 34. Сверху мохнато, снизу остро́;
Всунешь — сухо, а вынешь мокро́.
Вар<иант>:
Сверху пушисто, снизу остро;
Вложишь — сухо, вынешь — мокро́.
Перо, обмакнутое в чернила.

(23) 35. Сидит (Лежит) баба на току,
С полной жопой (Полна жопа) табаку.
Овин или мешок с рожью.

[46] 36.+ Сидит баба на яру,
Расшеперила дыру,
Просит спичку —
Заткнуть дырочку.
Корчага-гвоздянка.
(*Пермской губ<ернии>*)

(24) 37. Стои́т баба на юру,
Растопыривши дыру.
Колодезь[1].

(25) 38. Стои́т баба на юру́:
Кто ни пройдет (прийдет),
Всяк (Все) в дыру.
Замо́к (иногда: колодец).

(41) 39.+ Стои́т Спас на берегу,
А сцыт за реку.
Дождь.

[1] Далее: [овин].

(38) 40.+ Сую-посую в муравлену посуду;
Там тощó — подвигай еще.
Хлеб в печь сажать.

(26) 41. Тычу-потычу, ночью не вижу;
Дай-(Ссяг<ни>)ка, невестка, днем попытать (<попыт>аюсь).
Замок с ключом.

[47] 42.+ У вас гладенько, у нас востренько,
Пойдем в кут — потыкаемся!
Огниво и кремень.

(27) 43. У девушки-красотки, у сиротки
(*Или*: У молодки)
Загорелося в середке;
У Ивана-молодца
(А у добра молодца)
Позакапало (Потекло) с конца.
Вар<иант>:
У кумушки у сиротки
Загор<елося в середке>;
У Иванушки-молодца
Закапало <с конца>.
Самовар разогретый.

(36) 44.+ У тебя свербит, у меня свербит —
Посвербимся с тобой!
(<У тебя свербит, у меня свербит —>
Давай ляжем да почешемся.)
Искать в голове.

(28) 45. Хожу я (Ходила девка) по горе-горе,
Дивуюсь (Тужила девка по) своей дыре:
Ах, (Свет) ты моя дыра, дыра золотая!
Куда мне дыру девати(ь)?
(Аль) На сырое мясо надевати(ь)?

Вар<иант>:

+Стои́т (Сидит) девка на горе
Да любуется (своей) дыре:
— Дыра ль моя, дырушка!
Куда тебя дети?
На живое мясо вздети.
Золотое кольцо.

(32) 46.+Что за подрядчик —
Всех пизд подглядчик?
Вар<иант>:
Маленькой Захарчик —
Всем жопам подглядчик.
Порог.

(39) 47.+Шёрстка с шёрсткой сходится,
По-ночёшному хочется.
Веки сжимаются,
хочется спать.

(29) 48. Шипилово да Мокрилово
(*Жопа и пизда*)—
Много ли между ними расстояния?
Один пёрст.

Песни

(1) **1**

Транды, транды, трандушки!
Любят девки ядрушки,
Молодушки — мудушки,
Стары бабы — яицы.

Как и баба стара
На завалинке спала;
Прилетела сова —
Пизду выклевала,
Прилетели воробьи —
Понемножку поебли,
Прилетели галки —
Забили по палке,
Прилетел орел —
Все по-старому навел!

Вар<иант>:

Пришел табачник —
Засунул бокашник,
Пришел выборной —
Насилу выдернул*.

(2) **2**

Как из-за моря кума
В решете приплылá *(2 раза)*

---

[1] *Здесь и далее построчная нумерация принадлежит подготовителям издания. Слева в скобках дана нумерация по рукописи. (Ред.)*

* Моск<овская губерния>. *(В рукописи сразу под текстом песен Афанасьев приводит места их записи. В наст. изд. здесь и далее они указаны в подстрочных примечаниях. — Ред.)*

Веретенами гребла *(2)*
Донцем (*вар.* пиздой) парусила.
Уж как кум за кумой
По меже ползет *(2)*,
Жеребенком ржет.
Как заставила кума́
Ку́ма ноги разувать.
Он одну ногу разул —
Ничего не видал,
А другую разувал —
Приужахнулся:
— Ах, и что ж это, кума!
Промеж ног у тя́ кула?
— Ах ты, глупой кум,
Неразумной кум!
Ты в Сибирьи не бывал,
Зверьев диких не видал;
Уж как евтот зверь
Из Сибирьи привезен *(2)*
Промеж ног посажон.

(3)

3

Помер хуй, помер!
Помер, голубчик мой, помер!
Приходили к хую две старушки,
Приносили хую два блиночка.
Помер хуй, помер!
Помер, голубчик мой, помер!
Приходили к хую две бабенки,
Приносили хую на блюде горошку.
Помер хуй *etc.*
Приходили к хую две девчонки,
Приносили хую две пизденки —
Ожил хуй, ожил!
Ожил, голубчик мой, ожил!
То ляжет, то встанет,
В пизденку заглянет,
За секель потянет.
Ожил хуй *etc.*

*(Начальные стихи до слова «ожил» поются тихим, заунывным напевом, а далее голос возвышается и такт делается быстрее.)**

(4) **4**

Уж как поп на льду продает пизду,
А и дьякон-ат, ебена мать, барышничает:
Прихватил пизду зубами, сам натягивает,
Уж и евтот ли товар он похваливает:
— Уж и евтот ли товар расчудеснейший,
Что́ и летом он не плесневеет,
А зимою он не индивеет!**

(5) **5**

У поповых дочерей,
У ебеных матерей,
Гамаза в пизде —
Гамазит весь день.
Уж мы хуй на хуй наставим —
Гамазу в пизде достанем!

*Прибаутка****

(6) **6**

Вкруг я бочки хожу,
Вкруг дубовенькия,
Я на бочку гляжу,
На дубовенькую.
Оттыкайся, гвоздок,
Вы(На)ливайся, медок!
Напивайся, душа,
Душа Ванюшкина (*вар.* зятюшкина)!
Я напился, как бык,
Сам не знаю, как быть!

Вкруг я печки хожу,
Вкруг муравленыя.

---

* Моск<овская губерния>.
** Моск<овская губерния>.
*** Моск<овская> губ<ерния>.

Я на печку гляжу,
На муравленую.
Отслоняйся, заслон,
Вынимайся, пирог!
Наедайся, душа,
Душа Ванюшкина (*или:* зятюшкина)!
Я наелся, как бык,
Сам не знаю, как быть!

Вкруг кроватки хожу,
Вкруг тесовенькия,
На молодку гляжу,
На пригоженькую.
Подымайся, подол,
Раздувайся, хохол!
Наебайся, душа,
Душа Ванюшкина (зятюшкина)!
Я наёбся, как бык,
Сам не знаю, как быть!*

(7) **7**

Свадебная малороссийская песня, которую поют в бесчестье молодой, если она окажется утратившею девственность до замужества.

Семь ебло
В одно стегно.
Не молю Христа,
Не болит пизда:
Ще трем дам!

(8) **8**

Барыня, барыня!
Сударыня, барыня![1]
+Ай, барыня-раскоряка,
Заморила в пизде рака.
Барыня... *etc.*

---

* Ворон<ежская> и Влад<имирская> губ<ернии>

[1] *Нижеследующие три строки добавлены позднее на поле рукописи справа поперек П. А. Ефремовым; обозначены крестиком.*

У барыни два салопа[1],
Ебут ее два холопа!

(Вар<иант>:

Как на барыне салоп,
Ебет барыню холоп.
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня!
Как на барыне чепец,
Ебет барыню купец.
Припев.)

У барыни два стакана,
Ебут ее два Степана.
Припев.
У барыни два ножа,
Ебут ее два ежа.
Припев.
Шла барыня по́ мосту,
Полна пизда хворосту.
Прип<ев>.
Барыня первернулась,
Пизда пузырем надулась.
Прип<ев>.
Как на барыне чепчик,
Ебет ее немчик.
Припев.
Барыня — в избушку,
Он ее — в пиздушку.
Припев.
Барыня — за грядку,
Он ее — вприсядку.
Припев.
Барыня — за кочку,
Он ее — вприскочку.
Прип<ев>.
Барыня — за кустик,
Там он ей запустит.

---

[1] *Было:* [как как] барын[ю] в солоп[е]

Барыня, барыня,
Сударыня, барыня!*

(9) **9**

Бабушка, ку-ку!
Сварила уху
Свому старику;
Старик хлебнул,
За реку дристнул —
За пятнадцать вёрст,
За Калинкин мост.
(*Прибаутка*)**

(10) **10**

Посею я репку,
Ни часту, ни редку.
Уродися, репка,
Ни часта, ни редка:
По хую-то корешок,
По пизде-то лопушок!
Уродилась репка,
Ни часта, ни редка:
Толще хуя корешок,
Шире пи́зды лопушок!
Повадились воры,
Воры не чужие —
Тёща родная.
Сел зять караулить;[1]
Одну ночь он караулил[2] —
Ничего не видал,
И другую караулил[3] —
Ни хуя не видал;
А на третью ночку
Поймал он тёщу

---

* Моск<овская губерния>
** Тверск<ая> губ<ерния>
[1] *Далее было*: а) [Одну ночь он] караулил;
б) [Он две ноченьки]
[2] *Было начато*: [Он две]
[3] *Было*: [и другую караулил]

За заднюю клёщу.
Потащил он тёщу
В осинову рощу,
Положил он тёщу:
Ножки к дорожке,
Ручки на кочки,
Жопой на кореньи (*вар.* на пенья),
Пиздой на размерьи (*вар.* на коренья).
Стал он тёщу чистовать,
Через жопу доставать.
— Ах, зятюшка!
Не грех ли наш будет?
— Я греха-то не боюсь,
Тебе вволю наебусь.
Прибежали детки:
— Матушка, репки!
Сударыня, репки!
— Ах, рассукины вы детки!
Уж мне не до репки!
Топите-ка избу,
(<Топите-ка> избушку)
Сушите мне пи́зду.
(<Сушите мне> пиздушку!)
Поглядела к зори —
На пизде мозоли,
Посмотрела к свету —
А секеля нету!*

(11) **11**

Чики́, чики́, чика́лочки!
Едет пизда (хуй) на палочке,
Хуй (Пизды) — на тележке,
Щелкает орешки.

(12) **12**

Ох, кости болят,
Все суставы говорят,

---

* Моск<овская губерния>

Как один-то сустав
С топорищо встал!

(13) **13**

Во саду ли, в огороде растет трава мята —
За то меня милый пялит, что я не богата!
Во саду ли, в огороде выросла петрушка.
Солдат бабу гладит с заду — думает, игрушка!

(14) **14**

К барыне

Ах, барыня Василиса —
В пизде черви завелися,
Немножечко проточили,
Три кареты проскочили.
Рассукин сын капитан
В пизде роту обучал,
Сам на секеле стоял...
Секель обломился,
В пизду провалился[1].

(15) **15**

Святочная[2]

Как бежала собака хохлатая.
Слава!
Она высрала говно суковатое.
Слава!
Да кому же мы спели — тому добро *etc.*

(16) **16**

Ах, еры́, еры́, еры́!
Собиралися еры́
На боярския дворы

[1] *Две последние строки добавлены Ефремовым справа под текстом.*

[2] *В рукописи № 15 — 18 записаны Ефремовым.*

С топориками,
С косариками —
Душу грешную губить:
Хую голову рубить.
Хуй на лавку (+*вар.* на ды́бки) встал,
Огрызаться стал.

(17) **17**

Как у нас на Дону
Уеб черт сатану,
Дьявол — дьяволицу,
Дьякон — дьяконицу,
Пономарь — кошку:
Переёб ей ножку.
Кошка три года хворала,
Коту еть не давала.
Кот с тоски
Упал с доски,
Перломил (+*вар.* перешиб) лапку
По самую лопатку.

(18) **18**

Ах ты, сукин сын, комаринской мужик,
Заголя жопу, на улице лежит,
Задеря ногу, попёрдывает,
За усы пизде́нь подергивает.
Отпустила себе усики пизда,
Словно наши офицеры-господа.
— Не была ль ты во сражении,
Во солдатском во служении?
— Нет, во службе я во царской не была,
Одному лишь офицерику дала.
А была я всё под ядрами,
Под солдатскими под храбрыми.

(19) **19**

Две курочки рябых,
Две курочки пестрых

Горох молотили,
С току волочили,
Попадью кормили.
Уж как наша попадья
Родила воробья,
Востроносаго, долгоногаго.
Пропал воробей,
Пропал молодой.
Нашли воробья,
Нашли молода́
На погребице
С красной де́вицей.
Повели воробья,
Повели молода́
На боярской двор,
В капитанской дом.
Стали воробья наказывати.
— Ты не бей меня кнутом,
Остриги меня кругом,
Три косички оставь
Да в попы меня поставь!
Кто ни едет, кто ни йдет,
Воробья попом зовет:
— Что ты, батюшка, попок,
Что ты ходишь без порток?
— Я поеду во полки,
Я куплю себе портки,
Портки строченыя, позолоченныя*.

(1[1])

[20]

Народная приговорка, когда подымают с постели молодых.

Жена ли, моя жёнушка,
Серебряное донышко,
Золотые краюшки!
Съела пизда варежки.

---

* Тверской губерн<ии>.

[1] *В рукописи № 20—25 присоединены к песням и имеют нумерацию № 1—6 (л. 311—311об.).*

(2)

[21]

Как старуха с стариком
Подралася голиком,
За то подралась —
Пощупаться не далась.

(3)

[22]

Писано-переписано
Село Борисово,
Поп Ермило
Обмочил чирку в чернило.
Чернило немило,
По хуй ломило.
Аннушка, матка!
Чешь пизду гладко.

(4)

[23]

Скажу я побаску
Про пизду-черноглазку;
Я скажу другую
Про пизду тугую.
Я скажу четверту
Про пизду нетёрту.
Я скажу пятую
Про пизду немятую.

(5)

[24]

Старуха старику
Посулила к Семику.
Уж Семик, Семик, Семик,
Ебет прасола мужик,
А поране Семика
Уёб прасол мясника.

(6)

[25]

Тпунды, баба,
Тпунды, дед,
Хватилися — хлеба нет.
Ложись, баба, на кровать,

Станем хлеба добывать.
Твоя ступа, мой толкач,
Запиздячаю — не плачь!

[26][1]

Села баба на дороге,
Расставила́ шире ноги:
«Пускай ветер продувает,
Когда милой не бывает!»

(20)

[27][2]

Елю-елю! Елю-елю!
Насадили в пизду хмелю,
Наварили меду, пива,
Напоили хуя пьяным,
Положили его спать,
Пизды начали качать.
— Ох ты, хуй! Ты, хуй, усни!
Живодан ты наш, усни! —
Он головку протянул,
В пизду черну заглянул.
Он и ручку взвел —
Пизду по уху оплёл.
А пизда губу надула,
Пошла к старосте на думу.
— Гей ты, староста, придумай,
Воевода, присуди! —
Вот как староста придумал,
Воевода присудил:
Чтоб не бить пизду,
Не ругать пизду,
Подлобо́к чтоб ей поправить
И в попы ее поставить.
Кто ни едет, кто ни йдет —
Всяк пизду попом зовет.

---

[1] *В рукописи эти 4 строки приписаны в разделе «Народные анекдоты» (л. 327об.).*

[2] *В рукописи все нижеследующие песни, в том числе «С рукописи 1802 г.», записаны в отдельную тетрадь Ефремовым.*

(22) **[28]**

По́ мосту-мосту́
Провели в Сибирь пизду —
Крепко скованную,
Ошельмованную!
И наказану кнутом,
И обритую кругом!
Три́ года пизду судили,
По тюрьмам ее водили;
Осудили стерву-блядь —
Чтоб в Сибирь ее послать.
А за то ее судили,
По тюрьмам ее водили,
Что испортила она
Тридцать восемь елдаков
У здоровых мужиков.
Привалили к кабаку
К кабашнику-елдаку.
А как этот ли кабак
От себя держал елдак.
И вот выслал он пиздушке
Водки целых три косушки.
Напилася стерва-блядь,
Начала пизда блевать,
И конвойный гарнизон
Потащил пиздюгу вон.
И тут прочие пиздушки,
Ее прежние подружки,
Все прощалися с пиздой,
Точно с матушкой родной.

(23) **[29]**

У ворот девка стояла,
Кулаки в пизду совала.
Увидала ее мать,
Начала ее ругать:
— Ах ты, курва! Ах ты, блядь!
Полно тебе ковырять!

(Для чего пизду копать?)
Продай шубку — купи хуй,
Кулака ж в пизду не суй!
(В руках его не балуй.
В плешь по праздникам целуй.
— [1]Государыня-мать!
Перестань меня ругать.
У меня свой чемодан,
Кому хóчу — тому дам!<)>

(24) **[30]**

Чоботуха, чоботуха,
Чоботухина мать
Умирала, умирала
Дай приказувала:
— Щоб ты хлопцям не давала,
Не показувала;
Пизду затыкала,
Затыкала дай замазувала.

(25) **[31]**

Святошная
(Богатство)

Как лежит кишка у большаго горшка.
Слава!
Уж как быть кишке да в большом горшке.
Слава!
(*И припев*)

---

[1] *Начато*: [Ах] сударыня

[ПЕСНИ] С РУКОПИСИ 1802 ГОДА[1]

1

Дай поедем мы с тобой,
Мой конь уже в упряжке. *(2)*
Дай поедем мы с тобой:
Две бурых на пристяжке,
Пыль взымут над собой.
Дай пое —
Дай пое —
Дай поедем мы с тобой.

Старых мудрецов не льстят
Любовныя затеи. *(2)*
Старых мудрецов не льстят,
Но девки бьют и в шеи
И видеть не хотят.
Старых муд — *(2)*
Старых мудрецов не льстят.

Сзади едет на коне
Пашóй турецкой сводник. *(2)*
Сзади едет на коне,
За ним кричит разбойник:
— Постой! И дай ты мне!
Сзади ед — *(2)*
Сзади едет на коне.

Запись думал я подать
В губернское правленье. *(2)*

---

[1] *Перед названием имеется замечание Афанасьева*: «N.B. Это не народные, а пошлые романсы» (л. 313об.).

Запись думал я подать,
И скораго решенья
Оттудова мне ждать.
Запись ду — *(2)*
Запись думал я подать.

Ах, у етих дам всегда
Веселости, забавы, *(2)*
Ах, у етих дам всегда:
Что и другие правы —
В условьи нет следа.
Ах, уе — *(2)*
Ах, у етих дам всегда.

Етот худ, сестра, корсет,
Тебе он не по брюху. *(2)*
Етот худ, сестра, корсет —
Он влезет на старуху
Семидесяти лет.
Етот ху — *(2)*
Етот худ, сестра, корсет.

Толстым худо слишком быть:
Ходить пешком наскучит. *(2)*
Толстым худо слишком быть:
Красавицу замучит
И вечно повредит.
Толстым ху — *(2)*
Толстым худо слишком быть.

Ах, уехал милой мой,
О ком я слезно плачу. *(2)*
Ах, уехал милой мой,
О ком я слезно плачу,
О ком я слезы лью.
Ах, уе — *(2)*
Ах, уехал милой мой.

Во мху я сейчас гулял,
С одною я девчиной. *(2)*
Во мху я сейчас гулял
И клялся ей в любви.
И точно я питал!
Во мху я — *(2)*
Во мху я сейчас гулял.

Уху я сейчас хлебал
У девочки прекрасной. *(2)*
Уху я сейчас хлебал
С такою я красоткой,
Что лучше быть нельзя.
Уху я — *(2)*
Уху я сейчас хлебал.

Ольху я сейчас щипал
И цветом голубую. *(2)*
Ольху я сейчас щипал.
Красавицу драгую
Всечасно вспоминал.
Ольху я —
Ольху я —
Ольху я сейчас щипал.

2

Приезжал сюда с заводов молодец —
Он удалой хват, олонецкой купец.
Рассказавши всем ебательных вестей,
Созывал к себе на игрище гостей:
— Вы пожалуйте приедьте в мой погост,
У меня ли от заводу на пять верст.
Для вас будет люминация,
Представлена хуерация,
Фонарям разным увешена,
Посреди пизда повешена.

Фонари будут из разных цветов,
Каждый стóит со мудями сто хуев;
А у самого заводского двора
Будет сделана потешная гора:
Все машинами катаются,
На хуях вверх поднимаются.
На горе же на макушечке
Самы узеньки пиздушечки,
На хую сидя, поплясывают,
Меж собою поговаривают:
— Ах, в каком тогда нам должно быть труде,
Как трясти дадут матёрые муде,
Жопеями подъежеривати,
А пупами пошевеливати.
Под горою ж в караулочке у нас
Яровиста потаскушка во сто раз:
На хую сидя, прижимиста краса.
Не альта поеть, а первого баса.
За морями обучалася,
Сюда еться к нам примчалася;
Захотела парня востраго,
У него ли хуя толстаго —
Длиной был бы ровно с четвертью аршин,
Толщиною, словно охтенской кувшин.
Ей коптилко жеребячий показал,
Прижав шапочку, так на ухо сказал:
— Коли хочешь ты ебатися,
Изволь на хуй подвигатися.
От таких его задористых речей
Из пизды ее рассолу тек ручей,
Так что вся она зарделася,
На хую-то завертелася.
Старша дочка Барбарыкина,
По прозванью Хуерыкина,
Верхом сидя на Ромашке, на быке,
Значит, держит хуй с мудями в колпаке.
Из-за лесу, лесу темнаго
Привезли хуя отменнаго
И везли его шестеркой на волах.

При таких же самова́жнейших делах
Сторожонкой тут был старый хрыч —
Самого его хоть в жопу тычь.

3

Люблю тебя, Уляха,
Люблю тебя, мой свет!
Ты девка не неряха,
Я парень хоть куда:
    Лошадку ль впречь,
    Капусту ль сечь,
    Дрова ль принесть,
    Воды ль привезть.
Мы сладим, мы сладим, мы сладим с тобой.

А щец понахлебавшись
И Богу помолясь,
На печку мы забравшись,
Одёжу с себя сняв,
    Ты ляг ко мне,
    А я к тебе
    Нога к ноге,
    Рука к руке.
Мы[1] сладим *(3)* с тобой![2]
А там уже заляжешь
Ко мне ты на кровать,
Целуя меня, скажешь:
— Ах, парень, милой хват,
    Опять качни,
    Плотней прижми,
    Задком вильни,
    Мудам тряхни!
Ах[3], сладим *(3)* хорошо![4]

---

[1] *Было*: а) [Мы]; б) [Ах]
[2] *Было*: а) [с тобой]; б) [хорошо]
[3] *Было*: [Мы]
[4] *Было*: [с тобой]

Тогда-то поживется
Скажу, что хорошо,
Когда у нас зайдется
Ужасно горячо.
Как ты плеснешь,
Пизду сожмешь,
Дырой вильнешь,
Сама вздохнешь.
Ах[1], сладим *(3)* хорошо![2]

Когда же ты переменишься,
Не будешь мне давать,
Не очень сим гордися,
Не стану тосковать:
В кулак схвачу
И сам вздрочу,
Когда встрясу,
Тогда вскричу:
Я сладил, я сладил, я сладил без тебя!

4

Звала меня синица
Ночку ночевати,
Ночку ночевати —
Пизду починати.
А я так и не пошел —
У меня хуй небольшой.
Пошел я к соседу,
Да выпросил сальца,
Да помазал яйца —
Чтобы слизче были,
Сами в пизду плыли.

---

[1] *Было*: [Мы]
[2] *Было*: [с тобой]

Прибаутки

а[1]

— Вчерашний день я по улице гулял, видел: петух топчет курицу, воробей — воробку;* надели меня супругой — веселой и упругой.

— Будешь доволен, я знаю приворотной корень, да видя твою дурацкую рожу — приведу тебе козу.

— Чем же тебя благодарить, не успел киселя наварить; хотел бы сварить кашу, да расклевали куры чашу.

б

— Где ты, сорока, была?

— Да на колу сидела.

— Да что ж ты оттуда улетела?

— Да напакастила.

— А, напакастила! Черт же те в шею, так ты и здесь напакастишь!

в

Был я доброй молодец, пошел я к синю морю дубище-кореньище рубить; как отрубил я коренец, он ударил меня посеред яец, так вот и теперь у меня рубец. Пошел я оттедова по-над синим морем и зашел в кузницу.

— Кузнецы, кузнецы, скуйте мне топор — крепок и востёр.

---

[1] *Прибаутки а—ж находятся в рукописи в разделе сказок под № 17. Тексты з—к наст. изд. расположены в рукописи в разделе «Прибаутки».*

* *<Вариант>*: Петух курицу топчет, она под ним клокчет.

Взял топор, иду по-над рекою, а там прачка: я етую[1] прачку кляпом в срачку, она в воду, я на колоду, высек из пизды лобок и уехал на тот бок.

г

Стоит поп на льду, подпер хуем бороду. Ебена мать — дочку ебли на лубочку; лубочек вот гнется, черна пизда трется-потирается, разъебается. Трах, трах, трах! Еб старуху монах на осиновых дровах — три полена в головах.

д

В пизде черви завелись, немножечко проточили — три кареты проскочили. Гарнизонной капитан в пизде роту обучал, сам на секеле стоял да всё саблею махал, нигде края[2] не достал[3].

е

Из монастыря Боголюбова идут старцы станицами; впереди идет сам игумен, ничего он не гунит (скажет).

— Состроем те, братия, келью под елью, проторим дорожку в деревню, чтоб молодыя бабы ходили, печеныя яйца носили, нас, молодцев, кормил!

ж

Задумал наш дядюшка женитися на сивой кобыле. Стали мы своего дядюшку женити в четыре свахи дубовыя, пята сваха вязовая. С той радости наш дядюшка усрался, кругом говном обклался, домой пришел — не сказался.

[з]

Шуба-кожара в лес побежала,
Вшей пороняла.

---

[1] *Было*: [э]тую

[2] *Было*: кра[ев]

[3] *Далее начато и не закончено*: [А как]

Ехали бояра, вшей собирали;
Купили избушку о семи углах,
Ни печки, ни лавки,
Ни задоринки —
Одна доска поперечинка.
На этой на доске Акулина спит.
Пришел молодой к Акулине,
Принес тафту — золоту камку.

[и]

Хинь-хинь на повыть (*чердак*) побежал;
На повыти мужики пиво пьют,
Мужика бьют,
Бьют мужика — о четыре кулака.

[к]

Туру-туру, бадажок, далеко летишь?
— От моря до моря.
Галки, чечетка, баби́ще.
Ба́бище родила утенка.
Как зовут дитёнка?
— Кишком да мешком,
Перевёртышком.

Байки

[1]

Спи, усни, большой вырасти!
Вырастешь большой —
Станешь в золоте ходить,
Мамкам-нянькам обносочки дарить[1].

Спи, мое дитятко!
Баю, баюшки, баю!
Спи, мое милое,
Спи, моя ягодка,
Спи, мое семячко!
Будешь ты вели́ко[2],
Станешь в золоте ходить,
Станешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
Вырастешь побольше —
Станут девушки служить,
Станут девушки служить,
Нянюшки прислуживать.
Вырастешь большая[3], дадут тебя замуж,
Дадут тебя замуж в большую деревню,
В большую деревню — в согласную семью,
За молодчика, за кудрявчика, за красавчика!
Спи, усни! Угомон тебя возьми!
Бай, бай, бай-баю, баюшки-баю!

---

[1] *В рукописи строки 5—23 выявлены позднее как продолжение и занесены в рукопись в раздел «Народные анекдоты» с обозначением (**).*

[2] *Было:* велик

[3] *Было:* [по]больш[е]

[2]

Бог тебя дал, Христос даровал,
Пресвятая Похвала в окошко подала, Иваном назвала: «Нате-тко, да примите-тко! Уж вы, нянюшки, уж вы, мамушки!
Водитеся, не ленитеся.
Старыя старушки! Укачивайте;
Уж вы, молоды молодки, уговаривайте; красныя девицы! Убаюкивайте да упрятывайте.
Спи с Богом со Христом,
Спи со ангелами;
Спи, дитя, до утра, до солнышка.
Будет пора — мы разбудим тебя».
Сон ходит по лавке, дремота по избе.
Сон говорит:
— Я спати хочу.
Дрема́ говорит:
— Я дремати хочу.
По по́лу, по лавочкам похаживают, Ванюше в зыбочку заглядывают, спать укладывают.

Заговоры

(Выписаны из рукописного сборника, обращавшегося в простом народе)

[1]
От невстанихи

Наговорить на 3 куска сала, тем салом потереть хуй и высцаться в старую ось — в дыру:

«У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 составов; все бы они[1] действовали, и все бы они владели, и впрямь бы хуй стоял. Аминь, аминь, аминь!»

Можно наговаривать еще на голик или на отпертой замóк; тот голик или замок окатить водою 3 раза и дать воду испить; или потереть с наговором хуй об дышло или об осиновой сучок. Еще берут улий-матошник, кладут его в вино и наговаривают; тем вином поят.

[2]
Чтобы хуй не стоял

Взять суровую нитку и завязать ею тенето в три узла и на каждом узле говорить:

«У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 составов — все бы они на рабу Божию (имярек) не действовали, и все бы они не владели, и впрямь бы хуй не стоял. Аминь, аминь, аминь! Будь у[2] него как нитка, а у ней как тенето!»

После того бросить тенето на такое место, где бы он мог его перешагнуть.

Тот же заговор читают 3 раза на иглу, и за каждым разом надо иглу погнуть, а потом бросить ее в такое место, где бы имярек перешагнул через нее.

---

[1] *Далее*: [на рабу Божию (имярек)]

[2] *Далее*: [ней как]

Старческой стих[1]

Как у Спаса на Новом
Архимандрит был новой,
Строители-разорители,
Экономы-пустодомы;
Они рано нас будили,
Понемногу нам пити давали.
Рассердимся мы, братия,
Не пойдем ни к обедни-заутрени,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет[2] нас игумен просить,
Будет[3] кланяться.
Выкотят нам, братия[4],
Бочки дубовыя,
Подадут нам, братия,
Ковши железныя!
Размахнем, почерпнем,
По компаньи обнесем,
Кому два — кому три,
Мне четыре ковша.
Кабаки[5] возрадуются,
А пьяницы возвеселятся!

---

[1] *«Старческой стих» находится в рукописи в разделе сказок под № 18. К названию имеется подстрочное примечание Афанасьева*: «В Москве слышан мною от слепца гораздо в полнейшем виде и более интересный вариант».

[2] *Было*: [Станет]

[3] *Далее*: [просить]

[4] *Было*: Выкотят нам [бочки дубовыя]

[5] *Далее было*: возрад[оваются / (и) Возвеселятся пьяницы!]

Дополнение

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗ ИЗДАНИЯ: «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ». ВАЛААМ. ГОД МРАКОБЕСИЯ.

«Honny soit, qui mal y pense»[1].

Издание наших *заветных* сказок в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нимало не стесняясь выражениями, развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей pruderie[2]. Наши заветные сказки — единственное в своем роде явление: как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме била таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же *заветных* рассказов и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, farces, soties, moralités, dictons[3] и т. п. другие народы обладают огром-

---

Здесь и далее примечания Филобибла помечены звездочкой, а примечания подготовителей наст. изд. (см. Примечания) — цифрами. (Ред.)

ным количеством произведений, в которых народный ум, также мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, защепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игривые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и facéties[4] XV, XVI и XVII веков — не из того же источника, что сатирические произведения испанцев, Spottlieder[5] и Schmähschriften[6] немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни, — не народные произведения? В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений непечатных, *не для печати*. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве *Ragionamenti* P. Aretino[7], *Capitoli* Franc. Berni, Giov. della Casa, Molza[8], *La Rettorica delle Puttane* Pallavicini[9], *L'Alcibiade fanciullo a scola*[10] и произведения других итальянских писателей, далее книга Меурсия *Elegantiae latini sermonis*[11], целый ряд известных во французской литературе: Joyeusetez, facéties et folastres imaginations*[12], знаменитый *Recueil de pièces choisies par les soins du Cosmopolite*[13], разве весь этот поток Flugschriften[14], о которых говорит Schade: die damals wie eine Fluth übers Land fuhren**[15], не доказывают ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться дымкой стыдливой pruderie и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о *макароническихъ*[16] произведениях, пользующихся такою честию от великолепного Лаврентия Медичиса[17] и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец, заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии вроде *Bibliotheca scatologica* (Scatopolis, 5850)[18], отделы, известные в книжном мире под именем: Singularités, Curiosa, Erotica, Ouvrages sur l'amour, sur la galanterie[19] и т. д.

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами — само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто только на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире и иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них

---

* См. Reimpressions par Caron, Montaran, Techener, Veinant, J. Gay и других.

** Sie kennzeichnen sich fast alle durch ein scharfes satirisches Element, beispiellosen Freimuth, mitunter durch grosse Derbheit u. s. w. (Satiren u. Pasquille von Oscar Schade).

ничего не тронуто, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями. Проводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем даже излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица — животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, в лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратий — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом «*жеребячьей породе*», из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям, и верное понимание их.

Любопытны наши заветные сказки, помимо многих сторон, и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья рассказы Боккаччо*, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, какого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества и т. д., и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали книга наша тихо печаталась в той отдаленной от тре-

---

* См., напр<имер>, сказку № LXXVII — «Купеческая жена и приказчик». *[В наст. изд. № 76.]*

волнений света обители, куда еще не проникала святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них чуждое всякой цензуры благородное искусство книгопечатания, и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: *русские заветные пословицы* и продолжение *русских заветных сказок*. Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием их мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратьям — истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и ее светлого юмора.

Филобибл

Приложения

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Настоящее издание подготовлено по рукописи, хранящейся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН — РІ, оп. 112. Рукопись представляет собой тетрадь в переплете, размером в 1/2 листа, имеющую 330 листов, исписанных с обеих сторон черными чернилами, последний лист — внутренняя сторона переплета тетради. Почти все записи за некоторым исключением (см. далее) сделаны рукою А. Н. Афанасьева. На первом, титульном листе обозначено: «Народные русские сказки не для печати. 1857 — 1862». Перед датами 2 строки густо замазанного текста. Вторая дата, по всей видимости, поставлена позднее, другим пером.

Отдельные листы рукописи повреждены (например, л. 92, 93 и др.), чернила на многих выцвели и читаются с трудом. Текст имеет множество поправок и вычеркиваний, сделанных по ходу переписывания текста; наиболее существенные из них приводятся в подстрочных примечаниях с цифровым обозначением и заключаются в квадратные скобки, указывающие на вычеркивание текста в подлиннике. Такие примечания дают возможность увидеть общую картину правки Афанасьевым фольклорных записей.

Рукопись содержит не только сказки, но и пословицы и поговорки, собранные В. И. Далем и озаглавленные «Заветные пословицы и поговорки. В. И. Даля». Последнему принадлежат и «Загадки и отгадки». Собрание В. И. Даля дополнено самим А. Н. Афанасьевым и П. А. Ефремовым (64 пословицы и поговорки, а также 26 загадок). В рукописи находятся также песни, байки, прибаутки, приметы, заговоры и народные анекдоты.

Наибольший объем собрания занимают сказки. А. Н. Афанасьев пополнял отдельные разделы своего собрания, поэтому тексты, вписанные позже, помещены в конце тетради с указанием, после каких страниц они должны следовать. Рукою П. А. Ефремова в рукопись вписаны 9 пословиц (№ 107, 197, 240, 261, 270, 279, 297 и 358), и 3 загадки (№ 13, 14 и 32). Им же написана часть песен (№ 14, ст. 8 — 9; 10, ст. 41, 43; 15; 16, ст. 8 — 9; 17; 18; 27; 28; 29, ст.

1 — 6, 8 — 9 и все песни под заголовком «С рукописи 1802 года»).

В основу подготовки самих текстов к изданию положены следующие принципы.

Тексты, относящиеся к одному жанру, объединены в одном разделе и последовательно пронумерованы. Варианты одного и того же сказочного сюжета, находящиеся в разных местах рукописи, публикуются под общим названием и обозначены буквами русского алфавита (в рукописи — латинского). Если же вариант имеет собственное заглавие, оно приводится в круглых скобках.

Устранены повторы одних и тех же текстов пословиц (см. л. 297об. и 299об.). Варианты, заключенные в круглые скобки, в общем числе пословиц и поговорок не учитываются, как это сделано самим Афанасьевым. Расхождение в общем числе текстов настоящего издания и рукописи объясняется тем, что отдельные пословицы и поговорки записаны в разных местах рукописи и не имеют своего номера.

Устранены имеющиеся в отдельных случаях несоответствия заглавий в текстах заглавиям «Оглавления». Так, например, заглавие пословиц и поговорок в «Оглавлении» в отличие от заглавия перед текстами именуется как «Похабные пословицы и поговорки» и не имеет указания на собирателя и т. д.

Тексты пословиц, поговорок и загадок, данные Афанасьевым в порядке старого алфавита, не всегда соблюдаемом, расположены в соответствии с алфавитом современным.

Написание слов дается в новой орфографии, пунктуация — по правилам современной грамматики с учетом некоторой специфики фольклорных текстов. Диалектные слова и словосочетания полностью сохраняются. Также сохранены особенности спряжения и склонения, характерные для народной речи. Тексты украинского происхождения даются в современной орфографии; слова, восстановленные по смыслу вместо неверно записанных и несуществующих ни в русском, ни в украинском языках, заключаются в угловые скобки.

Круглые скобки в текстах принадлежат Афанасьеву. Им же сделаны подстрочные примечания, обозначенные звездочками. Курсивом выделены слова, введенные собирателем или Афанасьевым, поясняющие текст. Пометы Афанасьева к отдельным текстам сказок приводятся в соответствующих комментариях. Примечания с цифровыми обозначениями принадлежат подготовившим настоящее издание.

Не прочтенное в рукописи слово или его часть обозначается: *нрзб*. Предположительное прочтение слова сопровождается вопросительным знаком, заключенным в угловые скобки, в такие же скобки

заключены слова, место которых при их повторе отмечено в рукописи прочерком. Исправленные описки специально не оговариваются.

В «Приложении» настоящего издания помещается предисловие, подписанное псевдонимом Филобибл, предварявшее тексты *первого* издания части собрания сказок А. Н. Афанасьева.

О. Б. Алексеева

О РУКОПИСЯХ А. Н. АФАНАСЬЕВА
«Народныя русския сказки не для печати (из собрания В. И. Даля)» и «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)», а также об издании В. И. Касаткиным в 1867 году книги «Русския заветныя сказки»

История работы Александра Николаевича Афанасьева (1826 — 1871) над рукописью «Народныя русския сказки не для печати» и издания сборника «Русския заветныя сказки» (далее «РЗС») полна загадок, мистификаций и домыслов.

Еще в 1936 г. Ю. М. Соколов отмечал: «Афанасьев издал этот сборник анонимно под названием «Заветные сказки», за границей. Кто помог Афанасьеву издать эту книгу и какова вообще история издания этого сборника, до сих пор остается неизвестным»[1].

Шли годы, но и в 1965 г. исследователи еще писали, что «...история напечатания «Заветных сказок» до сих пор окончательно не выяснена»[2].

Это же констатировалось и через двадцать три года: «История печатания его до сих пор не выяснена»[3] и, «так или иначе, история публикации «Русских заветных сказок» еще ждет своего исследователя»[4].

---

[1] *Соколов Ю. М.* Жизнь и научная деятельность Александра Николаевича Афанасьева // *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: [В 3 т.] / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. [М.]: Academia, 1936. Т. I. С. LIV. В статье автор неточно называет издание: «Заветные сказки».

[2] *Померанцева Э. В.* Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1965. Вып. III. С. 159. (Труды Института этнографии; Т. 91).

[3] *Баландин А. И.* Научный подвиг А. Н. Афанасьева // *Афанасьев А. Н.* Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988. С. 17.

[4] *Он же.* Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф. И. Буслаев. М.: Наука, 1988. С. 148 — 149.

Не обольщаясь надеждой обогатить книговедение ответами на большинство поставленных вопросов, рискнем все же представить некоторые результаты поисков, тем более что автор настоящей статьи обладает почти всеми изданиями «РЗС». Нам также посчастливилось работать с самой рукописью.

Настоящая наша публикация развивает идеи предыдущих[1].

Известно, что первое издание «Народных русских сказок» (далее «НРС») А. Н. Афанасьева вышло в восьми выпусках в 1855 — 1863 гг. Состояли они в основном из материалов, полученных ученым из Русского Географического общества, от Владимира Ивановича Даля (1801 — 1872) и других источников. Собираясь передать сказки Афанасьеву, Даль писал ему в Москву из Нижнего Новгорода 24 октября 1856 г.: «В моем собрании *много* (курсив наш. — *Л. Б.*) таких, которыя печатать нельзя, а жаль — они очень забавны»[2]. В предисловии «Напутное» к «Пословицам русского народа» он сообщал: «Отослал<...> сказки, стоп до шести, в том числе и много всякого вздору А. Н. Афанасьеву»[3]. Тот в свою очередь сообщал в предисловии к четвертому выпуску первого издания «НРС»: «В настоящем выпуске... напечатаны сказки, *собранныя В. И. Далем*. ...Собрание В. И. Даля... заключает в себе более тысячи списков. ...В заключение прибавим, что некоторыя очень любопытныя сказки из *собрания В. И. Даля*, к сожалению, не могут быть допущены в печать, ради нескромности своего содержания; героем подобных рассказов чаще всего бывает *попов батрак*. Здесь много юмору, и фантазии дан полный простор»[4].

---

[1] *Бессмертных Л. [В.]* Нецензурные сюжеты: Об изданиях «Русских заветных сказок» *А. Н. Афанасьева* // Эрос. 1991. № 1. С. 18 — 24; *Он же*. «Сказки русские заветные... Редкость. Запрещена» // Книжное обозрение. 1992. 24 июля (№ 30). С. 3; *Он же*. Об изданиях «Русских заветных сказок» А. Н. Афанасьева: (История. Гипотезы. Открытия) // *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки А. Н. Афанасьева. М.: Мирт; Париж: Русь, 1992. С. XVI — XLV; [*Он же*]. Новые факты об изданиях «Русских заветных сказок» А. Н. Афанасьева // Русский эрос. Баня: [Сборник эротической прозы и поэзии]. М.: Мистер ИКС, 1994. С. 402 — 405. (В разделе «Комментарии»; авторство не указано.)

[2] Из переписки А. Н. Афанасьева. Письмо В. И. Даля / (Сообщил Е. И. Якушкин) // Помощь голодающим: Научно-литературный сборник М., 1892. С. 531.

[3] Пословицы русскаго народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. В. Даля // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университет. тип., 1861. Кн. 2. С. XXXIX; То же. В отдельном изд. (М., 1862).

[4] Народныя русския сказки, издал А. Афанасьев. М.: Тип. Каткова и К^0, 1858. Вып. IV. С. [7 — 8]. Предисловие перепечатано: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1985. Т. III, дополнение III. С. 355.

Получив в 1857 г. от Даля свыше тысячи списков сказок с многочисленными вариантами, Афанасьев рассортировал их, отделив те, которые «не могут быть допущены в печать, ради нескромности своего содержания», а также немногочисленные сказки явно антипоповского характера, подготовил четвертый выпуск «НРС», который вышел в 1858 г., и только после этого подробно ознакомился с непечатной частью собрания Даля. Осознание научной значимости изучения этого направления народной словесности привело Александра Николаевича к мысли собрать и оставить эти сказки для потомков, хотя бы в виде рукописи. Он, кстати, отмечал, что среди полученных им сказок «довольно попадается и таких, которые записаны весьма слабо, не отчетливо... или вовсе не представляют ничего занимательного (таковы некоторые солдатские рассказы). Вообще относительно языка собранных г<-ном> Далем сказок следует заметить, что очень немногие переданы с соблюдением местных грамматических форм. Несмотря на то, собрание это весьма важно»[1].

Прошло несколько лет, и в 1861 г. Афанасьев получил, возможно и в этот раз от самого Даля, другой ряд текстов под общим заглавием «Русския заветныя пословицы и поговорки», куда вошли: «Заметка», «Пословицы и поговорки», «Скороговорки», «Приметы», «Загадки». Эти материалы Афанасьев также решил переписать, дополнив их песнями, прибаутками, байками, заговорами. Затем он соединил обе рукописи, связав их единой нумерацией листов, начиная со сказок. Свободные листы в тетрадях обеих рукописей и присоединенные к ним двойные листы он заполнил сказками и песнями от других собирателей.

В итоге за пять лет сложилась особая составная (из двух независимых частей) рукопись, которая и дошла в таком виде до нашего времени.

По устному сообщению Н. С. Ашукина, в 1932 г. родственница А. Н. Афанасьева принесла рукопись в московское издательство «Academia». Для покупки ее у издательства не было средств. Тогда Ашукин связался с М. А. Цявловским, посредством коего были сняты три машинописные копии[2]. В конце концов, в 1939 г. (запись № 45) рукопись поступила в Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (РО. Ф. Р1. Оп. 1. № 112). Ее сопровождал следующий документ, написанный чернилами:

---

[1] Там же. С. [8].

[2] Одна из этих копий хранится в РГБ в фонде М. К. Азадовского (РО. Ф. 542. Карт. 33. Ед. хр. 2). В ней отсутствуют титульный лист и сказки № 156 — 164. Копия неправильно озаглавлена: «Русские заветные сказки». Сюда по недоразумению включено предисловие из второго издания «РЗС» (которого в рукописи нет).

«В издательство «Akademia» [*так!*]. По предложению Вашему мы ознакомились с рукописным сборником «Народные русские сказки не для печати», собранные Афанасьевым, и убедились, что весь сборник писан собственноручно А. Н. Афанасьевым, кроме нескольких страниц, как напр<имер> приложение к стр. 300 [карандашом позже добавлено: (310)].

9 июля 1932 г. Члены Всеросс. Союза сов. писателей Н. Ашукин, М. Цявловский».

С тех пор с этим многострадальным наследием великого русского фольклориста знакомились считанные единицы ученых. Запрет на его изучение и публикацию, действовавший по понятным причинам до недавнего времени, не позволял исследователям разрешить целый ряд вопросов, порожденных непростой судьбой этой рукописи. Поэтому ниже мы постараемся дать максимально подробное ее описание.

ОПИСАНИЕ СОСТАВНОЙ РУКОПИСИ

Общего титульного листа составная рукопись не имеет.

Титульный лист первой рукописи, начертанный Афанасьевым, содержит следующие сведения: вверху проставлена прописная буква немецкого слова: Titelblatt — *Т*. Далее следует заглавие: «Народныя русскія сказки | не для печати |». Следующие две строки зачеркнуты, но совершенно определенно читаются под лупой: «(Изъ собранія В. И. Даля) — | А. Н. Аѳанасьева)». | Затем идет: «1857 — 1862. | Собраны, Приведены въ порядокъ и | сличены по многоразличнымъ | спискамъ А. Аѳанасьевымъ».

Последняя дата и следующее за ней предложение вписаны позднее размашистым почерком и указывают на время окончания работы над первой рукописью. Предложение изначально не сконструировано. Оно было начато со слова «Приведены» (с прописной буквы «П»), причем под этим словом просматривается начало другого слова. Вместо предлога «въ» далее шло «и». Слово «Собраны» было вставлено позднее, видимо, после зачеркивания слов «(Из собрания В. И. Даля...)». В начертании комбинации «В. И. Даля» конфигурация букв (судя по видимой верхней части) и длина строки в точности соответствуют особенностям написания этого имени на л. 290 рукописи.

Нам известна только одна попытка прочтения зачеркнутых слов на титульном листе. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков дают следующий вариант: «Народные русские сказки не для печати. Из собрания А. Н. Афанасьева. 1857 — 1862. Собраны, приведены в порядок и

Народныя русскія сказки

не для печати.

1857–1862.

Собраны, приведены в порядокъ и
снабжены по типографскимъ
спискамъ и собственнымъ

Факсимиле титульного листа первой рукописи

сличены по литературным [*так!*] спискам А. Н. Афанасьевым»[1]. В свете сказанного выше данное прочтение не может быть признано удовлетворительным.

Согласно архивной нумерации, в составной рукописи имеется 330 листов. Нумерация Афанасьева дана чернилами (в правом верхнем углу листов). Ее и возьмем за основу при описании рукописи (архивную нумерацию приводим через косую черту).

Вначале идут три ненумерованных листа с «Оглавлением», приложенные к рукописи. Сотрудники Рукописного отдела поместили их, ошибочно на наш взгляд, вслед за титульным листом и присвоили свою нумерацию: 2 — 4. Условно обозначим эти листы: [II — IV] / 2 — 4. Собственно сказки открывает ненумерованный титульный лист: [I] / 1. Далее на листах 1 — 279 / 5 — 283 идет первая рукопись со сказками № 1 — 139, 141 — 142, «К № 143». В конец первой рукописи дополнительно вложены три двойных листа со сказками № 156 — 164: 280^{a}, 280^{b}, 280^{c}, 280^{d}, 280^{e}, 280^{f} / 284 — 289. Вторая рукопись с заглавием «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)» имеет нумерацию: 280 — 300 / 290 — 310. Дополнительно сюда вшиты три двойных листа с песнями: «К стр. 300»A, «К стр. 300»B, C, D, E, F / 311 — 316. На чистые листы тетрадей второй рукописи вписаны сказки: 301[b], 301^{c}, 301, 302, 303^{a} / 317 — 321. На еще двух дополнительно вшитых двойных листах записано продолжение сказок: 303^{b}, 303^{c}, 304^{a}, 304^{b} / 322 — 325. Последняя тетрадь с текстами второй рукописи и сказкой № 144 имеет нумерацию: 304^{c}, 305 — 307 / 326 — 329. Окончание сказки № 144 поместилось на листе, приклеенном к внутренней стороне задней переплетной крышки: [308] / 310.

Листы исписаны с обеих сторон несколькими перьями черными чернилами разной насыщенности за исключением л. 280^{a} — 280^{f} / 284 — 289 и л. 300A / 311, где чернила светло-коричневые. Листы [I]об. / 1об., [IV]об. / 4об., 304^{b}об. / 325об., [308]об. / 330об. (приклеен) остались чистыми. Листы 279 / 283об., 300 / 310об. исписаны наполовину.

Согласно цитированному выше заключению М. Цявловского и Н. Ашукина, тексты в рукописи «писаны собственноручно

---

[1] *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. /Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. I. С. 395. (Лит. памятники). Там же в примечаниях к т. III (с. 426) иначе: «Русские сказки не для печати. 1857 — 1862. Собраны, приведены в порядок, сличены с литературными списками А. Н. Афанасьевым». В этой же статье авторы ошибочно характеризуют вышеприведенное письмо Даля к Афанасьеву от 24 октября 1856 г. как адресованное Афанасьевым П. П. Пекарскому, смещая тем самым все акценты (т. I. с. 419).

А. Н. Афанасьевым, кроме нескольких страниц, как напр<имер> приложение к стр. 300». Но сверка почерков лиц из окружения А. Н. Афанасьева приводит к однозначному выводу — в рукописи имеются также тексты, принадлежащие руке известного публикатора и комментатора сочинений русских писателей, библиографа и библиофила Петра Александровича Ефремова (1830 — 1907). В подстрочном примечании А. Н. Афанасьева к разделу «Пословицы и поговорки» читаем: «Означенные крестикомъ добавлены мною [далее с другой строки ниже идут слова, зачеркнутые впоследствии двумя чертами, но читается: и П. А. Ефрем<овым>]». Под зачеркнутым проставлен корректурный знак из девяти точек, означающий его отмену (л. 280об. / 290об.). Именно эта сноска подтолкнула нас к изучению почерка Ефремова (с его характерным написанием букв «к» и «з») и позволила выявить степень вмешательства в рукопись этого весьма квалифицированного специалиста.

П. А. Ефремов вписал следующие тексты: 18 пословиц в раздел «Пословицы и поговорки» (в алфавитном порядке над соответствующими строками) на л. 280об. — 290 / 290об. — 300 (в наст. изд. № 5, 26, 28, 38, 45, 62, 107, 197, 229, 240, 261, 270, 279 (без креста), 297, 298, 358, 403 (без креста), вариант к № 167), загадки № 44, 45, [48] (в наст. изд. № 14, 32, 13) в конец раздела «Загадки» на л. 295об. — 296 / 305об. — 306, добавил в пословицу «Молодушка...» вариант «пиздушке», а в пословице № 324 переставил для рифмы слово «пердит». В разделе «Песни» ему принадлежат: вариант к № 8 «Ай, барыня раскоряка...» на л. 297об. / 307об. (в наст. изд. № 8 (ст. 3 — 5)), два варианта к № 10 («— избушку», «— пиздушку!») на л. 299 / 309 (в наст. изд. № 10 (ст. 41, 43)), слова «хуй» и «пизды» над второй и третьей строками № 11 (в наст. изд. № 12), вариант к № 14 «секель обломился, в пизду провалился», песни № 15 — 18 на л. 299об. — 300 / 309об. — 310 (в наст. изд. № 14 (ст. 8 — 9), 15 — 18), № 20, 22, 23, 24, 25, [песни] «С рукописи 1802 года», а именно: № 1 — 4 на л. «К стр. 300»В — [к стр. 300]Е / 312 — 316 (в наст. изд. соответственно № 27, 28, 29 (ст. 1 — 6, 8, 9), 30, 31, «С рукописи 1802 г.»).

В рукописи много исправленных, зачеркнутых, надписанных слов, строк и целых вариантов, появившихся в процессе фиксации текстов и последующей их правки. Поля минимальные, на странице умещается от 26 (в начале) до 36 (далее) строк.

Обе рукописи, заполнявшиеся в течение пяти лет, состоят из семнадцати основных тетрадей (сшитых друг с другом) и девяти вшитых или вложенных двойных листов.

Первая рукопись включает с первой по тринадцатую тетради (сказки № 1 — 139 на л. 1 — 276об. / 5 — 280об.): первая

(24 л.) — л. [I], 1 — 23 / 1, 5 — 27; вторая (24 л.) — л. 24 — 47 / 28 — 51; третья (20 л.) — л. 48 — 67 / 52 — 71; четвертая (20 л.) — л. 68 — 87 / 72 — 91; пятая (22 л.) — л. 88 — 109 / 92 — 113; шестая (22 л.) — л. 110 — 131 / 114 — 135; седьмая (12 л.) — л. 132 — 143 / 136 — 147 (тетради с первой по седьмую имеют штемпель в левом верхнем углу с изображением паровоза); восьмая (28 л.) — л. 144 — 171 / 148 — 175 со штемпелем в правом верхнем углу (поперек): ТРОИЦКОЙ | ГОВАРДА | ФАБРИКИ; девятая (22 л.) — л. 172 — 193 / 176 — 197 со штемпелем в левом верхнем углу (прямо): ТРОИЦКОЙ | ГОВАРДА | ФАБРИКИ; десятая (24 л.) — л. 194 — 217 / 198 — 221 со штемпелем в левом верхнем углу: ТРОИЦКОЙ | ГОВАРДА | 4 | ФАБРИКИ; одиннадцатая (20 л.) — л. 218 — 237 / 222 — 241 с тем же штемпелем; двенадцатая (20 л.) — л. 238 — 257 / 242 — 261 с тем же штемпелем; тринадцатая (22 л.) — л. 258 — 279 / 262 — 283 с тем же штемпелем.

Вторая рукопись, озаглавленная «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)», включает разделы «Заметка», «Пословицы и поговорки», «Скороговорки», «Приметы», «Загадки и отгадки», «Песни», «Прибаутки», «Байки», «Заговоры» и состоит из четырех отдельных ненумерованных тетрадей (с четырнадцатой по семнадцатую), в которых после объединения рукописей была продолжена нумерация листов. Чистые листы в тринадцатой, шестнадцатой и семнадцатой тетрадях пополнились позднее сказками от других собирателей.

Опишем тетради второй рукописи, следуя их общей нумерации: четырнадцатая (12 л.) — л. 280 — 291 / 290 — 301 с таким же штемпелем, как на девятой тетради; пятнадцатая (4 л.) — л. 292 — 295 / 302 — 305 с тем же штемпелем; шестнадцатая (8 л.) — л. 296 — 302, 303[a] / 306 — 310, 319 — 321 с тем же штемпелем; семнадцатая (4 л.) — л. 304[c], 305 — 307 / 326 — 329 без штемпеля; лист [308] / 330, последний в рукописи, представляет собой два листа бумаги (размером 19 x 13,8 и 3,2 x 13,8 см), наклеенные на внутреннюю сторону задней переплетной крышки, на которых зафиксировано окончание сказки № 144.

Позднее в шестнадцатую тетрадь были вложены и затем вшиты четыре двойных листа, дополнившие вторую рукопись песнями: первый (2 л.) — л. «К стр. 300»A / 311 и 301[c] / 318 с тем же штемпелем, что и на девятой тетради; второй и третий (4 л.) — л. «К стр. 300»B — [к стр. 300]E / 312 — 315 без штемпеля; четвертый (2 л.) — л. [К стр. 300]F, 301[b] / 316, 317 без штемпеля; позже на листах 316об., 317, 318 (по архивной нумерации) были записаны сказки.

Между шестнадцатой и семнадцатой тетрадями были вложены и затем вшиты еще два двойных листа со сказками, дополняющими первую рукопись: пятый (2 л.) — л. 303[b], 303[c] / 322, 323 со штемпелем «PARTS» и шестой (2 л.) — л. 304[a], 304[b] / 324, 325 без штемпеля. Между тринадцатой и четырнадцатой тетрадями, в конце первой рукописи имеются еще три двойных листа с текстами малороссийских сказок: л. 280[a] — 280[f]/ 284 — 289 со штемпелем, на котором изображены корона и аббревиатуры «ВАТН». Эти три двойных листа вставлены последними, но не вшиты. В рукопись были также вложены три ненумерованных листа «Оглавления», ранее не входившие в тетради и постоянно остававшиеся «под рукой» у Афанасьева. Как уже указывалось выше, они ошибочно вложены в первую тетрадь вслед за титульным листом с присвоением нумерации 2, 3, 4. Условно обозначим их [II, III, IV]. Листы «Оглавления» [II — III] / 2 — 3 имеют штемпель с изображением паровоза (как на первых семи тетрадях), а лист [IV] / 4 помечен тем же штемпелем, что и тетради с десятой по тринадцатую.

Бумага по всей рукописи белая, обыкновенная, одного качества, размером: 21 х 13 см (л. 1 — 283, 290 — 321 по архивной нумерации), 20,5 х 13 см (л. 284 — 289, 322 — 329) и 22,2 х 13,8 см (л. 330).

Переплет (22,8 х 14 см) представляет собой картонные крышки, оклеенные бумагой «под мрамор» (на бледно-розовом фоне — темно-зеленые разводы), корешок (шириной 3 см) сделан из коричневой ткани, такие же и уголки. Крышки по всей ширине и корешок оклеены с внутренней стороны двумя листами белой бумаги (высотой соответственно 19 и 3,2 см). Переплет, по-видимому, был заранее изготовлен самим Афанасьевым для хранения тетрадей первой рукописи. На корешке переплета имеется наклейка из пожелтевшей бумаги, на которой он написал чернилами: «Сказки | не | для пе- | чати». Внизу на корешке читается шифр библиотеки Афанасьева (также его рукой): «В 217» (этот же номер указан и на внутренней стороне верхней крышки). Шитье переплета осуществлено дратвой с пропуском через верх и низ в корешках тетрадей. Заметна разновременность шитья тетрадей с первой по седьмую и с восьмой по тринадцатую, а также второй рукописи (тетради с четырнадцатой по семнадцатую) и дополнительных двойных листов. Форзацев как таковых не было изначально. Тетради не склеивались.

Опишем состояние рукописи. Первая, вторая, третья, пятая тетради (всего 88 л.) разорваны на отдельные листы. Особенно пострадала пятая тетрадь, где первые тринадцать листов (л. 88 — 97 / 92 — 101) были когда-то грубо вырваны — следы отрыва, затронувшего текст, остались вдоль всего края со стороны корешка, шири-

ной от 1,5 до 2,5 см. Некоторые фрагменты текста здесь утрачены. На л. 3 — 8 / 7 — 12, 25 / 29, 27 — 33 / 31 — 37 подклеен оторванный слева снизу текст. На л. 301 / 319 снизу от центра утрачена часть текста (выжжено 2 х 3 см). Позже он восстановлен самим Афанасьевым. Из остальных тетрадей выпадают некоторые листы. Блок отделен от переплета.

В обеих рукописях Афанасьев строго следовал методике, заявленной им в предисловии к первому выпуску «НРС»: «Под всякою сказкою будет означено, где и кем она записана, исключая только те случаи, когда в присланном списке фамилия доставателя или вовсе не показана, или не могла быть разобрана»[1].

Лично Афанасьев записал сказки № 7 («Эта сказка записана мною в Воронежской губернии»), 61 («Записана в Московском уезде мною»), добавил пятьдесят четыре пословицы, двадцать загадок и восемь вариантов к семи загадкам (все они помечены в рукописи и в настоящем издании крестиками), а также два заговора.

Назовем материалы, имеющие указание Афанасьева на собирателя: сказка № 9 («Доставлена мне П. И. Якушкиным, записана им в Малоархангельском уезде»); сказка № 10 («Доставлена Якушкиным и записана им там же»); сказка № 133a («Записана в Тверской губернии И. И. Лажечниковым»); сказка № 133b («Записана в Воронежской губернии А. О. Дольником-Александровым»); сказки № 145 — 152 («Следующие сказки сообщены мне из Пермской губернии Соликамского уезда»); сказки № 156 — 164 («Эти малороссийские сказки доставлены <от?> Збруча и Смотрича»); песня № 7 («Сообщено М. С. Щепкиным» (л. 307об.)); четыреста три пословицы, судя по названию второй рукописи, получены от Даля. П. А. Ефремову принадлежат восемнадцать пословиц, три загадки, варианты к песням № 8, 10, 11, 14, песни № 15 — 18, 20, 22 — 25 и выписка с четырьмя песнями из рукописи 1802 года.

Остальные записи не имеют указания на собирателя, в том числе сказки № 1 — 6, 8, 11 — 60, 62 — 132, 133c, 134 — 144, 153 — 155, скороговорки № 1 — 8, приметы № 1 — 8, загадки и отгадки № 1 — 10, 16 — 29, песни № 1 — 6, 8 — 14, 19, 1 — 6 (вторая пагинация), прибаутки, байки, народные анекдоты.

Ни одна из сказок первой рукописи не имеет указания на В. И. Даля. Сообщая в предисловии к «НРС» (Вып. 4. 1858 г.) о происхождении сказок «из собрания Даля» и говоря о невозможности их допущения к печати, указывая лишь по два раза на себя и Якушкина как на собирателей, Афанасьев в то же время не ставит фами-

[1] Цит. по изд.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: В 3 т. М., 1985. Т. III, дополнение III. С. 349.

лию Даля ни под одной из сказок. Почему? Дело в том, что на титульном листе первой рукописи в течение пяти лет значилось: «(Из собрания В. И. Даля)», и ссылаться на него в каждой сказке не было особой надобности.

Странно, что на это обстоятельство до сих пор не обратил внимания никто из исследователей.

Зачеркнув на титульном листе четвертую и пятую строки, Афанасьев должен был бы привести имя Даля под сказками. Но этого не произошло. В силу каких причин?

О щепетильности Александра Николаевича в подобных вопросах говорит следующий факт. В книге «Народныя русския легенды, собранныя А. Н. Афанасьевым» (М.: Изд. Н. Щепкина и К. Солдатенкова, 1859[1]) из тридцати трех легенд в двадцати девяти из них и вариантах указано: «(Из собрания В. И. Даля)», а к шести легендам имеется примечание: «Записана А. Н. Афанасьевым».

Заметим, что Афанасьев различал термины «из собрания» и «собранные», «собраны», то есть сведенные воедино из различных источников. Он не претендовал на то, чтобы скапливавшиеся у него материалы подавались как «собрание А. Н. Афанасьева». Для исследовате-

---

[1] Развеем попутно одно распространенное заблуждение, касающееся этого издания. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков доказывают (А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1984. Т. I. С. 391), что этот сборник «в 1859 г. несколькими месяцами раньше, чем в Москве, был издан в Лондоне», куда рукопись якобы была доставлена А. И. Герцену В. И. Касаткиным, набор же осуществлялся в Москве по лондонскому изданию. Эта же ошибка повторена В. С. Кузнецовой в «Предисловии» к «Народным легендам А. Н. Афанасьева» (Новосибирск: Наука, 1990. С. 6.). Еще в 1971 г. твердо установлено (Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: [В 9 ч.]. М., 1971. Ч. 1. С. 36), что в имеющемся в распоряжении исследователей издании указаны вымышленные выходные данные (Лондон, 1859) и оно является репринтом (Берлин, 1895) с московской публикации 1859 г. Как ни странно, «Сводный каталог» Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков цитируют. Российские фольклористы уже в течение 100 лет пребывают в этом заблуждении. Так, например, в издании: Библиография работ А. Н. Афанасьева / (Составил А. В. Юдин, под ред. Т. Г. Ивановой) // *Афанасьев А.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / [Сост., подготовка текста, статья, коммент. А. Л. Топоркова]. М.: Индрик, 1996. С. 531 — так называемое «лондонское» издание дано в разделе за 1859 г. под № 122 первой строкой, а приоритетное московское издание 1859 г. — второй. См. также: *Лазутин С.* Русский сказочник // Литературная Россия. 1976. 23 июля (№ 30). С. 11 («Второй сборник "Народные русские легенды"... был опубликован в 1859 году в Лондоне»); *Аникин В.* Александр Николаевич Афанасьев и его фольклорные сборники: Вступ. ст. // Народные русские сказки: Из собрания А. Н. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1976. С. 12; То же. М.: Правда, 1982. С. 8 («Русские революционные пропагандисты оценили значение сборника, и в том же 1860 году появилось его лондонское издание»).

лей середины XIX в. термины «собраны», «собранные» имели тот же смысл, что для нас означают сейчас «составление», «подготовка к изданию». Хотя Афанасьев и записал всего две сказки, но «собрал», то есть составил, подготовил к изданию все тексты рукописи.

Из сказанного выше напрашивается любопытный вывод: все записи из составной рукописи, к которым отсутствует указание на имя собирателя (143 сказки, скороговорки, приметы, загадки и т. д.) имеют один источник происхождения — *собрание В. И. Даля.*

Вернемся к описанию составной рукописи, указывая расположение текстов (с номерами и названиями) в порядке их следования.

На листах 1 — 276об. / 5 — 280об. записаны тексты первой рукописи в следующей последовательности (для сказок указываются, как правило, лишь их номера): № 1 — 16, 17 «Прибаутки» (a — g), 18 «Старческой стих», 19 — 24, 25 «Офицерская острота» [позднее текст перечеркнут накрест], 26 — 32, 33(a, b), 34 — 40, 41 [вариант «Вот батрак...» позднее перечеркнут накрест (л. 54 / 58)], 42 [вариант «У того попа...» позднее перечеркнут одной чертой (л. 55 / 59, 55об. / 59об., 56 / 60)], 43, 44(a, b, c), 45 (a, b), 46, 47 [варианты «В одном селе...» (л. 69об. — 70 / 73об. — 74) и «Ищет поповна...» (л. 70об. / 74об.) перечеркнуты одной чертой], 48, 49(a, b), 50 — 52, 53(a, b, c), 54 — 56, 57a, 58, 59, «К № 57» [57b], «Вар<иант>» [к № 59, подстрочный: «Солдат пришел...» позднее полностью зачеркнут], 60 — 64, 65(a, b), 66(a, b, c), 67 — 69(a, b), 70, 71(a, b), 72 — 80, 81(a, b), 82, 83(a, b), 84 — 95, «Вариант к 87 №», 96(a, b, c, d), 97 — 111, 112(a, b), 113 «Колдун-любовник» [позднее перечеркнут одной чертой], 143 «Чудесная дудочка» [было зачеркнуто: «Вариант к № 54»], 114, 115(a, b), 116 — 121, 122(a, b), 123(a, b), «К стр. 241[и]» [окончание № 123a], 124 — 131, «К № 84 (на стр. 163)», 132, 133(a, b, c), 134(a, b), 135 — 137, 138 «Чур не сердиться! (вариант к № 89)», 139 «Сны».

Сказка № 139 перенесена в рукопись из собрания Даля последней. Именно этим ста тридцати девяти сказкам соответствовало исходное название первой рукописи.

На листах 276об. — 279об. / 280об. — 283об. расположены сказки № 141, 142, «К № 143», которые записаны после присоединения второй рукописи. Текст под № 140 в рукописи отсутствует, в то же время в «Оглавлении» под этим номером значится: «140. Анекдоты».

Далее в рукопись вложены три двойных листа с нумерацией: 280[a] — 280[f] / 284 — 289, на которых с обеих сторон зафиксированы украинские сказки № 156 — 164. (По времени это дополнение является последним.)

На листах 280 — 300об. / 290 — 310об. расположены тексты второй рукописи, заглавие которой надписано в верху первого листа четырнадцатой тетради (л. 280 / 290): «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)». Нумерация листов второй рукописи присвоена ей после присоединения к первой.

Опишем расположение текстов во второй рукописи:

л. 280 — 280об. / 290 — 290об. — «Заметка», подписанная «Русопят»;

л. 280об. — 292 / 290об. — 302 — «Пословицы и поговорки» [общим счетом 474];

л. 292 — 292об. / 302 — 302об. — «Скороговорки» с 1-й по 8-ю;

л. 292об. / 302об. — «Приметы» с 1-й по 8-ю;

л. 292об. — 296 / 302об. — 306 — «Загадки и отгадки» с 1-й по 45-ю, «Конец присказки...» (в наст. изд. — в разделе сказок под № 146), продолжение загадок № 45 [46], 46 [47], [48];

л. 296 — 300об. / 306 — 310об. — «Песни» с 1-й по 19-ю, в том числе с 15-й по 18-ю рукой Ефремова.

На листах 311—325 (по архивной нумерации) размещены *дополнения* ко второй рукописи, внесенные после октября 1862 г.:

л. «К стр. 300»A / 311 — дополнение текстов песенного характера с 1-го по 6-й, «Пословицы: "Ну уж хуй!..", "Ну уж хуяк!..", "381. Чиста пизда, когда поп еб"»;

л. «К стр. 300»B, C — F / 312 — 316 — получены из Санкт-Петербурга от Ефремова (9 страниц текстов песен его рукой): № 20, [№ 21 пропущен], 22 — 25, «С рукописи 1802 года» с 1-й по 4-ю;

л. [К стр. 300]Fоб., 301[b], 301^{c}, 301, 302, 303^{a}, 303^{b}, 303^{c}об. / 316об. — 323об. — на трех оставшихся (от Ефремова) чистых страницах и других чистых листах второй рукописи записаны 8 сказок, полученные из Пермской губернии Соликамского уезда: № 145 — 148, 149 «Небывалыя имена (вариант к № 134)», 150, 151 «К сказке "Елена Премудрая" (вып. VII, № 41a)», продолжение № 150 со слов «А у Ярышкина...», 152;

л. 304^{a} — 304^{b} / 324 — 325 — сказки из остатков собрания Даля со 153-й по 155-ю.

На листах 304^{c}, 305 — [308] / 326 — 330 расположены продолжение второй рукописи и дополнения к первой, сделанные в период с июля по октябрь 1862 г.:

л. 304^{c} / 326 — «Прибаутки» с 1-й по 3-ю;

л. 304^{c} — 304^{c}об. / 326 — 326об. — «Байки»: 1-я и 2-я;

л. 304^{c}об. — 305 / 326об. — 327 — «Народныя анекдоты» (a, b), «Пословица: "Как лошадь..."»;

л. 305об. / 327об. — продолжение байки № 1 «Спи мое дитят-

ко!..», песенный текст «Села баба на дороге...» (в наст. изд. в разделе «Песни» под № 26); продолжение «Народных анекдотов»: «с»;

л. 306 — 306об. / 328 — 328об. — «Заговоры»: 1-й и 2-й;

л. 306об. — [308] / 328об. — 330 — сказка «144. Генеральская жена и купеческой сын».

Начиная с № 139, «Оглавление» перестает отражать порядок расположения текстов в составной рукописи, а указывает лишь на время их записи, притом в разные тетради.

Приведем тематический перечень заглавий в порядке их следования с указанием листов (нумерация архивная): «Народныя русския сказки не для печати...» [название первой рукописи], сказки № 1 — 24, 25 [перечеркнута], 26 — 112, 113 [перечеркнута], 143, 114 — 139, [№ 140 в тексте отсутствует], 141, 142, «К № 143» (л. 5 — 283об.), № 156 — 164 (л. 284 — 289об.), № 145 — 155 (л. 316об. — 325), № 144 (л. 328об. — 330), «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)» [название второй рукописи], «Заметка» (л. 290, 290об.), «Пословицы и поговорки» (л. 290об. — 302, 311об. (3 пословицы), 327 (1 пословица)), «Скороговорки» (л. 302, 302об.), «Приметы» (л. 302об.), «Загадки и отгадки» (л. 302об. — 306), в том числе «Конец присказки...» (л. 305об.), «Песни» (л. 306 — 316), в том числе [песни] «С рукописи 1802 года» (л. 313об. — 316), «Прибаутки» (л. 326), «Байки» (л. 326, 326об., 327об.), «Народныя анекдоты» (л. 326об. — 327, 327об.), «Заговоры» (л. 328, 328об.).

СОСТАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ РУКОПИСИ

Полагаем, что основная часть работы над первой рукописью пришлась на вторую половину 1861 г. — первую половину 1862 г. С 1858 по 1860 г. у Афанасьева отнимало много времени редактирование журнала «Библиографические записки», подготовка к изданию «Народных русских легенд», работа над пятым, шестым и седьмым выпусками основного корпуса «НРС». Летом и осенью 1860 г. он лечился за границей.

История заполнения первой рукописи представляется следующей. На первом листе первой тетради Афанасьев записал: «*T* [Titel] | Народныя русскія сказки | не для печати | (Изъ собранія В. И. Даля) | 1857». Появление в четвертой строке знака «тире» и в следующей строке имени «А. Н. Афанасьева» состоялось, видимо, после фиксации сказки № 7 с примечанием к ней следующего содержания: «Эта сказка записана мною в Воронежской губернии». Афанасьев предполагал, вероятно, сам вести записи такого сорта сказок и получать их от других собирателей, помимо Даля.

Титульный лист оставался в первой рукописи таким до конца завершения работы над нею.

Схема расположения сказок в первой рукописи соответствует четвертому и шестому выпускам «НРС». Поскольку сказки под № 5 и 6 имеют ссылки на четвертый выпуск (цензурное разрешение от 11 сентября 1857 г., вышел до 13 января 1858 г.[1]), первыми были записаны, видимо в конце 1857 г., выявленные ранее сказки о животных (как и в четвертом выпуске). «Прибауткам» из четвертого выпуска (№ 36) соответствует в рукописи раздел «17. Прибаутки». В предисловии к пятому выпуску (М., 1861, цензурное разрешение от 10 июня 1861 г.) Афанасьев писал: «В состав пятого выпуска вошли сказки, лично мною собранные и доставленные мне с разных сторон... Шестой выпуск заключает в себе сказки из собрания В. И. Даля»[2]. Этот выпуск появился в 1861 г. (цензурное разрешение от 18 октября 1861 г.). Ему соответствует расположение сказок в рукописи, начиная с № 81. Сказкам из пятого и шестого выпусков («Не любо, не слушай», «Вор», «Шут», «Набитой дурак», «Ворожея» и др.) имеются в рукописи непечатные эквиваленты, причем в такой же последовательности и с этими же названиями. Вписывание сказок, начиная с № 80, началось, предположительно, не ранее окончания работы над шестым выпуском. Судя по всему, работа пришлась на вторую половину 1861 — начало 1862 г. Начиная с л. 151 / 155 (сказка № 80) почерк Афанасьева становится более мелким, торопливым. Изменение манеры письма заметно и в «Оглавлении» (с № 80), которое велось на отдельных листах одновременно с записыванием сказок в тетради. После сказки под № 79 наступил, по-видимому, перерыв в работе — тетради, начиная с восьмой (л. 144 / 148), имеют другой штемпель.

В указанных далее сказках Афанасьев объединил под одним номером и названием от двух до четырех сходных текстов, обозначив их латинскими буквами: a, b (№ 33, 45, 49, 57, 65, 69, 71, 81, 83, 112, 115, 122, 123, 134), a, b, c (№ 44, 53, 66, 133), a, b, c, d (№ 96). Ко многим сказкам даны подстрочные варианты, расположенные иногда на нескольких страницах под основным текстом. Всего в рукописи имеется восемьдесят два подстрочных варианта (от одного слова до нескольких десятков строк). В большинстве случаев Афанасьев заранее выявлял варианты и заносил их в тетради вместе с основным текстом. Вновь обнаруженные варианты фиксировались сразу же с отсылкой к соответствующим номерам и названиям. Более

---

[1] На экземпляре, хранящемся в Музее книги РГБ, сохранился автограф А. Н. Афанасьева с этой датой.

[2] Народныя русския сказки А. Н. Афанасьева. М.: Тип. Грачева и комп., 1861. Вып. V. С. [5].

подробные сведения об этом даны в «Примечаниях» к настоящему изданию.

В раздел сказок попали также тексты иного рода: «17. Прибаутки (a — g)», «18. Старческой стих», «25. Офицерская острота».

Первоначально первая рукопись включала сказки под № 1 — 139 в тринадцати тетрадях; три последних листа в тринадцатой тетради оставались чистыми, но были пронумерованы (л. 277 — 279 / 281 — 283).

Рукопись объединила две категории сказок «не для печати». Первая — сказки в основном антипоповской направленности, не содержащие «народных» выражений. Таких сказок всего двадцать (№ 18, 39, 48 (a, b), 68a, 74, 81b, 86, 90, 97, 99, 100, 101 (антибарская), 113, 115b, 125, 127, 133a (белорус.), 135, 141, 145). Вторая — сказки *похабные*.

Это слово имело в середине XIX века широкое хождение и понималось не столь узко, как сейчас. «Словарь языка Пушкина» фиксирует десять случаев его употребления. «...я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность»[1]. «"Граф Нулин" наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным<...> У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, — и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc»[2]. «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова»[3]. Афанасьев отлично знал письмо Белинского к Гоголю от 15 июля 1847 г.: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника»[4]. Слово «похабный» употребляется и в некоторых сказках (№ 37 «Стыдливая барыня» — три раза (вариант: скоромного); № 41 — по три раза словосочетания: «похабник», «не ругаться по-соромски. Вариант: матерным»; № 136 «Не говори похабного!» — три раза: «срамное (соромское) слово»; № 137 — три раза: «похабное слово»).

Упомянем письмо Н. С. Тихонравова к библиографу С. И. Пономареву (ок. 1854 г.): «Есть у Михайлова синяя рукопись *похабных*

---

[1] Письмо П. А. Вяземскому. 1 — 8 декабря 1823 г. Одесса // *Пушкин [А. С.]* Полное собрание сочинений: [В 16 т., справочн. т. 17]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. XIII. С. 80 (№ 71).

[2] *Пушкин А. С.* <Опровержение на критики> // Там же. 1949. Т. XI. С. 155, 157.

[3] Письмо П. А. Вяземскому. 10 июля 1826 г. Михайловское // Там же. Т. XIII. С. 286 (№ 272).

[4] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. X. С. 215.

стихотворений. Он дал ее на рассмотрение Гаевскому, а Гаевский — Милютину. Михайлову я пишу письмо, чтоб он позволил ее взять»[1]. Известно также о чтении М. Кузминым «русских *похабных* сказок», что нашло отражение в его дневнике[2].

Интересно, что Афанасьев нигде не упоминает термин «заветные» применительно к сказкам. Если бы не наличие в рукописи малочисленной группы антипоповских сказок без обсценных выражений, он мог бы озаглавить ее: «Народные русские похабные сказки из собрания В. И. Даля».

Похабные сказки можно, в свою очередь, разделить на две группы. Первая — это сказки, окрашенные сексуальными мотивами, эротические. Вторая — сказки, связанные с естественными отправлениями организма — скатологические, их в рукописи двадцать девять (№ 4, 9, 11, 21, 22, 40, 43, 64, 70, 73, 76, 77, 80, 82, 83, 84, 87, 91, 96а, 98, 102, 106, 126, 132, 138, 147, 155, 156, 158). И те и другие, в зависимости от среды бытования и нравственных оценок, могут быть непристойными, неприличными, безнравственными и т. д.

СОСТАВЛЕНИЕ РУКОПИСИ «РУССКИЯ ЗАВЕТНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ (В. И. ДАЛЯ)»

Как известно, коллекция Даля «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.» начала публиковаться в 1861 г. (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университ. тип., 1861. Кн. 2 (цензурное разрешение от 19 мая 1861); 1861. Кн. 3, 4; 1862. Кн. 1). Одновременно с того же набора печатались отдельные оттиски, затем они были сброшюрованы и с новым титульным листом и новым цензурным разрешением (от 9 марта 1862 г.) вышли отдельной книгой (М., 1862. [4], XL, 1095, [1 ч.], 6 с.)

Ранее, в 1853 г. «Пословицы русского народа» были представлены Далем на рассмотрение в Академию наук, что нашло отражение в протоколах, опубликованных в статье М. Шахновича[3].

---

[1] Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова [и др.] к библиографу С. И. Пономареву. М.: Изд. Л. Э. Бухгейм, 1915. С. 16.

[2] Цит. по статье: *Богомолов Николай.* Михаил Кузмин // Эрос. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М.: Серебряный бор, 1992. С. 90. (INTERЭРОС).

[3] *Шахнович Мих<аил>.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1936. № 4/5. С. 364 — 368.

Автор приводит и такие сведения: «В. И. Далю принадлежит... также сборничек эротических пословиц «Русские заветные пословицы и поговорки», составленный им под псевдонимом «Русопят» и ходивший по рукам в различных списках <...>. В сборничке В. И. Даля (Русопята) было помещено 200 пословиц, три скороговорки и 7 загадок эротического характера. В сводном же списке этого сборничка П. А. Ефремова содержится уже подобных 441 пословица, 8 скороговорок, 8 притч, 27 загадок, 13 изречений»[1].

В этой же статье воспроизводится «Неопубликованное предисловие В. И. Даля (Русопята) к его "Русским заветным пословицам и поговоркам"». Название «Заметка» отсутствует. Источник публикации автором не указан. Судя по тексту предисловия, рукопись Афанасьева, хранящаяся ныне в Пушкинском доме, не могла быть источником.

Существует любопытное свидетельство Павла Константиновича Симони (1859 — 1939), опубликованное в книге: *Carey C.* Les proverbes érotiques russes: Études de proverbes recueillis et non-publiés par Dal'et Simoni / Par Claude Carey. — The Hague; Paris: Mouton, 1972 (Print. in Belgium). — P. 8—9. — (Slavistic printings and reprintings / Ed. by C. H. van Schooneveld; Indiana University; 88)[2]. Русский текст воспроизведен здесь в латинской транслитерации, а также дан в переводе на французский.

«Занимаясь с начала 1890-х годов историей русских пословиц и историей их собирания, а также попутно готовя пересмотренное и дополненное издание Великорусских пословиц Даля, мне естественно было желать ознакомиться с рукописным сборником «Заветных пословиц» Русопята (это псевдоним В. И. Даля). Академик Леонид Ник. Майков, под руководством которого я приступил к работам по русскому фольклору, как-то мне рассказывал, что этот сборник был у него от Лазаревского, известного украинского фольклориста и издателя разных малорос. осколков по описи графа Румянцева, монументального труда XVIII в. вроде сев. писцовых книг. Майков посоветовал обратиться к проф. Евген. Иван. Якушкину, специалисту по обычному праву. С Евг. Ив. Якушкиным судьба меня свела вскоре, так как он приезжал в Петербург и остановился у своих приятелей Тройницких. При свидании он сказал, что он действительно имеет *копию* с Далевского сборника, и посоветовал еще получить таковой от известного библиографа П. А. Ефремова. Якушкин вскоре прислал мне с сыном Вячеславом пакет со своим списком зав. пословиц Даля

[1] Там же. С. 325.

[2] В библиотеках г. Москвы этого издания нет. РГБ имеет только микрофильм — шифры: 1 — 77/402; 817 — 92/1759 — 9.

и с дополнениями при тексте. Моя копия вполне совпадает с экземпляром Е. И. Якушкина. Затем я получил для сравнения и экз. копии от *П. А. Ефремова*. Экземпляр Ефремова совпадал с<о> списком Якушкина. По-видимому, сперва Ефремов снял копию с экземпляра известного критика и библиографа, издателя Сочинений Лермонтова *Дудышкина* [С. С., 1820 — 1866]. Все копии, упомянутые до сих пор, восходят к протографу, подлинной первой копии, которую снял сам Лазаревский[1] непосредственно с Далева оригинала. Где же ныне находится последняя, мне не удавалось слышать. Наименование сборника пословиц «Заветными» принадлежит, как оригинальное, т. е. впервые *выпущенное* в оборот, Далю. Затея Даля закрепить на бумаге для потомства «Заветные пословицы» может быть отнесена к 1852 г., когда он служил в Нижнем Новгороде. «Заветные сказки» (1860-ых гг.?) явились уже в *подражание* только Далю. Даль выбрал из своего *большого* сборника пословиц все тексты пословиц, неудобные для печати. Таких текстов немало находится вообще в наших старинных рукописных сборниках пословиц, поговорок, скороговорок и т. д. и их стоило бы собрать и присоединить к настоящему собранию.

Сообщил П. Симони».

В предисловии к своей книге Carey приводит такие данные. С 1954 г. в библиотеке Houghton Гарвардского университета хранится рукопись, включающая два писарских списка (почерк не Даля)[2]. Под заглавием первого списка — «Русские пословицы и поговорки» — на с. 1—2 расположено предисловие (с названием «Заметка» и эпиграфом), подписанное «Русопят». На с. 3—16 под заглавием «Русские заветные пословицы и поговорки» идут расставленные по алфавиту 198 пословиц (№ 1—89, 89', 90—121, 121', 122—148, 150—178, [1], 179—196). В семнадцати случаях сходные пословицы записаны под одним номером и обозначены латинскими буквами. С учетом вариантов здесь содержится 217 пословиц. Первый список, как пишет Carey, заканчивается тремя скороговорками (в книге Carey'я они не приводятся)[3].

---

[1] Симони говорит об Александре Матвеевиче Лазаревском (1834 — 1907), который, видимо, получил копию от своего старшего брата Василия Матвеевича (1817 — 1890), служившего под начальством Даля и помогавшего ему в работе над «Толковым словарем».

[2] fMS Russ 54, The Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

[3] В первом списке также имеются «Приметы» и «Загадки» (с. 18 — 19). Выражаем благодарность М. И. Шапиру за это указание. Он также обратил наше внимание на некоторые неточности при воспроизведении Carey'ем пословиц.

Второй список имеет заглавие «Дополнение к пословицам, собранным В. И. Далем», последующие слова «составлено П. А. Ефремовым» зачеркнуты, по мнению Carey'я, вероятно, Симони («et dont les derniers mots "sostavleno P. A. Efremovym" sont barrés sans doute par Simoni»). Далее Carey добавляет: «Cette liste énumère les proverbes ajoutés par les collaborateurs de Dal» [«Этот список содержит дополнения к списку пословиц, принадлежащие помощникам Даля»]. Это дополнение не полное, включающее 172 пословицы (№ 1 — 117, 119 — 173), которые обрываются на девяти пословицах на букву «п». Здесь в пяти случаях записаны под одним номером и обозначены латинскими буквами сходные пословицы. Всего во втором списке их набирается 182. В обоих списках содержится 399 пословиц (с учетом вариантов). Оканчивается второй список вышеприведенным послесловием Симони. Предположительная датировка списков не указывается. В самой книге на p. 44—62 под названием «Proverbers et dictons érotiques russes» [«Русские эротические пословицы и поговорки»] дан их русский текст (в латинской транслитерации) и перевод на французский язык (№ 1 — 196). На p. 63 — 78 публикуется «Supplément aux proverbes de Dal' complité par Efremov» [«Дополнение к пословицам Даля, составленное Ефремовым»], где воспроизведен русский текст 172 пословиц в латинской транслитерации также с параллельным переводом на французский язык. К сожалению, в этом заглавии, к тому же не точном, не указано, что в самóм списке словá «составлено П. А. Ефремовым» зачеркнуты.

Это упущение привело к тому, что ряд российских специалистов, невнимательно ознакомившись с данным изданием, запустили в научный оборот версию о якобы совместном собирании В. И. Далем и П. А. Ефремовым «Русских заветных пословиц и поговорок», при этом все дружно ссылаются на Carey'я и друг на друга: А. Л. Топорков («...рукопись включает копию с "Русских заветных пословиц и поговорок" В. И. Даля — П. Е. Ефремова с дополнениями А. Н. Афанасьева»; «Собрание "Русских заветных пословиц и поговорок" В. И. Даля — П. Е. Ефремова издано по неполному списку К. Кареем...»)[1], Капица Ф. С. («Она состоит... материалов В. И. Даля с дополнениями его друга, библиографа П. Е. Ефремова»)[2], Б. А. Успенский («...В. И. Даль назвал «заветными» непристойные (эротические) пословицы и поговорки, собранные им совместно с П. А. Ефремовым»; «"Русские заветные пословицы и по-

[1] *Топорков А. Л.* Малоизвестные источники по славянской этносексологии (конец XIX — начало XX в.) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 314.

[2] *Капица Ф. С.* Запоздалое возвращение // *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки. М.: Миф, 1991. С. 150.

говорки" В. И. Даля и П. А. Ефремова, так же как и "Русские заветные сказки" А. Н. Афанасьева»; «"Русские заветные пословицы" В. И. Даля и П. А. Ефремова должны были войти в несостоявшееся продолжение к "Русским заветным сказкам"»; «Относительно недавно это собрание пословиц и поговорок было издано за границей (к сожалению, по неполному списку)»; «...оно включает копию с "Русских заветных пословиц и поговорок" В. И. Даля и П. А. Ефремова с дополнениями Афанасьева»)[1], Г. А. Левинтон («Эта пословица засвидетельствована уже собраниями В. И. Даля и П. А. Ефремова»)[2].

Даже если предположить, что «Дополнение» составлено Ефремовым, то есть написано и сведено воедино из разных источников, это не означает, что пословицы *собраны* им в «Дополнении», тем более совместно с Далем, разница в возрасте с которым составляла двадцать девять лет. Ко всему прочему Даль жил с 1849 по 1859 г. в Нижнем Новгороде, а Ефремов учился в это время в Москве (до 1855 г.) и затем служил в Санкт-Петербурге.

Полагаем, что так называемое «Дополнение», за исключением пословиц, добавленных Афанасьевым и Ефремовым, также принадлежит Далю.

В связи с публикацией в настоящем издании 403 заветных пословиц из рукописи Афанасьева как принадлежащих Далю и включением в издание Carey'я 198 пословиц как собранных Далем возникает вопрос: так сколько же заветных пословиц принадлежит ему на самом деле — 403 или 198?

Наиболее вероятный ответ: Даль изначально имел некий список (включавший около 200 заветных пословиц, несколько скороговорок и загадок, большинство из которых было собрано и записано им самим) и последующее к нему дополнение.

Список был составлен, видимо, в 1849 г. в Санкт-Петербурге, когда Даль интенсивно готовил к изданию свои пословицы. «Технология» подготовки заключалась в следующем (об этом он писал в предисловии

---

[1] *Успенский Б. А.* «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятипятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М.: Изд-во «Российский университет», 1993. С. 117, 129, 130. Статья переиздана: *Успенский Б. А.* Избранные труды: [В 2 т.]. М.: Гнозис, 1994. Т. II. С. 129 — 147; *Он же.* Избранные труды: [В 3 т.]. 2-е изд., испр. и переработ. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. II. С. 162 — 184; Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 143 — 164 (Русская потаенная литература). В последнем издании статья дополнена более точными библиографическими справками.

[2] *Левинтон Г.* Достоевский и «низкие» жанры фольклора // Анти-мир русской культуры. М.: Ладомир, 1996. С. 287.

к «Пословицам»): записанные с одной стороны листа пословицы отстригались в виде узких полосок и рассортировывались по 180 рубрикам. Среди них была и рубрика, где скапливались похабные пословицы. Вероятно, после выхода из печати в 1848 г. сборника пословиц Снегирева[1], желая дополнить это издание, Даль и *поспешил* составить свой сборник (около 200 заветных пословиц) с «Заметкой» в качестве предисловия[2]. С этого списка В. М. Лазаревский снял копию, дубликат которой попал к Дудышкину. Широкого распространения первоначальный список не имел. В последующее десятилетие (до 1861 г.) Даль продолжал дополнять подборку похабных пословиц: закончил сортировку своих записей (большинство дополнений прислали в эти годы другие собиратели), часть пословиц позаимствовал как из подготовленного им самим к печати сборника пословиц[3], так и из сборника Снегирева (например, № 124, 149, 159, 220). Скороговорки, приметы, загадки также множились.

В результате к 1861 г. у Даля набралось только одних заветных пословиц до 403 (если же учитывать 33 варианта к ним, то 436).

Логично предположить, что, живя с осени 1859 г. в Москве и встречаясь с Афанасьевым, узнав от последнего, что тот перенес в особую рукопись похабные сказки, которые находились в числе полученных им от Даля в 1857 г., Даль мог отдать ему или предложить скопировать и остальные материалы подобного рода: пословицы, скороговорки, приметы, загадки, песни и т. д.

Не исключено в то же время, что «Заметка» была написана в 1861 г. и выражение «дополнить издание пословиц печатных» относилось к книге самого Даля.

Если рукопись «Народныя русския сказки не для печати (Из собрания В. И. Даля)» служила для Афанасьева органическим продолжением его основного корпуса сказок (в пользу этого говорит и само ее заглавие), то «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)» являлись аналогичным продолжением «Пословиц русского народа» Даля.

Поэтому эти тексты, полученные от Даля, сначала не входили в состав рукописи сказок, а заносились в отдельные тетради, для чего были использованы три новые тетради *с тем же штемпелем*, что на

---

[1] Русския народныя пословицы и притчи, изданныя *И. Снегиревым*. С предисл. и дополнениями. М.: Университ. тип., 1848. [2], XLVI, 503, [3] с. На с. XVIII Снегирев отмечает: «Умалчиваем о пословицах, оскорбляющих вкус своею грубостью и целомудрие своим неприличием. У какого народа их нет?»

[2] В «Заметке» говорится: «целью этого собрания было более желание дополнить издание пословиц печатных».

[3] См. многие аналоги «переиначенных» пословиц в «Примечаниях» к наст. изд.

восьмой и девятой, где уже имелись сказки № 79 — 98. Листы в этих трех тетрадях первоначально не были пронумерованы, продолжающаяся нумерация появилась после их присоединения к первой рукописи. По общему счету они стали четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой тетрадями. Исписаны они менее темными чернилами, более тонким пером.

Афанасьев присвоил второй рукописи следующее заглавие: «Русскія завѣтныя пословицы и | поговорки. | (В. И. Даля)», поместив его в верху первого листа четырнадцатой тетради (л. 280 / 290). Последовательность текстов в этих трех тетрадях получилась следующая: «Заметка» с эпиграфом за подписью «Русопят»[1] (л. 280 — 280об. / 290 — 290об.), «Пословицы и поговорки» (л. 280об. — 292 / 290об. — 302): первоначально № 1 — 118, [1], 119 — 444, позднее надписаны остальные [29]; «Скороговорки» с 1-й по 8-ю (л. 292 — 292об. / 302 — 302об.); «Приметы» с 1-й по 8-ю (л. 292об. / 302об.); «Загадки», позднее дописано «и отгадки»: первоначально № 1 — 43 (л. 292 об. — 296 / 302 об. — 306), остальные пять добавлены спустя некоторое время; «Песни»: первоначально № 1 — 19 (л. 296 — 300об. / 306 — 310об.), остальные дописаны позже.

Как известно, пословицы публиковались Далем не в алфавитном порядке и без нумерации, полные варианты давались рядом, без скобок. В скобки заключались лишь вариантные слова. Полагаем, что полученные от Даля заветные пословицы также не имели нумерации. Возможно, не были упорядочены по алфавиту и первые 198 пословиц. Так называемое «Дополнение» не было выделено отдельно. Считаем, что Афанасьев предварительно расположил все эти *разрозненные* пословицы в алфавитном порядке. В итоге должен был получиться сводный черновой список с 436-ю пословицами, включая 33 варианта (также по алфавиту).

В пословицах, полученных от Даля, встречались и повторы, что вообще характерно для его собрания. В издании Carey'я во втором списке имеется семь таких случаев. Видимо, в то время как Афанасьев, так и Ефремов не видели первоначального списка с примерно двумястами заветными пословицами, не имели с него копии, возможно, только слышали о его существовании. Поэтому полученные от Даля 403 пословицы с 33-мя вариантами Афанасьев воспринял как единственный список заветных пословиц, поскольку в нем отсутствовало четкое разделение между первоначальным составом и дополнением.

И только уже с этого сводного чернового алфавитного списка он стал переписывать в новую рукопись заветные пословицы.

Ее просмотр позволяет выделить три слоя записей текста.

---

[1] Контаминированный псевдоним Даля из слов «Русапёт» — русак, русский и «Русопет» — грубый, необразованный человек.

Первый слой — 445 пословиц и поговорок, пронумерованных от 1 до 444 «через 5» (10, 15... 440, 444), кроме пословицы «= Как вошь убью...», что попала между № 118 и 119. Сорок две из них помечены крестиком, что, как следует из примечания к названию раздела, означает принадлежность этих пословиц Афанасьеву и Ефремову (фамилия последнего в примечании еще не была зачеркнута)[1]. Характер и местоположение этого примечания говорят о том, что оно было записано одновременно с первой пословицей, отмеченной крестиком. Все сорок две пословицы записаны Афанасьевым; не выделено, какие собраны им, а какие Ефремовым. Возможно, они все принадлежат Афанасьеву. В этом случае приписка к примечанию «и П. А. Ефрем<овым>» могла появиться позднее, когда тот согласился лично вписать собранные им пословицы. Свою фамилию Ефремов зачеркнул сам, восстановил же ее отточиями Афанасьев.

Привлечение Ефремова к работе над второй рукописью имело веские основания. Известно, что он всю жизнь собирал тексты эротического характера (чему при необходимости можно было бы посвятить целую статью). У Афанасьева также имелось какое-то количество подобных пословиц. «Печатную» часть своего собрания он опубликовал еще в 1850 г.[2].

Из сорока двух пословиц с крестиками тринадцать следуют в общем алфавитном ряду. В рукописи это № 14, 55, 66, 129, 136, 168, 248, 275, 281, 315, 346, 361, 427 (в наст. изд. № 21, 65, 76, 146, 153, 184, 271, 305, 313, 345, 377, 396, 93).

Остальные двадцать девять пословиц с крестиками (из сорока двух) добавлены в конце групп пословиц, выстроенных в соответствии с начальной буквой алфавита в первом слове (после буквы А — № 3; Б — № 22, 23, 24; В — № 44; Г — № 57; Ж — № 90 — 92; И — № 114; К — № 146 — 148; М — № 173; Н — № 240 — 247; П — № 307, 308; С — № 338—340; Х — № 398; Ч — № 422 (в наст. изд. № 3, 5, 13, 9, 51, 60, 102, 103, 96, 121, 128, 158, 132, 189, 195, 260, 191, 269, 201, 212, 230, 244, 310, 304, 365, 362, 343, 429, 436)). Причем эти двадцать девять пословиц не упорядочены по второй и последующим буквам первого слова. Характерный пример — восемь пословиц на букву «н» (№ 240 — 247).

Согласно заглавию рукописи и упоминавшемуся выше примечанию Афанасьева, 403 пословицы из 445 (445 минус 42) должны принадлежать Далю.

---

[1] См. с. 564 наст. изд.

[2] *Афанасьев А. Н.* Дополнения и прибавления к собранию «Русских народных пословиц и притчей», изданных И. Снегиревым // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. М., 1850. Кн. 1, отд. 4. С. 49 — 68.

При переписывании сводного чернового алфавитного списка с 436 пословицами и вариантами к ним, принадлежащими Далю, Афанасьев выделил 33 полных варианта и приписал их в скобках под строками основных пословиц, обозначая повторы прочерками. Особенно это заметно, когда основная пословица и вариант попали в разные места сводного алфавитного списка (в наст. изд. № 77, 90, 110, 115, 127, 147, 214). Иногда Афанасьев объединял сходные пословицы в одну, надписывая слова сверху (в наст. изд. № 116, 174, 341). Если по каким-то причинам сходные пословицы объединить не удавалось, он делал отсылки к соответствующим номерам (в наст. изд. № 33, 63, 64, 91, 215, 352, 360 и также $^{+}$9, $^{+}$30, $^{+}$310). В итоге пословицы разместились по алфавиту 27 букв (отсутствуют на «ф», «щ», «ы», «ю»).

Нумерация 445 пословиц и пометка 42 из них крестиками осуществлялись практически сразу же. Переписывание шло одновременно и из сводного алфавитного списка пословиц Даля, и из списка с 42 пословицами (стоящими в алфавитном порядке по первой букве), принадлежащими Афанасьеву и, возможно, Ефремову. Пословица «$^{+}$(Наша) Акуля...» расположена в рукописи на букву «а», хотя в списке, откуда Афанасьев ее взял, она стояла на букву «н» («Наша Акуля...»), что следует из заключения в скобки слова «Наша».

Ефремов снял с обоих списков копии. По ряду признаков следует исключить возможность копирования им непосредственно первого слоя рукописи.

Второй слой записей пословиц. Позднее Ефремов вписывает между строк строго по алфавиту, нарушая нумерацию, еще 18 пословиц, обозначая их крестиками. В рукописи это № 3.2, 17.1, 24.1, 27.1, 34.1, 53.1, 98.1, к № 150, 181.1, 208.1, 218.1, 229.1, 247.1, 255.1 (без крестика), 271.1, 271.2, 326.1, 368.1 (без крестика) (в наст. изд. № 5, 26, 28, 38, 45, 62, 107, к № 167, 197, 229, 240, 261, 270, 279, 297, 298, 358, 403). Пословицу «Баба пьяная...» он включил повторно, вслед за Афанасьевым, давшим ее не по алфавиту.

Третий слой текста составляют записи, сделанные Афанасьевым уже после Ефремова, а именно — двенадцать пословиц (№ 3.1, 11.1 [без креста], 23.1 [повтор], 44.1, 56.1, 75.1, 173.1, 270.1, 308.1 [повтор со словом «насмешка»], 340.1, 362.1, 443.1), вписанных между строк с нарушением нумерации (в наст. изд. № 4, 18 (без креста), 26, 30, 54, 83, 183, 290, 297, 368, 390, 470). Пословицы «Было бы во что...» и «Пизда да веник...» (без слова «насмешка») Ефремов дал ранее по алфавиту, но Афанасьев также включил их по ошибке еще раз. Пословица «Было бы во что...» заимствована обоими из издания И. Снегирева (Б-431). В двадцати одном случае Афанасьев сделал различные исправления.

Общее число пословиц и поговорок в этом разделе составило 474, три из них повторены дважды (в наст. изд. № 5, 26, 297). Итого из собрания Даля перешло 403 пословицы, 72 из них дополнили Афанасьев и Ефремов. Двадцать восемь пословиц имеют тридцать четыре полных варианта, тридцать — варианты в одно и до нескольких слов, семьдесят пословиц и поговорок снабжены пояснениями (без указания их принадлежности Афанасьеву или Далю).

В двух других местах рукописи встречаются еще четыре пословицы: на л. 311об. — три пословицы (в наст. изд. № 264, 265, 447 (повторена дважды)) и на л. 327 — одна (в наст. изд. № 134).

Общее число пословиц и поговорок в составной рукописи 474 + 4 = 478, из них четыре повторены дважды. С учетом 34 вариантов эта цифра увеличится до 512. Тематически 474 пословицы распределены следующим образом: 302 пословицы эротические (из них 77 не содержат «непечатных» выражений, но имеют четко выраженный эротический подтекст), 159 — скатологические (в том числе 27 без обсценных выражений), 13 пословиц вообще не являются непристойными (№ 13, 29, 37, 58, 131, 134, 160, 190, 201, 247, 304, 311, 434).

В сводный черновой алфавитный список пословиц, составленный Афанасьевым по материалам, полученным от Даля, случайно попали три загадки. Из них две загадки оказались при переписывании среди пословиц. Это «162. Малой! Когда у нас яйца опять будут красныя? (После бани)» и «268. От Шипилова до Мокрилова много ль верст? — Один пёрст» (в наст. изд. № 176 и 291). Третья загадка «*Птица* пичужечка Салаcá впилась в волоса...» была перенесена Афанасьевым из сводного списка в раздел «Загадок»: «+13. Пичужечка (*Птица*) Салаcá...» (в наст. изд. в разделе «Загадки» под № 22). Ее первоначальное нахождение в сводном списке пословиц подтверждается тем, что при копировании пословицы «Пью, ем сахар...», рядом с которой располагалась «Птица пичужечка Салаcá...», Афанасьев написал слово «Птица» и зачеркнул его (л. 298об.), вспомнив, что эту пословицу он уже перенес в «Загадки».

В рукописном списке неустановленного лица под названием «Русския заветныя пословицы и поговорки, собранныя В. Далем», хранящемся в РГАЛИ (фонд П. П. Шибанова. Ф. 561. Оп. 3. Ед. хр. 7), сохранена именно такая последовательность этих двух пословиц. Список этот восходит к копии Ефремова, которую тот снял со сводного чернового алфавитного списка Афанасьева. Первые же две загадки Ефремов перенес из своей копии в раздел «Загадок».

Опишем список из фонда Шибанова.

Он включает пословицы и поговорки, скороговорки, приметы, загадки, отгадки, расположенные в тетради на 36 листах, каждый с одной стороны. В тетради сохранилось 37 листов, остальные 33 вырва-

ны. Бумага плотная, разлинованная синим. Тексты записаны уже после того, как листы были вырваны. Тетрадь куплена переплетенной. На форзаце имеется печатная наклейка: «Н. Нетцеръ и К° | преемникъ | Карлъ Карловичъ Гаасъ | въ Москвѣ | Рождественка Прот. д. Тораецкаго». По версии хранителей время происхождения рукописи: 1861 — 1862 гг. На самом деле список более поздний, хотя Ефремов снимал копию именно в эти годы.

На л. 1 помещено вышеприведенное заглавие. На л. 2 — 3 расположена «Заметка», подписанная «Руссопят [*так!*] | В. Д.» В тексте встречаются небольшие разночтения, вызванные ошибками переписчиков, на одно из них укажем: вместо «не есть» в рукописи, в списке — «не суть». Думаем, что именно по этому списку Шахнович публиковал «Заметку» в упоминавшейся выше статье.

На л. 4 — 28 записаны 430 ненумерованных пословиц и поговорок без отдельного заглавия, без выделения литер, но строго по алфавиту. Опущены все варианты, вариантные слова и пояснения, что, возможно, сделано переписчиком.

Ефремов писал букву «к» как «о» или «фита», поэтому в ряде случаев переписчик ошибся, записав, например, вместо «кручина» «оручина». Тридцать шесть пословиц совпадают с пословицами первого слоя рукописи Афанасьева, помеченными крестиками, оставшиеся шесть (из сорока двух) в списке отсутствуют (в наст. изд. № 9, 51, 310, 13, 76, 244; первые три являются вариантами к № 82, 215, 360). Если в рукописи Афанасьева эти 36 пословиц даны без соблюдения алфавита, как правило, в конце соответствующей литеры, то в списке из фонда Шибанова данный порядок соблюден, и сделано это, по-видимому, Ефремовым. Он переписал не только сводный черновой алфавитный список, но и включил в свою копию 36 пословиц, добавленных Афанасьевым и, возможно, им самим. Пословица «⁺(Наша) Акуля...» записана в списке из фонда Шибанова (и в книге Carey'я) на букву «н» («Наша Акуля...») (в рукописи и наст. изд. № 3 на букву «а»). Отметим сразу же, что в книге Carey'я отсутствуют также вышеуказанные шесть пословиц из сорока двух первого слоя рукописи. Из восемнадцати пословиц второго слоя рукописи, вписанных Ефремовым, в список из фонда Шибанова не попали восемь (в наст. изд. это № 28, 38, 107, 229, 240, 261, 279, 403). Нет их и у Carey'я. Следовательно, Ефремов снимал копию со списка Афанасьева еще до перенесения туда собранных им восемнадцати своих пословиц, но десятью из них он уже обладал. Из двенадцати пословиц третьего слоя, надписанных Афанасьевым дополнительно вне нумерации и помеченных крестиками, в списке из фонда Шибанова наличествуют шесть (в наст. изд. № 4, 26, 83, 183, 290, 297). Они имеются и в книге Carey'я, что говорит об известности

этих пословиц Ефремову еще до включения их в рукопись Афанасьевым. Оставшиеся шесть пословиц (из двенадцати) третьего слоя (в наст. изд. № 18, 30, 54, 368, 390, 470) отсутствуют в списке из фонда Шибанова, нет их и у Сагеу'я.

Из пословиц Даля (вместе с 33 вариантами в рукописи их насчитывается 436) в списке из фонда Шибанова отсутствует сорок пять с двенадцатью вариантами, в книгу же Сагеу'я не попали семь пословиц (в наст. изд. № 33, 97, 167, 176, 177, 236, 291).

Кроме этого, в списке из фонда Шибанова представлены восемнадцать пословиц, отсутствующие в рукописи Афанасьева: «Видать золото в грязи, а говно на мази»; «Говно-он-го, хуем ударь — государь»; «Дала мать корытце — век свой кормиться»; «Ест проклятое, а ебет краденое»; «Живешь — ебешь, помрешь — ни хуя не останется»; «Мой тело бело, будет пизде дело»; «На говне вошь убьет, а рук не замарает»; «Не кума, коль под кумом не была»; «Не хочешь ли хуйка в кружках, пизду в клинушках»; «Отец игумен — ебет не гунет»; «Поправился как кобель на льду»; «Птица Салеса [*так!*] впилась в волоса, яйца наружу, сама в пизде» [Афанасьев перенес эту загадку в раздел «Загадок»]; «Рассудила голь, да по хую вдоль»; «Суп ебутан, пирожки востроxуйчики»; «Трудится, вкруг хуя баранки гнет»; «Уеб — не украл»; «Целочка с тарелочку — тилько не про вашу честь»; «Человек я не богатый, а посцать люблю».

В списке из фонда Шибанова пословицы Даля никак не отделены от пословиц Афанасьева и Ефремова, возможно, в самом списке Ефремова это выделение было как-то проведено.

Ниже укажем в скобках разночтения рукописи Афанасьева со списком из фонда Шибанова (далее: Шиб.) и с изданием Сагеу'я (р. 44—62: № 1—196 — далее: CI №...; р. 63—78: № 1 — 173 — далее: CII №...). Первая цифра означает номер пословицы в настоящем издании.

№ 2 (CI № 1 нет слова: «(Малоросс<ийская>)»), № 3 на: «Акуля» (CII № 109 и Шиб.: «Наша Акуля... зная...»), № 4 (CII № 2: «...(Приговорка)»), № 9 (Car. и Шиб. нет), № 10 (CII № 7: «хмелен»), № 13 (Car. и Шиб. нет), № 18 (Car. и Шиб. нет), № 21 (CII № 12 и Шиб.: «Бык ревет, корова ревет: черт разберет — кто кого ебет»), № 28 (Car. и Шиб. нет), № 30 (Car. и Шиб. нет), № 33 (Car. и Шиб. нет), № 34 (CII № 18 (a, b): «Весной...»), № 38 (Car. и Шиб. нет), № 44 и 45 (CII № 21a: «Всяку дрянь на хуй тянь: Бог...»; b: «Всякую...»), № 51 (Car. и Шиб. нет), № 53 (CI № 19: даны как варианты (a, b); CI № 19b = CII № 27), № 54 (Car. и Шиб. нет), № 62 (CI № 25c и CII № 31b: «Голос — как в жопе волос (тонок и не чист)»), № 63 (= CI № 25a = CII № 31a; [№ 25b в изд. CI соответствует в наст.

изд. № 388]), № 66 (CII № 34 нет выражения: «(в пизду)»), № 68 и № 91 (CI: объединены под № 26 (a, b)), № 75 (CI № 35: «...брыле...»), № 76 (Car. и Шиб. нет), № 77 (CI № 32 и Шиб. нет вар.: «(Хозяйство)...»), № 83 (CII № 41: «...(Поговорка крепостных)»), № 88 (CI № 38: «...а хуй набьешь — так и лебедь уебешь. (В печатном: «Стреляй сороку и ворону, а руку набьешь, так и сокола убьешь»)»), № 89 (CII: список не полон; Шиб.: «Ел сладко, бздел слабко»), № 90 (CI № 39a: «Ему хоть сцы в глаза, ...роса! (можно сказать: плюй»); b: «Ты ему...»), № 93 (CII: список не полон; Шиб. есть), № 97 (Car. и Шиб. нет), № 99 (= CI № 40 (a, b)), № 100 (CI № 41: «Жильнуть...»; Шиб.: «Жигнуть»), № 105 (CII № 53: «...ne aupiti». «Texte illisible et peu clair». [Carey транслитерировал «не купити» в бессмысленное «ne aupiti» (напомним, что список, которым он пользовался, восходит к копии Ефремова с его своеобразным написанием буквы «к»)]), № 107 (Car. и Шиб. нет), № 110 (CI 45 и Шиб.: «Заметен муж твой, Лупка, на хую (у него) зарубка»; CII № 133 и Шиб.: вариант «Не хвалися, Лупка, что на хую зарубка» дан на букву «н»), № 115 (= CI 50 (a, b); CI № 50b = CII № 55), № 116 (CI № 139a: «Сердит да не силен, так говну брат»; b: «Зол да не силен — говну равен»; c: «Зол да не силен, по-русски — говно»; Шиб.: «Сердит да не силен, говну брат»), № 127 (= CII № 57 и CI № 70: «Кто повадится пердеть, тому не утерпеть»), № 128 (= CII № 81; Шиб.: «...щепа да говно»), № 129 (= CI № 56 (a, b); CI № 56a = CII № 62), № 134 (Car. и Шиб. нет), № 135 (CII № 67 нет словосочетания: «на святках»), № 147 (= CI № 66 (a, b)), № 167 (CII № 83 и Шиб.: «Лезет срака в драку». Два первых вар. отсутствуют), № 174 (CI № 78a: «Маленький кляпок два раза поебет — на то же наведет» = CII № 87; CI № 78b: «Маленький хуек — два раза поебет, так на то же наведет»), № 176 (Car. нет; Шиб.: в разделе «Загадки» № 10), № 177 (Car. и Шиб. нет), № 185 (CII № 95 и Шиб.: «...а на пиздушке борода»), № 190 (CII № 100; CI № 81: «На боку дыру провертишь, а немец на говне вошь убьет и ногтя не замарает»), № 192 (= CII № 105 (b, a), кроме слов: «(репу)»), № 194 (CI № 82 нет: «(Говорят, показывая кукиш или на́ хуй)»), № 197 (CII № 108: «...глаз не пучи, а свою...»), № 208 (CII № 117 и Шиб.: «...а ты бы тому дивовалась — куда пятая девалась»), № 210 (Car. нет; Шиб. есть), № 211 (CII № 120: «Не замай говна — так не воняет (или: не тронь)»; Шиб.: «не тронь говно, не воняет»), № 214 (CII № 124 нет: «(нечего говном...)»), № 220 (CII № 127: «...не понята — не блядь» [пер. на фр.: «n'est pas saisie...»]; Шиб.: «...не поняла...»), № 229 (Car. и Шиб. нет), № 230 (CII № 132 нет выражения: «(Из старинного сборника)»),

№ 233 (CI № 93 и Шиб.: «Не стращай девку мудями — она и хуй видала»), № 235 (CI № 96 и Шиб.: «Не торопью на девку — не по два вдруг»), № 236 (Car. и Шиб. нет), № 240 (Car. и Шиб. нет), № 241 (CI № 100: «Не хочешь ли херка слегка?»), № 243 (CI № 102 нет слова: «когда»), № 244 (Car. и Шиб. нет), № 250 (CI № 105 и Шиб.: «...и в зубах...»), № 256 (CII № 138 и № 139: «Нечем черту срать — так лыками (или: так кремнем)»), № 259 (CI № 103: «...(Армейская, а может быть старинная)»), № 261 (Car. и Шиб. нет), № 262 и № 286 (CII № 141a: «Низком жиденька», b: «Низком слабенька», c: «Передком слабенька», d: «Слабенька на передок», e: «На передок припадает», f: «Трубочиста любит», g: «Не боится потемков» [У Шиб. 7 вариантов также в одном месте. У Car. и Шиб. нет варианта: «На передок не крепка»]), № 264 и 265 (у Car. и Шиб. нет), № 269 (CII № 145: «Нынче и старику по языку; что и молодец, коли чистит свой рубец»), № 274 (CII № 153; Шиб.: «...чаще меняй, будешь здоров»), № 279 (Car. и Шиб. нет), № 283 (CII № 158: «...на волосятинке»), № 285 (CII № 157 нет слова: «регулы»), № 291 (Car. нет; Шиб.: в разделе «Загадки» № 15), № 293 (CI № 115a: «Отъеб да и к месту», b: «От Норда к Весту — отъеб да и к месту (морская)»), № 297 (CII № 165: «...(о приданом)»)[1], № 310 (Car. и Шиб. нет), № 322 (CI № 128 нет слова: «(сестры)»), № 324 (CI № 131: «При счастье и кулик пердит»), № 326 (= CI № 127 (a, b): «Что приданаго? Две мельницы — ветряная да водяная»), № 328 (Шиб. нет), № 334 (Шиб. нет), № 338 (CI № 136: «Рифма: ы нёбу — ...»)[2], № 341 (CI № 137a: «Русский человек задним умом крепок», b: «Русский всегда задом крепок»; Шиб.: «Русак задним умом крепок»), № 342 (CI № 144a: «С говна пленки драть», b: «С говна пенки снимать»), № 331 (Шиб.: нет пояснения собирателя), № 344 (CI № 145: «...(или: с тобой водится —)»), № 348 и 349 (Шиб. нет), № 350 (Шиб.: нет пояснения собирателя), № 356 (CI № 140 в конце: «(Ей —)»), № 358 (Шиб.: «Сцать...»), № 361 (CI № 142: «Стань на край, да ногой болтай (т. е. на край пизды — широка)»), № 363 (Шиб. нет), № 368 (Шиб. нет), № 369 (CI № 146: «Сядь на мой, да поезжай домой (т. е. на мой хуй)»), № 370 (Шиб.: «Так набздел, хоть топор ве-

[1] На этом разночтения по CII заканчиваются, так как этот список обрывается. Далее разночтения даются по списку Шиб. и CI.

[2] Как отмечает М. И. Шапир, у Carey'я эта пословица воспроизведена не точно (в списке: «Риома къ нёбу — ...»). См.: *Шапир М.* Из истории «пародического балладного стиха»: 1. *Пером владеет как елдой* // Антимир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 260. (Русская потаенная литература). См. также: *Флегон А.* Вокруг Солженицина. London, 1981. Т. 1. С. 161—162.

шай»), № 373 (CI № 147: «...(Морская. Значит, сходить к девкам)»), № 375 (= CI № 154 (a, b)), № 377 (Шиб. нет слова: «(скажи...)»), № 381 (= CI № 151a: «...вонько...» и CI № 151b), № 382 (CI № 152 нет выражения: «(О хуе)»), № 383 (= CI № 25b), № 387 (Car. и Шиб. нет), № 390 (Шиб. нет), № 403 (Шиб. нет), № 405 (Шиб.: «вешней...»), № 418 (= CI № 174; Шиб.: «Пизда грешна да и потешна»; ср. CII № 168: «Пизда хоть и грешна, да потешна»), № 419 (Шиб.: «Хоть усралась, да не поддалась»), № 428 (CI № 179: «Хуй да пизда — одного гнезда»), № 437 (= CI № 183 (a, b)), № 440 (Шиб.: нет пояснения собирателя), № 442 (Шиб.: «...тем не перднет»), № 451 (Шиб. нет), № 452 (Car. и Шиб. нет; ср. № 30, 352), № 454 (Шиб. нет), № 455 (Шиб. нет), № 461 (Шиб. нет), № 464, 467 и 473 (Шиб. нет), № 468 (CI № 196: «...отпустит»), № 470 (Car. и Шиб. нет), № 472 (Шиб.: «хуем уголья толочь»).

Приведем также для сравнения перечень номеров пословиц из книги Carey'я на p. 44 — 62: «Proverbes et dictons érotiques russes» (в самóм списке заглавие дано по-русски: «Русские заветные пословицы и поговорки») и их соответствие номерам пословиц настоящего издания (после двоеточия).

№ 1—10: 2, 7, 15, 19, 22, 23, 11, 35, 37, 39; 11—20: 36, 40, 42, 43, 29, 32, 46, 52, 53, 56; 21—24: 55, 57, 58, 61; 25(a, b, c): 63, 383, 62; 26(a, b): 68, 91; 27—30: 67, 70, 73, 71; 31—40: 72, 77 (б/вар.), 80, 82, 75, 86, 87, 88, 90, 99; 41—50: 100, 104, 106, 109, 110 (б/вар.), 111, 108, 112, 114, 115; 51—60: 117, 118, 119, 120, 123, 129, 138, 131, 136, 137; 61—69: 140, 141, 143, 144, 145, 147, 150, 152, 154; 70: 127 (вар.: «Кто...»); 71—80: 161, 162, 165, 166, 169, 170, 168, 174, 182, 198; 81: 190 (нет словосочетания: «а немец...»); 82: 194 (нет слова: «говорят...»); 83—89: 196, 206, 209, 216, 219, 218, 224; 89.1: 227; 90: 228; 91—95: 231, 232, 233, 234, 225; 96—100: 235 (б/вар.), 237, 238, 239, 241; 101—110: 242, 243, 259, 266, 250, 247, 248, 251, 252, 272; 111—120: 281, 280, 282, 287, 293, 289, 296, 300, 308, 309; 121: 312; 121.1: 311; 122—126: 316, 317, 318, 319, 325; 127(a, b): только 326; 128—130: 322, 323, 329; 131: 324 (нет словосочетания: «а при несчастьи...»); 132—136: 330, 331, 332, 333, 338; 137(a, b): 341 (нет словосочетания: «задним умом...»); 138: 346; 139(a, b, c): 116; 140—148: 356, 359, 361, 364, 342, 344, 369, 373, 371; 149: под этим номером в книге Carey'я пословица не записана; 150—160: 379, 381, 382, 384, 375, 376, 378, 395, 397, 398, 400; 161—170: 401, 404, 394, 405, 406, 408, 409, 412, 414, 413; 171—178: 415, 410, 417, 418, 419, 420, 421, 422; 178.1: 426; 179—190: 428, 430, 431, 435, 437, 443, 445, 447, 448, 450, 457, 459; 191—196: 460, 458, 462, 463, 466, 478.

Анализ списков пословиц из фонда Шибанова и публикации Carey'я подводит к выводу, что они восходят к копии Ефремова, которую тот снял в 1861 г. со сводного чернового алфавитного списка Афанасьева (с 403-мя пословицами и 33-мя вариантами к ним), в который Ефремов внес также собственные пословицы и пословицы Афанасьева. Последний же составил сводный список из разрозненных пословиц, собранных Далем. С этой копии Ефремова делались другие копии, одной из коих явился рассмотренный нами список из фонда Шибанова.

Позднее к Ефремову попала копия с первоначального списка Даля (где числилось около 200 пословиц), по-видимому, от С. С. Дудышкина[1].

Ефремов создает *новый* список, состоящий из двух разделов. Именно с этого *нового* списка и были сняты известные ныне копии (например, для Е. И. Якушкина), одна из которых доступна нам по публикации Carey'я.

По этому изданию мы можем судить о первоначальном списке заветных пословиц Даля, рассматривая его как публикацию писарского списка по копии, снятой, видимо, Симони, со списка Ефремова.

В первый раздел нового списка Ефремов включил первоначальную копию со списка заветных пословиц Даля.

Судя по всему, этот список имел следующий порядок заглавий: «Русские пословицы и поговорки», «Заметка», «Русские заветные пословицы и поговорки». Именно в такой последовательности они расположены в первом писарском списке издания Carey'я (p. 8). В этом списке имеется 198 пословиц (с учетом вариантов — 217). Как указывалось выше, они опубликованы под заглавием «Proverbes et dictons étotiques russes» [Русские эротические пословицы и поговорки] (далее — CI), в то время как оригинальное заглавие второй рукописи Афанасьева иное: «Русския заветныя пословицы и поговорки. (В. И. Даля)». Ефремов ввел свою нумерацию для пословиц первого раздела. Сходные пословицы, стоящие у Даля рядом, Ефремов обозначил латинскими буквами «a, b, c» (в сводном черновом алфавитном списке, сходные пословицы, начинающиеся с разных слов, были разнесены Афанасьевым по алфавиту). По CI можно определить, какие сходные пословицы стояли в списке Даля рядом — это варианты «a» и «b» для № 19, 39, 40, 50, 56, 66, 78, 115, 137, 144, 151, 154, 183 (в наст. изд. № 53, 90, 99, 115, 129, 147, 174 (как одна), 293, 341 (как одна), 342, 381, 375, 437). Пословицы «Голосок — как пиздий волосок», «Тонкий голосок...», «Голос как в жопе...» (в наст. изд. № 63, 383, 62) записаны в CI под № 25 (a, b, c). В списке Даля они следовали, видимо, друг за другом, но Афанасьев расставил их по алфавиту

[1] См. «сообщение» П. Симони — наст. изд. с. 576.

и присвоил три разных номера. Точно так же пословицы «Давай хуй...» и «Есть хуй...» стояли в списке Даля рядом, поскольку в CI им присвоен № 26 (a, b) (в наст. изд. № 68 и 91). Судя по CI, пословицы «Дом вести...», «Заметен муж...» и «Не торопью...» (№ 32, 45, 96) не имели вариантов в первоначальном списке Даля. Он выявил эти варианты позднее, Афанасьев же перенес их в сводный список как отдельные пословицы, когда же наступило время включать их в составную рукопись, он дополнительно присоединил их к указанным выше пословицам (в наст. изд. № 77, 110, 235) (порядок последующих дополнений рукописи очевиден). В первоначальном списке Даля особняком стояла пословица «Кто повадится...» (CI № 70), позднее она была перенесена Афанасьевым в рукопись как вариант к пословице «Извадился...» (наст. изд. № 127). Эти две пословицы оказались в его сводном списке в разных местах, при переписывании он произвольно сделал основной вторую пословицу, поскольку та была ближе по алфавиту. Пословица «Еби сороку и ворону, а хуй наебешь, так и лебедь уебешь» (в наст. изд. № 88), судя по Carey I (№ 38), находилась в списке Даля в следующей редакции «...а хуй *набьешь*, так и лебедя уебешь. (В печатном: "Стреляй сороку и ворону, а руку набьешь, так и сокола убьешь".)» Имеется в виду, видимо, книга Снегирева[1], хотя в ней опубликована несколько иная редакция. Пословица «При счастьи и кулик пердит» точно соответствует CI (№ 131), хотя в рукописи имеется продолжение (в наст. изд. № 324). Пословица «На-тка, пососи, да вперед не проси» (CI № 82) имеет в рукописи пояснение Афанасьева («говорят...»). В первоначальном списке Даля пословица «На боку дыру провертишь» (наст. изд. № 190), судя по CI (№ 81), имела продолжение: «...а немец на говне вошь убьет и ногтя не замарает». Пословица «Приданого две мельницы...» (наст. изд. № 326), следуя CI (№ 127 (a, b)), имела в списке Даля вариант b: «Что приданаго? Две мельницы — ветряная да водяная». Пословица «Зол (Сердит), да не силен...» (наст. изд. № 116), судя по CI (№ 139 (a, b, c)), находилась в списке Даля в виде трех сходных вариантов (по алфавиту на букву «с»): «a) Сердит да не силен, так говну брат; b) Зол да не силен — говну равен; c) Зол да не силен, по-русски говно». В остальном пословицы из CI соответствуют пословицам из рукописи Афанасьева.

Менее значительные разночтения в пословицах CI и рукописи объясняются, возможно, ошибками переписчиков.

По книге Carey'я мы также можем судить о втором разделе нового списка Ефремова. Второй писарский список содержит здесь 172

[1] *Снегирев И.* Указ. соч. С. 12 (Б-129: «Бей сороку и ворону, добьешься и до белой лебедки». (21) Кашин<ская>: «Бей галку и ворону, руку набьешь, сокола убьешь»).

пословицы (с учетом вариантов — 182), обрывается он на девятой пословице на букву «п» (далее — CII). Carey, воспроизводя второй список, дал ему неточное название и вынес в его заглавие фамилию Ефремова[1], хотя в писарском списке она зачеркнута.

Второй раздел нового списка Ефремова представляет собой оставшуюся часть пословиц из копии со сводного чернового алфавитного списка Афанасьева (дополненного пословицами, собранными им самим и Ефремовым) после исключения пословиц, соответствующих первоначальному списку Даля. Название раздела «Дополнение к пословицам, собранным В. И. Далем» дано именно Ефремовым, исходившим, видимо, из того, что в первоначальном списке были представлены пословицы, собранные Далем, а в «дополнении» — пословицы, большинство из которых тот получил от других собирателей. Название раздела перекликается с заглавием списка с копии Ефремова из фонда Шибанова. Судя по CI (№ 81), в первоначальном списке Даля имелась единая пословица «На боку дыру провертишь, а немец на говне вошь убьет и ногтя не замарает», а при составлении сводного списка Афанасьев разделил ее на две: «На боку дыру провертишь» и «На говне вошь убьет — и ногтя не замарает (о немце)». В рукопись попала лишь первая половина под № 175 (л. 295) (в наст. изд. № 190), вторая же была пропущена. В копии сводного списка Ефремова эти две пословицы стоят рядом (CII № 100 и 101; также в списке из фонда Шибанова). Ефремов не стал их исключать из своей копии сводного списка Афанасьева. Не вычеркнул он (по невнимательности или по иной причине) и семь пословиц, повторяющихся в первоначальном списке Даля. В CII это № 27, 31a, 31b, 49, 55, 62, 87 (соответствуют CI № 19b, 25a, 25c, 40b, 50b, 56a, 78a; в наст. изд. это вариант к № 53, № 63, 62, вариант к № 99, вариант к № 115, № 129, 174). В полном списке Ефремова таких неисключенных, повторяющихся пословиц было, видимо, больше. Оставшиеся пословицы он заново пронумеровал, а сходные объединил под одним номером и пометил как варианты латинскими буквами «a, b» (по CII это № 18, 21, 31, 105 (в наст. изд. № 34, 44 и 45, 63 и 62, 192)). Под № 141 Ефремов объединил семь вариантов (a — g) (в наст. изд. № 262 [1 — 3] и 286 [1 — 4]; вариант «На передок не крепка» в CII пропущен), пометил под № 138 и 139 два варианта одной пословицы, хотя в рукописи они значатся под одним номером (в наст. изд. № 256), пословице «Гусь пролетел и крылом не задел» (в издании «Пословиц» Даля она опубликована именно в такой редакции, в рукописи же к ней добавлено, видимо, Афанасьевым: «(в пизду)») присвоил № 34.

В CII отсутствует двадцать шесть пословиц, имеющихся в рукописи Афанасьева (номера даны по наст. изд.): одиннадцать пословиц

[1] См. в наст. изд. с. 577.

из первого слоя текста (33, 97, 166, 210, 236, 383, 9, 13, 51, 76, 244, последние пять с крестиками), семь пословиц, записанных Ефремовым (№ 28, 38, 107, 229, 240, 261, 279), три пословицы, внесенные дополнительно Афанасьевым (№ 18, 30, 54), а также пословицы, перенесенные Ефремовым в раздел загадок (№ 176, 291) и варианты к пословицам (№ 167, 214, 262). Этих пословиц нет и в списке из фонда Шибанова. В СII, кроме того, не хватает еще около 90 пословиц.

В то же время в СII имеются семь пословиц, не представленных в рукописи Афанасьева: «№ 3. Ах ты хуев пономарь», «№ 19. Видать золото в грязи, а говно на мази», «№ 30. Говно-он-го, хуем ударь — г[осударь]», «№ 35. Дала мать корытцо — век свой кормиться», «№ 101. На говне вошь убьет и ногтя не замарает (о немце)» [ср. выше СI № 81], «№ 121. Не кума, коль под кумом не была», «№ 148. Немец хитер... вошь на говне раздавит, да и ногтя не замарает». Следующие три пословицы записаны в другой редакции: «№ 168. Пизда хоть и грешна, да потешна» [ср. с СI № 174 (наст. изд. № 418)], «№ 12. Бык ревет, корова ревет: черт разберет — кто кого ебет» [ср. в наст. изд. с № 21], «№ 145. Нынче и старику по языку; что и молодец, коли чистит свой рубец» [ср. в наст. изд. с № 269]. Из вышеуказанных семи пословиц шесть (кроме № 3) имеются в списке из фонда Шибанова. В нем также встречаются восемнадцать пословиц, отсутствующих в рукописи Афанасьева. Если бы Сагеу располагал полным списком, бóльшая часть этих пословиц нашла бы, наверное, место в его книге. Возможно, эти пословицы были добавлены Ефремовым уже после того, как он перенес их в рукопись Афанасьева.

Вернемся к этой рукописи. Вслед за пословицами Афанасьев записывает в пятнадцатой тетради «Скороговорки» (1 — 8), «Приметы» (1 — 8), «Загадки и отгадки», полученные от Даля.

Загадки легко делятся на две части по времени их записи. *Первая* — к полученным от Даля двадцати пяти загадкам, в том числе шести загадкам с девятью вариантами, Афанасьев приплюсовал собранные им восемнадцать загадок и шесть вариантов к пяти загадкам, обозначив их крестиками, но специально это не оговорил, как то было сделано им в пословицах. «Загадки» Даля расположены по алфавиту и пронумерованы. Афанасьев добавил после № 11 свои № 12 — 15 и затем в конце не по алфавиту записал еще № 30 — 43. В конце № 43 (в наст. изд. № 18) он приписал: «(Ворон., Моск. и Тверск. губ.)». Видимо, в этих губерниях были услышаны все восемнадцать учтенных им загадок. Сразу после № 43 Ефремов добавил № 44 и 45 (в наст. изд. № 14 и 32). Далее Афанасьев посчитал, наверное,

что запись загадок закончена и вписал в конце тетради «Конец присказки...» (см. в наст. изд. в разделе сказок № 146).

Вторая часть. Позднéе к названию «Загадки» Афанасьев приписал «и отгадки», дополнил варианты к № 20 и 31 (в наст. изд. № 30 и 1), дописал после «присказки» еще две загадки [46 и 47], присвоив им по ошибке № 45 и 46 (в наст. изд. № 36 и 42), внес также ряд других исправлений и дополнений.

Ефремов в свою очередь вписал без нумерации и крестика на первом листе новой шестнадцатой тетради над названием «Песни» последнюю загадку (в наст. изд. № 13).

Всего Афанасьев и Ефремов внесли двадцать три загадки и восемь вариантов к семи загадкам, из них Ефремову принадлежат лишь три загадки.

В конце первоначального списка заветных пословиц Даля были записаны скороговорки, приметы, загадки. Как и пословицы, они также были им дополнены. Все эти материалы Афанасьев получил от Даля или скопировал с его оригинала. Афанасьев в свою очередь снабдил копией Ефремова.

В списке из фонда Шибанова после пословиц записаны под названием «Скороговорки» восемь скороговорок без нумерации и поясняющих слов (л. 29): № 1 — 3, 8, 5 — 7, 4 (видимо, Ефремов разместил их в соответствии с алфавитом). В иной редакции даны: «Летели пичужки...», «Села баба на угол, да стала лаяти, лаяти». На л. 30 под названием «Приметы» записаны без нумерации семь примет (отсутствует № 8): 1, 3, 2, 4 — 7. В иной редакции даны: «Голова болит, жопе легче», «Мама тянется, растешь дочка, нет, мама, еть хочется», «Завтра будет дождь — батюшка, а что, да я поймала у парня на хую вошь», «Когда пироги подожжены, то стряпуха за жопу хваталась», «Муде чешутся — к теплу хотят». На л. 31 — 33 под названием «Загадки» идут тексты загадок с № 1 — 5, 5а, 6 — 26, а на л. 34 к ним даны «Отгадки» № 1 — 26. Эти двадцать семь загадок находят соответствие в рукописи Афанасьева. Они также происходят из собрания Даля. Получив их от Афанасьева, Ефремов расположил загадки строго по алфавиту и присвоил другую нумерацию. В списке из фонда Шибанова как раз отсутствуют те загадки и варианты, которые Афанасьев обозначил крестиками, то есть дополнил сам (в рукописи это № 12 — 15, 30 — 43, 46, 47). Из трех загадок, включенных Ефремовым в рукопись Афанасьева, в этот список попала только одна: «Куда царь пешком ходит?», а две загадки: «Малый когда у нас яйца будут красныя?» и «От Шипилова до Мокрилова много ли верст», идущие здесь под № 10 и 15, оказались в рукописи Афанасьева в разделе пословиц (в наст. изд. № 176 и 291). Остается предположить,

что Ефремов перенес эти два текста из своей копии сводного списка пословиц, полученного от Афанасьева, в раздел загадок.

Отметим также, что в конце списка из фонда Шибанова расположены следующие тексты (другим почерком и по орфографии после 1918 г.): «1. Скороговорка. Около хвоя вяла три хвоя вялы<?>, на хвой встану, хвой достану», «2. Он ебет как пишет, а ее ебут, она и не слышит», «3. Он ебет как пишет, а она клопов давит», «4. Загадка. Полоса — кругом волоса (Разгадка: пизда)», «5. Пизда Васюсина вся обсусанна», «6. Черт тебя уебал на пьяной бабе, да в долг», «7. Еб тебя нищий, да еще ищет», «8. Твое тело и твое тело, а там уже ваше дело (Из наставления духовного отца молодым)».

Опишем шестнадцатую тетрадь рукописи Афанасьева. В верху первого листа приведено заглавие «Песни». На первых пяти листах (л. 296 — 300об. / 306 — 310об.) расположены девятнадцать песен (в наст. изд. № 1 — 19). Из них № 15 — 18 записаны Ефремовым, что особо не оговорено. Он также привел справа от № 8 (поперек) вариант «Ай барыня раскоряка...», обозначив его место крестиком, к № 14 приписал восьмую и девятую строки, к № 10 добавил два варианта («— избушку» и «— пиздушку!»), в № 11 надписал варианты над второй и третьей строками («хуй», «пизды»).

К песне № 7 имеется подстрочное примечание Афанасьева «Сообщено М. С. Щепкиным». В конце песен указаны места записей: «Моск. губ.» (№ 1, 3 — 5, 8, 9), «Воронежск. и Влад.» (№ 6), «Тверская» (№ 14, 18). Не исключено, что, кроме песен Ефремова и Щепкина, остальные происходят из собрания Даля. После песни № 19 осталась чистая половина листа. Далее в рукописи идут подшитые позднее двойные листы с текстами песенного характера.

Полагаем, что пословицы и поговорки, скороговорки, приметы, загадки, девятнадцать песен были уже занесены во вторую рукопись, в то время как вписывание сказок № 79 — 139 в первую рукопись еще продолжалось и было закончено, по всей вероятности, весной — летом 1862 г.

Остальные тексты появились позже, примечания же к уже сделанным записям вносились вплоть до 1863 — 1864 гг.

Слово «заветные» Даль употребил в названии и в «Заметке» в следующем контексте: «Из собранных здесь ни одна... не может быть произнесена в порядочном обществе или явиться в печати... но в устах простого народа... в дружеской откровенной беседе... можно подслушать некоторые из *заветных* пословиц». Не конкретизируя содержания пословиц, Даль говорит о них как об «особых в своем роде», «таких», «подобных», «такого же рода». В «Толковом слова-

ре» он перечисляет ряд значений слова «заветный»: «к завету относящийся; завещанный; переданный или хранимый по завету, заповедный, зарочный [т. е. дал зарок, зарекся что-либо делать], обетный; задушевный, тайный; свято хранимый». Здесь же им приведен следующий пример: «не продажное, а заветное», заимствованный из сказки «Тетерев» и, заметим, имеющий продолжение: «Какой же завет? — Да как шел я на охоту, дал обещанье: что ни убью, то и проебу». В словаре для слова «заветка» предлагается и такое толкование: «дневник или другие *записки не напоказ, про себя*».

В литературном языке того времени слово «заветный» обладало и рядом других значений. Так, «Словарь языка Пушкина» фиксирует сорок один случай его употребления. В значении «запретный», в частности, восемь раз. Для варианта «сокровенный, интимный (о беседе, разговоре)» подобрана такая цитата: «...ни в дружеском, *заветном* разговоре... сих тяжких тайн не выдаст мой язык» (Борис Годунов. XIII, 161). Там же приведен пример для употребления слова «заветный» в значении «о стихах, не предназначенных к печати»: «Ты мне пишешь: пришли мне *все стихи*. Легко сказать! Пущин привезет тебе отрывки из «Цыганов» — *заветных* покаместь нет»[1]. Как «тайный, скрываемый от других» это слово употребляется восемь раз. Укажем также, что в значении «тайный» Пушкин употребляет слово «потаенный» в стихотворении «Городок» («Я спрятал потаенну сафьянную тетрадь... так это сочиненья, презревшие печать»).

Как видим, для Даля слово «заветный» было равнозначно также словам «потаенный», «запретный», «не для печати». Поэтому заглавие «Русские заветные пословицы» было эквивалентно для него таким: «Русские потаенные пословицы», «Русские пословицы не для печати». Напомним также, что еще И. М. Снегирев в предисловии к своему известному труду «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848) употреблял термин «заветные» в следующих сочетаниях: «завѣтные изречения русского народа» (с. I), «заветные слова в народе» (с. IV), «заветные обряды» (с. V), «заветные поверья народа» (с. VI), «заветные верования и предания» (с. IX).

Мы вынуждены столь подробно останавливаться на этом, так как в последнее время, в частности, в известной статье Б. А. Успенского «"Заветные сказки" А. Н. Афанасьева»[2], утверждается, что «тот же

---

[1] Письмо П. А. Вяземскому. Конец (после 28) января 1825 г. Михайловское // *Пушкин [А. С.]* Указ. соч. Т. XIII. С. 139 (№ 132).

[2] Опубликована в следующих изданиях: От мифа к литературе. М., 1993. С. 117; *Успенский Б. А.* Избранные труды: [В 2 т.]. М., 1994. Т. II. С. 129; *Он же.* Избранные труды: [В 3 т.]. 2-е изд., испр. и переработ. М., 1996. Т. II. С. 162; Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 144. (Русская потаенная литература).

В. И. Даль назвал "заветными" непристойные (эротические) пословицы и поговорки, собранные им совместно с П. А. Ефремовым». Для Даля эти пословицы конечно же являлись непристойными или, по терминологии того времени, — похабными, но, называя их заветными, он акцентировал внимание не на содержании, а на невозможности их опубликования. Афанасьев, несомненно, чувствовал это, а потому, готовя рукопись к изданию за границей, записал в «Оглавлении»: «Похабныя пословицы и поговорки», что отвечало далевскому определению.

Как ни странно, но понимание слова «заветный» в значении «эротический» не нашло отражения в современных толковых словарях.

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ СКАЗОК С 1-Й ПО 24-Ю И С 26-Й ПО 78-Ю

Идея издания сказок «не для печати» за границей была предложена Афанасьеву, по всей вероятности, Виктором Ивановичем Касаткиным[1] в конце 1861 — начале 1862 г., когда в Лондоне вышла из печати книга: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Часть первая. С предисловием Н. Огарева. Лондон: Trübner & Co., Paternoster Row, 1861 (Вольная русская типография). LXLVI, 427, [I ч.], XII с., в подготовке которой Касаткин принимал деятельное участие. В 1858 — 1860 гг. он жил за границей, часто наезжая в Россию, будучи связным между Герценом и редакцией журнала «Библиографические записки». В 1861 г. Афанасьев поручил Касаткину редактирование этого журнала, где тот, владея европейскими языками, организовал новый отдел «Bibliophiliana», для освещения библиографических новостей из других стран.

Касаткин — человек состоятельный, из купеческого сословия — слыл также известным библиофилом. Свою библиотеку, куда входило много запрещенных изданий, списки потаенной русской поэзии и прозы, он вывез из России в Женеву[2]. Судя по его переписке, это была энергичная натура, буквально фонтанировавшая издательские и библиофильские прожекты. Только такой увлеченный человек из близ-

---

[1] Процитируем справку из «Советского энциклопедического словаря» (М., 1979): «Касаткин В. И. (1831 — 1867), русский революционер. Соиздатель журнала "Библиографические записки", корреспондент Вольной русской типографии в Лондоне. Член "Земли и Воли", с 1862 г. эмигрант, осужден заочно. В 1862 — 1864 гг. один из руководителей Бернской типографии».

[2] Подробно о Касаткине как библиофиле см.: Русский библиофил на чужбине // Собиратели книг в России / [Сост. Л. М. Равич.] М.: Книга, 1988. С. 63 — 91.

кого окружения Афанасьева мог отпечатать на свои деньги «РЗС» за границей как библиофильское издание.

Тому имеются следующие документальные свидетельства. Федор Иванович Буслаев, например, в своих воспоминаниях за 1893 — 1896 гг.[1] пишет: «...Надобно упомянуть его [Касаткина] издание непристойных сказок, доставленных ему Афанасьевым, получившим их вместе со множеством других разнообразных материалов по русской народности из Русского Географического общества. Вот заглавный лист касаткинского издания: "Русския заветныя сказки [далее приведен эпиграф с титульного листа книги], Валаам, Типографским [так!] художеством монашествующей братии. Год мракобесия"»[2]. Буслаев относит это издание на счет «чудачеств» Касаткина и упоминает его при описании студенческого бунта в Москве 6 октября 1861 г. в связи со «скандальными подвигами» нашего библиофила, где тот был одним из главных «подстрекателей».

Не вызывающим сомнений в этом заявлении Буслаева представляется факт передачи Афанасьевым сказок Касаткину и намерение последнего издать их за границей. Эти сведения Буслаев мог получить или лично от Касаткина до его отъезда в начале июня 1862 г., или же от самого́ Афанасьева до его кончины в 1871 г. Что же касается роли Касаткина как издателя «РЗС», то Буслаев не мог об этом достоверно знать, а связал приобретенную позже книгу с намерением Касаткина ее выпустить. Вряд ли правдоподобно утверждение Буслаева о получении Афанасьевым непристойных сказок из Императорского Русского Географического общества.

Известно также, что в начале июня 1862 г.[3] Касаткин выехал на лечение за границу на 3 — 4 месяца и, как сообщал Ефремов в письме Афанасьеву от 9 ноября 1862 г.: «все болеет и в Москву собирается не ближе весны»[4].

Со стороны Ефремова, близкого знакомого Афанасьева и Касаткина, также завзятого библиофила, скорее всего была выражена поддержка этой инициативы[5].

---

[1] *Буслаев Ф. И.* Дополнение к моим воспоминаниям, не допущенное мною в печать [Диктовал в 1893 — 1896 гг., будучи слепым] // ГЛМ. Ф. 348. П. 2. С. 328 — 330.

[2] *Померанцева Э. В.* Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1965. Вып. III. С. 159. (Труды Ин-та этнографии; Т. 91).

[3] См.: Заявление В. И. Касаткина от 26 июня 1865 г. // Колокол. Женева, 1865. № 200. С. 1638 — 1639.

[4] Цит. по: Письма А. Н. Афанасьева к П. А. Ефремову / (Статья и публикация З. И. Власовой) // *Афанасьев А.* Происхождение мифа. Статьи... М.: Индрик, 1996. С. 483.

[5] Ефремов издал в 1867 г. «Библиографический сборник» тиражом 100 экз. на бумаге разного цвета.

...К началу 1862 г. в первой рукописи имелись уже семьдесят восемь сказок в первых семи тетрадях, шла работа по записыванию сказок с № 79 по 139. Во второй рукописи появился первый слой текстов.

Согласившись с предложением Касаткина, Афанасьев стал готовить к печати первые семьдесят восемь сказок: отредактировал записи, зачеркнул 1018 слов, исправил буквы в 282 случаях, надписал сверху 1064 слова, перечеркнул накрест № 25 «Офицерская острота» (в первое издание поэтому не попадет), перечеркнул тем же пером и тем же способом, но с меньшим нажимом варианты к сказкам № 41 «Вот батрак...», 42 «У того попа...», 47 — оба варианта: «В одном селе...» и «Ищет поповна...» (в наст. изд. № 38, 39, 44), но в книгу эти варианты все же войдут (видимо, вычеркивания их не были учтены при снятии копии), полностью вычеркнул вариант к № 59 «Солдат пришел...» (наст. изд. № 56). В прибаутку «е» (в наст. изд. — прибаутка «д»), которая в рукописи (л. 19 / 23) первоначально была записана как «е. Гарнизонной капитан в пизде роту обучал, саблею махал, нигде краев не достал», Афанасьев внес следующие добавления: надписал вверху над первой строкой: «е. В пизде черви завелись, немножечко проточили — три кареты проскочили» (буква «и» в конце «закрыла» старую нумерацию «е»); после слова «обучал» приписал над строкой: «сам на секеле стоял да все». Эти добавления он дословно перенес из песни № 14 «К барыне» (л. 300 / 310 — в наст. изд. в разделе «Песни» № 14 «К барыне», строки 2, 3, 4, 7). С подготовленных к изданию текстов № 1 — 24, 26 — 78 была снята копия. До нас она не дошла. Мы можем судить о ней по тексту первого издания «РЗС». Судя по неправильно прочитанным словам в рукописи, копию снимал не Афанасьев, а Касаткин[1].

Видимо, в это же время, вручая Касаткину тетради № 1 — 7, Афанасьев зачеркнул на титульном листе первой тетради слова «(Из собрания В. И. Даля) — А. Н. Афанасьева». Причины этого вполне понятны: одно дело — указание на собирателей в рукописи, не предназначенной для печати, и другое — когда принято решение о ее публикации за границей.

В нумерацию сказок были внесены следующие изменения: сказки, идущие в рукописи под № 1 — 7, были помечены в копии № I — VII; сказку № 11 «Собака и дятел» поместили в копии вслед за № VII «Вошь и блоха» и обозначили № VIII; сказки № 8, 9, 10 стали № IX, X, XI; сказкам № 12 — 24 присвоили № XII — XXIV; № 25 — 56 оказались под № XXV — LV; сказка № 57а и сказка «К № 57»[в], находящаяся в рукописи между № 59 и 60, были объ-

[1] Библиотека и архив Касаткина были куплены в 1874 г. фельдмаршалом князем А. И. Барятинским, позднее книги попали в РГБ и ГПИБ, а архив осел в ГИМ. Копию следует искать именно здесь.

единены в копии под № LVI (а, б); сказки № 58 — 78 получили № LVII — LXXVII. Сходные сюжеты, обозначенные в рукописи буквами латинского алфавита (a, b, c, d), были помечены в копии буквами русского алфавита (а, б, в, г). Упоминания об А. Н. Афанасьеве и П. И. Якушкине в примечаниях к сказкам № 7, 10, 11, 18, 28, 60, 66а были опущены. В связи с тем, что нумерация в результате «поползла», в копии сказок № 43б, 47, 54, 65, 76 были внесены исправления, коснувшиеся ссылок на номера других сказок.

Название «РЗС» родилось, видимо, в результате обсуждения проекта между Афанасьевым и Касаткиным. Выше мы говорили о таких вариантах, как «Русские потаенные сказки», «Русские сказки не для печати». Наши публикаторы остановились на названии «заветные», отдавая тем самым дань уважения Далю. Во время снятия копии сказок на титульном листе первой рукописи еще значилось: «(из собрания В. И. Даля)», в заглавии же второй рукописи, еще не присоединенной к первой, было записано: «Русские заветные пословицы и поговорки (В. И. Даля)». Таким образом, слово «заветные» появилось в названии сборника сказок не «в подражание Далю»[1], оно отразило более глубокий подтекст, — это был знак узнавания, принадлежности сказок, как и пословиц, Далю. Иными словами, книга должна была бы называться: «*Русские заветные сказки из собрания В. И. Даля*», поскольку семьдесят три из них (кроме № 7, 10, 11, 60), то есть бóльшая часть, принадлежали именно этому человеку. Он назвал свои пословицы (похабные по содержанию) заветными, имея в виду — не для печати, потаенные, запрещенные, нецензурные, между друзьями. Логично предположить, что и свои сказки (тоже похабные по содержанию) Даль также должен был бы именовать заветными. Этому суждению и следовал Афанасьев. Сочетание «заветные сказки» употреблялось, видимо, в разговорах между Афанасьевым, Касаткиным, Ефремовым и Е. И. Якушкиным как обиходное, кодовое понятие, ясное для посвященных. Возможно, Афанасьев согласовал это название с Далем, жившим в то время в Москве, коего он должен был бы поставить в известность о предстоящих публикациях его сказок и пословиц.

Что же касается предисловия к будущей книге, то следы его наличия в рукописи отсутствуют. Поэтому судить о нем мы можем лишь по первому изданию «РЗС».

Это обстоятельство мало кто учитывает. Так, В. П. Аникин пишет, например: «Рукопись «Заветных сказок» сохранилась. Она датирована 1857 — 1862 гг., имеет помету: «Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым»,

[1] Именно так П. Симони объясняет происхождение названия книги (см. в наст. изд. с. 576).

снабжена предисловием, которое, без всякого сомнения, указывает на намерение Афанасьева издать сказки»[1].

Предисловие к «РЗС» явно принадлежит издателю (использованы такие выражения, как «наше издание», «дерзкий издатель», «мы, издавая», «книга наша», «мы намерены также издать»). Псевдоним «Филобибл» в конце предисловия несомненно указывает на книголюба Касаткина. Да и, судя по проявленной автором эрудиции при перечислении европейских эротических изданий, им мог быть только этот библиофил.

В написании предисловия Афанасьев, думается, участия не принимал. Не исключено, что оно могло быть составлено Касаткиным уже за границей. Далее мы покажем, что в нем упоминается французское эротическое издание, вышедшее в 1865 г. (напомним, что «РЗС» изданы в 1867 г. по копии, сделанной Касаткиным в 1862 г.).

Эпиграф к предисловию повторяет соответствующий пассаж к разделу «Пословиц и поговорок». Оттуда же заимствован оборот «в своем роде».

Слово «заветный» употребляется в предисловии десять раз в следующих сочетаниях: «всякое свободное слово, всякая *заветная* речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они», «знатокам всего *заветного*, меткой, образной русской речи», «*заветные* станки» и т. д.

Как видим, значение слова «заветный» здесь такое же, как у Даля в его «Заметке»: тайное, потаенное, не для печати, запрещенное цензурой, свободолюбивое; но не похабное, не эротическое, не непристойное, не неприличное.

В предисловии Касаткин употребил выражение «*эротическое содержание заветных* русских сказок». Оборот «эротическое содержание» явно заимствован из предисловия Н. Огарева к «Русской потаенной литературе XIX столетия» (Лондон, 1861. С. LI).

Дело в том, что в отечественной культуре первоначально было распространено сочетание «эротические стихотворения» и под этим разумелись любовные стихи. Вполне легально в России выходили такие издания, как: [*Гагарин Г. И.* или *Г. П.*] Эротические стихотворения. СПб.: Тип. Шнора, 1811. 100, [4] с.; Эротические стихотворения русских поэтов. Собрал Григорий Книжник [Г. Н. Геннади]. СПб.: А. Смирдин (сын) и К°, 1860. XVI, 192 с. В последнем издании была представлена антология любовной поэзии.

В последующие 130 лет в России и СССР невозможно представить легальную публикацию с подобным названием.

---

[1] *Аникин В.* Александр Николаевич Афанасьев и его фольклорные сборники: Вступит. ст. // Народные русские сказки: Из сборника А. Н. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1976. С. 12; То же. М.: Правда, 1982. С. 8.

В «Словаре языка Пушкина» зафиксировано всего два случая употребления поэтом слова «эротический» в значении любовный: «А эрот<ические> стихотворения Державина, невинного, великого Державина?»[1] В то же время под влиянием французских изданий середины XIX века слово «эротический» начало приобретать и новое значение, как что-то неприличное, похабное. Так, Е. А. Болховитинов называл стихи Баркова «эротико-приапейскими»[2]. А. Герцен говорил в 1860 г. об «эротических стихотворениях Баркова»[3]. Н. Огарев в указанном выше предисловии писал: «...мы смотрим на отдел стихотворений Пушкина, который мы назвали эротическим, пожалуй назовемте неприличным, похабным» (с. XLIX). В раздел «Стихотворения эротическия» были включены «Гаврилиада», «Царь Никита» (с. 40 — 68) и «Вечерняя прогулка», «Первая ночь брака» (с. 69 — 76). Два последних Пушкину не принадлежат.

Поэтому можно было говорить об эротическом, неприличном, похабном содержании заветных сказок.

Из текста предисловия вытекало, что будущее издание сразу же предполагало заглавие «РЗС». В конце предисловия мы читаем: «Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: *русския заветныя пословицы* и продолжение *русских заветных сказок*. Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок». В предисловии имелась еще и такая оговорка: «пока мы приводим только небольшую часть».

Рассмотрим два возможных толкования приведенных цитат.

Наиболее правдоподобное. Касаткин снял копию с семидесяти семи сказок и вывез ее в июне 1862 г. за границу, предполагая вскоре вернуться обратно. Афанасьев обещал подготовить за это время к изданию «Русские заветные пословицы», поскольку они были записаны раньше, чем сказки № 79 — 139, и подготовка пословиц к печати заняла бы меньше времени. Сказки № 79 — 139 были, видимо, уже занесены в тетради к июню 1862 г., но еще требовали редактуры. Выражение, использованное в предисловии, «материалы приводятся в порядок» явно из лексикона Афанасьева. После окончания работы над рукописью оно появится на титульном листе рукописи. Но Касаткину, ставшему к тому времени политическим эмигрантом, уже не суждено было вернуться в Россию.

---

[1] *Пушкин А. С.* <Опровержение на критики> // *Пушкин [А. С.]* Указ. соч. 1949. Т. XI. С. 156.

[2] *Евгений [Болховитинов Е. А.].* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Соч. митрополита Евгения. М., 1845. Т. I. С. 19.

[3] *Герцен А. И.* «1860» // Колокол. 1860. № 60. С. 491 — 495.

Менее вероятное объяснение сказанному в предисловии. Касаткин вывез в июне 1862 г. не только копию с семидесяти семи сказок, которую он мог снять заблаговременно, но ему также удалось переписать «Заветные пословицы» (с намерением издать их после сказок) и сказки № 79 — 139. Оставалось только «привести» все это «в порядок».

Широко бытует точка зрения о том, что в сентябре 1860 г. в Лондоне Афанасьев передал Герцену рукопись «Заветных сказок» (под этим иногда понимается *вся* рукопись «Народных русских сказок не для печати»), впервые высказанная Ю. М. Соколовым в 1936 г.[1] и поддержанная В. П. Аникиным[2]. А. И. Баландин отвергает это предположение Соколова, но поначалу зачем-то приписывает ему логически противоречивое утверждение (мол, Афанасьев доставил Герцену всю рукопись в 1860 г., в то же время автору известно, что рукопись была окончена только в 1862 г.)[3], которое сам же Баландин с легкостью развенчивает.

Факты неопровержимо свидетельствуют, что в 1860 г. первые семьдесят семь сказок еще не были готовы к печати. О названии «РЗС» также еще не шло и речи.

Со сказок № 140 — 164 и других текстов не могла быть снята копия, поскольку до июня 1862 г. они попросту отсутствовали в рукописи. Далее, опираясь на переписку Афанасьева с Ефремовым, покажем, что песни, включенные Ефремовым в рукопись, не могли быть им пересланы из Санкт-Петербурга до 12 октября 1862 г., а также то, что сказка № 151, имеющая заглавие: «К сказке "Елена Премудрая" (вып. VII, № 41а)», была записана еще позднее (седьмой выпуск «НРС» вышел в 1863 г., цензурное разрешение от 22 мая 1863 г.).

У первых комментаторов «РЗС» М. К. Азадовского и Н. П. Андреева принадлежность предисловия Афанасьеву сомнений не

---

[1] *Соколов Ю. М.* Жизнь и научная деятельность А. Н. Афанасьева // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. [М.]: Academia, 1936. Т. I. С. LV. («Возможно, что во время встречи с Герценом Афанасьев и передал ему для печатания сборник "Заветных сказок"».)

[2] Русские писатели. 1800 — 1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. I. С. 123.

[3] *Баландин А. И.* Мифологическая школа в русской фольклористике. М.: Наука, 1988. С. 149. В ранее вышедшей статье автор ошибочно указывал: «Позднее без указания года и фамилии составителя, в Женеве был издан еще один сборник Афанасьева — "Русские заветные сказки" (первоначально озаглавленный составителем "Народные русские сказки не для печати"), куда вошли широко распространенные антипоповские сказки». (*Баландин А. И.* Мифологическая школа // Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975. С. 64. (Примечание № 192.)).

вызывала[1]. Впервые такие подозрения возникли у Л. Г. Барага и Н. В. Новикова после публикации выдержек из воспоминаний Буслаева («но, возможно, предисловие написал Касаткин»)[2]. Б. А. Успенский, ссылаясь на Барага и Новикова, также считает, что «не исключено, вообще говоря, что он [Касаткин] был и автором предисловия к "Русским заветным сказкам", которое подписано "Филобибл"»[3].

ПОСЛЕ ИЮНЯ 1862 ГОДА

После отъезда Касаткина за границу в начале июня 1862 г. с семьюдесятью семью сказками, Афанасьев занялся подготовкой обещанного первым издания «Русских заветных пословиц». В этот период к основному списку пословиц были сделаны добавления — восемнадцать пословиц вписал Ефремов, двенадцать — Афанасьев, внесший к тому же в двадцать одну исправления. К названию раздела «Загадки» было присоединено «и отгадки», также были дополнены загадки № [46, 47] (Афанасьевым) и № [48] (Ефремовым). Тогда же Ефремов вписал песни № 15 — 18.

Все это время Афанасьев продолжал работу над подготовкой к печати сказок № 79 — 139. Так, к названию сказки № 80 «Мальчик-бздунок» он приписал «(Сынок-бздунок)». В сказку № 84 «Шут» (л. 163 / 167) ввел после слова «прокормлюсь» знак вставки. Вставка была вписана позднее, начиналась она внизу листа от слов «Взял он саночки» до слов «сто рублев (см. на стр. 253 обороте)» и продолжалась на л. 253 / 257об. под названием «К № 84 (на стр. 163)» от слов «...не пожалею!» до слов «...надул меня проклятой!». Сказка № 113 «Колдун-любовник» была перечеркнута вертикальной линией (характер нажима и перо другие, нежели в случае с № 25). Более подробно сведения о работе над сказками № 79—139 приведены в разделе «Примечания» настоящего издания.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУКОПИСЕЙ

По окончании работы по подготовке к публикации заветных пословиц и сказок № 79 — 139 у Афанасьева сложились две рукописи. Одна — в первых тринадцати тетрадях (л. 1 — 276об. / 5 — 280об.) со сказками № 1 — 139 (последние три листа в тринадца-

---

[1] [*Азадовский М. К.* и *Андреев Н. П.* при участии *Г. С. Виноградова*]. Комментарии // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М.: Гослитиздат, 1940. Т. III. С. 472.

[2] *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* А. Н. Афанасьев и его собрание... // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1984. Т. I. С. 395.

[3] *Успенский Б. А.* «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе. М., 1993. С. 117.

той тетради (л. 277 — 279 / 281 — 283) оставались чистыми, но пронумерованными). Содержание этой рукописи нашло отражение на трех листах под общим названием «Оглавление». Именно ей принадлежал титульный лист: «Народные русские сказки не для печати. (Из собрания В. И. Даля — А. Н. Афанасьева). 1857».

Вторая рукопись, уместившаяся в трех других тетрадях, не имеющих нумерации листов и текстов, без оглавления, получила название «Русские заветные пословицы и поговорки (В. И. Даля)». Здесь были записаны следующие тексты: «Заметка», «Пословицы и поговорки», «Скороговорки», «Приметы», «Загадки», «Песни» (1 — 19). В третьей тетради листы 5об., 6, 7, 8 оставались чистыми.

Афанасьев решает соединить эти рукописи. Закончив нумерацию чистых листов тринадцатой тетради, он продолжает ее в тетрадях второй рукописи: № 14 (12 л.), 15 (4 л.), 16 (8 л.). Тексты здесь оказались расположены следующим образом: «Русские заветные пословицы и поговорки (В. И. Даля)» (в верху л. 280 / 290), «Заметка» (л. 280 — 280об. / 290 — 290об.), «Пословицы и поговорки» (л. 280об. — 292 / 290об. — 302), «Скороговорки» (л. 292 — 292об. / 302 — 302об.), «Приметы» (л. 292об. / 302об.), «Загадки [позднее добавлено:] и отгадки» (л. 292об. — 296 / 302об. — 306), «Песни» (1 — 19) (л. 296 — 300об. / 306 — 310об.). Афанасьев пронумеровал также чистые листы в шестнадцатой тетради (л. 301 / 319, 302 / 320, 303 [позднее получит номер: 303а] / 321).

В «Оглавлении» рукописи (после № 139 «Сны») он сначала присвоил новым текстам продолжающуюся нумерацию: № 140, 141, 142, 143, затем зачеркнул ее и, отделяя вторую рукопись, проставил новые номера (1, 2, 3, 4): «1. Похабныя пословицы и поговорки — [стр.] 281 и 300», «2. Скороговорки [далее надписано] и приметы — [стр.] 292», «3. Загадки — [стр.] 292» [сло́ва «отгадки» в «Оглавлении» нет, поскольку в текст оно вписано позднее], «4. Песни — [стр.] 296». В самой рукописи эти разделы нумерации не получили, так как Афанасьев забыл, по-видимому, это сделать, — в «Оглавлении» нумерация обычно появлялась уже по итогам внесения названий текстов.

Ко второй рукописи Афанасьев присоединил семнадцатую (по общему счету) тетрадь (4 л.), на первом листе которой под названием «Прибаутки» записал три ненумерованных текста (в строку, без выделения рифм): «Шуба-кожара...», «Хинь-хинь...», «Туру-туру...». Ниже на том же листе под названием «Байки» добавились еще два текста: «Спи, усни, большой вырасти!», «Бог тебя дал...». Все они, не имея похабного содержания, были записаны уже давно и оказались, видимо, выкинутыми цензурой из четвертого выпуска «НРС».

Эти новые четыре листа получили номера: 304 — 307 / 326 — 329. На л. 304об. — 305 / 326об. — 327 после двух текстов баек под названием «Народныя анекдоты» разместились также записанные ранее два текста «a» и «b» непохабного содержания, выкинутые, возможно и в этот раз, цензурой из «Народных легенд». В низу листа 305 / 327 появилась непохабная пословица «Как лошадь...». В «Оглавлении» же все это было отражено следующим образом: «5. Прибаутки — [стр.] 304[c]» (перед «5» было зачеркнуто: «144», а в номере листа 304 буква «с» вписана позднее); «Байки» не включены; затем следуют «140. Анекдоты — [стр.] 304 и 305» (сначала был номер «145»), хотя в основном корпусе рукописи № 140 отсутствует.

Далее Афанасьев выявляет сказку «Три добрыя слова», присваивает ей № 141 и записывает на чистый лист в тринадцатую тетрадь (л. 276об. — 278 / 280об. — 282) следом за окончанием сказки № 139 «Сны». В «Оглавление» он вносит после номера «140. Анекдоты» номер «141. Три добрыя слова — [стр.] 276». Таким образом, в тексте самой рукописи остается пропущенным № 140 и, согласно «Оглавлению», под этим номером в разделе сказок в будущем издании должны были бы следовать «Народные анекдоты».

С этого момента «Оглавление» перестает соответствовать расположению материалов в рукописи.

Работа продолжается, Афанасьев находит к первой байке вариант «Спи мое дитятко!...» и фиксирует его на л. 305об. / 327 об. Ниже он записывает четыре строки «Села баба на дороге...» (в наст. изд. в разделе «Песни» под № 26). В конце страницы добавляется вариант «с» (к «Народным анекдотам»). На л. 306 — 306об. / 328 — 328об. под названием «Заговоры» появляются еще два текста[1]. В «Оглавлении» же следом за № 141 имеется только «6. Заговоры — [стр.] 306». Эти заговоры взяты Афанасьевым из рукописного лечебника, где они были начертаны тайной азбукой[2].

Согласно «Оглавлению», в рукописи сложились самостоятельные блоки текстов: «Похабные пословицы и поговорки», «Скороговорки и приметы», «Загадки», «Песни», «Прибаутки», «Заговоры». Они были подготовлены Афанасьевым к печати и в такой последовательности должны были войти в будущее издание «Русских заветных пословиц», заявленное в предисловии к «РЗС». «Анекдоты» были отнесены им к сказкам под № 140.

---

[1] Опубликованы В. Л. Кляусом по машинописной копии из фонда М. К. Азадовского в РГБ в издании: Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 354 (№ 14), 357 (№ 25). (Русская потаенная литература).

[2] *Афанасьев А. Н.* Несколько народных заговоров / (Сообщено А. Н. Афанасьевым) // *Тихонравов Н. С.* Летописи русской литературы и древности, издаваемыя Николаем Тихонравовым. М., 1862. Т. IV. С. 72 — 80 (2-я паг.). Статья эта в библиографии Афанасьева не учтена.

Но на этом поиск сказок не прекратился. В тринадцатую тетрадь Афанасьев записывает на чистом листе 278 — 278об. / 282 — 282об.: «142. Окончание некоторых сказок» [начато и зачеркнуто: «Обычное»]. В «Оглавлении» же после «6. Заговоры» значится: «142. Окончание к сказкам — [стр.] 278». Обнаружив продолжение сказки, записанной ранее на листе 219 / 223об. между сказками № 113 и 114 под названием «Вариант к № 54» (в наст. изд. № 51), ученый присваивает началу сказки новый номер и название: «143. Чудесная дудочка» (наст. изд. № 52), исправляет ее конец с «(Царевна соглашается и выходит за него замуж)» на «Царевна согласилась, дала ему разок = (см. [л.] 278)». Продолжение (со слов «и забеременела») он записывает после № 142 на чистом листе 278об. — 279об. / 282об. — 283об. под названием «К № 143». В «Оглавлении» начало и продолжение этой сказки указываются как «143. Еще чудесная дудочка — [стр.] 219 и 278». До этого начало сказки было записано в «Оглавлении» как вариант: «54. Чудесная дудка — [стр.] 91 и [зачеркнуто: 219]». Тринадцатая тетрадь к этому моменту уже закончилась, лишь половина последнего л. 279об. / 283об. оставалась чистой.

Затем Афанасьев находит новую сказку «Генеральская жена и купеческой сын» и записывает ее в последнюю, семнадцатую, тетрадь следом за «Заговорами» под № 144, начиная с л. 306об. / 328об., и, поскольку эта сказка в тетрадь не «уложилась», окончание ее пришлось записать на листе бумаги, приклеенном к внутренней стороне задней переплетной крышки.

В «Оглавлении» сказка № 144 идет следом за № 143, хотя они находятся в разных рукописях.

Все семнадцать тетрадей уже хранились в то время вложенные в переплет.

Обе рукописи были объединены, все тексты подготовлены к печати. Чистыми оставались лишь три листа в шестнадцатой тетради (л. 301 — 303 / 319 — 321). Возможно, в это время обе рукописи были сшиты и на титульном листе первой появилась дата окончания работы: 1862. Думаем, тогда же на титульном листе возникла еще одна запись — «Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым».

ДОПОЛНЕНИЯ РУКОПИСИ, НАЧИНАЯ С КОНЦА 1862 ГОДА

Все последующие этапы работы над составной рукописью логично квалифицировать как ее *дополнение*. Определенно можно говорить и о начальной дате этих дополнений: конец 1862 г.

Известно письмо Афанасьева к Ефремову от 12 октября 1862 г.: «За обещанные песни... благодарю; не забудьте выслать при случае Богданову»[1]. В письме от 3 марта 1861 г. Ефремов писал Афанасьеву: «В моем распоряжении до ста нумеров сказок и песен..., не поздно ли будет, если я их сообщу Вам для пятого и шестого выпусков...»[2]

Уже после октября 1862 г. Ефремов выслал или привез из Санкт-Петербурга три двойных листа (или шесть одинарных), где на л. [1 — 5] (нумерация Ефремова от А до Е) им были записаны пять ненумерованных песен и четыре песни «С рукописи 1802 года». Листы 5об. и 6 оставались чистыми. Афанасьев присвоил этим пяти песням свою нумерацию: № 20, [21 пропущен], 22 — 25 (в наст. изд. № 27 — 30). Песню № 23 / 29 он дополнил строками 7, 10 — 15, к песне № 25 (наст. изд. № 31) дал другое название «Святошная», над названием «С рукописи 1802 года» сделал примечание: «N.B. Это не народныя, а пошлые романсы». Затем он вставил эти три двойных листа Ефремова в двойной лист, на страницах [1 — 2] (с. 3 и 4 чистые) которого ранее были записаны тексты (№ 1 — 6) песенного характера (в наст. изд. № 20 — 25) и три пословицы («Ну уж хуй!...», «Ну уж хуяк!...», «381. Чиста пизда...»). Цифра «381» означает, видимо, номер пословицы, под которым она числилась, будучи выписанной из какого-то списка Далем или Афанасьевым. Все эти четыре двойных листа Афанасьев вшил в шестнадцатую тетрадь между л. 300 / 310 и 301 / 319 вслед за окончанием песни № 19. Оставалось перенумеровать их заново (вверху справа), зачеркнув буквенную нумерацию Ефремова. Листы с текстами дополнительных песен и пословиц получили пагинацию: «К стр. 300»А, «К стр. 300»В, С, Д, Е, F / 311 — 316, чистые же листы были пронумерованы позднее: л. [Fоб.], 301[b], 301[c] / 316об., 317, 318. В «Оглавлении» это дополнение не нашло отражения. В самой рукописи последовательность в нумерации песен оказалась нарушенной: между № 19 и № 20 вклинились тексты песенного характера (1 — 6) и три пословицы.

На чистый лист Fоб. (лицевая сторона которого была занята окончанием песен, вписанным Ефремовым) Афанасьев занес сказку «№ 145. Хитрая жена». Над названием он поставил помету: «Следующие сказки сообщены мне[3] из Пермской губ. Соликамского уезда». Это пояснение относится к сказкам № 145 — 152 (в наст. изд. № 64, 137, 138, 50д, 71г, 139, 143, 140). Записаны они на чистых

---

[1] Цит. по изд.: Письма А. Н. Афанасьева к П. А. Ефремову / (Статья и публикация З. И. Власовой) // *Афанасьев А.* Происхождение мифа. М., 1996. С. 489.

[2] Там же. С. 480.

[3] Было начато: Сказки, [мне] сообщен[ные]

листах Fоб. [сначала ошибочно: 301[a]], 301[[b]], 301[c] / 316об., 317, 318, продолжены на чистых листах шестнадцатой тетради: л. 301 — 303 / 319 — 321 и закончены на двух новых листах 303[b], 303[c] / 322, 323, вшитых после л. 303 / 321. Нумерация листа 303 изменена на 303[a]. В «Оглавление» эти сказки попали после № 144, хотя в рукописи они стоят как раз наоборот: № 145 — 152 предшествуют № 144. На л. 303[a]об. / 321об. текст расположен под «№ 151. К сказке "Елена Премудрая" (вып. VII, № 41а)» (в наст. изд. № 143). Этот текст, как и сказки № 145 — 152, вписан Афанасьевым уже в начале 1863 г., поскольку седьмой выпуск «НРС» получил цензурное разрешение лишь 22 мая 1863 г. Сказки эти не могли появиться в рукописи ранее октября 1862 г., так как начаты они на обороте листа песен, полученных от Ефремова после указанного срока.

Следом за л. 303[c] / 323 вшит еще один двойной лист с нумерацией 304[a] / 324, 304[b] / 325, на котором еще ранее были записаны сказки «№ 153. Иван Лыков. (Самарской губ.)», «154 (Отрывок)», «№ 155. Поп-пердун» (в конце сказки имеется помета: «(Тульск. губерн.)»). Возможно, это остатки из собрания Даля. Оборот л. 304[b] / 325 сохранился чистым и несет на себе загрязненные следы сгиба вчетверо. Видна разновременность в записывании сказок № 153, 154 и № 155 (номера присвоены позднее). В «Оглавление» они вписаны после № 152. Лист 304 получил нумерацию 304[c].

Последними в составную рукопись были вложены (но не вшиты) три двойных листа со сказками № 156 — 164. В конце последней сказки Афанасьев указал: «Эти малороссийские сказки[1] доставлены <от ?>[2] Збруча и Смотрича». Он поместил их между окончанием первой рукописи и началом второй и присвоил нумерацию 280[a] — 280[f] / 284 — 289. В «Оглавление» они оказались записаны последними, после № 155.

На этом формирование составной рукописи завершилось.

В результате в ней скопилось, согласно нумерации, 164 сказочных сюжета, № 25 и № 113 были перечеркнуты, так и не появился текст под № 140, но по «Оглавлению» таковыми предполагались «Народные анекдоты».

После окончания работы над основным корпусом составной рукописи Афанасьев продолжал вносить в текст изменения, о чем говорит характер правки.

Так сказку № 8 «Пизда и жопа» он дополнил вариантом «Пришла пизда...» (49 слов), который не вошел в первое издание «РЗС».

В сказке № 66 «Хитрая баба (с)» (наст. изд. № 63в) после слов «Гэ, моя коханочко!» Афанасьев зачеркнул фразу «Дак я с тобой мо-

[1] Далее зачеркнуто: [записаны]

[2] В рукописи неразобранное слово из шести букв

гу», вошедшую в копию Касаткина и в первое издание «РЗС», и надписал новый текст от слов «Дурень...» до слов «А можно с тобой...», который в первое издание, естественно, уже не попал.

К некоторым сказкам были сделаны примечания, указывающие на параллели к иностранным и русским изданиям (№ 29, 54, 66с, 67, 84, 87, 106, 115, 116, 133, 134, 138, 143). Большинство этих примечаний было составлено в начале 1863 г., когда Афанасьев готовил к печати примечания к основному своду «НРС», включенных в восьмой выпуск (цензурное разрешение от 7 сентября 1863 г.). Упоминаемые в примечаниях работы таких авторов, как П. Н. Рыбников и Н. С. Тихонравов, вышли лишь после июня 1862 г.

Над названием сказки № 104 «Солдат-скрипач и черт» Афанасьев приписал примечание: «(вып. VII)». Позднее в «Оглавлении» он добавил под этим названием: «Беглой»[1]. Начало текста до слов «что ты оробел...», а также часть текста в середине были заключены им в квадратные скобки. Афанасьев отметил здесь сходство сюжета со сказкой «Беглой солдат и черт», вошедшей под № 44 в седьмой выпуск «НРС» (М., 1863 — в соврем. изд. № 154). В примечаниях к этой сказке в восьмом выпуске (М., 1863) и книге IV (М., 1873. С. 156) он указал: «Сказка эта напечатана не вполне». Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков, публикуя ее впервые, привели в примечании помету «(вып. VII)» и далее разъяснили: «Вероятно, Афанасьев, прежде чем включил эту сказку в рукописный заветный сборник, намечал ее к изданию в VII выпуске»[2]. В действительности эта помета Афанасьева отсылала к сходному сюжету сказки «Беглый солдат и черт», уже вышедшей в седьмом выпуске.

Примечание к песне № 7 «Семь ебло...» («Сообщено М. С. Щепкиным») появилось, видимо, после смерти актера 11 августа 1863 г.

Над текстом сказки № 66с (в наст. изд. № 63в) имеется примечание Афанасьева, сделанное уже после 1864 г.: «Сличи греческ. у Гана, т. II, № 74»[3].

Все эти данные говорят о том, что к июню 1862 г. (дата отъезда Касаткина за границу) копия не могла быть снята со *всей* рукописи.

---

[1] Вначале помета «Беглой» была проставлена в «Оглавлении» над сказкой «110. Солдат-скрипач и нечистой», но затем зачеркнута.

[2] *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* Примечания // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1985. Т. III. С. 434.

[3] *Hahn J. G.* Griechische und albanesische Märchen. Leipzig, 1864. Bd. 1 — 2.

134. Небывалый случай — 163.
6 — 265.
135. Поль у дамы и зодчий — 266.
136. Не говори никогда! — 267.
137. Обед подан, а конец все нет — 270.
138. Чур не сердиться! — 272.
139. Сова — 273.
1. Пожилой посетитель и почтальон — 290.
2. Сказка [illegible] — 292.
3. Загадки — 292.
4. Кто сон — 296.
5. Приятели — 304 с
140. Александр — 304
141. Про хорошие слова — 305.
276.
6. Запахи — 306.
142. Окончание не скучный — 278.
143. Еще одна сказка — 219 и 278.
144. Генеральская дочка и кухаркин сын — 306.
145. Кто умнее всех — 301 а
146. Кто [illegible] — 301 б
147. Фу! — 301 в
148. Один сам [illegible] — [illegible]
149. Небывалый случай — 302.
150. Волшебная дубинка — 305 а
151. Не [illegible] — [illegible]
152. Сидоров — Андрюшка — 303 б
153. Ванька-весельчак — 304 а
154. Откровенность. — 304 б
155. Поль-скрипач. — [illegible]
156. Одна — 283 а
157. Жалоба! девочки — 280 б
158. Куда дорого? — [illegible]
159. С. Калиграф — [illegible]
160. С. Михайло — [illegible]
161. Никак. Сказка Калиграфа — 280 с
162. Шалунья из Болоньи — [illegible]
163. С. Кабло — [illegible]

Факсимиле листа «Оглавление»

ИЗДАНИЯ «РУССКИХ ЗАВЕТНЫХ СКАЗОК»

Сразу же осуществить задуманное издание Касаткину помешали, видимо, два обстоятельства.

Во-первых, его и Афанасьева обвинили в сношениях с революционной эмиграцией. Касаткин так и остался за границей, а у Афанасьева в ноябре 1862 г. был произведен обыск и изъята копия с секретного доклада о раскольниках. Он был уволен со службы.

Поэтому переправить за границу подготовленные к изданию и обещанные «Русские заветные пословицы» вкупе с продолжением «РЗС» не удалось. Печатание и продажа книги и без того могли повредить репутации Афанасьева: авторство его было слишком узнаваемо. К тому же при обыске жандармы наверняка наткнулись на рукопись «Народных русских сказок не для печати».

Во-вторых, к тому времени за рубежом, не говоря о России, ни в одном типографском издании не были еще напечатаны такие русские слова, как «хуй», «пизда», «ебать» и т. д. Даже в известном сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861) из пятнадцати случаев употребления слова «блядь» (поэма А. И. Полежаева «Сашка») в четырнадцати сделаны купюры (бл...ъ), и лишь в строке из «Гаврилиады» А. С. Пушкина красуется «младых блядей безумный обожатель»[1]. Из четырнадцати случаев употребления слова «жопа» в десяти это слово заменено точками, не говоря уже о более «крутой» лексике. Только в «РЗС» впервые в истории русского книгопечатания все русские нецензурные выражения были даны без купюр (для примера укажем, что слово «хуй» набрано 177 раз, «пизда» — 55, «ебать» — 59). И по этой причине трудно было найти издателя и типографию, которые взялись бы за столь рискованный проект.

Широко распространенное мнение о помощи Герцена в издании «РЗС» не находит подтверждения, хотя при этом и делаются ссылки на В. П. Аникина, И. А. Желвакову, В. И. Порудоминского, Н. Я. Эйдельмана[2]. Менталитет Герцена, выражаясь современным

---

[1] Интересно, что в России в издании: *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848, в некоторых пословицах слово «блядь» не купировалось: «Блядь до бляди, не племянник до дяди» (Б-181), «Не пойман не вор, не поднята не блядь» (Н-765), «Вору по делу, бляди по пути» (В-234), «Вор не брат, а блядь не сестра» (В-242), «...блядин сын...» (В-340). Там же: «Не ходи под чужое окно срать!» (Н-999). «Сердит, да... не страшён, а смешён, или: говну» (С-120[18]), но: «...и нет никого с г....мъ» (П-69[10]).

[2] *Донская С. М.* [Вступ. ст.] // Чудо дивное, чудо чудное: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 6. В этой же статье утверждается со ссылкой на В. П. Аникина, что на рукописи имеется помета «...отпечатано в русской типографии в Женеве».

языком, не выдержал бы такого массированного напора обсценной лексики.

Попутно отметим любопытный факт, ранее обойденный вниманием исследователей: в Вольной русской типографии Герцена печатались эротические издания на французском языке известного книгопродавца и библиографа Jules Gay (1807 — 1876). В письме Герцена сыну от 18 июня 1869 г. мы встречаем такие слова: «есть некий издатель библиографических книг. Он печатает уже четыре года у Чернецкого и теперь заводит книжную лавку и издательство в Генуе. Этот Gay предлагает Чернецкому перевести типографию в Геную и ассоциироваться с ним. Работы у него на два года вперед»[1].

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ (В. И. КАСАТКИНА)

Известно издание «РЗС», которое традиционно атрибутируется как первое. Открывается оно титульной страницей, на которой в черную и красную краски напечатано: РУССКІЯ | ЗАВѢТНЫЯ | СКАЗКИ | [Виньетка] | "Молимъ со умиленіем, аще кая | неблагоискусна словеса и неблаго- | стройна или поползновенна нѣкая | погрѣшенія въ книзѣ сей обрящутся,| не посуждати, ни поносити, любо- | труждьшимся....." | Анѳологіонъ — 1643. | ВАЛААМЪ | — |Тѵпарскимъ художествомъ монашествующей братіи. | [Виньетка] | Годъ мракобѣсія.

На обороте титульного листа посредине оттиснута следующая надпись в красную краску: «Отпечатано, единственно для археологовъ и библіофиловъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ; изъ нихъ | 10 на цвѣтной бумагѣ большаго фор- | мата». — Количественная характеристика этого издания: [4], VII, [1 ч.], 199, [1 ч.] с.; 18 x 11,5 см. (по необрезанному издательскому экземпляру); 14 x 8,5 см (наборная полоса).[2] Издание вышло, видимо, в «немой» обложке или без нее. — С. [1 — 2]: титульный лист; с. [3 — 4]: «Оглавление» с номерами и названиями сказок. В конце оглавления указаны две опечатки: «*)В тексте напечатано по ошибке — LVI, а следует LIV. **)В тексте, по недосмотру — LXVI, а следует LXV»; с. I — VII: [Предисловие, подписанное в конце]: «Филобибл»; с. 1 — 199: тексты семидесяти семи сказок без купюр, пронумерованные от I до LXXVII. В следующих сказках объединены под одним номером и названием более двух сходных сюжетов, обозначенных буквами русского алфавита: а, б (№ 32, 44, 48, 56, 64, 68, 70); а, б, в (№ 43, 52, 65); а — ж (№ 17). Кроме того, в семнадцати сказках имеются тридцать три подстрочных варианта от нескольких

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. С. 136.

[2] Далее в наст. изд. сокращенно: (наб.).

слов до нескольких строк. В пятнадцати сказках напечатаны подстрочные примечания с указанием на место записи, номер сличения и т. д. Бумага тонкая, белая. В книге сшито [15] тетрадей: б/н: 2 л. (титульный лист и оглавление); б/н: 4 л. (с. I — VII, 1 ч.: Предисл.); № 1 — 12: по 8 л. (с. 1 — 192); № 13: 4 л. (с. 193 — 199, 1 ч.). На титульном листе красной краской набраны слова: «завѣтныя», эпиграф и вымышленное издательство; в слове «Тѵпарскимъ» после буквы «Т» идет буква «ѵ» («ижица»).

Основной текст предисловия и сказок отпечатан шрифтом: кегль 10 узкий, вытянутый. Тексты подстрочных вариантов, примечания, оглавление, эпиграф на титульном листе, сведения на обороте титульного листа набраны кеглем 8 той же гарнитуры, но не узкой, а нормальной. Характерная особенность этого шрифта: в кегле 8 в 410 случаях литера «у» взята из другой гарнитуры меньшего кегля, где подстрочный элемент не выходит за линию шрифта, нормальная «у» используется в 33 случаях. Буква «о» в кегле 8 (нормальном) узкая, иногда имеет наплыв слева. В «Оглавлении» одна половина букв «о» (кегль 8) нормальная, другая — узкая. Колонцифры — кегль 8 вверху посередине, сигнатура — кегль 10 внизу справа. В книге в конце сказок (кроме № VII) и на титульном листе присутствуют три вида виньеток, всего их 78 (5 + 36 + 37). Высота набора двадцати строк — 950 мм.

Кроме отмеченных двух опечаток, при просмотре нами выявлено: в 15 случаях пропуски букв в словах, в 32 словах ошибочная буква, около 25 случаев неправильного написания слов с предлогами и частицами. На с. 29 вместо «Как что?» надо «Как чего?» (так в рукописи и будет исправлено во втором издании). На с. II вместо «soties» надо «sottises» (будет исправлено во втором издании).

Текст набирался по копии сказок № 1 — 24, 26 — 78 из еще не законченной рукописи Афанасьева «Народные русские сказки не для печати. (Из собрания В. И. Даля — А. Н. Афанасьева). 1857 — [1862]». Эти сказки были подготовлены Афанасьевым к печати. Из 77 сказок 73 восходят к собранию Даля. Копию снимал с рукописи, видимо, Касаткин, им же написано и предисловие. Копия была вывезена им за границу для издания в начале июня 1862 г.

Нами проведена сплошная сверка текста первого издания «РЗС» с рукописью.

Выявлены следующие разночтения: в 100 случаях пропущено 400 слов, включая предлоги (от одного слова до нескольких строк); 129 слов заменены другими; в 83 словах изменены две-три буквы, меняющие смысл слова; в 260 словах искажена одна буква; вставлено 36 слов, отсутствующих в рукописи; кроме этого, в украинской сказке «Женитьба дурня» обнаружены разночтения в 264 случаях; в 100 случаях исправлены ошибки и описки рукописи.

РУССКІЯ

ЗАВѢТНЫЯ

СКАЗКИ

„Молимъ со умиленіемъ, аще кая неблагоискуспа словеса и неблагостройна или неполномѣрна нѣкая погрѣшенія въ книгѣсей обрящутся, не осуждати, ни поносити, любогруждьшимся.. ..“

Апологіонъ — 1643

ВАЛААМЪ

Типографскимъ художествомъ монашествующей братіи

Годъ мракобѣсія.

Титульный лист первого издания «Русских заветных сказок»

На сегодняшний день первое издание «РЗС» принадлежит к числу несомненных раритетов. По данным справочника: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: (Книги и периодические издания): [В 9 ч.] / [Составители 10 библиотек и архивов]. М., 1971. Ч. I. С. 36 — 37 (№ 115) — (Далее — СК-1971) вышеописанное издание «РЗС» значится в двух библиотеках — РГБ [с 1965 г.] и РНБ. Во втором издании этого каталога, охватившего уже фонды 75 библиотек и архивов, дополнительно зафиксирован еще один экземпляр в Куйбышевской областной библиотеке (СК — 2-е изд., доп. и перераб.: В 3 ч. М., 1981. Ч. I. С. 30 (№ 116) — (Далее СК-1981).

О степени редкости первого издания говорит и факт его отсутствия в крупнейших коллекциях эротики Викентия Викентьевича Пашуканиса (? — 1919) и Николая Владимировича Скородумова (1887 — 1947), законсервированных в спецхране РГБ. Известный русский библиофил В. М. Остроглазов не сумел отыскать первое издание «РЗС» и в своем описании с сожалением констатировал: «Сказки русские заветные. Изд. 2-е. Валаам. Год не назначен. 12°. XVI + 232 с. Редкость. Запрещена»[1].

Редакторы издательств «Academia» и Гослитиздата, в которых в 1936 — 1940 гг. вышли «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, не нашли первого издания «РЗС» и дали описание второго издания (232 с.) как первого, опустив на титульном листе слова «Второе издание», введя тем самым в заблуждение библиографов и специалистов[2]. Тщетность поисков первого издания отмечал и Ю. М. Соколов: «...этот небольшой сборничек, ставший к настоящему времени огромной библиографической редкостью»[3].

Когда в 1975 г. во Франции предприняли репринтное воспроизведение «РЗС», то пришлось довольствоваться именно вторым изданием, так как первое обнаружено не было. В предисловии к французскому изданию отмечено: «Исключительно редкая уже в прошлом веке, книга Афанасьева в наши дни стала почти что фантомом. Судя по трудам советских фольклористов, в спецотделах крупнейших библиотек Ленинграда и Москвы сохранилось всего лишь два-три экземпляра "Заветных сказок". <...> Единственный экземпляр «Сказок», принадлежавший Парижской Национальной библиотеке,

---

[1] *Остроглазов В. М.* Редкие и ценные издания // Русский архив. 1914. № 3. С. 442.

[2] [*Азадовский М. К.* и *Андреев Н. П.* при участии *Г. С. Виноградова*]. Комментарии // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1940. Т. III. С. 472.

[3] *Соколов Ю. М.* Жизнь и научная деятельность А. Н. Афанасьева // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. [М.], 1936. Т. I. С. LIV.

исчез еще до первой мировой войны. Книга не значится и в каталогах библиотеки Британского музея»[1].

Уж если первое издание «РЗС» является таким раритетом, то десять экземпляров на цветной бумаге представлялись вообще мифическими. Тем не менее они выходили. В библиографических записках Н. В. Скородумова (спецхран РГБ) можно прочесть: «Московский букинист Лебедев говорил, что он видел экземпляр большого формата с рисунками в красках. Были ли эти рисунки напечатаны или сделаны от руки и вклеены позже в книгу, он сказать не мог».

В коллекции автора настоящей статьи есть поистине уникальный экземпляр на синей бумаге большого формата, необрезанный, размером 26,5 x 17,5 см. Бумага более плотная, без штемпелей. Книга печаталась с того же набора, что и обычные экземпляры. Количество тетрадей такое же. Значит, за счет пробельных материалов были увеличены поля с четырех сторон. Корешковое поле — 4 см. Экземпляр также не имеет обложки. Вставлен в цельнокожаный красный переплет с вытесненной рамкой. На корешке — тиснение золотом заглавия и внизу инициалов: В. Г. На белом гофрированном форзаце с внутренней стороны переплетной крышки, вверху имеется печатная наклейка: Библіотека | В. П. Гаевскаго. | Шкапъ: А [ранее: Б]. | Полка: VI. | №: 27 [ранее: 37][2]. Известно, что Виктор Павлович Гаевский (1826 — 1888) состоял в переписке с Афанасьевым и Касаткиным, часто бывал за границей и, проживая в Санкт-Петербурге, поддерживал дружеские отношения с Ефремовым.

Общий тираж первого издания насчитывал, видимо, несколько десятков экземпляров.

Ни титульный лист, ни сама книга не содержат сведений о том, кто является составителем, подготовителем, автором предисловия; выходные данные вымышлены. Не указаны настоящие место издания, издательство, дата издания, адрес типографии.

Нами проведен сравнительный анализ шрифтов и виньеток, которыми набраны первое издание и издания, выходившие на русском языке в Западной Европе в 1860 — 1870 гг.

В итоге было установлено, что первое издание «РЗС» набрано теми же шрифтами, что и семь изданий, отпечатанных в Бернской типографии в 1863 — 1864 гг.

---

[1] *Ру Арт* [Рубинштейн Артур]. Несколько слов об этой книге // Русские заветные сказки. [Репринтное воспроизведение второго издания]. [Париж, 1975]. С. [3—4].

[2] Данный экземпляр куплен нами 19 июля 1995 г. за восемь миллионов рублей. Сознавая его уникальность, мы тут же учинили надпись: «Преподносится в дар Музею книги Российской Государственной библиотеки. Из коллекции «Эротика» Л. В. Бессмертных и Анны Михайловны Бессмертных».

позабылъ, что я пришолъ еще въ то самое время, какъ ты ходилъ по сіонскимъ горамъ, да грѣшника сажалъ въ адъ! Архирей замахалъ обѣими руками: „твои, говоритъ, твои, мужичокъ, коровы! точно твоя правда: ты пришолъ раньше!“ Такъ попъ и остался нипричемъ; а мужикъ себѣ зажилъ припѣваючи. *)

L

Жадной попъ.

Жилъ-былъ попъ, имѣлъ большой приходъ, а былъ такой жадной, что великимъ постомъ за исповѣдь

---

*) Вар. Въ одномъ спискѣ продолжается эта сказка такъ: Пришолъ попъ домой. А у него жилъ батракъ по сто рублей въ годъ. Прожилъ семь лѣтъ, а низа одинъ годъ не получилъ денегъ. Сталъ онъ приставать къ попу за расчетомъ, а попъ говоритъ: „ты жилъ у меня семь лѣтъ и ни разу не говѣлъ; ты прежде исповѣдуйся, а тамъ и разочтемся.“ Сталъ батракъ говѣть и пошолъ къ попу на духъ. „Признайся, свѣтъ, говоритъ попъ, можетъ у кого товаръ (т. е. скотину) изъ загороды выпустилъ-то, это грѣхъ большой!“ — Нѣтъ, батюшка, въ томъ не грѣшенъ, а вотъ каюсь передъ тобой на духу — семь лѣтъ ебъ твою сноху! „Не въ томъ дѣло, свѣтъ, а не спустилъ-ли ты у кого со двора коровъ?“ — Нѣтъ, батюшка, не грѣшенъ; а вотъ въ чемъ передъ тобой каюсь — я до твой попадьи добираюсь! „Полно, свѣтъ, пустяки говоритъ! я тебя спрашиваю, не спустилъ-ли ты со двора моихъ коровъ?“ — Нѣтъ, батюшка, такого грѣха за собой не знаю, а вотъ — нечего таить — и на тебя мой клятъ стоитъ! „Будь проклятъ ты, окаянной!“ Послѣ того попъ расчелъ батрака и остался и безъ коровъ и безъ работника.

Факсимиле страницы из первого издания «Русских заветных сказок»

Типография в Берне была организована В. И. Бакстом (в 1862 г.) на средства А. Ф. Стуарта (закупившего шрифты), деятельное участие в ее работе принимал Касаткин, осуществляя связь с типографией Герцена в Лондоне.

Полное сходство «РЗС» отмечено с изданием: Свободныя русския песни. Кронштадт. В тип. Главной брандвахты [Берн: тип. В. И. Бакста]. 1863. [4], 89, [3] с.; 13,3 x 9,5 (наб. 10 x 6,7) см. На задней обложке указаны вымышленные сведения: «Дозволено цензурой. СПб. 3 мая 1863 г.» Пример купирования: «Сашеньку, Машеньку, Мишеньку, Костеньку и Николашенку ж... на кол!»

Оба издания набраны одними и теми же шрифтами: основной текст — кеглем 10 (узким), примечания — кеглем 8 (нормальным) с характерной литерой «у» без подстрочного элемента, буква «о» в кегле 8 узкая, иногда имеет слева наплыв, колонцифры — кеглем 8 вверху посредине, сигнатура — кеглем 10 внизу справа. Высота набора двадцати строк — 950 мм. В указанном издании имеются два вида виньеток (17 + 24), таких же как и в «РЗС». Нам не известно ни одно другое издание с такими же виньетками.

Судьба шрифтов Бернской типографии представляется следующей. Из писем Н. И. Утина к Огареву от 25 июля 1864 г.; 4 августа 1864 г. и к Герцену от 5 августа 1864 г. следует, что Касаткин намеревался устроить свою типографию, а Герцену предлагалось купить шрифты Бернской типографии и перевезти его типографию из Лондона в Женеву[1]. С мая 1865 г. типография Герцена начала работать в Женеве, а с осени 1865 г. по декабрь 1866 г. она функционировала уже как акционерная компания, и Касаткин был ее администратором. С 1 января 1866 г. типография стала коммерческой и начала принимать заказы со стороны. Видимо, с декабря 1866 г. Герцен передал ее в собственность Л. Чернецкому, который прежде ею заведовал.

С 1866 г. шрифты Бернской типографии находились в типографии Герцена в Женеве. Вначале их пытались продать в Базель[2]. Затем они все же были куплены: «...мы с ним [Чернецким] согласились заплатить 124 фр. за Бакста и пользоваться шрифтами»[3].

В мае 1866 г. в типографии Герцена в Женеве этими шрифтами были набраны страницы [8], 97—330, [2] издания: *[Герцен А. И.]* Еще раз: Сборник статей Искандера. С приложением ненапечатанного рассказа: «Трагедия за стаканом грока». Женева, [май] 1866. [8],

---

[1] Литературное наследство. Т. 62. С. 665 — 670.

[2] Письмо Герцена сыну от 23 октября 1866 г. // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 238.

[3] Письмо Огарева к Герцену от 7 октября 1869 г. // Литературное наследство. Т. 39/40. С. 560 и письма Герцена к Огареву от 3 октября 1869 г. // Там же. С. 560 и от 9 октября 1869 г. // *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 30. С. 213.

IV, 330, [2] с.; 19 x 12 (наб. 14,5 x 9) см. Страницы IV, 1 — 96 этого издания представляют собой нераспроданные экземпляры другого издания, отпечатанного в типографии Бакста еще в Берне в 1863 г.: *[Герцен А. И.]*. Концы и начала / Искандера; С предисловием автора. Norrkoeping Tryckt hos Eric Biornström. 1863. [2], IV, [2 ч.], 96 с.; 19 x 12 (наб. 14,5 x 9) см.

В сборнике «Еще раз» были использованы те же шрифты кеглей 10 и 8 (та же литера «у»), те же колонцифры, сигнатура, высота набора двадцати строк равнялась также 950 мм. Виньетки в этом издании отсутствовали.

В библиотеке РГАЛИ хранится единственный любительский дефектный конволют, составленный из издания: Концы и начала... (1863 [2], IV, [2 ч.], 96 с.) и приплетенных к нему с. 97 — 312, где отсутствует первая тетрадь (с. [1 — 8]) с титульным листом: «Еще раз... 1866» и две тетради в конце (с. 313 — 330, [2]), отпечатанные, видимо, позднее и на более темной бумаге. Конволют имеет обложку с набранным вручную разными шрифтами текстом: «Из Колокола | и | Полярной зведы» [*так!*]. К сожалению, герценоведы описывают данный любительский конволют (дефектный экземпляр издания «Еще раз... 1866») по обложке как самостоятельное издание, вышедшее в 1864 г. и известное только по РГАЛИ (№ 53617)[1].

Часть шрифтов Бернской типографии использовалась при наборе издания: *Герцен А. И.* Сборник посмертных статей Александра Герцена (с портретом автора) / [Предисл. Н. П. Огарева]. Женева: Изд. детей покойного, 1870 (В тип. Чернецкого). [10], 292, [2 ч.] с., 1 л. портр.; 23 x 15,6 (наб. 17 x 10) см. Здесь шрифтами Бернской типографии набраны: основной текст (кеглем 10, узким), примечания и оглавление (кеглем 8, нормальным, литера «о» узкая, в некоторых случаях имеет наплыв). В кегле 8 шрифтов Бернской типографии литера «у» не имеет подстрочного элемента. В рассматриваемом издании она встречается очень редко, значит, эту литеру заменили на нормальную, с подстрочным элементом. Другими в этом издании являются колонцифры (крупнее), сигнатура (мельче), виньетки также новые. Титульный лист и предисловие набраны шрифтами иной гарнитуры. Высота набора двадцати строк — 970 мм.

Основная часть шрифтов Бернской типографии (с заменой в кегле 8 литеры «у» на нормальную) была куплена у Чернецкого Большим обществом пропаганды или «чайковцами», запустившими свою типографию сначала в Цюрихе (конец 1871 г.), а с сентября 1872 г. перевезшими ее в Женеву[2].

---

[1] СК-1971. № 352.

[2] Письмо С. А. Подолинского к П. Л. Лаврову из Цюриха от 4 июня 1872 г. в кн.: *Лавров*: Годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Подготовил Б. Сапир. Dordrecht; Boston, 1974. Т. II. С. 18.

Шрифтовое сравнение двадцати двух изданий «чайковцев», хранящихся в фондах РГБ и БИМЛ с первым изданием «РЗС», выявило следующее. Титульные листы набраны одинаковыми шрифтами. Основные тексты — кеглем 10 узким, но двадцать строк набора у «чайковцев» занимают 870 мм (как в изданиях М. К. Элпидина), в то время как в «РЗС» и изданиях Бернской типографии эта величина равна 950 мм. Примечания набраны кеглем 8 нормальным, литера «о» узкая и в некоторых случаях имеет слева наплывы, но *литера «у» без подстрочного элемента не встречается ни в одном из пяти изданий «чайковцев» за 1871—1872 гг. (в то время как в «РЗС» — 410 раз)* — она была заменена в типографии Чернецкого. Колонцифры и сигнатуры в изданиях также отличаются — они набраны соответственно кеглями 10 и 8 (у «чайковцев») и 8 и 10 (в «РЗС»). *Ни в одном из изданий «чайковцев» нет виньеток, используемых в «РЗС».*

Сравнение шрифтов позволяет однозначно утверждать, что «РЗС» не могли быть набраны в типографии «чайковцев» в 1871 — 1872 гг. Да и заведовавший этой типографией Л. Б. Гольденберг не называет в своем списке «РЗС»[1].

На этом приходится подробно останавливаться, так как поверхностное сравнение шрифтов привело составителей известного каталога СК-1971 (от РГБ — С. С. Левина, Л. Н. Петрова) к ошибочному заключению. Вот их описание: «Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. [Женева, тип. "чайковцев", 1872]. [2], VII, 199 с. 14 х 8,5 см. В конце предисл. псевд.: Филобибл. На тит. л. вымышл. дан.: Валаам <...> Тип. установлена по шрифтам»[2]. Во втором издании каталога описание повторено[3]. В то же время в пагинации не исправлена ошибка: надо [4]. Эти данные вошли в широкий научный обиход[4]. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков также считают, что «сличение полиграфического оформления «РЗС» и других бесцензурных изданий русских заграничных типографий начала 70-х годов говорит, что книга, вероятно, издана в цюрихской типографии Большого общества пропаганды революционной группы чайковцев, имевших контакт с Огаревым. Эта типография действовала в 1871 — 1874 гг.»[5]. Авторы, правда, не указывают, какие издания ими привлекались для сличения полиграфического оформления.

---

[1] Письмо к П. Л. Лаврову от 8 августа 1894 //*Лавров*: Годы эмиграции... Т. 2. С. 256.

[2] СК-1971. С. 36 — 37 (№ 115).

[3] СК-1981. С. 30 (№ 116).

[4] Книга в России. 1861 — 1881. М.: Книга, 1988. Т. I. С. 175 (ссылка В. Е. Кельнер на СК-1981).

[5] *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1984. Т. I. С. 395.

Полагаем, что первое издание «РЗС» вышло все же на средства В. И. Касаткина как библиофильское (тиражом в несколько десятков экземпляров) весной — летом 1867 г. незадолго до его смерти 28 декабря 1867 г. Набиралось оно шрифтами Бернской типографии в типографии Л. Чернецкого, которая была передана в собственность последнего Герценом, видимо, в декабре 1866 г. Наборщик, возможно Данич, был вхож в дом Касаткина.

В пользу этого говорит обнаружение нами экземпляра «РЗС» на цветной бумаге. Известно письмо Касаткина из Женевы от 7 января 1863 г. к С. Т. Тхоржевскому в Лондон: «...прошу Вас и его [Чернецкого] отпечатать для меня по одному экз<емпляру> следующих записок не на желтой, а на синей, на зеленой и розовой бумаге, так, чтобы все экземпляры были на разного цвета бумагах. <...> Я заплачу за все это с лихвой и благодарностью»[1].

Уж не скрывается ли за этим не состоявшееся издание «РЗС» в Лондоне в 1863 г.? Л. М. Равич, приведя это письмо Касаткина, отмечает с сожалением, что ей не удалось установить, какие именно записки имел в виду автор[2].

Вымышленное место издания «Валаам» наверняка навеяно воспоминаниями Касаткина о посещении им этого монастыря в августе 1861 г., где архимандрит не впустил его в библиотеку: «Ступай де прежде, да отстой обедню»[3].

Первое издание «РЗС» не могло быть напечатано ранее 1866 г., поскольку в предисловии упоминается «знаменитый *Recueil de pièces choisies [rassemblées] par les soins du Cosmopolite*», изданный J. Gay'ем в 1865 г. тиражом 163 экз.[4]. Если предисловие писалось в Москве, то эти сведения Касаткин дополнительно включил уже в Женеве. J. Gay, как мы указывали выше, печатал книги в типографии Чернецкого, возможно, и это французское эротическое издание набиралось там же.

Не об этом ли Gay'е ведет речь Огарев в письме к Герцену от 25 июля 1867 г.: «Например, Касаткин отвечал Чернецкому за уплату французского издания, взял с издателя книг на 700 р., а теперь ни издатель не платит Чернецкому, ни Касаткин не хочет платить, говорят, что нет денег»[5].

---

[1] Литературное наследство. 1941. № 41/42. С. 578.

[2] *Равич Л. М.* Русский библиофил на чужбине // Собиратели книг в России. М., 1988. С. 73.

[3] Собиратели книг в России. М., 1988. С. 38.

[4] *Apollinaire G., Fleuret F., Perceau L.* L'Enfer de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1913. № 760.

[5] Литературное наследство. Т. 39/40. С. 448.

Герцен, возможно, мог и не знать о начале печатания первого издания «РЗС», так как с конца 1866 г. отношения между ним и Касаткиным осложнились и, по сути, были прерваны.

Первое издание «РЗС» в продажу не поступало, весь тираж находился у Касаткина дома. После его неожиданной смерти и до 1872 г. книги сохранялись его вдовой Е. В. Касаткиной, разделявшей взгляды мужа, — известно, например, что дочь Герцена, Н. А. Герцен, как следует из ее дневника за 1870 г., предлагала Бакунину поставить Касаткину редактором «Колокола»[1].

Обозначим круг лиц, которые общались с Касаткиным и могли знать о напечатании «РЗС»: Н. Огарев, М. К. Элпидин, С. Т. Тхоржевский, Л. Чернецкий.

Неизвестно, сообщили ли Афанасьеву о выходе «РЗС». В 1870 г. его навестил в Москве известный английский фольклорист В. Ролстон[2]. Не могло ли появиться в результате этой встречи не дошедшее до нас письмо Ролстона к И. С. Тургеневу? Ответ Тургенева от 7 ноября 1872 г. из Парижа в Лондон (на английском языке) известен: «Я не знаю издания: «Заветные сказки» в Женеве. Я знаю только, что этот род сказок обычно очень груб (coarse); но некоторые забавны и остроумны. Полагаю, что ультрарадикальные россияне в Женеве сделали плохой выбор, если они пошлость (coarseness) ценят выше, чем остроумие (wit)... Ваш преданный И. Тургенев.»[3].

Только после смерти Афанасьева 23 октября 1871 г. вдова Касаткина продала весь тираж «РЗС» издателю и книгопродавцу Г. Георгу (H. Georg)[4]. Через Георга шла реализация всех изданий

---

[1] Литературное наследство. Т. 96. С. 456.

[2] Русская старина. 1872. № 5. С. 789.

[3] Впервые перевод опубликован в изд.: *Тургенев И. С.* Неизданные письма к Ролльстону / Ред. и примеч. Н. Л. Бродского // Недра. М.: Новая Москва, 1924. Кн. 3. С. 199 (Из примеч.: «"Заветные сказки" — сборник А. Н. Афанасьева по цензурным причинам не мог появиться в России»); перев. в другой ред.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.: Наука, 1965. Т. 10. С. 16—17, 356—357 (Из примеч.: «В Женеве в 60-х годах (год изд. не обозначен) вышла анонимно книга А. Н. Афанасьева "Русские заветные сказки", в которой содержалось большое количество непристойных текстов. Однако основной причиной невозможности издания книги в России явилось включение в сборник значительного количества сказок антиклерикального содержания»).

[4] Georg Heinrich (1828 — ?) — известный немецкий книгопродавец и издатель из г. Базеля. Открыл также книжные магазины в Женеве в 1856 г. (с 1880 г. — Университетский книжный магазин) и Лионе в 1872 г. Всеевропейскую известность ему обеспечила торговля книгами всех направлений, на различных языках, в том числе антиквариатом и запрещенными изданиями разных стран. Субсидировал издание швейцарской «Библиографии». См.: *Pfau K. F.* Biographische Lexikon des deutschen Buchhandels der Gegenwart. Leipzig, 1890. S. 145 — 146.

Герцена, а также корреспонденция на его имя. После смерти последнего Георг приобрел право на издание сочинений Герцена в десяти томах и отпечатал их в типографии А. Д. Трусова в 1875 — 1879 гг. Помощь Касаткиной в реализации «РЗС», возможно, была оказана Тхоржевским. Как сообщает Огарев в письме к Герцену от 21 января 1868 г., «Тхоржевский... все занят делами Касаткина, ибо он — опекун»[1]. Издатель М. К. Элпидин также был связан с Георгом деловыми отношениями и хорошо знал Касаткина. Георг купил у Касаткиной тираж и другой книги, изданной ее покойным мужем (соответствующая реклама была помещена в «Колоколе»): *Флетчер Дж.* Fletcher о государстве русском... [Женева: В. И. Касаткин], 1868 [(Тип. Чернецкого)]. XI, [5], 116 с. На обл.: 1867.

В 1875 г. одновременно в пяти книгопродавческих каталогах появилась реклама «РЗС». Книга была выставлена в Базеле и Женеве в магазинах Георга и в Берлине у Штура и Бера. В рекламных объявлениях Георга трижды была указана одна дата — 1872 г. Она воспринималась последующими поколениями библиографов как дата издания. На самом деле 1872 г. — это год покупки Георгом тиража книги, год выпуска ее в открытую продажу, возможно, это одно из условий Касаткиной — отвести подозрения в причастности ее мужа к столь скандальному предприятию.

Посмотрим, какие сведения мог почерпнуть библиограф из этих каталогов.

1.1. «Contes populaires russes. Русския заветныя сказки. 1872, pet. 8°. M. 5» — В кн.: *[Геннади Г. Н.]* Список русских книг, печатанных вне России. Berlin: Verlag der Stuhr'schen Buch-und Kunsth. (S. Gerstmann), 1875. — [2], 2, 44, [16] с. — На с. [3] в разделе издательских объявлений читаем: «H. Georg, Libraire — Éditeur Bâle», это сообщение идет первой строкой среди других изданий 1867 — 1874 гг. (в том числе книга Флетчера). «Pet.» — означает малый размер, значит, у Георга были и издания большого формата на цветной бумаге. Гаевский мог приобрести свой экземпляр на синей бумаге или прямо у Касаткина в 1867 г., или в магазине у Георга.

1.2. То же. — В книге с тем же титульным листом. [2-е изд., доп.]. 1875. [2], 60, [14], 16 с. — На с. [3].

2.1. «Сказки (Русския Заветныя). Валаам. Год Мракобесия. (1872). 12°. 2 нен. VII и 199 стр. M. 15. Здесь 77 народных сказок неблагопристойного содержания. На обороте заглавия сообщается: Отпечатано единственно для археологов, в небольшом числе экземп-

[1] Литературное наследство. Т. 39/40. С. 486.

ляров; из них 10 на цветной бумаге большого формата. — (В Германии запрещена)». — В кн.: *[Геннади Г. Н.]* Список русских книг... 1875. [2], 2, 44, [16] с. — На с. 30

Описание дано в алфавитном ряду на «Сказки», автор не указан, дата издания взята из объявления Георга, описание оборота титульного листа неточное.

2.2. То же. — В книге с тем же титульным листом. [2-е изд., доп.]. 1875. [2], 60, [14], 16 с. — На с. 30.

3.1. «Русския заветныя сказки. 8°». — В кн.: Каталог русским книгам, изданным за границей. Berlin: La librairie B. Behr (E. Bock) в Берлине, [1875]. С. 13.

3.2. То же. — В книге с тем же титульным листом [2-е изд., доп. и испр.]. [1878]. С. 13.

4. «Русския Заветныя сказки. VII, 189 стр. in 12°. 5М» — На обложке в рекламном объявлении книжных магазинов Георга в Женеве и Базеле в кн.: *[Гримм П.]* Тайны Зимнего Дворца / Соч. Н. Т. Genèva & Bâle: H. Georg, 1890. 380 с. Возможно, опечатка, надо: VII, 199.

5. В России первое издание «РЗС» было сразу же включено в каталоги запрещенной литературы: Алфавитный каталог книгам на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатыванию в России по 1 января 1876 г. СПб., 1876. С. 25 («Русския заветныя сказки. 8°»); То же. СПб., 1888. № 936; То же. СПб., 1894. С. 78 (№ 1015 «Русския заветныя сказки. Валаам. Год мракобесия»).

6. «Contes populaires russes. Русския заветныя сказки. 1872. Deuxième édition. In 12°. — 4 м.» — В кн.: Список русских книг, напечатанных вне России, за последнее десятилетие 1875 — 1885, а равно и руководств для изучения русского языка. Берлин: издание книжного магазина Штура (С. Герстман), 1885. 44 с. — На с. 38 в рекламном объявлении: H. Georg, Libraire — Éditeur à Bâle. Meme maison à Genève et à Lyon. — Первое упоминание о втором издании «РЗС» дано первой строкой среди шести других изданий 1882 — 1884 гг.

Закупив весь тираж первого издания «РЗС» и продав его, Георг подготовил второе издание, исправленное (не стереотипное!) и отпечатал его в типографии А. Д. Трусова в 1878 — 1879 гг.

В письмах Е. И. Якушкина (из Ярославля) к П. А. Ефремову (в Санкт-Петербург) за 1876 — 1878 гг. не раз упоминаются «Заветные сказки»[1].

«Так как нет надежды, чтобы Вы переписали заветные сказки, то не можете ли Вы переписывать их небольшими частями и присылать мне от времени до времени хоть по одному листочку?» (От 20 апреля 1876 г., л. 77.)

«Что же сказки? Неужели я так их и не дождусь? Вы не забывайте, что мне уже 50 лет — и сказки не в могилу мне с собой класть, а хочется иметь их, пока жив. Пожалуйста, поторопитесь.» (Л. 77об.)

«С тех пор, как Вы обещали мне прислать сказки, я стал старше на целый год — на целый год ближе к гробу, а так как я не надеюсь прожить Мафусаиловы лета, то, вероятно, мне придется их получить на том свете. Но будет ли это тогда прилично? Как Вы думаете?» (От 9 января 1877 г., л. 81.)

«Поклонитесь от меня Катерине [экономка Ефремова] и скажите ей, что я за ее здоровье поставлю свечку ярославским чудотворцам, ежели она настоит, чтобы Вы выслали мне сказки».

«Переписка сказок принимает сказочный характер, и Катерина, видно, плохо пристает к Вам с моим поручением».

«Не решитесь ли Вы выслать их мне по почте, застраховав в большую сумму? Я Вам возвращу их скоро и в целости. По нашему возрасту и здоровью дни наши сочтены, и строгается уже доска, из которой сколотят нам гроб. Поэтому надо избавить от возможной погибели эти сказки. Для этого я у Вас их прошу целые годы напрасно. Я уверен, что на том свете прежде всего Вас спросят: «А что же сделано со сказками?» И так как Вам нечего будет отвечать, то Вас ввергнут в геенну огненную, где Вас примет с лобзанием Муравьев, не то Андрей, не то Михайло». (От 5 марта 1878 г., л. 83.)

З. И. Власова, опубликовав эти письма, делает такой вывод: «У Ефремова осталась рукопись "Заветных сказок" Афанасьева». Думаем, речь идет не о рукописи (она имеет все-таки другое название), а о книге «РЗС», которую для библиофила Ефремова мог привезти в 1875 г. библиофил Гаевский, да еще экземпляр на цветной бумаге. Мольбы о переписывании прекращаются в 1879 г., когда Якушкину, скорее всего, досталось второе издание «РЗС», вышедшее как раз в то время.

---

[1] РГАЛИ. П. А. Ефремов. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 451. Л. 77, 77об., 81, 83. Цит. по изд.: Письма А. Н. Афанасьева к П. А. Ефремову / (Статья и публикация З. И. Власовой) // *Афанасьев А.* Происхождение мифа. М.: Индрик, 1996. С. 477 — 478.

Не могли ли попасть к Ефремову листы с записями «заветных» сказок из собрания Даля, которые, после занесения в рукопись, Афанасьев мог ему отдать? Этот вопрос пока остается открытым.

В советское время библиографическое описание первого издания «РЗС» было впервые включено в известный указатель М. М. Клевенского [и др.]:[1] «*Русские заветные сказки. Валаам. Год мракобесия. [Genève, 1872]. 2 нен. VII + 192 стр. 12°. На обороте заглавия помета: Отпечатано единственно для археологов, в небольшом числе экземпляров; из них 10 на цветной бумаге большого формата». Описание дано не de visu, а по каталогу Геннади 1875 г. с его ошибочным описанием оборота титульного листа. Автор (Афанасьев) не указан, книга стоит в алфавитном ряду на «русские». Даны ссылки на картотеки ГИМ и РНБ. Клевенский включил также место издания «Genève», которого нет у Геннади.

Ошибочным и курьезным выглядит описание первого издания «РЗС», приведенное М. К. Азадовским и Н. П. Андреевым в их комментариях к академическому изданию «Народных русских сказок А. Н. Афанасьева» (М., 1940. Т. III. С. 472): «Русские заветные сказки. Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия. Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров. Женева (sine anno). Imprimerie russe, Chemin Neux, 13; стр. XVI, 232». Описанное издание является вторым (судя по пагинации и адресу типографии на обороте шмуцтитула), но для того чтобы его выдать за первое, комментаторы сознательно убрали с титульного листа слова: «Второе издание», полагая, видимо, что во всем остальном обе публикации стереотипны. Ради справедливости отметим, что в РГБ в фонде специального хранения «Эротика» еще с дореволюционных времен хранятся три экземпляра второго издания, и на титульном листе одного из них слова «Второе издание» искусно стерты. Видимо, кто-то пытался кому-то «всучить» второе издание как первое.

Можно только посочувствовать нашим исследователям, лишенным возможности ознакомиться с первым изданием и опирающимся на такие непроверенные данные. Так, Ю. Г. Круглов, посвятивший специальную статью «Заветным сказкам» (Семья и школа. 1976. № 7), не держал в руках первого издания «РЗС», иначе бы он не написал, что «книга увидела свет, как помечено на титульном листе, в Женеве, а на обложке вместо указания года издания стояло всего лишь два

[1] *Клевенский М.М., Кушева Е. Н., Маркова О. П.* Русская подпольная и зарубежная печать: Библиографический указатель. I. Донародовольческий период. Вып. 1: Книги, брошюры, листовки / Под ред. С. Н. Валка и Б. П. Козьмина, М., 1935. С. 109. № 516.

слова: "Год мракобесия"»[1]. (В действительности на титульных листах первого и второго изданий слова «Женева» нет.) Здесь же Ю. Г. Круглов доверительно сообщает, что «долгие годы он [сборник «РЗС»] содержался в спецхране Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и выдавался читателям только по специальным разрешениям». В РГБ первого издания вообще не было до 1965 г., даже в спецхране, а после приобретения он поступил в Отдел редких книг. Откровением звучит и такое утверждение: «Сборник "Русские заветные сказки" не был издан в России (а может, и издан, да только тайно, самиздатом)...»

Не выдерживает критики дата первого издания «РЗС», предложенная Carey'ем — 1865 г.[2]. При этом французский исследователь ссылается на издание «РЗС» из коллекции B. L. Kilgour, хранящейся в библиотеке Гарвардского университета. В этой книге (с количественной характеристикой XVI, 214 с.) имеется помета библиотеки: printed in Genève, ça 1860. Издание с такой пагинацией является *третьим* по счету (вышедшим в 1888 — 1889 гг.). Carey же полагал, что описанное им издание «РЗС» является единственным и первым.

Описание первого издания в СК-1971 и СК-1981 мы уже приводили выше. Составители отталкивались от 1872 года как даты издания, и именно под этот год подбирали по шрифтам типографию.

Титульный лист первого издания впервые был воспроизведен фототипически Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым в 1984 г.[3].

Исходя из вышеизложенных фактов, необходимо новое библиографическое описание первого издания «РЗС», которое мы и предлагаем ниже.

[Афанасьев А. Н.]

Русские заветные сказки: [LXXVII сказок без купюр по неисправной копии сказок № 1 — 24, 26 — 78 с незаконченной рукописи А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки не для печати. (Из собрания В. И. Даля — А. Н. Афанасьева). 1857 [—1862 / Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым»]; Предисловие В. И. Касаткина. — 1-е изд., для библиофилов. — Женева: Издание В. И. Касаткина, 1867? (Женева: Тип. Л. Чернецкого (б. Вольная русская тип. А. И. Гер-

[1] *Круглов Ю. Г.* А. Н. Афанасьев и его сказки заветные // *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки: Только для взрослых!!! Только для мужчин!!! / Сост., предисл. и примеч. Ю. Г. Круглова. Минск: Дайджест, 1992. С. 11.

[2] *Carey C.* Les proverbes érotiques russes... P. 35.

[3] *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* А. Н. Афанасьев и его собрание... // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1984. Т. I. С. 422.

цена), напечатано шрифтами и виньетками б. Бернской тип., 1867)]. — [4], VII, [1 чистая], 199, [1 чистая] с.; 18 х 11,5 (наб. 14 х 8,5) см. — (В «немой» обл.). Тираж около 50 экз.; 10 экз. на цветной бумаге (26,5 х 17,5 см — набор тот же). Автор в книге не указан. В конце предисловия псевдоним: «Филобибл». На титульном листе вымышленные выходные данные: «Валаам...». На обороте титульного листа: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов...»

Имя Виктора Ивановича Касаткина должно быть вписано золотыми буквами в скрижали русского книгопечатания. Псевдоним в предисловии «Филобибл» он использовал не без тайного умысла. Этот псевдоним восходит к названию *первого* библиофильского трактата Ричарда де Бери (1287 — 1345), написанного на латыни, «Philobiblon» («Филобиблон»)[1]. Как эрудированный библиофил, Касаткин понимал, что «РЗС» — это *первое* русское библиофильское издание, где *впервые* в истории русского книгопечатания воспроизведены без купюр все русские слова, никогда не дозволявшиеся к печати.

Говоря о «РЗС», Касаткин дважды употребляет в предисловии «единственное в своем роде». Это издание не только *единственное* в то время в русском книгопечатании, но и в мировой культуре. Эротические сказки других народов стали издаваться позднее. Мы не можем указать на другого издателя-библиофила из среды русской эмиграции, который в 1872 г. решился бы выпустить за свой счет столь скандальную книгу. Коммерческая выгода от ее реализации была мизерной (книга продавалась у Георга по цене 5 марок/экз., при тираже в 50 экз. Это всего 250 марок, что по курсу того времени — 1 марка равнялась 35 копейкам — составляло 87,5 рублей. В магазинах Берлина одна книга продавалась по цене 15 марок).

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ (Г. ГЕОРГА)

Приведем его описание. На титульной странице напечатано в черную и красную краски: РУССКІЯ | ЗАВѢТНЫЯ | СКАЗКИ | [далее эпиграф, тот же и на том же месте, что и в первом издании.] | Второе изданіе | ВАЛААМЪ| Тѵпарскимъ художествомъ монашествующей братіи | Годъ мракобѣсія.

В красную краску напечатаны, как и в первом издании, слово «завѣтныя», эпиграф и вымышленное издательство. Оборот титульного листа чистый. На с. [I] (лицевая сторона шмуцтитула) напечатано:

---

[1] *Ричард де Бери.* Филобиблон / Ред. лат. текста, пер., примеч. и вступит. ст. Я. М. Боровского. М.: Книга, 1984.

«Русскія завѣтныя сказки». На с. [II] (оборот шмуцтитула) посередине оттиснено в красную краску: «Отпечатано единственно для археологов | и библиофилов в небольшом количестве | экземпляров», внизу под чертой дано: «Imprimerie russe. — Genève, Chemin Neuf, 13». Количественная характеристика: XVI, 232 с.; 18 x 11,5 см (необрезанный издательский экземпляр); (наб. 12,5 x 7 см.). Выходило в двух обложках: оранжевой и серой. На обложке содержатся те же сведения и теми же шрифтами, что и на титульном листе, кроме эпиграфа; внизу напечатано: «Déposé. Reproduction interdite». Слово «завѣтныя» идет по диагонали на «бруске» в красную краску, как и слово «Валаам». — С. [I—II]: шмуцтитул; с. [III—IV]: титульный лист; с. V — VII: «Оглавление» с номерами и названиями сказок; с. [VIII]: чистая; с. IX — XVI: [Предисловие, подписанное в конце]: «Филобибл»; с. 1 — 232: тексты сказок I — LXXVII без купюр. Печатаются не по копии с рукописи, а по тексту первого издания с исправлением орфографических ошибок последнего. Исправлены две опечатки из первого издания. Кроме того, в 15 случаях восстановлены пропущенные буквы в словах, в 32 словах исправлены буквы, во многих случаях иначе набраны слова с предлогами и частицами. На с. 33 исправлено: «Как чего?» (в первом издании было ошибочно: «Как что?»). На с. 2 имеется опечатка: «меж развалинами березы» (в первом издании: «...развилинами...»). Второе издание является не стереотипным, а исправленным. Бумага с серой обложкой, более плотная. Было, видимо, два завода. В книге [16] тетрадей: б/н: 8 л. (с. I — XVI); № 1 — 14: по 8 л. (с. 1 — 224); № 15: 4 л. (с. 225 — 232).

Основной текст сказок набран шрифтом (кеглем 10 нормальным), гарнитура которого отличается от шрифта первого издания, примечания в тексте — кеглем 8 нормальным. Предисловие и оглавление набраны (соответственно кеглями 10 и 8) шрифтами другой гарнитуры. Второе издание «РЗС» было осуществлено Георгом из Базеля. Это он впервые дал его рекламу в своих книготорговых каталогах (см. в наст. изд. п. 6), а на обложке напечатал (на французском языке): «Перепечатка запрещена». Георг, приобретя в 1872 г. у вдовы Касаткина весь тираж первого издания, столкнулся, видимо, с трудностями при его реализации (в Германии книга была запрещена, по Швейцарии и Франции такие данные отсутствуют). Но пять рекламных каталогов 1875 г. сделали свое дело: русские библиофилы «раскачались» и двинулись на Запад в поисках заморской «диковинки».

Предприимчивый Георг тут же сориентировался и тиснул второе издание, уже коммерческое.

РУССКІЯ

ЗАВѢТНЫЯ

СКАЗКИ

Второе изданіе

ВАЛААМЪ

Типарскимъ художествомъ монашествующей братіи

Годъ иракобѣсія.

Déposé. Reproduction interdite.

Обложка второго издания
«Русских заветных сказок»

Отпечатано единственно для археологов и библіофиловъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Imprimerie russe. — Genève, Chemin Neuf, 13.

Оборот шмуцтитула второго издания «Русских заветных сказок»

РУССКІЯ

ЗАВѢТНЫЯ

СКАЗКИ

„Молимъ со умиленіемъ, аще кая неблагоискусна словеса и неблагостройна или неполномѣрна нѣкая погрѣшенія въ книгѣ сей обрящутся, не осуждати, ни поносити, любогруждьшимся....“

Апологіонъ — 1643.

Второе изданіе

ВАЛААМЪ

Типографскимъ художествомъ монашествующей братіи

Годъ мракобѣсія.

Титульный лист второго издания «Русских заветных сказок»

Датой выпуска в свет второго издания «РЗС» мы считаем 1878 — 1879 гг. по следующим основаниям. Георг разместил свой заказ в типографии А. Д. Трусова[1]. Один из современников Трусова, В. М. Озеров, писал о его типографии Огареву (10 ноября 1874 г.): «...он печатает дешевле других и печатает все, что дадут...»[2] Георг тиражировал в то время в типографии Трусова «Сочинения» Герцена в десяти томах (1875 — 1879). На всех десяти книгах указаны следующие выходные данные: «Genève-Bâle-Lyon. H. Georg, Libraire-Éditeur». В томах I — V, X имеется указание на типографию: «Genève-Imprimerie Russe, A. Troussoff». До тома IV адрес типографии был следующим: «Chemin de la Cluse, 12». Затем (1878 г.) адрес изменился: «Chemin Neuf, 13» (он же указан на обороте шмуцтитула второго издания «РЗС») и оставался таким до 1883 г. В томе IV фамилия Трусова хотя и не значится рядом с адресом, но, как установила Л. Н. Петрова, именно здесь и находилась его типография, откуда он отправлял письма[3].

Шрифтовый анализ показал, что второе издание «РЗС» набрано двумя гарнитурами шрифтов из трех, применявшихся в типографии Трусова.

Полагаем, что снятие всякого указания на типографию в томах V — IX (1878 — 1879) сочинений Герцена связано именно с тем, что в это время там набиралась такая скандальная книга, как второе издание «РЗС», и где, быть может по невнимательности, оставили адрес типографии: «Chemin Neuf, 13».

Тираж второго издания составлял, видимо, не одну сотню экземпляров и продавался, вероятно, до 1889 г. — даты выхода третьего издания «РЗС».

Нам известен экземпляр второго издания из коллекции знаменитого библиофила А. И. Маркушевича (1908 — 1979). Книга не имеет обложки, в позднем переплете, экземпляр обрезан (16 x 10 см). На титульном листе слова «Второе издание» обрамляет типографская виньетка из четырех штопоров. После слова «Валаам» идет не одна черта, а три. Внизу титульного листа имеется изображение треугольника. В конец книги вклеен лист бумаги, на котором записано: «Куплено в Берлине в 1885 | апреля 8 | 20». Экземпляр приобретен, видимо, Алексеем

---

[1] Приведем справку из «Советского энциклопедического словаря» (М., 1979): «Трусов А. Д. (1835 — 1886), русский революционный демократ, участник польского восстания 1863 — 1864 гг., заочно приговорен к смертной казни. Эмигрант. Член-учредитель Русской секции Первого Интернационала, секретарь редакции «Народного дела». Владелец революционной типографии в Женеве».

[2] Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 448.

[3] *Петрова Л. Н.* Женевская типография А. Д. Трусова // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 212 — 215. Среди изданий, отпечатанных в типографии Трусова, Л. Н. Петрова не упоминает «РЗС».

Ивановичем Шуваловым (1857 — 1924), им же сделана запись о покупке, и на титульном листе проставлено два оттиска резиновым штемпелем с его фамилией. На форзацах имеются два экслибриса — графа Д. Н. Толстого-Знаменского (1806 — 1884) и Николая II. На обороте шмуцтитула приписано чернилами: № 26.

Впервые описание второго издания дал в 1935 г. М. М. Клевенский:[1] «Русские заветные сказки. Второе издание. Валаам. Тип<арским> худож<еством> монаш<ествующей> братии. Женева, impr<imerie> russe. Год Мракобесия, [1879?]. Обл., ввод. л., VII + 232 с. 12,5 х 7 см. На об<ороте> шмуцтит<ула> помета: "Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом числе [в книге: количестве] экз."».

De visu отмечены три экземпляра (РГБ, РНБ, ГИМ). Отметим ошибку в пагинации: надо XVI с.

Составители СК-1971 и СК-1981 не обнаружили второго издания «РЗС». Оно значится в списке разыскиваемых книг (СК-1982. Ч. 3: Приложение. Необнаруженные, но известные по печатным и архивным источникам. № 11). При этом приведено описание Клевенского. А куда же пропали имевшиеся три экземпляра (РГБ, РНБ[2], ГИМ)? Курьезом выглядит обнаружение нами в 1992 г. при просмотре инвентарной книги спецхрана РГБ трех экземпляров второго издания «РЗС», которые поступили сюда в 1944 г. из Отдела редких книг вместе с каталожными карточками и инвентарной книгой, но почему-то не были даже занесены в служебный каталог спецхрана. В 1982 г. РГБ приобрела для Музея книги второе издание «РЗС», но, к сожалению, экземпляр оказался дефектным: отсутствовали с. V — VI, XI — XII, 7 — 10, 135 — 138, 207 — 208, 225 — 226, шмуцтитул и титульный лист были переставлены, к с. 232 (последней в книге) оказались приплетены с. VII — VIII.

Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков дают такое описание: «1-е издание, 1872 г., 2-е, стереотипное, 1878 г.»[3].

Мы же предлагаем следующее библиографическое описание второго издания «РЗС».

[Афанасьев А. Н.]

Русские заветные сказки: [Предисловие и LXXVII сказок без купюр по тексту первого издания / Собраны, приведены в порядок и

---

[1] *Клевенский М. М.* [*и др.*]. Русская подпольная и зарубежная печать... Указ. соч. С. 109. № 517.

[2] В РНБ экземпляр второго издания утрачен.

[3] *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* А. Н. Афанасьев и его собрание сказок... // *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. М., 1984. Т. I. С. 419.

сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым; Предисловие В. И. Касаткина]. — 2-е изд., [испр. — Genève; Bâle; Lyon: H. Georg, Libraire-Éditeur, 1878 — 1879] (Genève, Chemin Neuf, 13: Impr. russe [Тип. А. Д. Трусова]). — XVI, 232 с.; 18 x 11,5 (наб. 12 x 7) см. — (В обл.). — Тираж несколько сотен экземпляров, на двух сортах бумаги. Автор не указан. В конце предисловия псевдоним: «Филобибл». На титульном листе вымышленные выходные данные: «Валаам...». На обороте шмуцтитула приведены место печатания, адрес типографии, а также: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов...»

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ (Г. ГЕОРГА)

На титульной странице напечатано в черную краску (на титульных листах первого и второго изданий также и в красную): РУССКІЯ | ЗАВѢТНЫЯ | СКАЗКИ | [далее эпиграф, тот же и на том же месте, что в первом и втором изданиях] | [виньетка] | ВАЛААМЪ | — Типарскимъ художествомъ монашествующей братіи | Годъ мракобѣсія.

Оборот титульного листа чистый. На с. [I] (лицевая сторона шмуцтитула) напечатано: «Русския завѣтныя сказки». На с. [II] (оборот шмуцтитула) посередине в черную краску (в первом и втором изданиях — красная) указано: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров». Место печатания и типография не указаны (во втором издании отмечены). Количественная характеристика: XVI, 214 с.; 15,5 x 11 (наб. 12 x 8) см. На светло-желтой тонкой обложке приведены те же сведения, кроме эпиграфа. В низу обложки напечатано: «Déposé...» (как во втором издании). Слово «завѣтныя» оттиснуто по диагонали на «бруске» в красную краску, как и слово «Валаам» (также и во втором издании). — С. [I — II]: шмуцтитул; с. [III — IV]: титульный лист; с. V — VII: «Оглавление»; с. VIII: чистая; с. IX — XVI: [Предисловие, подписанное в конце]: «Филобибл»; с. 1 — 214: тексты сказок I — LXXVII без купюр. Печатаются по тексту второго издания с характерной опечаткой в варианте первой сказки, как и во втором издании: «меж развалинами берез». Имеются также опечатки по вине наборщика и корректора. Бумага худшего качества. В книге [14] тетрадей: б/н: 8 л. (с. I — XVI); № 1 — 12: по 8 л. (с. 1 — 192); № 13: 11 л. (с. 193 — 214). Основной текст сказок набран кеглем 10, узким; примечания к ним — кеглем 8, нормальным (не узким). Предисловие набрано кеглем 10, нормальным, но названия сказок даны курсивом другой гарнитуры. Оба эти шрифта применялись в типографии «Общего Дела». Шрифты «засорены» лите-

рами других гарнитур. Такими же «засоренными» шрифтами набраны издания: *[Гримм П.]* Тайны Зимнего Дворца / Соч. Н. Т. Genève & Bâle: H. Georg, 1890. 380 с., на обложке которого помещена реклама «РЗС», а также издания, не учтенного в пушкинской библиографии: *Пушкин А. С.* Царь Никита и Первая ночь брака: Эротические поэмы. Десятая заповедь. Эпиграммы / Соч. А. С. Пушкина. [2-е изд., перераб.] [Женева: М. К. Элпидин]. 1896. 24 с.[1].

Издателем этой книги следует признать также Георга. По его классификации это третье издание «РЗС». Предположительная дата выпуска в свет — 1889 г., возможно, позже.

Данное издание описано нами по экземпляру из коллекции Н. Рубакина, находящемуся в спецхране РГБ[2].

Составители СК-1981 (Ч. I. С. 30. № 117) дают такое описание третьего издания: «Русские заветные сказки. [Женева: изд. М. К. Элпидина, тип. «Общего дела», 1884 — 1889?]. — XVI, 214 с.; 12 x 8 см. ... Тип. установлена по шрифтам. Датировка по времени работы тип. и упоминанию книги в каталоге Элпидина — Catalogue, 1889. с. 16».

Именно это третье издание хранится в библиотеке Гарвардского университета, на него ссылается и Carey, считая первым изданием и датируя 1865 г.[3].

В девяти каталогах (с 1889 по 1906 г.) книжного магазина известного издателя М. К. Элпидина[4] рекламировалась как его собственная печатная продукция, так и книги других издателей, в том числе и «РЗС». Приведем заинтересовавшие нас описания книг.

1. «Русския заветныя сказки. Валаам. Год мракобесия». — На обложке книги: *Тургенев И. С.* Поп.: Эротическая поэма. 2-е изд. Genève: M. Elpidine, [1889]. 16 с.; То же и на обложках других изданий Элпидина.

2. То же. — В кн.: Catalogue de la librairie M. Elpidine. Находятся в продаже. Genève, [1889] (Тип. «Общего Дела»). С. 16. — В конце вместе с изданиями: Гавриилиада / А. С. Пушкина; Царь Никита...; Русский Эрот не для дам. В этом каталоге речь идет, возможно, еще о втором издании «РЗС».

---

[1] Подробно: *Бессмертных Л. В.* О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Новое литературное обозрение. № 6 (1993 — 1994). С. 293.

[2] В РНБ также имеется экземпляр этого издания.

[3] *Carey C.* Les proverbes érotiques russes... P. 36.

[4] Подробнее о нем см.: *Кельнер В. Е.* Деятельность М. К. Элпидина и А. Д. Трусова по изданию революционно-демократической литературы в 1860 — начале 1880-х гг. // Книга в России. 1861 — 1881. Т. 1. М., 1988. С. 55 — 58.

3. «Русския заветныя сказки. Валаам. Год мракобесия. — 7 фр.» — В кн.: Catalogue de la librairie M. Elpidine. Находятся в продаже. Carouge [Genève, 1894?]. С. 2.

4. То же. — В кн.: Catalogue... [1896]. С. 3.

5. «*Афанасьев*. Народныя русския легенды — 14 фр.

[*Афанасьев*]. Русския заветныя сказки. Валаам. Год мракобесия — 7 фр.». В кн.: Catalogue de la librairie M. Elpidine. Находятся в продаже. Genève, 1900. С. 1. — Впервые в 1900 г. Афанасьев указан как автор.

6. То же. — В кн.: Catalogue... 1901. С. 1.

7. «*Афанасьев*, профессор Московского университета. Народныя русския легенды. Илья Пророк и Никола. Кумова постель и т. д. (Антирелигиозные) — 14 фр.».

«[*Афанасьев*]. Русския заветныя сказки. *Похабная* народная сатира. Валаам. Год мракобесия. — 7 фр.». — В кн.: Catalogue de la librairie Russe M. Elpidine. Carouge (Genève), 1902. С. 1.

8. «*Афанасьев*, профессор Московского университета. Народныя легенды [далее как в каталоге 1902 г.].

[*Афанасьев*]. Русския заветныя сказки. Неприличная народная сатира. Валаам. Год мракобесия — 7 фр.». — В кн.: Catalogue... [как в каталоге 1902 г.]. 1903. С. 1.

9, 10. То же. — В кн.: Catalogue... 1904. С. 1; 1906, С. 1.

Некоторые каталоги Элпидина встречаются с печатными наклейками: «Le librairie H. Georg-10, Corraterie, Genève». Известно, что между Элпидиным и Георгом существовали тесные деловые отношения.

Понятно, что о публикации «РЗС» за границей не удавалось сообщить в открытой русской печати довольно долгое время. Лишь в 1897 г. А. Е. Грузинский все же сумел упомянуть об этом: «Напомним, что «Собрание» Даля, кроме того, дало главный материал для «Легенд» и, по-видимому, для известного заграничного сборника сказок. (См. указание на особый характер многих Далевских сказок в конце предисловия Афанасьева к IV вып.)»[1]

Приведем наш вариант библиографического описания третьего издания «РЗС».

[Афанасьев А. Н.]

Русские заветные сказки: [Предисловие и LXXVII сказок без купюр по тексту второго издания / Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым;

---

[1] *Грузинский А. Е.* А. Н. Афанасьев (Биографический очерк) // *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. 3-е изд., доп. М., 1897. Т. 1. С. XXV.

Предисловие В. И. Касаткина. — 3-е изд. — Genève; Lyon: H. Georg, Éditeur, 1889—? (Женева: Тип. «Общего Дела»)]. — XVI, 214 с.; 15,5 x 11 (наб. 12 x 8) см. — (В обл.). Автор в книге не указан. В конце предисловия псевдоним: «Филобибл». На титульном листе вымышленные выходные данные: «Валаам...». На обороте шмуцтитула: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов...»

ИЗДАНИЕ 1884 ГОДА (Э. Л. КАСПРОВИЧА)

В период между двумя изданиями Георга появилось «пиратское» издание, отпечатанное в Лейпциге в 1884 г. Э. Л. Каспровичем. По времени это будет третье издание, фактически же — четвертое. Опишем его.

На титульной странице напечатано: ЮМОРЪ | РУССКАГО НАРОДА | ВЪ | СКАЗКАХЪ. | [Виньетка: два целующихся голубка] | — | ЦАРЬГРАДЪ: | Въ книжномъ магазинѣ Симоніуса и Ко. | (Галата.).

Оборот титульного листа чистый. На авантитуле — название серии: «Между друзьями. II.». Оборот авантитула чистый. Количественная характеристика: 139, [1] с.; 16 x 12 см (необрезанный издательский экземпляр); (наб. 11 x 7) см. На светло-коричневой обложке по диагонали идет надпись: «МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ II. (ПРОЗА)» [и ниже прямо]: «(Entre nous, II, Prose.)». На корешке указано: «Между друзьями». С. 1 — 2: авантитул; с. 3 — 4: титульный лист; с. 5 — 139: тексты [74] сказок без купюр, с названиями, без подстрочных вариантов и примечаний; в конце на с. [1]: «Царьградъ, | въ типографіи Симоніуса и Ко». На задней обложке тот же текст с добавлением: «(ГАЛАТА)» и виньетка та же, что и на титульном листе. Печатается по тексту первого издания «РЗС» (а не второго) со всеми свойственными ему орфографическими ошибками. Отличия от первого издания следующие: исключены три сказки («Прибаутки» (№ XVII), «Старческой стих» (№ XVIII), «Посев хуев» (№ XXXI)), все подстрочные варианты и примечания, предисловие; последовательность сказок иная (начинается сказкой «Хитрая баба», заканчивается сказкой «Чесалка»); оглавление и нумерация сказок отсутствуют; названия сказок сохранены.

Бумага плохого качества, пожелтела. В книге [10] тетрадей: № 1 — 8: по 8 л.; № 9: 4 л.; б/н: 2 л. (с. 137 — 139, 1). Тексты сказок набраны кеглем 8. Внизу слева на первых листах тетрадей № 2 — 9 норма: «Между друзьями II» — название серии. Издание является «пиратским», так как Георг на своих изданиях (втором и третьем) оговаривал: «Перепечатка запрещена» (на фр. яз.).

ЮМОРЪ

РУССКАГО НАРОДА

ВЪ

СКАЗКАХЪ.

ЦАРЬГРАДЪ:
Въ книжномъ магазинѣ Симонгуса и Ко.
(Галата.)

Поиски подлинных выходных данных привели к следующему результату. В справочнике: Список русских книг, напечатанных вне России, за последнее десятилетие 1875 — 1885, а равно... Берлин: изд. кн. маг. Штура (С. Герстман), 1885. 44 с. — на с. 15 читаем:

«Между друзьями. [I]. Смешныя и пикантныя штуки домашних поэтов России. Первое полное издание. Царьград. Симониус и Ко. (Галата). 12°. 190 стр. М. 5.

[Между друзьями]. II. Проза. Юмор русскаго народа в сказках. Там же. 12°. 139 стр. М. 5».

В этом же справочнике в объявлении издательства Э. Л. Каспровича на с. 36 находим даты изданий: «Между друзьями. Стихи юмористические. I. Poesie. 1883. 16°. 3 МК», «— II. Проза. 1884. 16°. 3 МК».

Отсюда можно сделать вывод, что дата издания рассматриваемой книги — 1884 г.; издатель — Каспрович; отпечатано в типографии Г. Ушмана в Веймаре. Последний факт устанавливается сличением шрифтов сборника «Между друзьями. II» с изданием: *Лермонтов М. Ю.* «Демон» и запрещенные стихотворения. 6-е полное изд. Лейпциг: Э. Л. Каспрович, [1889] (Веймар: Тип. Г. Ушмана). 161 с. На обложках этой книги (с 6-го изд. по 13-е [190-]) рекламировались оба выпуска серии «Между друзьями», без указания дат.

Книги продавались в заклеенных обложках. Данное издание явилось для Каспровича первым.

Дадим его библиографическое описание:

[Афанасьев А. Н.]

Юмор русского народа в сказках: [74 сказки без купюр, без подстрочных вариантов, по тексту сказок № 1 — 16, 19 — 30, 32 — 77 первого издания «РЗС». — 1-е изд. — Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1884 (Веймар: Тип. Г. Ушмана)]. — 139, [I] с.; 16 x 12 (наб. 11 x 7) см. — (Между друзьями; II (Проза)). — (В обл.). Автор в книге не указан. На титульном листе приведены вымышленные выходные данные: «Царьград: В книжн. маг. Симониуса и К° (Галата)». На обложке присутствует только название серии, переведенное также и на французский язык.

У Каспровича выходило также второе издание этой книги:

[Афанасьев А. Н.].

Юмор русского народа бъ [*так*!] сказках: [то же... — 2-е изд. — Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1895 — 1900? (Веймар: Тип. Г. Ушмана)]. — 139, [I] с.; 16,5 x 12,5 (наб. 11 x 7) см. — (Между друзьями; II (Проза)). — (В обл.). На титульном листе также указаны вымышленные выходные данные. На темно-зеленой обложке

такой же текст, как и в первом издании. Печатается по тексту наборной полосы первого издания теми же шрифтами, но набор другой. Отличия незначительные. На титульном листе имеется опечатка, вместо предлога «въ» набрано «бъ». На титульном листе и на с. 139 отсутствует черта. На с. 5 внизу нет сигнатуры: I*. Бумага более светлая. Выше и шире на 0,5 см. Обложка другого цвета. В остальном оба издания трудноотличимы.

Оба указанные издания выходили в серии «Между друзьями» под номером II. Номером I этой серии является следующее издание:

Между друзьями. Смешныя и пикантныя штуки домашних поэтов России. Первое полное издание. Царьград: В книжном магазине Симониуса и К°. (Галата). [Лейпциг: Э. А. Каспрович, 1883 (Веймар: Тип. Г. Ушмана)]. 190, [2] с.; 16 x 12 (наб. 11 x 7) см. На обложке только: «Между друзьями» (по диагонали) и ниже: «(Entre nous)»[1]. Название серии вынесено в надзаголовочные данные титульного листа без указания цифры «I».

В каталогах Элпидина рекламировались, видимо, вторые издания обеих книг:

1. «Между друзьями. В прозе — 6 фр.», «Между друзьями. В стихах — 6 фр.» — В кн.: Catalogue de la librairie Russe. M. Elpidine. 1901. С. 5.
2. «Между друзьями. В прозе (нецензурные сказки) — 6 фр.», «Между друзьями. В стихах (то же) — 6 фр.». — В кн.: Catalogue... M. Elpidine. Carouge (Genève), 1902. С. 9; То же. Catalogue... 1903; 1904; 1906. С. 12.

Это издание «удостоилось чести» быть включенным в «Ад» (спецхран) Парижской Национальной библиотеки[2].

ВАРШАВСКИЕ ИЗДАНИЯ 1905 — 1912 ГГ.

На территории Российской империи «РЗС» впервые вышли в Варшаве в издательстве «Ренесанс» (с одной «с») в 1905 — 1906 годах. Факт доселе неизвестный.

---

[1] Этот сборник полностью вошел в изд.: Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / Изд. подготовили А. Ранчин и Н. Сапов. М.: Ладомир, 1994. С. 154 — 348. (Русская потаенная литература). К сожалению, в книгу вкралась ошибка: вместо «штуки» (как в оригинальном заглавии) употребляется «шутки» .

[2] Apollinaire G. [и др.]. L'Enfer de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1913. P. 69 (№ 85): MEJDOU DROUZIAMI. — Smiechnia...

В РГБ в коллекции Н. В. Скородумова (спецхран) нами обнаружено следующее издание. На титульном листе, с которого начинается книга, имеется только заглавие: РУССКІЯ | ЗАВѢТНЫЯ СКАЗКИ. Отсутствуют даже вымышленные место, дата издания и издательство. — XIV, 236 с.; 20 х 13,5 (наб. 12,5 х 7, 5) см. Нет передней обложки, задняя обложка серого цвета, тонкая. На титульном листе под заглавием виньетка. Печатается по тексту второго издания «РЗС» с повторением характерных для него опечаток (в сказке «Лиса и заяц» вариант «Меж развалинами берез»). Исключены четыре сказки: «Чесалка», «Загони тепла», «Похороны кобеля (*или* козла)», «Суд о коровах» (№ XLVI — XLIX). — С. I: титульный лист; с. II: чистая; с. III — V: «Оглавление»; с. VII — XIV: [Предисловие, подписанное]: «Филобибл»; с. 1 — 236: тексты сказок I — LXXIII без купюр.

Бумага пожелтевшая, тонкая. В книге [16] тетрадей: б/н: 4 л. (с. I — VIII); № 1 — 15: по 8 л. (с. IX — XIV, 1 — 234); б/н: 1 л. (с. 235 — 236 — приклеен). Набрано кеглем 10 (примечания — кеглем 8). Номера сказок 1 — XLV соответствуют номерам второго издания, номера XLVI — LXXIII сдвинуты на четыре пункта. В книге много опечаток (Скородумовым сделано около 60 исправлений).

Удалось установить подлинные выходные данные этой книги.

В «Извещении № 2» издательства «Ренесанс», вышедшем до сентября 1905 г., рекламировалось издание: «Русския заветныя сказки. 214 с. — 6 р.». В трех «Прейскурантах» этого издательства постоянно фигурировали «Русския заветныя сказки. 214 с. — 3 р.» (см.: Ренесанс. Прейскурант фирмы издательства «Ренесанс». Варшава, Сольная, 8, [1906?]. С. 15. — РГБ, спецхран, Э-479). Сличение шрифтов с другими изданиями фирмы «Ренесанс» (например: Горе от ума. Варшава, 1907) подтвердило, что книга действительно издана в Варшаве.

Указанное в рекламе количество страниц «214» объясняется, видимо, тем, что за основу был взят экземпляр с количественной характеристикой XVI + 214 с. и информация об этом попала в рекламу. Набор же проводился по второму (XVI, 232 с.), а не по третьему изданию (XVI, 214 с.).

Дадим библиографическое описание этой книги из коллекции Н. В. Скородумова.

[Афанасьев А. Н.]

Русские заветные сказки: [Предисловие и LXXIII сказки без купюр по тексту сказок № I — XLV, L — LXXVII 2-го изд. — Варшава: Ренесанс, 1905 — 1906? (Варшава: Тип. неизвестна)]. — XIV, 236 с.; 20 х 13,5 (наб. 12,5 х 7,5) см. — (В обл.). Автор в книге не указан. Выходные данные в книге отсутствуют и установле-

ны по изданию: Ренесанс. Прейскурант фирмы издательства «Ренесанс». Варшава, [1906?]. С. 15 и по шрифтам «варшавских» изданий.

В Варшаве с 1907 по 1912 г. вышли ряд сборников, куда выборочно были включены сказки без купюр из изданий «РЗС» без ссылок на первоисточник. Перечислим их.

1. [Афанасьев А. Н.]

Рассказы из народнаго быта: [18 сказок без купюр по тексту с. 13 — 23, 26 — 35, 41 — 44, 48 — 56 издания «Юмор русского народа в сказках». — Варшава, 1907]. — 96 с.; 12,5 х 8,2 (наб. 9 х 5,5) см. На оранжевой обложке: Рассказы из народного быта. 1907. Автор в книге не указан. Сказки имеют только названия и соответствуют номерам первого и второго изданий в следующем порядке (71, 33, 36, 69, 2, 13, 53, 12, 63, 77, 28, 66, 47, 20, 16, 32 (без варианта «б»), 6, 1). Сказка «Лиса и Заяц» (последняя в книге) заканчивается на словах: «а вылезть не сможет». Много опечаток. Место издания установлено сличением шрифтов с изданиями «Горе от ума. Варшава, 1907» и «Русские заветные сказки. [Варшава, 1905 — 1906?]». Все эти издания набраны одинаковыми шрифтами. В каталогах издательства «Ренесанс» не отмечена. Бумага пожелтевшая. Три тетради по 16 л. на скрепке. Текст в рамке, на титульном листе и обложке имеются типографские украшения.

2. [Афанасьев А. Н.]

Рассказы из народнаго быта: [4 сказки без купюр по тексту с. 13 — 23 издания «Юмор русского народа в сказках». — Варшава, 1910 — 1912?]. — 32 с.; 10 х 8,2 (наб. 7,5 х 5,5) см. Выходили без титульного листа. Описано по красной обложке. Печатается по тексту издания: Рассказы из народного быта. 1907. С. 3 — 34: («Бабьи увертки», «Раззадоренная барыня», «Стыдливая барыня», «Два брата жениха»). Выходные данные установлены по шрифтам. Набрано шрифтами двух гарнитур: тексты на с. 1 — 3, 19, 26 — 28 кеглем 10, таким же, как с. 1 — 10 издания: «Лука Мудищев и купчиха». 16 с.; тексты на с. 4 — 18, 20 — 25, 29 — 32 кеглем 8, таким же, как издания фирмы «Ренесанс» в 1910 — 1912 гг.

3.1. [Афанасьев А. Н.]

[Из «Русских заветных сказок»: 9 сказок без купюр по тексту № 19 — 26, 30 «варшавского» изд.] // Анекдоты. От № 89 до 109. [Варшава: Ренесанс], 1907. С. 10 — 32: (№ 101, 101а, 102 — 109 с названиями); 14 х 9 (наб. 10 х 5,5) см. Печатаются по

тексту издания: Русские заветные сказки [Варшава: Ренесанс, 1905 — 1906?] с некоторыми изменениями. Выходные данные установлены по каталогам издательства «Ренесанс».

Всего рекламировалось пять выпусков «Анекдотов». В сборники «Анекдоты» от № 1 до 22, от № 23 до 30 и от № 31 до 63 сказки не входили. Выпуск от № 64 до 88 нам неизвестен. Автор и источник публикации не указаны. Номера и даты изданий даны на обложках.

3.2. [Афанасьев А. Н.]

[Из «Русских заветных сказок»: 4 сказки без купюр по тексту № 27 — 29, 31 «варшавского» изд.] // Анекдоты. От № 110 до 142. [Варшава: Ренесанс], 1907. С. 3 — 21: (№ 110 — 113 с названиями); 13,5 x 9 (наб. 10 x 5,5) см.

4. [Афанасьев А. Н.]

[Из «Русских заветных сказок»: 9 сказок без купюр по тексту № 19 — 26, 30] // Анекдоты. [Варшава: Ренесанс, 1912?]. С. 6 — 16: (№ 13 — 22 с названиями); 16 x 13 (наб. 14 x 11) см. Печатается по изд.: Анекдоты. От № 89 до 109. [Варшава: Ренесанс], 1907. С. 10 — 32: (№ 101, 101а, 102 — 109). Выходные данные установлены по изданию: Ренесанс. Прейскурант издательства. Варшава, [1912?]. С. 23. (№ 1236). Уничтожена по приговору Киевского окружного суда 18 апреля 1914 г. (Книжная летопись. 1914. № 19 (17 мая)).

С 1905 по 1975 г. переизданий «РЗС» без купюр не предпринималось.

ПАРИЖСКОЕ ИЗДАНИЕ 1975 Г.

В 1975 г. Артур Рубинштейн выпустил в Париже репродуцированное издание «РЗС» (по второму изданию). Опишем его.

Афанасьев А. Н.

[Русские заветные сказки] / [Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым; Предисловие В. И. Касаткина]; [Автор предисл. репринта] «Несколько слов об этой книге» Арт Ру, 1975, февраль. — Репринтное воспроизведение издания: Русския заветныя сказки. Второе издание. Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия. — [Париж: Изд. А. Рубинштейн, 1975]. — [4], XVI, 232, [2] с.; 15,5 x 10 см. — (В обл.). — [500] экз. На обложке: «Contes secrets russes | РУССКІЯ | ЗАВѢТНЫЯ | СКАЗКИ | [Виньетка]. BEDRO». В книге воспроиз-

веден только титульный лист оригинала, титульный лист репродукции отсутствует. Автор указан только в предисловии издателя. Место и дата печатания приведены в выпускных данных в конце книги на французском языке. В конце книги также на французском языке дана аннотация о выпуске в 1912 г. издательством «Bibliothèque des curieux» перевода этой книги Афанасьева, изобилующего многочисленными неточностями в угоду общественной благопристойности. Сообщается, что готовится новый перевод «Contes secrets russes». В предисловии ошибочно утверждается, что первое издание вышло под заглавием: «"Народные русские сказки не для печати" (эпитет "заветные" фигурирует лишь в названии второго, последнего издания "Сказок")» (с. [3 — 4]). В 1982 г. в Москве на «черном» книжном рынке появились в продаже переплетенные двухсторонние ксерокопии этой книги.

ИЗДАНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЕТ

В советское время в 1940 и 1985 гг. избранные сказки из рукописи Афанасьева (в основном антиклерикальной направленности), подвергшиеся сокращениям и изъятиям мест, неудобных для печати, были включены в качестве приложений и дополнений в т. III «НРС».

Афанасьев А. Н.

Из «Русских заветных сказок»: [30 сказок в сокращении и с купюрами, по тексту рукописи «Народные русские сказки не для печати», нумерованы с 1 по 33] / Подготовка текстов, коммент. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева при участии Г. С. Виноградова // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: [В 3 т.] / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. — [М.]: Гослитиздат, 1940. — Т. III, приложение III. — С. 362 — 406: [тексты], 472 — 484: комментарии. — Десять сказок (№ 1 — 12) ранее были опубликованы в «РЗС» (38, 48 (а, б), 49, 50, 64а, 65а, 68(а, б), 74, 76, 77), двадцать сказок (№ 13 — 33) опубликованы впервые по рукописи (соответственно № 81а, 83b, 86, 87, 89, 90, 97, 99, 100, 101, 113а, 116, 125, 127, 132, 133 (а, б), 135, 139, 144, 145).

Афанасьев А. Н.

Сказки из сборника «Русские заветные сказки» и рукописи «Народные русские сказки не для печати»: [42 сказки в сокращении и с купюрами, нумерованы от 1 до 45] // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. — М.: Наука, 1985. — Т. III, дополнение II. — С. 290 — 293: «Предисловие к "Русским заветным сказкам". Женева, 1872», 293 — 344: [тексты сказок], 426 — 438: примечания. — Напечатаны: 30

сказок по тексту т. 3, 1940 г.; 8 сказок по тексту «РЗС» (№ 22, 23, 28, 35, 42, 53, 55, 59); 4 сказки (№ 23, 28, 29, 37) по тексту рукописи (№ 93, 104, 110, 131). — Сравнение текстов 42 сказок из этого издания с самой рукописью показало, что, помимо купюр, в некоторых случаях тексты прочитаны неточно. В «Предисловии» (по тексту первого издания) пропущены три слова, еще три слова заменены тремя другими, в восьми словах выявлен пропуск букв или их замена. Даны переводы иностранных выражений.

Афанасьев А. Н.

Сказки из сборника «РЗС» и рукописи: [18 сказок из 45 в сокращении, с купюрами по изд.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1985. Т. III, дополнение II. С. 293 — 344] // Диво дивное, чудо чудное: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Сост. С. Донская. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 435 — 457: [тексты], 475 — 476: примечания.

Упомянем лишь, что некоторые антиклерикальные сказки (такие, например, как «Похороны кобеля (*или* козла)», «Суд о коровах», «Жадной поп», «Хитрая баба», «Никола Дуплянской», «Доброй поп», «Солдат и барин») были переизданы с купюрами в сборниках Ю. М. Соколова (1931 г.), Д. М. Молдавского (1955 г.) и М. К. Азадовского (1963 г.).

Необычайно широк диапазон оценок «РЗС» в русской печати. С одной стороны, это «сборник порнографических сказок»[1]. Категоричный приговор выносит А. И. Гуковский. Отмечая «тонкий аромат» «Фацетий» Поджо Браччолини, он далее пишет: «А вот книжка, о которой сейчас идет речь ["РЗС"], пахнет омерзительно. Сказки, в нее вошедшие, изложены совершенно нецензурными словами заборного лексикона. Отбор сказок... чем похабнее, тем лучше. Это порнографическая книжка»[2].

С другой стороны, некоторые исследователи акцентируют внимание только на антиклерикальной и антидворянской направленности. Здесь тон был задан в 1950 г. Большой Советской энциклопедией: «В 60-х годах Афанасьев издал анонимно за границей сборник "Русские заветные сказки", в состав которого вошли сатирические сказки, направленные против бар и попов»[3]. Эта оценка возобладала и кочует от одного

---

[1] [Без подписи]. Афанасьев А. Н. // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1. Стб. 707.

[2] *Гуковский А. И.* Не о всяких сказках вести сказ // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 185.

[3] [Без подписи]. Афанасьев А. Н. // БСЭ. 2-е изд. М., [1950]. Т. 3. С. 490. В 1-м изд. БСЭ (М., 1926. Т. 1.) «РЗС» не упоминаются.

автора к другому: «В Женеве в 60-х гг. анонимно вышел сб. Афанасьева "Заветные сказки", в состав которых вошли сатирические сказки, направленные против помещиков и духовенства»[1]; «А. Н. Афанасьев издал в Женеве известный сборник антипоповских сказок ("Русские заветные сказки")...»[2]; «Сборник антипоповских и антибарских сказок — "Заветные сказки"»[3]. Даже педагогический журнал «Семья и школа» откликнулся упоминавшей выше статьей Ю. Г. Круглова.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕИЗДАНИЯ

28 октября 1990 г. в газете «Московская правда» появилась заметка: «Впервые у нас будет издан сборник «РЗС». Он составлен и обработан автором — А. Афанасьевым еще в середине прошлого века. За рубежом сборник этот выдержал уже четыре издания на русском языке, а вот на родине, как водится, не издавался ни разу. Причина — использование нецензурных слов. Кстати, на обложке первого советского издания, которое готовит совместное советско-американское предприятие, будет указано: «Лицам до 18 лет продажа запрещена». Вступительную статью к «Русским заветным сказкам» написал библиограф Л. Бессмертных. Первые экземпляры появятся в конце этого года». Заметка была перепечатана в «Собеседнике» (1990. № 46. С. 11). Издание так и не состоялось.

В журнале «Эрос» (1991. № 1; вышел в октябре) была опубликована наша статья с подробным описанием первого и второго изданий, а также издания Каспровича с воспроизведением в цвете титульных листов этих трех книг. Здесь же напечатана сказка «Стыдливая барыня».

Первые издания «РЗС» вышли в России в конце 1991 года.

1. Афанасьев А. Н.

Русские заветные сказки: [Предисловие и LXXVII сказок с купюрами и редакторскими изменениями по тексту репринтного воспроизведения второго издания (Париж, 1975) / [Предисловие] «От издателей» [с. 3—5]; «Предисловие к "Русским заветным сказкам". Женева, 1872», [подписанное]: Филобибл; Ред. А. Ю. Васильев; Худож. С. Л. Кузнецов]. — М.: Московский книжный двор, 1992 (М.: Тип. ВНИИ «Полином», [дек. 1991]). — 159, [1] с.; 20 х

---

[1] *Померанцева Э. В.* Афанасьев А. Н. // КЛЭ. М., 1962. Т. 1. Стб. 360; В такой же редакции в изд.: БСЭ 3-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 419; То же см.: Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 28.

[2] *Былыгин И. А., Пушкарев Л. Н.* Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Стб. 596.

[3] Русское народное поэтическое творчество: Учебник для педагогических вузов. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1978. С. 170.

12,5 (наб. 17 х 10) см. — (В цв. ил. обл.). — 100 000 экз. на газетной бумаге, на клею; доп. тираж 100 000 экз. (21 см) на улучш. бумаге. Автор указан только в издат. предисловии. Текст подвергся значительной редакторской правке, изобилует многочисленными пропусками, вставками и заменами слов, введено абзацное выделение прямой речи (в «РЗС» прямая речь дана в подбор, в строку), изменена пунктуация. Только в первой сказке «Лиса и заяц» имеется десять случаев разночтения со вторым изданием. В сказке № 46 «Поповская семья и батрак» вставлена фраза «А поп спрашивает», которой нет у Афанасьева вообще. Предисловие к «РЗС» печатается по тексту издания: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1985. Т. III. С. 290 — 293 — со всеми ошибками последнего, переводами иностранных слов и пропуском одного примечания. Примеры купирования: х...й, пи...да, е..., е...ут, еб...на, е...ли, бл...дь, бляд...ть, жопа и ж...па, но: срать, пердеть, говно. В предисловии «От издателей» сообщаются недостоверные сведения, будто рукопись была вывезена за границу и «в 1872 г. в Женеве вышли «Народные русские сказки не для печати», а в 1878 г. там же появилось 2-е стереотипное издание, в названии которого уже фигурирует эпитет "заветные"» (с. 3). Там же: «в 1975 г. в ФРГ было осуществлено репринтное издание книги». Книга появилась в продаже в конце 1991 г.[1].

2. Афанасьев А. Н.

Русские заветные сказки, собранные А. Н. Афанасьевым: [Предисловие (сокращ.) и 77 ненумерованных сказок, без подстрочных вариантов, с купюрами по тексту репринтного воспроизведения второго издания (Париж, 1975) / [Предисловие к изд. (Париж, 1975)]: «Несколько слов об этой книге» Арт Ру; [Предисловие (сокращенное), подписанное]: Филобибл; Отв. ред. А. Чевский; Ред. И. Шаньгин; Худож. Нина Волкова]. — М.; [Новосибирск]: «Диво»: [ИИА «Собеседник»: НПП «Мета-прибор»], 1991 ([Иркутск]: Иркутск. Дом печати [нач. 1992]). — 123, [5] с.: ил.; 20 х 12,5 см. — (В ил. цв. обл.). — 50 000 экз. На обложке приведена также цитата из предисловия к изданию (Париж, 1975): «Книга фантом..., сказки не для печати». В книге указано неточно: «Предисловие А. Н. Афанасьева ко второму изданию». В примечании к этому предисловию издатели вполне серьезно утверждают, что «автор имеет в виду вольную типографию «монашествующей братии» острова Валаам, обитатели которой славились своей смелостью и независимостью, где и *была отпечатана настоящая*

[1] Информация о выпуске в свет: Книжное обозрение [Далее — «КО»]. 1992. 3 января. (№ 1); Независимая газета. 1992. 10 января; «КО» 1992. 24 апреля (№ 17) (доп. тир.); Книжная летопись [Далее — «КЛ»]. 1992. № 29 и 30 (доп. тир.). Номера подп. к печати 22 и 29 июня.

книга» (с. 6). Примеры купирования: х...й, п...да, е...и, е...нуть, но: жопа. Порядок сказок не соответствует второму изданию (книга начинается сказкой «Нет» и заканчивается «Раззадоренной барыней»). В книге воспроизводятся иллюстрации Нины Волковой (8 ил. в тексте на всю страницу, 2 ил. на обложках, в 77 сказках используются инициалы (ок. 25 видов). Примечания: с. 120 — 124. По «КО» книга вышла в свет 17 апреля 1992 г. (Обьявление о подписке в «Литературной газете» 30 октября 1991 г.). По «КЛ». 1992. № 29 (Вместе с изд. № 1).

3. Афанасьев А. Н.

Русские заветные сказки: [Предисловие и 71 сказка без подстрочных вариантов, с купюрами, с редакторскими изменениями по тексту № 1 — 16, 20 — 55, 58 — 60, 62 — 65, 68 — 77, 18, 19 репринтного воспроизведения второго издания (Париж, 1975)] / А. Н. Афанасьев; [Предисловие, подписанное: «Филобибл»; [Автор послесловия] «Запоздалое возвращение», примечаний и указателя типов сказок по СУС (с. 149 — 157) Ф. С. Капица; Ред. И. Тимофеев; Худож. П. Барабаринский]. М.: Миф: [МП «Ирбис»: при участии фирмы «Greentrading»], 1991 (Можайск: Полиграфкомбинат, [март 1992]). — 155, [5] с.: [43] ил. лубок [по изд. Д. А. Ровинского]; 20,5 х 14 (наб. 16,5 х 11) см. — В кн. также: Эротика в великорусской народной сказке (с. 140 — 148) / Никифоров А. И. по тексту изд.: Художественный фольклор. М., 1929. № IV/V. С. 120 — 127. — Библиогр. в послесл. и примеч.: с. 155 (7 + 11 назв.). — (В цв. обл.) — 100 000 экз. на клею. На титульном листе имеется также эпиграф ко второму изданию. Текст подвергся редакторской правке, изобилует многочисленными пропусками и заменами. Так, в первой сказке «Лиса и Заяц» выявлено двенадцать случаев разночтения со вторым изданием (пропущены: «заяц», «в ноздрях»; вместо «еть», «еб», набраны «...бать», «...бал». В сказке № 11 пропущена строка из шести слов и т. д. Исключены № 17, 56, 57, 61, 66, 67 (на с. 154 перечень исключенного неточен). Опущены все подстрочные варианты. «Непристойные слова и вражения [*так!*] печатаются с сохранением заключительных слогов и окончаний». (Примеры: ...уй, ...зда, ...бал, ...б, от...б, ...бли, про...бли, за...бли, ...лядь, ...лядовать, но: блядский сын, жопа, говно, пердеть, срать.). К сказкам № 5 и 6 присоединены их начальные части (№ 48 и 66) основного собрания. В предисловии использованы переводы иностранных слов из издания: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1984. Т. I. С. 290 — 293, в то же время опущены три примечания, вместо перевода цитаты из Schade «...die damals...» дан перевод другой цитаты, пропущенной в этом издании. По «КО» книга вышла в свет 13 марта 1992 г. По «КЛ» 1992. № 21 (подп. к печати 27.04).

4. Афанасьев А. Н.

Русские заветные сказки А. Н. Афанасьева: [Фольклорный сб.]: [31 ненумерованная сказка, без подстрочных вариантов, без купюр, по тексту № 1 — 9, 12, 15, 25, 27, 29 — 32а, 33, 40, 46, 47, 51, 54, 56а, 57, 60, 67, 70, 71а, 72, 69 второго издания «РЗС»] / [Составитель А. Н. Афанасьев; [Авторы вступ. ст. [с. 3 — 5] и коммент.] О. Овчинникова, С. Адоньева]. — [Рига: Ирис, конец 1991 — начало 1992]. — 64 с.: [33] ил.; 20 х 14,5 (набрано кеглем 8 — 16 х 10) см. — (В ил. обл.). — 100 000 экз. На обложке также указано: 1857 — 1862. — На обороте титульного листа: повторение сказки [«Пизда и жопа»] по рукописному тексту, выполненному художником; заглавие; вид издания; составитель; выпускные данные (подп. в печать 24.09.1991). Во вступительной статье оговаривается: «...не вошли тексты, принадлежащие к несказочному фольклору, а также сказки, изданные (...с купюрами...) в "Народных русских сказках"...». В комментарии даны индексы сюжетов по СУС и АА. Вступительная статья написана на профессиональном уровне. Редакторская правка незначительна. В тексте в начале сказок помещены 31 иллюстрация (18 видов) и 2 иллюстрации на обложке и титульном листе. Названия сказок и заглавий — рисованными буквами и в красную краску. Художник не указан. Выходные данные установлены по обороту титульного листа и обложке.

В продаже в Москве на «лотках» с января 1992 г.

5. [Афанасьев А. Н.]

[Из «Русских заветных сказок»: 8 сказок без купюр по тексту № 15, 29, 30, 6, 31, 40, 51, 67 издания: Русские заветные сказки А. Н. Афанасьева: [31 сказка]. 64 с.] / [Рис. Г. Казбекова] // Эрос: Sex-clasic: Для ценителей народных эротических сказок: только для взрослых. — Рига: Фортуна, [осень 1992]. Специальный выпуск [после № 7]. С. 3 — 7, 10 — 15: [7] ил.; 22 х 15 см. — (Библиотечка серии «Я + ТЫ»: [Приложение к газете «Фортуна»]).

На с. 2: Бессмертных Л. Нецензурные сюжеты [отрывок из статьи в журнале «Эрос». 1991. № 1. с. 18 — 19].

6. Афанасьев А. Н.

РУССКІЯ ЗАВѢТНЫЯ СКАЗКИ: [Предисловие и LXXVII сказок без купюр, с редакторскими изменениями по текстам репринтного воспроизведения второго издания (Париж, 1975) и издания: М.: Московский книжный двор, 1992] / А. Н. Афанасьева; Рисунки Виталия Стацинского; [«Предисловие к "Русским заветным сказкам" Филобибл[а]; Иллюстрации и худож. оформл. В. Стацинского; Макет Т. Зверевой; Ред.: Е. Грачева и Т. Мазепова]. — М.: Мирт; Париж:

А.Н. АФАНАСЬЕВ

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

"Молим со умилением,
аще как неблагоискусна словеса
и неблагостройна или поползновенна
некая погрешения в книзе сей
обрящутся, не посуждати,
ни поносити, люботруждьщимся..."

Анфологион — 1643

«МИФ»
Москва, 1991

Русь, [сентябрь] 1992 (Можайск: Полиграфкомбинат). — XIV, 1 — 404, [2], XVII — LVI, 461 — 463, [I] [= 464] с.: [77] ил. с рукописным текстом В. Стацинского на тонированной желтым бумаге, [87] инициалов, виньеток (его же), [99] ч/б. ил. других художников, 1 ил. портр. автора; 24,5 x 16,5 см. (наб. основного текста: 13 x 8 см.; предисловия и статьи: 10 x 11 см). В книге также: Об изданиях «Русских заветных сказок» А. Н. Афанасьева: (История. Гипотезы. Открытия) [с. XVII — XLV] / Л. В. Бессмертных; Все в меру, или Запретный плод всегда соблазнителен... [с. XLVII — LVI] / В. Стацинский. — (В пер.: № I — 3000 бумвинил 4-х сортов (коричневый, красный), остальные — красный коленкор). — 30 000 экз. (нумерация от руки рубрикатором на обороте титульного листа). — На пер.: РУССКІЯ ЗАВѢТНЫЯ СКАЗКИ. Contes secrets russes. На титульном листе и переплете заглавие рисованными буквами. — Шрифт гарнитуры «Полуустав». На обороте титульного листа: «"Русские заветные сказки" из собрания А. Н. Афанасьева с иллюстрациями В. Стацинского открывают коллекцию изданий русской и мировой классики, проиллюстрированную ведущими художниками России и Русского зарубежья. В оформлении книги использованы гравюры, рисунки, фотографии русских и зарубежных художников. Данное издание предназначено для любителей и собирателей редкой книги».

Текст подвергся значительной редакторской правке и в качестве «образца», к сожалению, было избрано издание (М.: Московский книжный двор, 1992), изобилующее многочисленными ошибками. Мы провели сплошную сверку текстов и насчитали около 170 случаев заимствования или «странного» совпадения с этой книгой различного рода несуразиц, которые отсутствуют во втором издании «РЗС». Так, «перекочевала» из сказки № 46 фраза «А поп спрашивает», которой нет у Афанасьева. В предисловии использованы переводы иностранных слов по изданию: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1984. Т. I. С. 290 — 293, кроме двух случаев. Слово «Schmähschriften» переведено в издании (М., 1984) как «поносные сочинения», в издании «Мирт» (с пропуском в этом слове буквы «h») как «победоносные сочинения», все эти вариации вызывают лишь удивление, поскольку в общедоступном «Немецко-русском словаре» имеется его точный перевод — «пасквиль, памфлет». Вариант к первой сказке «Меж развилинами берез» (второе издание: «развалинами») восстановлен сверкой по первому изданию «РЗС». Издание подготовлено при участии фирмы «Сакоп» (г. Самара). Сдано в набор 8.01.1992 г., подписано в печать 27.05.1992 г. Информация до выхода в газетах «Коммерсант» (1991. № 49), «Советская культура» (1991. 26 октября), «КО» (1992. 21 февраля), «Независимая газета» (1992. 9 июля), «КО» (1992. 24 июля; 21 августа; 28 августа; 11 сентября). Сигналь-

ные экз. поступили в Книжную палату 17 сентября 1992 г. В «КО» в еженедельных списках не указана. В «КЛ» 1992. № 44. С. 47 (№ 28212) (номер подписан в печать 12-октября 1992 г.). Презентация 18.09.92 г. Отклики в газетах за 22.09.92 г. («Куранты», «Вечерний клуб», «Российская газета»). Реклама о продаже («КО» от 30.10.92). 26 октября 1992 г. состоялся аукцион первых 12-ти экземпляров. Экз. № 1 «ушел» за 15 000 при стартовой цене в 3000 рублей и продажной цене в магазине 800 рублей. «КО» устами А. Столичного нарекло это издание «уникальным» («КО» 1995. № 9. С. 13). Издательство «Мирт» известило о том, что «Пушкинский дом (Институт русской литературы) подписал с издательством "Мирт" договор о передаче этой фирме исключительных прав на публикацию первого полного собрания "Русских заветных сказок", составленного А. Н. Афанасьевым» («КО» 1993. 21 мая).

7. Афанасьев А. Н.

Русские заветные сказки: Только для взрослых!!! Только для мужчин!!!: [Предисловие и 77 сказок, без купюр, с редакторскими изменениями по тексту второго издания] / А. Н. Афанасьев; [Сост., предисл. «А. Н. Афанасьев и его сказки заветные» (с. 5—12), примеч., словарь Ю. Г. Круглова; «Предисловие»[, подписанное]: Филобибл; худож. В. Я. Цеслер]. — Минск: Белорусско-австралийское агентство «Дайджест», [конец] 1992 (Каунас: Тип. «Спиндулис»). — 250, [6] с.; 20,5 х 13 (наб. 14,5 х 8,5) см. — (В ил. переплете под пленкой). — 150 000 экз.

В сравнении с предыдущими изданиями текст имеет меньше разночтений со вторым изданием. В сказке № 21 разночтения выявлены в восьми случаях. Предисловие печатается по изданию: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1985. Т. III, с ошибками последнего. Тексты, обозначенные буквами «б», «в», все подстрочные варианты и примечания собраны в разделе: «Примечания А. Н. Афанасьева» (с. 211 — 244), часть примечаний Афанасьева попала в раздел: «Примечания Ю. Г. Круглова» (с. 245 — 249). Здесь же приведено начало сказок № 5 и 6 (по основному собранию № 48 и 66). В предисловии Ю. Г. Круглов пишет: «Сборник «Русские заветные сказки» не был издан в России (а может, и издан, да только тайно, самиздатом)... Книга увидела свет, как помечено на титульном листе, в Женеве, а на обложке вместо указания года издания стояло всего лишь два слова: "Год мракобесия"...» В этом издании имеется контртитул, отдаленно напоминающий титульные листы первого и второго изданий. Текст в фигурной (13 видов) рамке. Форзацы цветные, 77 инициалов и все колонцифры в красную краску. На форзаце и авантитуле помещена реклама Ю. Круглова: «Впервые в стране Заветные сказки». «КЛ» выпуск в

свет этого издания не зафиксировала, в «КО» (1992 № 52) появилась лишь реклама о продаже.

8. [Афанасьев А. Н.]

[Заветные сказки собирателя Афанасьева]: [74 ненумерованные сказки без подстрочных вариантов, без предисловия, без купюр по тексту № I — IV, VI, VII, IX, X, XII — LXXVII изд. М.: Московский книжный двор, 1992] // Русский декамерон: [Сб. / Вступ. ст. «Стихия слова. (О русском мате)» (с. 5 — 14) Л. И. Скворцова]. — М.: ТОО «Пионер», [нач. 1993] (М.: Тип. № 2 ВО «Наука»). С. 29 — 198: [тексты в разделе: Вечер второй], 348 — 350: комментарии; 24 х 14,5 см. (наб. 16 х 10) см. — (В пер.) — 75 000 экз. — Автор и заглавие перед текстом не указаны, взяты из названия раздела. Дата изд. установлена по копирайту на обороте тит. листа. В текстах вопроизводятся все многочисленные ошибки, присущие изданию (М., 1992). В сказке «Поповская семья и батрак» (с. 109) повторена фраза «А поп спрашивает», отсутствующая у Афанасьева. По сравнению с изданием (М., 1992) тексты даны без купюр, но восстановление их очень своеобразно. Так, в первой сказке строка «Что тебя давече еб?» (второе издание) цензурирована в издании (М., 1992): «Что тебя давеча е...?» и превратилась в этом издании в строку «Что тебя давеча ебал?» В комментариях приводятся также недостоверные сведения: «им он [Афанасьев] и передал рукопись «Заветных сказок» (надо отметить, что название закрепилось за сборником только после выхода его второго издания <...>)» (с. 348); «Первоначальное название сборника, вышедшего в Женеве в 1872(?) г., "Народные сказки не для печати". В 1878 г. книга была переиздана там же — под названием, которое закрепилось за ней окончательно. В 1975 г. в Берлине было осуществлено репринтное издание книги» (с. 349). Здесь же вполне серьезно сообщается, что «до нас не дошла авторская рукопись (или хотя бы один из ее вариантов), и кого-то еще ждет громкая слава ее первооткрывателя» (с. 349). Составитель сборника и комментатор не указаны. О продаже книги по «КО» от 30 апреля 1993 г.

Для справки отметим, что в сборник «Русский декамерон» включены 110 пословиц и изречений (из них 17 эротического и 24 скатологического характера), выбранные из «Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля» (3-е изд., 1903 — 1911 гг.) и других источников (с. 335 — 342: В. И. Даль [Материалы из «Толкового словаря живого великорусского языка»]; с. 358 — 359: комментарии).

9. Афанасьев А. Н.

Русские заветные сказки: [Предисловие и 77 ненумерованных сказок без купюр по тексту издания: М.: Мирт; Париж: Русь, 1992] /

РУССКІЯ ЗАВѢТНЫЯ СКАЗКИ

ВАЛААМЪ

Годъ мракобѣсия

А. Н. АФАНАСЬЕВ

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ!!!

ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН!!!

БЕЛОРУССКО-
АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО
"ДАЙДЖЕСТ"
МИНСК
1992

А. Н. Афанасьев; [«Предисловие Филобибла»; [Автор] «Послесловия» (с. 325—331) И. И. Земцовский; Иллюстрации и худож. оформл. С. Лопуховой]. — СПб.: ТОО «Бланка»: АО «Бояныч», 1994 (СПб.: ГП «Техкнига»). — 334, [2] с.: [40] оранж. ил., 1 ил. портр. автора; 24 x 17 (наб. 18 x 12,5) см. — (Bibliotheca Erotica / [Руковод. проекта А. Карпович]). — (В пер.). — 35 000 экз. — К сожалению, в книге воспроизводятся заимствованные из предыдущего издания «Мирта» все 170 разночтений со вторым изданием, которые в свою очередь перешли из издания «Московского книжного двора». Так фраза «А поп спрашивает» из сказки № 46, здесь конечно же напечатана. Даже шрифт гарнитуры «Полуустав» такой же, как и в издании «Мирта». Предисловие также печатается по изданию «Мирта» с пропуском одного примечания. В книге помимо 40 илл. под лубок в оранжевую краску, этой же краской напечатаны: заглавие, автор на тит. листе, названия сказок, 77 инициалов, 41 концовка и виньетки; форзацы также цветные. По «КЛ» 1994. № 34.

10. Афанасьев А. Н.

Заветные сказки: [Предисловие и LXXVII сказок без купюр с редакторскими изменениями по тексту второго издания «РЗС»] / [Предисловие, подписанное]: Филобибл; Комментарии [Л. В. Бессмертных.] «Новые факты об изданиях "Русских заветных сказок" А. Н. Афанасьева» // Русский Эрос. Баня: [Сборник эротической прозы и поэзии / Гл. ред. Л. А. Мезинов; Худож. оформл. Г. Комаров]. — М.: Мистер Икс, [декабрь] 1994 (Можайск: Полиграфкомбинат). — С. 10 — 153: [3] ил. (лубок): [тексты сказок], 402 — 405: комментарии; 21,5 x 14,5 (наб. 17,5 x 11) см. — (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика; [Т. 4]). — (В пер.). — 50 000 экз. — На переплете: «Секс-пир. Баня». На корешке: «Русский эрос». Автор указан в оглавлении книги. Несмотря на заверения главного редактора о том, что текст печатается по «первому женевскому изданию», в действительности набор производился по второму изданию «РЗС» с редакторскими изменениями. Так, в первой сказке «Лиса и заяц» выявлено десять случаев разночтения с первым и вторым изданиями. Вариант «Меж развалинами...» имеется только во втором издании. Во второй строке предисловия оказалось сразу три разночтения и т. д. Выпуск в свет по «КО» от 6 января 1995 г., по «КЛ» 1995. № 20 (подп. в печ. 24.04.95). Рец.: Лунев Д. Заветные сказки... // Новое литературное обозрение. № 19 (1996). С. 353 — 355 (рец. на сборник в целом).

11. Афанасьев А. [Н].

Заветные сказки: [16 ненумерованных сказок без подстрочных вариантов, без купюр по тексту сказок № 9, 7, 12, 31, 3, 16,

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

в который
читатель с помощью бутырской
радиостанции услышит
заветные сказки собирателя Афанасьева.

Шмуцтитул из издания
«Русский декамерон»

28, 29, 37, 17 (в — д), 15, 47, 60, 33, 20, 23 издания (М.: Московский книжный двор, 1992) и] «Фрагмент предисловия к изданию 1872 г. (Женева)» // Русский мат: Антология: Для специалистов-филологов / [Под ред. Ф. И. Ильясова; Сост. В. Л. Гершуни, Ф. Н. Ильясов.]. — М.: «Издательский дом Лада М», [конец] 1994 (М.: Тип. № 5). — С. 142 — 162; 20 х 13 (наб. 16 х 10) см. — (В пер.). — 30 000 экз. По «КО» от 10 янв. 1995 г.

Укажем также на статью:

12. Ерофеев Виктор. Морфология русского народного секса (Заветные сказки) // Ерофеев Виктор. В лабиринте проклятых вопросов: Эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 251 — 278. — [(Собрание сочинений; Т. 2)]. — В эссе обильно цитируются сказки, «оснащенные» обсценной лексикой.

В «Летописи рецензий» за 1992 — 1995 гг. не зафиксировано ни одной рецензии на вышедшие издания «РЗС».

Из сравнения и анализа вышедших в 1991 — 1994 гг. изданий «РЗС» напрашивается далеко не утешительный вывод: все они содержат пропуски слов и необоснованные редакторские «осовременивания». Тексты набирались по второму изданию «РЗС», а то, в свою очередь, с небольшими исправлениями в орфографии печаталось по первому изданию «РЗС», текст которого восходит к *неисправной* копии с рукописи Афанасьева. Остается предположить, что после публикации в настоящем издании критического текста, поток «суррогатных» изданий, подобных описанным выше, прекратится.

Известны следующие переводы «РЗС» на французский язык:

1. Contes secrets. Traduits du russe / Préface de l'auteur [подписано]: Bibliophile // KPYΠTÁΔIA: Recueil de documents pour servir à l'étude des traditions populaires: [В 12 т.] / [Avis du comité de direction du recueil des KPYΠTÁΔIA]. — Heilbronn [Wurtemberg]: [M. M.] Henninger frères, éd., 1883 (Impr. à Darmstadt). — Vol. I. — P. 1 — 290: [тексты], 291 — 292: Anmerkungen zu den contes secrets traduits du russe; 16,5 х 10,5 (набрано кеглем 8 — 10 х 6) см. — (В пер.). — Тираж 210 нумерованных экземпляров. Перевод по тексту 76 сказок первого издания (№ I — XVI, XVIII — LXXVII), текст № XVII «Прибаутки» не переведен. Примеры купирования (р..., с.., f..., f....., m...., sh.., ch.., но : cul). На р. 291 — 292 даны примечания к сказкам № 1, 7, 26, 32, 35, 43, 45, 46, 48, 49, 53, 65 с указанием аналогичных сюжетов по нем., фр., норв., итал. и др. источникам. В тексте к № VIII и LXXII приведены аналоги из французского фольклора. В предисловии издателей к сборнику в целом дана характеристика «РЗС» (р. X — XII).

2. Contes secrets russes (Rousskiia zavetnia skazki) / Traduction complete; [Avertissement du traducteur]. — Paris: I. Liseux, ed., 1891. — XIII, [3], 253, [3] p.; 20 x 12,5 см. — (В обл.) — Тираж 220 нумерованных экземпляров. Не переведено предисловие Филобибла и № 17 «Прибаутки». Французские слова vit, con, foutre набраны буквами греческого алфавита. В предисловии переводчика сообщается о наличии в Парижской Национальной библиотеке первого издания «РЗС».

3. Contes secrets russes (Rousskiia zavetniia skazki) / Introduction et notes par B. de Villeneuve. — Paris: Bibliothéque des Curieux, MCMXII. — [4], XII, 281, [I] p.; 22,5 x 14 см. — (Les maitres de l'amour). — (В обл.). — На титульном листе над заглавием указано: «L'oeuvre libertine les conteurs russes». — Не переведены № 17 «Прибаутки». Примеры купирования (v.t, c.n, f...e). В тексте к 18 сказкам имеются примечания французского издателя об аналогах сюжетов в фольклоре других народов.

Переводы на другие языки «РЗС» в XIX в. — первой половине XX в. нам неизвестны.

4. *[Afanasjev A. N.]* Zaveštani tetreb. Priče iz ruske skrivnice. Beograd, 1982.

5. *Afanas'ev A. N.* Fiabe russe proibite / A cure di Pia Pera. Milano, 1990.

6. Ryska erotiska folksager / Samlade av Aleksander Afanasiev; Översâttning frän ryska av Stefan Lindgren; med illustrationer av Svenolov Ehren. — Stockholm: Fabel förlag, [1993]. — 238 s.: [15] ill.; 22,5 x 15 см. (В ил. обл.). — На с. 9 — 10 дано предисловие переводчика.

Автор выражает сердечную признательность сотруднику бывшего отдела спецхрана РГБ Людмиле Михайловне Степанович за возможность ознакомления с некоторыми изданиями.

Л. В. Бессмертных

Список сокращений

БИМЛ — Библиотека Института марксизма-ленинизма (Ныне Гос. общественно-политическая библиотека)
ГИМ — Гос. Исторический музей
ГЛМ — Гос. Литературный музей
ГПИБ — Гос. Публичная историческая библиотека РФ
РГАЛИ — Рос. гос. архив литературы и искусства
РГБ — Рос. гос. б-ка (б. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина)
РНБ — Рос. национальная б-ка (б. Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

Комментарии

ПРИМЕЧАНИЯ

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Задача комментария — показать место «заветных» сказок в мировом и отечественном фольклоре и дать краткие характеристики их сюжетов. В комментариях приводятся пометы Афанасьева в рукописи, указывающие на место записи текстов и параллели.

Сюжеты определяются по двум основным указателям — Аарне-Томпсона и сравнительному указателю сюжетов восточнославянских сказок. Используются следующие сокращения:

АА — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Азадовский — Народные сказки о боге, святых и попах. Русские, украинские и белорусские. Сост. М. К. Азадовский. М., 1963.

АМ — *Arājs K., Medne A.* Latviešu pāsāku tipu rāditājs. (*Арайс К., Медне А.* Указатель типов латышских народных сказок. Рига, 1977.)

АТ — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen Translated and Enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1964.

ВСС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. ст. и комментарии И. В. Карнауховой. М.; Л., 1934.

Кш — *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Tt. 1; 2. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1963.

Ончуков — Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.

ТМ — *Thompson St.* Motif-Index of Folk Literature. V. 1 — 6. Bloomington; Indiana, 1955 — 1958.

Ссылки на «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, называемые «основным собранием», даются по изданию 1984 — 1985 годов (издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков).

(1)[1]

1
ЛИСА И ЗАЯЦ
AT 36

Персонажи этой популярной сказки варьируются: заяц — лиса, лис — волчица, лис — медведица. Сюжет вошел в средневековый «Роман о Лисе». Он имеет широкое хождение и в современном фольклоре, но в публикациях нередко подвергается «моральной цензуре»: заяц попросту побил застрявшую лису, отъел у нее сзади кусок мяса. В европейских вариантах заяц обычно переодевается и лиса не может его узнать. На Востоке этот мотив отсутствует, и обесчещенная медведица преследует человека, ставшего невольным свидетелем ее позора. Известна сказка и в Африке.

(2)

2
ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА
ВСС — 233 Д*

Сюжет описан только в ВСС по единственному, афанасьевскому, варианту.

(3)

3
МЕДВЕДЬ И БАБА
ВСС — 152 С*

Сюжет встречается лишь в указателе ВСС, где описан по единственному, афанасьевскому, варианту. Мотив зайца, напуганного бабой, пока медведь ходит за лекарством, есть в польских сказках (Кш 153).

(4)

4
ВОЛК
AT 166 A*

Сюжет наиболее распространен в латышском фольклоре (в AT и отмечены только латышские варианты), где волк пугает овец, просунув хвост в окошко. По одному варианту — русских и белорусов.

(5)

5
МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА И СЛЕПЕНЬ
AT 152 B*

Повсеместно известная в Европе сказка обычно печатается в отредактированном виде (и в каталоге эта искусственная версия отно-

[1] Слева в скобках дается нумерация сказок по рукописи.

сится к типу AT 152: тот же сюжет без эротических подробностей). Так случилось и у Афанасьева: основной текст был напечатан в «Народных русских сказках» (№ 48), а окончание попало в «Заветные сказки», причем Афанасьев дал понять о развязке, сославшись на басню В. Майкова, где сюжет изложен полностью (см.: *Майков В.* Избранные произведения. М.; Л., 1966, № 43). Украинские варианты были напечатаны В. Гнатюком за рубежом. К названию имеется подстрочное примечание Афанасьева: «Начало сказки смотри в печатн. издании "Народн. рус. сказок". Вып. 4. № 19».

Первая строка в рукописи подчеркнута, и ею оканчивается сказка, включенная Афанасьевым в издание 1858 года.

(6) **6**

КОТ И ЛИСА
AT 103 A

Сказка о коте, прогнанном в лес, где он стал жить с лисой и напугал медведя и волка, знакома в Европе повсеместно, но особенно популярна она у восточных славян и на Кавказе. В «заветной» сказке разрабатывается лишь один ее эпизод, остающийся обычно в тени: кот — муж лисы — и традиционное «мяу-мяу» («мало-мало»), которого пугаются волк и медведь, здесь истолковано по-своему. К названию имеется подстрочное примечание Афанасьева: «Вариант к сказке, напечатанной в 4 вып. № 23».

Печатный вариант впервые опубликован в 1858 г., в современных переизданиях дан под № 41.

(7) **7**

ВОШЬ И БЛОХА
ВСС — 113 C**

В ВСС отмечен единственный русский вариант, но, судя по его описанию, составителям знакомы и другие (вместо вши и блохи выступают мышь и жаба). К названию имеется подстрочное примеч. Афанасьева: «Эта сказка записана мною в Воронежской губернии».

(11) **8**

СОБАКА И ДЯТЕЛ
AT 248

Известная многим европейским народам сказка о мести дятла (воробья, дрозда) за смерть своего друга-собаки включает множество способов досадить мужику, вплоть до его смерти. Комментируемый эпизод — окончание текста № 66 из «Народных русских сказок».

К названию имеется подстрочное примеч. Афанасьева: «Начало сказки смотри в выпуске 4, № 25, а». (М., 1858.)

(8) **9**

ПИЗДА И ЖОПА

ВСС — 299**

Тема спора-диалога частей тела с выяснением того, кто из них важнее, имеет глубокие исторические корни: она восходит к шумерским басням. Спор живота или головы с другими частями тела о приоритете стал предметом серьезных басен, имевших хождение в античности и средние века. Русская «заветная» сказка явно пародирует эту затухающую традицию. В ВСС указан единственный, «женевский», вариант этой сказки.

В 1-м и 2-м изданиях «Русских заветных сказок» подстрочного варианта нет.

(9) **10**

МОЙ ЖОПУ

ВСС — 1405 B**

Единственный вариант этого типа. К названию имеется подстрочное примеч. Афанасьева: «Доставлена [Начато и зачеркнуто: Из] мне П. И. Якушкиным, записана им в Малоархангельском уезде».

(10) **11**

ХУДО — НЕ ХУДО

АТ 1702 C*

Печатный вариант этой сказки (основное собрание, № 413) имеет прямые соответствия с «заветным». Действие обычно связывается с г. Ростовом и сюжетно соотнесено с типом АТ 1931 (формулировка русской версии — «Как дела в Ростове?») — одной из небылиц (см. № 415). Особенности комментируемого варианта — разработка лишь второй части сюжета (в первой насмешник отвечает на вопросы: «Велика ли ярмарка?» — «Не мерял» и т. п.). Нет здесь и традиционной для этого сюжета связки с типом АТ 2014 A («Хорошо, да худо»). Но сохраняется характерная для сюжета игра рифмами (ср. Карнаухова, № 150: «медведь — глаза те раздереть», «крот — а тебе в рот»). В АТ лишь русские варианты этого сюжета. ВСС показывает, что не менее известны были они на Украине и в Белоруссии. К названию имеется подстрочное примеч. Афанасьева: «Доставлена Якушкиным и записана им там же. Здесь приведены места, не вошедшие в печатный текст. (См. выпуск 3, № 25, b.)»

Слова сказки, вошедшие в печатные издания, подчеркнуты. Афанасьев отсылает к изданию 1858 года, в современных переизданиях сказка дается под № 413.

(12) **12**

ДУРЕНЬ
АТ 1395*

В АТ — единственная сказка из Прибалтики. В русском фольклоре соответствия не отмечены, и афанасьевский текст остается единственным.

(13) **13**

ЩУЧЬЯ ГОЛОВА
ВСС — 1425***

Единственный зафиксированный вариант, по которому описан сюжет, первая его часть. Вторая часть в описание не попала, хотя подобный сюжет — о разговоре зятя с тещей — в восточнославянских сказках есть (ВСС — 1696 В**; см. здесь № 60).

(14) **14**

ЖЕНИТЬБА ДУРНЯ
(АТ 1678) + АТ 1425

Известная в Европе сказка о парне, никогда не видевшем женщин (АТ 1678), в восточнославянском фольклоре не отмечена. В основной версии парень, попав в город, впервые увидел девушек и спросил у отца, кто это такие, — дьяволы. Потом говорит, что больше всего в городе ему понравились дьяволы. Комментируемая сказка может быть отнесена к этому типу условно. Сюжет АТ 1425: соблазнение с помощью иносказаний — часто встречается во многих текстах, вошедших в «Заветные сказки». В западноевропейской традиции женщина предлагает загнать дьявола в ад (французские сказки, итальянские новеллы), в русских сказках — напоить коня и т. п. Нередко парень притворяется при этом, что отроду не видел женщин (см. здесь сказки № 34, 132).

(15) **15**

БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА
АТ 1543*

Сказка о глупой жене, дающей мужу денег, чтобы купить недостающий член, отмечена в Прибалтике. В указатель ВСС этот сюжет не попал, и русских его вариантов нет.

(16) **16**

ГОРЯЧИЙ КЛЯП

ВСС — 1425*

Описан в ВСС по единственному варианту.

(19) **17**

СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

—

Сюжет в указателе не отмечен.

(20) **18**

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

—

Сюжет в указателе не отмечен. В названии слово «первое» надписано позднее.

(21) **19**

МУЖИКИ И БАРИН

ВСС — 1689**

Единственный русский вариант, не отмеченный в АТ.

(22) **20**

ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

АТ 1445*

В АТ — только эстонские варианты. Известен и в Латвии (АМ 1445* — месить до тех пор, пока на челе не выступит пот, с игрой слов: чело — лицо и чело у печки; в русском варианте этот смысл потерян). Кроме «женевского» русского, есть и украинские варианты.

(23) **21**

НЕТ

АТ 853 А (=ВСС — 1418 А*)

Сюжет известен в разных странах Европы, но публикаций этой сказки мало. Русская версия, получившая в ВСС особый номер, потеряла новеллистическое звучание: вместо западноевропейской принцессы — барыня себе на уме, а умного претендента на руку принцессы сменил мазурик-офицер. Вариант Афанасьева — единственный у русских.

(24) **22**

МУЖ НА ЯЙЦАХ

ВСС — 1370*

Единственный русский вариант сказки, отдаленно напоминающий сюжет AT 1408 — «Муж выполняет работу жены» (см. здесь № 25).

(26) **23**

ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

AT 1133 (ср. AT 153)

В ВСС этот текст ошибочно отнесен к типу AT 1178* («Зализать рану женщины»). Нередко человек холостит в этой сказке медведя, который хочет быть сильным, как конь (AT 153). Сказка хорошо известна всюду в Европе.

(27) **24**

МУЖИК И ЧЕРТ

AT 1091

Повсеместно известный в Европе сюжет. На Западе голая жена вываляна обычно в смоле и перьях, что и делает ее совершенно не виданным зверем. В восточнославянских вариантах голая женщина декорирована по-разному: и морковкой, и стеклышком-«глазом».

(28) **25**

МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

AT 1408

Сказка популярна во всех уголках Европы. Она часто включает известнейшие сюжеты о глупцах: во многих вариантах муж тащит корову пастись на крышу, упускает пиво, пока гоняется за собакой (AT 1387), и т. п. Сюжет хорошо знаком и восточнославянскому фольклору.

(29) **26**

ЖЕНА СЛЕПОГО

AT 1423 = ВСС — 1421*

Один из знаменитых в мировой повествовательной литературе сюжетов. Рассказ купца в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера, «Декамерон» Дж. Боккаччо (VII, 9), шванки и новеллы, «Тысяча и одна ночь» — вот неполный перечень его литературных воплощений. Русская версия этого сюжета («Чудесное окно») настолько отличается от общеевропейской, что составители ВСС присвоили классической сказ-

ке особый номер. Между тем афанасьевская сказка представляет именно классическую версию, только вместо западноевропейской груши действие происходит на русской яблоньке. В конце сказки имеется помета Афанасьева, вставленная позднее: «(Сличи с былиною о Царе Соломоне в песнях Рыбинскаго, ч. 2. стр. 306—307)». В рукописи ошибочно. (См.: *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1862. Ч. 2. С. 306—307. Цензурн. разреш. от 22 мая 1862 г.)

(30) **27**

ТЕТЕРЕВ
AT 1731

В западноевропейских вариантах этого сюжета речь идет о парне, соблазняющем попадью и поповну (персонажи другие!), желающих получить башмачки. Другая версия сюжета — мужик «продает» попадье корову, вымогая затем золото за молчание. Сказка известна в Северной Европе. Наиболее близкий афанасьевскому вариант — Ончуков 259.

(31) **28**

АРХИРЕЙСКОЙ ОТВЕТ
BCC — 1833 L*

Варианты не отмечены.

(32) **29**

ПОСЕВ ХУЕВ
BCC — 750 B*

Сказка пародирует легендарный сюжет, отмеченный на Украине и в Белоруссии: один мужик отвечает страннику почтительно — получает хороший урожай, другой — грубо, за что наказан неурожаем. Варианты этой эротической фантазии нам не встречались.

(33(a, b)) **30**

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО (а — б)
AT 1543*

Мастерская разработка сюжета, не включенного в BCC и отмеченного в Прибалтике, Финляндии, Чехии: глупая жена дает мужу деньги, чтобы он приобрел себе подходящий член. Афанасьевский материал показывает, что это популярнейшая у русских эротическая сказка, где богато варьируются комические ситуации, в которые попадают любвеобильные женщины. В рукописи вариант «Жил-был

Иван...» в сказке «а» Афанасьев записал вначале как вариант сказки «b» (сноска к слову «к себе»), но затем эту сноску зачеркнул, посчитав этот вариант еще одной разновидностью сказки «а».

(34) **31**

РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ
AT 850

Популярнейшая сказка о «приметах» царевны повествует о том, как герой получает в жены царевну, заставляя ее раздеваться в обмен на диковинки и узнав, где у нее родинка. Сюжет распространен по всей Европе, занесен в Америку, фиксировался в Турции, попал в литературу («Пентамерон» Базиле). Комментируемая сказка переводит новеллистическую тему в совершенно бытовой план.

(35) **32**

ПО-СОБАЧЬИ
—

Варианты этой «лакейской» сказки нам не известны.

(36) **33**

ДВЕ ЖЕНЫ
BCC — 1350**

Варианты не отмечены, хотя тема показной верности в фольклоре хорошо известна.

(37) **34**

СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ
AT 1545 B + AT 1425

Популярные эротические сюжеты, получающие разнообразную разработку. По причине неприличного содержания в печатные сборники попадали редко. Тем не менее первый сюжет — о парне, не знающем будто бы женщин и по-своему толкующем случку животных, — зарегистрирован повсюду в Прибалтике, Скандинавии. См. также комментарии к № 14.

(38) **35**

ДОБРОЙ ОТЕЦ
—

Сюжет в указателях не зарегистрирован, варианты не известны.
В рукописи Афанасьева после слова «казенке» стоит помета: «См.

словарь областной, стр. 77» — (См.: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Акад. наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852. С. 77).

(39) **36**

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП РОДИЛ ТЕЛЕНКА
AT 1775 + AT 1739 + AT 1537*

В сюжете AT 1775 обычно хозяин ест сено, засовывает руки в горшок и разбивает его о лысину старика. Он известен во многих странах Европы, Китае, Америке. У восточных славян записано более сорока его вариантов. Старейший литературный текст — немецкий шванк XVII века, первая русская публикация: *Хомяков Е.* Забавный рассказчик. М., 1791. Т. 1. С. 70 — 71. Афанасьев взял лубочную обработку этой сказки. Не менее популярен сюжет «Как поп телился» — всюду в Европе и Турции. Его старейшая литературная обработка принадлежит Бебелю (фацеция «Об одном монахе»). К XVII веку относится и шванк Г. Сакса «О монахе, который телился». Тогда же сюжет вошел в польский «Совизджал» — обработку народных анекдотов об Эйленшпигеле. Сюжет AT 1537* отмечен только в русском фольклорном материале. В указателе AT он изложен по литовским сказкам, имеющим совсем другое содержание (солдат отрезает ноги у мертвеца и подбрасывает их в дом богатого мужика, вымогая деньги). В конце текста имеется помета собирателя: «Записана в Вологодской губернии». В оглавлении рукописи: «Как поп родил теленка».

(40) **37**

ПОП И ЗАПАДНЯ
BCC — 1798**

Единственный вариант. Дальние соответствия есть в животном эпосе: лиса хочет испакостить капкан и попадает в него (AT 68⁺) — сказка, широко известная в украинском фольклоре.

(41) **38**

ПОП, ПОПАДЬЯ, ПОПОВНА И БАТРАК
AT 1545 B + AT 1425 + (AT 1000)

См. комментарий к № 14 и 34. В этом варианте есть дополнительный мотив, связанный с сюжетом AT 1000, — уговором не сердиться.

В рукописи подстрочный вариант «Вот батрак...» (л. 58) пере-

черкнут крест-накрест, и хотя вошел в первое издание, но, видимо, не предназначался для воспроизведения в будущем.

(42) **39**

ПОРОСЕНОК

ВСС — 1425*

Популярная у русских сказка, представляющая вариацию сюжета AT 1425 — «Загнать дьявола в ад» (см. комментарий к № 14).

В рукописи подстрочный вариант «У того попа...» перечеркнут крест-накрест, видимо, он не был предназначен для издания «Русские заветные сказки».

(43) **40**

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

ВСС — 1807 A***. Ср. AT 1743*

Варианты сюжета ВСС — 1807*** не отмечены. Однако его можно считать версией другого сюжета — AT 1743*: поп требует во время службы от женщины подарка, обещанного за совершенный грех, но она напоминает ему, что и сам он грешен в том же. Сказка записывалась в Литве и Югославии, а единственный русский вариант из ВСС — о девушке, не сдержавшейся в церкви во время службы и пообещавшей попу индюшку. См. здесь № 142.

(44 (a, b, c)) **41**

ПОП И МУЖИК (а — в)

AT 1726*; AT 1726* + AT 1563; AT 1726* + AT 1731

К сказке о том, как поп соблазнил жену мужика, здесь в вариантах присоединяются разные сюжеты. В AT указаны лишь финские варианты сюжета 1726* (он более соответствует нашей сказке AT 1726 A*, где мужик требует серьги как плату за молчание). Сюжет AT 1563 («Обеих?») очень популярен в обсценных сказках. Комментарий к нему — см. следующую сказку. Комментарий к типу AT 1731 — см. № 27. К сказке 41 «б» к словам «всех трех велел ему отделать» имеется примеч. Афанасьева: «Сличи с рассказами под № 45» (в наст. изд. № 42).

(45 (a, b)) **42**

ПОП И БАТРАК (а — б)

AT 1563 + AT 1361

Контаминация двух популярнейших сюжетов эротических сказок. Первый — «Обеих?» — всегда основан на ложном истолковании

разрешения, данного хозяином (в европейских сказках — иногда и великаном). Русские публикаторы стеснялись печатать эту широко известную у нас сказку. Сюжет обошел весь свет: его повсюду знают в Европе, в Америке — вплоть до фольклора индейцев. Встречается он и в литературных источниках: шванках XVI века, «Тысяче и одной ночи». Сказка о потопе тоже имеет широкую фольклорную и литературную известность, в том числе в восточнославянском фольклоре. Сюжет был обработан в XIV веке Дж. Чосером (рассказ мельника в «Кентерберийских рассказах»). Русская версия сохраняет основные черты чосеровского рассказа (вплоть до поцелуя в окно), но разрабатывает и новые, дополнительные мотивы, связанные прежде всего с цыганом. В то же время русская версия освобождается от мотива двух любовников, столь важного в повествовании Чосера, и обходится одним. Обсценные мотивы, связанные с пострадавшим любовником, подвергались редакции. Так, в сборнике И. Карнауховой, № 19, у дьячка, пришедшего к попадье, отрезано ухо. По этому поводу в рецензии на этот сборник А. И. Никифоров писал: «Все известные варианты этой сказки (и мои северные записи в том числе) дают образ ярко эротический. Его изначальность несомненна».

(46) **43**

ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

AT 1425

«Пить сласть» — редкая версия известного сюжета «Загнать дьявола в ад». См. комментарии к № 34 и 38.

(47) **44**

ЧЕСАЛКА

AT 1543 A* + (AT 1425)

В AT единственный вариант, русский (Ончуков, № 84). Несколько механически присоединяется здесь мотив «Загнать честность поглубже» (дальнее соответствие сюжету AT 1425 — см. комментарий к № 14). Условие наема работника (см. здесь и № 45) известно по немецким шванкам XVI века: оно встречается в «Ночной книжице» В. Шуманна. Мужик-косарь соблазняет дворянскую дочь и получает ее в жены (Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. С. 231).

В рукописи подстрочные варианты «В одном селе...» и «Ищет поповна...» перечеркнуты одной линией, возможно, не были предназначены для публикации. В оглавлении: «Чесалка (гладилка)».

(48) **45**

ЗАГОНИ ТЕПЛА
AT 1650 + AT 1425

Оригинальная контаминация известных сказочных сюжетов. См. комментарии к № 14 и 119.

...ни копейки. — К этой фразе примечание Афанасьева: «Сличи с № 47» (№ 44 наст. изд.).

(49 (a, b)) **46**

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ (*ИЛИ:* КОЗЛА) (а — б)
AT 1842

История этого знаменитого сюжета прослеживается с XIII века, со стихотворения Рютбефа. Он попал в фацеции и новеллы Поджо, Паули, Рея. Сказка о том, как собака была похоронена по мусульманскому обряду, вошла в роман А. Р. Лесажа о Жиль Блазе (рассказ дона Рафаэля о его похождениях на Востоке). В XVIII веке сюжет входит в русские печатные издания: «Письмовник» Н. Курганова и др. собрания. Иноземный характер сюжета в этих публикациях хорошо ощущался: речь шла о пасторе, похоронившем собаку, и о епископе, которому собака «завещала» деньги. Постепенно, однако, сюжет русифицируется: пастора и епископа сменяют мужик и поп с архиереем, в вариантах вместо собаки появляется козел. У восточных славян сказка довольно популярна. В рукописи вначале имелась сказка про кобеля под названием: «Похороны кобеля»; также она значилась и в оглавлении. Литера «а» проставлена не была. Чуть позже был обнаружен и вписан сюжет с козлом. Тексты стали обозначаться «а» и «b», в названии появилось добавление: «(или: козла)»; в оглавлении Афанасьев дополнил и записал название сказки более точно: «Похороны: а. кобеля. b. козла».

(50) **47**

СУД О КОРОВАХ
AT 1735; AT 1735 + BCC — 1743**

Известная европейская сказка появляется в литературных источниках начиная с XIII века и проходит сквозь средневековую литературу вплоть до Нового времени: французские фабльо, итальянские новеллы, немецкие шванки. Своеобразие русской версии — в дополнительном эпизоде с архиерейским судом. Комментаторы научного издания «Народных русских сказок» отмечают: «Своеобразно разработан эпизод свидания архиерея с игуменьей, разговор которых подслу-

шивает мужик, лежа под кроватью. Параллели к этому эпизоду в других сказках типа 1735 не отмечены» (т. 3, с. 427). Напротив, параллели отмечались, но сказки с этим эпизодом в печать не попадали. Так, Н. Юргин в 1926 году записывал сказки в Тверской губернии. Кратко сообщая о их содержании, он отмечает сказку о том, «как студент у архиерея места просил в попы» и подслушал разговор архиерея с «барышней», а также сказку «про попа, у которого пропала корова, и про мужика, подслушавшего разговор архиерея с „наложницей“» (см.: «Художественный фольклор». М., 1929 Т. IV — V. С. 139 — 140). Мотив этот вошел и в изложение сюжета в AT, так что он отнюдь не оригинален в русском фольклоре. В варианте появляется сюжет о мужике на исповеди, известный в русском и украинском фольклоре.

В рукописи сказка приведена с названием «Суд о коровах», но вначале было: Суд о корове.

(51) **48**

ЖАДНОЙ ПОП

ВСС — 1807* (ср. AT 1807)

Вариантов этой версии более известного сюжета AT 1807 нет. Сказка о том, как поп отпускает грехи обворовавшему его мужику, говорящему об этом иносказательно, известна преимущественно в Восточной Европе (кроме указанных в AT литовских, чешских, сербских и греческих вариантов, она включена в каталоги польских и латышских сказок).

(52) **49**

СМЕХ И ГОРЕ

ВСС — 1734**

Очень близкий вариант — Ончуков, № 137 — свидетельство устойчивости этого сюжета в русской фольклорной традиции. Начальный эпизод — показать смех и горе — встречается в разных сюжетах (см. здесь № 112). В комментируемой сказке он разработан комически.

(53a, 55, 53b, 53c, 148) **50**

ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ [а — д]

AT 1460*

«Цензурный» вариант сюжета о взаимных насмешках парня и девки есть в сборнике Ончукова (№ 144). Вариант из Прибалтики, отмеченный в AT, еще «безобиднее»: парень смеется над девкой, которая красится. В русском фольклоре сказка очень популярна.

В наст. изд. под № 50 «Чудесная мазь» (сюжеты: а, [б], в, г, [д]), объединены следующие сказки по рукописи: № 50 (а, в, г) = № «53. Чудесная мазь a, b, c»; № 50 [б] (Пастух) = № «55. Пастух»; № 50 [д] = № «148. Чудесная мазь (сравни с <№> 53 b)» (в наст. изд. № 50в). В рукописи к названию сказки № 55 «Пастух» имеется подстрочное примечание Афанасьева: «Сличи с № 53» (в наст. изд. № 50 (а, в, г)). В рукописи сказка № 148 (л. 319—320об.) помещена среди 8 сказок, сообщенных Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губ. (л. 316об.).

(54) **51**

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА
AT 570 + AT 1731

Сказка о заячьем пастухе имеет всемирную известность: она записывалась всюду в Европе, в Турции, в обеих Америках. Следы сюжета обнаруживаются уже в исландской саге XII века. Один из постоянных мотивов — попытка выторговать дудку — всегда имеет эротическое содержание: королева (принцесса) должна лечь с пастухом или поцеловать его. В отличие от основной версии, где финал сказки — женитьба пастуха на принцессе, в русской сказке акцентированы бытовые подробности «неприличного» содержания. Здесь эта сказка близка сюжету AT 1731 (см. комментарий к № 27). В рукописи справа от названия имеется позднейшая помета Афанасьева: «(См. Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 134 — 144)». (См.: *Wolf J. W.* Deutsche Hausmärchen. Göttingen, 1851.)

(143; к № 143) **52**

ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА
AT 850 + AT 592

Контаминация известных в русском фольклоре сюжетов. См. комментарий к № 31 и 85. В рукописи *начало* сказки записано между № 113 и 114 (л. 219об.—220 / арх. нум. 223об.—224) и имело сначала название: «(Вариант к № 54)» (в наст. изд. к № 51). Заканчивалось словами: «(Царевна соглашается и выходит за него замуж)». Обнаружив позднее *продолжение* сказки, Афанасьев записывает его после № 142 (на л. 278об.—279об./282об.—283об.), зачеркивает старое название и дает началу сказки новые номер и название: «143. Чудесная дудочка», исправляет первоначальное окончание на: «Царевна согласилась, дала ему разок = (см. 278)». Продолжение записывает под назв.: «К № 143» на л. 278об./282об. и начинает его словами: «= и заберемела». В оглавлении начало отдельно не записано, а указано как вариант: «54. Чудесная дудка. —

стр. 91 и [зачеркнуто: 219]». В оглавлении начало и продолжение записаны под: «143. Еще чудесная дудочка... стр. 219 и 278».

У Афанасьева сразу под названием имеется позднейшая помета: «Сличи с Westslawischen Märchenschatz von Wenzig, стр. 63 — 66».

(56) **53**

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА
ВСС — 1422*

В ВСС отмечен единственный вариант этого сюжета — именно этот. См. и другой здесь — № 107.

(57; К № 57) **54**

СОЛДАТ САМ СПИТ, А ХУЙ РАБОТАЕТ (а — б)
(АТ 1624*)

К типу АТ 1624 отнесены рассказы о ворах, застигнутых врасплох и говорящих, что сами не понимают, как это случилось. Самый близкий по смыслу афанасьевской сказке — о воре, который хотел перепрыгнуть через лошадь, но почему-то очутился верхом на ней (в АТ — четыре литовских варианта, в ВСС — единственный украинский). В рукописи сначала был записан 1-й сюжет (без обозначения буквой «а») под № 57 (л. 96/100). Второй сюжет был обнаружен позднее и записан после сказки № 59 следующим образом: «К № 57» (л. 98/102), о чем под названием сказки была сделана отсылка: «(см. стр. 98)». Обоим сюжетам были присвоены обозначения: a и b. В названии слово «сам» надписано позднее, его нет и в оглавлении.

(58) **55**

СОЛДАТ И ХОХЛУШКА
(АТ 1425)

Сказка отнесена к типу АТ 1425 условно, поскольку ни о каком соблазнении здесь речь не идет, а поведение солдата лишь напоминает непристойную уловку (см. комментарий к № 14).

(59) **56**

СОЛДАТ И ХОХОЛ
АТ 1419 А

Новелла об одураченном и запуганном муже обычна для литературы итальянского Возрождения (хотя 7-я новелла 7-го дня «Декамерона»,

на которую часто ссылаются, говоря о типе AT 1419 A, несколько иного содержания: там нет устойчивого мотива запугивания мужа — будто его преследуют). Реже встречается этот сюжет в устной традиции (в AT — варианты лишь из Финляндии и Индии, в BCC — единственный афанасьевский вариант). Вариант ** позднее зачеркнут горизонтальными линиями, внизу его имеется незачеркнутая помета Афанасьева: «Сличи с № 61» (в наст. изд. № 58).

(60) **57**

БЕГЛОЙ СОЛДАТ
AT 1355 C

Сюжет не пользуется широкой известностью: лишь в Прибалтике и Финляндии он записывался часто. В Азии он вошел в цикл анекдотов о Ходже Насреддине. Нечасто встречается он и у восточных славян, хотя в занимательную литературу вошел еще в XVIII веке.

(61) **58**

СОЛДАТ И ПОП
AT 1419 A

Сказка довольно далеко отходит от основной версии сюжета, отчетливо сохраняя лишь мотив запугивания мужа. См. комментарий к № 56. В рукописи в конце текста имеется помета Афанасьева: «(Записана в Московском уезде мною)».

(62) **59**

СОЛДАТ РЕШЕТИТ
(BCC — 1545 B*)

Сказка построена на обыгрывании довольно-таки редкого свадебного обычая, что естественным образом ограничивает ее популярность: сюжета нет в указателях, и варианты его не известны. Ср. отдаленное соответствие: работник притворяется, будто не знает женщин (BCC 1545 B*).

(63) **60**

ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ
BCC — 1696 B**

Сказка о разговоре тещи с зятем, от которого теще становится тошно, отмечена в BCC в единственном варианте. «Заветная» сказка расширяет представление об этом сюжете.

(64) **61**

БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА
AT 1381 D

Сюжет давно вошел в литературу: немецкие шванки, итальянские новеллы, арабскую повествовательную литературу, русский лубок. В фольклоре он зафиксирован от Индии до Испании, хотя и записывался нечасто. Немного и восточнославянских его вариантов — с двумя версиями (одна — здесь, другая — муж снес яйцо).

(65 (a, b)) **62**

ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ (а — б)
AT 1730; AT 1730 + AT 1359 C

Сказка о незадачливых любовниках, очутившихся в сундуке, — одна из самых популярных в мировом фольклоре. Сюжет прочно вошел и в письменную традицию: он встречается в «Океане сказаний» Сомадевы и арабской литературе (включая «Тысячу и одну ночь»), «Истории о семи мудрецах» и «Синдбад-наме», французских фабльо и древнерусской «Повести о Карпе Сутулове», «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя. Увлекательную историю этого сюжета прослеживали видные сказковеды (Э. Коскен, С. Ольденбург). Сотни его фольклорных вариантов записаны в разных частях света, причем только у восточных славян — около 60 вариантов. В варианте «б» действие совершается по сценарию сюжета AT 1359 C (захваченный врасплох любовник выдан за статую святого, распятие, странника и т. п.) — с той разницей, что вместе с попом обесчещена и попадья.

(66 (a, b, c)) **63**

ХИТРАЯ БАБА (а — в)
AT 1730; AT 1730 + AT 1731; AT 1730 + AT 1359 C

Центральный сюжет во всех вариантах — AT 1730. См. комментарий к № 62. В варианте «б» к нему присоединяется сюжет AT 1731 — см. комментарий к № 27. В варианте «в» разрабатывается сюжет AT 1359 C в классической его версии (голый любовник выдан за распятие) и в версии менее популярной — незадачливые любовники покалечены, спускаясь в дом через трубу. Этот сюжет встречается в итальянской новеллистике и в фольклоре от Индии до Нидерландов. В рукописи к названию имеется подстрочное примечание Афанасьева: «(Сличи с № 65)» (в наст. изд. № 62). В конце сказки над названием следующей сказки (л. 120об.) позднее Афанасьевым сделана помета: «Примечание к № 66: “О сницаре”, т. е. скульпту-

ре, как он наказал волокиту, см. в смехотворных повестях, сборнике, переведенном с польского во второй половине XVII века (Пыпин. История старин. повестей и сказок, стр. 267 и дал<ее>)». (См.: *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских // Ученые записки Второго Отд. Имп. Акад. наук. Кн. IV. СПб., 1858). Перед сюжетом «с» (в наст. изд. «в») имеется позднейшее примечание Афанасьева: «Сличи, греческ. у Гана, т. II, № 74». (См.: *Hahn J. G.* Griechische und albanesische Märchen. Leipzig, 1864. Bd. 1—2). В сюжете «а» после слов «и отдал за него свою дочь» также имеется примечание Афанасьева: «(Смотри выпуск 4 сказок)» (М., 1858 — в современных переизданиях № 163: Примечание. Вариант 1).

(145) **64**

ХИТРАЯ ЖЕНА

AT 1536 B

Сюжет о том, как были убиты и брошены в воду три монаха, хорошо известен в мировом фольклоре. Он знаком уже средневековой новеллистике (в том числе французские фабльо и «История о семи мудрецах»), очень популярен и в восточнославянском фольклоре. Афанасьевская сказка в основной своей части близка классической версии сюжета (хотя в европейских сказках нередко рассказывается о трех братьях-горбунах, убитых женщиной ненамеренно). В рукописи над названием сказки «145. Хитрая жена» имеется помета Афанасьева: «Следующие сказки сообщены мне [Было вначале: Сказки, мне сообщенные] из Пермской губ. Соликамского уезда» (л. 316об.). (В рукописи это сказки под № 145 — 152 (л. 316об. — 323об.) — в наст. изд. № 64, 137, 138, 50д, 71в, 139, 143, 140.)

(67) **65**

ЖИДОВКА

AT 1855, AT 1699

Есть довольно большая и разнообразная в сюжетном отношении группа шуток об инородцах. Шутки об евреях (больше всего их записано в Литве) отнесены к типу AT 1855. Еще больше шуток, тоже разнообразных, связано с непониманием чужого языка (AT 1699). К ним принадлежит и комментируемый рассказ, прямых соответствий которому в русском материале нет.

(68) **66**

СОЛДАТ И ЧЕРТ

—

Сюжет в каталогах отсутствует, варианты не известны.

(69 (a, b)) **67**

НИКОЛА ДУПЛЯНСКОЙ (а — б)
AT 1380 + AT 1537; AT 1380

Сказка о мнимом святом, одна из популярнейших в мировом фольклоре, многократно записывалась и у восточных славян. Старейшая литературная фиксация — в индийской «Панчатантре» (III, 17). Сюжет входил в знаменитые повествовательные сборники: «Синдбад-наме», «История о семи мудрецах». Он привлекал внимание выдающихся сказковедов (В. Н. Андерсон, Э. В. Померанцева). Народная сказка о мнимом святом заканчивается жестокой расправой с любовником: нередко он убит, а тело его брошено в воду. В варианте А комментируемой сказки продолжение иное — здесь появляется не менее знаменитый сюжет о мертвом теле (контаминация этих сюжетов обычна для восточнославянских сказок). История о блудливом монахе, убитом ревнивым мужем и затем еще дважды умерщвленном, появилась в западноевропейской литературе в XIII веке (Франция, Италия). Она вошла во многие средневековые сборники фабльо, шванков, фацеций, в «Тысячу и одну ночь». Любим этот сюжет и в устной традиции, в том числе у восточных славян.

(70) **68**

ДВА БРАТА ЖЕНИХА
ВСС — 1552*

В ВСС — единственный русский вариант (имена говорят о западнорусском его происхождении). Параллели с польской сказкой (Кш 1552) не вполне убеждают: там герой одержал победу над соперником, наделав ему в постель. Но ситуация та же — соперничество за невесту. Ю. Кшижановский указывает старопольскую фацецию М. Рея.

(71 (a, b)) **69**

НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ (а — б)
ВСС — 1465**

Сюжет отмечен лишь в ВСС и хорошо известен в устной традиции, хотя опубликован лишь единственный его вариант, записанный в Белозерском крае братьями Соколовыми.

(72) **70**

БАБЬИ УВЕРТКИ
AT 1419 J*

В AT (кстати, AT 1419 J*, а не F*, как ошибочно указано в BCC) дается ссылка на единственный русский вариант. BCC указывает четыре русских и один украинский. Сами увертки варьируются (в «Северных сказках» Ончукова вернувшийся муж отправлен за водой — любовник убегает).

(73; 134 (a, b); 149) **71**

СТРАННЫЕ ИМЕНА [а — г]
AT 1562 G+; AT 1700; AT 1545

Для первого сюжета в AT — только русские варианты. BCC добавляет и украинские. Начальный эпизод для этой сказки не характерен. Устойчивое ядро сюжета: старуха с сыном овладевают деньгами, называясь странными именами. Вторая сказка имеет немного вариантов у восточных славян и связана с наймом работника. В афанасьевском варианте имена оригинальны (чаще всего: «Я», «Никого», «Караул»). В европейском фольклоре сказка о человеке с именем «Не-знаю» (это и есть тип AT 1700) встречается также нечасто. Следующие два варианта представляют один сюжет. Странные имена позволяют хитрецу беспрепятственно овладеть девицей. Сказка об этом рассказывается во многих уголках света. Но в BCC этот сюжет не попал.

В наст. изд. под № 71 «Странные имена» [а, б, в, г] объединены следующие по рукописи сказки: № 71 [а] = № «73. Странныя имена»; № 71 [б, в] = № «134. Небывалыя имена a, b»; № 71 [г] («Небывалые имена. Вариант» [c]) = № «149. Небывалыя имена (вариант к № 134)».). В рукописи под названием сказки № 134 (a, b) имеется поздняя помета Афанасьева: «(Сравни с Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 426)». В рукописи сказка № 149 помещена среди сказок, сообщенных Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губернии (л. 316об., 320об. — 321).

(74) **72**

ПОП И ЦЫГАН
BCC — 2110*

Сюжет известен в восточнославянском фольклоре; в белорусской сказке ксендз оказывается более настойчивым.

(75) **73**

ДОБРОЙ ПОП
AT 1561

Эта сказка известна по всей Европе. Инициатором того, чтобы съесть все сразу, выступает обычно жадный хозяин (так что работник вовсе не лентяй, как определен он в формулировке AT). Сказка может быть направлена и против скупердяя-работника: съедая все сразу, он рассчитывает сэкономить на еде. В восточнославянском фольклоре это одна из «антипоповских» сказок.

(76) **74**

БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД
AT 1138

Этот сюжет, известный всюду, но особенно популярный в Восточной Европе, у русских обычно связан с проделкой над попом и имеет, по выражению наших сказковедов, «антипоповскую» направленность. На Западе более распространена иная версия — хитрец вымазывает своего соперника смолою — «золотит» его (см. сказку Б. Шергина «Золоченые лбы», получившую в ВСС особый номер — 1138*). Здесь в роли одураченного выступают и дьявол, и великан, и царь, и инородцы.

(77) **75**

КАКОВ Я!
AT 1138

См. комментарий к предыдущей сказке.

К названию Афанасьев делает примечание («См. № 76»), отсылающее для сравнения к № 74.

(78) **76**

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК
ВСС — 1410

И в женевском сборнике, и в рукописи под заглавием в скобках указано: «Подобная есть у Боккаччо». Действительно есть, но это не новелла, относимая к типу AT 1410 (переодетый муж-ревнивец исповедует жену — «Декамерон», VII, 5), а иная: муж переодевается в платье жены и отправляется к любовнику — избит им (VII, 7). Это завершающий эпизод сюжета о муже в курятнике (или под кроватью) — AT 1419 A (в русской версии сюжета этот эпизод отсут-

ствует), заслуживающий, несомненно, самостоятельной позиции в указателе. Русские варианты не известны.

(79) **77**

ПРЕВРАЩЕНИЕ
AT 1920 H + AT 824 + AT 571

Первая часть этой сказки строится по сюжету AT 1920 H — с той существенной разницей, что здесь старик не требует у братьев рассказывать небылицы. Так сказка о небылицах (наиболее популярная у восточных славян и встречающаяся в греческом и турецком фольклоре) превращается в сказку о супружеской неверности — версия, распространенная в Восточной Европе. Вторая часть — это известнейший сюжет «Диво дивное», нередко связанный с обнаружением и осмеянием любовника (хотя некоторые полагают, что исконно он был связан со сказкой о царевне Несмеяне). Он включается в сборники старинных новелл, а в России получил известность в лубочной литературе. Сказку эту знают всюду в Европе, она записывалась в Индии и Турции. В комментируемом тексте обычный для сюжета гусь заменен чудесным ремешком.

(80) **78**

МАЛЬЧИК-БЗДУНОК (СЫНОК-БЗДУНОК)
AT 700 + AT 1573*

Сказка представляет классическую версию популярного в европейском фольклоре сюжета о мальчике с пальчик (см. сказку из сборника братьев Гримм № 37), известного и в других сказочных регионах (Индия, Иран, Турция). Истоки сюжета уходят в античную Грецию. «Заветная» сказка, близкая по композиции сказке «Мальчик с пальчик» из основного собрания (№ 300), представляет собою пародию на известный сюжет, отличаясь комическим истолкованием чудесного рождения мальчика (известным русской сказочной традиции — см. упоминание о сказке «Сынок Бздунок», записанной в Воронежской губернии: «Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ». Л., 1927. С. 45) и своеобразием его проделок в поповском доме. Некоторое соответствие этим проделкам можно найти в турецких сказках, где мальчик из горошинки кладет дохлую овцу между спящими девушками и связывает бороды спящим работникам, поднимая переполох. Проделки эти (более пристойные) определены в AT как самостоятельный тип — AT 1573*, зафиксированный в Прибалтике и России (есть и немногие украинские и белорусские варианты). Подзаголовок «(Сынок-бздунок)» дописан позднее, его нет в «Оглавлении».

(81 (a, b)) **79**

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ! (а — б)
АТ 1889 К + АТ 1900 + 1932

Контаминация популярнейших сказок-небылиц, широко представленных в восточнославянском фольклоре. Первый сюжет (кроме достаточно редкого вступления), напоминающий одно из приключений барона Мюнхгаузена, связан с комическим происшествием на болоте (см. тексты № 420, 423 из основного собрания Афанасьева). Сказка о «съедобной» церкви известна лишь у восточных славян и в Литве. Она связана с известным сюжетом «Страна обетованная» (АТ 1930), распространенным не только в устной традиции, но и в литературных источниках (в том числе «Декамерон» Боккаччо).

(82) **80**

СОКОЛИНАЯ МАТКА
АТ 1528

Сюжет имеет множество вариантов в восточнославянском фольклоре, и в большинстве из них одураченным оказывается барин. Сказку знают не только в Европе, но и в Азии — вплоть до Индонезии, где проделка эта принадлежит животным-проказникам. Повсеместно известна эта сказка и в Латинской Америке.

(83 (a, b)) **81**

ВОР (а — б)
АТ 1525 А + АТ 1737

Популярность сказки о ловком воре огромна. Известная на всех континентах в сотнях вариантов, она рано попала в литературную традицию — как восточную (у арабов), так и европейскую (итальянские новеллы, в том числе «Приятные ночи» Страпаролы, а также «В шутку и всерьез» Паули). У нас этот сюжет был обработан В. Левшиным в «Русских сказках». Любимое имя ловкого вора в русских сказках — Климка. Кража кольца барыни и шкатулки с помощью мертвого тела — традиционный мотив в этой сказке. Столь же часто появляется здесь и проделка с попом (АТ 1737), известная и как самостоятельная сказка, тоже очень популярная. В европейском фольклоре контаминация этих двух сюжетов очень устойчива. Сказка о ловком воре привлекала внимание известных фольклористов (А. Вессельский, Ю. Юдин).

(84; к № 84) **82**

ШУТ
AT 1539 + AT 1525 H_4

Сказка схематично, с пропуском многих мотивов, передает популярнейший сюжет о проказнике, продающем шапку «за все заплачено», оживляющую мертвецов палку (плетку), варящий сам по себе пищу горшок и, наконец, «чудесную» кобылу. Этот последний мотив, оставшийся в «заветных» сказках, — один из самых древних в сюжете. «Чудесное» животное продают в индийских сказках и «Тысяче и одной ночи», он известен в Китае и Америке. У нас широкая известность сюжета связана со сборником XVIII века «Старая погудка на новый лад». Второй сюжет — о проказнике, забравшемся в улей, — связан со сказками о ловком воре. Он известен во многих уголках Европы, но записывался редко. Обычно воры разводят под ульем огонь и пугаются раздающегося оттуда крика. В рукописи в начале сказки № «84. Шут» (л. 163/167) после слов: «...прокормлюсь.» идет знак вставки. Вставка записана позднее, начата внизу л. 167 от слов: «Взял он саночки...» до слов «...сто рублев ≡ (см. на стр. 253 обороте)» и продолжена на л. 253/257об. под названием: «к № 84 (на стр. 163)» от слов «≡ не пожалею!» до слов «...надул меня проклятой!»

(85) **83**

ДУРАК И ПОПАДЬЯ
AT 1685 A* + AT 1012 A + (AT 1539)

Контаминация довольно известных у восточных славян сказок — особенно о дурне, поймавшем мать в капкан. В европейском фольклоре эта сказка не известна (за исключением единственного сербского варианта). Посадить ребенка на кол или на борону — редкая проделка дурня, известная лишь восточнославянским и литовским сказкам. Финальный эпизод характерен для сюжета AT 1539 (см. предыдущую сказку).

(86) **84**

В ЧЕМ Я?
AT 1138

См. комментарий к № 74. К названию сказки имеется подстрочное примечание Афанасьева: «Смотри № 77» (в наст. изд. № 75). К слову «строшны» имеется примечание Афанасьева: «Стро́шной — работник, батрак (Опыт областн<ого> великорус<ского> словаря, стр. 218)».

(87; вар. к 87 №) **85**

РАЙСКАЯ ДУДКА

AT 1685A* + AT 1653 B + AT 592 + AT 1132 + AT 1120 + AT 1825

Сложная и несколько нескладная (особенно в начале и в конце) контаминация популярных сказочных сюжетов, образующих причудливое повествование о приключениях дурака. Самый знаменитый из них — о ночевке на дереве. Сказку эту знают повсюду. Предполагается восточное ее происхождение: сюжет вошел уже в китайскую версию «Типитаки», затем в «Океан сказаний» Сомадевы. Известен он и в европейской средневековой новеллистике. Столь же популярна сказка о чудесной дудочке, заставляющей соперников плясать в терновнике. Русская ее версия несколько отличается от основной — необычностью завязки (ангел выменивает дудочку на ладан), отсутствием некоторых ключевых мотивов (соревнование в стрелянии птиц, появление в конце сказки судьи или самого царя). Сюжет этот нередко соединяется с другими — в частности, со сказкой о царевне Несмеяне. Он был любим в средневековой Европе и встречается в английской и немецкой литературе уже в XV — XVI веках. Сказка о бегстве великана от своего соперника, когда тот прячется в мешке и остается с бегущим, тоже широко известна — от Финляндии до Конго. Ее можно найти и в средневековых арабских источниках. С нею тесно связан сюжет, не столь частый в мировом фольклоре, — жена великана (или он сам) по ошибке сброшена в воду. Входящие в цикл сюжетов о соперничестве человека с глупым чертом или великаном, сказки эти у нас попадают в иной круг — о попе и его работнике. Комментарий к типам AT 1685 A^+ и AT 1825 — см. № 83 и 122. В рукописи сказка идет под № 87. Вариант «Пошли братья...» Афанасьев обнаружил позднее и записал его в другом месте после сказки № 95 «Солдат на часах» под названием: «Вариант к 87 №» (л. 183об.— 184). В самой сказке сноска к варианту отсутствует. В наст. издании вариант отнесен по смыслу к словам «сидят себе». В рукописи справа от названия имеется позднейшее примечание Афанасьева: «(Сличи с Deuts<che> Volksmärchen Гальтриха, стр. 306—<30>9)». (См.: *Haltrich J.* Deutschen Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen. Berlin, 1856).

(94) **86**

МУЖИК И ЧЕРТ

AT 1133

См. комментарий к № 23.

(89; 138) **87**

ПОП — ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ [а — б]

AT 1000 + AT 1012 A + AT 1045 + AT 1130 + AT 1063 + AT 1084 + AT 1132 + AT 1007

Контаминация известных сказочных сюжетов, входящих в два цикла — о соперничестве работника с хозяином (чертом, глупым великаном) и о состязаниях человека с чертом или великаном. Средняя часть сказки заставляет вспомнить пушкинскую «Сказку о попе и работнике его Балде», вплоть до прозвища «поп — толоконный лоб». «Уговор не сердиться» оказывается рамкой во многих сказках, распространенных от Индонезии до Исландии, в которую входят сразу несколько мотивов (обозначенных в AT как самостоятельные сюжетные типы, каковыми в действительности они не являются). Фигура глупого великана — очень древняя, известная как в Европе, так и на Востоке (достаточно вспомнить дива), так что можно предположить давнее происхождение входящих в цепочку мотивов. Так, проделка со шляпой, наполняемой золотом, встречается в средневековой повествовательной традиции (легенда о св. Бенедикте и сочинения Г. Сакса). В наст. изд. под № 87. «Поп — толоконный лоб» [а, б] объединены следующие сказки рукописи: (87[а] = «89. Поп — толоконный лоб»; 87 [б] = «№ 138. Чур не сердиться! (Вариант к № 89)»). В рукописи в конце сказки № 89 имеется помета Афанасьева: «(Конец тот же, что в сказке под № 87)» (в наст. изд. № 85). В рукописи вокруг номера и названия сказки № 138 (в наст. изд. № 87 [б]) имеется поздняя помета Афанасьева: «(Сличи с литовскою Vom dummen Hans — Litauische Märchen Шлейхерт, 1857 г., стр. 45 и Märchenschatz, Венцига, стр. 5 — 10; Narodne pripovjedke Валявца, стр. 162)». См.: Litauische Märchen, Sprich-Wörter, Rätsel und Lieder von August Schleicher. Weimar, 1857; Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig. Leipzig, 1857.

(90) **88**

ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

ВСС — 1849**

Единственный вариант этой сказки не имеет близких соответствий среди русских сказок. Собственно, это не сказка, а рифмованная шутка, обыгрывающая название популярной в середине прошлого столетия газеты «Северная пчела». В конце сказки имеется помета собирателя: «(Малоархан<ельского> уезда, Орловской губернии)».

(91) **89**

ЗЯТЬ И ТЕЩА
AT 1775

Эта сказка разрабатывает мотивы известного сюжета о голодном попе (барине) применительно к ситуации «зять — теща». См. комментарий к № 36.

(92) **90**

СОЛДАТ И ЧЕРТИ
BCC — 308** + AT 1159

Солдат, укрощающий нечистую силу, — традиционный герой русских сказок. Близкие типу AT 326, сказки эти, однако, не нашли места в BCC. Одна из версий этого сюжета в BCC все же включена: король обещает руку дочери тому, кто переночует с медведем (лапа медведя поймана в клещи). Комическое обыгрывание эротической позы в конце рассказа обычно для многих сюжетов (AT 151, 152 B*, 1133). Связь двух сюжетов: герой ночует в замке, где страшит, и запугивание черта женщиной — традиционна для европейского фольклора. См. также комментарий к № 102.

(93) **91**

МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ
BCC — 999*

Достаточно популярная тема — монах в женском монастыре — редко попадала в печатные источники. BCC указывает единственный вариант — в рукописи Афанасьева. Мотив совращения монашенок переодетым в женское платье мужчиной известен в итальянской новеллистике (см. TM K 1321.4). Комический эпизод о том, как окривела игуменья, — оригинальный мотив русской сказки. См. в этом сборнике и № 120.

(94) **92**

СОЛДАТСКОЙ РАССКАЗ
—

Народный анекдот, не нашедший места в указателях.

(95) **93**

СОЛДАТ НА ЧАСАХ
—

Рассказ из области солдатского юмора, не включенный в указатели.

(96 (a, b, c, d)) **94**

НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА (а — г)

AT 559, BCC — 1545 A*

К единственному варианту в основном собрании Афанасьева, конспективному и литературно обработанному, рукопись добавляет еще два. Здесь разрастается второй эпизод, обычный в сказках этого типа, — о соперничестве героя с королевичем (генералом)-любовником. Сказка встречается в Европе повсюду и лишь изредка за ее пределами. Она попадает в итальянскую новеллистику («Пентамерон» Базиле). Но мотив смеха, имеющего ритуальное значение, — очень древнего происхождения. У нас он исследован В. Я. Проппом. Третий и четвертый варианты к типу AT 559 не относятся. Третий не идентифицируется, а четвертый принадлежит к восточнославянскому типу, который отмечен в BCC только у украинцев. В рукописи в сюжете «а» вариант «В другом списке генерал...» записан позднее на л. 187/191 до слов «...за триста # см. стр. 185» и продолжен внизу л. 185/189об. со слов «К стр. 187 # Под утро...»

(97) **95**

МУЖ ДА ЖЕНА

AT 1360 C

Текст близок к сказке, вошедшей в основное собрание Афанасьева (№ 445), вплоть до идентичности формулы «Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине». Этот хорошо известный сюжет европейского происхождения («Старый Гильдебранд»), ставший предметом специальной монографии В. Н. Андерсона, в России зафиксирован не только в сказках, но и в новгородской былине («Гость Терентий»). К былинной традиции восходят русские сказки этого типа, где обычны «точные» географические координаты (муж едет за лекарством в Крым, Ревель и т. п.) и традиционный обмен рифмованными репликами, а место былинных скоморохов часто занимает солдат-весельчак. Поп-любовник в комментируемом варианте — изначальный персонаж этой сказки.

(98) **96**

НАБИТОЙ ДУРАК

AT 1696

Это окончание сказки № 403 из основного собрания, с выпуском нескольких звеньев (о них дает представление сказка № 404). Популярнейшая у восточных славян сказка, обошедшая весь свет в сотнях вариантов, с десятками неуместных реплик дурня. Отдельные си-

туации этой сказки попали в анекдоты (в том числе о Ходже Насреддине), стали достоянием литературы. Цепевидное построение этой сказки обсуждалось известными фольклористами, исследовавшими так называемые кумулятивные сказки (А. Тэйлор, М. Хаавио, В. Пропп). Родину этой замечательной сказки видели в Индии или Передней Азии. По крайней мере, она встречается уже в китайском переводе буддийского канона «Типитака» (V в.).

(99) **97**

ПОП-ВОРОЖЕЙКА
AT 1641

Один из старейших всемирно известных сюжетов, ставший «хрестоматийным примером» (И. Левин) в теории бродячих сюжетов. Он привлекал внимание выдающихся фольклористов, проследивших его путь из Индии в Европу (Т. Бенфей, В. Миллер, А. Крымский, В. Юнгман). Сюжет вошел во многие знаменитые сборники, связанные с повествовательным фольклором: «Океан сказаний» Сомадевы, «Волшебный мертвец», «Фацетии» Бебеля, «В шутку и всерьез» Паули, «Приятные ночи» Страпаролы, его пересказывал А. Ремизов. Популярен он и в устной традиции Востока и Запада, в том числе у восточных славян (только у русских — около 50 вариантов). В роли доктора Всезнайки (так по традиции зовется герой) выступает обычно бедный крестьянин (в Индии — бедный брахман) по прозвищу Кузнечик (Сверчок и т. п.). Но нередко это бывает и старуха, а в одной из восточнославянских версий — поп («компромиссный» вариант — старик, прикинувшийся попом). К этой версии и относится комментируемая сказка. В оглавлении рукописи: «Поп-ворожея».

(100) **98**

ЖЕНА ХИМКА
AT 1383 + AT 1525 J + AT 1676 C

Сюжет о женщине, вымазанной в смоле, обсыпанной перьями и не узнавшей себя, — один из известнейших в европейском фольклоре. Он отмечен не только в сказках, но и в балладах (см. стихотворение С. Маршака «Старушка», переведенное с английского). История его прослеживается с нидерландской комедии Макропедия «Алюта» (XVI в.), где подвыпившая после ярмарки и уснувшая на дороге глуповатая крестьянка является домой закутанной в сеть. В западноевропейских сказках героиня не столько ленива, сколько глупа (и нередко здесь появляется цепочка комических сюжетов: муж отправляется искать по свету людей глупее своей жены). В русской версии акцентирован мотив наказания глупой жены. Контаминация сказки о жене, не узнавшей себя, со

сказками о ворах и попе, испугавшемся «чудища», свойственна не только русской сказке: мы находим ее и в сказках братьев Гримм (№ 59). Мотив «вор крадет у вора» разрабатывается в разных сюжетах; здесь он только намечен. Голос из могилы, напугавший людей, составляет содержание сказки, хорошо известной в Прибалтике и Финляндии, но не отмеченной в ВСС. Здесь комический эффект усиливается благодаря ложно истолкованному возгласу «Жирного?» (ср. сюжеты АТ 1149 и АТ 1563 — «Обеих?»).

(101) **99**

СОЛДАТ И БАРИН

ВСС — 1547*****

Эта сказка известна в единственном варианте и напоминает более популярную — о том, как поменялись местами сапожница и королева, которую быстро привел в чувство грубый сапожник (АТ 905 А*).

(102) **100**

ПЕТУХ И ЖОРНОВКИ

АТ 715

Сказка о петухе и жорновках очень популярна у восточных славян, в Прибалтике и Финляндии: здесь количество ее вариантов исчисляется десятками (в ВСС сюжет определен как 715 А, тогда как в АТ это другой тип, отмеченный лишь в Литве, — о петушке и курочке). Ее знают в большинстве стран Европы и на Ближнем Востоке. В европейской версии петух (точнее, полупетух) выглядит совершенно фантастической птицей. Исследователи полагают, что этот сюжет южноевропейского происхождения развился как пародия на сказку о чудесных помощниках (см. АТ 513 А). Полупетуху в южноевропейской версии соответствует получеловек. В Северной и Восточной Европе говорится о петухе, возвращающем волшебную мельницу. Пародийное звучание сказки, однако, сохраняется (особенно в командах, отдаваемых петухом своим собственным членам).

(103) **101**

РОГА

АТ 566

Собственно сюжету о рогах всегда предшествует вступительная история о том, как герою достались диковинки, похищенные впоследствии его женой. И сама эта история, и способ употребления диковинок в комментируемой сказке оригинальны и переводят известный сюжет в разряд «заветных» сказок. Вообще же сюжет сказки о

рогах популярен в Европе, меньше — в Азии. Широкой его известности способствовали «народные книги» — немецкий «Фортунат» и известный в России сборник «Старая погудка на новый лад». А. Аарне полагал, что родина этой знаменитой сказки — Европа.

(104) **102**

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ
AT 1159

Популярная в Европе сказка о великане (черте), пожелавшем научиться играть на скрипке, особенно часто встречается в странах Балтийского региона. В формулировке этого сюжета в ВСС опущена вторая часть, присутствующая в AT: глупый великан пугается жены скрипача, раздвинувшей ноги, — думает, что вновь попадет в тиски. Без этого обсценного мотива сказка теряет свой смысл. Предварительная история — о том, как черт делает солдата попом, подводит его под петлю и спасает, — прямых соответствий в русских сказках не имеет, хотя сама тема совместных похождений человека и черта русской повествовательной традиции знакома (например, «Повесть о Савве Грудцыне», XVII в.). См. также здесь № 90.

(105) **103**

МАТЬ УБИЙЦА
AT 939 A

Сказка известна в Европе, особенно Восточной, и занесена в Америку, где сложилась даже франкоязычная баллада с этим сюжетом. У восточных славян вариантов этой сказки немного.

(106) **104**

СОЛОМОН ПРЕМУДРЫЙ
ВСС — 920*****

Этого сюжета в указателях нет. Однако в ВСС расписаны украинские легенды о царе Соломоне, и одна из них — о том, как Соломон дает мудрые советы, пользуясь иносказаниями. К этому типу и отнесли мы условно комментируемую сказку, варианты которой нам не известны. В рукописи под названием сказки имеется помета собирателя: «(Записано в Малороссии)». В конце текста позднее приписано примечание Афанасьева: «Сличи со старин<ными> рукописн<ыми> повестями о Соломоне — в Летоп. русск. литературы и старины Тихонрав., т. IV, стр. 133». (См.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. IV. М.,

1862. На обороте титульного листа сообщается: печат. позвол. 23 мая 1862 г.).

(107) **105**

ВОРОНИЙ ЯЗЫК

AT 1563 + AT 1539

Первый сюжет в этой контаминации — это вариант известной сказки о превратно истолкованном приказе хозяина («Обеих?»). См. комментарий к № 42. Второй — это один из мотивов, входящих в проделки шута, продающего шапку «за все заплачено» и тому подобные диковинки: среди них встречается и желание научиться языку, чтобы диковинки получить. См. комментарий к № 82.

(108) **106**

ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ ЗА ОДИН РАЗ

—

Сказки в указателях нет, варианты не известны.

(109) **107**

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

BCC — 1422*

См. комментарий к № 53.

(110) **108**

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТОЙ

BCC — 308*** + AT 1159

См. здесь сказки № 90, 102 и комментарий к ним.

(111) **109**

ЧЕРТ И БАБА

AT 1175 + AT 1176

Сказка об освобождении человека от черта, которому была запродана душа, включает многочисленные трудные задачи, которые черт выполнить не в состоянии. В комментируемой сказке их три. Одной — закрыть «гнездо» рукой — в указателях нет, две остальные хорошо знакомы европейскому фольклору, но у восточных славян встречаются нечасто.

(112 (a, b)) **110**

ЖЕНИНА ВЕРНОСТЬ (а — б)

(AT 1545 A)

Сказка оригинально разрабатывает известную сюжетную ситуацию о человеке, не знающем будто бы женщин. Ближе всего она к более приличному по содержанию типу: парень притворяется, будто не умеет спать в постели, — хозяйка отправляется с ним в постель, чтобы научить его (ВСС дает иную формулировку сюжета). Прямых же соответствий откровенно непристойной русской сказке в указателях нет.

(114) **111**

ХУЙ-СОЛОВЕЙ

AT 1425

Оригинальная разработка широко известного сюжета AT 1425. См. комментарий к № 14.

(115 (a, b)) **112**

СОВА-ВИ(Е)СТУХА (а — б)

AT 1358 A

В формулировку в ВСС этого сюжета, популярного у восточных славян и в Литве, не попали мотивы, характерные для одной из самых заметных его версий, — о том, как богатый узнает, что такое беда, о птице-ворожейке. При этом совсем необязательно прохожий оказывается спрятанным вместе с любовником, но обязательно он в конце концов выставляет любовника, и тому приходится бежать голым и перепачканным в саже. Только эта часть повествования отмечается в AT. К заглавию Афанасьев делает примечание: «(Сличи Гальтриха „Deutsche Volksmärchen", стр. 271, № 59)». (См.: *Haltrich. J.* Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen. Berlin, 1856).

(116) **113**

СОЛДАТ И ЧАСЫ

AT 854

Редкий у восточных славян сюжет, широко известный в Европе и на Востоке, вплоть до Индии. Неоднократно использовался итальянскими новеллистами. В конце текста имеется примечание Афанасьева: «(Сличи с немец<кою> сказкою „Der goldene Hirsch": Deutsche Hausmärchen Вольфа, 1851 года, стр. 73)». (См.: *Wolf J. W.* Deutsche Hausmärchen. Göttingen, 1851.)

(117) **114**

СОЛДАТ И ЦАРЕВНА НЕОЦЕНЕННАЯ КРАСОТА

ВСС — 855*

Популярная у русских новеллистическая сказка, изредка встречающаяся и в украинском фольклоре. В АТ сюжет не зарегистрирован.

(118) **115**

МУДРАЯ СТАРУХА

—

Сюжет в указателях отсутствует, вариантов нет. Отдаленная аналогия с травестийным переосмыслением — сказка о пряхах, которые настолько смутили принца уродством, что он запретил невесте прясть (АТ 501).

(119) **116**

ТРИ ПРАВДЫ

АТ 910

Сказка о трех добрых советах имеет множество версий. Русская сказка представляет пародию известнейшего сюжета.

(120) **117**

ГРИШКА — БОЛЬШОЙ ХУЙ

—

Популярная русская сказка, не нашедшая себе места в указателях. Совет героя — ср. АТ 910 (см. комментарий к предыдущей сказке).

(121) **118**

САПОЖНИК И КУПЧИХА

АТ 1359 А

Очень редкая сказка, отмеченная в АТ только у шведов в Финляндии (три варианта). К этому можно добавить латышские варианты (АМ). В ВСС сюжет отсутствует. Афанасьевский вариант с очень своеобразной бытовой завязкой существенно меняет представления об этом сюжете.

(122) **119**

РАБОТА ХУЕМ (а — б)

АТ 1650 + ВСС — 1650*

Весьма популярная в индоевропейском мире сказка у восточных славян известна мало (без Афанасьева — всего 5 вариантов). Но от

обсценных мотивов она обыкновенно свободна: три брата получают наследство, и каждый богатеет от полученного, причем лучшая доля выпадает младшему. Русская непристойная версия — о «соромском ремесле» — выделена в ВСС как отдельный сюжет — 1650*, но это именно версия известного сюжета.

(123 (a, b)) **120**

В БАНЕ (а — б)
(АТ 1355)

Сюжет АТ 1355 — «Человек, спрятавшийся под кроватью» — имеет в виду множество пикантных ситуаций, свидетелем и участником которых становится подсматривающий чужие любовные игры. Одна из таких игр — любовник «берет приступом» свою любовницу — особенно любима в русских солдатских сказках (см. здесь № 126). В рукописи сказка «а» заканчивалась словами: «да попову рясу, [и] пошел [восвояси, в избу]» (л. 241/245об.). Новый конец выявлен после записывания сказки «б», начат сразу после старого окончания сказки «а» со слов: «в избу и стал...» до слов «принеси пива! (смотри на стр. 242 =)» и продолжен после сказки «б» со слов «К стр. 241й: = попадья бросилась...» (л. 242/246об.).

(124) **121**

БАТРАК-МАРФУТКА
ВСС — 999*

См. комментарий к № 91. Вариант финального эпизода — см. № 43.

(125) **122**

ПАХОМ
АТ 1825

История сюжета связана с европейской повествовательной традицией средних веков и эпохи Возрождения: немецкими шванками (в том числе «В шутку и всерьез» И. Паули), итальянскими новеллами. Вошел он и в устную традицию европейских народов (немцы, скандинавы, славяне).

(126) **123**

БЕДНОЙ ЖЕНИХ И БОГАТАЯ НЕВЕСТА
(АТ 1460*)

К типу АТ 1460* сказка отнесена условно: здесь нет эротических забав осмеянного парня с обидчицей, но есть, однако, месть насмешнице. См. комментарий к № 50.

(127) **124**

ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА
AT 1383 + BCC — 1383* + AT 1739

Обычно не узнает себя подвыпившая жена. Когда на ее месте оказывается муж, в сказке появляется третий персонаж — любовник; жена оставляет мужа за дверью, чтобы побыть с любовником. Составители BCC дали особый номер этому сюжету, вписав сюда заодно и сюжет о том, как поп родил теленка (AT 1739). См. комментарий к № 98 и 36.

(128) **125**

СОЛДАТ НА ПОПЕ, ПРИНЦ НА АРХИРЕЕ
—

Популярная фольклорная тема неудачного подражания получила в этом сюжете оригинальное воплощение. Варианты сказки не известны.

(129) **126**

ГЕНЕРАЛ И ГОРНИСТ
(AT 1355)

К концу сказки имеется примечание Афанасьева: «Иногда вместо горниста сказка выводит барабанщика, который бьет приступ в свой барабан».

См. комментарий к № 120.

(130) **127**

СОЛДАТ ЖЕНИТСЯ НА КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ
AT 1550*

Известен единственный вариант этого сюжета, записанный Д. К. Зелениным в Вятской губернии. Афанасьевский текст показывает, что эту новеллистическую сказку у нас знали лучше.

(131) **128**

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД
AT 873

Ситуация в этой сказке отдаленно напоминает сказку о чудесных детях (AT 707), знакомую по пушкинской «Сказке о царе Салтане»: мать с сыном заключены в бочку, оказываются на острове, впоследствии семья воссоединяется (в европейской версии завязка иная: переодетый король овладел девушкой, оставил ей перстень, выросший

сын отправляется на поиски отца — знаменитая фольклорная тема). Но в новеллистической сказке разрабатывается эта ситуация совершенно иначе. Из восточных славян сказку знают только русские — редкий случай, когда популярный сюжет (более десяти вариантов) не отмечен у соседей-родственников. Ареал этой известной сказки огромен: от Индии до Ирландии.

(132) **129**

АРХИРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ

BCC — 1525 L*

Единственный известный вариант этой сказки.

(133 (a, b, c)) **130**

ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК (а — в)

AT 1725; (AT 1355); AT 1725 + AT 1360

Во всех трех вариантах излагается популярнейший в мировом фольклоре сюжет о влюбленном попе (у нас — дьяконе). Поскольку сюжет включает в себя множество эпизодов, он сильно варьируется (ближе всего к наиболее распространенной версии второй вариант комментируемой сказки, где есть устойчивые в этом сюжете мотивы: жена везет еду любовнику — привозит мужу, тот идет к любовнику с топором — любовник в страхе бежит). Сказка попала и в литературу: она встречается в «Тысяче и одной ночи», обработана Г. Саксом. Во втором варианте своеобразно разработан мотив, встречающийся в рукописи в текстах № 120 и 126 (о «взятии Варшавы»), а в третьем — сюжет AT 1360 A, о любовнике, ошпаренном в бочке (это формулировка BCC, тогда как в AT сюжет выглядит иначе), — довольно редкий в русском фольклоре. В рукописи справа Афанасьевым приписано позднее над названием примечание: «(Сличи с Deutsche Volksmärchen, Гальтриха, стр. 266, № 57. Der Lose Knecht)». В конце сказки «а» имеется помета: «(Записана в Тверской губернии И. И. Лажечниковым)». В конце сказки «b» перед дополнением «N.B. Тот же рассказ...» приписана помета: «(Записана в Воронежской губернии А. О. Дольником-Александровым)». В сказке «b» к слову «веретье» имеется примечание: «Толстой холст, постилаемый в телегу для ссыпки зерна или муки (Област<ной> словарь, стр. 23)». В сказке «с» (наст. изд. «в») к слову «палицу» имеется примечание: «Пали́ца — железная лопатка, которою очищают прилипшую к сошникам землю (Дополн<ение> к областн<ому> словарю, стр. 172)».

(135) **131**

ПОП У БАБЫ И БАТРАК
AT 1360 C

См. комментарий к № 95.

(136) **132**

НЕ ГОВОРИ ПОХАБНОГО!
AT 1650 + BCC — 1650* + AT 1425

Известная сказка о «соромском ремесле» (см. комментарий к № 119) завершается здесь вариантом одного из популярнейших сюжетов эротических сказок AT 1425 (см. комментарий к № 14). Над названием сказки зачеркнуто было: «(Вариант к № 41)» (в наст. изд. к № 38).

(137) **133**

ДВУХ ХВАТИЛ, А КОНЕЦ ВСЕ МОТАЕТСЯ
(AT 1425) + (AT 1731)

В этой нескладной сказке контаминируются известные сюжеты, точнее — их эпизоды. Мотив притворства работника, будто он не знает похабных слов, — из сюжета AT 1425 (см. предыдущую сказку и комментарий к № 14). Попадья (барыня) отдается, чтобы получить деньги (башмачки, корову, тетерева), — это сюжет AT 1731, см. комментарий к № 27. Мотив «Насквозь пронзил», не вошедший в указатели, см. в сказке № 58. Справа от заглавия сказки имеется примечание Афанасьева: «(Сличи с № 61)» (в наст. изд. № 58). В рукописи к слову «на повете» имеется примечание: «помост для поклажи сена (Областн<ой> слов<арь>, стр. 161)».

(139) **134**

СНЫ
AT 671 E* + AT 875 D

Сказка близка напечатанной в основном собрании, вплоть до имени колдуна — Асон (№ 241), только в рукописном варианте появилась любовная история. Обычно мальчик попросту завладевает имуществом колдуна. Оба афанасьевских варианта завершаются разгадкой сна, указывающего на то, что у царевны есть любовник. Это известный мотив восточных сказок: мальчик разгадывает, почему смеялась рыба, — среди служанок дочери шаха есть мужчина. Соединение двух сюжетов — об отгадчике снов и «Почему смеялась рыба» — традиционно в восточном фольклоре, где сказка эта очень

популярна (в Турции, Индии, на Памире и в Персии, у тюркоязычных народов бывшего СССР, среди армян и курдов).

(141) **135**

ТРИ ДОБРЫЕ СЛОВА
AT 910 A

Из обычного набора добрых советов, фигурирующих в этом всюду известном сюжете, комментируемая сказка содержит лишь один — не давать лошади. Ср. здесь № 116.

(144) **136**

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКОЙ СЫН
AT 860 B* (ср. AT 1419 E)

Сказка, обозначенная как AT 860 B* (введенная на основе указателя AA) и отмеченная только в восточнославянском материале, — не что иное, как славянская версия известной сказки об Инклюзе (AT 1419 E), распространенной в Западной Европе. Если в европейской версии ловкая женщина, пользуясь подземным ходом, наставляет рога своему мужу, то в русской незадачливый муж сам сватает свою жену и отдает ее в руки влюбившемуся в нее сопернику. Сюжет встречается в русских рукописных сборниках уже в XVII веке (см. публикацию одного из рукописных вариантов XVII в.: *Małek E.* «Неполезное чтение» в России XVII — XVIII веков. Łódź, 1992. С. 90 — 94, «О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж»).

(146) **137**

ПОП С ПОПАДЬЕЙ В БАНЕ
—

В указателях и публикациях сюжет не встречается. Косвенным доказательством его популярности может служить веселое восклицание дедушки Константина Макарыча «Отдирай, примерзло!» из рассказа А. П. Чехова «Ванька». В рукописи текст помещен среди сообщенных Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губ. (л. 316об. и 318—318об.)

(147) **138**

ФУ!
ВСС — 1590*

Подобный сюжет — о неведомом блюде, которым повар-пьяница угощает пана, — есть в белорусском фольклоре (единственный вариант).

Текст также сообщен Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губ. (л. 316об. и 319).

(150) **139**

ВОЛШЕБНАЯ ТАБЛИЧКА
АТ 1391

Это первый русский печатный вариант известной сказки о любой дырке, рассказывающей правду. Обычно герой получает три чудесных дара. В афанасьевской сказке их осталось два, и вместо говорящих дырок появилась волшебная табличка. Сказка записывалась от Швеции до Турции, вошла в арабские повествовательные сборники и итальянские новеллы. В рукописи текст помещен среди сообщенных Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губ. (л. 316об. и 321 — 322.)

(152) **140**

СЛУЖКА-АНДРЮШКА
Ср. ВСС — 999*

С отмеченным в ВСС сюжетом «Монах и игуменья», представленным в этом сборнике двумя вариантами, у этой сказки мало общего — лишь социальные «клички» персонажей. Эта забавная сказка известна у русских в единственном варианте. Сюжет встречается в немецких шванках XVI века («Подмастерье пекаря» Г. Сакса, «Ночной дозор» Бернгарда Герцога — см.: Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. С. 242). Здесь Папа Римский накладывает епитимью на ландскнехта с теми же четырьмя запретами. Русский сказочник, добавляя шутливый финал, обыгрывает и слово «епитимья». Как и предыдущая сказка, сообщена Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губ. (л. 316об. и 322 — 323об.)

(153) **141**

ИВАН ЛЫКОВ
АТ 850 + АТ 575

Эта непристойная сказка, полная прибауток, рассказана по мотивам двух известных сюжетов — о царевне, покупающей диковинки за показ своего тела (см. комментарий к № 31), и о деревянном орле, сказку о котором знают от Индии до Ирландии. В

рукописи справа от названия указано место записи сказки: «(Самарской губ.)».

(155) **142**

ПОП-ПЕРДУН
АТ 1743*

Классическая версия сюжета, известного до сих пор у русских в единственном варианте. См. комментарий к № 40. В конце сказки указано место записи: «(Тульск<ая> губерн<ия>)».

[ОТРЫВКИ]

(151) **143**

К СКАЗКЕ «ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ»
(АТ 329)

Отрывок из сказки «Елена Премудрая» (основное собрание, № 236), где соответствующий эпизод освобожден от «неприличных» подробностей. В оглавлении рукописи указано: «К "Елене Премудрой"». Текст помещен среди сказок, сообщенных Афанасьеву из Соликамского уезда Пермской губ. (л. 316об. и 321об.).

(154) **144**

(ОТРЫВОК)

—

Источник этого отрывка не известен. В избушке на курьих ножках во всех текстах из афанасьевского собрания обитает не старик, а баба-яга.

(142) **145**

ОКОНЧАНИЕ НЕКОТОРЫХ СКАЗОК

—

Эта концовка может завершать любую волшебную сказку с финальным свадебным пиром. В оглавлении: «Окончание к сказкам».

(Л. 305об.) **146**

«КОНЕЦ ПРИСКАЗКИ...»

В рукописи эта присказка записана в конце раздела «Загадок» после № 45 (л. 305об.). В конце текста указано место записи: «(Симбирск<ая> губ.)».

(л. 326об. — 327об.) **147**

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ

В рукописи записаны между «Байками» и «Заговорами»

В оглавлении рукописи Афанасьев отнес их в раздел сказок под № «140. Анекдоты»

[ТЕКСТЫ УКРАИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ]

Нижеследующие 9 сказок (№ 156—164) (в наст. изд. № 148—156) Афанасьев записал на 3-х двойных листах и вложил в уже сшитую рукопись между л. 279об.—280, дал нумерацию л. 280 a—f. По архивной нумерации это л. 284—289об. В конце последней сказки № 164 (л. 289об.) имеется помета Афанасьева: «(Эти малороссийские сказки доставлены [зачеркнуто: записаны] <от?> Збруча и Смотрича)». Лишь немногие из них отражены в ВСС.

(156) **148**

ОДЕЖА

AT 1731 + AT 1138

В указателях отсутствует, варианты не известны.

(157) **149**

ЖВАВИЙ ШЕВЧИК

—

Контаминация известных сюжетов. См. комментарии к № 27 и 74.

(158) **150**

КУДИ ДОРОГА?

—

Сюжет в указателях не отмечен, и варианты его не известны.

(159) **151**

СВ<ЯТИЙ> КАЗИМИР

—

Сюжет в указателях не отмечен.

(160) **152**

СВ<ЯТИЙ> МИХАЙЛО

—

В указателях отсутствует.

(161) **153**

НОВАК В КЛЯШТОРІ

—

В указателях отсутствует.

(162) **154**

ШЛЯХТИЧ В БОЛОТІ

—

В указателях отсутствует. Есть украинские варианты (см.: Азадовский, № 98 — из сборника сказок М. Левченко, записанных на Подолье).

(163) **155**

СВЯТЫЙ ПАВЛО

AT 1855 A

В указателях отсутствует.

(164) **156**

МЕСІЯШ

—

В этом сюжете, хорошо знакомом европейскому фольклору (немцы, поляки, литовцы) и вошедшем в средневековую литературу (фацетии Бебеля и новеллы), о рождении мессии сообщает либо работник, соблазнивший хозяйскую дочку, либо сама девица. В комментируемой сказке девица оказывается лицом безмолвным. Русскому фольклору этот сюжет не знаком (вопреки указанию ВСС), но его знают на Украине и в Белоруссии.

[ТЕКСТЫ, ПЕРЕЧЕРКНУТЫЕ В РУКОПИСИ]

(113) **157**

[КОЛДУН-ЛЮБОВНИК]

AT 449

В рукописи эта сказка, имеющая № 113, перечеркнута.

Один из вариантов знаменитой сказки «Сиди-Нуман». В основном собрании Афанасьев напечатал два ее варианта (№ 254, 255),

очень близкие этому отрывку: в первом — тот же мужик Арефий, во втором, особенно в примечании, — то же превращение собаки в воробья. Сюжет известен по «Тысяче и одной ночи» и имеет десятки вариантов в разных странах. Он был предметом исследования выдающихся сказковедов XX века — В. Андерсона и И. Поливки.

(25) **158**

[ОФИЦЕРСКАЯ ОСТРОТА]

—

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

AT. 36 — 1; 103 — 6; 152 B* — 5; 166 A* — 4; 248 — 8; 329 — 143; 449 — 155; 559 — 94; 566 — 101; 570 — 51; 571 — 77; 575 — 141; 592 — 52, 85; 671 E* — 134; 700 — 78; 715 — 100; 850 — 31, 52, 141; 853 A — 21; 854 — 113; 860 B* — 136; 873 — 128; 875 D — 134; 910 — 116; 910 A — 135; 939 A — 103; 1000 — 38,87; 1007 — 87; 1012 A — 83, 87; 1045 — 87; 1063 — 87; 1084 — 87; 1091 — 24; 1120 — 85; 1130 — 87; 1132 — 85, 87; 1133 — 23, 86; 1138 — 74, 75, 84, 147; 1159 — 90, 102, 108; 1175 — 109; 1176 — 109; 1355 — 120, 126, 130; 1355 C — 57; 1358 A — 112; 1359 A — 118; 1359 C — 62, 63; 1360 A — 130; 1360 C — 95, 131; 1361 — 42; 1380 — 67; 1381 D — 61; 1383 — 98, 124; 1391 — 139; 1395* — 12; 1408 — 25; 1419 A — 56, 58; 1419 E — 136; 1419 J* — 70; 1423 — 26; 1425 — 14, 34, 38, 43, 44, 45, 55, 111, 132, 133; 1445* — 20; 1460* — 50, 123; 1525 A — 81; 1525 H_4 — 82; 1525 J — 98; 1528 — 80; 1536 B — 64; 1537 — 67; 1537* — 36; 1539 — 82, 83, 105; 1543* — 15, 30; 1543 A* — 44; 1545 — 71; 1545 A — 110; 1545 B — 38; 1550* — 127; 1561 — 73; 1562 G* — 71; 1563 — 41, 42, 105; 1573* — 78; 1624 C* — 54; 1641 — 97; 1650 — 45, 119, 132; 1653 B — 85; 1676 C — 98; 1678 — 14; 1685 A* — 83, 85; 1696 — 96; 1699 — 65; 1700 — 71; 1702 C* — 11; 1725 — 130; 1726* — 41; 1730 — 62, 63; 1731 — 27, 41, 51, 63, 133, 147; 1735 — 47; 1737 — 81; 1739 — 36, 124; 1743* — 40, 142; 1775 — 36, 89; 1807 — 48; 1825 — 85, 122; 1842 — 46; 1855 — 65; 1855 A — 154; 1889 K — 79; 1900 — 79; 1920 H — 77; 1932 — 79.

BCC. — 113 C** — 7; — 152 C* — 3; 233 D* — 2; — 299** — 9; — 308*** — 90, 108; — 750 B* — 29; — 855* — 114; — 920***** — 104; — 999* — 91, 121, 140; — 1350** — 33; — 1370* — 22; — 1383* — 124; — 1405 B** — 10; — 1410 — 76; — 1418 A* — 21; — 1421* — 26; — 1422* — 53,

107; — 1425* — 16, 39; — 1425*** — 13; — 1465** — 69; — 1525 L*** — 129; — 1545 A* — 94; — 1545 B* — 59; — 1547**** — 99; — 1552* — 68; — 1590* — 138; — 1650* — 119, 132; — 1689** — 19; — 1696 B** — 60; — 1734** — 49; — 1743** — 47; — 1798** — 37; — 1807* — 48; — 1807 A*** — 40; — 1833L* — 28; — 1849** — 88; — 2110* — 72.

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ (В. И. ДАЛЯ)

К заглавию Афанасьев дает примечание: «Означенные крестиком добавлены мною и П. А. Ефрем<овым>». П. А. Ефремов (1830 — 1907) — библиограф, коллекционер, историк русской литературы, сотрудник журнала «Современник», близкий знакомый Н. А. Некрасова, Афанасьева.

Аналоги и варианты некоторых пословиц, не напечатанных В. И. Далем, отыскиваются в печатных собраниях — от рукописных сборников XVII — XVIII веков (впоследствии изданных и ставших таким образом печатными) до коллекций местных пословиц, опубликованных собирателями конца XIX — начала XX века. В комментариях указываются варианты «заветных» пословиц (их номера в собраниях или страницы). Использованы следующие сборники:

Антипов — *Антипов.* Пословицы и поговорки (Новгородская губерния, Череповецкий уезд) // Живая старина, 1906. Вып. 1.

Афанасьев — *Афанасьев А. Н.* Дополнения и прибавления к собранию русских народных пословиц и притчей, изданному И. Снегиревым // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачевым. М., 1850. Кн. 1. Отд. IV.

Буслаев — *Буслаев Ф. И.* Русские пословицы и поговорки /Дополнения к изд. И. Снегирева: «Русские народные пословицы и притчи». М., 1848 // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Николаем Калачевым. М., 1854. Кн. 2. Ч. 2.

Германович — Пословицы народные, собранные по алфавиту. Публикация А. И. Германовича // Из истории русской фольклористики. Л., 1978.

Громов — Пословицы и поговорки простонародные // *Г[ромов] Г. [И.]* Любовники и супруги, или Мужчины и женщины. И то, и сио. СПб., 1798.

Дикарев — Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии // Дикарев М. А. Воронежский этнографический сборник. Воронеж, 1891.

Даль — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.

Даль I; II — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 2 т. М.: Терра; «Книжная лавка — РТР», 1996.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960.

Княжевич — *Княжевич Д. М.* Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. СПб., 1822.

Курганов — *Курганов Н. Г.* Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. Изд. 9-е. СПб., 1818.

Олесов — *Олесов.* Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде Пермской губ. // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1881. Т. VII.

ППЗ — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII — XX веков / Изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961.

Псковский — Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. IV.

Симони — *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII — XIX столетий / Собрал и приготовил к печати П. Симони. Вып. 1. [Сб-ки] I—II. СПб., 1899.

Снегирев — Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848.

Снегирев Новый — Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегиревым. М., 1857.

Тургенев — Дмитриев Л. А. Отрывок сборника пословиц XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

5. Баба пьяна, вся чужа; Пьяная баба сама не своя (чужая). — Княжевич 3924, Снегирев Новый Б-1, Даль 254, 800, Антипов 71.

12. Даль I, с. 137: Он без мыла (без масла) влезет; Даль II, с. 148: Он куда хочешь без мыла влезет.

14. Бел снег, да ногами топчут, черен мак, да люди едят. И черен мак, да бояре едят, а и бел снег, да собаки не хотят. — Громов, Княжевич 5055, Даль 474, 584, 683, 699.

16. Симони. Сборник Архива МИД 368.

17. Снегирев П-488: Пропади кручина! А дурак, кто об ней тужит. Б-380.

18. Снегирев Б-181: Блядь до бляди — не племянник до дяди.

21. Снегирев К-366: Корова ревет, медведь ревет, а кто кого дерет, ни черт не разберет. Есть варианты. Афанасьев, Даль 462, Дикарев 3281, Даль I, с. 402: Бык ревет, корова ревет; а кто кого бодет, сам черт не разберет.

23. Княжевич 198, Снегирев Б-420, Даль 181, 296, 777, 850.

26. Снегирев Б-431: Было бы во что, а то есть чем.

27. Снегирев Б-429: Было времечко, ела куря семечко, а теперь толкут, да не дадут. Даль I, с. 56 (...ела кума...); с. 260 (...мы ели...).

29. Даль I, с. 193: Он в рукавице (или: в кармане кукиш кажет). Даль II, с. 299: Из кармана кукиш казать.

34. Снегирев. В-43: Вешней порой и щепка на щепку ложится.

37. Даль I, с. 56: Много воевал, да все потерял.

39. Даль I, с. 272, 304: Волос глуп, везде растет.

42. Даль I, с. 201: Всякое дыхание любит даяние.

46. Даль I, с. 338: Твоя бабушка моего дедушку из Красного Села за нос вела.

47. Даль II, с. 225. Поклониться — голова не отвалится.

58. Даль I, с. 365, 364, 395, 418; Снегирев С-295

63. Даль II, с. 25: У тебя голосок, что бабий волосок (тонок да долог).

66. Даль I, с. 156: Гусь пролетел и крылом не задел.

70. Даль 876: Дарья засори, замарай, оклади проруби.

71. См. «заветную» сказку № 17. Ср. также «билет» И. С. Баркова: «Два хуя вместе свей, а третьим наповей, И мало коль одним, в пизду себе забей» (Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подг. А. Зорин и Н. Сапов. М.: Ладомир, 1992. С. 204 (Русская потаенная литература).

74. Даль I, с. 87: Две ляжки в пристяжке, а сам в корню; с. 238: Сам в корню...

77. Пословица имеет множество вариантов: Дом вести — не бородой/усами/задом/возжой трясти. Дом вести — не лапти плести. См.: Снегирев Д-360, Даль 593, Иваницкий 183.

78. Олесов 273.

80. Даль I, с. 76: Борода по колена, а дров ни полена. Ср. сказку «Волшебное кольцо. а».

83. Обычно в этом наборе: спина барская. Вар.: Душой Божьи, телом государевы. См.: Снегирев, с. 482, Даль 218, 243, 304.

88. Бей сороку и ворону, добьешься и до белой лебедки/ до ясного сокола/до красного зверя. См.: Снегирев Б-129, Даль 118, Иваницкий 194, Олесов 1203, Дикарев 427.

90. Даль I, с. 127: Хоть плюй в глаза — и то божья роса. Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: Божья роса; с. 264.

96. Германович Ж-26, Псковский 756, Снегирев Ж-120, Даль 307, 374, Дикарев 1941, Симони I-1009: Жены соромится — детей не видать.

99. Даль I, с. 348: Горшок на живот — все заживет.

103. Снегирев С-366: Сонная барыня, что хочет, то и клокочет.

105. Даль II, с. 89: За навозом проезду (провороту) нет, а молока купить не сыщешь.

113. Дикарев 2196.

115. Снегирев, с. 485: Знай себя и клади под себя.

116. Вар.: козлу/свинье/назему брат. См.: Княжевич 4084, Снегирев С-120, Даль 130, 838, Олесов 849.

116. Снегирев С-120 (вар.: не страшен, а смешон, или: говна).

124. Краткий вар.: И хочется, и колется. Полный — Снегирев И-240: И хочется, и колется, и болит, и матушка не велит. См. также: ППЗ 28, 54, Германович И-56, Даль 236, 273, 493, Дикарев 2402.

126. Иван Марьи не слушает, Иван Марье не указ, сам приказывать горазд. См.: ППЗ 28, 83, Снегирев И-10, Даль 633.

127. Симони Архив МИД 1201, с продолжением: хоша бзднет, а свое возьмет.

128. Симони 911: На наши исады не плавут насады, говно да дерьмо несет, пень да колода валит. Снегирев Н-121: На наши палисады не плавают посады, либо пень, либо колода. Дикарев 2355: К нашему берегу ни корабли, ни барки, а все говно да палки. См. также: Иваницкий 187, Даль 614.

129. Даль II, с. 311: Кабы дедушка не бабушка, так была б она дедушка.

139. Даль I, с. 161, 197, 368. Даль II, с. 15: Как ручки сделали(-ют) (скроят), так спинка износит.

141. Кашу маслом не испортишь. См.: ППЗ 35, Германович К-171, Княжевич 1979, 2573, Даль 812, 831, Олесов 329, Снегирев К-153.

142. Даль II, с. 268: Кирила не отворачивает от чарки рыло.

147. Даль I, с. 266: И бородавка телу прибавка.

149. Германович: Корова скачет на быка не для молока. Симони I-1276, Снегирев К-369: Коровка скачет на бычка, хочет она молочка. См.: ППЗ 29.

150. Даль I, с. 402: Корова родит, а у быка хвост болит.

151. Даль I, с. 291: Кострома — блудливая (веселая) сторона.

158. Даль I, с. 305: Кто с бабой свяжется — сам баба будет.

159. Даль I, с. 32 (не законный сын). См также: Симони 775, Псковский 839, Курганов, Снегирев К-574, Даль 708 (сукин сын).

160. Симони II-772: Кто скуп...

163. Тургенев 648: Купил бы село, да возложил себе сило. Снегирев К-680: Купили бы село, да денег голо. Даль 97: Купил бы

село, да в кармане голо; завел бы вотчину, да купило покорчило. Дикарев 3063: да назади голо.

168. Даль I, с. 49, 417: Его ленивый не бьет.

169. Снегирев, с. 488, Даль I, с. 232: Либо рыбку съесть, либо на мель сесть.

171. Снегирев Л-76: Лисица хвоста не замарает. См. также: ППЗ 55, 91, Германович Л-37, Курганов, Княжевич 2413, Даль 608, 664.

190. Даль I, с. 416: Ему на боку дырку вертят, а он: ха-ха! Даль. Толковый словарь... т. I, с. 267: На боку дыру вертит (пролаз).

192. Даль I, с. 267: На рябом хлеб сеют, а на гладком навоз кладут; Даль II, с. 183.

193. Даль I, с. 257: На нови хлеб сеют, на старь навоз возят.

194. Даль II, с. 272: На вот, пососи, не укуси, а больше не проси! Даль I, с. 206.

197. Снегирев Н-278: На чужую кучу глаза не пучи! См.: Княжевич 2913, Олесов 658, Даль 614, 673.

201. Даль I, с. 424: Наш Антон не горюет (не тужит) о том.

206. См.: «Заветные» сказки, № 116, 117.

209. Даль II, с. 113: Не осуждай, да не осужден будешь.

211. ППЗ 31, 57, Германович Н-123, Тургенев 19, Курганов, Снегирев Н-941, Даль 267, 624, 672, Симони I-1811.

212. Только первая часть: Снегирев Н-667, Иваницкий 189, Буслаев 120 — с продолжением: не лошадью — ездоком, Даль 693.

214. Снегирев, с. 492: Не манера ваксой щи белить, на то есть сметана; Даль 632.

216. Антипов: а на то Бог уродил...

217. Даль I, с. 196: Не от свата, что девка косматa.

220. Снегирев Н-765, ППЗ 32, 144, Олесов 620 (первое), Даль 199 (не уличена — не гулява).

221. Даль I, с. 108: Не поминай лихом.

229. См.: «Заветные» сказки, № 116.

234. Даль I, с. 140: У него не спи в серьгах: позолота слиняет (т. е. украдет).

235. Даль II, с. 65: Не торопом на мерина (на конь), не по два вдруг. Не торопко, поповна, не по два вдруг.

238. Даль I, с. 368: Не учи борючись, учи побораючи; Даль II, с. 112: Не учи печи, не указывай подмазывать!

239. Даль II, с. 210: Не хвались едучи на рать, а похвались едучи с рати. См. также: Княжевич 3354, Снегирев Н-990, ППЗ 160, Олесов 652.

249. Даль I, с. 300: Немец хитер: обезьяну выдумал.

256. Даль II, с. 287: Нечем черту играть, так угольем.

257. Даль I, с. 141: Он на руку не чист.

260. Даль I, с. 397: Ни складу, ни ладу, ни толку.

263. Даль I, с. 267: Нос крючком, борода клочком; с. 269.

266. Снегирев Щ-47: Щи — хоть кнутом хлещи, пузыри не вскочат, брюха не обкормят; Даль 813; Даль II, с. 278: Щи, хоть порты полощи.

275. Даль II, с. 58: Одиннадцать ради нечета.

276. Даль I, с. 151: Одна... овца все стадо испортит; Снегирев О-96.

277. Даль II, с. 293: Одной женой да одной кобылой поля не удобришь.

289. Даль II, с. 287: Нечего делать псу, то хоть под хвостом да лижет.

290. Снегирев О-264: От Ешмы до Кинешмы глазами докинешь ли? Даль 553.

293. Даль II, с. 10: От норда к весту откачал, да и к месту (Матросск.).

294. Симони II-581: Посидеть у дружка будто у брюшка.

297. Даль II, с. 233: Приданого гребень, да веник, да алтын денег.

299. Симони II-958: Деньги железо, платье тлен, (а любовь)? Кожа всего дороже.

301. Симони 577: По Сеньке шапка, по Еремке колпак; Тургенев 191: По Фомке шапка, по чернце клобук; Германович П-85, ППЗ 60, 130, 144, 176, 185, Снегирев П-251; Олесов 764: по девке парень; Даль 232, 562 (по бабе и шлык).

304. Симони II-401: Наш попок ходит без порток.

308. Даль II, с. 127: Поиграв грязью, да и за щеку.

311. Снегирев П-227, Иваницкий 192: медный лоб. Даль II, с. 188: Поп — толоконный (толокнянный) лоб (из сказки).

313. Даль I, с. 50; Даль II, с. 130: Попал пальцем в небо.

329. Даль II, с. 118: Пристал как банный лист к спине (к телу). См. сказку № 69 б.

330. Даль I, с. 123: Пришло узлом к кузлу (или: к узлу).

332. См.: «Заветные» сказки, № 116.

341. Даль I, с. 283: Русак умен, да задним умом. Русский назад умен; с. 376: Русак задом (задним умом) крепок. Снегирев. Р-164: Русак задним умом живет (вар.: задом крепок).

342. Даль I, с. 92: Он и с грязи (и с дерма) пенки сымет; с. 408.

344. Даль I, с. 111: С тобой водится — что в крапиву садится; с. 410: С ним...

346. См.: Песни, № 30 в наст. изд.

356. Даль I, с. 258: Этой ягоде сорок два года.

357. Снегирев Л-315: Ляжет сама-друга, а встанет сама-третья. См. также: ППЗ 55, 94, Германович Л-18.

364. Симони Архив МИД 2206, Тургенев 204.

366. Даль I, с. 59: Счастливому и в зубах (промеж пальцев) вязнет.

381. Даль II, с. 151: Тихо кадит, да вонько несет.

382. Даль I, с. 397: Толк-эт есть, да не втолкан весь.

389. Даль II, с. 187: У батьки свои ухватки; Снегирев У-40: У всякого молодца своя ухватка.

390. Даль I, с. 338: На его бабушке сарафан горел, а мой дедушка пришел да руки погрел.

392. Снегирев У-170: У мужа не толсто, у жены не смирно (вар.: У мужа в кармане толсто, а у жены на столе широко); Симони 719, Княжевич 4664; Дикарев 2859 с пояснением: при толстом кармане широкие расходы; Даль 370.

398. Симони 747: Удалось дристуну пернуть.

400. Снегирев Н-60 (вар.), с. 425: Уела попа грамота; Даль I, с. 211, 364; Даль II, с. 187 (...грамотка).

404. Даль II, с. 82: Умная умница — светлая пуговица.

405. Симони 746: Уплыли муде по вешной воде; Тургенев 504; Даль I, с. 309: Уплыли годы, как вешние воды.

406. Даль II, с. 203: Урод: из заду ноги.

407. Даль I, с. 364: Фита да ижица — к ленивому плеть ближится.

408. Снегирев Х-21: Хватился каяться монах, как уж смерть в головах; Германович: ан черт в головах. Вместо монаха бывает Малах: ППЗ 63, Псковский 859, Буслаев 149, Даль 480, 641.

410. Симони II-794: Хорош, хотя к жопе приложь.

414. Обычно: Добрые жернова всё мелют — о желудке. ППЗ 78, 140, Германович Д-132, Княжевич 1138, Снегирев Д-315, Иваницкий 183, Даль 400, 520, 816.

415. Даль I, с. 227: Драчливый петух жирен не бывает.

418. Даль I, с. 34: Что грешно, то и смешно (или: потешно).

419. Даль I, с. 225: Хоть разорваться, да не поддаться.

420. Снегирев Н-800: Не припасши снасти, а требует сласти.

437. Германович Ч-95, Симони I-2587, Снегирев Ч-59, Даль 684 («грубый намек»), 847.

448. Даль II, с. 23: Вертится, как на шиле.

450. Княжевич 5137, Снегирев Ч-254: Что ел, что кушал — всё одно; ППЗ 117, Даль 855.

467. Даль II, с. 222: Мышиный жеребчик (старый, сухой щеголь и волокита).

471. Даль I, с. 116: Я к нему с добром, а он ко мне с дермом.
472. Даль I, с. 190: Я тебя заставлю рылом хрен копать.

СКОРОГОВОРКИ

2. Даль II, с. 419: Летели три пичужки через три пусты́ избушки.

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ

1. Даль II, с. 99: На плешь капнешь... *(печь блины)*
1 вар. Даль II, с. 284: Плешь идет на гору... *(блины)*
4. Даль II, с. 46: Брюхом тру, ногами тру... *(тканье)*
5. Даль II, с. 96: Висит... болтается... *(полотенце)*
6. Даль II, с. 401: Гни меня, ломи меня... *(орех)*
7. Даль I, с. 277: Шесть ног, две головы... *(вершник)*
20. Даль I, с. 276: Два яичка во мху, да морковка наверху *(глаза и нос)*
24. То же в сказке «Несмеяна-царевна. г» и «Черт и баба»; Даль I, с. 277: Вокруг носа вьется, а в руки не дается *(запах)*
32. Даль II, с. 101: Выдерну мохнушку, заткну голышом *(рукавица и рука)*
34. Даль I, с. 365: Сверху пушисто... *(перо)*
35. Даль II, с. 407: Стоит баба на току... *(мешок с мякиною)*
41. Даль II, с. 95: Тычу, потычу... *(замок)*

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗ ИЗДАНИЯ «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ». ВАЛААМ. ГОД МРАКОБЕСИЯ

Более подробно о предисловии см. в статье Л. В. Бессмертных в наст. изд. Печатается по тексту первого издания с учетом исправлений, выявленных во втором издании. В этих изданиях предисловие, подписанное псевдонимом «Филобибл», названия не имеет.

[1] «*Honny soit, qui mal y pense*» — «Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает *(фр.)* — девиз Ордена Подвязки, учрежденного английским королем Эдуардом III.

[2] ...*pruderie* — показная добродетель *(фр.)*.

[3] ...farces — фарсы; *soties* (так в первом издании) — соти

(средневековая сатирическая пьеса); sottises (так во втором издании) — сквернословности; «*moralités*» — моралите; «*dictons*» — поговорки *(фр.)*. Автору предисловия было, видимо, знакомо следующее издание: Recueil de farces, soties et moralités du XVe siècle reunies pour la première fois et publiées avec des notices par P. L. Jacob, bibliophile. Paris, 1859.

[4] ...facéties — фацеции *(фр.)*.

[5] Spottlieder — насмешливые, издевательские песни *(нем.)*.

[6] Schmähschriften — памфлеты *(нем.)*.

[7] «*Ragionamenti*» P. Aretino — «Рассуждения» итальянского писателя и публициста Пьетро Аретино (1492 — 1556). Известны следующие издания этого произведения:

1) Ragionamento della Nanna, et della Antoia, fatto in Roma sotto *una ficaia*, composto dal divino Aretino, per suo capricio, a correttione de i tre stati delle donne. [В конце]: Pariqi [Venise], MDXXXIIII [1534]. 198 p. — Это первое издание считается первой частью «Рассуждений» и включает три «дня».

2) Dialogo di M. Pietro Aretino, nel quale la Nanna, il primo giorno, insegna à la Pippa sua figliola a esser puttana... [В конце]: Turino. P. M. L. MDXXXVI [1536] — вторая часть «Рассуждений», включающая следующие три «дня».

Обе части, объединенные «общим сюжетом», известны также под названием «Dialogues putanesques» («Диалоги блядей») или «Caprices» («Капризы») Аретино.

В XVI веке были опубликованы также еще два диалога Аретино («Dialoque des cours» и «Dialoque du jeu»), ничего общего не имеющие с вышеуказанными. Но эти диалоги и не принадлежащее Аретино произведение «Zoppino» были изданы как третья часть «Ragionamenti» (во всех итальянских изданиях XVI в., кроме первого, в конце первого слова заглавия стоит «i»). Всего насчитывается около 25 разных изданий XVI и XVII веков.

Известны переводы на французский язык:

1) Les Dialogues du divin Pietro Aretinno, entièrement et littéralement traduits pour la première fois. Première [Deuxième, Troisième] partie. [En 3 vol.]. Paris: Isidore Liseux, 1879. XXIV, 372 p. Тираж 350 экз. — Это перевод первой части (3 дня) «Ragionamenti», выполненный A. Bonneau;

2) Les Ragionamenti, ou Dialogues du divin Pietro Aretino. Texte italien et traduction complète par le traducteur des Dialogues de Luisa Sigea. [En 6 vol.]. Paris: Isidore Liseux, 1882. (Musée secret du Bibliophile; № 4). Тираж 100 экз. — Это перевод первой и второй частей «Ragionamenti» с параллельным текстом на языке оригинала, выполненный A. Bonneau.

Перевод на английский язык был издан в 1889 г., на немецком языке книга вышла в 1903 г.

В России книга появилась под названием: Рассуждения Нанны и Антонии под фиговым деревом, в Риме, которые ради своей забавы и в поучение женщинам трех состояний сочинил Божественный Аретино /Пер. с ит., [вступит. ст. и примеч.] Светланы Бушуевой. СПб.: Инапресс, 1995. 207 с. Тираж 10 000 экз. Пер. по изд.: *Aretino P.* Ragionamento. Dialogo. Milano, 1984. Часть «Dialogo» (или так называемая вторая часть «Ragionamenti») не переведена.

[8] «*Capitoli*» Franc. Berni — «Капитоли» итальянского поэта-сатирика и пародиста Франческо Берни (ок. 1497—1535). В своих «капитоли» (сатиры, написанные терцинами) он говорил в возвышенном стиле о низменных предметах. Его непристойные стихи вошли в сборник: Capitoli burleschi d'incerto autore [конец XVI в.];

Giov. della Casa — Джованни Делла Каза (1503 — 1556) — итальянский поэт и ученый. Его поэма «Capitolo del Forno» («О пекарне») вышла в сборнике вместе с произведениями других авторов: Capitoli del Mauro e del Bernia ed altri authori. Venezia, G. Navo, 1537;

Molza — Франческо Мариа Мольца (1489 — 1544) — итальянский писатель. Его стихи и новеллы включались в сборники под названиями: Opere burlesche del Berni, della Caza... del Molza... dell' Aretino et altri. Firenze, 1548 — 1555. 2 vol.; Tutte le opere del Bernia... della Casa... del Molza... e d'altri autori. Venezia, 1538.

[9] «*La Rettorica delle Puttane*» Pallavicini — «Риторика блядей» итальянского писателя Ферранте Паллавичино (1615 — 1644).

Первое издание «Риторики»: La Retorica delle Puttane, composta conforme li precetti di Cipriano. Dedicata Alla Vniversita delle Cortegiane piu Celebri. In Cambrai [Hollande, Elzevier], 1642. Con licenza de' superiori, e privilegio.

Переиздана в 1648 и 1673 гг. («La Rettorica...») и переведена в 1771 г. на французский язык.

[10] «*L'Alcibiade fanciullo a scola*» — «Мальчик Алкивиад в обучении» *(ит.)*.

Первое издание: L'Alcibiade fancivllo A Scola, D. P. A. Oranges. Par Juann Vvart. CIↃ.IↃ.CIII [1652]. Автором этого произведения является также Ф. Паллавичино, хотя вначале оно атрибутировалось Аретино на основании данных на титульном листе (D. P. A. — Di Pietro Aretino).

Переиздано на итальянском языке: L'Alcibiade Fanciullo à Scola. Paris: [J. Gay], 1862. 105 p. Тираж 110 экз. (запрещена).

Перевод на французский язык: Alcibiade enfant à l'école. Tràduit pour la première fois de l'italien de Ferrante Pallavicini. Amsterdam, chez l'ancien P. Marteau [Bruxelles, Gay], 1866. 124 p. (запрещена).

[11] Книга Меурсия «*Elegantiae latini sermonis*» — «Изысканные латинские беседы» *(лат.)*. Речь идет о самой знаменитой книге в мировой эротике. Приводим титульный лист первого издания на латинском языке: «Aloisiæ Sigeæ Toletanæ Satira Sotadica de arcanis Amoris et Veneris. Aloisia Hispanice scripsit, Latinitate donavit Ioannes Mevrsius V. C. [Lyon, 1660]. 6 f., 245 p., [6] p., 3 f., 111 p.; in-12 (Алоизия Сигеа из Толедо. Сотадическая сатира на тайны Амура и Венеры. Алоизия по-испански сочинила, на латинский перевел Иоанн Меурсий). Автором книги на самом деле является Nicolas Chorier (Никола Шорье) (сент. 1612 — 16 апр. 1692), французский адвокат из Лиона и Гренобля. Указанные на титульном листе книги лица тем не менее являются реальными; знатная придворная испанка Luisa или Aloysia Sigea (1530 — 1560), Sotades (Сотад, сер. III в. до н. э.) — греческий поэт из Маронеи на Крите, писавший непристойные стихи, и голландский гуманист из Лейдена Jean II Meursius (1613 — 1653). В книгу включено семь диалогов с участием главных собеседниц Tullia u Ottavia (седьмой диалог появился во втором издании с пометкой на титульном листе: 1678). Начиная с этого года книга выходила также под другими названиями на латинском языке: Joannis Meursii Elegantiæ latini sermonis seu Aloisia Sigæa Toletana de arcanis Amoris ξ Veneris. [Hollande, vers 1680]; переиздана в XVIII веке во Франции с добавлением на титульном листе: ...Adjunctis Fragmentis quibusdam Eroticis / Lugd. Batavorum. / Ex typis elzevirianis / CIↃIↃCCLVII [Paris: Grange ou Barbou, edenti I. P. Moet, 1757]. XXV, 212, [4], 174 p. Существуют издания с указанием на титульных листах: 1770, 1774 и 1781 гг.

Переводы на французский язык изданы под следующими названиями:

1) L'Académie des Dames. A Venise chez Pierre Arretin [Grenoble, 1680]. [2], 428 p., 1 f., frontsp., 35 f. grav.; 22 x 12,5 см.

2) L'Académie des Dames; ou Les Sept entretiens galants a'Aloisia. A Venise, chez Pierre Arretin. [Hollande, vers 1680]. 420 p., 35 grav. (Известны переиздания без гравюр (336 с. и 372 с.) и с другими выходными данными: Cologne.)

3) Nouvelle traduction du Meursius, connu sous le nom d'Aloysia, ou de L'Acadèmie des Dames. A Cythère [Paris: Barbou, 1749]. 2 vol. — Дополнено и переиздано с присоединением на титульном листе: ...revue, corrigée et augmentée de près de moitié... A Cythère, dans l'imprimerie de la Volupté, 1774 [Paris, Cazin]. 2 vol. с гравюрами. Переиздано в 1775, 1776 гг.

4) Le Meursius François, ou Entretiens galans d'Aloysia. Orné de figures. Tome Premier [second]. A Cythere, 1782 [Paris, Cazin]. 2 vol. с гравюрами.

5) L'Académie des Dames, ou Nouvelle traduction du Meursius, edition corrigée et augmentée de près de moitié par la restitution... A Cythère, de l'imprimerie de la Volupté, 1793. 3 vol. с гравюрами.

6) Le Meursius François, ou l'Académie des Dames. Orné de figures. Tome premier [second, troisième]. A Cythere, 1882 [1782]. 3 vol. Переиздано в XIX в. Лучшим переводом на французский язык является перевод A. Bonneau в изданиях с параллельным латинским текстом I. Liseux:

— Les Dialogues de Luisa Sigea, ou Satire Sotadique de Nicolas Chorier, prétendue écrite en espagnol par Luisa Sigea, et traduite en latin par Jean Meursius. Edition mixte franco-latine. Paris: Isidore Liseux, 1881. 4 vol.

— Les dialogues de Luisa Sigea sur les arcanes de l'Amour et de Venus, ou Satire Sotadique de Nicolas Chorier, pretendue écrite en espagnol par Luisa Sigea et traduite en latin par Jean Meursius. Texte latin revu sur les premières éditions et traduction littérale, la seule complète, par le traducteur des Dialogues de Pietro Aretino. Imprimé à cent exemplaires pour Isidore Liseux et ses amis. Paris, 1882. 4 vol. (Musée secret du Bibliophile. № 1). Известен также сокращенный перевод на французский язык: L'Oeuvre de Nicolas Chorier: Satyre Sotadique de Luisa Sigea sur les arcanes de l'Amour et de Venus. En sept dialogues... Introd. et notes par B. de Villeneuve. Paris: Bibliothèque des Curieux, 1910. (Les maitres de l'amour: Serie 2; vol. 1.)

В 1959 г. перевод Bonneau был переиздан под названием: Des Secrets de l'Amour et de Vénus, Satire Sotadique de Luisa Sigea de Tolède, par Nicolas Chorier. Préface d'André Berry. Известны переводы на итальянский (1779), немецкий (1792), английский (1806) языки. На русском языке существует рукописный перевод конца XIX в. Отрывки (в переводе с английского!) приведены в издании: Иллюстрированная антология эротики: Сексуальное искусство и литература Запада и Востока / [Пер. с англ. И. Гаврилова]. — [М.: ТЛК$^{+4}$, 1994]. С. 35, 106, 145.

[12] Joyeusetez, facéties et folastres imaginations* — озорные шутки, фацетии и игривые выдумки *(фр.)*. Приведено начало названия издания, имеющего на титульном листе следующее продолжение: de Caresme-prenant, Gautier-Garguille, Guillot-Gorju, Roger Bontemps, etc. Paris: Techener, 1829 — 1837. 20 vol. Тираж 76 экз.

[12*] См. Reimpressions par Caron, Montaran, Techener, Vienant, J. Gay и других. — См. переиздания С. Карона, М. Монтарана, Тешнера, А. Венанта, Ж. Гая *(фр.)*. Перечислены европейские издатели и книгопродавцы XIX в., в каталогах которых рекламировались вышеуказанные книги. См., например: Recueil de livrets singuliers et rares, reimprimes par les soins de M. de Montaran. Paris, 1827 —

1830. 17 vol.; Recueil de poesies anciennes, farces et facèties, etc., publiées par Simon Caron. Paris, 1798—1806. Переиздано Caron'ом в 1829—1830 гг. Наиболее известны отец и сын Gay, Jules (1807—1876) и Jean (1838—1883) как издатели эротической литературы. Jules Gay составил фундаментальную Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour, aux femmes, au mariage et des livres facétieux, pantagruéliques, scatologiques, satyriques, etc. /Par M. Le C. D'I***. Книга выходила 4 раза (первое издание — 1861 г.: 298 колонок текста; второе издание — 1864 г.: 716 колонок текста; третье издание — 1871 — 1873 гг.: 2700 колонок текста; четвертое издание, дополненное — Lemonnyer J., Paris, 1894—1900. В 4 т.: 4000 колонок текста). Из переписки Герцена известно, что J. Gay печатал свои книги в 1862—1867 гг. в типографии Герцена в Лондоне и Женеве.

[13] ...знаменитый *Recueil de pièces choisies [rassemblées] par les soins du Cosmopolite* — «Сборник избранных произведений, собранных для развлечения всего света» *(фр.)*. Таково точное заглавие этой книги, далее на титульном листе указано: A Anconne, chez Vriel Bandant, à l'Enseigne de la Liberte, MDCCXXXV. 434 p. Тираж по одним сведениям — 7 экз., по другим — 12 экз. В сборник включены «Сладострастные сонеты» П. Аретино, «Ода Приапу» Пирона и другие произведения. Переиздано J. Gay в 1865 г. с точным повторением титульного листа (X, 512 p.) тиражом 163 экз. для Общества библиофилов. В конце книги имеется библиографическая заметка J. Gay. Возможно, переиздание 1865 г. было напечатано в типографии Герцена, и автор предисловия к «Русским заветным сказкам» В. И. Касаткин был с ним знаком.

[14] Flugschriften — брошюры *(нем.)*.

[15] Schade: «Die damals wie eine Fluth übers Land fuhren»** — ...Шаде: «Которые в то время обрушились словно поток на страну» *(нем.)*.

[15**] Sie kennzeichnen... — Они почти все характеризуются резким сатирическим элементом, неслыханной откровенностью, иногда большой грубостью и т. д. («Сатиры и пасквили» Оскара Шаде) *(нем.)*. Речь идет об издании: *Schade O.* Satiren und Pasquille aus der Reformationzeit. Hannover, 1856.

[16] *Макароническая* — этот термин применялся в отношении итальянской поэзии, где комический эффект достигается смешением слов разных языков, в частности, латыни с итальянским у Т. Фоленго (1496—1544) в его поэме «Макаронея».

[17] Лаврентий Медичис — Лоренцо де Медичи Великолепный (1448—1492), итальянский поэт, правитель Флоренции, меценат.

[18] *Bibliotheca scatologica* (Scatopolis, 5850). — Речь идет об издании: Bibliotheca scatologica, ou Catalogue raisonne des livres traitant

des vertus, faits et gestes du très noble et très ingènieux messire Luc (à rebours), seigneur de la chaise et autres lieux, etc., traduit du prussien et enrichi: de notes tres congruantes au sujet; par trois savants en us, dèdie à M. Q. — Scatopolis, chez les marchands d'aniterges, l'annee scatogène 5850 [Paris: impr. de Guiraudet et Jouaust, 1850]. Авторы этого остроумного библиофильского «исследования» M. Jannet, M. Payen, A. Veinant. — «Библиотека скатологики. (Скатополис)» *(греч., лат.)*. От греческого skōr (род. skatos) — кал, говно + logos: наука (говнология).

[19] Singularités — необычные *(фр.)*; Curiosa — курьезы (забавные) *(лат.; фр.)*; Erotica — эротика *(лат.)* (от *греч.* erōtikos: любовный) — чувственность, сексуально окрашенная; Ouvrages sur l'amour, sur la galanterie — произведения о любви, о галантности (об ухаживании за женщинами) *(фр.)*. В печатных каталогах частных библиотек и в книгопродавческих каталогах имелись разделы, носившие такие названия, которые выносились даже на титульные листы библиографических указателей.

См. например: Catalogue de livres en partie rares, singuliers, curieux et... Paris, 1805; *Hayn H., Gotendorf A.* Bibliotheca Germanorum erotica und curiosa. 3-te Aufl. Bd. 1 — 9. München, 1912 — 1929; см. также библиографию J. Gay (примеч. 12* в наст. изд.).

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Анодысь — недавно, на днях.

Баить, баять — говорить, рассказывать.
Баюра — лужа.
Безопасный — здесь: неосторожный.
Блудить — здесь: блуждать.
Бредить — врать.
Бреда — враль.
Брилка — губа.
Буз — бузина.

Веретье — толстый холст, подстилаемый в телегу для ссыпки зерна или муки.
Вздрючить — заставить подняться, поставить стойком.
Вить — ведь.
Вклепаться — принимать ошибочно чужое лицо за знакомое.
Вороватый — плутоватый, хитрый, ловкий, продувной.
Ворохну́ть — трогать, шевелить, ворочать.
Втесаться — втереться, затесаться, забраться.
Выложить — выхолостить.
Вымозжить — неотступно просить.
Гамаза́, гомоза́ — непоседа.
Голбец — небольшая надстройка над погребом.
Голи́к — метла, веник без листьев.
Горнушка — ямка на шестке печи.
Грядка, грядки — продольные жерди у телеги, образующие бока кузова.
Гузка, гузно — задница.
Гуни́ть, гуну́ть — говорить, приговаривать, потешать.
Гуня (гуна) — ветхая одежда.

Доеду — здесь: сживу со света.
Дзюра — дыра.
Доба́ — сутки.
Драла́ — убежать, удрать.
Дуть — здесь: бить, сечь.
Дяди́на — жена дяди, тетка по дяде.

Еры́га, ярыга — гуляка, пьяница, мошенник.

Жалейка, жилейка — дудка, сиповка.
Живот — богатство, состояние.
Жигнуть — жечь.
Жи́литься — напрягаться, натуживаться.
Жильнуть — колоть.

Заволакивать — затягиваться, заживать.
Задача — здесь: удача, успех.
Зае́дки — сласти, лакомства, сухие закуски.
Заковырять — здесь: зачинить, зашить кое-как.

Законница — монахиня.
Замай — трогать.
Запра́вно — исправно, хорошо.
Зе́нки — глаза.
Зе́нко — стекло в окне, оконница.
Зо́бенка — корзина.

Каз(е)нка — деревянная пристройка к печи в избе, служащая для лазания на печь, камока, чулан.
Калухан, колухан — еретик, отступник от православия, скопец.
Кладеный — кастрированный.
Клепа́ть — оболгать.
Кляштор — монастырь.
Крылос, клирос — место для певчих в церкви.
Ко́потно — пыльно, грязно.
Копотный — пыльный.
Коренёц — ливер крупной скотины.
Корчага — большой глиняный горшок.
Кострика — отбросы льна.
Ко́тики, коты́ — обувь.
Кра́сно — крестьянский холст.
Кус — кусок.
Кут — угол, закоулок.
Кутейник — прозвище церковника, причетника.
Кутья́ — каша с изюмом из обдирного ячменя, пшеницы, риса, подававшаяся на поминках и в рождественский сочельник.

Ла́нно — ладно.
Летана — лето, сезон.
Липовики — лапти.
Лони — недавно.
Лыки — подкорье любого дерева.
Лытки — голени, ляжки, ноги.
Лядащий — негодный, плохой, дрянной, хилый.

Манерка — солдатская фляга для воды.
Модель (не) — не майся.
Мо́ра — нечистая сила, смерть.
Мур — сочная густая трава.
Мура́вить — поливать, вливать.
Муро(а)вата — сочная.
Мурова́ть — сажать за каменные стены, в темницу.
Мусив (укр.) — должен был.

Надро́чить — то же, что вздрючить.
Надыть — надо.
Налупиться — наесться.
Нестощимый — неистощимый.
Новина — непаханая земля.

Облыжный — лживый.
Облыжник — лгун, клеветник.
Обработать — здесь: растранжирить, расхитить.
Обрабо́ток — очищенный лен, клин леса, подготовленный для вырубки.
Обра́ть — взять с кого-либо.
Обша́стать — сбить шелуху с зерна.
Оглуст — пройдоха.
Однова — однажды.
Оплетать — обманывать, надувать.
Орать — здесь: пахать.
Орликом (срать) — здесь: цветки, голубки.
Откутать — открыть.
Отмена — различие.
Отчитывать — читать над кем-либо молитву.

Палица — железная лопатка, которою очищают прилипшую к сошникам землю.
Па́рить — здесь: бить.
Паску́дить — делать пакость.
Пе́жить — драть.
Пеле́вня — сарай для мякины.
Пле́ха — лысина, плешь.
Плешь — здесь: верхняя часть мужского полового члена.
Повет — помост для поклажи сена.
Пове́ть — помещение под навесом во дворе для хранения хозяйственного инвентаря.

Погребица — сооружение над погребом.
Позадориться — польститься.
Подарунок — подарок.
Поднялся на выдумку — придумал.
Подчеревок — от пупа до тазу.
Поклепать — оболгать.
Полица — треугольная палка.
Порешить — убить, кончить дело.
Порошица — здесь: отверстие заднего прохода.
Посе́дки — посиделки.
Потрафить — угодить.
По́трох — здесь: отпрыск, ребенок.
Пошмурыгаться — сотворить грех.
Прикипеть — прирасти, присохнуть.
Притча — беда, напасть.
Просить на кого-либо — жаловаться.
Пря́нуть — отскочить.

Ра́жая — здоровая, дородная.
Разговены — конец поста, разговление.
Раззявить — раскрыть рот, пасть.
Разлимо́нить — разморить, развести.
Ратман (рахман, брахман) — блаженный, также — полоумный.
Решетить — одаривать молодых деньгами на свадьбе.
Ризкы — розги.
Рожо́н — заостренный шест.
Розмыч — от размытарить, промотать.
Русопят — от слов: русапёт — русский и русопет — грубый.
Ряд, ряды́ — торговые лавки, гостиный двор.
Рядиться — торговаться, договариваться о цене.
Рядно — грубая холстина.
Ря́дные — договорные.

Са́дко — больно.
Салама́та — мучная жидкая каша.
Сбрить — здесь: украсть.
Сбухал — сказал, сболтнул.
Святье́ — здесь: фигурки святых.
Сграба́стать — захватить, вцепиться во что-то.
Сделаться — договориться.
Сем(ка) — ну-ка, дай-ка.
Семик — седьмой после Пасхи четверг.
Скороди́ть — боронить пашню.
Сморгнуться — подмигнуть.
Солоди́ть — здесь: услаждать.
Соромские слова — сквернословие.
Сплечить — свихнуть или повредить переднюю ногу в лопатке у лошади.
Спрово́рить — сделать скоро, достать, добыть.
Ссягнуть — достать, ухватить.
Стерба́ть — хлебать, зачерпывать.
Стопка — деревянный гвоздь в стене.
Строшно́й — работник, батрак.

Тенето́ — паутина.

Убираться — одеваться, наряжаться.
Уру́дить — соорудить.
Урыльник — ночной горшок.

Фрельна — фрейлина.
Фу́ркать — бросать, швырять.

Хлопуша — лгун, враль, хвастун, болтун.

Чеба́к — меховая шапка.
Черевья — кишки.
Чернец — здесь: монах.
Чив — щедрый.
Чуни — пеньковые лапти для дома.

Шаньги — ватрушки.
Шаркать — здесь: махать.
Штоф — стеклянная четырехугольная бутылка для вина.

Эпитимия — церковная кара.

Юр — бойкое, открытое место.

Яруга — яр, овраг.
Ярыга — см. ерыга.

ЭРОТИЧЕСКАЯ И СКАТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУКОПИСИ А. Н. АФАНАСЬЕВА «НАРОДНЫЯ РУССКИЯ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»[1]

Penis

Хуй — № 1, 8, 10 (3), 12 (8), 13 (2), 14 (2), 15 (4), 16, 17, 19 (3), 20, 25, 26, 28 (3), 31, 32 (27), 33a (42), 33b (15), 34 (2), 41 (4), 44a, 44b, 45a (3), 45b (6), 47 (7), 48 (2), 52 (5), 53a (3), 57a (4), 57b (2), 61 (2), 66b (6), 68, 72, 79, 80, 93 (3), 94 (2), 95, 96b, 96c (4), 104 (2), 107, 108, 109 (2), 112b (3), 114 (8), 115a (4), 117, 118, 120 (5), 121 (6), 122a (6), 122b (5), 123a, 123b, 124 (4), 130, 133c, 134b, 136 (3), 137 (5), 142 (2), 148, 153 (6), 154; хуева работа — № 48; хуишка — № 33 (5); хуище — № 52; хуйка — № 15: хуяка — № 57b (2). Всего 267 случаев, в том числе в первом издании «РЗС» — 177.

Аршинной — № 122b; блудливый шельма — № 57b; бурав — № 136; веретено — № 94; гвоздь — № 53b; гость — № 8; грешник — № 50 (2); добро — № 33a; дурака своего — № 115a; елдак — № 47, 96b (2), 124, 130; жила — № 53b; иуда — № 94; кляп — № 10, 13 (5), 15 (4), 16 (2), 17, 28 (2), 33a, 44a, 45a (2), 47, 50 (2), 53a, 53b, 66b (2), 72, 108, 114, 115a, 121 (2), 122a, 124 (5), 136, 138; лысой — № 7; махалка — № 48; мыло — № 13 (2); перо — № 134b; петух — № 139; плешь — № 13 (2), 33a (2), 44a, 153, 154; помазок — № 53; потеха — № 124 (4); пра́вило — № 122a; прибор — № 121; привесок — № 93; припас — № 121, 124; Просило (отец) — № 152b; птица — № 114; птичка — № 114; сбруя — № 33; секретная штука — № 32; сердешный — № 94; соловей — № 114; струмент — № 13, 15, 20, 37, 122a, 136, 130 (струмента); сырой — № 42; табака (*укр.*) 14 (5); хобот — № 53b; чесалка — № 47 (22); шванц — № 121; шельма — № 57b; штука — 32.

[1] Номера сказок даны по рукописи, в скобках указано количество случаев употребления ключевого слова.

Вздрочил — № 13; набодрил важно — № 121; надрочил(а) — № 14, 47, 48, 96b (2).

Яйца — № 88, 94 (3), 124; бубенчики — № 53b; муде — № 25, 40, 45, 66b (4), 88 (5), 95, 96c (2), 121, 133b (2), 153. Безмудова — № 15.

Vagina. Vulva

Пизда — № 3 (2), 7, 8 (6), 13 (2), 14 (2), 16 (2), 17 (4), 19, 24, 27, 33b (2), 34, 41 (6), 42, 44a (3), 44b (3), 47, 48, 50, 53b (2), 57a (2), 63, 66b, 67, 71a (3), 71b, 79 (5), 80 (2), 81, 93, 94, 95 (3), 96c (2), 96d, 114 (2), 115a, 117, 124, 133b (2), 137 (2), 142, 146 (2), 151 (2), 153 (2).

Возле-жопы-пизда (имя) — № 134b (3); На-пизде-блоха (имя) — № 134b (2); Пизда (имя) — № 134a (2); Эпиздимия (имя игуменьи) — № 152 (7); Пиздюга — № 8; пиздюк — № 85; пиздяка — № 57b (2); опиздячивать — № 14; широкопиздка — № 53b. Всего 97 случаев, в том числе в первом издании «РЗС» — 55.

Ад кромешный — № 50; дыра — № 3 (3), 22, 37, 53b, 57b, 83b, 88 (2), 94 (2), 96c, 111, 112a (2), 114 (2), 134a, 136; дырочка — № 124; квашня — № 94 (2); манда — № 95, 111 (2), 112a, 115a; мишень — № 53b; нора — № 53b; передком (не крепка) — № 94; посуда ее — № 115a; поцька (*укр.*) — № 17; причинное место — № 111; рана — № 133b, 136 (6); фарья — № 151; хвост (под) — № 150; чернильница — № 134b; щель — № 88; язвина — № 104. Лобок — № 17. Ляжки — № 13 (2), 93. Титьки — № 50, 96b, 103, 145; титечки — № 153 (2). Секель — № 17. Целка — № 96b, 103, 139; целочка — № 103.

Coitus

Ебать — № 14 (2), 58 (4); еб — № 1, 47 (2), 50, 112b; ебе — № 59; ебелка — № 14 (10); ебет — № 5, 17, 41, 47, 52, 58 (4), 69, 103 (2), 109, 112a, 117 (2), 122a, 123a, 128, 153; ебешь — № 68, 136; еби (себя в жопу) — № 12, 112b, 118; ебись — № 71b; ебла — № 30; ебли — № 17; еблись (влежачку, встоячку) — № 123b; Еблюшка (речка) — № 153; ебля — № 1, 33, 71b, 122a; ебнуть — № 46 (5), 83a, 124, 153; ебу — № 68; ебут — № 8 (3), 66b. Выеб — № 103, 121. Заебет — № 122a; заеби — № 122a; заебли — № 32. Ненаеба — № 83a; ненаебаная — № 33. Отъеб — № 41, 45b, 120; отъебу (попа) — № 61. Подъебает — № 133c; подъебальная косточка — № 118; подъебать — № 38 (2), 124, 153. Поеб — № 16, 23; поеби — № 112b, 153; поебем — № 16, 66a (-ся), 123a (-ся); поебет — № 137 (2), 153; поебешь — № 133c; поеблись — № 129.

После-доебешь (имя) — № 134b (2). Проебана — № 96b; проебу — № 29 (2), 137. Разъебается — № 17. Уеб — № 83a, 137, уеб (в жопу попа) — № 128 (3), уеб (царевну) — № 128, уеб (поп кобылу) — № 133c, уеб (словом) — № 136, уебет — № 144; уеби — № 83a.

Всего 115 случаев, в том числе в первом издании «РЗС» — 59.

Еть — № 1 (2), 15 (2), 23 (2), 31, 47 (ети), 56, 58, 60, 71b, 103 (2), 107 (2), 112 (6), 118, 122b (2), еть (кобылу) — № 133c, 137; еться — № 71a, 71b. Выеть — № 122a. Перееть — № 59, 61 (всех попов). Поеть — № 16 (2), 35, 45a, 45b, 54 (3), 54 (кобылу), 65b, 66a, 69, 71a, 96b, 108, 143, 144. Проеть — № 137. Уеть — № 61 (2), 107 (барина в жопу — 2), 129 (попа).

Баловал (с девкой) — № 133b; баловать (хуем) — № 134b; баловство — № 124. Брал крепость — № 96b. — № Буравить — № 136. Валяй (через сраку) — № 123a; валять — № 44a, 92, 123b, 128 (через жопу попа). Вбить — № 19. Вбухал — № 47. Верчу (дыру) — № 136. Влез — № 6, 33a (2), 37, 45a, 52 (2), 53a (2), 54, 61, 67, 69, 108, 116 (2), 121, 122a, 124, 149; влез — № 30. Влежачку — № 123b. Вляпал — № 16. Вместе ночи коротать — № 139. Возись сколько хочешь с бабой — № 109. Всадил — № 53b. Всаживать — № 53b. В свайку поиграть — № 131. Всласть дойму — № 122a. Встоячку — № 109, 123b. Всунешь — № 94; всунул — № 53b, 94 (2). Грех — № 96b (делать), 6 (иметь), 29 (иметь), 112b (в грех не заманить), 117 (не знаем), 96b (не иметь); греха не творить — № 103, 104 (2), 112a, 115b (2), 152 (3); грех сотворить — № 54, 103, 104 (2), 117, 128; грешить — № 66a, 84. Давайся с охоткой — № 148; давать — № 44b; дай — № 13, 44c, 65b; дайте — № 107; дала, дали — № 16, 35, 44b, 45ab, 46, 54, 65b, 108, 143, 144; дам разок — № 137 (2); дать — № 29, 44b, 45ab, 71b, 107, 108.

Дело: блудное — № 79; делать — № 72, 83a; исправил — № 108; ихнее — № 130; знает — № 79; как это делается — № 137; ладно — № 33; не имеешь со мной — № 13; покончил — № 103; подходящее — № 120; сделал свое — № 66b, 94, 107, 121; сладилось — № 78, 96d; совершил — № 148; сотворил — № 124; хорошее — № 1; это дело — № 65b. Доделать — № 44a (3), 44b (6), 44c. Жарил — № 122b (2); зажаривает — № 131; нажаривает — № 32, 134b; отжаривать — № 52; 53. Забрало — № 53a. Завертиться (на хую) — № 33a. Загонять тепло — № 48. Заделал — № 44ab. В задор вошла — № 33. Закорючивать — № 122b. Залез — № 79. Запендрячил — № 44, 71b, 109. Запихнул — № 42. Запустил — № 108, 124 (2). Засандалил — № 122a. Засвербило — № 53. Засовывай — № 53b; засунь — № 47, 50, 53, 94. Засупонил — № 120. Заткнуть — № 123a. Заходится — № 53ab. Зуди ее — № 47; зудить — № 65b, 122b (3), 128 (в жопу архирея); позудил — № 96b; отзудил — № 23, 71 (2). Катать — № 103. Качал — № 53b, 67, 71, 79. Лазил — № 53a (кобыле под хвост), 57b, 71b, 94, 118, 133c (на кобылу); лезет насилком — № 103; лезть — № 96b. Лаком до девок — № 39. Лежа — № 123a; лежать под тобой — № 30; ложись сверху — № 30; лягу внизу — № 30. Лижет, лизать языком в пизде — № 35 (3).

Лупил — № 65b, 109 (в стоячку). Любить хочет (тебя) — № 65. Любовь сотворить — № 117. Махать — № 53b (2), 96c, 151; махнет — № 20; отмахал — № 38, 45a (лихо), 45b (живо); промахнул — № 47. Мясным разговеться — № 145. Надавил — № 13. Накачивает — № 52. Напер — № 33. Напырял — № 1. Насаливать — № 53b. Насильничают — № 103. Наяривать — № 50, 124. Нельзя ли того? — № 65. Нельзя ли этого? — № 66b. Нужду имею — № 2. Обработал — № 45b, 54, 124 (2), 137. Отвалял 44a, 46, 52, 53a, 57a, 59, 61, 62, 66b, 67, 71a, 122a. Отделал — № 1, 30, 44a (2), 44b, 44c (2), 46, 53a, 122a, 124. Отэудил — № 23, 71 (2). Откатать — № 53b. Откачивать — № 117. Осаживать — № 41 (2), 59, 133b. Отработал — № 1, 23, 30, 32, 35 (2), 38, 41, 44a, 44b, 50, 53b, 58, 66b, 66c, 67, 72, 83a, 103, 104, 107, 117 (2), 121, 124. Охоч до девок — № 123a. Пежит — № 5, 46 (3). Перепихнемся — № 83a. Перепробовал — № 150. Переспала — № 96a, 131. Пилить — № 137. Пихает — № 5, 94, 108. Плюнул — № 8. Подавил — № 104. Поддает — № 29. Поддеть — № 13. Подмахнула — № 38, 53b, 60, 71. По-жеребячьи — № 124. Поиграл — № 124. Покачиваться — № 33. По-кобыльи — № 112a. Полезай — № 30, 83a, 103, 112a, 123a, 134b. По-нашему — № 1. Попилить — № 66b. Попирает — № 72. Попихивает — № 124. Поправляя перекос — № 148. Поправлять честь — № 55. Попробовал (целку) — № 96b. Попробуй — № 13. Попробывал — № 1. По-собачьи — № 35 (2), 123a. Посовал — № 94 (2). Посовывать — № 122a (2). Потекло соплей — № 45b (2). Потоки текут — № 8. Поталкивать — № 57, 121. Потрафил кобыле под хвост — № 33a. Потычемся — № 123a. Пошаливают — № 141. Пошмурыгаться — № 108. Пощекочешь — № 94. Прет — № 59. Припер — № 59. Пробавлялись ночь — № 152. Проберу — № 96b. Пробовать целочку — № 103. Пробрал — № 20, 33a, 83a (всласть), 96b. Пробуют — № 15, 38, 65b, 66c, 65b (не пробовал). Провертел — № 136. Провозился ночь — № 113. Продырявлена целка — № 96b. Проломала целку — № 139. Промахнул — № 47. Пялить — № 46, 94. Работа — № 112a. Работает (хуй) — № 53a, 57. Разбирать ее — № 37, 47, 48, 61. Разгорелась — № 53b. Раззадоренная — № 34. Раззадоривать ее — № 37. Разложил — № 66b. Разохотился — № 57. Раком — № 35 (2), 41 (3), 42, 48 (3), 69, 92, 110, 112b, 123a, 129 (2), 133b, 136 (2); раком встану (мужик) — № 11 (3); раком становись (солдат — попу) — № 61; раком — № 22, 27, 96a. Ранена — № 103. Решетит — № 62 (3). С заду — № 69, 112ab, 124. Сажать в ад — № 50, 94. Сандалить — № 65b. Свое — № 35. Сделал — № 53, 83a, 121. Сколбить — № 79, 104. Слазил — № 44, 53a (на кобылу), 57, 83a, 84, 96b, 103, 121 (2), 122a, 134. Сладко — № 116, сласть —

№ 153, сласть почуяла — № 116. Слюбился — № 139. Совать — № 124 (2). Спать — № 112a, 139, 150. Стала на карачки — № 112a. Сунул — № 122a. Тешить — № 117. Тоже — № 83a. Удовольствую — № 12, 122a (2), 122b (5). Умучил — № 107. Употребляет — № 153. Утешил — № 52, 122b (8); разутешил — № 53b. Уячил — № 38. Хватил — № 48, 107. Хочет со мной заняться — № 65. Чесать — № 14, 47 (8). Четвереньки — № 124. Чудесная мазь — № 53. Шаркнул — № 35, 114. Шмурыгнуть — № 108.

Блуд творить — № 60; блудливый — № 6. Блудник — № 83a

Блядь — № 6, 28, 28, 36, 51, 56 (2), 66b, 78, 80, 105a. Блядища — № 45b, 66b (2). Блядую — № 83a, блядовать — № 23, 29. Блядский сын — № 36. Блядун — № 83a. Курва — № 80 (2), 112a, 117. Шельма (плеха) — № 80. Гульливая — № 56.

Скатологическая лексика

Жопа — № 1, 2, 4, 5, 7, 8 (9), 9 (11), 10, 11 (5), 12 (8), 19, 20, 21 (5), 28 (3), 32 (3), 33b (2), 35, 36 (6), 41 (3), 43, 45a, 45b (3), 47 (2), 53a, 57 (2), 62, 64 (6), 71a (2), 71b (2), 72 (4), 77, 79, 80 (8), 83 (6), 84 (3), 85, 89, 91 (2), 92, 93, 96a (10), 96b (2), 96d (3), 102 (4), 105 (3), 107 (2), 110 (3), 112ab (2), 121, 122a, 123a (2), 124 (3), 126 (2), 128, 128 (в жопу уеб попа), 128 (в жопу зудить архирея), 130, 133b, 136, 138 (2), 146, 152, 158. Гузна — № 136. Дыра — № 96c (2), 128. Зад — № 2, 112a, 112b, 124, 133b, 150 (2). Задница — № 91, 110 (2), 124 (2), 138 (7), 150. Серево — № 47. Срака — № 14 (6), 45a, 61, 72, 74, 84, 123a, 124, 133c, 138; срачку — № 17; сращу — № 14. Безжопый — № 138. Засеря — № 96b, 70 (2).

Срать — № 4, 40, 43a (2), 43b, 73 (2), 76, 77, 84 (4); высрался — № 63; высрать — № 80, 96a (-ся), 96a, 117 (-лась); насеру — № 85, 73 (3-имя); насрал — № 20, 21 (2), 80 (5), 82, 83a (2), 84 (4), 96a, 123a, 132, 154; насрал (имя) — № 73 (3); обосрался — № 80 (2), 42; обсерешься — № 96b; обсеруся — № 96a; посрать — № 70 (11); серет — № 84; сери — № 87, 117, 118 (2); серите — № 85; срал 84, 98, 106, 126. Усерешься — № 96b; усерусь — № 87 (2); усрался — № 17, 59, 63, 81, 83b (4), 91, 122b; усраться — № 33. Дристать — № 81, 87; дрищет — № 4. Вали — № 70 (2); навалил — № 44, 96a. Наворотил — № 83b, 96a, 96c, 117. Наклал — № 147. Напакостил — № 83b. Опакостились — № 83b.

Сцать — № 16 (2), 45a (2), 45b (2), 80, 87, 95, 109, 117, 121: засцать — № 115a; насцать — № 115a (3), 123a; посцали — № 83; посцы — № 45a; обосцала — № 47, 48; сцы — № 115a, 118 (2); сьцю — № 14; усцались — № 15, 63, 81; усцусь — № 87 (2), 120. Моча — № 136. Мочиться — № 33. Помочиться — № 100. Пересикнет — № 47. Сикать — № 47 (7), 48 (8). До ветру — № 96a, 96c.

Пердеть — № 8, 14, 33b, 80, 87, 153; перднет — № 3, 64 (3), 66b, 96ab, 96d (3), 111, 117; перднула — № 43, 80, 153; пердеж — № 118; пердишь — № 117; перднув — № 156 (3); пердун — № 43, 59 (2); выперднуть — № 80; запердит — № 2 (2), 91; напердели — № 80; попердывать — № 84; попержу — № 8; попёрду — № 153; упердешься — № 33b, подпустила сытности — № 20.

Бздеть — № 8, 80, 83b; бзднула — № 153 (2); бздех — № 21; бздением — № 47; бздун — № 43; бздунок — № 80 (16); бздюшка — № 153; забздел — № 16; забздела — № 2; забздит — № 91; набздели — № 21 (3), 83b. Вони — № 21. Навоняли — № 21.

Говно — № 10, 17, 20, 70 (5), 76, 77 (3), 79, 80 (3), 82 (2), 83a (3), 84 (5), 96a (11), 96b (4), 96c (2), 123b (2), 132 (2), 147. Говенное рыло — № 136.

Ругательства

Ебена мать — № 10 (2), 17; к ебаной матери — № 33b; ети твою мать — № 138; мать его ети — № 133c; мать его растак — № 83a, мать его так — № 45b, мать твою так — № 66b, 96a, 115a (2), 124, 127; мать твою разъедак — № 40, 66a, 115a, 121, 133a, 141; мать вашу так — № 117; мать ее так — № 13, 65a, 151; мать ее растак — № 38, 72; мать твою — № 53b, 66a. Матом благим — № 115a, 134b, 141.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. А. Костюхин. Ядреный русский юмор 5

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

1. Лиса и заяц 23
2. Воробей и кобыла 25
3. Медведь и баба 26
4. Волк 27
5. Мужик, медведь, лиса и слепень 28
6. Кот и лиса 28
7. Вошь и блоха 29
8. Собака и дятел 29
9. Пизда и жопа 30
10. Мой жопу 31
11. Худо — не худо 31
12. Дурень 32
13. Щучья голова 33
14. Женитьба дурня 36
15. Боязливая невеста 51
16. Горячий кляп 54
17. Семейные разговоры 55
18. Первое знакомство жениха с невестою 57
19. Мужики и барин 58
20. Догадливая хозяйка 61
21. Нет 61
22. Муж на яйцах 63
23. Охотник и леший 65
24. Мужик и черт 66
25. Мужик за бабьей работой 67
26. Жена слепого 70
27. Тетерев 71
28. Архирейской ответ 71

29. Посев хуев ... 72
30. Волшебное кольцо (а — б) ... 77
31. Раззадоренная барыня ... 85
32. По-собачьи ... 86
33. Две жены ... 88
34. Стыдливая барыня ... 89
35. Доброй отец ... 91
36. Сказка о том, как поп родил теленка ... 93
37. Поп и западня ... 95
38. Поп, попадья, поповна и батрак ... 96
39. Поросенок ... 99
40. Духовный отец ... 101
41. Поп и мужик (а — в) ... 102
42. Поп и батрак (а — б) ... 109
43. Поповская семья и батрак ... 117
44. Чесалка ... 119
45. Загони тепла ... 123
46. Похороны кобеля (*или*: козла) (а — б) ... 125
47. Суд о коровах ... 129
48. Жадной поп ... 133
49. Смех и горе ... 135
50. Чудесная мазь (а — д) ... 140
51. Чудесная дудка ... 153
52. Чудесная дудочка ... 155
53. Солдат, мужик и баба ... 158
54. Солдат сам спит, а хуй работает (а — б) ... 159
55. Солдат и хохлушка ... 160
56. Солдат и хохол ... 162
57. Беглой солдат ... 163
58. Солдат и поп ... 164
59. Солдат решетит ... 165
60. Теща и зять-дурень ... 166
61. Болтливая жена ... 166
62. Поп ржет как жеребец (а — б) ... 167
63. Хитрая баба (а — в) ... 174
64. Хитрая жена ... 187
65. Жидовка ... 191
66. Солдат и черт ... 192
67. Никола Дуплянской (а — б) ... 193
68. Два брата жениха ... 196
69. Невеста без головы (а — б) ... 201
70. Бабьи увертки ... 208
71. Странные имена [а — г] ... 212

72. Поп и цыган 220
73. Доброй поп 222
74. Битье об заклад 223
75. Каков я! 225
76. Купеческая жена и приказчик 228
77. Превращение 230
78. Мальчик-бздунок (Сынок-бздунок) 238
79. Не любо — не слушай! (а — б) 243
80. Соколиная матка 246
81. Вор (а — б) 247
82. Шут 259
83. Дурак и попадья 263
84. В чем я? 265
85. Райская дудка 267
86. Мужик и черт 272
87. Поп — толоконный лоб [а — б] 274
88. Поп угодил в солдаты 281
89. Зять и теща 282
90. Солдат и черти 283
91. Монах и игуменья 285
92. Солдатской рассказ 287
93. Солдат на часах 289
94. Несмеяна-царевна (а — г) 290
95. Муж да жена 311
96. Набитой дурак 312
97. Поп-ворожейка 313
98. Жена Химка 320
99. Солдат и барин 322
100. Петух и жорновки 323
101. Рога 325
102. Солдат-скрипач и черт 330
103. Мать убийца 333
104. Соломон Премудрый 336
105. Вороний язык 337
106. Пятьсот рублей за один раз 339
107. Солдат, мужик и баба 342
108. Солдат-скрипач и нечистой 343
109. Черт и баба 345
110. Женина верность (а — б) 348
111. Хуй-соловей 352
112. Сова-ви(е)стуха (а — б) 354
113. Солдат и часы 363
114. Солдат и царевна Неоцененная Красота 366

115. Мудрая старуха 372
116. Три правды 373
117. Гришка — Большой хуй 374
118. Сапожник и купчиха 376
119. Работа хуем (а — б) 381
120. В бане (а — б) 389
121. Батрак-Марфутка 393
122. Пахом 397
123. Бедной жених и богатая невеста 398
124. Фомка-дурак и его жена 399
125. Солдат на попе, принц на архирее 402
126. Генерал и горнист 403
127. Солдат женится на купеческой дочери 404
128. Подземный ход 406
129. Архирей отчитывает 410
130. Поп, попадья, дьякон и работник (а — в) 411
131. Поп у бабы и батрак 427
132. Не говори похабного! 429
133. Двух хватил, а конец все мотается 434
134. Сны 437
135. Три добрые слова 444
136. Генеральская жена и купеческой сын 446
137. Поп с попадьей в бане 450
138. Фу! 451
139. Волшебная табличка 452
140. Служка-Андрюшка 455
141. Иван Лыков 458
142. Поп-пердун 459

[Отрывки]

143. К сказке «Елена Премудрая» 460
144. (Отрывок) 461
145. Окончание некоторых сказок 461
146. «Конец присказки...» 461
147. Народные анекдоты (а — в) 462

[Тексты украинского происхождения]

148. Одежа 464
149. Жвавий шевчик 465
150. Куди дорога? 466
151. Св<ятий> Казимир 466
152. Св<ятий> Михайло 467
153. Новак в кляшторі 468

154. Шляхтич в болоті ... 469
155. Святий Павло ... 470
156. Месіяш ... 472

[Тексты, перечеркнутые в рукописи]

157. [Колдун-любовник] ... 481
158. [Офицерская острота] ... 482

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ (В. И. ДАЛЯ)

Заметка ... 485
Пословицы и поговорки ... 487
Скороговорки ... 509
Приметы ... 510
Загадки и отгадки ... 511

Песни

1. «Транды, транды, трандушки!..» ... 520
2. «Как из-за моря кума...» ... 520
3. «Помер хуй, помер!..» ... 521
4. «Уж как поп на льду...» ... 522
5. «У поповых дочерей...» ... 522
6. «Вкруг я бочки хожу...» ... 522
7. «Семь ебло...»: Свадебная малороссийская песня ... 523
8. «Барыня, барыня!..» ... 523
9. «Бабушка, ку-ку!..» ... 525
10. «Посею я репку...» ... 525
11. «Чики, чики, чикалочки!..» ... 526
12. «Ох, кости болят...» ... 526
13. «Во саду ли, в огороде растет трава мята...» ... 527
14. К барыне («Ах, барыня Василиса...») ... 527
15. Святочная («Как бежала собака хохлатая...») ... 527
16. «Ах, еры, еры, еры!..» ... 527
17. «Как у нас на Дону...» ... 528
18. «Ах ты, сукин сын, комаринской мужик...» ... 528
19. «Две курочки рябых...» ... 528
20. «Жена ли, моя жёнушка...»: Народная приговорка ... 529
21. «Как старуха с стариком...» ... 530
22. «Писано-переписано...» ... 530
23. «Скажу я побаску...» ... 530
24. «Старуха старику...» ... 530
25. «Тпунды, баба...» ... 530

26. «Села баба на дороге...» 531
27. «Елю-елю! Елю-елю!..» 531
28. «По́ мосту, по мосту́...» 532
29. «У ворот девка стояла...» 532
30. «Чоботуха, чоботуха...» 533
31. Святошная (Богатство) 533

[Песни] с рукописи 1802 года

1. «Дай поедем мы с тобой...» 534
2. «Приезжал сюда с заводов молодец...» 536
3. «Люблю тебя, Уляха...» 538
4. «Звала меня синица...» 539

Прибаутки (а—к) 540
Байки (1—2) 543
Заговоры [1—2] 545
Старческой стих 546

ДОПОЛНЕНИЕ

Филобибл. Предисловие из издания: «Русские заветные сказки» 549

ПРИЛОЖЕНИЯ

О. Б. Алексеева. Текстологическая заметка.. 555
Л. В. Бессмертных. О рукописях А. Н. Афанасьева «Народныя русския сказки не для печати (из собрания В. И. Даля)» и «Русския заветныя пословицы и поговорки (В. И. Даля)», а также об издании В. И. Касаткиным в 1867 г. книги «Русския заветныя сказки» 558

КОММЕНТАРИИ

Примечания (Сост. *Е. А. Костюхин*) 663
Словарь диалектных и устаревших слов 722
Эротическая и скатологическая лексика в рукописи А. Н. Афанасьева «Народныя русския сказки не для печати» 725

Афанасьев А. Н.

Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857 — 1862 / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); Изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных; Худож. Д. Шимилис. — М.: Ладомир, 1997. — 736 с.: ил. — (Русская потаенная литература).

ISBN 5-86218-239-X

В очередном томе серии «Русская потаенная литература» впервые за 135 лет полностью публикуется легендарная рукопись А. Н. Афанасьева (1826 — 1871), содержащая помимо обсценных сказок также «похабные» пословицы и поговорки, скороговорки, приметы, загадки с отгадками, песни и прибаутки, записанные В. И. Далем.

Научное издание

Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым 1857 —1862

Редактор
Ю. А. Михайлов

Художественный редактор
Е. В. Гаврилин

Технические редакторы
И. И. Володина, М. А. Страшнова

Корректор
О. Г. Наренкова

ЛР № 063160 от 14.12.93 г.
Сдано в набор 13.01.97. Подписано в печать 21.04.97.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать офсетная.
Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 38,64. Тираж 5500 экз. Зак. 2561.

Научно-издательский центр «Ладомир»
При содействии ТОО «ВРС»
103617, Москва, К-617, кор. 1435.

Отпечатано с оригинал-макета
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва,
Краснопролетарская, 16

ЙДЕШ БРАДЕТНИКА: НАДУДЛЯ МОЯ ВОЛЫКА · РАНЬКА ТОЙ
СЬОЇ НОШЦКІ: ВНАЙ ПІЦА ТРУБЫ АКО КОШКИ: ВОЗЬМІ
ТУЖЬВЛЯКУ. ХВАТ БРА ВПРІСАКУ · А ПОТВОЄ ОХОТЄ:
ЇГРАЮ ЙНЕЮНОТЕ · АНА ПРЕИРАНАЯ МЗЫКА: ЗАЕД
БАОЧІ БЕЛНІКА · ЕЖЕЛІБЫ КНЄ РЫЛЯЄ БЫЛІ: ТОБЪНІТА
РАВЄСЕАЇАН ФЪ СПАСІЇБА СТА ЧТО МЕНА ОВЕСЕЛАЕШ
НАВАЛЫКЄ ПАЧЄ ОРГАНО ЇГРАЄ · МОА ЇГРАСЇА ЛЮ
БЕНАЯ: АПЛЕСА ОЧІ ПОЛЕНАЯ · ПОЖАЛУСТА ЗАЇГРАЙ
БЫЧКА НА МАУ: АПЛЕСА ПОКОРЬ ПОЙ
УТОЛА БРАСВОН СКУКІ ПАЕШ
ПОЖАВЗЯЙ

А.Н. АФАНАСЬЕВ

Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки,

СОБРАННЫЕ И ОБРАБОТАННЫЕ А.Н.АФАНАСЬЕВЫМ

1857—1862